АКАДЕМИЯ НАУК

В. Т. ПАШУТО

ОБРАЗОВАНИЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

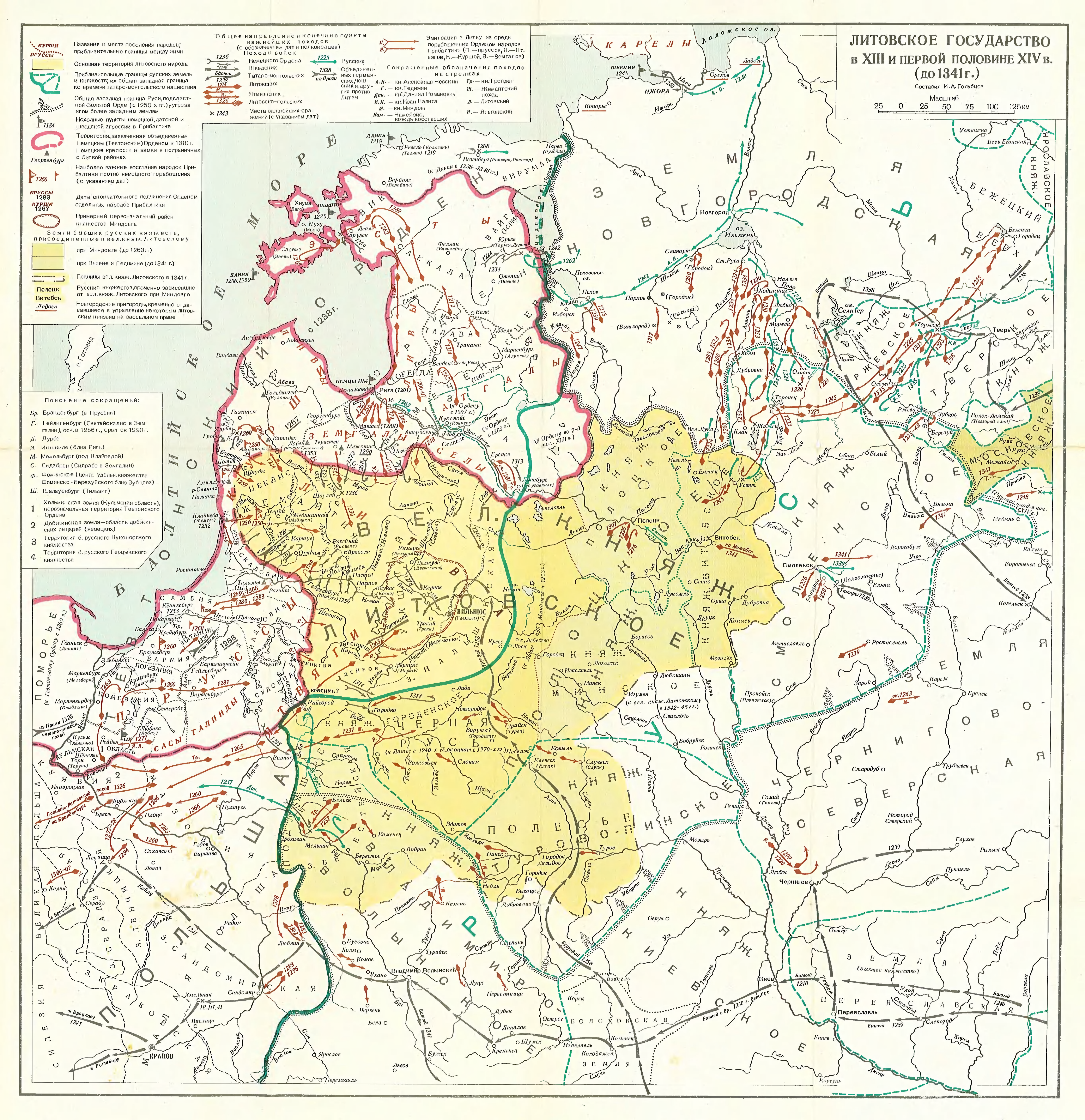
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. Т. ПАШУТО

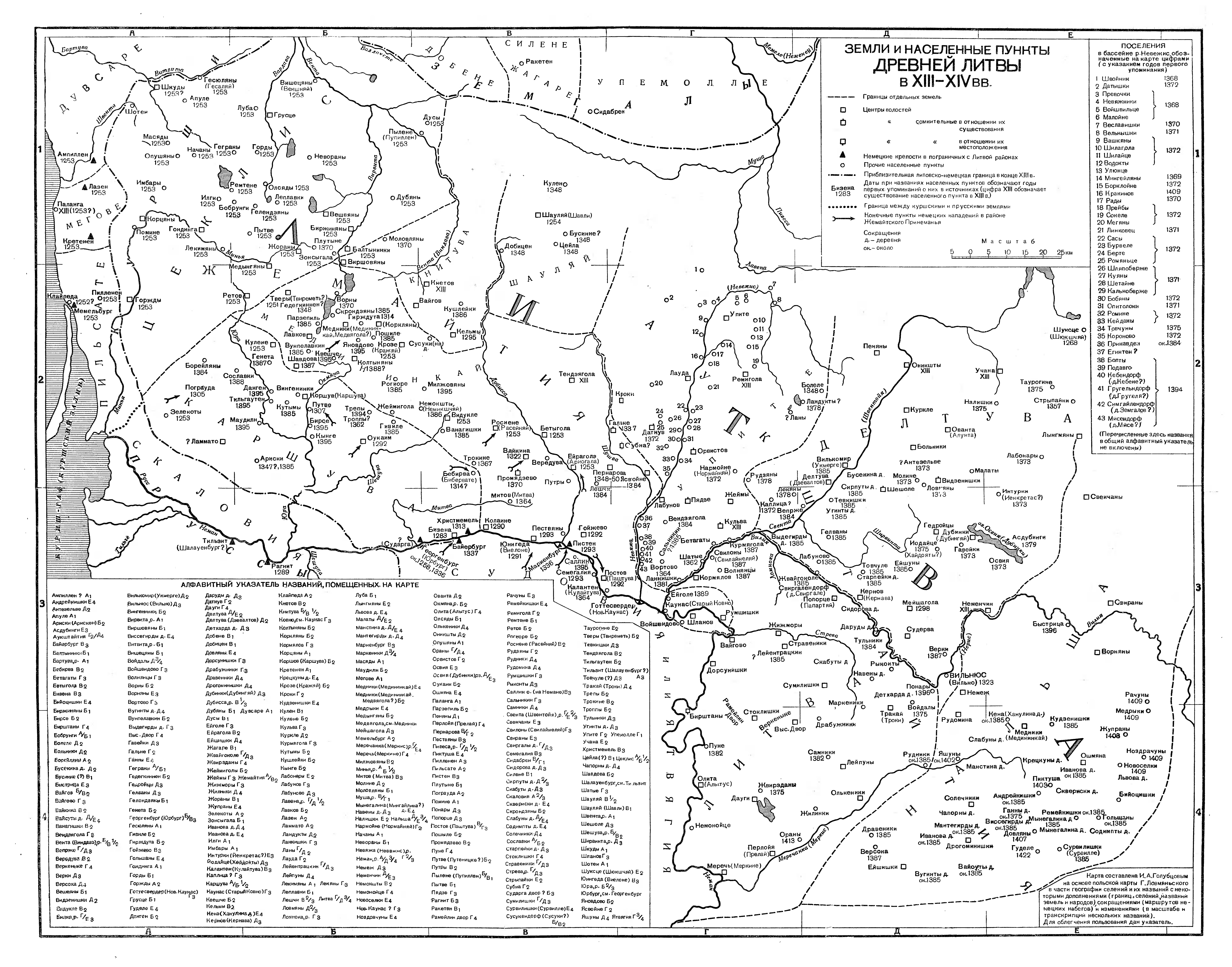
ОБРАЗОВАНИЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва
1959

ЛИТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО
в XIII и ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.
(до 1341 г.)
Составил И. А. Голубцов
Масштаб
25 0 25 50 75 100 125км
КУРШИ ПРУССЫ — Названия и места поселения народов; приблизительные границы между ними
Основная территория литовского народа
Приблизительные границы русских земель и княжеств; их общая западная граница ко времени татаро-монгольского нашествия
Общая западная граница Руси, подвластной Золотой Орде (с 1250 х гг.); угроза игом более западным землям
1184 — Исходные пункты немецкой, датской и шведской агрессии в Прибалтике
Территория, захваченная объединенным Немецким (Тевтонским) Орденом к 1310 г.
Георгенбург — Немецкие крепости и замки в пограничных с Литвой районах
1260 — Наиболее важные восстания народов Прибалтики против немецкого порабощения (с указанием дат)
ПРУССЫ 1283 КУРШИ 1267 — Даты окончательного подчинения Орденом отдельных народов Прибалтики
Примерный первоначальный район княжества Миндовга
Земли бывших русских княжеств, присоединенные к вел. княж. Литовскому
при Миндовге (до 1263 г.)
при Витене и Гедимине (до 1341 г.)
Границы вел. княж. Литовского в 1341 г.
Полоцк Витебск — Русские княжества, временно зависевшие от вел. княж. Литовского при Миндовге
Ладога — Новгородские пригороды, временно отдававшиеся в управление некоторым литовским князьям на вассальном праве
Общее направление и конечные пункты важнейших походов (с обозначением дат и полководцев)
Походы войск
1236 — Немецкого Ордена
1240 — Шведских
Батый 1238 — Татаро-монгольских
1214 — Литовских
М. Я. — Ятвяжских
1326 — Литовско-польских
1225 — Русских
1328 из Праги — Объединенных германских, чешских и других против Литвы
× 1242 — Места важнейших сражений (с указанием дат)
П. Я. — Эмиграция в Литву из среды порабощенных Орденом народов Прибалтики (П.—пруссов, Я.—Ятвягов, К.—Куршей, З.—Земгалов)
Сокращенные обозначения походов на стрелках
А. Н. — кн. Александр Невский
Г. — кн. Гедимин
Дан. — кн. Даниил Романович
И. Н. — кн. Иван Калита
М. — кн. Миндовг
Нам. — Намейзис, вождь восставших
Тр. — кн. Тройден
Ж. — Жемайтский поход
Л. — Литовский
Я. — Ятвяжский
Пояснение сокращений:
Бр. Бранденбург (в Пруссии)
Г. Гейлигенбург (Светайскалнс в Земгалии), осн. в 1286 г., срыт ок 1290 г.
Д. Дурбе
И. Икшкиле (близ Риги)
М. Мемельбург (под Клайпедой)
С. Сидабрен (Сидрабе в Земгалии)
Ф. Фоминское (центр удельн. княжества Фоминско-Березуйского близ Зубцова)
Ш. Шалауенбург (Тильзит)
1 Хельминская земля (Кульмская область), первоначальная территория Тевтонского Ордена
2 Добжинская земля—область добжинских рыцарей (немецких)
3 Территория б. русского Куко208носского княжества
4 Территория б. русского Герцыкского княжества
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
о. Готланд
ЗЕМЛЯ НОВГОРОДСКАЯ
ВЕЛ. КНЯЖ. ЛИТОВСКОЕ
ПОЛОЦКОЕ КНЯЖ.
СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖ.
ТВЕРСКОЕ КНЯЖ.
ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ
ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛЯ
ВОЛЫНСКАЯ ЗЕМЛЯ
БОЛОХОВСКАЯ ЗЕМЛЯ
ЧЕРНАЯ РУСЬ
ПОЛЕСЬЕ
ПОЛЬША
МАЗОВИЯ
ЗЕМГАЛЫ
ЛИВЫ
ЯТВЯГИ
Рига (1201)
Новгород
Псков
Полоцк
Витебск
Смоленск
Вильнюс (Вильно)
Тракай (Троки)
Гродно
Новгородок
Минск
Киев
Чернигов
Переяславль
Владимир-Волынский
Краков
Сандомир
Тверь
Торжок
Можайск

ЗЕМЛИ И НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ
ДРЕВНЕЙ ЛИТВЫ
В XIII–XIV вв.
Границы отдельных земель
Центры волостей
« сомнительные в отношении их существования
« « в отношении их местоположения
Немецкие крепости в пограничных с Литвой районах
Прочие населенные пункты
Приблизительная литовско-немецкая граница в конце XIII в.
Бизена 1283
Даты при названиях населенных пунктов обозначают годы первых упоминаний о них в источниках (цифра XIII обозначает существование населенного пункта в XIII в.)
Граница между куршскими и прусскими землями
Конечные пункты немецких нападений в районе Жемайтского Принеманья
Сокращения
д. – деревня
ок. – около
Масштаб
5 0 5 10 15 20 25 км
ПОСЕЛЕНИЯ
в бассейне р. Невежис обозначенные на карте цифрами (с указанием годов первого упоминания)
1 Швойник 1368
2 Датышки 1372
3 Превочки
4 Невяжники
5 Войшвильце
6 Малойне 1368
7 Веславишки 1370
8 Вельнышки 1371
9 Вашкяны
10 Шилагола
11 Шилайце
12 Водокты 1372
13 Улюнце
14 Мингейляны 1369
15 Борклойне 1372
16 Кракинов 1409
17 Рады 1370
18 Прейбы
19 Сокеле
20 Мегяны 1372
21 Линковец 1371
22 Сасы
23 Бурвеле
24 Берте
25 Ромяныце 1372
26 Шляпоберже
27 Куяны
28 Шетайне
29 Кальноберже 1371
30 Бобяны 1372
31 Опитолоки 1371
32 Ромине
33 Кейданы 1372
34 Тровчуны 1375
35 Короново 1372
36 Принавдев ок.1384
37 Егинтен ?
38 Болты
39 Подавго
40 Кебендорф (д.Кебене?)
41 Гругельндорф (д.Гругеля?)
42 Симгайлендорф (д.Земгалов?)
43 Мисендорф (д.Мисе?) 1394
(Перечисленные здесь названия в общий алфавитный указатель не включены)
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ НА КАРТЕ
Карта составлена И. А. Голубцовым на основе польской карты Г. Ловмяньского в части географии селений и их названий с некоторыми дополнениями (границ, селений, названий земель и народов), сокращениями (маршрутов немецких набегов) и изменениями (в масштабе и транскрипции нескольких названий).
Для облегчения пользования дан указатель.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Л. В. ЧЕРЕПНИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Образование Литовского государства — тема в нашей историографии сравнительно новая. Ее изучение имеет существенное значение для создания обобщающих трудов по истории Литовской ССР; кроме того, оно необходимо для правильной оценки политических условий развития национальных государств России, Польши и народов Прибалтики.

Последнее исследование по этому вопросу в России вышло пятьдесят лет тому назад. Это труд М. К. Любавского «Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно». Состояние науки было тогда таково, что социально-экономический материал по раннему периоду литовской истории еще не мог быть обобщен. «Как ни важно было бы освещение экономической эволюции Литовско-русского государства и истории его духовной культуры,— писал М. К. Любавский,— автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении, ввиду отсутствия серьезных, достаточно широких и глубоких специальных исследований по этой части»[1].

За прошедший с того времени срок положение во многом изменилось, и сейчас имеется возможность подвести некоторые итоги изучению вопроса, наметить пути его дальнейшей разработки.

Книга делится на три части. Первая часть посвящена изучению источников. Мы анализируем литовские известия русских (киевских, галицко-волынских, владимиро-суздальских, новгородских, псковских и московских) и литовских летописей и немецких хроник (Генриха, Рифмованной, Германа Вартберге, Петра Дюсбурга), а также актовый материал.

Рассматривая летописи и акты как памятники феодальной идеологии, политической, классовой борьбы, мы стремимся определить фонд первоисточников для изучения внутренних

[1] М. К. Любавский$_4$. Предисловие.

причин и внешнеполитических условий образования государства в Литве. Читатель легко заметит, что такой подход к проблеме побуждает нас искать в уже известных источниках то, что наших предшественников либо не интересовало вовсе, либо упоминалось ими вскользь, а также ввести в научный оборот некоторые незаслуженно забытые памятники, такие, как Помезанская Правда, Кишпоркский договор, сообщение Вульфстана, жития и т. п.

Особо исследуются нами источники по истории пруссов, народа, этнически наиболее родственного литовцам, имевшего с ними сходное общественное и политическое устройство, но лишь частично вошедшего в состав Литовского государства. Не отождествляя эти два народа, имевшие в дальнейшем различную судьбу, мы широко используем прусский материал для сравнительно-исторического изучения интересующей нас проблемы [2].

Путь к такому изучению генезиса феодализма открывает марксистское положение об исторической закономерности. Б. Д. Греков и А. И. Неусыхин добились выдающихся результатов, синтезируя свои наблюдения, полученные путем сравнительного изучения раннефеодальных источников различных народов Европы — русских, поляков, хорватов, саксов, франков, бургундов и др. Сравнительно-историческое изучение источников, относящихся к литовцам и пруссам, дает возможность более полно представить основные этапы становления феодального общества. Прибегаем мы и к ретроспекции, но лишь тогда, когда поздние источники хранят пережитки старины.

Вторая часть работы имеет целью осветить историографию вопроса — русскую, польскую, литовскую и немецкую; старую, дворянско-буржуазную и новую, советскую и народно-демократическую.

Старая историография не выходила за рамки буржуазной социологии и потому считала Литовское государство результатом деятельности князей и, в зависимости от своих политических симпатий, приписывала решающую роль в их успехах внешнеполитическим причинам: завоеванию Литвой русских, Орденом — прусских и литовских земель и, наконец, литовско-польской унии. Отягощенные бременем дворянского и буржуазного национализма, исследователи не раз превращали литовскую историю в средство сведения политических счетов между правительствами.

[2] Нам кажется, что настало время написать историю прусского народа, истребленного немецкими феодалами. Это прямой долг историков стран, которые ныне унаследовали освобожденную от гнета немецких завоевателей прусскую землю.

Древняя Литва не знает внешнего завоевания и спасительного «призвания» князей, и потому мало-мальски объективное изучение образования Литовского государства неизбежно вступало в противоречие с самой «теорией» призвания, что, конечно, не стимулировало интереса к теме.

Ныне раздаются голоса, что этот вопрос вообще не разрешим. Например, видный западногерманский историк М. Гельманн недавно писал: «Очевидно придется признать, что многое из того, что мы охотно бы хотели узнать, мы не узнаем. Как литовцам удалось подняться до одной из господствующих держав Восточной Европы, мы знаем. Откуда взяли они для этого силу — остается во многом неясным» [3].

Критически оценивая историографию, мы подробно говорим о тех ее выводах, которые стали прочным приобретением науки. Рассмотрение этой, довольно обширной, историографии позволяет яснее выявить те стороны проблемы, которые и методологически и методически не изучались.

Коренной переворот во взгляде на проблему произошел в советской и народно-демократической историографии. Далеко вперед шагнули вспомогательные науки — археология, этнография, археография, источниковедение. Но до сих пор в нашей науке нет исследования, в котором образование Литовского государства рассматривалось бы в целом как имманентный процесс, социально-экономически представлявший собой превращение части свободных земледельцев-общинников в привилегированных земельных собственников-феодалов, а подавляющего их большинства — в зависимых землевладельцев-крестьян.

Мы рассматриваем образование Литовского государства не как историческую случайность, обязанную своим существованием рождению на свет Миндовга, а как закономерный результат перемен в хозяйственном и общественном развитии страны, а также изменений в ее международном положении.

История древних литовцев и пруссов чрезвычайно интересна тем, что становление государства происходило здесь позднее, чем у других народов Восточной Европы и имело ряд примечательных особенностей. В третьей части книги мы старались собрать материал, относящийся к хозяйству и технике Литвы, развитию ее общественных отношений, появлению ранних форм классовой борьбы, эволюции ее политического строя, наконец, политической истории вообще.

Начало процесса теряется в археологическом материале I тыс. н. э. Источники позволяют заключить, что в начале II тыс. Литва на основе относительно высокого уровня хозяйства пере-

---

[3] М. Hellmann$_4$, S. 165; см. В. Т. Пашуто$_6$, стр. 40—58.

живала генезис феодальных производственных отношений. Патриархально-общинный строй в процессе своего разложения порождал наследственные жребии, сельскую общину и аллод. В Литве в силу конкретных исторических условий — уровня производства, а также географического положения, избавившего страну на длительный срок от внешних завоеваний,— аллод получил сравнительно полное развитие. Он стал основой быстрого становления феодальной собственности и ее носителя — многочисленного, но мелкого нобилитета, в первую очередь, в ядре государства, в Аукштайтии. Более полным развитием аллода объясняется длительное существование значительной группы лично свободного крестьянства, относительная слабость крупного боярского землевладения и преобладание натуральной ренты (дякла).

Переворот в общественном строе сопровождался борьбой за утверждение монархии. Эта борьба продолжалась около полутора столетий (XIII — середина XIV в.). За это время в Литве конфедерация земель сменилась их союзом, а затем — относительно единой монархией. Раннефеодальная монархия имела опору в больших фондах земель, населенных лично свободным крестьянством, и в многочисленном служилом люде.

Другая историческая особенность образования Литовского государства заключается в следующем: за короткий срок Литва оказалась в окружении феодально развитых стран — Руси, Польши, немецкого Ордена и, наконец, Золотой Орды. Это делало объединение литовских земель в единое государство условием дальнейшего существования литовского народа. Гибель пруссов, потеря свободы латышами и эстонцами не оставляли в этом сомнений.

Ядро государства —«Литва Миндовга» стала центром объединения земель Аукштайтии, Жемайтии, части Ятвягии и Земгалии. Это объединение происходило в условиях неоднократных феодальных войн, осложненных вмешательством правительств Руси, Ордена, Польши, папской курии. Исход борьбы решил литовский народ, его пешие ополчения, действовавшие под руководством князя и дружины.

Внешние условия ускоряли процесс создания государства и повлияли на его форму. При образовании государства Аукштайтия не имела достаточных экономических и политических сил для прочного подчинения Жемайтии и Белоруссии, поэтому в основу объединения был положен принцип «ряда». Пришедшие в Аукштайтии к власти феодалы, с одной стороны, пошли на сговор с феодалами значительно более развитой Белоруссии, напуганными Ордой и Орденом; поделившись рентой с литовским господствующим классом, белорусские феодалы вошли в его состав; с другой стороны, нобилитет менее развитой Же-

майтии, теснимый Орденом, также пошел на соглашение с аукштайтской знатью и ее князьями. Таким образом, новое государство отнюдь не было слиянием двух бессословных народов, как утверждала дворянско-буржуазная наука.

Если в России дело шло к возникновению централизованного государства, основанного на все более решительном перераспределении боярской собственности в пользу широкого слоя служилых феодалов, то в Литве мы видим другое: синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с развитыми институтами феодально-раздробленного строя подчиненной ей Белоруссии. Поэтому в Литве к середине XIV в. наблюдается постепенное развитие феодальной раздробленности.

Отмеченный выше синтез содействовал ускоренному становлению нового общественного строя. Литва получила в белорусских землях значительные экономические ресурсы, что помогло ей противостоять блокаде, организованной некоторыми странами во главе с курией; она нашла здесь недостающие элементы правового и политического устройства; вооруженные силы Белоруссии не раз использовались литовским правительством для борьбы против Ордена. Следовательно, белорусский народ, на который пало дополнительное бремя господства литовских феодалов, сделал крупный вклад в историю Литвы. Включение земель Белоруссии в состав Литвы положило начало превращению небольшого Литовского государства в Литовское великое княжество.

Наконец, еще одной особенностью истории Литвы была ее вековая борьба с агрессией немецкого Ордена, поддержанного правительствами Германии, Швеции, Дании, Чехии, Польши и, особенно, папской курией. Эта борьба шла непрерывно в Понеманье и Подвинье, сопровождаясь тяжелым разорением Жемайтии, неоднократными вторжениями крестоносцев в земли Белоруссии и Аукштайтии.

Агрессия против литовского, как и вообще славянских и прибалтийских народов Восточной Европы представляла собой лишь одно из направлений крестоносного движения, возглавляемого папской курией и наиболее реакционными правительствами Западной Европы; другим направлением было наступление на арабские земли Ближнего Востока. Как свидетельствуют факты, славянские и прибалтийские народы и народы арабские объективно имели общего врага в этой борьбе.

Освободительную борьбу литовского народа возглавлял молодой класс феодалов — организатор Литовского государства. При всей непоследовательности руководивших им князей и бояр литовский народ одержал, в конце концов, победу. Он внес тем самым свою лепту не только в освободительную борьбу

народов Восточной Европы с агрессией немецких феодалов, но и в международное национально-освободительное движение средних веков. Описанием этой борьбы и заканчивается третья часть монографии.

Далее следует библиография, в которую включены все основные работы, относящиеся к теме исследования. Сделано это потому, что состояние литовской библиографии нельзя признать удовлетворительным, и такой подбор ее может быть полезен исследователям. Принятая в данной книге система ссылок делает библиографию составной частью текста [4].

В приложениях помещены генеалогическая таблица, облегчающая ориентацию в материале, а также текст Кишпоркского договора и его перевод на русский язык, выполненный проф. С. П. Кондратьевым, недавно обнаружённый М. А. Ючасом список Помезанской Правды старшей редакции, и, наконец, одно из посланий Гедимина [5].

Отнюдь не надеясь, что все сложные проблемы, относящиеся к избранной теме, удалось полностью решить в этой книге, будем удовлетворены, если сумели их правильно поставить. Дальнейшие успехи нашей науки, вероятно, приведут к пересмотру многих предложенных здесь аргументов и выводов. Чем скорее это произойдет, тем лучше.

Работа над этой темой была начата десять лет тому назад под руководством Б. Д. Грекова и В. И. Пичета. Она велась в секторе истории СССР эпохи феодализма, сотрудникам которого приношу глубокую благодарность за товарищескую критику и дружеское внимание. Существенную помощь оказал мне и коллектив литовских историков, возглавляемый Ю. И. Жюгждой и, особенно, М. А. Ючас, которому я обязан многими сведениями по вопросам историографии, терминологии, транскрипции и т. п. Работу над книгой облегчила мне и неизменная помощь И. У. Будовница. Считаю также своим непременным долгом поблагодарить работников научного кабинета Института истории и, в частности, Е. А. Юрченко и О. М. Алферову, за многолетнее содействие в разыскании нужных для работы изданий.

---

[4] См. стр. 428.

[5] Текст послания взят из сборника документов —«Грамоты и договоры древней Литвы», подготовленного к печати И. В. Шталь.

Часть первая

ИСТОЧНИКИ

1. РУССКИЕ И ЛИТОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ

Среди источников, относящихся к теме исследования [1], русским летописям по праву принадлежит особенно важное место. Ценные сведения по истории Литвы нашли отражение в киевском летописании как времени единства Древнерусского государства, так и периода феодальной раздробленности, вплоть до падения Киева под ударами татаро-монгольских полчищ.

Эти сведения более обширны в летописании других центров самостоятельных русских земель, чьи правители вступали в сношения с сильным языческим соседом,— в летописании галицко-волынском, владимиро-суздальском, новгородском и псковском. Отсутствие полоцко-минских летописей — тяжелая потеря для литванистики, так как по уцелевшим известиям других летописных сводов можно судить, насколько тесными были отношения Полоцко-Минской земли с Литвой.

Степень полноты и достоверности литовских известий в различных русских летописях, понятно, неодинакова и зависит от многих обстоятельств, из которых достаточно назвать два-три: во-первых, от характера самих летописей, прежде всего от того, чьи интересы они выражали — княжеские, епископские, боярские и т. д.; во-вторых, от степени заинтересованности правительства того центра, где сложилась летопись, в литовских делах; наконец, от того, в чьей редакции дошла до нас та или иная летопись, ибо на разных этапах русской истории

[1] Рассмотрение источников в данной работе подчинено главной задаче — освещению проблемы образования Литовского государства. Это сделало целесообразным обособленный анализ русских (и примыкающих к ним литовских) летописей и немецких хроник (основные литовские известия польских хроник уже изучены С. Заянчковским) в видах последующего их сопоставления и комплексного использования при рассмотрении проблемы; по той же причине оказалось желательным обособленное рассмотрение актового прусского материала (к которому примыкает часть сведений житийного и иного характера) и литовского.

литовская проблема приобретала различное значение как фактор истории и всей Руси, и отдельных ее земель.

Общим для домосковского летописания был взгляд на Литву как на страну языческую, «поганую», самим богом определенную стать сферой властвования русских князей. Правда, усиление феодальной раздробленности на Руси и укрепление Литвы постепенно приводило русских политиков и идеологов к мысли, что и языческая Литва может рассматриваться как союзник в крупных международных делах и в мелких внутренних княжеских усобицах.

Мы рассмотрим литовские известия русских летописей в следующем порядке: вначале сведения Повести временных лет, затем — киевского летописания периода феодальной раздробленности (до 1238 г.), далее — летописных сводов Галицко-Волынской, Владимиро-Суздальской, Новгородско-Псковской земель, и, наконец, Русского централизованного государства и Литовского великого княжества.

Для раннефеодального периода русской истории главным источником является Повесть временных лет. Знание политической карты Европы естественно для придворного летописца киевского правительства, с его военно-дипломатической и церковно-колонизационной деятельностью. Составитель Повести обнаружил хорошее знакомство с Прибалтикой и населявшими ее народами. Он отнес Литву к «пределу» Афетову, где, согласно Повести, «седять русь, чудь и вси языци», среди коих: «литва, зимегола, корсь, летьгола, любь. Ляхове же и пруси — чюдь приседять к морю Варяжьскому» [2]. Летописец различает пруссов-эстиев и Литву; примечательно, что он упоминает четыре латышских племени (земгалы курши, латгалы, ливы); знает чудь-эстов, чудь-заволочскую и чудь-эстиев, т. е. пруссов, а Литву берет в целом. Видимо, в это время (начало XII в.) уже имелись какие-то основания для такого словоупотребления, ибо, вообще говоря, летописец знал составные части Литвы и, перечисляя «инии языци», которые «суть свой язык имуще» и «иже дань дають Руси», называет как Литву, так и Нерому [3]. Нерома — это Жемайтия. Такое толкование следует из летописца Переяславля-Суздальского, где читаем: «Нерома, сиречь Жемоить» [4].

Согласно другим сведениям Повести, даннические отношения возникли давно. Уже среди «общих послов» Руси времен

---

[2] ПВЛ, ч. II, стр. 10.

[3] Там же, стр. 13 (в Лавр.: Норово — ПВЛ, ч. II, стр. 183; в московском своде 1485 г., основанном на своде ростовском, читаем: Нероме — ПСРЛ, т. XXIII, стр. 2).

[4] Летописец Переяславля-Суздальского, стр. 2.

Игоря в Византию фигурировал «Ятвяг Гунарев» [5], т. е. по смыслу документа 944 г. ятвяг был представителем Гунара [6], возможно, имевшего свой лен где-то на западной границе страны.

Известия Повести о русско-литовских отношениях того времени сводятся к перечню походов войск русских великих князей на Литву, Ятвягию (Судовию) и Голядь (Галиндию). Таков поход Владимира I, о котором под 983 г. читаем: «Иде Володимер на ятвягы и победи ятвягы и взя землю их» [7].

Через полстолетие, в 1038 г., был организован новый поход на ятвягов: «Ярослав иде на ятвягы» [8]. Удалось ли Ярославу восстановить свою власть на этой территории — не знаем, но скорее всего, что нет, ибо свод 1479 г., черпавший известия из какого-то киевского источника, более подробного, чем свод Ипатьевской летописи и сходных [9], сообщает об этом походе так: «Ходи князь великий Ярослав на Ятвяги и не може их взяти» [10].

В практике того времени повторение походов на подданные народы — вещь обычная, а ятвяги никогда не были прочным приобретением Древнерусского государства, так как они жили на отдаленном пограничье, притом в соседстве Литвы и Польши.

Под 1040 г. находим известие о походе войск Ярослава уже на Литву: «Ярослав иде на Литву» [11], кроме того, в Новгородской первой летописи младшего извода, где нет известия о походе 1040 г., читается под 1044 г. следующее: «Ходи Ярослав на Литву» [12].

Земли пруссов также попали в сферу политической активности киевских князей. Тому свидетельство — поход 1058 г. Изяслава Ярославича (после «уставления» Смоленска) в Галиндию: «Победи Изяслав голяди» [13].

Последнее известие Повести касательно Литвы посвящено походу (1112 г.) волынского князя Ярослава Святополковича; он «ходи на ятвезе» и «победи я» [14]. Кроме того, в Лаврентьевской летописи под 1113 г. отмечено: «Ходи Ярослав, сын Светополчь

---

[5] ПВЛ, ч. I, стр. 34.

[6] См. ПРП, в. I, стр. 30; ср. A. Kamiński₂, str. 166.

[7] ПВЛ, ч. I, стр. 34.

[8] Там же, стр. 103.

[9] М. Д. Приселков₃, стр. 12.

[10] ПСРЛ, т. XXV, стр. 376; впрочем, то же ПСРЛ, т. V, в. I, стр. 127.

[11] ПВЛ, ч. I, стр. 103.

[12] НПЛ, стр. 181. Упомянутый далее Новгород—не Новогородок, ср. там же, стр. 204 (под 1116 г.); ср. Regesta Lithuaniae, t. I, ed. H. Paszkiewicz, p. 5.

[13] ПВЛ, ч. I, стр. 109.

[14] Там же, стр. 195.

на Ятвягы второе и победи я»[15]. Это уже канун торжества феодальной раздробленности.

Таков состав литовских известий Повести. Известия коротки и скупы, но за ними стоят определенные действия древнерусской государственной власти, направленные на создание феодально-колониальных владений в Литве и земле пруссов. Такой вывод можно сделать, рассматривая эти известия в ряду однотипных сообщений, характеризующих наступательную политику киевского правительства в землях эстонцев, латышей, карел, води и др. Эта политика определялась феодальным общественным строем Руси.

Итак, Повесть временных лет сохранила нам упоминания о некоторых литовских и прусских землях и о политике русского правительства в отношении их. Литва выступает на этом этапе как объект феодально-колониальной политики Древнерусского государства, которое стремится укрепить границы с Польшей, обеспечить свое господство в Восточной Прибалтике, сохранить и упрочить торговые пути в другие европейские страны.

Переходим к литовским известиям киевского летописания периода феодальной раздробленности.

Историки летописания полагают, что в Ипатьевской летописи и сходных с нею списках киевское летописание после Повести временных лет отражено лишь до 1200 г. (до описания строительства стены вокруг Выдубецкого монастыря) и что этим годом завершается пока еще недостаточно изученный свод великого князя Рюрика Ростиславича[16]. В составе этого свода М. Д. Приселков выделял следующие источники: хронику смоленских Ростиславичей, Черниговскую летопись князя Игоря, летопись Переяславля-Суздальского; к этому исследователь добавил позднее серию заимствований из Галицко-волынской летописи, которая открывалась повестью попа Василия (вставленной в Повесть временных лет) и в отрывках помещена под годами 1141, 1144, 1145, 1164, 1187, 1188, 1189, 1190, 1197[17].

Мне представляется, что нет оснований продолжать держаться точки зрения А. А. Шахматова, видевшего в Ипатьевской (да и в Лаврентьевской) летописи сборник, состоящий из трех частей[18]. М. Д. Приселков несколько нарушил это членение, выделив отрывки Галицко-волынской летописи в составе киев-

---

[15] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 290.

[16] М. Д. Приселков$_2$, стр. 53; ср. Д. С. Лихачев$_1$, стр. 181; ср. Е. Ю. Перфецкий$_1$, стр. 85, 88.

[17] М. Д. Приселков$_3$, стр. 13.

[18] См. об этом в нашей статье.— ВИ, 1952, № 2, стр. 64.

ского летописания XI—XII вв., но и он остановился перед стеной Выдубецкого монастыря.

Основываясь на наших предыдущих работах, мы исходим из того, во-первых, что киевское летописание не оборвалось в 1200 г., а продолжалось до 1238 г. и, во-вторых, что и Повесть временных лет и киевское летописание XII—XIII вв. представляют собой составную часть галицко-волынского свода князя Даниила и его последующих редакций в Холме и Владимире-Волынском.

Для скромной задачи изучения скупых киевских известий о Литве за 1118—1238 гг. нам достаточно знать лишь, к какому из компонентов Киевской летописи их отнести, и постараться понять, почему этих известий так мало. Ниже, при рассмотрении галицко-волынского летописания XIII в., мы увидим, как тогдашние составители сводов не раз опускали целые серии литовских известий, поэтому нет оснований надеяться, что они, пополняя Киевскую летопись галицко-волынскими известиями, старались сберечь в ней известия литовские, связанные с деятельностью смоленских Ростиславичей, черниговских Ольговичей, полоцких Рогволодовичей, о которых и сама Киевская летопись сообщала очень немногое. Единственное, что галицко-волынские редакторы могли в этой связи отразить,— это упадок Киева и полную несостоятельность его дальнейших претензий на Литву и Ятвягию, которые, по мысли этих редакторов, переходят со времени Романа Мстиславича в ведение Галича и Владимира-Волынского.

Судя по начальным записям Киевской летописи, местные великие князья еще пытались продолжать прежнюю политику. Под 1132 г. читаем о большом походе Мстислава Владимировича: «Ходи Мьстислав на Литву с сынъми своими и с Олговичи и с Всеволодом Городеньским и пожгоша я, а сами ся расхорониша, а киян тогда много побиша Литва: не втягли бо бяху с князем, но последи идяху по нем особе»[19]. Это запись придворного киевского книжника, который даже ответственность за поражение большого войска снял с главного военачальника. Смысл похода прежний — ограбление литовской земли; русские войска ее «пожгоша»; во владимиро-суздальском летописании сохранена деталь, что князь «взем полон мног»[20]. Этот поход стоит в ряду других действий великого князя: походов на Полоцк (1130 г.), на эстов (1131 г.) и т. д.[21] Гродно в ту

---

[19] ПСРЛ, т. II, стб. 294.

[20] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 301; в своде 1479 г.: «ходи на Литву и поплени их» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 32).

[21] О возможной связи между походами на Литву и на Полоцк см. Л. В. Алексеев 2, стр. 500—502.

пору было еще подвластно Киеву, а Туров и Пинск придавались «к Меньску» [22].

К хронике Ростиславичей восходит известие 1147 г., когда союзник Юрия Долгорукого Святослав Ольгович, выйдя из Лобыньска в устье Поротвы, повоевал Смоленскую волость «и взя люди Голядь (въ — по спискам ХП) верх Поротве и тако ополонишася дружина Святославля» [23]. Галинды на Поротве — либо посаженные здесь пленные похода 1058 г., либо приведенные из крестового похода 1147 г. (см. часть III книги).

Вследствие вмешательства великих князей Киева (в ту пору — представителей смоленской династии) в полоцкие дела в Киевскую летопись проникло несколько известий из истории Полоцко-Минской Руси и, в частности, тех, где речь идет о Литве. Так, под 1159 г. читаем, как можно думать, смоленско-киевскую редакцию отрывка из Полоцкой летописи [24]. Союзник смоленского Ростислава Мстиславича князь Рогволод Борисович с помощью князей Киева и Чернигова занял Полоцк и Друцк и подошел к Минску, где и заключил мир с местным князем Ростиславом Глебовичем. Однако при заключении мира и целовании креста отсутствовал один из полоцко-минских князей Володарь Глебович: он «не целова креста тем, оже ходяше под Литвою в лесех (ХП — лясех)» [25].

Судьба Рогволода интересовала Киев, а потому под 1162 г. сообщается, что Рогволод двинулся с полочанами к Городцу (Х — «к город») на Володаря, но тот «не да ему полку в ден, но в ноче выступи на нь из города с Литьвою и много зла створися в ту ночь: одных избиша, а другыя руками изоимаша, множество паче изъбьеных». Рогволод даже не осмелился возвратиться в Полоцк («занеже много погибе полочан»), а сел в Друцке. Полочане же пригласили княжить Всеслава Васильковича [26], быть может, брата того Изяслава, которого за его войны с Литвой упомянуло «Слово о полку Игореве».

Последний интересующий нас отрывок Полоцкой летописи помещен под 1180 г. Здесь сообщается о походе киевских и черниговских князей вместе с новгородцами против смоленского князя Давыда, занявшего было Друцк. Союзниками Киева

[22] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 302.

[23] ПСРЛ, т. II, стб. 339. Ср. Никоновскую летопись, т. IX, стр. 172: «взя град Голеди».

[24] См. интересное исследование полоцкого источника местного летописания в работе Л. В. Алексеева$_2$, стр. 513—523.

[25] ПСРЛ, т. II, стб. 496. Сохранилось предание о походе на Литву князя Мстислава Ростиславича (смоленского?), который «коли был жив, ходил воевати Литвы и полонил у короля матерь, а король был мал» (Румянцевский сборник, 459, лл. 521 (об.) — 522. Сообщил А. А. Зимин).

[26] ПСРЛ, т. II, стб. 519, ср. запись под 1167 г. Там же, стб. 527.

были полоцкие князья: «и придоша полотьскии князи в сретение... Василковича Брячьслав из Витебьска, брат его Всеслав с полочаны, с ними же бяхуть и Либь и Литва, Всеслав Микуличь из Логожска, Андрей Володьшичь и сыновец его Изяслав, и Василько Брячиславич»[27]. Дата события, полный перечень князей — все свидетельствует о какой-то своевременной полоцкой записи. Но текст этот в киевском летописании был сперва обработан в духе свода Святослава и пополнен не идущими к делу упоминаниями о нем («помогающе Святославу», «противу Святославу», «до Святослава», «без Святослава»), а затем, попав в руки летописца князя Рюрика Ростиславича, обогащен бессодержательной припиской и об этом князе. Мне представляется очень вероятным предположение Л. В. Алексеева о Полоцкой летописи как одном из источников киевского летописания[28]. Полоцким отрывкам присуще и некоторое сходство стиля, например, в них находим примечательное выражение — «не да ему полку», в смысле уклонился от битвы («хотяшет... полк дати», «не смеяста дати полку»)[29].

Получили в Киевской летописи отражение и попытки князей продолжить активную политику в Литве. Летописные тексты по этому вопросу весьма типичны. Они относятся к последним годам княжения Святослава Всеволодовича и говорят о деятельности его будущего преемника Рюрика Ростиславича. Имеются три известия. Одно восходит к семейной хронике самих Ростиславичей, в которую старались внести о них как можно больше сведений, а потому в ней под 1190 г. читаем, что Рюрик «бяше пошел на Литву и бысть в Пинески у тещи своея и у шюрьи своея, тогда бо бяше свадьба Ярополча». Загуляв на свадьбе, князь упустил время: «и бысть тепло и стече снег и нелзе бо им доити земли их (литовцев.— *В. П.*) и възратишася въ свояси»[30].

Однако литовские дела, видимо, продолжали занимать умы князей и в 1193 г. князь Рюрик вновь вознамерился двинуться на Литву, но здесь ясно сказалась слабость Руси: угроза со стороны половцев тоже требовала сил, которых уже не хватало, подвластные народы явно выходили из повиновения.

Интересна запись, сохраненная сводом Рюрика, о его переговорах с великим князем Святославом. Святослав заметил, что о походах в этом году и думать нечего: «ныне, брате, пути не мочно учинити, зане в земле нашей жито не родилося ныне, абы ныне земля своя устеречи». Но Рюрик собирался идти на

---

[27] ПСРЛ, т. II, стб. 620.

[28] Л. В. Алексеев$_1$, стр. 12—13; ср. Л. В. Алексеев$_2$, стр. 513—523. Надо пожелать скорейшего опубликования этого труда.

[29] ПСРЛ, т. II, стб. 519, 527, 620.

[30] Там же, стб. 672.

Литву и потому сказал: «брате и свату, аже ти пути нету, аз ти ся поведаю; есть ми путь на Литву, а сее зимы хочю подеяти орудей своих». Святослав не согласился с ним и ответил с «нелюбием»: «брате и свату, ажь ты идешь изо отчины своея на свое орудье, а яз паки иду за Днепр своих деля орудей, а в Руской земле кто ны ся останеть?» И «теми речьми», заключает летописец,—он «измяте путь Рюрикови» [31]. Так сказано в своде Рюрика.

В летописи Святослава сохранилось известие, что Рюрик все же двинулся на Литву, но Святослав вернул его, указывая на половецкую опасность: «се сын твой заял половци..., зачал рать, а ты хочешь ити инамо, а свою землю оставив, а ныне поиди в Русь, стерези же своея земля. Рюрик же, оставя путь свой, иде в Русь со всими своими полки» [32].

Более поздняя часть Киевской летописи отражена, как мы полагаем, в новгородском, галицко-волынском летописании и хронике Яна Длугоша [33]. Ян Длугош (1415—1480 гг.) — выдающийся польский хронист; уже с седой головой взялся он, по его собственным словам, за изучение русского языка, чтобы, использовав русские летописи, обстоятельнее осветить польскую историю («Unde et ob eam rem, cano iam capite, ad perdiscendum literas Ruthenas me ipsum appuleram, quatenus Historiae nostrae series crassior redderetur») [34].

В определении русского источника хроники Яна Длугоша мы расходимся с мнением, высказанным в свое время Е. Ю. Перфецким. Е. Ю. Перфецкий — один из видных последователей А. А. Шахматова, значительно продвинул исследование источников юго-западного летописания; его творчество заслуживает специальной историографической статьи. Этот автор проанализировал русские известия труда Яна Длугоша и пришел к выводу, что его первый русский источник представляет собою епископский перемышльский свод 1225 г.[35], хранящий серию местных известий, отсутствующих в других русских летописях.

Не отрицая вполне возможного существования самостоятельного перемышльского летописания, я полагаю, что отрывки его вошли в состав Киевской летописи 1238 г., которой Длугош пользовался в редакции, полнее отражавшей перемышльскую историю, чем редакция волынского свода, сохраненного Ипатьевской летописью. Не вижу веских оснований утверж-

---

[31] ПСРЛ, т. II, стб. 676.

[32] Там же, стб. 678.

[33] В. Т. Пашуто$_2$, стр. 27—28 и др.

[34] Johannis Dlugossii Historiae Polonicae, ed. A. Przedziecki, t. I, Praefatio, p. XI.

[35] Е. Перфецький$_3$, стр. 21, 25; общий обзор и критику трудов Е. Ю. Перфецкого см. M. Korduba$_1$, str. 177—182.

дать, что первый русский источник Длугоша оканчивался 1218 г., как не считаю возможным возводить русские известия Длугоша за 1218—1288 гг. к разновидности южнорусской летописи[36]. Длугош пользовался Киевской летописью 1238 г., а его известия, относящиеся ко времени татаро-монгольского нашествия, вполне удовлетворительно могут быть объяснены не летописью, а сведениями польских хроник и документами княжеских и епископских архивов.

В последней части Киевской летописи находятся некоторые литовские известия. Это, во-первых, сведение о походе 1203 (1204) года черниговских князей на Литву[37], о котором и киевский источник Новгородской летописи сообщает: «Победиша Олговици Литву и избиша их 7 сот да 1000»[38]. В своде 1479 г., привлекавшем Киевскую летопись, уцелело еще одно известие под 1220 г. о борьбе Черниговщины с литовской угрозой: зимой «приходиша Литва и воеваша волость Черниговъскую; Мстислав же Святославич гони по них из Чернигова, и постиг их, изби всех, а полон отъят»[39]. Участие Чернигова в литовских делах вполне понятно, ибо из случайной обмолвки волынского летописца мы знаем, что литовские рати опустошали Черниговщину (см. ниже, стр. 32).

Находим сведения и о выступлениях против Литвы смоленских князей. Это сообщение о походе на Литву Владимира Рюриковича вместе со смоленскими князьями Романом Борисовичем (братом Всеволода Борисовича псковского?) и сыновьями Давыда смоленского Константином, Мстиславом и Ростиславом[40].

Далее видим известие 1225 г. о гибели князя Давыда торопецкого (брата Мстислава Удалого) в походе на Литву под рукой суздальского князя Ярослава Всеволодовича[41].

И, наконец, отсутствующее в наших летописях известие о разгроме князем Мстиславом Давыдовичем со смолнянами литовцев, грабивших окрестности Полоцка: «Dux Mscislaus Davidovicz cum Smolnensium militia celeri cursu in Poloczko adveniens, Lithuanos incautos offendens, absque numero sternit et occidit»[42].

---

36 E. Perfeckij₁, str. 17.

37 J. Dlugossii, op. cit., t. II, lib. VI, p. 177 (под 1205 г.).

38 НПЛ, стр. 246 (под 1204 г.); ПСРЛ, т. XXV, стр. 101 (под 1203 г.). ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 421 (под 1205 г.).

39 ПСРЛ, т. XXV, стр. 117—118. Этот факт противоречит заключению М. Д. Приселкова о том, что последнее известие Киевской летописи в своде 1479 г. читается под 1196 г. (М. Д. Приселков₂, стр. 182).

40 J. Dlugossii, op. cit., p. 181 (под 1207 г.).

41 Ibid., p. 202 (под 1216 г.); ср. НПЛ, стр. 64, 269; ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 447—448 (под 1225 г.).

42 J. Dlugossii, op. cit., p. 202 (под 1216 г.).

Таковы литовские известия Киевской летописи. Было их, вероятно, больше, но ни галицко-волынские, ни новгородские летописцы, ни польский хронист не преследовали цели сохранить для потомства полностью летопись киевских князей.

В целом киевское летописание (включая отредактированные в нем отрывки смоленских, полоцких и черниговских источников) позволяет сделать несколько наблюдений о значении Литвы в истории Руси XII — начала XIII в.

По сравнению с IX—XI вв. положение явно изменилось.

Последний крупный поход, организованный из Киева (1132 г.), закончился поражением. С политическим упадком Киевского княжества видим безуспешные попытки его правителей удержать под своей властью соседние народы, в частности, Литву. Вмешательство киевских князей в политическую жизнь Полоцко-Минской Руси содействует разжиганию феодальных усобиц, в которые вовлечены Полоцк, Витебск, Минск, Друцк, Гродно и другие города. В этих усобицах войска Литвы выступают в качестве внушительной силы, союзной некоторым полоцким князьям. К концу изучаемого этапа летописи рисуют Литву ведущей активную наступательную политику на Руси, обрушивающей набеги своих дружин на Полоцкую, Черниговскую и Смоленскую земли.

Угрозу наступления Литвы, «беду» от «воевания» литовского и ятвяжского — вот что встречаем мы в галицко-волынском летописании, пришедшем на смену киевскому.

Галицко-волынское летописание — важный источник по истории Литвы, поэтому определенное понимание его основного идейного смысла для избранной темы — вопрос далеко не праздный.

Надеюсь, читатель разрешит небольшое отступление полемического характера, к которому меня обязывает долг в отношении рецензентов, за их внимание к моему труду.

Из известных мне рецензий на мою книгу по истории Галицко-Волынской Руси — В. Д. Королюка [43], А. А. Зимина [44], Я. Башкевича [45], Б. Влодарского [46] и Р. Каменика [47] — вопросы летописного источниковедения поставлены главным образом первыми двумя. Насколько я понял, эти рецензенты согласны с методом анализа летописей, предложенным в книге, в плане теоретическом; не вызывает у них сомнений определе-

[43] См. ВИ, 1951, № 8, стр. 132—135.

[44] См. «Советская книга», 1951, № 2, стр. 85—88.

[45] См. «Czasopismo prawno-historyczne», t. IV, Poznań, 1952, str. 481—487.

[46] См. «Przegląd Historyczny», t. XLIV, zeszyt. 3, Warszawa, 1953, str. 426—438.

[47] См. «Kwartalnik Historyczny», t. LIX, Warszawa, 1952, str. 126—130.

ние территориальных границ галицкого и затем волынского летописания и его классового и политического смысла.

Сомнения возникают при анализе состава выделенных сводов: В. Д. Королюк склонен считать выделенную мною Киевскую летопись Смоленско-киевской, а А. А. Зимин приемлет ее как Киевскую; В. Д. Королюк согласен с тем, что составителями светских княжеских сводов могли быть духовные лица, близкие двору; А. А. Зимин с этим решительно не согласен и т. д. Я, разумеется, не претендую на исчерпывающее решение вопроса и буду рад другим вариантам анализа, лишь бы они не исходили из одних формально-текстологических или литературно-художественных принципов, которые, взятые сами по себе, непригодны для анализа исторических хроник [48].

Совсем недавно опубликовал свою статью о Волынской летописи И. П. Еремин. Мы с И. П. Ереминым по-разному смотрим на русские летописи. Для И. П. Еремина Ипатьевская летопись — это сборник литературных сочинений. Первая часть (Повесть временных лет) «не мудрствуя лукаво», написана одним автором [49], Киевская летопись XII в. — другими авторами, которые также не обнаружили «признаков творческого переосмысления описываемых событий» [50]; летописец Даниила Галицкого — третьим [51] и, наконец, Волынская летопись — четвертым [52]. В свое время я имел возможность высказаться относительно концепции И. П. Еремина в целом [53] и потому коснусь ее здесь лишь постольку, поскольку исследователь распространил ее на новый участок летописи. Мой взгляд на Ипатьевскую летопись «существенно отличается» от концепции М. С. Грушевского не «в подробностях» (как простодушно пишет И. П. Еремин [54]), а в главном — в понимании идейной,

---

[48] Пока еще трудно судить о работе А. І. Генсьорского, который рассматривает Галицко-волынскую летопись как свод и выделяет в ней редакции 1234, 1266, 1285—1286, 1289, 1292 гг. (А. І. Генсьорський$_1$, стр. 82), потому что аргументация приведена им лишь частично (особенно шатка она касательно свода 1234 г.). Но бесспорно, что эта работа содержит ряд очень интересных текстологических наблюдений. Странным образом автору остались неизвестны другие работы (Е. Перфецкого, М. Д. Приселкова и иных), посвященные той же теме, вследствие чего им высказано неосновательное утверждение, что доныне в науке изучались лишь источники, а не редакции Галицко-волынской летописи и, притом, к анализу не привлекались хроника Я. Длугоша, Воскресенская летопись и пр. (там же, стр. 68). Ср. А. В. Эмаусский$_1$, стр. 59—109.

[49] И. П. Еремин$_1$, стр. 8—9, 38.

[50] И. П. Еремин$_2$, стр. 81.

[51] И. П. Еремин$_3$, стр. 109—110.

[52] Там же, стр. 102, 112, 114, 116.

[53] См. ВИ, 1948, № 6, стр. 105—106; 1950, № 3, стр. 118—119.

[54] И. П. Еремин$_3$, стр. 103.

классовой природы летописи и ее состава как свода (а не сборника), идущего от галицко-волынского введения к Повести временных лет до конца летописи.

Меня вполне удовлетворяет, что И. П. Еремин счел возможным принять некоторые из сделанных мною выводов. У нас нет расхождений относительно оценки основного идейного смысла владимирско-волынского летописания в целом[55]; полностью совпадают и наши взгляды на освещение этой летописью таких деятелей, как Лев Данилович[56], Шварн Данилович[57], Юрий Львович[58], Василько Романович[59], Владимир Василькович[60], т. е. всех главных героев летописи; И. П. Еремин не оспаривает моего мнения о роли церковного, агиографического элемента в летописи, а, напротив, подкрепляет его и приходит к сходному выводу, что автором летописи Владимира Васильковича был «видимо, местный монах или священник»[61]; наконец, не сомневается И. П. Еремин и в том, что волынский летописец унаследовал традиции киевской литературной школы[62].

И. П. Еремин выражает несогласие с тем, что работа над «волынской летописью» велась в три приема, при князьях Василько, Владимире и Мстиславе; он думает, что летопись была составлена «в один прием — не ранее 1289—1290 гг.»[63]. В этом с ним можно согласиться, допустив, что первый этап работы был завершен в последние годы жизни князя Владимира. Я тоже полагал, что «текущее летописание» при Васильке «не было оформлено в специальный свод, а по смерти князя было продолжено» его сыном Владимиром, и что «тем же духовным лицом» описаны первые годы княжения его преемника — Мстислава[64]. Следовательно, наши разногласия — не в этом.

Разногласия коренятся в оценке того, что вышло из-под пера волынского книжника — свод или летопись. По мнению И. П. Еремина, вышла летопись, которая «не обнаруживает достоверных следов спайки, вставок, перегруппировки повествовательного материала»[65]; «в основном летопись была написана частью по памяти (она охватывает время всего за тридцать лет — с 1259 по 1290 г.), частью со слов «са-

---

[55] И. П. Еремин₃, стр. 106, 110—111.
[56] Там же, стр. 110; В. Т. Пашуто₂, стр. 110, 119, 123.
[57] И. П. Еремин₃, стр. 111; В. Т. Пашуто₂, стр. 102.
[58] И. П. Еремин₃, стр. 111; В. Т. Пашуто₂, стр. 124—125.
[59] И. П. Еремин₃, стр. 111; В. Т. Пашуто₂, стр. 108, 116.
[60] И. П. Еремин₃, стр. 112—113; В. Т. Пашуто₂, стр. 123, 125—126.
[61] И. П. Еремин₃, стр. 116.
[62] И. П. Еремин₃, стр. 112—114; В. Т. Пашуто₂, стр. 127.
[63] И. П. Еремин₃, стр. 114.
[64] В. Т. Пашуто₂, стр. 105, 130.
[65] И. П. Еремин₃, стр. 109.

мовидцев»[66]. И. П. Еремин не согласен с моим предположением[67] о привлечении сводчиком в качестве источников Литовской летописи, повестей о татарских походах, о Рахе и Тите, посольских отчетов и других документов. Он считает, что это мне обосновать «в должной мере не удалось»[68]. Однако И. П. Еремин признает, что составитель все же использовал краткие «памятки», в том числе об эпизодах «семейной хроники» князей и два документа[69]. Если признать, что предполагаемые мною повести, донесения и документы отложились в виде «памяток», то нас с И. П. Ереминым будет разделять только Литовская летопись.

Как же работал летописец? Неведомо для чего решив присоединить свою летопись к своду князя Даниила, наш летописец, как признает И. П. Еремин, несколько вышел за отведенные ему рамки: «переписывая летопись своего предшественника, он иногда вносил в нее свои дополнения с целью подчеркнуть роль Василька Романовича в политической жизни юго-западной Руси»[70], т. е. он делал те самые сакраментальные «спайки, вставки» и пр. в текст своего предшественника, которые изобличают его как редактора, сводчика. Но зато свою часть текста, если верить И. П. Еремину, он писал в один присест, торопясь занести на пергамен речи стоящих рядом памятливых «самовидцев», громоздя одну на другую ранее сделанные «памятки», включая и два документа. Читая летопись, я вижу в ней следы другой работы и прежде всего свидетельство продуманного с в е д е н и я разнородного (хроникального, актового, дипломатического, агиографического) материала в некое единство, проникнутое определенной идеей[71]. Такая работа неизбежно предполагает группировку, обработку наличных источников, включая и свод предшественника.

---

[66] И. П. Е р е м и н₃, стр. 116 (разрядка моя.— *В. П.*).
[67] В. Т. П а ш у т о₂, стр. 129—130.
[68] И. П. Е р е м и н₃, стр. 116.
[69] И. П. Е р е м и н₃, стр. 116, 113.
[70] И. П. Е р е м и н₃, стр. 108; В. Т. П а ш у т о₂, стр. 105—109.
[71] Поэтому (если только не сомневаться в прагматическом мышлении летописца) тематическое деление материала неизбежно. Если даже взять приведенный И. П. Ереминым пример с «татарской повестью» (И. П. Е р е м и н₃, стр. 116—117) и, согласившись с ним, отнести фразу «токмо один Володимер остася, зане бысть хром» (ПСРЛ, т. II, стб. 888) к первому фрагменту, это не изменит дела: татарская тема перебита польской и возврат к ней отмечен фразой «мы же на прежняя возвратимся» (там же, стб. 890). Поистине мы бы поступили «очень просто», согласившись признать, что в 1290 г. летописец мог написать этот пересыпанный деталями рассказ, не комбинируя, не сводя воедино разнообразные источники информации. То же можно сказать еще о четырех примерах, приведенных И. П. Ереминым (И. П. Е р е м и н₃, стр. 107, 109).

Возвращаясь к рецензиям, хочу коснуться трех главных вопросов, выдвинутых моими оппонентами. Во-первых, вопроса о месте церковной идеологии в волынском своде. А.А. Зимин не счел возможным согласиться с выводом о том, «что исполнителями западнорусских летописей являлись руководители галицко-волынской церкви». Его доводы сводятся к тому, что эти летописи — памятник светский, что «здесь почти не нашли отражения ни события церковно-политической истории, ни церковная идеология»[72]; что, наконец, князь Даниил громил «реакционных церковников», и «не в их, конечно, среде могло сложиться произведение, воспевающее подвиги этого князя»[73].

Разберем эти аргументы. Спорить против того, что галицко-волынское летописание — памятник светского княжеского летописания, я не собираюсь, ибо именно это я и старался доказать, наметив серию княжеских сводов[74]. Таким образом, здесь у нас с А. А. Зиминым разногласий нет.

Что князь Даниил громил реакционных церковников, — это я тоже старался выявить и показать; что в их среде не «могло сложиться произведение, воспевающее подвиги этого князя», — я тоже согласен и никогда ничего противоположного не утверждал. Я высказал лишь предположение о том, что близкие двору церковники могли вести княжеское летописание. Отметил я и другое, что эти церковники вышли из среды светских людей княжеского двора: таков митрополит Кирилл, в недавнем прошлом, по-видимому, княжеский печатник-канцлер; он вовсе не исключение, ибо в перечне епископов владимирских рядом с представителями Святогорского монастыря во Владимире упомянут «Микифор прироком Станило, бе бо слуга Василков преже»[75]. Тот факт, что даже местная духовная знать выходила из светской придворной среды и находилась в подчиненном князю положении, позволяет кое-что объяснить в характере местного летописания: участие в летописной работе подобного рода церковников нельзя отрицать лишь на том основании, что в княжеской летописи налет церковности меньше, чем, скажем, в Новгородской владычной летописи. Владычная летопись, составленная церковниками, — это одно дело, а княжеская — совсем другое.

И последний аргумент, самый веский. Верно ли, что в Галицко-волынской летописи «почти не нашли отражения ни события церковно-политической истории, ни церковная идеология»? — как это утверждает А. А. Зимин. Хорошо известно,

---

[72] А. А. Зимин. Указ. рецензия, стр. 87.
[73] Там же, стр. 88.
[74] В. Т. Пашуто₂, стр. 89—91, 109, 129—130, 132.
[75] ПСРЛ, т. II, стб. 740.

что церковная идеология господствовала в средние века, и появление официальной летописи с теми чертами, о которых говорит А. А. Зимин, должно казаться чем-то из ряда вон выходящим. Но так ли это?

Во-первых, Галицкая летопись имеет своим исходным основанием Повесть временных лет и киевское летописание до 1238 г. Церковная идеология, ярко отраженная в Повести, не вызвала (насколько можно судить при сравнении с владимиро-суздальским сводом) возражений галицкого ее продолжателя, который лишь снабдил ее небольшим введением, тогда как киевское летописание за XII в. он пополнил вставками, а за XIIIв. — существенно переделал.

Во-вторых, Галицкая летопись дошла до нас как составная и переработанная часть волынского свода Владимира Васильковича, завершенного около 1290 г. и лишь продолженного летописью Мстислава Даниловича. Свод Владимира Васильковича заканчивается церковной похвалой этому князю и его стольному городу как оплоту православия, а после слов: «Туто ж положим конець Вълодимерову княжению» следует описание «чудесного» сохранения тела князя в гробу нетленным [76]. Участие церковной руки в составлении и этого свода не вызывает, таким образом, сомнений [77].

Наконец, посмотрим, как обстоит дело с отражением событий церковно-политической жизни и церковной идеологии в княжеском своде Даниила, наиболее светском. Текст, посвященный государственной деятельности князя и его приближенных, оказывается сплошь усыпанным церковными сентенциями. Все, чего ни достигает князь Даниил, приписывается «божьей помощи»; на нее князь возлагал все надежды, и помышляя об освобождении города Владимира [78], и надеясь на уход татарских войск [79]; постоянно посещает он храмы и монастыри для молитвы: Жидичинский монастырь [80], храм богородицы в Галиче [81], храм св. Симеона в Шумске [82], молится «святому архиерею Николе, иже каза чюдо свое» [83] и т. д. Можно сказать, что ни одно более или менее крупное дело князь Даниил не совершает без предварительной молитвы.

И бог вознаграждает княжеское рвение, помогает ему во всех делах: и при походе на Калиш [84], и при освобождении Га-

[76] ПСРЛ, т. II, стб. 927.
[77] Это вновь подтвердил и И. П. Еремин, стр. 113, 116.
[78] ПСРЛ, т. II, стб. 730.
[79] Там же, стб. 841.
[80] Там же, стб. 751.
[81] Там же, стб. 764.
[82] Там же, стб. 767.
[83] Там же, стб. 775.
[84] Там же, стб. 758.

лича («божьею волею одерьжа град свой Галичь») [85]; он выносит его невредимым с поля боя [86]; мстит врагам за нанесенные князю обиды [87]; спасает его города от рук противника (Холм «одержал бо беаше бог от безбожных татар») [88].

Божественная помощь не ограничивается князем Даниилом, она распространяется и на его приверженцев (бог — «поспешник» Демьяну, воеводе Даниила [89]); это и понятно, ибо они верны богу и князю [90]. Зато противники князя Даниила — противники и бога: это — «безбожные» бояре [91], от козней которых бог оберегает князя [92]; это — «безбожнии моавитяне» — татары [93], от рук которых «за прегрешение хрестьяньское» терпят поражение наши князья [94]. Без воли божьей ничего не происходит, от нее зависят и удачи (бог увел татар после битвы при Калке на восток, «ожидая... покаяния крестьянского» [95]), и неудачи (дружина князя Даниила «наворотишася» на бег, ибо «богу же тако изволившю» [96]).

Бог не ограничивается простой помощью князю и его приближенным; небесные силы творят и чудеса, притом неоднократно: венгры не смогли удержать Галич, ибо их полководец Филий создал укрепление на храме богородицы, «богородица яже не стерпевшю осквернения храма своего и вдасть ю (ХП «и в руци») Мьстиславу» [97]; на венгров же послал «бог архангела Михаила, отворити хляби небесные, конем же потопающим и самемь...» [98]; в другой раз при изгнании венгерских захватчиков из Галича бог напустил на них «рану фараонову», а когда они отошли к Пруту, «бог бо попустил беашеть рану: ангел бьашеть их» [99]; он спас и Луцк от татарских рук: «бог же чюдо створи, и святый Иван и святый Никола» — совместными усилиями они, оказывается, изменили направление ветра, и вражеские метательные орудия были обезврежены: камни не достигали цели [100]. Словом, и в Галицкой летописи находим

---

85 ПСРЛ, т. II, стб. 761.
86 Там же, стб. 769.
87 Там же, стб. 788.
88 Там же, стб. 789.
89 Там же, стб. 761.
90 Там же, стб. 763.
91 Там же, стб. 762, 763 и мн. др.
92 Там же, стб. 762.
93 Там же, стб. 740, 778.
94 Там же, стб. 745.
95 Там же.
96 Там же, стб. 769.
97 Там же, стб. 737.
98 Там же, стб. 760.
99 Там же, стб. 761.
100 Там же, стб. 842.

ярко выраженный провиденциализм, и здесь церковь освящает и санкционирует действия государственной власти.

Достаточно внимателен автор и к лицам и событиям церковным: найдем мы здесь и перечень епископов владимирских [101], и сведения о многих монастырях (в большинстве княжеских)[102], и яркие характеристики крупных церковников, вроде духовника Мстислава Удалого «премудрого книжника» Тимофея, который в проповедях обличал венгерских захватчиков [103], а также выполнял и дипломатические поручения [104]; или вроде владимирского епископа Митрофана, в своих проповедях звавшего народ на борьбу во имя «нетленного венца» [105]; найдем мы в летописи сведения еще о ряде крупных церковников — епископов, игуменов.

Да что игумены, — летопись отмечает даже гибель дьяка в одной из битв («тогда же и Василь дьяк, рекомый Молза, застрелен бысть под городом» [106]). Описывая съезд князей в Киеве накануне битвы при Калке, летописец отметил крещение великого князя половецкого Басты [107]. Нет нужды говорить, что летопись внимательна и к судьбам храмов в разных частях Руси[108], особенно примечательно общеизвестное описание холмских святынь [109] и т. п. Едва ли есть необходимость умножать число примеров. Ясно и так, что, несмотря на количественное преобладание светского материала, в Галицко-волынской летописи господствует церковная идеология.

Констатируя это, я тем самым отвечаю и М. Н. Тихомирову, который неоднократно упрекал меня в переоценке роли «церковного элемента» в галицком летописании, усматривая в этом мою зависимость от взглядов А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова [110]. Сам М. Н. Тихомиров, насколько можно судить по его статье в «Очерках истории исторической науки», видит в Галицко-волынской летописи «почти полное отсутствие» церковного элемента; эта летопись рисуется М. Н. Тихомирову «лишенной мистицизма и церковных рассуждений» [111].

---

[101] ПСРЛ, т. II, стб. 740.
[102] В. Т. Пашуто₂, стр. 158.
[103] ПСРЛ, т. II, стб. 722.
[104] Там же, стб. 747.
[105] Там же, стб. 779—781.
[106] Там же, стб. 733.
[107] Там же, стб. 741.
[108] Там же, стб. 780, 781, 788 и др.
[109] Там же, стб. 842—845.
[110] См. М. Н. Тихомиров₂, стр. 60. Мой ответ см. в «Известиях АН СССР», Отд. литературы и языка, т. XIII, в. 2, 1954, стр. 190—191. Не полемизируя, М. Н. Тихомиров вновь повторил свое утверждение (см. М. Н. Тихомиров₄, стр. 275).
[111] М. Н. Тихомиров₃, стр. 63.

Гораздо больше соответствует истине мнение Л. В. Черепнина, видевшего в «Летописце» Даниила Романовича свод, составленный по заданию князя при кафедре холмского епископа, а потому несвободный от церковно-политических сюжетов[112].

Полагаю, что критика концепций А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова не должна сопровождаться неосновательным креном в сторону недооценки церковной идеологии в русской средневековой историографии.

Для данной работы этот вывод имеет свое значение. Дело в том, что наступление русских князей на литовские земли, подобно наступлению западных феодалов, велось под призывы воинствующей церкви. Об этом напрасно забыли некоторые наши историки. Для летописца литовцы — это язычники, «поганые», а потому их покорение, обложение данью — богоугодное дело (дань с ятвягов «богом же дана» князю Даниилу [113]), в борьбе с Литвой бог являет русским князьям свою чудесную помощь: в битве под Луцком княжеские войска разбили литовцев, которые затем в озере были «ангелом потопляеми от бога посланым» [114]. Князь Даниил, предлагая польским князьям поход на Литву, отлично сознавал и церковно-идеологическую сторону этого дела, когда писал: «время есть христьяномь на поганее, яко сами имеють рать межи собою» [115].

Перехожу ко второму вопросу из числа затронутых оппонентами. Это вопрос о составных частях летописных сводов. Мне представляется (и это подтверждается текстологически), что в княжеской канцелярии велись и хранились текущие записи о хозяйственных, военных и дипломатических мероприятиях правительства и его ставленников. Сюда поступали устные или письменные отчеты о походах, дипломатических актах, пожалованиях земель и т. п. Эти материалы послужили составителю свода основным источником. Только признав это, можно объяснить, что в летописи обнаруживается ряд повествований, каждое из которых связано с определенным кругом военно-дипломатических или административных вопросов. Но составитель свода не просто привел эти тексты один подле другого: он отобрал подходящие тексты, затем раздробил их на хронологически близкие части и сплел друг с другом, составив таким образом связное повествование, добавил к нему события семейной княжеской хроники, факты церковно-политической истории, пронизав весь свод морально-религиозным мировоззрением. Составные части свода могут быть более или менее успешно выделены из текста; подчас они имеют черты живого

112 Л. В. Черепнин, стр. 252, 232—233.
113 ПСРЛ, т. II, стб. 836.
114 Там же, стб. 840.
115 Там же, стб. 815.

повествования лица, руководившего проведением того или иного мероприятия власти. Не имея лучшего термина, я назвал такие донесения-отчеты повестями, оговорив, что так называю и простое (устное) повествование, включенное в летопись, и исторический памятник сложного состава, т. е. письменное повествование, составленное на основе нескольких источников [116].

А. А. Зимин согласен с тем, что отчетный материал поступал в княжескую канцелярию, но склонен термин «повесть» толковать не в том смысле, который ему придан у меня. Поэтому он не видит оснований утверждать, что в распоряжении составителя свода князя Даниила «имелись специальные письменные источники, кроме Киевской летописи, или устные повести, как особого рода литературные произведения» [117], и даже упрекает меня в том, что мне «не удалось доказать их бытование в XIII в. в качестве самостоятельных произведений» [118].

Трудно утверждать, что составитель свода князя Даниила не имел других письменных источников, кроме Киевской летописи. Одно известие о русско-литовском договоре 1219 г., где перечислены по именам более двадцати литовских князей, опровергает это мнение. Можно привести немало и других.

Далее, я не собирался доказывать, что отчеты бояр и воевод (имеющие характер повествований) бытовали как самостоятельные произведения. Я лишь утверждал, что они были своевременно (об этом свидетельствуют детали времени и места) записаны и хранились в канцелярии. Раз отпадает этот упрек, то должен отпасть и вывод А. А. Зимина о том, что я, «выделяя из состава летописного свода Даниила галицкого многочисленные «повествования», вместе с тем умаляю «значение этого выдающегося исторического произведения XIII в., имеющего ряд черт мемуарной литературы» [119]. Мне не ясно, как можно умалить значение исторического произведения, определяя доброкачественный состав его источников, и чем собственно использование письменных и устных донесений умаляет значение свода? Наконец, почему их использование противоречит представлению о возникновении «черт мемуарной литературы»? Я этих черт, признаюсь, в летописи не вижу, но хотел бы отметить, что, вообще говоря, страницы мемуарной литературы, основанные на документах и свидетельствах очевидцев, далеко не всегда самые худшие.

---

[116] В. Т. Пашуто₂, стр. 73.
[117] А. А. Зимин. Указ. рецензия, стр. 87.
[118] Там же, стр. 88.
[119] Там же.

Рассмотренный вопрос имеет для данной книги свое значение. Дело в том, что в составе княжеских сводов мы находим целую серию известий о Литве, сохраненных устными или письменными сообщениями и донесениями о походах; иногда эти донесения подвергнуты внутренней редакторской обработке. Так, в первоначальное сообщение о походе войск князя Даниила затем добавлены сведения об участии в этом деле других князей, воевод; включены отрывки из дипломатической переписки, договоров и т. п. Не раз в результате такой обработки известия о том или ином походе приобретало черты яркой воинской повести. Посильное восстановление первоначального характера того или иного донесения, записи и т. п., знание идейно-политических намерений автора свода позволяет лучше постичь достоверность их известий о Литве, объяснить их неполноту, отметить возможную тенденциозность и т. п. Посмотрим, каков же состав этого рода источников княжеского летописания.

Это прежде всего сообщения о походах на ятвягов. В своде князя Даниила и приписках к нему находим несколько таких сообщений. В первую очередь надлежит сюда отнести одну из галицко-волынских вставок, которыми был пополнен текст Киевской летописи XI—XII вв.[120], а именно, под 1196 г. Она сообщает об одном из походов Романа Мстиславича волынского на ятвягов: «Тое же зимы ходи Роман Мстиславичь на ятвягы отомьщиваться: бяхуть бо воевали волость его. И тако Роман вниде в землю их, они же не могучи стати противу силе его и бежаша во свои тверди, а Роман пожог волость их и отомъстив-

[120] М. Д. Приселков₃, стр. 13. При просмотре свода 1479 г., который пользовался летописью с более полным составом галицких источников (см. М. Д. Приселков₂, стр. 182), чем сохраненный волынским сводом (Ипатьевская летопись), мы не обнаруживаем ни в перемышльских (выделенных в «своде 1225 г.» Е. Ю. Перфецким), ни в галицких (выделенных в «своде 1200 г.» М. Д. Приселковым) известиях новых данных о Литве. Единственное исключение представляет «Всеслав, князь Литьскы, зять его», упомянутый под 1144 г. среди участников похода Всеволода Ольговича киевского в Галичину (ПСРЛ, т. XXV, стр. 36). В Эрмитажном списке дано чтение: «князь Лятскый», аналогично — в Воскресенской летописи. В Ипатьевской он не назван зятем, но имя у него другое: «Володислав лядьский князь» (ПСРЛ, т. II, стб. 315). Издатели свода 1479 г. остались в нерешительности, считать ли его Всеславом — русским князем Литвы или Володиславом — польским королем (ПСРЛ, т. XXV, стр. 407). Второму допущению явно противоречит текст под 1146 г., где Всеволод использует «Володислава, зятя своего» для дипломатических поручений на Руси (там же, стр. 37; в Ипатьевской летописи этого известия нет). Да и западные генеалогии (насколько можно судить по работам О. Бальзера и Н. Баумгартена) ничего не знают о подобном родстве. По общему контексту известий 1144 и 1146 гг., и Всеслав и Володислав (если это не одно лицо) — русские князья. Впрочем, зятем Всеволода был Болеслав, князь силезский (N. Baumgarten₁, t. IV, № 25, p. 18—19).

ся, возвратися во свояси»[121]. Больше летописный свод князя Даниила не сообщает конкретных данных о войнах князя Романа в Литве, но дает понять, что воевал он много.

Это подтверждает и «Слово о полку Игореве», где читаем о Романе:

«Суть бо у ваю железныи паробци
под шеломы латиньскыми
Теми тресну земля
и многи страны —
Хинова,
Литва,
Ятвязи,
Деремела
и половцы сулицы своя поверъгоша,
а главы своя подклониша,
подъ тыи мечи харалужныи»[121а].

Отсюда видим, что походы князя Романа охватывали и Литву и Ятвягию. Под Деремелой исследователи склонны понимать одну из южных ятвяжских земель (Денове)[122]. Мне кажется более вероятным видеть под этим названием не ятвяжскую (ятвяги и так упомянуты в целом), а особую прусскую территорию, если только Денове—Дейнова, как полагает А. Каминьский, не была литовским названием Ятвягии[123]. О действиях князя Романа в Литве сложилась даже присказка, которую слышал еще М. Стрыйковский (XVI в.): «Romanie, Romanie! lichym się karmisz, Litwuju oreż»[124].

Далее выделяем запись о разгроме ятвягов, повоевавших Берестье (она идет от слов: «Повоеваша ятвязи около Берестия» и т. д. до слов «а инии разбегошася»)[125]. В-третьих, запись о походе войск князя Даниила через Берестье на ятвягов, приведшем к освобождению Дорогичина от немецких рыцарей; отрывок начинается словами: «Поидоста на ятвязе» и т. д. до слов: «и возъвратися [въ — X] Володимер»[126].

Далее. Среди обработанных приписок к своду Даниила находим повествование о походе князя Даниила с союзниками из Дорогичина на ятвягов, оно начинается словами: «В та же

[121] ПСРЛ, т. II, стб. 702. Не касаюсь сообщения летописи о нападении пруссов на Польшу в 1149 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 385, 387).

[121а] «Слово о полку Игореве». М.— Л., 1950, стр. 23.

[122] А. В. Соловьев$_3$, стр. 80, 100—103.

[123] Локализацию области Денове—Дейнове см. A. Kamiński$_1$, str. 32—36.

[124] M. Stryjkowski. Kronika Polska, Litewska, żmódzka etc., t. I, str. 202.

[125] ПСРЛ, т. II, стб. 751; см. также известие о разгроме Владимиром пинским, которого оставили «стеречи земле от ятвязь», силами берестьян и угровчан, литовского отряда под Берестьем (там же, стб. 754, ср. также стб. 792).

[126] Там же, стб. 776.

лета седе Самовит» и т. д. до слов: «им же Половци дети страшаху» [127]. Следующее известие о походе на ятвягов князей Даниила и Льва (от слов: «идоущоу ему на войну со сыномь Лвомь» и т. д. до слов: «в дом свой» [128]) сохранилось в редакции свода Льва: сообщается о том, как Лев убивает ятвяжского князя Стекинта; здесь говорится об измене поляков, попутно упомянут город Рай. Другая повесть (со слов: «Поиде Данило на ятвязе с братом и сыном Лвом и с Шеварном» и т. д. до слов: «ныне же зде вписано бысть в последняя (дни)» [129] тоже прошла обработку в своде князя Льва, ибо Лев да Даниил — главные ее действующие лица, о прочих же участниках похода (Шварне, Романе новогородском, Глебе волковыйском, Изяславе свислочском, Земовите мазовецком, отрядах краковчан и сандомирцев князя Конрада) ничего не сказано.

В летописи князя Василько мы также найдем несколько повествований и известий о походах на ятвягов. Одно из них начинается словами: «Воеваша ятвязе около Охоже и Боусовна и всю страну ту поплениша». Князь Василько в битве у ворот Дорогичина убивает сорок литовских князей; здесь же помещена похвала Васильку и сообщение, что его ратями были разбиты князья ятвяжские Скомонд и Боруть, первый из которых «повоева землю Пиньскую [и] инии страны». Выясняется также, что под рукой у автора этой летописи было много других известий о походах на ятвягов: «и во иная времена божьею милостью избьени быша погании, их же не хотехом писати, множества ради» [130]. К летописи Василько относим и следующую вставку в текст свода Даниила: «Тое же зимы Кондрат присла посол по Василка, река: «Поидем на ятвязе»,— падшу снегу и сереноу, не могоша ити и воротишася на Ноуре» [131].

В своде Владимира Васильковича есть упоминание о том, что, когда князья Лев и Мстислав Даниловичи ходили на помощь Болеславу против князя вроцлавского, сам Владимир «заратил бо ся бяше со ятвязи» [132]. К этому же своду относится описание совместного похода трех русских князей — Льва галицкого, Мстислава луцкого и Владимира владимирского на ятвягов, у которых была захвачена Злина. Ятвяги тогда прислали четырех князей-послов, «мира просяче собе» и русские князья «одва даша им мир» [133].

Итак, в дошедшем волынском летописании имеется серия сообщений о походах на ятвягов. Какова историческая цен-

[127] ПСРЛ, т. II, стб. 810—813.
[128] Там же, стб. 827—828.
[129] Там же, стб. 831—836.
[130] Там же, стб. 799—800.
[131] Там же, стб. 808.
[132] Там же, стб. 870.
[133] Там же, стб. 870—871.

ность этих сообщений, каков их идеологический смысл и политическая направленность? Главная цель этих повествований — восхваление феодально-колониальной политики галицко-волынских князей в литовских землях, подчеркивание ее преемственной связи с политикой Романа Мстиславича, начавшего освоение Ятвягии [134].

Отдается дань и мужеству свободолюбивых и гордых ятвягов, о чем свидетельствуют сообщения: «бысть брань люта» и «падающим же от обоих много» [135]; воеводы ятвягов — люди воинственные, например, Скомонд и Борут — «злаа воиника» [136]. Подобная оценка ятвягов, понятно, лишь повышает доблесть русских князей, которые, «победив горды ятвязе» [137], сумели «наполнити болота ятвяжьская» своим «полком» [138]; а голова «волхва» и «кобника» Скомонда «взотъчена бысть на кол». Таковы нравы русского рыцарства, как и рыцарства всей Европы того времени.

Летопись восхваляет личные подвиги князей — Даниила, Льва, Василька, их воевод и дворских — Андрея, Якова и др. Гибель же «поганых» язычников не вызывает жалости: от руки князя Льва гибнет ятвяжский князь и «изиидe душа его со кровью во ад» [139]. Русские войска разоряли ятвяжские земли: «жьжаху домы их и пленяху села их»; «поимавши же имения их», они «поидоша пленяюще землю и жгуще», а жителей «онех вяжюще, иныя же ис хвороста (т. е. из лесных осек.— *В. П.*) ведущоу,— сечахуть я» [140].

Тактика русских дружин обнаруживает сходство с тактикой западноевропейских рыцарей: походы проводятся зимой; нападение совершается по возможности неожиданно, чтобы не дать «знаменья» соседним землям [141]; князья избегают сражений в лесных теснинах; они усиливают отряды стрельцов, иногда даже спешивают дружину [142].

Цели ятвяжских походов на Русь также не вызывают сомнений. Литовские земли находились на ранней стадии феодального развития. У всех народов этот этап истории связан с широкими грабительскими набегами. То же видим и здесь: «беда бо бе в земле Володимерьстей от воеванья Литовьского и ятвяжского» [143]. Это отнюдь не риторика.

---

[134] ПСРЛ, т. II, стб. 813, 835—836.
[135] Там же, стб. 811.
[136] Там же, стб. 800.
[137] Там же, стб. 833; см. то же о литовцах (стб. 798).
[138] Там же, стб. 831.
[139] Там же, стб. 834.
[140] Там же, стб. 834; ср. стб. 812.
[141] Там же, стб. 810.
[142] Там же, стб. 812.
[143] Там же, стб. 721.

Если, забегая вперед, собрать все упоминания Волынской летописи о литовско-ятвяжских походах и набегах на Западную Русь, то получается следующий ареал: Новогородок— Слоним — Волковыйск — Каменец — Дорогичин — Мельник — Берестье — Камен—Небль — Турийск—Комов — Червень— Луцк — Пересопница —Черниговщина[144]—Брянск—Смоленск—Полоцк—Случск—Копыль — Полесье — Турийск-на-Немане. Сюда надо добавить Пинск, Туров, Рай, Охоже, Бусовну, Ухань. В целом обширнейшая территория длительное время страдала от набегов литовских войск (подробнее об этом см. в третьей части настоящей работы), сопровождавшихся не только разорениями, но и угоном населения[145].

Поскольку с Литвой совладать не удалось, вся тяжесть ответных ударов пришлась на ятвягов. Подчиняя их землю, русские князья брали заложников, строили здесь укрепления, собирали дань: после одного из поражений ятвяги «послаша послы своя и дети своя и дань даша и обещевахоуся работе быти ему (князю Даниилу.— *В. П.*) и городы рубити в земле своей»; представители русской власти собирали с них дань: «черные куны и бело серебро»[146].

Русские князья старались использовать силы одних народов для покорения других; так, например, они водили отряды половцев на ятвягов [147] и на Литву [148]; привлекали на службу и самих ятвягов, вроде Ящелта (Ящела), служившего в дружине князя Даниила [149] или того храброго «Проусина родом», что сражался в полку князя Владимира [150]. Это подчинение соседних земель представляет собой русский вариант крестовых походов, также освященный церковной идеологией. Ятвягия явилась пограничной территорией, где столкнулись интересы немецкой рыцарской агрессии с интересами Польши и Руси, которые старались завладеть важной в военно-политическом отношении землей. Результат этого столкновения известен: ятвяги были истреблены, а большая часть их земли попала под власть Ордена.

Сведения нашей летописи представляют интерес и для характеристики некоторых сторон жизни ятвягов, их обществен-

[144] Здесь действовал, «велико убийство творяще», со своим войском Хвал Рюшкович (там же, стб. 840); не случайно Ростислав Михайлович черниговский, правя в Галиче, организовал большой поход («съ всими бояры и снузникы») на Литву (там же, стб. 777). И позднее путь из Владимира в Брянск лежал «в земли ратной» (там же, стб. 874).

[145] Во время похода на ятвягов русские войска освободили «многи крестьяны от пленения» (ПСРЛ, т. II, стб. 813).

[146] ПСРЛ, т. II, стб. 835.

[147] Там же, стб. 811.

[148] Там же, стб. 818.

[149] Там же, стб. 812.

[150] Там же, стб. 886—887.

ного и политического строя, а также и для истории русско-прусских отношений. Летопись неоднократно упоминает пруссов, в частности, вармов [151] и бартов [152] (притом она почему-то отличает ятвягов и даже бартов от пруссов [153]). Печальная судьба небольшого мужественного народа, раздавленного соседними феодальными государствами, скупыми штрихами рисуется на страницах нашей летописи.

Обширны и разнообразны данные летописи по истории Литвы. В своде князя Даниила находим драгоценное известие о литовско-русском договоре 1219 г.[154] Этому договору предшествовали частые совместные литовско-ятвяжские набеги на Русь; об одном из них летопись упоминает: «Литва же и ятвязе воеваху и повоева же Турийск и около Комова, оли до Червеня и бишася у ворот Червенских и застава бе в Оуханях»[155].

Договор на время стабилизировал мирные отношения, но отнюдь не приостановил набегов дружин отдельных литовских князей. В своде Даниила Романовича находим запись о походе против князя Аишьвно Рушковича (от слов: «Придоша Литва» и т. д. до слов: «богу помогающим им»[156]), совершившего набег на Пересопницу. Там же читалась запись о походе князей Даниила и Василько и их дворского Якова против дружины Лингевина — Лековния (Лонъкогвени, Лонъкгвени), который не без поддержки из Пинска нападал на окрестности Мельника (запись начинается словами: «Воеваша Литва около Мелнице» и т. д. до слов: «бысть радость велика во Пиньске граде»[157]).

В своде князя Даниила и приписках к нему сохранились содержательные повествования о политической борьбе в Литве, сопровождавшей установление монархии — единовластия Миндовга. К этому сюжету относится текст, идущий от слов: «В то же лето изгна Миндог» и т. д. до слов: «Данилу же гнев имеющю на не»[158]; ниже он продолжается словами: «Потом же Войшелк» и т. д. до слов: «и вороти в Болгарех»[159]. Последний отрывок этого рода начинается словами: «Прислаша Миндовг к Данилу» и т. д. до слов: «и инии мнозеи»[160].

Все эти куски текста состоят из современных записей о военных и дипломатических акциях князя Даниила в отношении Литвы, Жемайтии, Риги и Польши; из сведений о внут-

[151] ПСРЛ, т. II, стб. 812.
[152] Там же, стб. 813.
[153] Там же, стб. 813; ср. стб. 877 («проуси же и Бортеве»).
[154] Там же, стб. 735—736.
[155] Там же, стб. 721.
[156] Там же, стб. 797—798.
[157] Там же, стб. 798.
[158] Там же, стб. 815—820.
[159] Там же, стб. 830—831.
[160] Там же, стб. 838—840.

ренних событиях в Литве, возможно, почерпнутых от союзных князей Товтивила и Эдивида. Потерпев неудачу в борьбе с Миндовгом, эти князья служили некоторое время на Волыни и даже участвовали в чешском походе князя Даниила [161]; позднее Товтивил, вступив в контакт с Миндовгом и Войшелком, оказался в числе врагов волынского князя [162].

Надлежит учесть также серию известий о русско-литовских действиях, направленных против Польши [163] и Орды [164].

Эти данные свода князя Даниила и дополнений к нему характеризуют внешнеполитические условия становления литовской раннефеодальной монархии, взаимоотношения Литвы с Русью, Ригой, Орденом, Польшей. Описание русско-литовской войны обнаруживает влияние Литвы в Пинске [165] и преобладание в Полоцке и Черной Руси. Русские войска «попленили» Черную Русь и заняли Гродно (Миндовг ответил набегом на Турийск [166]), но затем в Новогородке стал княжить Роман Данилович в качестве вассала Миндовга (видимо, некоторые города перешли к Даниилу Романовичу). Поощряя князя Даниила к походу на Киев, Миндовг сообщал: «пришлю к тобе Романа и Новогородце»; среди присланных оказалось, однако, «мало людий» Романа, а главную часть составляли «людие Миндовгови» во главе с воеводой Хвалом, снискавшим себе мрачную известность разорением Черниговщины [167].

Хочу обратить внимание на сообщение источника еще по одному вопросу, широко обсуждаемому в литванистике — о крещении Миндовга. Летописец утверждает, что крещение Миндовга — это политический маневр, что оно «льстиво бысть». Оценивая достоверность этого известия, надо учитывать следующие соображения. Князь Даниил начал борьбу против Миндовга, заявив: «Время есть христьяномь на поганее» [168]; после принятия Миндовгом христианства война с русской стороны не прекратилась, и летописец, оправдывая это, утверждал, что Миндовг и после крещения «поганьство свое яве творяше» [169]. Можно верить или не верить этому летописцу, но надо учесть и сообщение автора «Литовской летописи». Говоря о времени правления Войшелка в Новогородке (в период между нашествием Бурундая и смертью жены Миндовга) и его крещении в православие, автор отмечает, что Миндовг был недоволен

[161] ПСРЛ, т. II, стб. 822.
[162] Там же, стб. 847.
[163] Там же, стб. 739, 776, 801, 805.
[164] Там же, стб. 838.
[165] Там же, стб. 818.
[166] Там же, стб. 819.
[167] Там же, стб. 838—840; о Новогородке см. также стб. 776.
[168] Там же, стб. 815.
[169] Там же, стб. 817.

этим шагом и «укариваше ему по его житью»[170], чего не было, пока Войшелк оставался рьяным язычником. Это подкрепляет взгляд на крещение Миндовга как на политический маневр.

К обработанным припискам свода князя Даниила надо отнести и текст о нашествии войск Бурундая (от слов: «Приде Буранда безбожный» и т. д. до слов: «украшениемь украсити и»[171]; продолжается этот текст ниже словами: «потом же Данило король, ехав, взя Волковыеск» и т. д. до слов: «аще ли яз буду»[172]. Это повествование о татарском нашествии на литовские земли — собственно литовскую (Аукштайтскую), а также Нальшенайскую и Ятвяжскую[173]; о вынужденном участии в этом походе русских князей (впрочем, возможно, бывших в размирье с Литвой после срыва похода на Киев); объектами борьбы здесь являются Волковыйск, Гродно, местность по Зелеви (Зельве).

Сюда же включена вставка летописца князя Василько (от слов: «Василкови же едоушоу» и т. д. до слов: «и сына своего Володимера»[174]). Другой текст о Литве, относящийся к этому же летописцу, видим в повествовании, начинающемся словами: «Идоша Литва на Ляхы воевать». Здесь говорится, что после похода литовских войск (с участием каких-то русских сил) на Ездов (под Варшавой) Миндовг, вспомнив, что Василько участвовал в походе Бурундая, повоевал его землю около Каменца (Камена), но встретил отпор; одну литовскую рать русские преследовали до Ясолны (Ясолды), другую, что воевала около Мельника, князь Василько нагнал и разбил у города Небля[175]. Это современная запись с указанием даты («на канун Ивана дни»), с перечнем пинских князей и упоминанием погибшего Преибора Степановича (Родовича).

Свод Владимира Васильковича тоже весьма внимателен к Литве, хотя и здесь ожидать объективного освещения ее истории не приходится. Летописец неприязненно оценивал, в частности, литовскую политику галицкого князя Льва Даниловича, ибо последствия походов на Литву, которые тот организовывал с татарской помощью, всей тяжестью падали на волынское порубежье. В этом своде мы найдем сообщение о набеге войск Миндовга на Брянск, союзный Владимиру[176]. К этому своду относится описание двух походов на Литву с участием татар.

Это обширные повествования. Одно начинается словами: «Посемь же Тройдений забыв любви Лвови» и т. д. до слов:

---

170 ПСРЛ, т. II, стб. 859.
171 Там же, стб. 846—847.
172 Там же, стб. 847—848.
173 Там же, стб. 848.
174 Там же, стб. 847.
175 Там же, стб. 855—856.
176 Там же, стб. 861—862.

«и тако поехаша во свояси»[177]. Здесь рассказывается, что литовский князь Тройден с помощью войска городнян (видимо, в первую очередь, пруссов-переселенцев) взял Дорогичин. Тогда Лев Данилович обратился в Орду к Менгу-Тимуру, и тот дал ему татарскую рать и прислал силы подчиненных Орде заднепровских князей (Романа из Брянска, Глеба из Смоленска), к ним были присоединены отряды князей Турова и Пинска. Мстислав Данилович из Луцка «пошел бяшеть от Копыля, воюя по Полесью», видимо, также подпавшему под власть Литвы. Войска князей шли до Случска, а оттуда на Новогородок. Это показательно: видимо, Дорогичин подчинялся Тройдену через Новогородок. Вообще Новогородок рисуется для данной поры как основной центр литовской власти; при походах на Аукштайтскую и Нальшенайскую земли города не называются. В походе сказались феодальные распри: князь Лев с татарами взял новогородский «околний град», оставив союзников без добычи. «Гневом про Льва» прочие князья «не идоша» в «землю Литовьскую». Ничего не сказано о результатах похода, в частности, о том, что Дорогичин вернулся под власть Льва Даниловича[178].

Владимирский князь и сам имел столкновения с Тройденом, который принял пруссов, бежавших от власти Ордена, и посадил их в Гродно и Слониме. Князь Владимир вместе со Львом и другими взяли Слоним, чтобы литовские князья их «земле не подъседале». Тройден в ответ повоевал «около Камена», а Василько «взя» у него Турийск на Немане и «села около него»[179]; затем противники «умиристася и начаста быти в величе любви».

Поэтому новый поход на Литву, предпринятый по предложению Ногая, получил явно отрицательное освещение в своде князя Владимира. Это повествование начинается от слов: «Присла оканьный» и т. д. до слов: «не въспеша ничего же тако возвратишася во свояси»[180]. Здесь ярко отражены русско-литовские отношения: под властью Литвы видим города Новогородок, Гродно, Волковыйск; русским землям, видимо, стало трудно противостоять Литве. Не случайно Ногай свою грамоту галицко-волынским князьям (она приведена в тексте) начинает словами: «В с е г д а м ь ж а л о у е т е н а Л и т в у, осе же вы дал есмь рать и воеводу с ними Момъшея; пойдете же с ним на вороги свое». Поход описан намеренно неясно, отмечено лишь поражение войск Льва и Мстислава пруссами

[177] ПСРЛ, т. II, стб. 871—874.
[178] Там же, стб. 911.
[179] Там же, стб. 874—875.
[180] Там же, стб. 876—878.

под Гродно, но не сказано, чем закончились действия татар на основном направлении — под Новогородком, на который и на этот раз были двинуты главные силы.

В этом же своде читаем известие о голоде на Руси, в Польше и Литве и о том, как князь Владимир продавал ятвягам жито. Летопись так передает просьбу послов ятвяжских: «Господине княже Володимере, приехали есмя к тобе ото всих ятвязь, надеючись на князь бог [181] и по твое здоровие. Господине, не помори нас, но перекорми ны собе, пошли, господине, к нам жито свое продаят, а мы ради купим, чего восхочешь: воску ли, бели ль, бобров ли, черных ли коун, серебра ль, мы ради дамы» [182]. Владимир отправил жито с добрыми людьми «кому веря» из Берестья в судах по Бугу; на Нареве под Пултуском торговый караван был разграблен людьми князя Конрада.

Свод Владимира изображает князей Литвы служилыми этому князю, который «возводит» их при надобности на Польшу [183]. Примечательно, что эта Литва дружественна династии Миндовга; именно поэтому ее опасался князь Лев, когда писал сыну Юрию в Мельник: «Сыну мой Юрьи, не ходи сам с Литвою, убил я князя их Войшелка, любо восхотять мьсть створити»[184],— и Юрий не пошел. Отсюда напрашивается вывод, что, во всяком случае, в черноруской части Литовского великого княжества правила прежняя династия; это черта, свидетельствующая о прочности государственной власти в Литве.

Есть в своде князя Владимира информация о Литве, почерпнутая, как можно думать, у купцов, торговавших с Торунью, по Висле. Это сообщение о том, что «Литва вся и Жемоить вся» ходили походом на Ливонский орден, дошли до Отепяа, но успеха не имели, а в то же время «Тороуньсцеи немце», помогая своим, совершили разорительный поход на Жемайтию [185].

Наконец, и в летописи Мстислава Даниловича имеется вставка о Литве, сделанная, видимо, на основании грамоты о передаче ему («даша ему») Волковыйска литовскими князьями, братьями Будикидом и Будивидом, которые «город свой» дали ему, «абы он с ними мир держал»[186].

Оценка волынского свода будет неполной, если мы не остановимся еще на одном источнике, сохраненном им, на так называемой «Литовской летописи». Это подводит нас к третьему вопросу, поставленному оппонентами. В свое время мы вы-

[181] «Бог» — явная вставка. Язычники-ятвяги, конечно, обращались только к князю.

[182] ПСРЛ, т. II, стб. 879.

[183] Там же, стб. 888—889, 890, 891.

[184] Там же, стб. 891.

[185] Там же, стб. 897.

[186] Там же, стб. 933 (он, действительно, сохранил мир с Литвой).

сказали предположение, что в составе волынского летописания, помимо отмеченных выше источников по истории Литвы, была использована какая-то летопись, состоявшая из серии жизнеописаний литовских князей, и высказали догадку, что она могла возникнуть в одном из православных монастырей Новогородка [187]. Этот взгляд встретил категорические возражения рецензентов.

Положительно оценивая метод и приемы моей работы в целом, В. Д. Королюк писал: «Зато решительные возражения вызывает попытка автора книги выделить из состава Владимиро-волынской летописи особую Литовскую летопись, составленную якобы в Новогрудке. Выделенные им немногие известия, относящиеся к истории Литвы, не составляют ни по форме, ни по содержанию единого литературного целого, не отражают или почти не отражают событий внутриполитического развития Литовского княжества. Нельзя признать убедительным определяемое автором место составления Литовской летописи» [188]. Не менее решительно высказался по этому вопросу и А. А. Зимин. Отвергая догадку о Литовской летописи, он писал: «Литовская летопись должна была бы отразить разнообразные события из истории этого княжества, иметь особый, ей присущий стиль и языковые особенности. Ничего подобного в сведениях Ипатьевской летописи, касающихся Литвы, нет» [189].

Я понимаю, что можно сомневаться в существовании особой «Литовской летописи», ибо сохранилась она, как, впрочем, и летописание Галича, Холма, Владимира, не полностью и использовалась для целей, ничего общего не имевших с полным отражением «разнообразных событий» литовской истории. Однако аргументы, выдвинутые моими оппонентами в подтверждение их сомнений, не кажутся мне достаточно вескими.

Этих аргументов три: во-первых, содержание, во-вторых, литературная форма, в-третьих, язык. Видимо, этот вопрос недостаточно четко изложен в книге, и поэтому мне хочется здесь обратить внимание на то, что серия биографий (вернее, то, что от них уцелело под пером редактора) ясно выделяется своими особенностями формы, в частности, своеобразными концовками.

Первым идет текст о Миндовге от слов: «Убиство же его сице скажемь» [190] и т. д. до примечательной концовки: «тако бысть конечь Миндовгову убитью» [191]. Что

---

[187] В. Т. Пашуто₂, стр. 113—121.

[188] ВИ, 1951, № 8, стр. 134 (подчеркнуто мною.— *В. П.*).

[189] «Советская книга», 1951, № 1, стр. 87 (подчеркнуто мною.— *В. П.*).

[190] ПСРЛ, т. II, стб. 858.

[191] Там же, стб. 860.

составляет содержание этой части текста? Исключительно литовские события конца княжения Миндовга. Последующий отрывок повествования примыкает к предыдущему и завершается уже знакомой фразой: «тако бысть конець убитья Тренятина»[192]. Что составляет его содержание? Исключительно литовские события: бегство Войшелка новогородского, сына Миндовга, убийство Товтивила полоцкого, княжение Тройната жемайтского.

Затем идет текст о княжении Войшелка от слов: «се же услышав Войшелк» и т. д. вплоть до известных слов: «тако бысть конец убитья его»[193]. Этот текст разбит редакторскими вставками о других событиях. Первая вставка — о Брянске. Но вставка эта четко выделена в тексте «Литовской летописи» как инородная. В ее начале читаем: «В преже р[е]ченом же лете Миндовгова убитья бысть»[194] и т. д.; по окончании вставки летописец отметил свое возвращение к источнику, в котором шла речь о Войшелке, и прямо записал: «Мы же на преднее возвратимся. Княжащоу же Войшелькови в Литве»[195] и т. д. Ниже этот текст еще раз перебит вставкой о появлении кометы, о смерти жены князя Василько, о смуте в Орде, но и на этот раз окончание вставки отмечено повторением фразы: «княжащоу Войшелкови во Литве и Шварнови»[196]. Новая вставка из свода Владимира Васильковича о войне с Польшей разбивает текст и продолжается до возвращения к Литовской летописи, что отмечено фразой: «Посем же Войшелк да княжение свое зятю своему Шварнови» и т. д. без перерыва до известия об убийстве Войшелка.

Мало этого. Приведенный текст о Войшелке органически входит в состав того источника, который говорит о его предшественниках, как можно заключить из сопоставления известий об этом князе, взятых из свода князя Даниила и по счастью не выброшенных составителями свода князя Владимира. Таким образом, в своде князя Владимира уцелели два варианта сообщений о крещении князя Войшелка. Сравним их, отмечая в том и другом важнейшие различия.

Первый текст составлен в манере свода князя Даниила, с присущим ему вниманием к дипломатическим делам; второй характеризуется своей православно-риторической формой, свойственной и другим отрывкам из «Литовской летописи». Вчиты-

---

[192] ПСРЛ, т. II, стб. 861.

[193] Там же, стб. 868. Стиль этой летописи оказал влияние и на литературную манеру составителя волынского свода. Ср. И. П. Еремин$_3$, стр. 105.

[194] ПСРЛ, т. II, стб. 861.

[195] Там же, стб. 862.

[196] Там же, стб. 864.

ваясь в текст о Войшелке, видим традиционное описание превращения варвара-язычника в православного праведника.

Свод князя Даниила	Литовская летопись
«Потом же Войшелкь створи мир с Даниилом и выда дщерь Миндогдъвоу за Шварна сестру свою, и приде Холм к Данилу, оставив княжение свое и восприемь мниский чин и вдасть Романови, сынови королевоу Новогородък от Миндога, и от себе и Вослоним и Волковыескь и все городы, а сам просися ити во Святую Гору и наиде ему король путь у короля Оугорьского, и не може ити Святое Горы и вороти в Болгарех» [197].	«Посем же вниде страх божий во сердце его, помысли в собе, хотя прияти святое крещение и крестися тоу в Новегородьце и нача быти во крестьяньстве и посемь иде Воишелк до Галича к Данилови князоу и Василкови, хотя прияти мниский чин (тогда же и Войшелк хрести Юрья Львовича); тоже потом иде в Полониноу ко Григорьеви в монастырь и пострижеся во черньце»[198]. Далее следует похвала Григорию, сообщается о неудачной попытке князя попасть на Святую Гору, об устройстве собственного монастыря на Немане и т. д.

Автор этой летописи жил, видимо, вдали от крупных центров Галицко-Волынской Руси и не был осведомлен о том, что Войшелк поехал ко двору князя Даниила не в Галич, а в Холм, но зато относительно церковных дел он пишет много подробнее, чем автор свода (и приписок к нему) князя Даниила. Он знает, что Войшелк связан с Григорием, игуменом монастыря в Полонино, знает и самого Григория; знает, что Войшелк строит монастырь и что Лев Данилович убивает Войшелка в монастыре во Владимире.

Эта монастырско-«просветительская» трактовка событий, видимо, подошла составителю свода князя Владимира, так как соответствовала и его политическим стремлениям (враждебным князю Льву) и его активному православию, которое побудило сводчика превратить окончание свода в нечто похожее на житие волынского князя. Действуя по обычаю книжников того времени, автор свода, включая отрывки «Литовской летописи», сохранил и текст свода Даниила, оставив окончательный вывод о событиях на суждение читателя.

Характер волынского свода, недружественного князю Шварну Даниловичу, помешал сохранению в нем подробного текста «Литовской летописи» о его княжении в Литве. О нем дана лишь краткая запись, идущая от слов: «Княжашю же по Войшелкови Шварнови в Литовской земли» и т. д. до слов: «гроба отня» [199].

[197] ПСРЛ, т. II, стб. 830—831.
[198] Там же, стб. 858—859.
[199] Там же, стб. 869.

Весьма примечательно отражена в своде личность следующего литовского князя, Тройдена. С ним произошло примерно то же, что и с Войшелком. Текст о Тройдене читался в «Литовской летописи» следом за известием о смерти Шварна: «Нача княжить в Литве оканьный и безаконьный, проклятый и немилостивый Тройден». Автор открыто признается, что «его же безаконья не могохом писати срама ради», «так бо бяшеть безаконьник, яко и Антиох Сурский, Ирод Иерслимский и Нерон Римъскый и ина многа злеиша того безаконья чиняше, жив же лет 12 и тако представися безаконьник».

Эта краткая темпераментная запись монастырской «Литовской летописи» сопровождалась следующими сведениями о братьях Тройдена: «бяхуть же в него братья Борза, Сурьпутий, Лесий, Свелкений, бяхуть же живуще во святомь крещении, сии же живяхуть в любви, во кротости и во смиреньи, держаще правую веру крестьяньскую, преизлиха любяще веру и нищая; си же преставишася при животе Тройденове»[200]. Вся эта запись очень напоминает то, что писалось в «Литовской летописи» о православном Войшелке. Содержание этого текста соответствовало общему направлению труда ревностного христианина — автора свода Владимира Васильковича.

Выписав текст «Литовской летописи», автор которой, видимо, имел серьезные основания быть недовольным упрочением власти язычника Тройдена, наш составитель владимирского свода попал в противоречивое, затруднительное положение. Заявив, с чужих слов, что не будет писать о проклятом Тройдене, он ниже возвращается к нему («Тройденови же еще княжащу в Литовьской земле»)[201] и сообщает, что Тройден жил в «величе любви» со Львом Даниловичем, а с Владимиром Васильковичем воевал, так как его отец убил на войне трех братьев Тройдена. Выходит, что из четырех выше так расхваленных праведных православных князей трое пали от рук Василько. Сообщает он также о попытке Тройдена захватить Дорогичин, о принятии им бежавших пруссов.

Ниже автор свода еще раз обращается к этому князю (от слов: «Тройденови же еще княжа в Литовьской земле»[202]) и сообщает о походе его брата Сирпутия (единственного из братьев, спасшегося от князя Василько) с ятвягами на Люблин; характеризуя результат похода, сводчик пишет: «Тако придоша со честью великою домовь».

Нетрудно видеть, что все это, включая похвалу, плохо вяжется с отрывком, хулящим «проклятого» Тройдена. Князь

[200] ПСРЛ, т. II, стб. 869.

[201] Там же, стб. 871.

[202] Там же, стб. 878. Люблин и позднее опасался литовских походов (см. там же, стб. 910).

Владимир в реальной политике руководствовался здравым признанием значения Литвы. После того как подвластный Тройдену Сирпутий (быть может, правивший в Новогородке) повоевал окрестности Камена, а князь Владимир в ответ освободил от Литвы Турийск, волынско-литовские отношения стабилизировались, и Владимир вступил в союз дружбы с Тройденом: они «умиристася и начаста быти во величе любви»[203].

Таким образом, лишь благодаря особенностям своей формы (в частности, своеобразным концовкам, заключающим жизнеописания князей, а также переходным формулам, отграничивающим отрывки «Литовской летописи») и содержания текст «Литовской летописи» о Тройдене поддается выделению из свода князя Владимира.

Подходя к концу анализа, мы имеем достаточно оснований выделять текст, содержание которого составляют записи о княжении Миндовга, Тройната, Войшелка, Шварна и Тройдена, сделанные по относительно единой форме и проникнутые духом православного церковного «просветительства». Подобный текст нельзя считать продуктом устной информации, и потому мы предлагаем возводить его к летописи какого-либо православного монастыря в Литве.

Поскольку в повествовании «Литовской летописи» важным центром является Новогородок и поскольку ее автор отмечает, что Войшелк «крестися тоу в Новегородце», нам казалось естественным предположить, что подобный первый опыт литовско-русского летописания мог возникнуть в одном из местных монастырей, может быть, даже в том, который основал Войшелк на Немане «межи Литвою и Новымъгородъком»[204]. Подобным же образом возникло позднее и литовско-русское летописание в Смоленске (см. ниже).

В целом галицко-волынское летописание — богатый источник сведений по вопросам внутренней политической истории Литвы времени укрепления в ней раннефеодальной монархии, а также по истории ее международных отношений (с Ригой, Орденом, Польшей, папской курией и др.). Совершенно исключительную ценность имеет этот материал для освещения истории литовско-русских отношений. В истории Галицко-Волынской Руси Литва имеет важное значение, которое непрерывно возрастало. Русь вообще и в особенности Черная Русь — весьма существенный фактор истории Литвы. Политическая обстановка в Восточной Европе приводила к тесному общению Литвы и Руси. Их связи находят свое отражение в богатейшем княже-

---

[203] ПСРЛ, т. II, стб. 875.

[204] Там же, стб. 859. Монастырское происхождение летописи закрывает путь к обнаружению в ней влияния литовского языка.

ском галицко-волынском летописании и особенно в древнейшей новогородской «Литовской летописи».

Владимиро-суздальское летописание, представленное Лаврентьевской летописью [205] и сходными (Радзивиловской, Летописцем Переяславля-Суздальского и Московским академическим списком [206]), изучено более подробно. Оно рисуется перед нами как серия великокняжеских сводов (1177, 1193, 1212, 1239, 1263 гг.), осложненных ростовским епископским летописанием и дошедших в составе тверского свода 1306 г. князя Михаила Ярославича [207].

Дефектная часть Лаврентьевской летописи под 1263—1283 и 1287—1294 гг., по вероятному предположению М. Д. Приселкова, читается в московской редакции по Симеоновской, а еще лучше по Троицкой летописи [208]. Вопрос о том, насколько полно тверской свод передал нам владимиро-суздальское летописание, исследован пока что недостаточно [209]. В виде дополняющего источника можно привлекать также Типографскую (ростовскую обработку общерусского свода 1479 г.) и, разумеется, Никоновскую летописи.

Историк, задумавший изучать литовско-русские отношения по владимиро-суздальскому летописанию, неизбежно создал бы ложную картину. У местного летописания свой круг феодально-колониальных интересов. Это прежде всего волжские болгары, мордва и владения, подвластные Новгородской республике. Оригинальные известия о Литве здесь начинаются лишь в своде Ярослава Всеволодовича, но и они грешат неполнотой.

Под 1225 г. сообщается, что зимой литовцы воевали «Новгородьскую волость и поимаша множество много зело христиан

---

[205] ПСРЛ, т. I, вв. 1—2, Л. 1926—1927.

[206] Издан в виде вариантов к Лаврентьевской летописи (до 1206 г.), а с 1205—1419 гг., под названием Суздальской, в виде дополнения к ней. ПСРЛ, т. I, в. 3, Л. 1928.

[207] А. А. Шахматов₃, стр. 365; А. Н. Насонов₁, стр. 125—128; А. Н. Насонов₂, стр. 766—769; ср. М. Д. Приселков₂, стр. 57—110; Д. С. Лихачев₁, стр. 268—288, 427—431, 433—437, 456—457. Мы считаем целесообразным рассматривать литовские известия не только сами по себе, но и в рамках дошедших сводов в той мере, в какой это позволяет сделать современное состояние летописного источниковедения. В ряде случаев мы оговариваем свои расхождения с другими авторами во взглядах на ту или иную летопись; менее изученные летописи мы используем, оценивая их идеологию в целом и под углом зрения литовско-русских отношений в частности.

[208] М. Д. Приселков₂, стр. 100—101; мы не касаемся здесь ошибочных идей автора о византийском влиянии на идеологический смысл владимиро-суздальского летописания, так как говорили об этом в другом месте. См. В. Т. Пашуто₂, стр. 133; ср. нашу рецензию на труд М. Д. Приселкова «Троицкая летопись». ВИ, 1950, № 11, стр. 145—148.

[209] М. Д. Приселков₂, стр. 110.

и много зла створиша, воюя около Новагорода, и около Торопча и Смолиньска и до Полтеска, бе бо рать велика зело, ака же не была от начала миру»[210]. Новгородская летопись не говорит о нападении на Смоленск, но смолняне страдали в эту пору от набегов Литвы, как видно из договора 1229 г.: «велика пагуба бываеть от погани Смолняном и Немцем»[211]. В целом — это несколько гиперболизированное изложение событий, связанных с Ярославом Всеволодовичем, который из Переяславля выступил против литовцев, разбил их на озере у Усвята, «князи их изъима», полон отнял «и бысть радость велика по всем землям тем, свобоженым им от поганых, бысть мир потом по многи лета» [212].

Последнее известие явно недостоверно, так как уже в 1229 г. отмечено в Новгороде новое нападение Литвы. Но сам по себе свод Ярослава Всеволодовича логичен вплоть до 1239 г., не сообщая новых известий о Литве. Под 1239 г. читаем: «Ярослав иде Смоленьску на Литву и Литву победи и князя их ял, а Смольняны урядив, князя Всеволода [213] посади на столе, а сам со множеством полона с великой честью отъиде в свояси» [214].

Из последующих известий о борьбе с набегами Литвы здесь отразилось лишь одно (разбитое на две части) под 1248 г.: «Тое же зимы убьен бысть Михаил Ярославич [215] от поганые Литвы»[216], а ниже сказано, что той же зимой «у Зупцова победиша Литву суждальскыи князи». Зубцов лежит на Верхней Волге и является окраинным западным центром Владимиро-Суздальской земли[217]; чтобы достигнуть его, литовцы должны были пройти через всю северную часть Смоленского княжества.

Это ясное свидетельство о значительном расширении сферы литовского наступления дополняется еще одним более вырази-

[210] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 447—448.

[211] ПРП, в. 2, стр. 63,80. О большом влиянии Ярослава Всеволодовича в Смоленске см. НПЛ, стр. 67 (1228 г.).

[212] Подобный тон в отношении Литвы отмечаем и в Летописце Переяславля-Суздальского начала XIII в.: «Литва, испръва исконнии данници и конокоръмци» (Летописец Переяславля-Суздальского, стр. 2).

[213] «Мстиславича... внука Романа Ростиславича» — добавлено в Воскресенской летописи, т. VII, стр. 144; ср. ПСРЛ, т. XV, стр. 373: «смолнян бороня», «шурина своего... внука Романа Мьстиславича»; ср. там же, стр. 360.

[214] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 469.

[215] «Московьский» — см. НIVЛ, 1, стр. 230 (под 1249 г.); «бишася князи Рустии с Литвою и одолеша» — ПСРЛ, т. XV, стр. 395.

[216] «на Поротве» — НIVЛ, 1, стр. 230, т. е. в районе, где некогда были поселены галинды; ср. ПСРЛ, т. I, в. 3, стб. 523. Прочие литовские известия Академического списка — под 1210, 1222, 1235 («Вьст» это — Усвят), 1237, 1248 гг.— тоже не оригинальны, восходят к новгородской традиции.

[217] А. Н. Насонов₆, стр. 193—194.

тельным, когда под 1285 г. говорится, что Литва воюет уже волость тверского епископа Олешню, а против нее идут, соединившись, рати из Твери, Москвы, Волока, Торжка, Зубцова и Ржевы; они «биша Литву на лес» и притом «великого князя их Домонта убиша, а иных изъимаша, а овых избиша, полон весь отъяша, а иные розбежашася»[218].

Если посмотреть на отражение тверского свода 1306 г. в московском своде 1408 г., то можно обнаружить еще одно известие под 1275 г. о татаро-русском походе на Литву (быть может, совпадающем с походом юго-западных князей по приказу Менгу-Тимура); описание похода дано в духе тверского летописания, враждебного Орде: «ходиша Татарове и Русстии князи на Литву, не успевше ничто же, възвратишася назад». Татары при этом «велико зло и многу пакость и досаду сътвориша христианом, идуще на Литву, а пакы назад идуще от Литвы того злее створиша, по волостем, по селом дворы грабяще, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, облупивше нагого пустять».

Возвращаясь из похода через Курск, они «кострове лнянии в руках потерли и всюды и вся дворы, кто чего отбежал, то все пограбиша погании, творящеся на помощь пришедше, обретошася на пакость. Се же написах памяти деля и пользы ради»[219]. Это известие характеризует, с одной стороны, отношение Орды к Литве, с другой — свидетельствует об истинной ценности ее как «союзника» Руси.

К тверскому своду восходит и известие (под 1289 г.) о поставлении по предложению княгини Аксиньи, вдовы Ярослава, и ее сына Михаила в местные епископы игумена Андрея «от святыя богородицы из общего монастыря». Это известие важно для характеристики русско-литовских отношений, так как «сий Андрей бяше родом литвин, сын Ерденев, литовского князя»[220]. С именем Андрея, как увидим ниже, было связано выступление, осуждавшееся официальной церковью и московским правительством.

Последнее, интересное для нас, известие сохранено, видимо, тверским сводом 1327 г., в котором (по сокращенной редакции

---

[218] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 483. Для наших целей безразлично, относить ли это известие к тверскому своду, как думал А. Н. Насонов$_2$, стр. 766, или нет, как думал М. Д. Приселков$_2$, стр. 106—107.

[219] Троицкая летопись, реконструкция М. Д. Приселкова, стр. 332—333.

[220] Там же, стр. 344—345; «преподобный епископ Андрей Тферскый, оставя свою епископию, иде в монастырь» — ПСРЛ, т. XV, в. I, стб 36 (28 марта 6824 г.); о его смерти «во своем ему монастыре на Шоши» св. богородицы и погребении в Твери у св. Спаса в 1323 г. — ПСРЛ, т. XV, стр. 414; т. XV, в. I, стб. 42. Его упоминание — там же, стб. 36.

тверского свода 1455 г., отраженной в Тверском сборнике и Рогожском летописце [221]) под 1320 г. читаем: «Той же зимы за князя Дмитрия Михайловича приведоша княжну Марию из Литвы, Едименову дщерь» [222].

Некоторые новые сведения о литовской политике в отношении этого края находятся уже не в тверском, а в московском летописании XIV и следующих веков.

Новгородское летописание представлено целым рядом в основном архиепископских сводов, содержание и идеологический смысл которых изучен пока что недостаточно. А. А. Шахматов не оставил исторически обоснованной схемы новгородского летописания [223]; новейшие исследователи касались главным образом его ранних этапов. В настоящее время они рисуются в следующем виде. Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список [224]) представляет собой список 1333 г. с приписками, доходящими до 1352 г.; в составе этого списка выделяют архиепископские своды 1136 и 1204 гг. [225] Дальнейшая работа сводчиков по этому списку не изучена.

В Новгородской первой летописи младшего извода [226] (доведенной до 1446 г.) исследователи видят свод 1433 г., основанный на Синодальном списке и Софийской летописи архиепископского двора [227]; притом сам Комиссионный список признается сводом 1433 г., переработанным по новгородско-софийскому своду 30—40-х годов XV в.

Следующий этап новгородского летописания отражен в своде 30—40-х годов XV в., который восстанавливается на основе Новгородской IV летописи [228] и Софийской I летописи [229]. Свод составлен на основе свода 1418 г., Новгородской летописи церкви Якова и Новгородской официальной летописи; в этот свод вошел и список городов русских. Д. С. Лихачев видит в нем Софийский архиепископский свод, составленный при дворе Евфимия II, который, играя на русско-литовских противоречиях, получил поставление от литовского митрополита

---

221 А. Н. Насонов₂, стр. 765.

222 ПСРЛ, т. XV, стр. 414; т. XV, в. I, стб. 41.

223 ВИ, 1952, № 2, стр. 63—64.

224 НПЛ, стр. 15—100.

225 Д. С. Лихачев₁, стр. 197—215, 440—442; ср. Е. Ю. Перфецький₂, стр. 1—18; этот автор сделал любопытные наблюдения над тенденциозностью архиепископского летописания, но нельзя признать удачной его попытку выделить новгородскую княжескую летопись XII в. О возможном участии в летописании Юрьева монастыря см. И. М. Троцкий₁, стр. 337—362.

226 НПЛ, стр. 103—427.

227 Д. С. Лихачев₁, стр. 443—444.

228 ПСРЛ, т. IV, ч. I, вв. 1—3.

229 ПСРЛ, т. V, в. I (до 1255 г.). Л., 1925; далее по изд. ПСРЛ, т. V (до 1471 г.). СПб., 1851 и т. VI (до 1509 г.). СПб., 1853.

Герасима в Смоленске [230]. Мне представляется, что летописание времен Евфимия II четко отражено в Новгородской первой младшего извода; что же касается Новгородской IV, то в ней при широком использовании Новгородской архиепископской, как, впрочем, и какой-то Тверской летописи, господствует, как и полагал М. Д. Приселков, московский взгляд на события [231]. Наконец, около середины XV в. Софийский свод был сверен с Новгородской первой летописью и пополнен ростовским сводом архиепископа Ефрема, что привело к созданию основной редакции Новгородской IV летописи [232].

Новгородское летописание XIII — XIV вв. в пределах названных выше сводов остается неизученным [233], хотя к нему вполне применим справедливый вывод Д. С. Лихачева о том, что «содержание новгородских летописей, стремившихся соединить достижения исторической мысли Москвы с антимосковскими тенденциями правящей верхушки Новгорода, осталось таким же противоречивым, как противоречива была и сама новгородская жизнь» [234].

Летопись проводит ту же идею, которая господствует в новгородских договорах с князьями: в боярской республике сидят «вольные мужи» [235], которые могут приглашать на службу любых князей, но земельный фонд республики остается при этом под ее юрисдикцией и по уходе князя подлежит непременному возвращению без выкупа или за выкуп. Князья правят по договору, по «старине», которая обязательна для князей и из Руси, и из Литвы (см. о договорах 1393, 1400, 1414 гг. и др.). Видимо, литовско-новгородские договоры восходят к несохранившемуся договору между Миндовгом и Александром Невским [236] (орденско-новгородские восходят ко времени этого князя [237]). Новгород не раз терпит Литву на «пригородах», но не пускает Казимира на «Городище» (1444 г.), где сидят русские князья [238].

Новгородское летописание действительно внутренне противоречиво. В нем мы найдем положительную оценку Куликовской битвы, при сохранении антимосковских подробностей, вроде того, что «москвици мнози небывалци, видевши множество рати татарьской, устрашишася и живота отцаявшеся, а инеи и на беги обратишася» [239]. Найдем мы в ней и положитель-

[230] Д. С. Лихачев₁, стр. 312—313, 445—450.
[231] М. Д. Приселков₂, стр. 150.
[232] Д. С. Лихачев₁, стр. 315.
[233] Там же, стр. 312, 315.
[234] Там же, стр. 317.
[235] НПЛ, стр. 390.
[236] См. ниже, стр. 136.
[237] НПЛ, стр. 413.
[238] Там же, стр. 424.
[239] Там же, стр. 376, ср. стр. 75, 287, см. В. Т. Пашуто₂, стр. 56.

ную оценку битвы на Ворскле с упоминанием: «по грехом тако случися горе немалое литовскым детем»[240]. Видна здесь и нечеткость в наименовании русских земель, занятых Литвой: под 1335 г. Витебск упомянут как город на Руси[241], а под 1445 г. Вязьма и Брянск рассматриваются как «литовскыи городы»[242].

Противоречиво и церковно-политическое положение Новгорода. Он не ладит с митрополитами (см. известия под 1341, 1393, 1395 и другими годами), а потому создание литовским правительством новой митрополии (под 1415 г.) освещает в спокойном тоне: «богу попущьшю, а князю Витовту Литовьскому тако изволившю»[243]. Сам архиепископ Евфимий едет ставиться в Смоленск (1434 г.)[244]. Но когда Исидор привозит из Рима в Литву униатство (1441 г.), летопись ясно отмечает, что «Литва же и Русь за то не изымашася»[245]. Такова идеология основных новгородских летописей в интересующем нас аспекте[246].

Наша задача сводится к тому, чтобы определить состав литовских известий новгородского летописания исследуемого периода, а также оценить их достоверность, имея в виду историю новгородско-московско-литовских отношений и, соответственно, изменение политических тенденций сменяющих друг друга летописных сводов. Просмотр литовских известий убеждает, что летопись отражает третий этап литовско-русских отношений — набеги Литвы на Русь и переход к захвату русских земель. Направление, сфера и характер набегов достойны полного внимания. Одно направление — это набеги на Псковскую землю, о чем читаем под 1183 г.: «На ту же зиму бишася пльсковици съ Литвою и много ся издея зла пльсковицем»[247]. Сообщения этого рода могли быть и неполно отражены в летописи Новгорода, но они встречаются. Например, под 1213 г. говорится: «Изъехаша Литва безбожная Пльсков и пожгоша», псковичи в это время были без князя и, кроме того, находились на озере, поэтому литовцы безнаказанно «много створиша зла и отъидоша»[248].

---

240 НПЛ, стр. 395.
241 Там же, стр. 346.
242 Там же, стр. 424.
243 Там же, стр. 406.
244 Там же, стр. 417.
245 Там же, стр. 421.
246 Кроме них, подлежат учету Новгородские вторая и третья летописи, также по составу не изученные. См. С. Н. Азбелев₁, стр. 236—262. Впрочем, они не содержат оригинальных известий по нашей теме. Д. С. Лихачев₁, стр. 444—445.
247 НПЛ, стр. 37, 227.
248 Там же, стр. 52.

Наступление немецкого Ордена вызвало перемены в политике Псковской боярской республики. В 1228 г. она сделала попытку порвать отношения с владимиро-суздальскими князьями и Новгородом и заключила мирный договор с Ригой. Договор предусматривал даже оказание взаимной помощи. Рыцари должны были «защищать» Псков от Новгорода и, конечно, от Литвы, а для гарантии союза псковские бояре послали им 40 мужей в залог; предав общерусские интересы, псковские бояре самовольно «уступили» рыцарям «права» на земли эстов, латгаллов и ливов [249].

Псковские бояре и купцы думали использовать Орден против Литвы, и их войска — отряд в 200 человек — даже приняли участие в немецком походе 1236 г., закончившемся поражением Ордена при Шауляй; из псковских участников этого похода домой вернулся лишь «кождо десятый» [250]. Захват Пскова немецкими рыцарями, его освобождение войсками Александра Невского и разгром крестоносцев на Чудском озере — все это послужило предметным уроком Пскову и упрочило на время позиции великих князей и новгородского боярства в нем; во всяком случае, был нанесен тяжелый удар немецкой ориентации части псковского боярства. После татаро-монгольского нашествия она сменилась, как увидим, литовской ориентацией.

Другое направление литовских набегов шло через Полоцкую землю на Великие Луки — Шелонь — Старую Русу и через Жижец — Торопец — на Торжок — Бежицы. Оно во многом определялось новгородско-смоленско-полоцкими отношениями [251]. Уже в 1191 г. новгородский князь ходил к Лукам, «позван полотьскою княжьею и полоцяны». Эта формула не только отражает пренебрежение новгородского боярства к относительно слабым полоцким князьям, но и подчеркивает силу полоцкого вечевого строя. Во время встречи «на рубежи» представители Новгорода и Полоцка «положиша межи собою любовь», порешив зимой «всем сънятися любо на Литву, любо на Чудь» [252]. То есть в Новгородской летописи, как и в Киевской, мы обнаруживаем интерес Полоцка к литовским делам и поиски союзников для действий против Литвы и эстов. Новгород, видимо, тоже давно страдал от литовских набегов, ибо под 1198 г. Великие Луки названы «оплечьем» (оплотом) новгородским от Литвы [253].

---

[249] В. Т. Пашуто₅, стр. 138—139.

[250] НПЛ, стр. 74, 285 (под 1237 г.); НIVЛ, 1, стр. 215.

[251] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 403—404 (о смоленско-новгородском походе на Полоцк и мире на «сумежье»).

[252] НПЛ, стр. 40, 230; НIVЛ, 1, стр. 174.

[253] НПЛ, стр. 44.

Однако из новгородско-полоцкого сближения ничего не получилось. Напротив, полочане используют Литву для нападения на новгородские волости: осенью 1198 г. «придоша полочяне с Литвою на Луки», но лучане сумели уберечь город [254]. Выступления Литвы как союзника полоцких бояр осуществлялись, конечно, по какому-то соглашению или договору. Но вот мы видим, как вскоре они сменяются самостоятельными набегами Литвы по тому же направлению, видимо, с молчаливого или явного согласия полоцкого правительства, которое не могло противостоять требованию своего окрепшего союзника.

Эти разорительные нападения следуют одно за другим, постепенно охватывая все более широкий район Новгородской земли. Новгородская летопись, которая считала новгородско-литовское сближение естественным результатом изменения политического положения Руси, не имела оснований искажать события, приведшие к такому вынужденному сближению. Литовские набеги охватили (как читаем под 1200 г.[255]) волость Ловать, простирались до Налюча (на берегу р. Полы), от Белой до Свинорта (селения на Нижней Шелони), Ворча и Чернян (селения в верховьях Ловати) — т. е. путь литовцев лежал через Полоцкую землю, мимо Великих Лук — на Русу. Отступали литовские дружины через Клин [256]. Далее следуют набеги на Ходыничи (под 1210 г.) [257], на Шелонь (под 1217 г.) [258].

Примечательно, что литовские отряды еще не подчинены единой власти и служат разным враждующим сторонам. Так, при походе русских на Венден (под 1219 г.) они встретили литовцев в составе немецкой сторожи [259]; при походе на тот же Венден в 1222 г. уже русским «придоша Литва в помочь же»[260]; в 1240 г. Литва вновь упомянута в составе орденского войска, впрочем, это упоминание сомнительно и, вероятно, является поздней вставкой; тем более, что литовцы названы на первом месте («Литва, Немцы, Чюдь»[261]), тогда как главную роль играли немецкие рыцари.

Литовские набеги идут на Торопец (под 1223 г.) [262], Старую Русу (под 1224 г.)[263], Торжок и Торопецкую волость (под 1225 г.)

[254] НПЛ, стр. 44, 238.
[255] Там же, стр. 45, 239.
[256] НIVЛ, 1, стр. 179.
[257] НПЛ, стр. 51, 249; НIVЛ, 1, стр. 182.
[258] НПЛ, стр. 57, 258; НIVЛ, 1, стр. 197.
[259] НПЛ, стр. 59, 261.
[260] Там же, стр. 61, 263; НIVЛ, 1 , стр. 200.
[261] НПЛ, стр. 78; 295; ср. НIVЛ, 1, стр. 227 («Немци с Чюдью и Литва»).
[262] НПЛ, стр. 61, 263.
[263] Там же, стр. 61, 264.

с отходом через Усвят [264]; на Любно, Мореву, Селигер (под 1229 г.) [265] и вновь на Старую Русу с отходом на Торопец и Клин (под 1234 г.) [266].

Татаро-монгольское разорение Руси активизировало литовские набеги: они достигли Смоленска. Русские князья принимали меры к обороне. Князь Александр Невский распорядился возвести в 1239 г. городки на Шелони [267]; он же старался упрочить свое влияние в Полоцке [268]. В том же году князь Ярослав Всеволодович очистил от Литвы Смоленск [269] (о чем умалчивает Новгородская летопись, обычно следящая за судьбами этого города).

Но и эти меры не остановили набегов. Литовские отряды нападают на Торжок, идут далее на Бежицы (под 1245 г.) [270], с отходом на Жижец, Усвят, Витебск. В борьбу втягивались новые центры — Тверь, Дмитров и (как видим из невраждебной московским князьям летописи) Москва; по-прежнему их путь лежит и через Торопец (под 1253 г.) [271]. Полоцко-новгородско-смоленское пограничье тоже стало «землей ратной». Литовские набеги должны были повлиять на политическое положение Полоцкой земли и понудили местных бояр искать каких-то новых форм соглашения с сильным соседом. Что такое соглашение было найдено, видим из сообщения летописи (под 1258 г.) о нападении уже не «полочан с Литвой», как прежде, а «Литвы с полочаны» на Смоленск и разорение ими Войщины; а затем в том же году о нападении Литвы на Торжок [272].

Только сближение на основе общей борьбы с наступлением Ордена и заключение договора 1262 г. («с Литвою мир взяша»[273]), о котором подробно повествует Римфованная хроника (см. ниже), несколько нормализует литовско-новгородские отношения, во всяком случае ставит их на договорную основу.

Новгородская летопись, как и Волынская, видит смысл литовских набегов в ограблении богатых новгородских и смоленских городов, лежавших на торговых путях, угоне полона,

---

264 НПЛ, стр. 64, 269; НIVЛ, 1, стр. 203.
265 НПЛ, стр. 68, 275; НIVЛ, 1, стр. 209.
266 НПЛ, стр. 73, 283—284; НIVЛ, 1, стр. 214.
267 НПЛ, стр. 77, ср. 289 («городець»).
268 Там же.
269 ПСРЛ, т. I, в. 1, стб. 469, ср. т. VII, стр. 144.
270 НПЛ, стр. 79, 304; НIVЛ, 1 (под 1246 г.), стр. 229.
271 НПЛ, стр. 80, 307; НIVЛ, 1, стр. 230.
272 НПЛ, стр. 82, 310; НIVЛ, 1, стр. 232.
273 НПЛ, стр. 83, 311 (под 1263 г.). В отличие от Волынской, Новгородская летопись лишь кратко упоминает о татаро-монгольском нашествии на Литву: зимой 1258 г. «взяша Татарове всю землю Литовьскую, а самех избиша» (НПЛ, стр. 82, 310; НIVЛ, 1, стр. 232).

коней с «товаром» (см. сообщения под 1234, 1245 гг.) и т. п. Можно отметить, что нападения на волости, на окрестности городов постепенно сменяются нападениями на посады, на сами города и иногда сопровождаются их захватом. Новгородским и княжеским войскам не раз удавалось настигать литовские отряды и отбирать полон (1200, 1225, 1229, 1234, 1245, 1253 гг.), но подчас и не удавалось (1217 г.— «не състигоша их»; 1223 г.— «не угони их»).

Просмотр известий убеждает в возрастании сил Литвы: при набеге 1200 г. было убито 80 литовцев, а при нападении 1225 г.— уже 2 тыс. из общего числа 7 тыс. воинов. Набеги одиночных отрядов сменяются походами дружин целых групп литовских князей: в 1245 г. литовские «княжици», отступая, «въбегоша» в Торопец, но там их захватил Александр Невский и «княжиць иссече или боле 8»; под Жижцем, разбив еще одну литовскую рать, он «изби избыток княжичь».

Наибольший интерес для внутренней истории Литвы, а также ее политики в отношении Новгорода, Полоцка («Полотьскый князь Товтивил, с ним полочан и Литвы 500»— был после мира 1262 г. союзником Новгорода [274]) и Пскова представляют известия изучаемой летописи под 1263, 1265—1269 гг., которые в сопоставлении с Волынской летописью и немецкой Рифмованной хроникой проливают свет на становление литовской раннефеодальной монархии (см. часть III, § 1).

Литовские события освещены с новгородской точки зрения; их описание сдобрено большой долей церковных рассуждений, смысл которых сводится к тому, что бог покарал «поганую» Литву внутренними смутами, «не терпяше бо господь бог наш зрети на нечестивыя и поганыя, видя их проливающа кровь христьяньскую акы воду, и ины расточены от них по чюжим землям» [275].

Здесь целесообразно коснуться освещения летописью лишь двух вопросов — влияния литовских событий на судьбы Полоцка и Пскова. Из Волынской летописи мы знаем, что князь Тройнат жемайтский, покончив с Миндовгом (1263 г.), «посла по брата своего по Товтивила до Полотьска» (где тот нашел прибежище, вероятно, по возвращении из чешского похода князя Даниила [276]), сказав: «брате, приеди семо розделиве землю и добыток Миндовъгов». Товтивил приехал, но дележ не ладился, и «нача думати Товтивил, хотя убити Треняту, а Тренята собе думашеть на Тевтивила пак». Дело кончилось тем, что один из полоцких бояр Товтивила («боярин его»)

[274] НПЛ, стр. 83, 311—312.
[275] Там же, стр. 84.
[276] ПСРЛ, т. II, стб. 822.

«пронесе думу» своего князя, и Тройнат, «попередив», убил соперника [277].

Новгородская летопись дополняет это известие так: «роспревшеся убоици Миндовгови о товар его, убиша добра князя Полотьского Товтивила, а бояри полотьскыя исковаша и п р о с и ш а у п о л о ч а н сына Товтивилова убити же; и он вбежа в Новъгород с м у ж и с в о и м и. Тогда Литва п о с а д и ш а свой князь в Полотьске; а п о л о ч а н п у с т и ш а, которых изъимали с княземь их, а м и р в з я ш а» [278]. Не касаясь здесь вопроса о феодальной природе литовских князей, имеющих в наследственной собственности «землю и добыток», окруженных своими боярами и мужами, обращаю внимание лишь на те пути, которыми шла Полоцкая земля под власть Литвы. Это не добровольное соединение двух народов, о котором столько писали дворянско-буржуазные историки, а соглашение литовского князя с полоцкими боярами, действующими от имени полочан. Литва не захватывает город с боем. Литовские власти Тройната «просиша» у полочан выдать соперника, а когда тот бежал (полочане его, видимо, не держали), то «посадиша» здесь своего ставленника, притом, конечно, с согласия полоцких бояр, которых не оставили заложниками, а «пустиша» и вообще с Полоцком «мир взяша». Суздальские князья понимали, что Полоцк уходит из их рук и даже предполагали в 1268 г. провести поход на Литву или на Полоцк, но борьба с Орденом оказалась делом более первоочередным [279].

Литовские события затронули и Псков. Из Волынской летописи мы узнаем о княжении Войшелка и разгроме им своих противников, среди которых был и нальшенайский князь Довмонт [280]. В Новгородской летописи личность крещенного в православие Войшелка идеализирована в церковно-слащавом духе и сказано, наконец (под 1265 г.), что он «съвкупи около себе вои отца своего и приятели, помоливъся кресту честному, шед на поганую Литву, и победи я, и стоя на землих их все лето» [281].

Вот тогда «вбегоша в Пльсков» князь Довмонт и «300 Литвы с женами и детми», где они были крещены князем Святославом и псковичами. Новгородцы хотели было их «исещи», но князь Ярослав Ярославич не дал им этого сделать [282], а на следующий год псковичи «посадиша» у себя князя Довмонта литовского. Он был независим от Литвы, против которой воевал; он был независим и от низовских (тверских) князей. По-

[277] ПСРЛ, т. II, стб. 860—861.
[278] НПЛ, стр. 84.
[279] Там же, стр. 85.
[280] ПСРЛ, т. II, стб. 861.
[281] НПЛ, стр. 85.
[282] Там же.

этому понятно желание князя Ярослава исправить оплошность и прогнать из Пскова литовского князя, хотя и принявшего крещение. Но на этот раз уже новгородские бояре помешали князю, который пришел с низовскими полками. Бояре надеялись найти в Довмонте союзника против притязания самих суздальских князей и не ошиблись. Довмонт не только успешно отбивал натиск Литвы и Ордена, предводительствуя псковскими и новгородскими полками (1266, 1267, 1268, 1298 гг.) [283], но и помогал Новгороду отражать притязания тверских князей. Отношения у него с этими князьями были едва ли хорошими, и можно думать, что в 1270 г. Довмонту приходилось покидать Псков, судя по известию Новгородской летописи, что Ярослав Ярославич «пльсковичем даст князя Аигуста» [284]. Аигуст (Август) — тоже, видимо, литовец. Знаменательно, что русские великие князья соглашаются ставить своими вассалами литовских князей, позднее эти князья будут ставиться местным вечем (т. е. прежде всего боярством), в согласии с литовскими великими князьями.

Дружба Довмонта с Новгородом и его враждебность князьям видна из факта, сохраненного под 1282 г. Комиссионным списком. Великий князь Дмитрий построил в 1279 г. с разрешения Новгорода крепость в Копорье и посадил там своих мужей. Затем, после ссоры с Новгородом, попытался пройти к этой крепости, но Новгород, захватив его дочерей и бояр, потребовал очистить Копорье. Тогда вмешался Довмонт, хотя известие о нем и не очень вразумительно: «Того же дни изгони Домонт Ладогу ис Копорья [под которым он, видимо, стоял сам] и поимаша вся княжь товар Дмитриев и задроша ладозкого и везоша и в Копорью на Васильев двор» [285]. Сообщая о смерти Довмонта (1299 г.), летопись отмечает, что он «много пострадав за святую Софью (т. е. за Новгород) и за святую Троицу (т. е. за Псков)» [286]. В конце концов великий князь вернул крепость Новгороду, который ее разрушил, а позднее (1297 г.) построил новую, каменную [287] и включил в число пригородов, переданных под управление Литвы.

Поскольку политическая борьба в Литве привела к упрочению государственной власти, а на княжеском столе Полоцка (как, впрочем, и Витебска, и Минска) сидели ставленники Литвы, на княжеском же столе Пскова—приглашенный псковским правительством литовский князь, поскольку при этом литовские походы время от времени задевали Новгородскую землю,

[283] НПЛ, стр. 85—86, 329.
[284] Там же, стр. 89, 321; НIVЛ, 1, 240: Августа.
[285] НПЛ, стр. 324; чтение «двор» см. НIVЛ, 1, стр. 244.
[286] НПЛ, стр. 90.
[287] Там же, стр. 328.

в частности, волость Ловать [288] (1285, 1323 гг.) и Торжок [289] (1335 г.), а отношения Новгорода с великими князьями русскими оставались напряженными,— литовское влияние в нем должно было возрасти и стать в глазах боярства фактором, который можно было использовать в противовес политическим стремлениям низовских князей.

Притом весьма любопытно, что новгородское правительство было склонно подобные же действия псковского боярства расценивать как измену, и потому история псковско-литовских отношений получила в нашей летописи искаженное освещение. Приведем два примера. Под 1322 г. летопись сообщает лишь о бегстве князя Юрия Даниловича во Псков и его приглашении новгородцами, так как «въ Пскове бяше Литовьский князь Давыдко» [290]. Между тем достаточно обратиться к псковским летописям (см. ниже), хронике Петра Дюсбурга и новгородско-немецкому договору 1323 г., чтобы обнаружить тенденциозность летописи и понять суть русско-литовско-немецких отношений, приведших к новгородско-литовскому договору 1326 г. (см. ч. III, § 1—2). Последний договор, к сожалению, не сохранился, но упомянут в летописи: «приехаша послы из Литвы: брат Гедиминов князя Литовьского Воини Полотскый князь, Василий Меньскый князь, Федор Святославич; и докончаша мир с Новгородци и с Немци» [291].

Другой пример относится ко времени Калиты. Когда Иван Калита повел борьбу против Твери, местный князь Александр Михайлович, в прошлом признанный Новгородом [292], должен был искать пристанища во Пскове (1327 г.) [293]; тогда митрополит Феогност проклял псковичей (1329 г.) [294], а Иван Калита прибыл в Новгород с ратью для похода на Псков. В это время и в Литве [295] произошел интересный эпизод новгородско-литовских взаимоотношений, также весьма тенденциозно поданный в летописи. Сохранились три последовательные редакции известия, касающегося поездки архиепископа Василия на поставление к митрополиту Феогносту на Волынь. В краткой, видимо современной, записи (Синодального списка) сказано:

---

[288] НПЛ, стр. 326; Ловать названа в НIVЛ, 1, стр. 246; НПЛ, стр. 339 (по списку Т).

[289] НПЛ, стр. 347 (Литва воевала Новоторжскую волость «на миру», а Иван Калита отправил войско и «пожже городке литовьскыи Осечен и Рясну и иных городков много»).

[290] НПЛ, стр. 97, 339; ср. НIVЛ, 1, стр. 259; ПЛ, в. I, стр. 16; в. II, стр. 22; ГВНиП, № 37, стр. 65—66.

[291] НПЛ, стр. 98, 341.

[292] ГВНиП, № 14, стр. 26—28.

[293] НПЛ, стр. 98, 341; ср. ПЛ, в. I, стр. 17 (под 1327 г.).

[294] НПЛ, стр. 342; НIVЛ, 1, стр. 263.

[295] НIVЛ, 1, стр. 263; НПЛ, стр. 342—343.

«приехаша послове от митрополита из Велыньской земли Федорко и Семенко, на страстной неделе, позыват на ставление. Того же лета поставиша Василья в Велыньской земли в Новъгород»[296].

В архиепископской летописи (по Комиссионному списку) это описано несколько подробнее: приведена дата отъезда, назван состав новгородского посольства. Но все же важное событие утаено, в частности, путь Василия на Волынь описан так: «и приехаша в Володимир волыньскый, промыслом божиим и поспешением святого духа»[297]. За подчеркнутыми словами скрыта, однако, следующая дипломатическая акция Василия, через Новгородскую IV летопись, отраженная в Московском своде 1423 г. Оказывается, Василий и его спутники «ехаша на Литовъскую землю. И князь Гедимин изнима их на миру, и в таковой тяготе и слово право дали сыну его Нариманту и пригороды Новгородцкии: Ладогу, Ореховый, Корельский и Корельскую землю, и половину Копорья, в отчину и в дедину и его детемь»[298]. Таков один пропуск.

Далее в Новгородской летописи сообщается, что во время пребывания Василия на Волыни «приихаша послове из Плескова от князя Александра и от Гидимена послове и от всех князий литовьскых», послы привезли Арсения — своего кандидата в епископы Пскова, «не потворивше Новаграда ни во что же, възнесошася высокоумьем своим»; такое действие было следствием того, что псковичи «измениле крестное целование к Нову граду, посадиле собе князя Александра из литовъскыя рукы»[299].

Новгородская летопись сообщает, что из затеи псковичей ничего не вышло, и «Арсений же со плесковицы поиха посрамлен» от митрополита «на Киев». Василий тоже поехал домой. Когда он прибыл «под Чернигов», то на него напал киевский князь Федор «со баскаком» и отрядом в пятьдесят человек «розбоем». Дело чуть не дошло до стычки: «и новгородци остерегошася и сташа доспев противу себе, мало ся зло не учинило промежю ими; а князь въсприим срам и отъиха нь от бога казни не убежа: помроша кони у него». Василий через Брянск и Торжок прибыл в Новгород, где уже «весть промчеся, яко владыку Литва яле, а детей его избиша»[300]. На первый взгляд странно это упоминание Литвы, о нападении которой в этой летописи данных нет.

---

[296] НIIЛ, стр. 99.
[297] Там же, стр. 343.
[298] НIVЛ, 1, стр. 263—264.
[299] НПЛ, стр. 343; НIVЛ, 1, стр. 264; ср. ПЛ, в. I, стр. 17 (под 1327 г.).
[300] НПЛ, стр. 344.

Дело разъясняет Новгородская IV летопись, где сказано, что Василий и его спутники не просто ехали с Волыни, а «м е ж и Л и т в ы и К и е в а у х о д о м б е ж а л и» и не зря, так как сам митрополит известил их через гонца: «отпустил князь (литовский. — *В. П.*) изиимать вас 300 Литвы». Но новгородцы «того убегли и приехаша под Черьнигов город»[301]. Так обстоит дело с Литвой.

Несколько иначе рисуется и встреча с киевском князем, которого подбил к нападению, вероятно, Арсений. Верно, что «наши остерегошася» и пр., но оказывается, «н а ш и с с е б е окуп даша, а Ратослава протодьякона митрополича, изымав, в Киеве повеле, а чрес целование»[302].

Что касается Пскова, где остался Александр, то финал этого эпизода был разыгран при совместном участии московского и новгородского правительств. Иван Калита в 1335 г. было «хоте ити на Псков с новгородци и со всею Низовьскою землею», но в Новгороде ему предложили какой-то более ловкий ход («бысть ему по любви речь с новгородци»); тогда союзники «отложиша езд», но псковичам «миру не даша»[303]. Дело кончилось сравнительно просто: князя Александра, после десятилетнего княжения, с двором и семьей выманили из Пскова вместе с сыном в Орду, где он и был убит при дворе хана Узбека (1339 г.), о чем наша летопись сообщает с наигранным сочувствием: «приимша горкую и нужную смерть»[304].

Скрыв соглашение новгородских бояр (с Василием ездили бояре Кузьма Твердиславич и сын тысяцкого Офромей Остафьев) с Литвой, Новгородская летопись подает под 1333 г. его реализацию почти как божий промысел: «в ъ л о ж и б о г в с е р д ц е князю Литовьскому Наримонту, нареченному в крещении Глебу, сыну великого князя Литовского Гедимина и п р и с л а в Новъгород, хотя поклонитися святей Софеи и послаша новгородци по него Григорью и Олександра и п о з в а ш а е г о к собе», он целовал крест Великому Новгороду «и д а ш а е м у» перечисленные выше пригороды «в отцину и в дедену и его детем»[305].

Передача некоторых важных новгородских пригородов под охрану литовского ставленника — важный политический шаг боярского правительства, подрывавший единство Руси. Но и пригороды стали в руках боярства средством игры на проти-

---

301 НIVЛ, 1, стр. 264.

302 Там же.

303 НПЛ, стр. 346, ср. стр. 347—348.

304 Там же, стр. 350, Ср. ПЛ, в. I, стр. 17—18. О проклятье новгородского архиепископа тут, понятно, умалчивается.

305 НПЛ, стр. 346, ср. НIVЛ, 1, стр. 265. Здесь ясно сказано — приехал на пригороды, «что ему рекли в Литве».

воречиях между Москвой и Вильно. Летопись не скрывает, что Наримунт плохо служил Новгороду в 1338 г. при столкновении со шведами, когда копорьяне отбили их приступ, «князь же Наримант бяше в Литве, и много посылаша по него, и не поеха, нь и сына своего выведе из Орехового, именем Александра, токмо наместник свои остави»[306]. Пригородам суждено еще долго играть важную роль в борьбе Московского княжества за воссоединение Руси, но это выходит уже за рамки нашей темы, внешней гранью которой является известие: «той же зиме умре князь великый Гедимен Литовьскый поганый»[307].

Итак, новгородское архиепископское летописание — ценный источник по истории литовской политики на Руси вообще и в Новгороде, Пскове, Полоцке в особенности. Оно также проникнуто духом православного «просветительства», но, в отличие от княжеского летописания киевского, волынского или суздальского, считает правомерными соглашения как с русскими, так и с литовскими великими князьями, стараясь, впрочем, не освещать некоторые существенные стороны новгородско-литовских и псковско-литовских отношений.

Псковское боярско-вечевое летописание было, согласно исследованиям А. Н. Насонова[308], начато в XIII в. Официальная летописная работа, ведшаяся при церкви Троицы, находилась в XIV — XV вв. под контролем посадничьей власти. Псковский летописный свод, послуживший протографом дошедших до нас других местных сводов, был составлен в 50—60-х годах XV в. Он не сохранился. Своду 1469 г. (Тихановский список[309]) была предпослана биография князя Довмонта в качестве своеобразного предисловия; основанный на псковском летописании, он был пополнен также материалом летописания новгородского и смоленско-литовского[310]. Последующее псковское летописание отмечено сводной работой 80-х годов XV в. (Синодальный список[311]), а после падения боярской республики (1510 г.) вылилось в два самостоятельных свода — про-

[306] НПЛ, стр. 349.
[307] Там же, стр. 353.
[308] А. Н. Насонов$_5$, стр. 292—294; ср. стр. 256, 268, 271—272; Д. С. Лихачев$_1$, стр. 460—465; ср. Н. Н. Масленникова$_1$, стр. 167 и сл.
[309] ПЛ, в. I, стр. 3—73.
[310] Мне представляется, что смоленско-литовские известия псковских летописей не обязательно должны быть возводимы к особому письменному источнику. Они могли возникнуть на основе устной, в частности, купеческой информации (см., например, под 1343, 1403 гг.). Экономические связи Пскова с Полоцком и Смоленском были тесными. Любопытно, что в случае конфликтов с Литвой псковичи предпринимали походы на Полоцк (1352, 1360, 1406 гг.).
[311] ПЛ, вып. II, стр. 9—69.

московский свод 1547 г. (Погодинский список [312]), возможно, возникший в Елизаровом монастыре, и антимосковский боярский свод Корнилия 1567 г. (Строевский список [313]), сложившийся в Псковском Печерском монастыре.

Псковское летописание, подобно новгородскому, пронизано идеей самостоятельности боярской республики — «мужей псковичь добровольных людей» [314], идеей независимости и от Ордена, и от Литвы, и от Новгородской республики, и от Московского княжества. Не случайно в своде 80-х годов XV в. находятся рядом жития князей Александра и Довмонта, оборонявших Псков от Ордена и от Литвы; тут же помещена пространная статья о князе Всеволоде Мстиславиче, укрепившем независимость Пскова, и, наконец, повесть о поражении суздальцев, в которых надлежало видеть предтечей москвичей. Антисуздальские тенденции очевидны и в других частях свода (под 1169, 1234 гг. [315]); антиновгородские составляют один из главных мотивов псковских сводов: они налицо под 1323, 1341 (мы коснемся этих известий ниже), под 1392, 1394, 1406, 1407, 1426 и другими годами.

В этом отношении типично известие под 1406 г.; когда Псковская земля попала под удар войск Витовта, новгородцы «никоея же помощи не учиниша», а на просьбу псковских послов: «поидите, господа, с нами на Литву мстите крови християнския» отвечали: «нас не благословил владыка воевати Литвы, а Великий Новгород нам не указал; но идем с вами на Немци» [316]. То же произошло и в «тошна» для Пскова времена [317] войны против Ордена [318]: «и бысть псковичемь тогда многыя скорби и беды, ово от Литвы, а иное от Немець, и от своея братья от Новагорода» [319].

Само псковское боярское правительство охотно играло на противоречиях литовско-русских, новгородско-московских и московско-тверских; при этом главного врага оно (после событий 1240—1241 гг.) справедливо видело в Ордене. В местном летописании литовская помощь рисуется как вынужденная отсутствием подмоги со стороны Новгорода и Москвы. Сами литовские князья характеризуются противоречиво в зависимости от того, какую позицию они занимают: если нападают на

---

312 ПЛ, в. I, стр. 74—112.
313 ПЛ, в. II, стр. 78—250.
314 ПЛ, в. I, стр. 58, 61, 63.
315 Там же, стр. 10—11.
316 Там же, стр. 28.
317 ПЛ, в. II, стр. 32.
318 ПЛ, в. I, стр. 30; в. II, стр. 33.
319 ПЛ, в. II, стр. 34.

Псков, то «отметники божии»[320]; если воюют против Ордена, то споспешники божии [321]; так же оценивали и Новгород.

Эти идеи, пронизывающие псковское летописание при глухих намеках на насилия со стороны московских ставленников, едва ли содействовали верной передаче истории литовско-псковских отношений. Цель летописания, как кажется, иная: доказать, что Псковская республика не нарушала древних договоров с суздальскими (московскими) князьями и не давала повода лишать ее самостоятельнсти. Именно эту особенность родного летописания имели в виду псковские представители, отвечая в 1510 г. послу великого князя Василия Ивановича: «Тако в нас написано в летописцех с прадеды его и з деды и со отцем его крестное целованье с великими князьями положоно, что нам псковичам от государя своего великого князя, кои ни будеть на Москве, и нам от него не ити ни в Литву, ни в Немцы; а нам жити по старине в добровольи» [322].

Эту особенность псковского летописания следует иметь в виду, анализируя его литовские известия. Для нашей темы их немного, но они интересны. Это, во-первых, две редакции повести о князе Довмонте: неполный текст в своде 1469 г.[323] и полный — в своде 80-х годов XV в.[324], а также известия о нем в этих сводах под 1265, 1266 (1267), 1299 гг.[325]; убийство Миндовга датируется в своде 1469 г., годом смерти Александра Невского, т. е. 1263 г.[326] Кроме того, извлекаем два оригинальных известия об избиении Литвой псковичей на Камне «засадою» (25 сентября 1239 г.) и «на Кудепи» (3 июля 1247 г.) [327]. Особняком в своде 1567 г. стоит известие под 1213 г. (в краткой записи известное по Новгородской летописи): «Изгнаша от себя псковичи князя литовского Володимера Торопецкого. И Литва пришедше в Петрово говенье и пожгоша Плесков и отъидоша попленив» [328].

Наконец, особенно интересно сообщение под 1323 г. о псковско-литовском сближении в борьбе против Ордена. В Новгородской летописи мы читали, что когда князь Юрий Данилович прибыл во Псков, то там оказался литовский князь «Давыдко», а потому он уехал в Новгород. Псковская версия иная: когда

[320] ПЛ, в. I, стр. 28.
[321] Там же, стр. 33.
[322] Там же, стр. 94.
[323] Там же, стр. 3—5.
[324] ПЛ, в. II, стр. 16—18.
[325] Ср. в своде 1567 г. Там же, стр. 82—87. О Довмонте см. также ПЛ, в. I, стр. 30 (под 1407 г.).
[326] ПЛ, в. I, стр. 13.
[327] Там же.
[328] ПЛ, в. II, стр. 77 (по Архивск. 2 сп.). Известия под 1217 и 1222 гг. здесь не оригинальны, а восходят к Новгородской летописи.

«приеха князь великий Георгий», то «пряяша его псковичи с честию от всего сердца». Но в борьбе с Орденом князь Юрий почему-то участия не принимает: когда немцы нарушили мир, побили псковских гостей, ловцов на Нарове, захватили пригород Гдов, тогда «послаша псковичи к Давыду князю в Литву»[329]; он прибыл, помог отбить натиск рыцарей и прошел их землю до Ревеля. После окончания этого похода князь Юрий выехал в Новгород. Что делал он во Пскове — неизвестно.

Дальнейшая история еще больше отличается от новгородского сообщения. Немецкие рыцари напали на Псковскую землю в марте и еще раз в мае: «в силе тяжце», они «приехаша в кораблех и в лодиях и на конях, с пороки и з городы»; грозя взять Псков, они осаждали его 18 дней. Тогда «гонцы многи гоняхут от Пскова ко князю Георгию и к Новугороду со многою печалию», ибо «притужно бяше» псковичам. Новгород, однако, не помог («а князь великий Георгий и новогородцы не помогоша») и тогда «приспе князь Давыд из Литвы с людьми своими» и вместе с «мужи псковичи» разгромил и прогнал рыцарей за р. Великую. Приехавшие немецкие послы «доконъчаша мир» по «псковской воли по всей»[330]. Новгородско-орденский договор 1323 г. свидетельствует о том, что ни Новгородская, ни Псковская летописи не сообщают нам полной правды.

Отмеченный выше эпизод княжения Александра Михайловича тверского во Пскове (в 1327—1329 и другие годы) также иначе освещен в Псковской летописи. Здесь не сказано, что этот князь — ставленник Литвы, а лишь замечено, что он жил в Литве полтора года, а когда Калита заключил вечный мир с Псковом, «по старине, по отчине и по дедине» (эта «старина», видимо, восходит к Александру Невскому), вернулся во Псков [331]. О неудачном псковском посольстве на Волынь тут, конечно, нет ни звука. Как видим, псковская летопись далека от объективного описания литовско-русских отношений.

Но все же в ту пору, когда московские князья не имели должных сил для помощи Пскову, а Новгород сам искал соглашений и с Орденом и с Литвой, псковская политика характеризуется определенным здравомыслием и ее нельзя оценивать по критериям времен Ивана III. Для примера рассмотрим события 1341 г. В Новгородской летописи они описаны так: «предашася плесковици Литве, отвергъшеся Новагорода и великого князя; приведоша собе из Литвы князя Олгерда Гедиминова сына с Литвою; а Олександра Всеволодица пре-

[329] ПЛ, в I, стр. 15; в более позднем своде снято упоминание о псковском посольстве в Литву («богови тако устроившю, приспе князь Давыд» — ПЛ, в. II, стр. 23; ср. там же, стр. 89).
[330] ПЛ, в. I, стр. 16.
[331] Там же, стр. 17, ср. в. II, стр. 23.

же того выпроводили бяху»[332]. В Псковской дело рисуется иначе: немецкие рыцари убили псковских послов в Латгалии, тогда ее повоевали псковичи с князем Александром Всеволодовичем. Князь «учини разратие» с Орденом, а сам «разгневався на псковичь и поеха прочь». Псковичи ему много били челом, а он не послушал; много просили псковичи и Новгород, «да быша дали наместника и помощь», но ничего не добились [333]. А здесь вновь вторглись немецкие рыцари. Тогда псковичи «нагадавшеся» отправили послов в Витебск к Ольгерду «помощи прошати», будто бы заявляя: «братия наша новгородцы нас повергли, не помогают нам; и ты, господине, князь великий Ольгерде, помози нам в сие время». Литовский князь отправился во Псков вместе с братом Кейстутом, сыном Андреем, воеводой князем Юрием Витовтовичем с литовским и витебским войском.

Любопытно, что псковское правительство не вполне доверяло литовскому союзнику, и когда Ольгерд возвратил войско во Псков, то и псковичи пошли с ними, «блюдущи своих домов, жен и детей от Литвы»[334]. Летопись признает, что Литва мало помогла, «толко хлеб и сено около Пскова отравиша», но все же Псков призвал к себе Андрея Ольгердовича, который должен был принять христианство; остался здесь и воевода Юрий Витовтович с отрядом. Вскоре воевода погиб в битве с немцами, а Андрея псковичи лишили власти, так как он хотел править Псковом из Полоцка [335]. Этот сам по себе яркий факт литовско-псковских политических связей интересен в другом отношении. Что вкладывает летопись в понятие призвания того или иного князя во Псков? Означает ли это потерю независимости? Если просмотреть летописный текст, то под 1461 г. можно встретить указание на численность войск одного из таких князей — Александра Васильевича Чарторыйского: «а двора его кованой рати боевых людей 300 человек, опричь кошовых» [336]. Такие князья с отрядами находились под определенным контролем: они располагались на подворье (в 1463 г.) Спасомирожского монастыря и у Николы на Завеличье [337].

Быть может, содержание подобных отрядов тяжело обременяло псковскую казну? Однажды такой отряд стоял неделю во Пскове, помог одержать победу и заключить выгодный мир с Орденом. За это воеводе поднесли в дар от Пскова 30 руб.; боярам,

[332] НПЛ, стр. 354.
[333] ПЛ, в. I, стр. 18.
[334] Там же, стр. 19; ср. в. II, стр. 25, 95.
[335] ПЛ, в. I, стр. 21, ср. в. II, стр. 27, 99.
[336] ПЛ, в. I, стр. 58.
[337] Там же, стр. 65.

что с ним были, — 50 руб.[338]; в другой раз (1474 г.) подобное дело обошлось Пскову в 150 руб.[339] Надо принять во внимание, что русскому великому князю псковичи при встречах давали по 50 руб. Для сравнения можно напомнить, что мост намостить (в 1456 г.) стоило 80 рублей [340]. Понятно, что содержание литовской «засады» не разоряло Псков. Зато, чтобы восстановить мир с Витовтом (1426 г.), пришлось уплатить 1250 руб.[341] Следовательно, придется признать, что Псковская республика, принимая к себе в «засаду» литовский отряд в несколько сот человек, конечно, не теряла независимости. Это было минимальное ограничение суверенитета, обеспечивавшее, однако, безопасность на «литовском рубеже». Нужда в князе-воеводе — это обычная нужда средневекового города, когда «боярина не всяк слушает». Псковское правительство, принимая на постой княжеский отряд, имело возможность держать его под контролем. Можно понять великого князя Василия Ивановича, который, сокрушив здесь боярское самовластие, все же оставил во Пскове одну тысячу детей боярских и пятьсот новгородских пищальников [342]; притом он твердо рассчитывал на поддержку общественного мнения населения республики, хотя летописец и уверяет, что наместники «пиша изо псковичь крови много», что жить было невозможно, но ничего не поделаешь: «земля не раступитца, а уверх не взлететь».

В целом псковское летописание не только отражает некоторые новые области литовско-русских отношений, но и дает возможность оценить условия и средства распространения литовской власти на русские земли.

Московское летописание растущего Русского централизованного государства интересно уже не столько новыми фактами литовской истории (хотя они встречаются), сколько их обработкой, свидетельствующей о политической актуальности литовского вопроса. Забегая вперед, можно сказать, что вначале сравнительно скудное для нашей темы московское летописание приобретает затем подозрительную «осведомленность» о начальных этапах литовской истории.

Наша задача — определить, связана ли эта полнота сведений с использованием ранее неизвестных или с преднамеренной переработкой наличных источников во имя борьбы Русского государства за воссоединение русских, украинских и белорусских земель, попавших под власть Литвы и Польши. Сопоставление московского общерусского летописания с лето-

---

[338] ПЛ, в. I, стр. 68; ср. ПЛ, в. II, стр. 52.
[339] ПЛ, в. II, стр. 56.
[340] Там же, стр. 49.
[341] ПЛ, в. I, стр. 38.
[342] Там же, стр. 96.

писанием литовским свидетельствует в пользу второго предположения. Ранняя история Литвы именно в это время делается в летописании объектом ожесточенной идеологической борьбы, которая будет унаследована и дворянской историографией.

Московское летописание XIV в. известно, к сожалению, очень слабо [343]. Как полагал М. Д. Приселков, оно началось в 1327 г. (год получения Иваном Калитой великого княжения) на основе переработанного тверского свода, семейной хроники московских князей и митрополичьего летописца. Это княжеско-митрополичье летописание вылилось в первый московский великокняжеский свод 1340 г., Летописец великий русский 1389 г. и, наконец, в митрополичий свод 1408 г. (Троицкая летопись и сходные, в частности, Симеоновская и Рогожский летописец). В этом, благодаря реконструкции М. Д. Приселкова, дошедшем до нас своде московский свод 1340 г. представлен с наибольшей полнотой; предшествующий ему текст (через тверской свод) почти тождествен с Лаврентьевской летописью [344].

Рассматривая объем литовских известий московских сводов 1340, 1389 и 1408 гг., как они отразились в Троицкой летописи, мы должны принять во внимание характер этой последней, представлявшей, по мнению М. Д. Приселкова, митрополичий свод [345], проникнутый идеей единства Русской земли. Нам приходилось высказывать свое мнение об этом выводе М. Д. Приселкова [346].

Исследование М. А. Ючаса подтвердило, что правильное представление о своде 1408 г. можно получить в том случае, если будут приняты во внимание не только русско-византийские (как предлагал М. Д. Приселков) или русско-татарско-литовские (как предлагал Д. С. Лихачев [347]) взаимоотношения, но, прежде всего, взаимоотношения церкви и государства на Руси [348], а именно, постепенное их изменение в пользу государства за счет церкви, что, соответственно, сопровождалось постепенным высвобождением исторической мысли из-под эгиды церковной идеологии. По мере укрепления великокняжеской централизованной власти митрополичье летописание отказывается от своей внешне беспристрастной трактовки взаимоотношений московского великого князя с оппозиционными ему элементами внутри страны и московского правительства с соседними государствами, открыто усиливая идеологическое об-

[343] М. Д. Приселков₂, стр. 113; ср. Д. С. Лихачев₁, стр. 293.
[344] М. Д. Приселков₂, стр. 117, 120, 124.
[345] Там же, стр. 128—142; ср. Д. С. Лихачев₁, стр. 296—297.
[346] ВИ, 1950, № 11, стр. 147—148.
[347] Д. С. Лихачев₁, стр. 299—301.
[348] М. А. Ючас₁, стр. 7; ср. М. А. Ючас₂, стр. 50—75; ср. М. А. Ючас₃, стр. 69—82.

личение противников единства Руси, в частности, и такого видного, как Литва.

Свод 1408 г. проникнут идеей примата церкви над государством (см., например, под 1379, 1408 гг.), в нем даже одобрительно освещены оппозиционные по отношению к великому князю московскому действия отдельных представителей церковной (под 1388 г.) и светской (под 1392 г.) знати.

Литовско-русские отношения отражены в своде на их четвертом этапе, когда продолжалось литовское наступление на Русь (здесь особенно интересна серия известий о судьбах Смоленска под 1352, 1368, 1375, 1387, 1396, 1400, 1401, 1404 гг., которые в сопоставлении с литовско-русской летописью помогают понять, каким образом в более раннее время Полоцк и другие центры попали под власть Литвы). Однако налицо уже неоднократные русские контрудары, частые перемирия, широкие династические связи и первые симптомы упадка литовской власти на захваченных землях, симптомы, которые митрополичий летописец начала XV в., видимо, еще не замечал.

Несмотря на более полное (чем в последующих сводах) отражение истории литовско-русских отношений, искать в этом своде объективное изложение истории Литвы было бы наивно (достаточно прочитать красноречивое сообщение о литовско-польской унии [349]). Весьма любопытна и сформулированная здесь «концепция» упрочения единодержавной власти в Литве времени Ольгерда [350].

Итак, московское летописание скудно оригинальными известиями о Литве; в рамках до 1306 г. литовские известия свода 1408 г. по Троицкой летописи основаны на Лаврентьевской (см., например, 1226, 1239, 1248, 1275 гг.); Симеоновская летопись добавляет к этому некоторые сведения из жития Александра Невского; непосредственно к нашей теме относится лишь несколько фактов. Под 1324 г. сообщается о набеге Литвы на Новгородскую землю, а именно о том, что новгородцы «биша» ее «на Луках»[351]. Другое сообщение относится к Москве: под 1333 г. говорится о браке великого князя Семена Ивановича с княжной из Литвы Аигустой (в крещении Настасьей) [352].

Кроме того, любопытное известие может быть выявлено в том же своде по Симеоновской летописи. Под 1266 г. читаем: «...у князя Литовского у Витовта оженися князь Василий менший Ярославич, венчан бысть в церкви святого Феодора от епископа Игнатия Ростовского, и бысть радость велика в Костроме»[353].

---

[349] Троицкая летопись, стр. 402.
[350] Там же, стр. 402.
[351] Там же, стр. 357.
[352] Там же, стр. 361.
[353] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 72; ср. Троицкая летопись, стр. 328.

Таким образом, уже костромской князь Василий Ярославич, бывший великим князем в 1272—1275 гг., имел династические связи с Литвой. Воевода литовский князь Юрий Витовтович в 1341 г. упоминается в Псковской летописи (см. выше, стр. 62). При описании набега Литвы под 1285 г. на владения тверского епископа в своде сказано: на «волости Олешну и прочии», а среди участников борьбы с Литвой упомянуты «дмитровцы»[354]. Минуя последующие этапы летописания, не вносящие нового в исследуемый вопрос, обратимся к своду конца XV в.

Свод 1479 г. отразил важный этап в истории образования Русского централизованного государства, вобравшего в себя Новгородскую, Тверскую и некоторые другие земли. Этот свод последовательно проникнут идеей московского великокняжеского единодержавия и потому, понятно, более враждебен к Литве, чем ему предшествующие. Основанный на московском же летописании, этот свод обильнее привлек летописание других центров Руси — Новгорода, Ростова и, впервые, старого Киева[355].

Круг его литовских известий также значительно обширнее, чем свода 1408 г.; они восходят к суздальскому, киевскому, новгородскому, псковскому и предшествующему московскому летописанию (см. сообщения под 1131, 1161, 1191, 1200, 1203, 1220, 1225, 1239, 1242, 1243, 1245, 1248, 1258, 1262, 1263, 1265, 1266, 1268, 1275, 1285, 1289, 1322, 1324, 1326, 1330, 1331, 1333, 1335, 1338 гг.). Обращение составителя к Киевской летописи привело к включению в свод оригинального известия под 1220 г. (которое мы рассмотрели выше, см. стр. 17).

Однако, наряду с этим, сводчик провел некоторое сокращение и модификацию литовских известий, бывших, скажем, в своде 1408 г. Им сокращены известия под 1266 г. (выброшено упоминание Литвы в связи с женитьбой князя Василия), 1275 г. (опущены детали о татарских злодеяниях в Курске), 1338 г. (сообщение о Наримунте утратило прежний смысл), 1331 г. (смягчено выражение о бегстве епископа новгородского: «бояся Литвы, и еха вборзе»). Весьма любопытна правка известия 1342 г., где составитель использует известный нам псковский текст о призыве к Ольгерду, обличающий Новгород, но переделывает его в осуждение Пскова с помощью фразы: «а на Новъгород лжу въскладывая». Эта правка понятна — Новгород уже был подчинен, а Псков — еще нет.

В этом же своде под 1347 г. впервые встречаем известие о православных мучениках в Литве: «убьен бысть от Олгирда

---

[354] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 81.

[355] М. Д. Приселков₂, стр. 176—186; Д. С. Лихачев₁, стр. 469—471.

Круглець, нареченный в святом крещении Еустафий, за православную веру христианьскую и положен бысть у святого Николы в Вилне и с сродникы своими в гробе, великими мученикы Антонием и Иоаном, иже пострадаша за правоверную же веру христьяньскую и прияста венца небесныя от рукы господня»[356]. Позднее эта статья разрастается в обширное «житие». Подобных пополнений и исправлений в своде немало [357].

Труден только первый шаг. Последующие составители общерусских сводов все меньше и меньше считали себя обязанными достоверно передавать литовские известия. Впрочем, отношение общерусского летописания XVI в. к истории древней Литвы целесообразно рассмотреть после ознакомления с литовским летописанием XV—XVI вв.

Переходим к рассмотрению литовского (или литовско-русского) летописания. Оно характеризуется теми же чертами политической актуальности, что и великорусское, и может быть понято лишь в связи с историей последнего. Изучение литовского летописания в трудах С. Смольки, А. Прохаски, И. А. Тихомирова, А. А. Шахматова, Ф. Сущицкого [358], К. Ходыницкого, М. Д. Приселкова, В. Н. Перцева и, наконец, М. А. Ючаса (который особенно ясно вскрыл классовый, политический смысл сводов) позволяет в настоящее время говорить о его трех основных редакциях.

В составе литовско-русского летописания сохранилась оригинальная литовская летопись «Летописец великих князей литовских», которая охватывает период от смерти Гедимина до смерти Витовта. Этот «Летописец» возник приблизительно в 1428—1430 гг. и проникнут апологией политики Витовта, защитой политических интересов литовских феодалов, государственных интересов Литовского великого княжества [359].

В середине XV в. этот «Летописец» был присоединен к своду, возникшему при дворе смоленского епископа Герасима. Сам смоленский свод представлял собою обработку митрополичьего общерусского свода 1418 г., который был здесь сокращен (в частности, за счет известий, неприемлемых для литовского правительства), и, одновременно, пополнен данными Новгородской IV, Софийской I и смоленскими летописными записями [360].

---

356 ПСРЛ, т. XXV, стр. 177.

357 См. также М. Д. Приселков₂, стр. 184—186.

358 Подробный обзор историографии вопроса см. Т. Сущицький₂, стр. 1—54.

359 M. A. Jučas₁, pp. 120—121.

360 М. Д. Приселков₂, стр. 155 и сл.; М. Д. Приселков₃, стр. 20—21; ср. Т. Сущицький₂, стр. 120 и сл.

Так возникла краткая редакция 1446 г. литовско-русской летописи (Списки Супральский и сходные) [361].

Во второй половине XVI в., во время острой литовско-русской борьбы и подготовки унии с Польшей была составлена вторая редакция литовско-русской летописи (списки Археологический и сходные), где «Летописец великих князей литовских» был передвинут на первое место, притом пополнен обширным легендарным началом о происхождении литовской шляхты от Нерона и о судьбах Литвы до смерти Гедимина, а также, как установил М. А. Ючас [362], доработан в духе интересов литовского правительства (переработаны смоленские статьи, отмеченные духом русского патриотизма, и т. п.).

Третья редакция конца XVI в. (список Быховца) еще более проникнута идеями литовского феодального, шляхетского национализма. Впрочем, достоверность ее ставится под сомнение [363].

Обращаясь к первой редакции литовско-русской летописи, мы прежде всего констатируем, что она в своей первой части (смоленской обработке общерусского свода) не содержит оригинальных известий, относящихся к нашей теме. Если брать проблему ретроспективно, то существенный интерес представляет трактовка исторических судеб некоторых русских и белорусских городов, в частности, их перехода под власть Литвы.

Собранный здесь (а также актовый) материал не оставляет сомнения в том, что в таких центрах, как Смоленск, Полоцк, Витебск, правило боярство и что основная масса их населения тяготела к независимым от Литвы и союзным с остальной Русью князьям. Отсутствие поддержки со стороны московского правительства, в ту пору не рисковавшего вести войну на два фронта, и сознание своего бессилия удержать господство над «черными людьми» и противостоять угрозе Ордена и Орды, принуждали местных правителей принимать литовскую власть. Считаю нужным на этом остановиться потому, что в старой дворянской науке на классовую структуру земель, попавших под власть Литвы, не обращалось внимания, а в новейшей буржуазной — отрицается и тяготение отторгнутых Литвой земель к Руси, и общность классовых интересов части русского и литовского боярства [364]. Витовт захватил впервые (1395 г.) Смоленск обманом [365]; когда же местный князь Юрий Святославич с рязанской подмогой подошел к городу (1401 г.), то там «быс[ть]

---

[361] Кроме того, этот свод получил отражение в так называемой «Летописи Авраамки» (ПСРЛ, т. XVI).

[362] М. А. Ючас$_2$, стр. 42 и сл.

[363] K. Chodynicki$_3$, str. 389 и сл.

[364] M. Hellmann$_4$, S. 163

[365] ПСРЛ, т. XVII, стб. 46.

мятеж и крамола: ови хотяху Витовъта, а друзии отчича князя Юрия»[366]. Примечательно, что когда «смоляне», не выдержав «насилия от иноверных ляхов», наконец, «прияша» князя Юрия, то они «посекоша» своих противников — «бояр, которыи не хотели отчита». Но новая власть не была прочной, в городе продолжалась «крамола» и после того как Смоленск заключил перемирие с Витовтом [367].

Когда в 1404 г. большое войско Витовта вновь осадило город, его оборонял князь «со всими смольняны». Но было ясно, что городу в одиночку не устоять, и князь поехал искать помощи в Москве. Московское правительство, однако, не считало тогда возможным воевать с Литвой. Поэтому «гражане», «не могуще терпети во граде голоду, от изнеможения всякого, истомы града, Смоленськ предаша Витовту» [368]. Литовский князь учинил расправу над неугодными боярами («боярь, которыи хотели добра» князю Юрию «разьведе и расточи, а иных премучи»). Следовательно, за власть и политику отвечали бояре. То же видим и позднее, когда и в Смоленске, и в Полоцке «князи руськыи и бояре» призвали княжить Свидригайло [369].

Источник отмечает силу русских городов: смольняне сами «далися» Жигмонту, а витебляне и полочане отбили его осаду[370], но потом и они, «н е ч ю я с о б е п о м о щ и н и о т к у л я и д а ш а с я»[371]. Притом, находясь под властью Литвы, города не упускали возможности обрести самостоятельность и стать частью Руси. В 1440 г., когда в Литве был «мятежь великь», жертвой которого пал и Жигимонт, литовские власти поспешили привести население Смоленска к присяге верности наместнику пану Андрею Саковичу: крест целовали «владыка смоленскый Семион, и князи и бояре, и местичи, и черныя люди». Однако вскоре именно «черные люди» и восстали, а бояре лишь посоветовали наместнику вывести свой отряд дворян и ушли вместе с ним. Но беда была в том, что восставшие были одиноки в борьбе за независимость; призванный князь не мог обеспечить ни интересов бояр, ни независимости города. Литовское войско вновь заняло Смоленск [372].

Литовские князья учитывали силу русских городов и старались проводить там политику, затрудняющую воссоединение Руси. Это видно и из второй части первой редакции литовско-русской летописи, из «Летописца великих князей литовских».

---

[366] ПСРЛ, т. XVII, стб. 48.
[367] Там же, стб. 49.
[368] Там же, стб. 50; ср. ПСРЛ, т. XVI, стб. 149.
[369] ПСРЛ, т. XVII, стб. 61, ср. 63.
[370] Там же, стб. 64.
[371] Там же.
[372] Там же, стб. 68—69.

Например, Ягайло передал Полоцк своему брату Скиргайлу, «а они (полочане.— *В. П.*) его не приняли»[373]. Кейстут, соперник Скиргайлы, нашел какие-то более приемлемые для полочан формы соглашения, и, когда он послал своих людей к Полоцку «одног[о] оу рать, а другого к городу», полочане «возрадовалися, кликнули нарат и люди ратьни отступили» от Скиргайлы [374]. При том понятно, что нелитовские города оставались объектом эксплуатации со стороны различных групп литовского феодального класса. Это особенно ясно видно из сохранившихся уставных грамот.

Говоря о ранней редакции литовского «Летописца», хочу отметить, что в нем обнаруживается сходство с уже известной нам новогородской «Литовской летописью». «Летописец» тоже построен в виде свободного повествования о сменяющихся после смерти Гедимина князьях — Ольгерде (до слов: «потомь пакь князь велики Олгирдь умре»[375]), Кейстуте, павшем от рук «коморников» князя Ягайло (до слов: «таков конець стался князю великому Кестутию»[376]) и, наконец, Витовте. Бесспорно и стилистическое влияние волынского летописания на этот памятник. Нет нужды говорить об этом подробнее, ибо во второй редакции литовский «Летописец» содержит прямую ссылку на летопись русскую, в которой легко усмотреть древнюю «Литовскую летопись».

Вторая редакция литовского «Летописца» может интересовать нас лишь в ее новой первой части, посвященной истории Литвы до смерти Гедимина. Просмотр текста убеждает не только в его общей недостоверности [377], но обнаруживает и определенные идеи, заставившие составителей создать на основе династических преданий Палемонов, Китоврасов и Колюмнов и некоторых русских летописей острый, проникнутый политическими нуждами литовской шляхты периода Ливонской войны документ, защищающий ее интересы перед Польшей и Орденом и обосновывающий ее «исторические права» перед Русью [378].

В этом памятнике можно выделить несколько основных идей. Одна заключается в том, что Литва издревле была богатой страной, а ее первая правящая династия происходит из Рима от Палемона, родича Нерона, т. е. она древнее и польских, и русских династий [379]. Прибывшие из-за моря князья

---

[373] ПСРЛ, т. XVII, стб. 73.
[374] Там же, стб. 74.
[375] ПСРЛ, т. XVI, стб. 72.
[376] Там же, стб. 76.
[377] Текстологический разбор см. Т. Сущицький$_2$, стр. 167—223.
[378] Ср. Д. Багалій$_2$, стр. 126—127.
[379] ПСРЛ, т. XVII, стб. 228.

Боркг, Коунас и Спера ставят новые города в своем краю, который процветает, и т. п. Благодарный материал для норманистов! Впрочем, они принимают на веру легенды не моложе XII в.

Следующая идея сводится к тому, что представители этой династии заняли русские земли в XIII в. после опустошения их татарами, обстроили городами и освободили от ханской власти. Узнав, что русская земля «спустела, и князи рускии разогнаны»[380], один из князей пришел с войском на реку Неман, «и вчинили на ней город и назвали его Новъгородок, и вчинил собе князь великий в нем столець»[381]; затем он рубит города Гродно, Берестье, Дорогичин, Мельник, которые, оказывается, «от Батыя спустошоны» были и «скажены». Словом, составитель летописи старается убедить читателя, что «Волынская земля» по праву принадлежит Литве, а не Польше или России.

Другой князь с войском пошел на Полоцк, «мужи» которого «вечом справовалися». Сын этого князя принял в православии имя Бориса и основал город Борисов. Он был «велми набожен» и соблюдал все права полочан: «был ласкав на подданых своих» и дал им «волности и вечо мети и в звон звонити», т. е. такие права, какие были у Новгорода и Пскова [382]. Подобные утверждения в пору борьбы Литвы за Полоцк с войсками Ивана Грозного должны были звучать весьма актуально.

Другой князь занял также в XIII в. Пинск и Туров «и въскричала Рус великым голосом и с плачем: иж так окрутне все суть побиты от безверное Литвы» [383]; но делать русским было нечего, и тот же князь, разбив татар, занял Мозырь, Чернигов, Стародуб, Карачев. Следовательно, перечисленные города — «отчизна» литовских князей,— и все попытки русских «согнать» их не зря терпели неудачу, встречали отпор членов династии Палемона, включая ее последнего представителя Рингольта [384].

Из другого (Археологического) списка узнаем, что кем-то делалась попытка «продлить» правление этой династии. Тут читаем: «а иныи поведают, рекуче: и тот Ринкголт пришодши з оного побоища до Новагородка, и был у Новегородцы и уродил трех сынов и зоставит по собе на великом княженю Новгородском Войшвилка и сам умре. Ино далей о том Войшвилке и

---

[380] ПСРЛ, т. XVII, стб. 230.
[381] Там же, стб. 231.
[382] Там же, стб. 232.
[383] Там же, стб. 233.
[384] Мы до сих пор имен не приводили, ибо они либо произвольно выбраны из Волынской летописи, либо сочинены; хитроумные «генеалогии», лежащие в основе этой части «Летописца», см. у Т. Сущицького[2], ч. II, стр. 173—178.

не пишет. Тому конец»[385]. Видимо, какой-то автор раннего варианта второй редакции «Летописца» не сумел приспособить известия старой новогородской «Литовской летописи» о правоверном Войшелке для своих целей.

Члены новой династии Китовраса действуют не менее успешно. Так, один из князей опустошил Латгалию, которую лишь позже занял Орден; другой «знесе з Новагородка столец до Кернова»[386]; третий, по имени Тройден, «великии валки чинил з Ляхи и з Русью, и з Мазовъшаны», тоже «завъжды зыскивал и над землями их силные окрутенства чинил». Примечательна сделанная здесь ссылка на источник: «што ж вышеи описуется в Руской кроинице, ижь горши был тым землям, нижьли Антиох Сирский и Ирод Ерслмъский и Нерон Римский, што так был окрутный и валечный»[387]. Едва ли нужно доказывать, что автор держал в руках одну из редакций древней «Литовской летописи» (см. выше, стр. 41).

По списку Красинского литовский «Летописец» оканчивается временем Тройдена; по Археологическому списку история продолжается далее, держась канвы старой новогородской «Литовской летописи». Ссора Миндовга с Довмонтом перенесена на Наримунта и Довмонта,«сыновей» Тройдена; второй «понял» жену первого и должен был бежать в Псков, где «мужи псковичи, видевши его мужа честна и разумна и узяли его собе государем». Появляется здесь и Войшелк, но под именем Римонта — Лаврыша — Василия. Он тоже «сын» Тройдена, и мстит за смерть отца, которого убили «шесть мужиков», подосланных Довмонтом на пути «з лазни». Лаврыш разбил войско Довмонта «и город Полтеск взял»[388]. Сам он ушел в монастырь, а власть передал мудрому мужу, своему маршалку Витеню «зрожаю а с поколеня Колюмнов, з ыменя держаного в Жомоити, реченаго Айракгола».

Так начала княжить династия Колюмнов — славная династия Гедимина. О делах Витеня составитель не был осведомлен (новогородская летопись кончалась временем Тройдена) и почему-то ничего о нем не сочинил, а перешел сразу к Гедимину. Этот князь победил рыцарей и освободил Жемайтию; он присоединил к своей державе города Владимир и Луцк, а «князи и бояре волынскии били челом» ему, «абы в них пановал»[389]; разбил он и киевского князя, а горожане «змовившис одномысленне, поддались» Гедимину[390]. Та же участь постигла Выш-

385 ПСРЛ, т. XVII, стб. 250.
386 Там же, стб. 236.
387 Там же, стб. 238.
388 Там же, стб. 256.
389 Там же, стб. 258.
390 Там же, стб. 259.

город, Черкасы, Канев, Путивль, Слепород, Переяславль. Этот князь перенес литовскую столицу сперва в Троки, а затем в Вильно.

Такова первая часть «Летописца». Бесспорно одно, что она не может служить источником по истории Литвы избранного нами периода. Она должна изучаться в рамках истории общественно-политической мысли XVI в. Это становится особенно очевидным, если для сравнения обратиться к русским летописным сводам середины XVI в., в частности, к Воскресенской летописи, которая основана на своде 1479 г. и,может быть, других более поздних (1493, 1526 гг.) московских сводах [391], а также вобрала в себя и историко-публицистические памфлеты, служившие политическим целям русского правительства в его взаимоотношениях с Литвой. В списках XVI в. известны так называемые «Родословия (или Родословцы) великих князей Литовских», на основе которых возникло и «Начало государей Литовских», вошедшее в общерусский свод (Воскресенская летопись)[392].

В нашу задачу не входит изучение этих памятников, которых мы коснемся лишь для того, чтобы отвести их в качестве нашего источника и одновременно отметить, что именно в XVI в. древняя история Литвы стала объектом острейшей идеологической борьбы в историографии. Насколько можно судить, русские книжники по-разному решали свою задачу. Одни поступили просто: взяли первую редакцию литовского «Летописца» и снабдили ее кратким введением — родословием, из которого явствовало, что сам Гедимин происходил из рода князя Владимира Святославича, а именно: у правнука киевского князя по имени Всеслав Брячиславич был сын Рогволод, а у того — Ростислав. От Ростислава по нисходящей следовали князья: Давил — Вид («его же люди Волъком звали») — Троен — Видень, от которого и родился Гедимин. Такой вариант истории Литвы представляет собой «Родство великих князей Литовских» [393]. Это, так сказать, проба пера.

Политическая борьба требовала «исторических» аргументов. Появился вариант, отраженный в «Родословии великих князей литовского княжества» [394]. Вопросы перед составителями русских документов стояли те же, что и перед их литовскими коллегами. О происхождении литовской династии сочинили сле-

---

[391] См. Д. С. Лихачев₁, стр. 472—474; В. В. Лаптев₁, стр. 165—239; ср. С. А. Левина₁, стр. 375—379; ср. С. А. Левина₂, стр. 689—705.

[392] Подробнее см. K. Chodynicki₄, str. 543—560; ср. С. А. Левина₂, стр. 704.

[393] ПСРЛ, т. XVII, стб. 573 и сл.

[394] Там же, стб. 413—416, ср. стб. 589—592. Трудно сказать, чем руководствовались А. А. Шахматов и С. А. Пташицкий, помещая вразброс в томе литовско-русских летописей антилитовские памфлеты.

дующее. По нашествии Батыя «некий князець» из «рода смоленских князей» по имени Витянец «избежал от плена». Попав в Жемайтию, он женился на дочери «некоего бортника»; он «убиен быс громом», а жену его «поят» раб его «конюшенець» Гегименик, т. е. Гедимин [395]. Так решили вопрос о происхождении династии Гедимина. Ни о римских, ни о других благородных ее корнях не могло быть и речи.

Вопрос об ее исторических правах на русские земли также не вызвал трудностей при решении. Здесь даже не стали апеллировать к древним летописям, а высказали утверждение, что великий князь московский Юрий Данилович, видя запустение земли от разорения татар, «начат розсылати по градом и местом», собирать народ. Тогда он и «посла» Гедиминика «на Волоскую землю и на Киевскую и об сю страну Менска» с целью «наполняти плененыя [и спаленныя] грады и веси, а у ставших имати дани царские». На этом деле Гедиминик, который, вообще говоря, «бе муж храбр зело и велика разума», разбогател, собрал много людей «и начат владети многими землями и назвася от них князь велики Гедиман литовский первый»; в конце скороговоркой пояснялось, что это произошло «великих князей руских несогласием ибо и межюусобными бранми князей руских» [396].

Дальнейшие судьбы литовской правящей династии также изображены всецело зависящими от доброй воли московских князей. Когда Наримунт, сын Гедимина, попал в руки хана, Иван Данилович «откупи у татар и отпусти его к Литве», но тот крестился и «иде» в Новгород Великий. Другой сын, Евнут, поселился «иде ж ныне Вилно». Ольгерд, который, действительно, «вина не пияше, велик разум имеаше и многи земли и княжения притяжа к собе и удержа велию власть», посылал послов к Семену Ивановичу «со мъногими дары, моля его, прося мира и живота братии своей». Семен к мольбам снизошел, а также удовлетворил и другую просьбу — выдал за Ольгерда свою «свесть» Ульянию, дочь Александра Михайловича тверского [397]. Она правила страной, когда Ольгерд заболел; умер он, приняв православие. Его сын Яков (Ягайло) «впаде в латынскую прелесть» и «бысть советник и друг безбожному Мамаю». Кончается эта история (в цитируемом списке) правлением Витовта, о котором говорится, что он «нач созидати грады

---

[395] ПСРЛ, т. XVII, стб. 413. Аналогичные домыслы о происхождении Гедимина, с политической целью — скомпрометировать род Ягеллонов, находим и в сочинениях хронистов немецкого Ордена — мемориале начала XV в. (см. K. Chodynicki$_3$, str. 389 и сл.; ср. также K. Chodynicki$_7$, str. 173—190).

[396] ПСРЛ, т. XVII, стб. 414.

[397] Там же, стб. 415.

многи, заруби Киев и Чернигов и взя Брянеск и Смоленск» и «приступиша к нему вси князи пограничныя с вотчинами: от Киева даж и до Фоминского приложишас»[398]. Видимо, этот вид литовских родословий возник еще в XV в.

В мою задачу не входит изучение этих родословий, но хочу отметить, что не только московское, но и тверское правительство заботилось об их составлении. Тому пример «Предисловие о великих князех Литовских, откуду они пошли. А се о них писание предложим»[399]. Начало этого памятника сходно с тем, что написано в только что приведенном московском варианте. Вкратце доведя изложение до Витеня, составитель замечает: «И сего Витенца имянують смоленских князей роду, рекшя: гром его убил бездетна. А был у того Витеня раб его конюх Гегиманик, а отбежяли от володимерских князей, и от Гегиманик наречен бысть князь велики Литовски Гедиман. А се пред ним писание предложим»[400].

Далее мы видим текст московского варианта родословца, переделанный на тверской лад: Витень бежал из плена «в лета великого князя Ивана Даниловичя московского и в лета великого князя Олександра Михайловичя тверьского»; в московском варианте из Орды возвращается князь Юрий Данилович, а князь Михаил Ярославич там гибнет, здесь же сказано: «великому же князю Олександру Михайловичю тверскому, не мало закосневшуся в Орде и паки изпущену бывшу из Орды на великое княжения». Там московский князь Юрий старается благоустроить землю, разоренную татарами, здесь: «князь же велики Александрь Михаиловичь тверски начя розсылати по испаленым градом» и т. д.; наконец, здесь и Гегиманик выступает как подручник тверского, а не московского князя[401].

Не удивительно, что составители московского великокняжеского свода 30-х годов XVI в. (Воскресенская летопись) использовали подобного рода произведения под названием «Начало государей Литовских»[402]. Здесь суть сочинения сформулирована еще откровенней. Когда Владимир Мономах занял Полоцк, то Рогволодовичи бежали в Царьград, а «Литва в ту

---

[398] ПСРЛ, т. XVII, стб. 416.
[399] Там же, стб. 601—605.
[400] Там же, стб. 603.
[401] Там же, стб. 593—600; т. VII, стр. 253—256.
[402] Ср. интересную работу — Р. Дмитриева$_1$, стр. 86—88, 98—99, где начато изучение литовской темы в публицистике XVI в. Об использовании дипломатами правительства Ивана Грозного этих аргументов «от истории» см. Р. Ю. Виппер$_1$, стр. 108.

пору дань дааше князем полотцким, а владома своими гедманы, а городы литовские тогда, иже суть ныне за кралем, обладаны князми киевскими, иные черниговскими, иные смоленскими, иные полотцкими. И оттоле Вильна приложися дань даяти королю угорскому за страхованье великого князя Мстислава Володимеровича и вильняне взяша ис Царяграда князя полотцкого Ростислава Рогволодовича детей».

Далее повествуется об этих детях Мовколде и Давиле («той на Вильне первый князь») и сыновьях последнего — Виде и Ердене. Вскользь упомянуто о крещеном сыне Ерденя — епископе тверском Андрее («был владыка во Твери, которой на Петра чюдотворца волнение учинил; ...писал на чюдотворца лживые словеса»). Замечание интересное, оно говорит о ранних культурных связях Твери с Литвой и о каком-то выступлении Андрея против митрополита Петра [403]. Русские сочинители, так же как и литовские, обратились к Волынской летописи, должным образом расписав праведную жизнь Войшелка и отметив крещение его «брата» Довмонта во Пскове. Затем перечислены «преемники» Миндовга: Вид сын Давила, что «прибавил Деревские земли много»; его сын Проиден, что «прибавил ятвяг»; его сын Витень, который «прибавил земли Литовские много и до Бугу», и, наконец, назван Гедимин, о делах которого не сообщается ничего, а лишь перечислены его сыновья. Этот перечень служит основой обширного родословия русских князей литовского рода.

Мы подошли к концу исследования литовских известий в русских летописях. Относительно современные и достоверные записи о событиях, связанных с Литвой, сделанные в Киеве, Полоцке, Галиче, Холме, Новогородке, Владимире-на-Клязьме, Новгороде, Пскове, скупо пополненные московскими книжниками, превратились с течением времени в один из источников исторической публицистики и дипломатических актов XVI в. [404], которые сами по себе весьма поучительны, но выходят за рамки источников истории древней Литвы. Вновь оживут некоторые летописные концепции уже много позднее — в дворянской историографии XVIII — XIX вв.

---

[403] Ср. ПСРЛ, т. X, стр. 192.

[404] См. об этом K. Chodynicki[3], str. 397 и сл.; Р. Дмитриева[1], стр. 130 и сл., 146. Любопытно, что не только Рюрика от рода «римска царя Августа» (стр. 162) стали выводить из Пруссии, но, позднее, там же нашли корень династии Романовых, возведя ее к неизвестному источникам Гландосу Камбиле, якобы сыну Диване, одного из вождей прусского восстания 1260 г. Гландос будто бы покинул родину и ушел на Русь. Эта легенда была подновлена в связи с празднованием «трехсотлетия дома Романовых» (см. В. К. Трутовский. Происхождение предков рода Романовых. В кн.: «Летописный и лицевой изборник дома Романовых», М., 1913, стр. 21, 71, 81 и др.).

В целом наши летописи позволяют охарактеризовать главные этапы литовско-русских отношений, а именно время, когда правительство относительно единой Руси вело феодально-колониальное наступление на Литву (Повесть временных лет); когда Литва стала союзником князей отдельных земель раздробленной Руси (Киевская летопись 1238 г.); когда начались набеги литовских дружин на Русь, сменившиеся затем захватом части ее территории (галицко-волынские, новгородско-псковские и владимиро-суздальские летописи) и, наконец, когда крепнущее московское правительство все явственнее стало брать в свое ведение контроль за отношениями Руси с Литвой (московское и тверское летописание).

Кроме того, сопоставление русских летописей с немецкими хрониками открывает путь к изучению некоторых важных вопросов внутренней, общественной и политической истории Литвы.

В позднейшем русском летописании, как и летописании литовском, почти не содержится оригинальных фактов по истории древней Литвы, которая интерпретируется применительно к политическим задачам общественно-политической мысли и дипломатии XV — XVI вв.

2. ИСТОЧНИКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ИСТОРИИ ПРУССОВ

Советских исследователей раннего средневековья глубоко интересует изучение общественного и политического строя народов в дофеодальный период их истории и, в частности, генезиса феодальной собственности, классов, государства.

Скудость источников, относящихся к данной проблеме, требует комплексного ее изучения на материале разных стран. Это естественно, ибо в силу конкретных местных исторических условий памятники раннефеодального права с различной степенью полноты освещают те или иные этапы, стороны общественной и политической жизни народов. При большом, в общем, внимании к вопросам уголовного права одни из них содержат сведения по истории патриархальной домашней общины, другие — о жизни общины сельской; одни отражают функции веча и госпóды, другие, лишь бегло упоминая об этих институтах, трактуют вопросы наследственного права и т. д.

Бросается, однако, в глаза, что имеющийся в настоящее время русский материал — договоры с Византией, Русская Правда — датируется временем господства феодальной знати в относительно единой стране и потому, при всей его огромной ценности для истории раннефеодального периода, сравнительно беден сведениями по истории общественного и политическо-

го строя дофеодальной поры [1]. Этот материал еще не дал возможности нашим исследователям изобразить жизнь княжений полян, северян, древлян и других, на которые делилась земля славяно-руссов в дофеодальный период, и даже тот факт, что каждое из этих княжений некогда представляло собой союз племен, требует сложных археологических доказательств, подчас скептически встречаемых историками. Пока что нам неизвестны ни внутренняя структура этих княжений, ни взаимоотношения их друг с другом. Поэтому в науке и продолжаются споры о времени и особенностях генезиса феодализма на Руси.

Наличие в X в. индивидуальной семьи, развитого института наследования движимой и недвижимой собственности, относительного политического единства страны под властью знати, владеющей землей и городами,— все эти факты, сами по себе очень важные, не дают ответа на вопрос, каким образом данные явления возникли.

Поэтому историки, признающие социально-экономическую обусловленность образования государства, углубленно ищут новые, в том числе и археологические источники, изучают сравнительно-исторически процессы, шедшие в разных странах; другие же историки, не признающие марксистское понимание длительного и сложного процесса образования государства, предпочитают упрямо настаивать на «внешнем толчке» и критиковать советскую «школу Б. Д. Грекова» за то, что она отвергает норманизм [2], и в то же время не раскрывает механизма превращения общества свободных общин в общество, облеченное в государственные политические формы [3], и видит феодализм там, где его нет [4].

Полемика ценна лишь тогда, когда она побуждает спорящие стороны расширять круг аргументов, источников. Дискуссия была бы более плодотворной, если бы противники разделяемой нами точки зрения сочли возможным взглянуть на проблему шире и обратить внимание на использованный нашей

[1] Дофеодальным или предфеодальным периодом мы называем последний этап первобытно-общинной формации, когда налицо наследственная (в рамках семьи) собственность — аллод, на основе которого происходит становление собственности феодальной и развитие политической власти растущих собственников земли. Последние действуют пока что в границах бывших племенных территорий, где сохраняются многочисленные черты патриархально-общинного строя. Идет процесс феодализации, но формирование сословий феодалов и крестьян еще не завершилось расколом общества на классы и слиянием разнообразных институтов господства местной знати в органы власти и управления раннефеодального государства.

[2] См. A. Stender-Petersen[1], p. 165 и сл.

[3] A. Vuginich[1], pp. 324—339.

[4] G. Vernadsky[1], pp. 3—14.

наукой материал по истории других народов в пору генезиса феодализма, становления государства. Тогда они, быть может, заметили бы, что повсюду основу этого имманентного процесса составляло превращение общества свободных земледельцев, основанного на коллективной собственности и свободе, в общество, расколотое на враждебные классы, основанное на господстве той или иной формы феодальной собственности на средства производства.

Мы пока лишены возможности вскрыть ход этого процесса на Руси. Но основные его вехи и результаты нам известны, они те же, что и у других народов. Процесс этот протекал в рамках дофеодальных княжений—своеобразной конфедерации областей — бывших племенных земель. Нам представляется, что источники по истории древних пруссов позволяют в известной мере показать, какие сложные социально-экономические сдвиги имели место в их обществе в аналогичный период истории — в период существования конфедерации дофеодальных областей.

История древних литовцев и пруссов чрезвычайно интересна для нас потому, что становление государства происходило здесь позднее, чем у других народов Европы, и получило относительно большее отражение в источниках. Примечательно, однако, что именно эта сторона содержания источников не привлекла к себе внимания буржуазных историков Литвы, которые не считают, что главное в истории этого периода — жизнь крестьян и ремесленников, то, как они, прежде свободные, попали под власть собственников земли, возглавивших феодальное государство.

Недостаточное внимание к социально-экономической стороне дела, к процессу превращения общинной собственности в феодальную — особенность, присущая буржуазной историографии древней Литвы в целом, и тем авторам, которых интересует преимущественно ее политическая история (И. Тоторайтис, М. К. Любавский, Г. Пашкевич, С. Заянчковский и др.), и тем, кто изучает историю сословий (З. Ивинскис, К. Авижонис и др.), и тем, кто исследует историю духовной жизни литовского народа (М. Альсейкайте-Гимбутиене, И. Балыс и др.).

Этими и другими авторами написано по древней литовской истории немало интересных и ценных в определенных отношениях исследований, но, странное дело, до сих пор в литовской историографии нет книги, где бы история образования государства была связана с историей сословий— классов.

Литовские и прусские земли делились на несколько крупных союзов племен — Аукштайтию, Жемайтию, Пруссию и, может быть, Галиндию. В отличие от почти недоступных деталь-

ному анализу племенных союзов полян или древлян мы можем без труда перечислить одиннадцать областей, территориально-политических единиц, из которых состояла Пруссия в XIII в., в прошлом представлявшая собою союз племен. Более того, источники позволяют заглянуть даже во внутреннюю жизнь некоторых из этих областей, таких, как Помезания, Вармия, Самбия, Ятвягия (Судовия).

Рассматривая основной материал по истории пруссов, в частности, сообщения Тацита (I в.), Вульфстана (IX в.), жития Войцеха и Брунона (XI в.), Кишпоркский договор (1249 г.), жалованные грамоты Ордена прусским нобилям (XIII—XIV вв.) и, наконец, Помезанскую Правду (XIV—XV вв.), мы исходим из следующих соображений.

Во-первых, пруссы — соседняя и наиболее близкая литовцам этническая группа [5]; во-вторых, часть пруссов переселилась в Литву (в XIII в. и позднее) и вошла в качестве одного из компонентов в формирующуюся литовскую народность; в-третьих, исторические судьбы литовцев и пруссов тесно связаны между собой: героическая борьба пруссов ослабила натиск Ордена на Литву; в свою очередь, неоднократные походы литовских войск на опорные пункты Ордена в Прусской земле, хотя и не привели к ее освобождению из-под власти чужеземцев, но оказали сдерживающее влияние на правительство Ордена и продлили историческое существование прусской народности.

Наконец, и это главное, не отождествляя пруссов с литовцами, мы вправе использовать материал по прусской истории, который позволяет заглянуть в жизнь этой народности в тот период ее истории, когда она жила патриархально-общинным строем, еще не облекшись в государственные политические формы. Мы вправе сделать это в силу сходства строя жизни литовцев и пруссов, причем литовцы в своем общественном развитии несколько опередили этих соседей. Кроме того, юридические нормы жизни пруссов были в модифицированной форме использованы и в юридическом быту жителей коренных литовских земель. Все это делает их сравнительно-историческое изучение не только возможным, но прямо необходимым.

Достаточно сказать, что прусское право, отраженное в Помезанской Правде, было пожаловано Орденом жемаитской знати на рубеже XV в., что акты пожалований Ордена прусским нобилям тождественны с актами пожалований бежавшим под власть Ордена нобилям литовским; что интересы жемаитской

[5] Об этнической близости литовцев и пруссов см. P. Pakarklis$_4$, pp. 15—23. Пруссы по языку относятся к литовско-прусско-летской группе. См. G. Gerullis$_1$, SS. 44—51.

знати, выраженные в ее жалобе на Орден в 1416 г., во многом совпадают с требованиями пруссов, отраженными в Кишпоркском договоре, и т. п.

Привлечение источников по истории пруссов дает в руки исследователю возможность полнее восстановить недостающее звено истории Литвы периода ее дофеодального, догосударственного развития.

В Западной Европе о пруссах узнали раньше, чем о литовцах. Пруссы (известные первоначально под именем эстиев) добывали янтарь, который ценился в греко-романском мире на вес золота [6]. В передаче Страбона (I в. до н. э.— I в. н. э.) сохранилось сообщение Пифея из Марсилии (IV в. до н. э.), который характеризует народ Ostiaioi (= Ostimioi) как знающий земледелие и скотоводство: «в том холодном краю» люди «питаются просом и другими травами, кореньями и корнеплодами»; из домашних животных им известны «только некоторые». Имея зерно и мед, они приготовляют из них соответствующий напиток. Они молотят зерно «в обширных постройках, куда сносят колосья, которые в открытом поле погибли бы от дождя и отсутствия солнца» [7].

Если это известие вызывает сомнение ученых, которые считают, что греки не плавали на Балтику, а знали лишь Северное море [8], то более достоверно сообщение Плиния Старшего (I в. н. э.), писавшего, что во времена Нерона один римлянин (eques Romanus) был послан за янтарем для украшения императорских игр гладиаторов и привез его в огромном количестве из места добычи, с янтарного побережья, расположенного примерно в 600 римских милях от Гарнунтума (в Паннонии). Нумизматические и иные находки в земле пруссов как будто подкрепляют мысль о давних прусско-римских торговых связях [9]. Но вообще Восточная Прибалтика оставалась малоизвестным краем, судя по географическому трактату De situ Or-

---

[6] См. «Гомер», перевод В. Вересаева. М., 1953, песнь XV, ст. 453—460. Геродот слышал, что янтарь добывают на Эридане, но не поверил этому: «О западных окраинах Европы,— говорит он,— не могу сказать ничего достоверного, ибо я не допускаю существования реки, которую варвары называют Эриданом, которая будто бы впадает в Северное море, и от которой, как говорят, приходит янтарь... Во-первых, самое название Эридана, сочиненное каким-нибудь поэтом, обличает эллинское, а не варварское его происхождение; во-вторых, не взирая на все мои усилия, я не могу найти ни одного очевидца, который засвидетельствовал бы, что по ту сторону Европы есть еще море. Во всяком случае олово и янтарь приходят к нам из окраины». Геродот, III, 115; см. А. Сапунов$_1$, стр. 13—14. Эридан отождествляют с Рудоном Птолемея, т. е. с Неманом.— См. А. Д. Удальцов$_2$, стр. 6.

[7] Страбон. География, кн. IV, 5. Plinii naturalis historia, IV, 94—95, XXXVII, 35, 39. См. также N. Busch$_1$, S. 192—194.

[8] См. P. Klimas$_2$, str. 19 и сл.

[9] Y. Antoniewicz$_2$, str. 123 и сл.

bis Помпония Мела, который писал о живущих к востоку от Вислы неких чудовищах (Oaenas), питавшихся овсом и пр., а также о других — с конскими ногами (equinis pedibus Hippopodas) и, наконец, о длинноухих (Panotas), которые прикрывают ушами свою наготу [10].

Первые сведения об эстиях, добывающих янтарь, находятся у Тацита. В 45-й главе «Германии» он пишет: «Правый берег Свевского моря омывает эстиев, у которых обычаи и одежда свевов, а язык ближе к британскому. Они почитают матерь богов. Как эмблему своей религии они носят изображения кабанов. Это, служа вместо оружия и защитой против всего, доставляет почитателю богини безопасность даже среди неприятелей. У них редко употребляют мечи, но часто дубины. Они с большим терпением обрабатывают землю для хлеба и других ее произведений, чем сколько сообразно с леностью германцев. Но они обшаривают и море и одни из всех собирают в мелководных местах и на самом берегу янтарь, называемый ими glaesum. Какая природа янтаря и как он рождается, они, как варвары, не допытывались до этого и не знают. Он даже долго валялся среди других выбросов моря, пока наша роскошь не дала ему известности. Сами они им совсем не пользуются: собирается он в грубом виде, без всякой отделки приносится (на продажу), и они с удивлением получают за него плату». Далее Тацит рассуждает о происхождении янтаря, который его больше интересует, чем эстии [11]. Таково это сообщение, не раз прокомментированное историками [12]. Следовательно, в это время прусские (а, может быть, и литовские) племена по уровню своего экономического развития существенно не отличались от германских племен.

Более того, сопоставив оговорку Тацита о превосходстве эстиев над германцами, с тем, что он пишет в главе 26, можно допустить, что эстии, зная пашенное земледелие, получали не только хлеб, но и другие злаки и плоды [13]. Другая оговорка, будто бы у эстиев «обычаи и одежда свевов», в сопоставлении со сведениями о последних в главах 38,9 и 39 дает основание считать, что эстии, помимо матери богов, могли чтить еще верховное божество — лес как колыбель народа (возможно, посвящая богам леса и рощи), принося в нем жертвы, притом и человеческие [14].

[10] Pomponii Melae De situ Orbis, Lipsiae, 1831, lib. III, cap. 6, p. 63.

[11] Корнелий Тацит. Германия, изд. В. И. Модестов, гл. 45—46, стр. 63—64.

[12] Справки по литературе вопроса см. Tacitus. Germania, ed. W. Reeb, Leipzig — Berlin, 1930.

[13] Корнелий Тацит, гл. 26.

[14] Там же, гл. 39 и 9; о том, что часть эстиев могла носить причес-

В какой мере достоверны эти замечания Тацита, сказать трудно; создается впечатление, что германцев он знал лучше, чем свевов, а свевов лучше, чем эстиев. Надо иметь в виду, что сведения о современной ему Восточной Прибалтике не могли быть обильными, судя по словам самого Тацита, что даже Эльба (Лаба) — «река прежде знаменитая и знакомая», теперь известна автору «только по слуху»[15]. Если так обстояло дело с Эльбой, то нечего говорить о Висле и Немане.

Кроме того, надо иметь в виду, что Тацит мог объединять под названием эстиев различные племена, а не только прусские или литовские.

Заслуживает внимания и сообщение Тацита о взаимоотношениях между венетами (протославянскими племенами), которых он считает оседлыми земледельцами, и соседними племенами, в том числе и прибалтийскими: венеты, «занимаясь грабежом, исходили все леса и горы между певкинами и финнами» [16], т. е. между Карпатами и Прибалтикой. Постепенно племена балтийской языковой группы отмежевались от венетов [17]; в скупых сообщениях источников начинают выделяться отдельные земли, входившие в прусский племенной союз: Птолемей (II в.) упоминает к востоку от Вислы галиндов и судовов [18].

В середине IV в. король остготов Германарих, согласно тенденциозной записи Иордана (VI в.), подчинил эстиев и их соседей видивариев; любопытно его замечание о миролюбии эстиев (post quos ripam Oceani itam Aesti tenent, pacatum hominum genus omnino) [19]. Опуская другие источники, не содержащие сведений о внутренней жизни эстиев, обратимся к сообщению знаменитого мореплавателя IX в. Вульфстана [20].

Его известия весьма интересны. Он прибыл из Шлезвига на корабле в Вислинский залив; в своем повествовании он упомянул близлежащий город Трусо. Как бы ни определять месторасположение этого города, ясно одно, что Вульфстан побывал в районе Помезании, Погезании и, может быть, Вармии. О лежащей к востоку от Вислы земле эстиев Вульфстан говорит, что «она очень вëлика и там много городов и в каждом городе

ку, принятую у свободных свевов, следует из гл. 38; ср., что марсинги и буры, по мнению Тацита, «языком и одеждой напоминают свевов» (там же, гл. 43).

[15] Там же, гл. 41; ср. żML, т. I, str. 5—33.

[16] Там же, гл. 46; см. А. Д. Удальцов₂, стр. 8.

[17] А. Д. Удальцов₁, стр. 50.

[18] Клавдий Птолемей. География, III, кн. 5, § 9. Последнее издание — «Вестник древней истории», № 2, 1948, стр. 236—237; см. А. Д. Удальцов₁, стр. 43, 50; см. также А. Ясінскі₂, стр. 210.

[19] Iordan. De Getarum, ed. J. P. Migne, cap. XXIII, p. 1255; см. П. Н. Третьяков₂, стр. 146—147.

[20] Подробнее см. В. Т. Пашуто₄, стр. 8—11.

есть король, и там также очень много меду и рыбной ловли, и король и богатые люди пьют кобылье молоко, а бедные и рабы пьют мед. И много войн бывает у них; и не употребляется пиво среди эстиев, но меду там достаточно»[21]. Итак, можно отметить у пруссов Привислинья уже в IX в. развитие процесса классообразования. Выделилась господствующая верхушка; упоминаются «короли» и «богатые» люди, противостоящие бедным людям — не рабам и рабам.

Вульфстан сохранил также сведения об одном интересном обычае, характеризующем в некоторой мере и степень развития процесса классового расслоения. «И есть у эстиев обычай,— сообщал он,— что если там умрет человек, он остается лежать внутри [дома] не сожженным у своих родственников (magum) и друзей (freondum) в течение месяца, а иногда и двух; а короли и другие высокопоставленные люди (heah-ðungene men) тем дольше, чем больше богатства (speda) они имеют; иногда они остаются несожженными в течение полугода и лежат поверх земли в своих домах (husum). И все время, пока тело находится внутри [дома], там происходят пир и игра до того дня, пока они его не сожгут.

Затем в тот самый день, когда они его решают вынести к костру, они делят его имущество, которое остается после пира и игр, на пять или шесть [частей], иногда больше, в зависимости от размера имущества. Из него наибольшую часть они кладут примерно на расстоянии одной мили от города, затем другую, потом третью, пока не будет положено все в пределах мили; и наименьшая часть должна находиться ближе всего к городу, в котором лежит умерший. Затем собираются все мужчины, имеющие наиболее быстрых лошадей в стране, примерно на расстоянии пяти или шести миль от того имущества.

Затем мчатся они все к имуществу; и тот человек, который имеет быстрейшую лошадь, приходит к первой и крупнейшей части, и так один за другим, пока все не будет взято; и наименьшую долю берет тот, кто достигает ближайшей к селению части имущества. И затем каждый едет своей дорогой с имуществом, и принадлежит оно им полностью; и потому там быстрые лошади чрезвычайно дороги. И когда его сокровища таким образом полностью розданы, тогда его выносят наружу и сжигают вместе с его оружием и одеждой; и они растрачивают все его имущество главным образом во время долгого лежания умершего в доме и потому, что они кладут это имущество на дорогу, куда скачут чужие и забирают [его]. И есть среди эстиев обы-

---

[21] K. Körner. Einleitung in das Studium des Angelsächsischen, II Theil, Angelsächsische Texte. Mit Übersetzung, Anmerkungen und Glossar, Heilbronn, 1888, S. 51—54.

чай, что там человек любого языка [народа?] должен быть сожжен, и если там находят несожженную кость, то должны они ее задорого выкупать».

На первый взгляд может показаться, что описанный Вульфстаном обычай свидетельствует о всеобщем равенстве у эстиев. Однако это не так.

Во-первых, речь идет лишь о движимом имуществе; только оно поступает в раздел среди участвующих в конном состязании. Во-вторых, в это распределение поступает меньшая часть имущества, а именно та, которая остается после продолжительных пиров и игр, происходящих в доме покойного, где главная роль принадлежит его близким и друзьям. В-третьих, в состязании рассчитывать на успех мог лишь тот, кто имел быстрого коня. Вульфстан говорит, что быстрые кони были весьма дороги. Значит, участвовать в состязании мог лишь состоятельный человек.

Следовательно, можно предполагать, что Вульфстан говорит лишь о пережитке древнего обычая, когда имущество умершего делили между народом. В его время этот обычай фактически уже содействовал укреплению имущественного положения знати. Частые внутренние войны имели тот же результат. Что происходило на пирах и играх в доме умершего, мы не знаем, но бесспорно, что именно родственники и дружина находились в привилегированном положении, распоряжаясь большей частью имущества покойного. Вульфстан не сообщает, как распределялась земля, составлявшая основное богатство пруссов.

Перейдем к «житиям» Войцеха и Брунона, которые пополняют информацию Вульфстана. Эти источники не раз привлекали к себе внимание ученых, наиболее фундаментальные их исследования принадлежат Г. Фойгту.

Войцех-Адальберт, один из видных католических проповедников, эмиссаров папской курии прибыл в землю пруссов из Польши через Гданьск и погиб в 997 г., видимо, в Помезании. Во всяком случае традиция, восходящая к XIII в., знает там Комору св. Адальберта [22]. Житие сохранилось в двух основных редакциях, принадлежащих перу его младших современников — Брунона (писал в 1004 г.) и Канапария. Несмотря на некоторые расхождения между ними (они выявлены Г. Фойгтом [23]), обе редакции представляют собой типичные произведения католической пропаганды, не лишенные, однако, значительного числа реалий, касающихся не только жизни Адаль-

---

[22] H. G. V o i g t₁, SS. 149—152.
[23] Ibidem, S. 172.

берта до его отъезда в землю пруссов, но и того, что относится к последним[24].

Отметим сведения, помогающие понять общественный строй древних пруссов. По Канапарию (cap. 28), Войцех со спутниками прибывает на маленький остров, видимо, в устье реки или в заливе, но там собираются «владельцы этого места» и, грозя побоями, прогоняют пришельцев прочь. Позднее, когда они переправились через реку, их встретил «господин селения» (dominus vilae); он повел их в селение (по Брунону (cap. 25) это был «торг, куда собралась шумная толпа народа»), где Войцех сообщил о цели прибытия миссии. Собравшиеся жители, однако, заявили: «Будь доволен, что ты добрался безнаказанно до этого места и как быстрое возвращение даст тебе надежду остаться в живых, так малейшее продвижение вперед — принесет вред и смерть. Нами и всей этой страной, вход в которую мы составляем, повелевает общий закон и одинаковый образ жизни» (communis lex imperat et unus ordo vivendi). Миссионерам, как людям иного «незнакомого закона», грозит смерть.

По Брунону (cap. 25), пруссы так мотивировали свое требование: «Из-за подобных людей,— сказали они,— наша земля не будет приносить урожая, деревья плодов, не родятся новые существа (видимо, скот), а и старые умрут. Убирайтесь из наших пределов» («ex euntes exite de finibus nostris» etc.).

Любопытно и другое дополнение, свидетельствующее, что пруссы-общинники знали еще обычай потока и разграбления: «Тем (вариант — тому) же, которые (который), живя при входе в страну», допустили их пройти до этого места,«они угрожали смертью» и обещали в гневе «их (его) дом поджечь, их (его) владения поделить, их (его) жен и сыновей распродать». Это яркое известие находит себе подтверждение и в Кишпоркском договоре (см. ниже).

По Брунону (cap. 30), Адальберт гибнет от рук одного из «варваров», чей брат «был убит поляками»; он прибыл верхом с отрядом в семь человек. По Канапарию (cap. 29), предводитель убийц Сикко—«жрец и главарь проклятой банды; соответственно своей обязанности, он нанес первые раны» Адальберту. Сообщение о том, что глава дружины был одновременно волхвом, также находит свое подтверждение в позднейших известиях — в русской летописи. Таковы данные «жития» Войцеха-Адальберта.

«Житие» самого Брунона гораздо беднее фактами для нашей темы. Брунон — крупный дипломат XI в., фигура, интересная для изучающего внешнюю политику древней Руси и, в частности, ее отношения с печенегами, Венгрией, Польшей,

---

[24] H. G. Voigt₁, S. 157.

Германией и папской курией[25]. После поездки к печенегам (1008 г.), пребывания при дворах Владимира Святославича и Болеслава I Храброго (в 1013 г. печенеги воевали против Руси в союзе с Болеславом), он направился в землю пруссов, где и погиб (1009 г.), как впервые отмечено Кведлинбургскими анналами, «в пограничной области Руси и Литвы»[26]. Это могла быть земля ятвягов.

Источники его «жития» точно неизвестны. Распространенное сообщение о смерти Брунона находится в «Житии св. Ромуальда», составленном (около 1037 г.) Петром Дамианом. Законченную форму получило «житие» в пространной редакции конца XI в. (с использованием, быть может, текста 1020 г.), принадлежавшей перу Виберта. Автор ведет речь от имени капеллана, участника миссии. По его сообщению, Брунон прибыл к королю (rex) Нефимеру (Nethimer), который обещал «сделать [его] богатым», если тот откажется от своих убеждений. Однако Брунон прошел испытание огнем и не отказался, тогда король вместе с тремястами своих людей принял христианство и решил передать власть сыну, а себя посвятить вере. В отсутствие Брунона он убил своего младшего брата, который еще жил у него (frater regis cum ipso pariter habitans) за его неверие. Другой брат короля, который жил уже отдельно от него (qui iam a regis erat cohabitatione divisus), велел убить пришедшего к нему Брунона. Король, узнав об этом, хотел было его казнить, но затем решил помолиться, тогда убийцы раскаялись и тоже приняли христианство. Трудно сказать, насколько достоверна эта история[27], хотя понятно, что ятвяжские князья, вполне могли существовать уже в XI в. и враждовать тогда между собой. Триста человек — это семья, дружина и челядь небольшого князька, каких мы позднее встретим не раз.

Итак, перед нами поселения пруссов-земледельцев, сознающих свое единство, применяющих общинные законы и имеющих во главе поселений королей-старейшин, передающих свою власть по наследству; для решения вопроса о судьбе чужеземцев они обращаются к народу, который обсуждает их обращение на торговой площади. Все это перекликается с тем, что сообщал Вульфстан о нравах эстиев, и находит аналогии в актах и хрониках XIII—XIV вв.[28]

---

[25] См. H. G. V o i g t$_3$, SS. 145—149.

[26] Annales Quedlinburgenses, ad ann. 1009 — MGH SS, t. III, p. 80.

[27] H. G. V o i g t$_3$, SS. 129—131.

[28] В так называемой второй редакции (Passio s. Adalberti mortiris, около 1015 г.) говорится, что Войцех приблизился к замку Колинун (urbi quoque Cholinun appropinquans), но его не впустил «городской стражник» (urbanus custos), которым распоряжался местный primas (H. G. V o i g t$_3$, SS. 444—450; MPH, t. I, p. 151 и сл.).

Адам Бременский (вторая половина XI в.) так характеризовал пруссов-самбов: «Третий остров — тот, который называется Самландом и соседствует с русскими и поляками»; его населяют «голубоглазые люди, с румяными лицами и длинными волосами»— это «самбы или пруссы»; это «очень человеколюбивые люди (homines humanissimi); они охотно приходят на помощь тем, которые находятся в опасности на море или подвергаются нападению пиратов».

Пруссы «употребляют в пищу мясо лошадей. Молоко и кровь их они используют как напиток», притом, как будто, хмельной. «Золото и серебро они ценят мало»; ни во что не ставят они и необыкновенные меха, которые имеют в избытке, и охотно отдают дорогие куничьи шкурки в обмен на шерстяную одежду.

Будучи язычниками, они общаются с христианами, не допуская, однако, их к рощам и ручьям, оберегая эти места от осквернения. Наконец, «недоступные вследствие болот, они не желают терпеть никаких господ в своей среде»[29]. Полного совпадения иностранных свидетельств о пруссах ожидать нельзя, ибо различны районы наблюдения и степень осведомленности но в общем известие Адама Бременского не противоречит тому, что сообщали другие. Пруссы знают сельское хозяйство, охоту, ремесло и торговлю; их общественный строй еще патриархален; государства у них нет.

О том, как распределялась земля — основа благосостояния пруссов, можно узнать от польского хрониста Галла-Анонима (XI в.). Наблюдая жизнь более отсталого (чем описанный Вульфстаном) прусского края галиндов и сасов, которые по его мнению «sine rege, sine lege persistunt» (иначе он и не мог сказать: ведь они не имели ни монарха, ни писаного закона), он сообщал об отсутствии у них городов и крепостей. Вместе с тем заслуживает полного внимания его замечание о том, что земля там «распределена по наследственным жребиям (per sortes hereditarios) между земледельцами (ruricolis) и жителями (habitatoribus)».

Наследственные жребии — шаг по пути развития частной собственности на землю — хорошо известны и другим народам на подобном этапе истории. Можно, видимо, говорить о соседской общине, которая уже прошла в своем развитии стадию периодических переделов пахотной земли. А земледелие и здесь составляло основу хозяйства. Тот же хронист сообщает о существовании в этом крае сел и, видимо, укрепленных построек, которые уничтожались польским войском: князь Болеслав, пишет хронист, «сжег многие села и постройки».

---

[29] Adamus Bremensis Gesta Hammaburgensis, I, с. IV, 18; о том, что в Бирку приходили корабли славян и самбов, см. ibid., I, с. I, 62; II, 19.

Говоря о пруссах, захваченных войском Болеслава в плен, Галл-Аноним уточняет, что в плен попало большое число «свободных мужчин и женщин, мальчиков и девочек, рабов и служанок (viros et mulieres, pueros et puellas, servos et ancillas)»[30]. Представляется бесспорным наличие у галиндов и сасов, как и у пруссов Привислинья (по данным Вульфстана), имущественного и социального неравенства (в частности, и патриархального рабства).

Следует подчеркнуть, что к началу II тыс. производительные силы (археологически изученные в более передовых прусских областях) достигли при наличии внешнего обмена того уровня, когда производство продуктов семьей делает возможным укрепление частной собственности и эксплуатацию человека человеком. Налицо развитое земледелие (железный сошник), разнообразное ремесло, основанное на железоделательном производстве, и т. д. [31]

В этом отношении показательно содержание немецко-прусского словаря (конца XIV — начала XV в.), сохранившего исконные (ибо Орден, захватив власть, оттеснил пруссов от занятий ремеслом, от городской жизни) термины и для обозначения металлов и различных ремесленных профессий (сапожник, портной, седельник, кожевник и др.); только по одной кузнечной специальности словарь перечисляет 25 терминов, относящихся к инструментам, орудиям, изделиям и т. п.[32]

Словарь интересен и терминами, относящимися к общественному строю, к семье (дому, двору); они проступают в собственных именах, таких, как Слоботе — «слава дома», Каибитте — «мир в доме имеющий»; есть свои обозначения и для представителей разных общественных групп: tollokiniskis — свободный; laukiniskis, kumetis — крестьянин; rikis, waldwico— господин; konagis — король и др. [33]

Понять социально-экономическую природу местных королей-нобилей помогают нам другие источники, а именно, прусские акты XIII—XIV вв. Обширное, продолжающееся с 1882 г. издание этих актов привлекло к себе силы видных немецких археографов (Р. Филипп, К. П. Вёльки, Э. Машке, М. Гейн) и

---

[30] MPH, t. I, p. 478; ср. В. Б. Антоновичı, стр. 11; H. Łowmiańskiı2, t. I, str. 397, przyp. I.

[31] См. X. А. Моора4, стр. 110 и др.; ср. В. Т. Пашуто4, стр. 12—14. О сходстве материальной культуры пруссов и литовцев см. X. А. Моора1, стр. 34 и сл.

[32] Ein deutsch-preußisches Vokabularium aus dem Anfange des 15. Jahrhunderts, ed. Nesselmann, SS. 465 и сл.; см. также К. Lohmeyer1, SS. 49—52; ср. В. Martiny1, SS. 336—346.

[33] См. A. Bezzenberger1, S. 385; ср. сообщение Альберика (SRP, t. I, p. 214) и упоминание прусского kunic в эпосе XIII в. (Biterolf und Dietleib, v. 3976).

доведено пока до 1341 г.[34] Оно посвящено, однако, не истории пруссов и даже не политике Ордена в их земле, а лишь политической истории Ордена под углом зрения «образования орденского государства». Тенденциозный подбор документов служит цели раскрыть «миссийный» характер деятельности Ордена как культуртрегера и просветителя, а роль курии — как организатора и руководителя этой его деятельности.

Среди более 2500 опубликованных актов находятся главным образом документы, относящиеся к организации крестовых походов на земли поморян, пруссов, литовцев (буллы, воззвания, дипломатические документы и т. п.), привилеи Ордену, епископам, городам, отдельным феодалам, акты о земельных тяжбах в среде завоевателей, об обмене, продаже земель и т. п.; документы о дипломатических отношениях с Русью, Литвой, Польшей и др. В издание почти не попали документы, характеризующие доходы Ордена и папской курии от эксплуатации прусских земель, очень неполно отражены акты земельных отношений в среде пруссов и т. п. Отчасти этот пробел можно восполнить по материалам, относящимся к истории епископств Помезании, Вармии и Самбии.

В прусских актах нас интересуют данные двоякого рода. Во-первых, материал, характеризующий общественный строй пруссов до вторжения немецких рыцарей. Сюда относятся сведения о земельных пожалованиях иноземцам, сделанные прусскими нобилями еще как свободными собственниками; об их договорах с Орденом и, прежде всего, Христбургский (Кишпоркский) договор 1249 г. как своего рода пожалование немецким Орденом всем прусским нобилям номинальной свободы при ограниченном в его пользу праве собственности и, наконец, жалованные грамоты Ордена небольшому числу прусских нобилей, с признанием их свободы в феодальном смысле слова.

Во-вторых, весьма интересны жалованные грамоты Ордена, данные литовским нобилям-эмигрантам, искавшим у немецких рыцарей поддержки для восстановления в Литве своих прав, узурпированных великими князьями. Сопоставление этих двух категорий актов помогает установить характер общественного строя самих прусских земель и его тождество с общественным строем земель литовских. В первую очередь мы рассмотрим Кишпоркский договор и связанные с ним актовые и летописные источники.

Христбургский (Кишпоркский) договор 1249 г. — один из ценнейших памятников международного права европейского средневековья, богатый современным материалом по истории общественных отношений дофеодального периода.

---

[34] PU, Bd. I—III, Königsberg, 1882—1944.

Лучшее издание Христбургского договора осуществили в 1882 г. Р. Филипп и К. Вёльки [35]. Как отметили издатели, текст основного варианта А (противень прусской стороны) сохранился в государственном архиве Кенигсберга с указанием на обороте, что это — копия 1420 г., т. е. того времени, когда, возможно, еще был цел оригинал. Эта Originalkopie (alterum originale)— пергамен размером листа 51 × 38 см, содержащий 63 строки тесного письма, с надрезами для пяти шнуров, которые, кажется, никогда не были привешены. От текста варианта Б (противень Ордена) сохранились лишь приведенные в виде параллельных чтений куски в одной копии 1453 г., из которой видно, какими печатями он был скреплен.

Мы не имеем сведений о нынешней судьбе названных выше документов бывшего Кенигсбергского архива.

Ныне известен еще один экземпляр этого договора, обнаруженный научным сотрудником Института истории АН Литовской ССР М. А. Ючасом в 1956 г. Это — копия договора варианта А, находящаяся в сборнике документов под названием «Sammlung von Urkunden, Auszügen und Abhandlungen zur Geschichte, Staatsrecht und Statistik Preussens gesammelt von Ludvig von Baczko, Erster Band». Этот сборник был составлен известным историком Пруссии XVIII в. Л. Бачко. В этом сборнике, который хранится в Центральной библиотеке Академии наук Литовской ССР—MLF (Mažosios Lietuvos Fondas — фонд малой Литвы) за № 70, помещены копии документов XIII—XVIII вв. Интересующая нас копия находится на листах 102—114 (об.), среди документов XVII в.

Историография Христбургского договора сравнительно невелика. Специальные исследования о нем нам неизвестны. История пруссов и, в частности, их борьба за независимость, мужество этого народа и его славных героев до сих пор не получили научного освещения [36]. Старая немецкая историография (Л. Бачко [37], И. Фойгт [38], А. Эвальд [39] и др.) ввела в научный оборот обширный материал по истории пруссов, в том числе и Христбургский договор, но обработала его под углом зрения прославления действий немецких рыцарей-крестоносцев.

---

[35] PU, I_1 № 218, SS. 158—165. С того же экземпляра договор был издан в Codex Diplomaticus Warmiensis, Bd. I, ed. K. P. Woelky und J. M. Saage, № 19, pp. 28—41; по копии XVI в. он был опубликован в Codex Diplomaticus Pomeraniae, Bd. I, ed. F. Dreger, Stettin, 1748, № 191.

[36] Это справедливо отмечено Г. Ловмяньским в специальном обзоре историографии древних пруссов — H. Łowmiański$_8$, str. 2—3, 18.

[37] L. Baczko$_1$, B. I, SS. 236—239, 269—278.

[38] J. Voigt$_1$, Bd. II, S. 620.

[39] A. L. Ewald$_1$, B. II, S. 232 и сл.

Более поздние работы немецких буржуазных историков (Э. Каспара, Э. Машке, Ф. Бланке и др.) шире осветили исторические условия появления договора, но стремление увидеть в нем не документ борьбы пруссов за независимость, а прежде всего свидетельство борьбы между «монахом» и «рыцарем» за разные пути «миссии» среди язычников, закрыло этим ученым путь к его познанию как источника по истории пруссов [40].

Польская историография пруссов (Г. Ловмяньский, К. Тыменецкий, С. Заянчковский и др.) использовала Христбургский договор, справедливо подчеркнув его важное значение для характеристики польско-прусских исторических связей и борьбы пруссов за независимость. Польские католические историки (С. Куйот [41] и др.) привлекали договор для попыток апологии прибалтийской политики папской курии.

Значительно больше сделано для изучения на основе договора идеологии пруссов — язычества, в частности, в работах В. Маннгарта [42], А. Мержиньского [43], Ф. Буяка [44], А. Брюкнера [45] и др.

В советской историографии договор был использован П. И. Пакарклисом [46], который по достоинству оценил его как один из источников, характеризующих политику крестоносной агрессии в Пруссии, а также отметил общность некоторых его норм с нормами литовского права; В. Н. Перцев привлек некоторые статьи договора в своей работе, посвященной культуре и религии древних пруссов [47]. В целом же Христбургский договор как исторический источник, характеризующий общест-

---

[40] Предела апологии Ордена достиг, пожалуй, М. Тумлер, согласно мнению которого Христбургский договор стал возможен потому, что «со всех сторон господствовало возвышающее душу миролюбие и единодушное стремление установить справедливое и упорядоченное правление под руководством Ордена. Таким образом этот мирный документ, несмотря на различные немаловажные недостатки, есть поистине Magna Charta» (M. T u m l e r$_1$, S. 271; в приложении к этой книге помещен перевод договора на немецкий язык.— Ibid., SS. 595—602); см. В. Т. П а ш у т о$_7$, стр. 54 и сл.

[41] Эта работа проникнута стремлением оправдать курию, представить ее как силу, сдерживающую неумеренные жестокости Ордена (см. S. K u j o t$_1$, str. 704). Но даже собранный автором материал характеризует не только Григория IX, но и Иннокентия IV как ревностных покровителей Ордена (см. S. K u j o t$_1$, str. 724, 739, пр. I и др.).

[42] W. M a n n h a r d t$_1$.

[43] См. ŻML, t. I, str. 88—97.

[44] F. B u j a k$_1$, str. 28—43.

[45] A. B r ü c k n e r$_5$, SS. 506—539.

[46] П. И. П а к а р к л и с$_5$, стр. 19—20; ср. P. P a k a r k l i s$_4$, pp. 238—242. В приложении к этой книге помещен перевод Христбургского договора на литовский язык. Ранее обзор договора дал J. J o n y n a s$_1$, sk. 459—464.

[47] В. Н. П е р ц е в$_3$, стр. 348, 354, 375.

венный строй пруссов, не изучался. Проделанная доныне работа дает возможность осуществить подобное его исследование.

Договор заключен между представителями трех прусских земель — Помезании, Вармии и Натангии и немецким Орденом при посредничестве папского легата Якова из Люттиха.

Договоры представителей народов Восточной Прибалтики с Орденом и другими государствами в то время — не редкость. О них упоминают немецкие и польские хроники, а также русские летописи. Сохранились договоры с ливонцами, заключенные куршами (1230, 1231, 1267 гг.[48]), сааремасцами (1241, 1255, 1284 гг.[49]), земгаллами (1272 г.[50]), дошел и договор Литвы с немцами (1323 г.[51]), но его характер иной, ибо Литва выступает уже как суверенное государство.

Перечисленные договоры хранят в основном право аборигенных народов и представляют собой ценные источники для познания их истории. Отдельные нормы этих договоров совпадают с нормами Христбургского трактата.

Пруссы также вступали в договорные отношения с крестоносцами — с Тевтонским орденом. Первый договор (1233 г.), заключенный с Орденом Помезанией, не сохранился, но он, видимо, содержал признание определенных прав за помезанами и послужил в дальнейшем образцом при заключении договоров с другими прусскими землями, как это ясно из сообщения Петра Дюсбурга [52].

Среди всех этих памятников Христбургский договор занимает особое место по богатству сведений о внутренней жизни прусского общества той поры. Эта особенность договора объясняется сложными историческими условиями, при которых он был заключен.

Христбургский договор — результат кровопролитной освободительной борьбы, которую вели пруссы против Тевтонского ордена, располагавшего поддержкой папской курии, Германской империи и ряда других европейских государств. Неудачные походы на прусские земли правителей Дании и Польши в X—XII вв. не обескуражили курию, которая в начале XIII в. направила сюда для миссионерской деятельности своего агента Христиана, получившего вскоре сан епископа прусского [53].

---

[48] LU, I, № 103, 104, 105, 405.

[49] Ibid., № 169, 285, 490.

[50] Ibid., № 430.

[51] PU, II$_1$, № 418.

[52] PD, III, 14: «Et secundam pacta et libertates, que ipsis tunc dabantur, alii neophiti postea regebatur»; ср. ibid., III, 67.

[53] О роли цистерцианцев и доминиканцев (которые в 1230 г. получили автономный миссионерский район в Помезании) в подготовке наступления на землю пруссов см. T. M a n t e u f f e l$_1$, str. 165 и сл. См. также В. Н. П е р ц а у$_2$, стр. 93 и сл

Эти действия курии на Висле носили отнюдь не изолированный характер, а были частью общей политики империи и папства — наступления на земли Прибалтики. Однако первому прусскому епископу повезло на Висле гораздо менее, чем его современнику епископу Альберту на Двине. Последний сумел довольно быстро обзавестись вооруженной организацией — Орденом меченосцев, который, по крайней мере на первых порах, экономически и политически зависел от него и помог епископу стать прочной ногой на земле, захваченной у латышей и эстонцев.

В прусской земле дела сложились иначе. Правда, Христиану удалось привлечь на свою сторону и крестить кое-кого из прусской знати и простого народа, главным образом Помезании и Погезании. Из грамоты папы Иннокентия III (1198—1216) известны два знатных прусса (Сурвабуно и Варпода), которые крестились в Риме и в согласии с consortibus sui сделали новому епископу немалые земельные пожалования [54]. Наученная горьким опытом, курия с первых шагов остерегала епископа и союзных ему польских феодалов от излишне поспешных действий по эксплуатации прусского населения, рекомендуя не слишком отягощать народ повинностями, не лишать свободы и т. п. [55] Но подобные осмотрительные советы никогда не помогали. Пруссы быстро поняли, что Христиан не апостол, а захватчик.

В 1212—1218 гг. произошло решительное выступление пруссов против части собственной знати, сблизившейся с Польшей и курией, против самого Христиана и привлеченных им польских рыцарей. Папа Гонорий III (1216—1227 гг.), осведомленный о том, что возмущенные тяжелыми поборами пруссы выступили против епископа, поспешил объявить крестовый поход на пруссов рыцарей из Германии, Богемии, Моравии, Дании, Польши и Померании [56], а также — торговую блокаду прусского побережья, запретив доставку «опекаемым» курией пруссам в первую очередь оружия, железа и соли [57]. Это не помешало папе позднее обратиться с ханжеским воззванием соблюдать мягкость в отношении неофитов [58], которых курия взяла под свое покровительство [59].

---

[54] PU, I_1, № 9, 10 (док. Иннокентия III от 18 февраля 1216 г.).

[55] Ibid., № 7 (док. Иннокентия III от 13 августа 1212 г.).

[56] Ibid., № 26 (булла Гонория III от 16 мая 1218 г.), ср. № 15.

[57] Ibid., № 25 (булла Гонория III от 15 мая 1218 г.), ср. № 39, ср. № 81.

[58] Ibid., № 54 (булла Гонория III от 3 января 1225 г.), ср. № 60.

[59] Видимо, в ответ на подобные же действия Фридриха II, который своим воззванием (март 1224 г.) провозгласил имперское покровительство над жителями Ливонии, Эстонии, Самбии, Пруссии, Земгалии и соседних земель, гарантируя им свободу «cum omnibus bonis eorum» (ibid., № 52).

Пруссы упорно противостояли всяким новым попыткам силой оружия поддержать епископа и его сторонников из местной знати и сами предпринимали набеги на земли Польши. Попытки Конрада, князя мазовецкого, организовавшего собственный рыцарский орден в Добжини (1228 г.), изменить положение, не достигли цели [60]. Его обращение к Тевтонскому ордену, приглашенному князем в надежде укрепить свои позиции в Поморье, было роковым политическим просчетом, который дорого обошелся польскому народу [61].

Завладев Хельминской землей (1233 г.), немецкий Орден, используя поддержку польских князей, отсутствие единства среди прусских земель и предательство части прусской знати, сумел подчинить себе немалую территорию в прусских областях— Помезании (1236 г.)[62], Погезании (1237 г.) [63], Вармии, Натангии и Бартии (1240 г.)[64]. Орден залил кровью цветущие прусские земли, беспощадно разорил местные крепости — Рогов, Пастелин, Бальга, замок Пипина и другие, уничтожая гарнизоны, убивая население. На захваченной земле рыцари возводили свои замки — Кульм (Хельмно), Торн (Торунь), Мариенвердер (Квидзынь) и др.

Что касается епископа Христиана, то он был оттеснен на второй план. Еще в 1233 г. он попал в плен к пруссам. Орден, разумеется, ничего не сделал для того, чтобы освободить своего соперника, который находился в Самбии; епископ лишь в 1238 г. выбрался на свободу. Стремясь восстановить свое положение, он принялся обличать действия Ордена перед курией.

Эти обличения, как и другие источники подобного рода, хранят некоторые данные об истинных целях и действиях рыцарей. Характеризуя притеснения пруссов Орденом, Христиан высказал уверенность, что Орден умышленно препятствовал пруссам принять христианство, опасаясь, что «господа язычников могут стать сильнее, чем господа христиан» [65]. Если мы вспомним политику Ордена в отношении христианизации Литвы, то это утверждение не покажется парадоксальным. В конце концов распря между представителями церкви и государства среди захватчиков была урегулирована курией при посредничестве ее легата Вильгельма из Модены и было достигнуто соглашение, по которому две трети доходов с земель (включая и десятину) шли Ордену, а одна треть — епископу, церковная власть которого сохранилась на всей захваченной территории [66].

---

[60] См. W. Polkowska-Markowska$_1$, str. 145—210.
[61] W. Kętrzyński$_4$, S. 64; ср. S. Kujot$_1$, str. 503—647.
[62] PD, III, 11—14.
[63] Ibid., III, 15—17.
[64] Ibid., III, 19—26.
[65] PU, I, 1, № 134 (док. Григория IX от 11 апреля 1240 г.).
[66] Codex Diplomaticus Prussicus, t. I, ed. J. Voigt, № 41.

Папская курия (Григорий IX—1227—1241), делая основную ставку на Орден, деятельно помогала ему средствами и подкреплениями, сопровождая свою помощь призывами к гуманности. Подобная позиция была достаточно дальновидной, она позволяла курии сохранять видимость беспристрастия и в трудные для Ордена моменты выступать в качестве высшего третейского судьи. Однако до достижения целей завоевателей было еще далеко.

Укрепление Литовского государства и его борьба с ливонскими рыцарями, блестящая победа литовцев при Шауляй, разгром ливонцев на Чудском озере русскими—всколыхнули пруссов; с новой силой вспыхнула освободительная борьба всех западнопрусских земель, захваченных Тевтонским орденом. В течение 1242—1249 гг. восставшие пруссы при неоднократной поддержке поморского князя Святополка, а также Литвы [67], почти полностью очистили свои земли от рыцарей, которые потеряли Мариенвердер и все другие укрепления, кроме пяти (Кульм, Торн, Рейден, Балга, Эльбинг); их потери составляли до 4 тыс. человек [68]. Прусско-поморские войска нападали на Хельминскую землю (1242—1243 гг.) [69]; в битве при Рейзенском озере 15 июня 1243 г. они под руководством Святополка наголову разбили рыцарей, которые потеряли здесь и своего ландмаршала Берливина и орденское знамя [70]; они ходили и на Куявию (1244 г.) [71]. И хотя раздробленность сил помешала полностью ликвидировать власть Ордена, бои шли по всей Нижней Висле. Ордену нужна была срочная помощь. Она была оказана курией.

В продолжение нескольких лет представители пруссов вели против Ордена и дипломатическую борьбу [72]; на Лионском соборе 1245 г. уполномоченные Святополка и пруссов-христиан также настаивали на вмешательстве папы в конфликт и на обуздании Ордена. Тогда Иннокентий IV вновь направил в Прибалтику своего легата Опизо из Месаны, поручив ему установить перемирие с пруссами, суля восставшим сохранение всех свобод, гарантированных еще его предшественниками [73]. В то же время курия оказывала самый энергичный нажим на поморского князя, угрожая ему карами небесными и земными за связь с пруссами и литовцами [74], натравливала на него

[67] PU, I_1, № 160 (булла Иннокентия IV от 1 февраля 1245 г.), ср. № 161—162.
[68] PD, III, 35.
[69] Ibid., III, 40, 44.
[70] Ibid., III, 40.
[71] Ibid., III, 45.
[72] См. PU, I_1, № 84 (1231 г.), № 95 (1233 г.).
[73] Ibid., I, 1, № 172, ср. № 173.
[74] Ibid., I, 1, № 160, ср. № 162.

других польских князей, набирала крестоносцев и т. п. Миссия легата Опизо, однако, не увенчалась успехом.

Но курия не оставила своих усилий и затем, когда немецко-польским войскам удалось занять помезанский город Кишпорк (видимо, замок прусса Кирса — по-немецки — Кирсбург) и нанести войскам поморского князя ряд поражений, курия в конце 1247 г. направила в Прибалтику нового легата для Польши, Пруссии и Померании — Якова из Люттиха,— доверенного Иннокентия IV. Укрепление позиций Ордена на Висле находилось в ряду других мероприятий, проводившихся курией в Восточной Европе после крупных провалов в ее политике наступления на Русь и другие земли [75].

Новому легату были предоставлены широкие полномочия [76]; ему было поручено восстановить мир между Орденом и союзными ему польскими князьями, с одной стороны, и Святополком поморским и пруссами — с другой [77]. В то же время, как видно из текста Кишпорского договора, в Риме продолжали находиться представители пруссов-помезан [78], которые обличали Орден в том, что он нарушает имущественные и прочие права неофитов. Новый легат (впоследствии он стал папой под именем Урбана IV) оказался весьма деятельным и ловким дипломатом. Ему удалось склонить князя Святополка, политика которого вообще не отличалась последовательностью, отказаться от поддержки пруссов и подписать мир с Орденом [79].

Пруссы западных областей, и прежде всего жители Помезании, отчасти Вармии и Натангии, испытывавшие наиболее тяжелые удары врага, оказались вынужденными подписать в Кишпорке (будущий Христбург) мирный договор, предложенный им после долгих переговоров папским легатом от имени ландмейстера Пруссии Генриха фон Гонштейн, при свидетельстве епископа кульмского Гейденрейха. Так возник Христбургский договор, который нам предстоит рассмотреть.

Как видно из преамбулы договора (см. Приложение II), переговоры в Кишпорке представляли собою продолжение тех

[75] В. Пашуто$_2$, стр. 244 и сл.

[76] PU, I, 1, № 195—199 (1247 г.).

[77] Ibid., № 200 (1247 г.).

[78] Ср. PU, I, 1 № 174 (1245 г.). Ср. W. Mannhardt$_1$, SS. 20—21. Автор этой работы (написанной еще в 70-х годах XIX в.) справедливо отметил роль Помезании в переговорах с курией и Орденом. Эта роль подчеркнута и ее упоминанием в конце Христбургского договора. Однако он ошибался, полагая, что пруссы восстали лишь во имя соблюдения Орденом тех прав, которые им сулила курия. Целью пруссов была полная свобода, а принятие условий договора — вынужденный компромисс, на который пошли прусские, прежде всего помезанские, представители — нобили.

[79] PU, I, 1, № 213 (24 ноября 1248 г.).

споров, которые вели с администрацией Ордена при папском дворе представители пруссов, прибывшие туда с жалобой на тевтонов. «Жестокие разногласия» между Орденом и представителями пруссов, согласившимися после долголетней борьбы народа принять христианство и признать власть рыцарей, возникли потому, что последние, нарушая уже известные нам декларации пап Иннокентия III, Гонория III и Григория IX, лишали пруссов, даже принявших христианство, прав, олицетворявших в их глазах понятие свободы. Вот почему основной смысл договора, видимо отражавшего настойчивые требования прусских представителей, заключался в восстановлении личной свободы пруссов под верховенством Ордена, подвластного курии.

Договор устанавливал, что папской курией «было уступлено» (договор выдержан в стиле, типичном для документов курии, которая квалифицировала любое свое действие как пожалование, уступку) принявшим христианство пруссам, «чтобы они оставались в своей свободе и не были никому подвластны», кроме как богу, и повиновались бы римской церкви. Далее констатировалось, что рыцари Ордена после вторжения, «нарушая такого рода разрешение» курии, «притесняли» пруссов «тяжкими рабскими притеснениями» (duris servitutibus opprimebant), вызывая к себе ненависть в соседних землях или, как дипломатически выразился легат, притесняли так, что соседние язычники, «слыша о их отягощениях, стали бояться возложить на себя приятное ярмо господа».

Курия всегда старалась контролировать деятельность Ордена и, расширяя свои доходы, не допускать «крайностей», способных подорвать самую идею «миссии» на Востоке. Курия была готова использовать согласие части крестившихся пруссов, в первую очередь из числа нобилей, пойти на мир с Орденом, ибо понимала, что это позволит ей, действуя в роли «миротворца», внести раскол в среду пруссов и в конечном итоге подготовить новое наступление.

В силу изложенного договор интересен прежде всего тем, что он позволяет определить, какое же содержание вкладывали представители пруссов в понятие свободы, присущей их обществу на этапе догосударственного существования конфедерации областей [80].

Отбрасывая неизбежные в такого рода памятнике церковно-дипломатические формулы, рассмотрим по существу те права, на соблюдении которых настаивали представители пруссов, притом будем следовать в основном намеченной структуре ис-

---

[80] О конфедерации см. подробнее часть III, раздел первый, § 4.

точника, отмечая, где необходимо, аналогичные явления, отраженные в разных его частях.

Начнем с имущественных прав, которым посвящена первая часть договора.

1) О движимом имуществе пруссов.

а) О праве свободной купли и продажи движимого имущества. Представители Ордена должны были согласиться (I, ст. 1), чтобы «было разрешено» пруссам «покупать любые вещи у кого только они захотят и приобретать другими законными способами как они захотят и за сколько они смогут» и открыто ими пользоваться. Следовательно, первое, на чем настаивали представители пруссов,—это право свободной купли-продажи движимого имущества, право, которого Орден, судя по папским буллам, старался их лишить. Отсутствие этого права несовместимо со свободой; оно есть одно из проявлений «рабских притеснений».

Это знаменательное свидетельство. Оно явно противоречит обычно принятым в русской историографии представлениям об уровне товарно-денежных отношений в дофеодальный период. Наши сведения о состоянии прусской экономики того времени вполне согласуются с содержанием договора [81].

Выражение «законными способами» (iustis modis) может свидетельствовать либо о том, что папский легат употребил привычный для него и для Ордена термин, либо, что пруссы считали свое обычное право законным.

б) О праве наследования движимого имущества. Соответствующий текст (I, ст. 2) гласит, что «все, что бы они (пруссы — *В. П.*) ни купили или приобрели (намек на дарение, обмен и т. п. — *В. П.*), пусть они приобретают для себя лично и для своих законных наследников» (heredibus suis legitimis). К числу законных наследников отнесены сын, незамужняя дочь, которые, видимо, имеют равное право на наследство (судя по выражению, «пусть они наследуют»), отец, мать, внук, брат, племянник. Документ содержит в этой части примечание, что представители пруссов «приняли с удовольствием» это широкое право наследования, так как, будучи язычниками, они, по их словам, «не имели [этих прав], а [признавали] только сыновей в качестве наследников».

Из этого следует, что пруссы все же знали (хотя и недостаточно развитое) право наследования движимой собственности по прямой мужской линии. Пользуясь переговорами, представители пруссов — люди, как постараемся показать ниже, знатные и власть имущие, расширили это право, содействуя тем са-

---

[81] См. В. Т. Пашуто₄, стр. 36 и сл.

мым подрыву общинной собственности и ее концентрации в руках экономически более сильных людей.

в) О праве завещания движимого имущества. Этот вопрос затронут (I, ст. 4) в таком контексте: признано, что пруссы могли «свободно использовать, давать [взаймы], дарить, продавать и делать все другое, что они захотят как при жизни, так и после смерти со своим движимым имуществом»; кроме того, еще раз (I, ст. 6) сказано, что они получают «право составлять завещания о своем имуществе, движимом, а также недвижимом (ср. также I, ст. 3).

Итак, в прусском обществе до завоевания его рыцарями налицо право купли-продажи движимого имущества и его наследования (ограниченное сыновьями) по закону и (видимо, без ограничений) по завещанию.

2) О недвижимом имуществе пруссов.

а) О праве купли и продажи недвижимого имущества. Оно сформулировано (I, ст. 5) следующим образом после сказанного в этой связи о движимом: «а сверх того», пруссам «было разрешено из-за необходимости или также для своей пользы продавать свою недвижимость (bona sua) себе равным или тевтонам, или пруссам, или поморянам» — следовательно, налицо давно существующая продажа недвижимой, т. е. прежде всего земельной собственности как среди пруссов разных областей, так и продажа ее пруссами поморянам и тевтонам.

Договором предусмотрено ограничение этого давнего института одним весьма стеснительным для пруссов условием. Продажа разрешается «не раньше, чем они (видимо, желающие продать.—*В. П.*) представят достаточное поручительство» Ордену «по отношению к стоимости подлежащей продаже вещи так, чтобы после ее продажи они не убежали к язычникам или к врагам».

Выходит, что продажа недвижимой собственности ограничена усмотрением Ордена даже в том случае, если эту статью толковать так, что продающий вносит ему залог в сумме, равной стоимости объекта купли-продажи. Не имея возможности отменить продажу недвижимой собственности, Орден разрешал в дальнейшем ее лишь своим наиболее верным сторонникам, и то в ограниченном размере. Орден, как можно судить и по скупым размерам его пожалований прусской знати, ревниво оберегал свои экономические привилегии и препятствовал возможному укреплению уцелевших представителей формирующегося прусского господствующего сословия (см. ниже).

б) О праве наследования недвижимой собственности. Поскольку в договоре сказано (I, ст. 2), что все купленное или приобретенное пруссами «пусть они приобретают для себя лично и для своих наследников», наследование недвижимости

не вызывает сомнений. При отсутствии наследников, предусмотренных в статье договора, трактующей вопрос о движимости, выморочное имущество (движимое и недвижимое) переходило прежде всего Ордену. «Если кто из них и их выше названных наследников умрет и никого не останется в живых из выше названных наследников, то все их недвижимое имущество» переходит к Ордену и «к другим господам, под властью которых» они находились.

Те же правила действовали в отношении движимого имущества, «если только сами новообращенные при жизни или умирая не решили сделать относительно него какое-либо иное распоряжение». Установив свое господство в стране, Орден узурпировал право мертвой руки. Прежде выморочное имущество могло идти общине.

в) О праве завещания недвижимой собственности. Из слов одной из статей (I, ст. 6) о том, что пруссы «имели право составлять завещания о своем имуществе движимом и также недвижимом», следует признать наличие и этого института. Нетрудно заметить, однако, что эта статья находится в противоречии с вышеприведенной — о праве мертвой руки. Можно найти выход из противоречия, если допустить, что Орден согласился на расширение круга наследников с целью ограничить этим кругом права завещания недвижимой собственности.

В приведенную статью открыто введено лишь одно ограничение, которое характеризует уже не столько общественные отношения в среде пруссов, сколько борьбу за прусские земли между Тевтонским орденом и прусским епископом. В отличие от Ливонского ордена тевтоны сумели быстро занять экономически и политически привилегированное положение, урезав права местного епископа. Это видно из статьи договора (I, ст. 6), решительно ограничивающей право пруссов завещать недвижимую собственность церкви. Договор в этой части гласит: «если кто завещает по завещанию какую-либо недвижимость какой-либо церкви или духовному лицу», эта церковь или лицо должны продать эту недвижимость «в течение года наследникам умершего или другим» и «пусть эти церкви или лица оставляют за собой деньги. которые они получили от продажи за это [имущество]»; если же в течение года полученная церковью недвижимая собственность «по небрежности» не будет продана, то она переходит к Ордену. Следовательно, церковь могла пользоваться прусскими земельными владениями лишь в течение года.

Право родового выкупа в договоре не отражено. Родственники-наследники упомянуты наряду с другими желающими купить у церкви подлежащую обязательной продаже недвижимость. Более того, преимущественное право покупки у церк-

ви такого рода имущества предоставлено Ордену. Стороны согласились (I, ст. 6), что «при всех вышеназванных продажах» рыцари, давая в уплату за вещь «столько же, сколько и другой» возможный покупатель, имеют преимущественное право на покупку («то сами братья должны быть предпочтены всем другим»). Притом рыцари обещали «не мешать и публично или тайно не принимать мер, чтобы за вещь другими давалось меньше, чем она стоит», т. е. обещали не сбивать цену; значение такого рода обещания едва ли следует переоценивать.

Ограничение роста церковного землевладения епископа рыцари пытаются в договоре обосновать ссылкой на то, что церковь едина и пр., но по существу — это яркое свидетельство борьбы в среде разных групп феодалов-завоевателей за прусские земли.

Рассмотренные выше статьи составляют самую суть первой части договора. Представители пруссов отлично понимали, что основу их личной свободы составляют не отвлеченные декларации о свободе, которыми так богаты папские буллы, а их экономические права, и прежде всего право распоряжения собственностью — недвижимой (аллодом) и движимой.

Прямые указания источника на право купли-продажи недвижимого имущества, т. е. на превращение аллода в товар, ясно свидетельствуют о развитии процесса феодализации. Своевременно поднятый в нашей историографии вопрос о взаимосвязи этих двух явлений — собственности и свободы в дофеодальный и раннефеодальный периоды [82] — находит в Христбургском договоре еще одно бесспорное обоснование. Ниже мы коснемся дальнейшей судьбы прусского аллода, а теперь рассмотрим те политические права, которые признаны за пруссами по первой части договора.

3) О брачном праве. Согласно договору (I, ст. 7), пруссы могут «свободно заключать браки с какими угодно лицами, имеющими право для заключения законного брака». Эта статья стала необходима пруссам потому, что в дальнейших статьях договора предусмотрена отмена разного рода прусских языческих обычаев. Рыцари считали нужным подчеркнуть, что речь идет лишь о тех, кто принял христианство и вступает в законный брак.

4) О судебных правах. Договором предусмотрено, что пруссы должны быть признаны (I, ст. 8) в качестве полноправных участников любого судебного дела — «быть сторонами (procuratores) во всех [судебных] делах и выступать против кого угодно и отстаивать свои права». Термин procurator, видимо, идентичен имеющемуся в немецкой записи прусского права

---

[82] См. А. И. Неусыхин₁, стр. 34—35.

слову — sachwalder[83]. Признано также (I, ст. 9), чтобы пруссы «как лица, имеющие законное право, допускались ко всем законным действиям перед лицом каких угодно судий как перед церковным судом, так также и перед светским». Статьи эти понятны — пруссы стремились оградить себя от судебного произвола орденских властей.

5) О праве занимать духовные должности. Эта статья (I, ст. 10) предусматривает, что пруссы «и их законные сыновья могли быть клириками и вступать в исполнение религиозных обрядов». Естественно стремление прусских представителей пресечь попытки Ордена препятствовать христианизации народа и использовать это в качестве предлога для разбоя. Кроме того, часть прусского нобилитета могла искать путей политического возвышения не только в сотрудничестве с Орденом, но и с епископом.

6) О рыцарском праве. Эта очень интересная статья (I, ст. 11) гласит: «и чтобы те из новообращенных, которые происходят или в будущем будут происходить из знатного рода (qui sunt vel erunt ex nobili prosapia procreati), могли бы быть опоясаны военным поясом». Статья позволяет утверждать, что прусский нобилитет (известный для этого времени и по другим источникам) достиг такого общественного положения, что мог в официальном документе настаивать на получении рыцарских прав. Позднее источники XIII в. сообщают о прусской знати, перешедшей на сторону Ордена и получившей рыцарское достоинство на кульмском и прусском праве (см. ниже).

Суммируя все экономические и политические права пруссов, подтвержденные в этой части договора, его составители отметили, что рыцари, таким образом, согласились признать за пруссами «всяческую личную свободу», которая будет им присуща до тех пор, пока они сохраняют верность католической церкви и Ордену. Если же «какая-либо община (patria) или отдельное лицо (vel persona) в чем-либо окажутся отступниками, они совершенно теряют выше указанную свободу».

Кстати можно отметить, что представители пруссов заключали мир от имени общества, которое делилось на общины (если правильно предложенное понимание термина) и на отдельных лиц,— видимо, тех самых нобилей, которые выступают в других источниках экономически — в качестве мелких вотчинников, а политически — в виде владетелей замков, лиц, ведающих вопросами мира и войны, а иногда имеющих и жре-

---

[83] Видимо, поэтому следует внести необходимую поправку в данную нами ранее трактовку этого термина (см. В. Т. Пашуто₄, стр. 75). Немецкое право знает термины Sachwältige (sakewolde, sakeweldige) в значении — представители тяжущихся сторон. См. F. G. Bunge₁, S. 27.

ческие права. Что касается общин, то, как увидим ниже, они находились в какой-то связи с местными центрами — «селениями» и «местами». В помезанском праве эти общины ясно представлены как общины сельские [84].

7) О польском праве. Наконец, весьма важной в первой части договора представляется статья 13, посвященная вопросу о «всеобщем законе». Здесь представители пруссов делают выбор того «всеобщего закона» или тех «светских судебных установлений», которыми они хотели бы руководствоваться в своей дальнейшей жизни. Прусские представители, «посоветовавшись между собой», выбрали «закон» и «судебные установления» «соседних с ними поляков», но без применения судебного испытания каленым железом.

Эта статья примечательна во многих отношениях. Во-первых, к прусскому дофеодальному, догосударственному общественно-политическому устройству оказались пригодны законы феодальной Польши; во-вторых, тесные исторические связи пруссов с Польшей были, видимо, давними, коль скоро прусские представители, прежде всего нобили, достаточно хорошо знали содержание польского права — и закона, и судебных установлений.

Вероятно, прусские представители считали, что польское право должно будет как-то содействовать охране имущества пруссов, и прежде всего нобилей, от покушений сюзерена-завоевателя. Это очевидно так, поскольку дополнительная статья (I, ст. 14), если верна наша конъектура, вновь подчеркивает обещание рыцарей, что «имущество новообращенных, о которых идет речь, они не будут незаконно уносить (т. е. отнимать.— *В. П.*), кроме как по разумно установленному решению этого [названного всеобщего] закона».

Мы говорим о прусских нобилях, которых договор упоминает лишь однажды, но вполне недвусмысленно (I, ст. 11). Именно их, в первую очередь, должны были интересовать права, предоставленные договором [85]. Эти нобили хорошо известны нам не только из тогдашних хроник, но и из современных договору актов пожалований Ордена и епископов.

Договор не содержит детальной регламентации прав прусской знати и норм зависимости от нее прусского крестьянства, и это понятно, потому что договор вводит польское право, в котором подобные нормы наличествовали, а, кроме того, формально (допуская непоследовательность) он исходит из признания прав всех пруссов на свободу и земельную собственность.

---

[84] В. Т. Пашуто, стр. 39—41.

[85] См. договор 1272 г. земгаллов с Орденом, заключенный от имени «eldesten des landes» (LU, I, № 430), ср. упоминание «совета старейших» в договоре 1241 г. сааремасцев с Орденом (LU, I, № 169).

Но под юридическим покровом личной свободы у пруссов уже существовала владевшая земельной собственностью знать и возникли ранние формы зависимости менее состоятельных земельных собственников от более зажиточных, нередко становящихся мелкими, а подчас и крупными вотчинниками-феодалами. Выше мы приводили сведения о тех земельных пожалованиях, которые были сделаны епископу двумя знатными пруссами, говорили мы и о некоторых, разрушенных Орденом, замках прусских нобилей [86]. Все эти факты не должны вызывать удивления: в условиях, когда земля является объектом купли-продажи, имущественное неравенство экономически неизбежно.

С особой ясностью оно выступило в источниках тогда, когда новое восстание (1260—1283 гг.) потрясло власть Ордена и благосостояние его приспешников из прусской знати. Стремясь привлечь на свою сторону прусский нобилитет, Орден, лишая пруссов свободы, одновременно подтверждает права и жалует землями верных ему нобилей, которые искали в Кенигсберге, Эльблонге, Христбурге и других немецких замках спасения от восставших. Орден оформлял эти пожалования на основе прусского (реже — кульмского или иного) права.

В т о р а я ч а с т ь д о г о в о р а, трактующая вопрос об отказе пруссов от языческих обычаев и верований и принятии ими христианских церковных обрядов, чрезвычайно интересна для познания идеологии феодализирующегося общества, а также и территориальной структуры прусских областей. Рассмотрим относящиеся к этой теме статьи Христбургского договора; они имеют особую ценность потому, что внесены в текст рыцарями—очевидцами жизни пруссов (в частности, Помезании, бывшей под властью Ордена в 1236—1242 гг.).

1) О похоронных обрядах. В соответствующей статье (II, ст. 1) содержится обязательство пруссов, что они «не будут сохранять [обычаев] сжигания мертвых или их захоронения [вместе] с конями или людьми, или с оружием и платьем, или с какими-либо другими драгоценными вещами, или по каким-либо другим [обрядам], не будут сохранять родовых [племенных простонародных] обычаев (ritus gentilium), но своих мертвых будут хоронить по христианскому обычаю на кладбищах, а не вне их». Следовательно, у пруссов существовал обычай и сожжения, и захоронения мертвых; это находит полное подтверждение и в археологическом, и в этнографическом литовском и прусском материале [87].

---

[86] См. также В. Т. П а ш у т о$_4$, стр. 48—52.

[87] См. П. З. К у л и к а у с к а с$_5$, стр. 36—46; П. З. К у л и к а у с к а с$_4$, стр. 92—107; ср. Ф. Д. Г у р е в и ч$_4$, стр. 13—22.

В договоре идет речь об отказе от старинных обычаев, которые проиллюстрированы примерами из жизни нобилитета: именно его представителей могли хоронить вместе с конями, рабами (ибо только их могли убивать по смерти господина), с оружием, дорогим платьем и различными драгоценными вещами [88]. Но поскольку использование труда патриархальных рабов присуще в этот период не одним нобилям, а свободным вообще, то статья эта относится и ко всей массе пруссов.

Что договор верно отражает существование имущественного и социального неравенства у пруссов, легко установить, сравнив его с сообщением «Хроники прусской земли», законченной немецким хронистом Петром Дюсбургом в 1326 г. В особом разделе этой хроники, составленном на основе свидетельств крестоносцев—участников походов [89] и озаглавленном «Об идолопоклонстве, обрядах и нравах пруссов», он сообщал, что пруссы «верили в воскресение плоти, но все-таки не так, как следовало бы. Они верили, что если кто-нибудь в этой жизни был знатным (nobilis) или незнатным (ignobilis), богатым (dives) или бедным (pauper), могущественным (potens) или слабым (impotens), таким же он будет после воскрешения в будущей жизни. Отсюда происходит то, что вместе со знатными (nobilibus) умершими сжигались оружие, кони, рабы и служанки (servi et ancille), одежда, охотничьи собаки, хищные птицы — и все остальное, что имеет отношение к военной службе (ad miliciam). С людьми же незнатными (ignobilibus) сжигали то, что имело отношение к их обязанностям (ad officium suum)» [90]. Итак, имущественное неравенство у пруссов существовало настолько давно, что получило отражение и в их идеологии. Примечательно и то, что знать занимает руководящее положение в войске; отсюда — упоминание ее «военной службы», с одной стороны, и «обязанностей» людей незнатных — с другой.

2) Об идолах. Язычество пруссов не было примитивным, оно прошло в своем развитии долгий путь, первые известия о котором восходят, как мы видели, еще к Тациту. Согласно статье (II, ст. 2), говорящей об отмене идолопоклонства, пруссы обещали, что не будут делать возлияний идолу Курхе — ежегодный обычай, связанный с окончанием сбора урожая [91],— а также не будут почитать и других богов, «которые не создали неба и земли». Упоминание о других богах — не случайность. Согласно Дюсбургу, пруссы «чтили вместо бога всякие творе-

---

[88] Так этот вопрос трактуется и в археологии — см. Р. Куликаускиене$_2$, стр. 108—122.
[89] W. Mannhardt$_1$, S. 90.
[90] PD, III, 5, pp. 53—54.
[91] W. Mannhardt$_1$, SS. 46—47.

ния [явления], как, например, солнце, луну, звезды, гром, пернатых и даже четвероногих животных, вплоть до жабы. Имели они также священные рощи, поля и воды, так что в них они не осмеливались ни рубить [деревья], ни обрабатывать поля, ни ловить рыбу».

Сопоставление данных Дюсбурга с другими источниками, в частности с русскими, позволяет заключить, что литовское язычество, как и известное нам славяно-русское [92], уже миновало в своем развитии более раннюю стадию — тотемизм.

Быть может, сложился и пантеон богов во главе с Дивериксом. В него, по-видимому, входили Кальвялис («Телявелис») — бог-кузнец, что сковал солнце, творец культуры, подобный славянскому Сварогу; покровитель очага — Номодьевас; покровители леса и охоты — Медеинас и заячий бог. Обожествлялись и гром — в образе Перкунаса, известного и славяно-руссам под именем Перуна-громовержца, и звезды — созвездие Пса и др. [93] Некоторым из этих богов, как сообщает Волынская летопись, «жряше» литовский великий князь Миндовг [94], другие упомянуты в замечательной русской глоссе XIII в. к славянскому переводу сирийской хроники Иоанна Малалы. В этой глоссе речь идет о так называемой ереси Совия — трупосожжении, широко распространенном в литовских, прусских и других прибалтийских землях [95].

3) О жречестве. Развитой языческой идеологии соответствовало и существование жречества, ликвидацию которого предусматривает договор (II, ст. 3). Жречество, как видим, имело значительное влияние в обществе. Пруссы обещали, что они не будут иметь в дальнейшем «тулиссонов или лигашонов», людей, как сказано в договоре, «само собой разумеется самых лживых лицедеев, которые как родовые (gentilium) жрецы считают себя вправе присутствовать на похоронах умерших». Функции этих жрецов очерчены колоритно, но не слишком ясно [96]; в договоре их поносят подобно тому, как в свое время летописец-киевлянин чернил волхвов.

Прусские жрецы «зло называют добром и восхваляют мертвых за воровство и грабежи, за грязь их жизни и хищения и

---

[92] Б. Д. Греков₃, стр. 386.

[93] В толковании этимологии слов, означающих божества, и в понимании функций последних исследователи не единодушны. См. W. Mannhardt₁, SS. 49—68; ŽML, t. I, pp. 126—152; ср. A. Brückner₅, SS. 506—539. Ср. Э. Вольтер₁, стр. 173—179; П. И. Прейс₂, стр. 32—34.

[94] ПСРЛ, т. II, стб. 817.

[95] Э. Вольтер₁, стр. 173—179.

[96] W. Mannhardt₁, S. 45 и сл. Термин «тулиссон» автор возводит к славянскому, польскому tuliczyne — утешитель; а в термине «лигашон» видит его прусский синоним; ср. В. Н. Перцев₃, стр. 365.

остальные пороки и прегрешения, которые они совершили, пока были живы». Эти жрецы при обряде похорон произносили какие-то речи: «и вот, подняв к небу глаза, они восклицают, ложно утверждая, что они видят теперешнего мертвеца, летящего посредине неба на коне, украшенного блистающим оружием, несущего в руке сокола, с большой свитой направляющегося в другой мир». Произносили они и другие речи, ибо дальше читаем, что «такими и подобными лживыми словами они отвращают народ и зовут обратно к обычаям язычников». Это был, однако, лишь рядовой состав жречества. О его верхушке находим сообщение у Дюсбурга, едва ли основательно отвергаемое некоторыми исследователями.

Дюсбург пишет, что в середине страны пруссов, в Надровии, на месте по имени Ромов жил верховный жрец Криве, которого весьма чтили (хронист сравнивает его авторитет с папским) не только пруссы, но и литовцы, и жители ливонской земли (видимо, курши, земгалы и др.). Его власть была, кажется, наследственной. Если он сам или кто-либо из его «единокровных» переходил границы отдельных прусских земель, то они принимались повсюду «с большим уважением королями (regibus), знатными людьми (nobilibus) и простым народом (communi populo)»; с большим почетом принимали правители земель и его вестника с жезлом или каким-либо другим знаком отличия.

При некоторых преувеличениях, естественных в устах тех, кто информировал хрониста, сведения его вполне вероятны. Не только литовские великие князья, вроде Миндовга, но и отдельные более крупные нобили могли выполнять функции жрецов, как, например, известный нашей летописи ятвяг Скомонд, который «бе волъхв и кобник нарочит»[97]. Это, однако, не мешало постепенному развитию жречества. Длительное существование тулиссонов и им подобных при относительно развитой языческой идеологии вполне могло породить и высший слой жречества.

Криве по старинному обычаю поддерживал вечный огонь. По просьбе родственников умершего этот жрец также брался определять его судьбу на том свете; он «указывал, в каком положении находился покойник в одежде, с оружием, с конем и челядью». Трудно сказать, из чего слагались доходы жрецов. Известно, однако, что после победы пруссы приносили своим богам жертвы, кроме того, одну треть добычи они отдавали Криве, который ее якобы сжигал. Ясно, что при таких условиях жречество составляло своеобразную группу нобилитета.

---

[97] ПСРЛ, т. II, стб. 799. Ср. заявление Довмонта: «кобь ми не дасть с вами поити» (там же, стб. 860).

Говоря о прусско-литовской идеологии этой поры, нельзя не отметить ее значительное сходство со славяно-русским язычеством. Это сходство касается не только пантеона божеств, но и обрядов, в частности, погребальных. Достаточно сопоставить в этом отношении сообщение Вульфстана (IX в.), Христбургский договор и хронику Петра Дюсбурга с тем, что писал Ибн-Фадлан (X в.) о древних руссах. Сходство обычаев руссов и пруссов уже привлекло к себе внимание исследователей. Известный востоковед В. Ф. Минорский искал его объяснения на путях аварских влияний [98].

Вполне убедительный ответ на этот вопрос пока еще дать нельзя. В частности, трудно допустить столь сильное проникновение аварских влияний в Прибалтику через галиндские и надровские пущи. Думается, что если более оптимистично оценить возможность экономических и политических отношений славяно-русских княжений дофеодальной поры с их соседями, если вспомнить сношения славяно-руссов с пруссами [99] по «Скифскому» (Балтийскому) [100] морю, а также генетические связи и общение кривичей с литовцами, то отмеченное выше сходство не будет казаться столь поразительным.

В других статьях договора, также говорящих о христианизации, достойны особого внимания два момента, а именно: уходящие в прошлое яркие пережитки патриархально-общинных отношений и признаки растущей власти прусского нобилитета. Остатки патриархально-общинной старины видны в следующих статьях.

4) О многоженстве (II, ст. 4) говорится, что пруссы «не будут в дальнейшем иметь двух жен или более», а будут довольствоваться одной, вступая с ней в законный брак (как это предусмотрено договором — I, ст. 7). Многоженство — несомненный пережиток патриархально-общинных отношений.

5) О покупном браке. Еще более выразительна в этом отношении статья (II, ст. 5), говорящая об отказе пруссов от обычая продавать своих и покупать чужих дочерей в жены: «никто из них в дальнейшем не будет продавать своей дочери кому-либо, [желающему] соединиться с ней браком», и «никто не будет покупать жены ни сыну своему, ни себе». Примечательно пояснение к этой статье, проливающее свет на состояние прусской семьи: «Когда отец покупал какую-нибудь женщину на общие деньги себе и своему сыну, до тех пор они сохраняли

---

[98] См. Scharaf al-Zamañ Tāhir Marvazī, ed. by V. Minorsky, London, 1942, pp. 35—36, 116—117.

[99] Mag. Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum, pp. 244—245, ср. p. 75.

[100] Helmoldi presbyteri Bozoviensis. Chronicon Slavorum, t. I, 1, p. 5; см. T. Lewicki, str. 58.

[обычай, разрешавший], чтобы после смерти отца его жена переходила к сыну, как и всякая другая наследственная вещь, купленная на общие деньги». Перед нами патриархальная домашняя община, значительно более прочная, чем та, что отражена в Помезанской Правде[101], но уже охваченная денежными отношениями, которые затронули движимую и недвижимую собственность. Едва ли это сообщение договора следует понимать буквально. Видимо, и у пруссов, подобно саксам[102], наличествовали в отношении матери различные формы покровительства сына либо брата ее первого мужа (на что есть намек и в Помезанской Правде) и т. п.

Прусских представителей чрезвычайно интересовало экономическое содержание договора. Видимо потому, внедряя церковный брак, рыцари вновь отметили его значение для права наследования, заставив пруссов подтвердить, что они «не будут признавать в качестве законных наследников обоего пола и не допустят до участия в выше названном наследстве никого, кроме как только тех, которые рождены от законного брака, [заключенного] согласно установлениям римской церкви».

6) О правах отца. Одним из пережитков дофеодальной старины было право отца отвергнуть и даже убить своих детей. Пруссы отказались (II, ст. 6) от этого обычая, заявив, что «никто из них по какой бы то ни было причине в дальнейшем не отвергнет и не убьет своего сына или дочь, сам или через постороннее лицо, открыто или тайно, и не будет сочувствовать и позволять, чтобы делалось [кем-либо] другим что-либо подобное каким-либо образом». Таковы уходящие в прошлое черты патриархально-общинного строя.

Относительно статей 4—6 части II договора литовские историки полагают, что здесь недооценен уровень общественного развития пруссов. Они основательно ссылаются на то, что частная собственность в прусском обществе представлена в договоре значительно более развитой, чем семья; что в оценке брака здесь отразился традиционный взгляд западноевропейских юристов, знавших у себя на родине чаще договорный брак и потому писавших о покупном браке у пруссов. Между тем институт приданого долго жил в соседней феодальной Литве, где взнос родителям жены составлял 30 грошей, тогда как рабыня стоила несколько сот коп грошей; наконец, в среде нобилей источники рисуют моногамную семью[103].

Проф. К. Яблонскис высказал интересное соображение, что в этих статьях может идти речь и о превратно понятом

---

[101] В. Т. Пашуто$_4$, стр. 41—43.
[102] Ср. А. И. Неусыхин$_1$, стр. 158.
[103] Об одном исключении см. PD, III, 190.

институте заклада и даже продажи членов семьи[104] (явление, долгое время известное феодально развитым странам, в том числе и Литве, и Руси). Принимая это толкование, мы получаем право говорить о значительном имущественном расслоении среди пруссов и о тех грубых формах угнетения, порождаемых деньгами на ранних этапах классового общества, которые отметил Ф. Энгельс[105].

При всем том, однако, не приходится сомневаться в серьезном значении патриархально-общинных отношений в прусском обществе, еще не успевшем облечься в государственные формы.

В следующих статьях, посвященных христианизации пруссов, мы хотели бы выделить иные черты. Договором предусмотрено (II, ст. 6, 8 и 10) крещение пруссов, соблюдение ими постов, исповеди, причастия и отказ от тяжелых работ в воскресные и праздничные дни (последняя статья типична для средневековой церковной юрисдикции), а также строительство ими церквей (II, ст. 9).

Интересно то, каким образом предполагали прусские представители осуществить эти нововведения. Отметив, что «многие до сих пор среди них остаются ожидающими крещения», прусские уполномоченные обещали (II, ст. 8) «твердо и решительно», что «всех еще не крещенных в течение месяца заставят (facient) креститься». Они, видимо, располагали какой-то властью в своих землях, так как обязались, что «конфискуют имущество родителей», которые в течение указанного срока не крестят своих детей; тех же, которые, «будучи взрослыми, упорно не желают принять крещение», «изгонят из пределов христиан нагими в одной рубашке, чтобы добрые нравы других не портились их превратными разговорами», а имущество их конфискуют, т. е. предадут виновных потоку и разграблению (обычай потока хорошо известен и славяно-русскому праву).

Следовательно, прусские представители не закрывали глаз на то, что решенное в Кишпорке может встретить в других местах Помезании, а также в Вармии и Натангии упорное сопротивление, и рассчитывали преодолеть его не только убеждением, но и силой; подобный расчет мог быть реальным лишь в том случае, если эти представители и им равные играли руководящую роль на вече. Конечно, они могли надеяться на помощь Ордена, но едва ли очень большую, так как Орден еще воевал в восточ-

---

[104] Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить моих коллег — Ю. Жюгжду, К. Яблонскиса, Ю. Юргиниса и М. Ючаса—за их ценные замечания, высказанные при обсуждении этюда о Кишпоркском договоре в Институте истории АН Лит. ССР.

[105] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 295; его же. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 299.

ной Натангии и других землях, а в 1260 г. новое восстание пруссов смело власть рыцарей почти повсюду, включая и значительную часть Помезании, открыто не примкнувшей к освободительной борьбе. Как бы то ни было, прусские уполномоченные имеют определенную власть в своих землях. За их спиной стоит общество, способное воспринять и быстро осуществить изменения в своем праве и в его практическом применении.

Для познания внутренней структуры прусских областей и уровня их культуры известный интерес представляет статья, посвященная строительству храмов (II, ст. 9). В Помезании было намечено возвести тринадцать церквей, из них две — в селениях (villa) — Позолова[106] и Пастелина[107] и две — в местах (in locis) — Лингвес[108] и Люпиец[109], остальные — в Коморе св. Адальберта[110], Бобусе[111], две — в Герии[112] и по одной — в Прозиле[113], Резии[114], Христбурге[115], Райдеце[116] и Ново-Христбурге.

Представители Вармии обещали построить шесть храмов, из них один — в селении, где находился Иедун[117] или около того места; другие — в Суримесе[118], Слинии[119], Вунтенове[120], Брузебергве[121]. Уполномоченные Натангии согласились на постройку трех храмов — в Лабегове[122], близ Туммониса[123] и в Сутвиерте.

Прежде всего возникает вопрос о характере поселений древних пруссов. Ниже мы встретим поселок (villula) в качестве типичной формы поселения; но пруссы жили не только в общинных поселках. В Помезании, помимо двух «селений» (villa) и двух «мест», упоминается договором не менее восьми центров, где сосредоточивалось население. Понятно, что ни курия, ни Орден не стали бы возводить храмы в пустыне; ясно также, что эти центры существовали издавна, а не созданы рыцарями: во время войны крестоносцы в лучшем случае соорудили незначительные замки в некоторых из них.

---

[106] Посильге, ныне—Жулавка, Штумского повета.
[107] Пестлин, ныне — Постолин, Штумского повета.
[108] Линкен, ныне — Линки, Штумского повета.
[109] Липпитц, ныне — Липич под Дзежгонью.
[110] Каммерау, ныне — Коморово, Штумского повета.
[111] Побурсе, ныне — Побуже, Острудзского повета.
[112] Местоположение не установлено.
[113] Пренцлау, ныне — Преславек, Квидзиньского повета.
[114] Ризенбург, ныне — Прабуты, Суского повета.
[115] Ныне — Кишпорк.
[116] Рауднищ, ныне — Рудзич, Суского повета.
[117–122] О местоположении этих пунктов см. PU, I_1, SS. 162—163; ср. S. Kujot$_1$, str. 716, 740—741; H. Łowmiański$_2$, t. II, str. 24—28. Нынешнее местоположение вышеназванных пунктов см. в словаре В. Хойнацкого.
[123] Домнау, ныне — Домново, Вартошицкого повета.

Далее, насколько можно судить по акту раздела помезанской диоцезы [124], перечисленные в договоре центры были равномерно распределены по всей Помезании; их было несколько больше в северной ее части, где лежит и Кишпорк. Следовательно, можно допустить, что Христбургский договор подписан представителями всей Помезании. Из этого напрашивается вывод, что Помезания — одна из одиннадцати прусских областей, распадалась, в свою очередь, на несколько групп общин, общинных поселков. Каждая группа имела свой центр. Два более крупных центра названы в договоре поселениями (villa), два менее крупных «местами», а прочие — лишь перечислены.

Здесь нет необходимости подробно рассматривать вопрос о термине «villa». Достаточно отметить, что применительно к литовским и прусским землям он (как и термин «villa» западноевропейского средневековья [125]) не получил еще общепризнанного толкования. Наиболее подробно изучал характер раннего литовско-прусского поселения известный исследователь Литвы Г. Ловмяньский. Мы не можем признать убедительной принятую этим ученым общую схему развития поселения, но для выяснения проблемы генезиса феодализма весьма существенны его выводы о глубокой древности «villa» и аргументированные соображения о том, что под этим термином могло скрываться как многодворное поселение крестьян, так и однодворное поселение нобиля, приобретавшее в этом случае черты феодального владения (curia, habitatio [126]). С такой трактовкой поселения совпадает сказанное выше (I, ст. 12) о терминах договора — patria и persona. Многодворное поселение (villa) соответствует общине (patria); в однодворном поселении (curia) проживает, как правило, нобиль (persona).

Следовательно, нет оснований отрицать, что у пруссов наблюдалась та же территориальная структура, что и у других народов Восточной Прибалтики. Например, в земле эстов группы общин-мааконд объединялись в кихельконды, во главе которых стояли «старейшины» от общин; мааконды имели свои центры — места сбора населения на собрания, в походы и пр. Вполне естественно и появление здесь укреплений, первоначально общинных, а затем (или наряду с ними) — растущей знати [127]. Таков, видимо, и характер центров, перечисленных

---

[124] См. PU, I_1, № 233 (док. от 18 марта 1250 г.).

[125] См. Н. П. Грацианский$_2$, стр. 72—81.

[126] H. Łowmiański$_1$, str. 299, 303, 328—329, 330; ср. J. Jurginis$_1$, pp. 51—67.

[127] См. весьма интересное исследование М. Х. Шмидехельм$_1$, стр. 233 и сл.; см. также стр. 210 и сл.; М. Х. Шмидехельм$_2$, стр. 172—186.

в Христбургском договоре. Договором предусмотрено, что «жители тех селений (illi de villis), которые приписаны или будут приписаны к какой-либо церкви», будут к ней собираться. Едва ли иначе обстояло дело и с жителями «мест» и «поселков».

Бросается в глаза, что обязательства представителей Вармии и Натангии значительно скромнее. В этих областях было не меньше относительно крупных центров, чем в Помезании. Как свидетельствует последующая история этих земель, они были еще не полностью и менее прочно подчинены Ордену, чем Помезания. Отсюда — небольшие обязательства по договору.

Наконец примечательно, что пруссы располагали значительными строительными возможностями, взявшись соорудить новые церкви за сравнительно короткий срок. Эти возможности не вызывали сомнений у противной договаривающейся стороны. Более того, предусматривалось, что пруссы выстроят храмы «настолько внушающие почтение и красивые, что они покажутся более привлекательными» для «совершения служения и принесения жертв в них, чем в лесах»; притом каждую церковь они украсят «украшениями; чашами, книгами и всем другим необходимым, как следует».

Сомнение у авторов договора вызывало другое — готовность пруссов строить, что и отражено в договоре: в случае невыполнения пруссами этого пункта соглашения, рыцари могли насильственно взыскать «от каждого из них, согласно с принадлежащим каждому состоянию» какую-нибудь «разумную часть» на постройку [128].

Рассмотренная часть договора позволяет полагать, что язычество у пруссов выступает в качестве идеологии феодализирующегося общества. Оно отражает значительную имущественную и социальную дифференциацию этого общества и до поры уживается с нею, с растущим новым базисом, приспосабливаясь (при известных условиях, как свидетельствует история Литвы, на длительное время) к его нуждам. Следовательно, само по себе язычество не может служить существенным критерием для определения уровня общественно-политического развития страны.

Последняя часть договора касается тех экономических и политических обязательств, которые приняли на себя пруссы. Во-первых, определяется (III, ст. 1) порядок доставки пруссами

---

[128] Не рассматриваем вопроса об экономических правах немецких священников, так как он не имеет прямого отношения к истории общественного строя пруссов.

натурального оброка. Так как рыцарям, гласит статья, «очень трудно» объезжать «все поселки (villulas) Пруссии для того, чтобы обмолотить и отвезти свои десятины (suis decimis)», то пруссы должны сами «привозить ежегодно эту десятину, обмолоченную» в закрома рыцарей. Эта статья, как и некоторые другие, свидетельствующая о широком распространении у пруссов устойчивого земледелия, возникла, видимо, в связи с расширением подвластных Ордену земель и представляла собой вывод из предшествующего опыта хозяйничанья рыцарей в Помезании и других областях. С упрочением власти немецких феодалов над пруссами первоначальный сбор дани сменяется натуральной рентой.

На пруссов пали и серьезные обязанности политического характера. Это прежде всего верность Ордену. Пруссы обещали (III, ст. 2), что они «по мере сил и добросовестно будут охранять жизнь, члены, честь и права» рыцарей, а именно, «не будут сочувствовать [тому] или допускать, молча или громко, тайно или открыто, чтобы против них была какая-нибудь измена». Прусские представители, т. е. нобили, обещали (III, ст. 3) активно бороться против возможной «измены», т. е. освободительного движения, в частности, если узнают, что «измена» «совершена или будет совершена, они по мере возможности ей помешают или так разумно ее разоблачат», что рыцари смогут уберечься.

По следующей статье (III, ст. 4) прусские нобили обязались не вступать в союзы с другими государствами, направленные против Ордена: «что они не будут заключать с каким-либо христианином или язычником договора [о] союзе и заговора». Здесь имелись в виду, с одной стороны, Святополк поморский, с другой — правители соседних прусских областей, а возможно, и литовский великий князь.

Наконец, они обязались служить своими вооруженными силами Ордену: «и что во все походы их [рыцарей] пойдут [с ними], как следует готовые и вооруженные по мере своих возможностей». Обязательство характерное — Орден воевал, используя противоречия среди отдельных прибалтийских земель, руками самих прибалтийских народов.

Рассмотренная часть договора не оставляет сомнений в том, что личная свобода пруссов была сохранена Христбургским договором не только ценой их отказа от языческой идеологии, но и на условиях оброка, неограниченной военной повинности и церковной десятины. В обстановке непрерывных войн и произвола рыцарей эта свобода находилась под постоянной угрозой.

Договор был скреплен «словом верности» вице-магистра Ордена и клятвой представителей пруссов.

Таково содержание этого интересного документа. Если реальное значение его было невелико, и он действовал лишь до 1260 г., когда освободительное восстание пруссов вновь потрясло Орден, и содержащиеся в договоре нормы личной свободы, не исчезнув вовсе, нашли отражение прежде всего в правах прусской и литовской знати, перешедшей на сторону Ордена, то неизмеримо больше его познавательное значение как источника по истории становления феодальных отношений.

Подведем некоторые итоги.

1) Перед нами общество дофеодальное, догосударственное. Оно представляет собою своеобразную конфедерацию областей, три из которых участвуют в заключении договора. Насколько можно судить по данным договора, каждая из областей в свою очередь делилась на группы селений (общин), имевших свои центры.

2) Экономическую основу этого общества составляла еще общинная земельная собственность, но притом давно возникла, окрепла и получила отражение в договоре наследственная (в рамках семьи) собственность на землю—аллод. Недвижимая и движимая собственность стала объектом купли-продажи — товаром. Право на не ограниченное Орденом распоряжение недвижимой и движимой собственностью древние пруссы рассматривали как основу своей свободы.

3) Договор хотя и не содержит данных относительно политической структуры общества, но позволяет говорить о достаточно развитом правосознании древних пруссов.

4) Договор заключает в себе яркий материал, характеризующий языческую идеологию прусского общества; эта идеология приспосабливается к переменам в базисе.

5) Установление господства Ордена над частью Прусской земли сопровождалось значительными изменениями в ее экономике, политике и культуре. Если взять формально-юридическую сторону вопроса, это выразилось в следующем: а) замене сбора дани первоначальной формой натурального оброка; б) введении польского права; в) расширении прусского наследственного права, при одновременном сужении права купли-продажи недвижимой собственности; г) узурпировании Орденом права мертвой руки; д) привлечении местной знати в состав рыцарства и на духовные должности; е) отмене языческих верований и обычаев, введении христианства; ж) распространении на пруссов тяжелого бремени неограниченной военной повинности.

Если взглянуть на фактическое положение вещей, то станет ясно, что все права пруссов имеют очень шаткую гарантию — их «верность» Ордену. Произвол и разбой Ордена на Прусской земле вызвали возмущение прусского народа, его освободитель-

ное восстание. Подавление восстания сопровождалось ликвидацией свобод, предусмотренных договором. Пруссы попали под ярмо феодально-колониального угнетения, приведшего к их ассимиляции, вымиранию.

Рассмотренный договор заставляет задуматься о том, какую значительную роль играет синтез развитых феодальных общественных отношений с патриархально-общинными на последней стадии их существования. В нашей науке сравнительно полно изучено сочетание, соединение патриархально-общинных отношений с рабовладельческими и выяснено, что оно приводило к заметному ускорению становления феодального способа производства. Синтез же развитых феодальных отношений с патриархально-общинными пока еще в нашей науке должным образом не изучен.

В конкретных условиях истории литовских и прусских земель подобный синтез мог быть осуществлен лишь в двух формах: либо в форме завоевания феодально развитой страной прусских и литовских земель и утверждения здесь феодализма за счет большего или меньшего политического и национального угнетения коренного населения, что пытались осуществить Польша (в отношении прусских земель) и Русь (в отношении земель литовских и прусских) и что в наиболее реакционной форме осуществил в земле пруссов немецкий Орден; либо в форме завоевания литовцами или пруссами соседних феодально развитых территорий при сохранении независимости своей земли, что пытались сделать пруссы в Польше и что на время удалось осуществить литовцам в отношении части Руси. Во втором случае история явилась свидетелем ускоренного развития Литовского феодального государства, как бы ни оценивать его влияние на исторические судьбы Восточной Европы. В меньшей степени явления синтеза присущи истории Жемайтии, где поэтому налицо особенно длительное сохранение раннефеодальных форм общественного и политического строя [129].

Главный вывод, который можно сделать на основании договора, заключается в том, что становление феодальных производственных отношений надо связывать не с периодом объединения бывших племенных земель в относительно единое государство, а с более ранним периодом обособленного самостоятельного их существования. Здесь налицо общество, которое имеет позади длительную историю патриархально-общинного строя; оно представляет собой последний этап его развития, канун окончательного объединения нобилитета в господствующее сословие, канун раскола на два антагонистических класса — феодалов и крестьян.

---

[129] Подробнее см. часть III, раздел первый.

Жалованные грамоты Ордена прусским нобилям подкрепляют выводы, полученные из анализа Кишпоркского договора. Эти грамоты появляются в середине 50-х годов XIII в. [130], накануне нового восстания пруссов. Известно свыше двухсот таких грамот.

Наиболее обстоятельно прусские жалованные грамоты исследованы в содержательном труде Р. Плюмицке. Этот ученый выявил обширный материал о размерах землевладения прусских нобилей, об их правовом положении под властью Ордена. Выводы его исследования были обогащены сравнительным материалом в труде Г. Ловмяньского [131], а также, применительно к Вармии, в книге М. Полляковны [132], и если я вновь касаюсь этого вопроса, то лишь потому, что не могу согласиться с пессимистическим выводом Р. Плюмицке о том, что вопросу о происхождении нобилей при данном состоянии источников суждено оставаться неразрешимым [133].

При просмотре грамот легко заметить разнообразие формуляров в зависимости от места происхождения (Кенигсберг, Эльбинг, Христбург, Рагнит, Балга, Мариенбург и др.), от должности жалующего лица (магистр, епископ, комтур и др.) и от времени пожалования. Несмотря на разнообразие формуляров, суть всех грамот состоит в том, что прусским нобилям жалуются земли, населенные крестьянами с правом суда над ними «малого» или «большого», с правом личного вергельда. Освобожденные от крестьянских повинностей нобили должны были нести Ордену неограниченную военную службу и, силами своих крестьян, участвовать не только в военных предприятиях, но и в строительстве замков, дорог и др.

Пожалования были вызваны освободительной борьбой пруссов и особенно восстанием 1260 г., которое понудило Орден признать в какой-то мере земельные права прусских нобилей, выделить им часть доходов с тем, чтобы расколоть фронт восставших и подавить движение. Факты показывают, что это Ордену удалось; особенно сильную опору получил он в нобилитете Помезании и Самбии.

Проанализируем содержание жалованных грамот. Перед нами жалованная грамота 1261 г., данная кенигсбергским комтуром самбу Берисхо (Berischo) на 11 гакенов земли и 5 семейств в деревне (villa) Сунегоге, которые он и его наследники получают «cum agris et pratis attinentibus». Пожалование дано «cum omni iure», но имеются в виду «малые права», ибо соляная

[130] PU, I_1, № 306 (1255 г.), ср. PU, I_2, № 84 и 140.
[131] H. Łowmiański$_2$, t. I, str. 227—329.
[132] M. Pollakówna$_1$, str. 58—61, 124—127.
[133] R. Plümicke$_1$, S. 66.

регалия и «большие права» остаются за Орденом («quod iudicium ad collum sive ad manum pertinens nobis reservamus»)[134].

«Малые права» — это право суда над подданными и получения судебных доходов с них по делам, касающимся «крови» и «синяков», о которых говорит и Помезанская Правда — кодекс лично свободных пруссов. «Большие права», как видно из данной грамоты, касаются дел с ответственностью рукой и шеей.

В другой грамоте 1261 г. пруссам Керсе и Некаркису жалуются «большие права» — «iudicia maiora, que sunt vulnus letale, manus amputatio, sentencia mortis, ut eadem qua ceteri fratres nostri in suis hominibus atque bonis inperpetuum quadeant libertate»[135]. Обладателям «больших прав», как правило, давался, судя по более поздним актам, вергельд в 60 марок[136] (из больших прав исключалось право суда за преступление на дорогах, которое присвоил себе Орден), а малых — 30 марок[137]; низшую категорию свободных охранял вергельд в 16 марок[138]. Пожалование производилось без инвеституры.

Земли жаловались в наследственное владение: ius hereditarium — типичный признак прусского права, восходящий к местному обычаю, отраженному в Кишпоркском договоре[139]. Следовательно, часть прусской знати, сохранив и закрепив за собой право владеть землей и получать часть ренты и судебные доходы с населяющего ее крестьянства, удовлетворилась властью Ордена.

Спрашивается, эти ли пожалования создали сословие прусских феодалов или же они лишь кодифицировали его. Из при-

---

[134] PU, I_2, № 137; ср. № 314, 319, 381, 455 и др.; PU, II_1, № 224; PU, II_2, № 581 и др. О положении пруссов под властью Ордена см. П. И. Пакаркли$с_2$, стр. 361 и сл., 611 и сл.

[135] PU, II_2, 140; ср. № 145, 148 (пожалованы за то, что были верны «in apostasia terrarum» 1260 г.).

[136] PU, II_3, № 733 (1330 г.); ibid., № 865 (1334 г.: dy gerichte der wege alleyne usgenomen; ср. В. Т. Пашут$о_4$, стр. 90—90); PU, III_1, № 339 (1340 г.).

[137] См. PU, II_3, № 880 (1331—1335 гг.), ср. № 799, 866. Строгого единообразия не было — см. PU, III_1, № 390 (1341 г.)— малые права и вергельд в 60 марок.

[138] R. Plümicke_1, SS. 33—34, 40; CDW, I, № 288 (так каралось убийство старосты); см. P. Pakarlis_4, p. 122. Помезанской Правде известна кара в 8 марок за убийство бедного немца (ст. 18); вероятно, убийство бедного прусса каралось не выше, т. е. жизнь знатного нобиля ценилась более, чем в 7 раз выше жизни крестьянина. Для сравнения можно учесть, что в начале XV в. лошадь стоила от 3 м., а корова от $1^1/_2$ м. и выше (CEV, № 570(1414 г.).

[139] Ср. в грамоте 1280 г. пруссу Самбанго, которого ландмейстер прусский называет nobis amico, пожаловано iure hereditario и по мужской и по женской линии (si masculi non essent affiniores, femine iure hereditario possidebunt)— PU, I_2, № 380; в массе же нобили могли в ту пору наследовать лишь по прямой мужской линии.

веденных выше источников явствует, что прусская землевладельческая знать возникла давно, а Орден лишь дал ей место в рамках своей государственной вассальной иерархии. Об этом вполне определенно говорят и некоторые акты. Прусс Тыруне получает в 1262 г. от фогта самбийского епископа семь семейств с тем, что издревле им принадлежало — «cum agris, pratis, pascuis, silvis et omnibus attinentibus» и к ним еще те владения, которые он унаследовал от своего отца — «et insuper bona sua, que ipsum ex paterna hereditate contingunt»[140], т. е. за верность Ордену Тыруне не только сохранил владения своего отца, но получил в зависимость семь прежде свободных семейств прусских землевладельцев.

Следовательно, привлечение части нобилитета на службу Ордену сопровождалось широкой мобилизацией крестьянских земель [141]; понятно, что оно привело к обострению классовых противоречий в прусском обществе и породило вспышки острой классовой борьбы (крестьянское восстание в Самбии 90-х годов XIII в.). Судя по Помезанской Правде, Орден был вынужден признать право на личную свободу и значительной группы рядовых земледельцев; большая часть земледельцев постепенно потеряла свободу и слилась с несвободным крестьянством.

Важно подчеркнуть одну особенность прусских нобилей — часть их лишь недавно вышла из среды богатых общинников и в момент пожалования продолжала принимать личное участие в обработке своих земель. Освобождение этих нобилей от крестьянских повинностей (в частности, от десятины и от общинной барщины) Орден рассматривал как проявление к ним своей милости. Например, пруссу Помуселю в 1275 г. рыцари «dese sunderliche gnode haben getan, das sie von den ackirn dy sie rumen sel[ber mit erer] erbeit und horunge, keinen czenden sullen scholdig sin unsern brud[ern] czu gebin u[nd] von gemeynen erbeiten und dinsten (how howen, getreyde howen, holcz furen adir howen u[nd] dergleichen)» [142]. Подчеркнутая исключительность подобных пожалований лишь доказывает, что другие жалуемые нобили уже раньше оставили земледельческий труд и жили эксплуатацией труда челяди и лично свободных общинников.

---

[140] PU, t. I_2, № 155.

[141] В грамоте 1301 г. Сандеру и другим прямо сказано, что жалуемые им земли прежде принадлежали крестьянам (ibid., № 781).

[142] Ibid., № 329; то же см. № 343 (1276 г.), 347 (1276 г.: «adir by eygener kost»), 350 (1276 г.), 369 (1279 г.: «von acker alzo vil, alz sy mogen geerbeyten»), 382(1280 г.); ср. № 387 (1281 г.; с указанием числа гакенов — «eyn lant, alz vil sy mogen geerbeyten myt III hoken»).

Узурпирование Орденом верховного права собственности на землю привело к тому, что изменилось само понятие прусской свободы. Если по Кишпоркскому договору оно заключалось в свободе распоряжения недвижимой и движимой собственностью, то в акте 1262 г. пожалования пруссу Тропо, который получил земли(«campum... et duas villas»), девять семейств, а также большие и малые права, впервые подчеркнуто, что он получил свободу от десятины и крестьянских работ («sine decimus persolvendis et rusticalibus»)[143]. Эта новая трактовка свободы в эльбингском формуляре — свидетельство того, что в прусском обществе закреплена свобода нобилей и бесправие крестьян.

Впрочем, за последними в эту пору еще сохранялось право перехода, которое отмечено в грамоте 1263 г. пруссам Прейбото и Славотину с сыновьями. В этом содержательном документе[144], во-первых, сказано, что пруссы — участники восстания 1260 г.— потеряли право на личную свободу (признанное договором 1249 г.). Так как«dy newen cristen von Prewszen den cristgeloubenhatten abgeworfen, wedir uns unde ander cristglowbige luwthe growsamlich robiten (т. е. «грабили». — *В. П.*), die kirche gotis mit viel pynen queleten», то они потеряли свободу: «unde domethe billichen ere freyheit vorloren», но те, которые были верны («die mit uns getruwelich bestunden»), имеют право на свободу. Поэтому им жалуют eyn dorff mit einem filden und andern dozcugehoren в вечное наследственное владение — ewiclich zcu erbrechte zcu besitzen. Как видим, это свобода от «geburschs joch unde dinst»[145] с правом условной наследственной собственности. Позднее в формуляре стали обычны стереотипные формулы — «на праве свободных пруссов» или еще короче — «на праве свободных»[146].

Подвластные этим нобилям крестьяне должны поставлять Ордену вместо десятины 2 шеффеля пшеницы и ржи от немецкого плуга и от гакена[147] — один шеффель пшеницы, а также участвовать в «reyszen», «zcur lantwere», «huwser zcu buwen unde warnhuwszer zcu vestigen». Позднее в состав повинностей некоторых земель вошло участие в «страже от Литвы». Освобождение владения нобиля от участия в ней оформлялось пожалованием[148].

---

143 Ibid., № 173.

144 Ibid., № 204.

145 См. РИ, II_2, № 603 (1328 г.) О привилее 1299 г. самбийским нобилям (SU, I, № 192) — см. R. P l ü m i c k e₁, SS. 11—15. Дальнейшее укрепление власти местной знати Орденом связано с восстанием самбийских крестьян 1295 г. (ibid., S. 17—18).

146 См. PU, III_1, № 50 (1336 г.), 60 (1336 г.) и др.

147 1 гакен-11,2 га.

148 В грамоте 1333 г.: et de custodia Litwinorum (PU, II_3, № 781).

Первоначально за частновладельческими крестьянами оставлено право свободного перехода: «das unsir luthe frey zcu yn mogen czyhen, die mit en yn den vorgesprochen guttern zcu wonen zcu rothe werden unde gleicher weis wedir zcu uns zcu czyhen, wenne sie wellen, frey sullen gelassen werden». Впрочем, в грамоте (brif — термин, известный и Помезанской Правде [149]) 1267 г. пруссу Сантирму и другим нобилям право перехода уже обусловлено уплатой 1/4 марки [150].

Эта грамота дополняет и ту статью Кишпоркского договора, в которой идет речь о разрешении свободным пруссам продавать полученное поле (velt) лишь тем, кто имеет такое же право, как они — «wenne sy wellen myt rechte, alz sy ys besessin haben» [151]. Уже в 70-х годах XIII в. налицо акты продажи Орденом земель пруссам [152].

Сантирм и другие нобили получают в отношении своих крестьян (которые платят десятину Ордену) право мертвой руки. На этом стоит остановиться потому, что здесь охарактеризован еще один из элементов «крестьянского права», лишь упомянутого в Помезанской Правде [153]. В грамоте читаем: «och noch dem tode der lute, dy mit yn sicczen, dy do keyn wore erben haben, daz erbe sulle sy [т. е. Сантирм и другие] nemen alzo, dach daz myt gote gesche, und waz dovan gevellet und se geben den wyben, ab sy wellen, daz seccze ich czu erem eugen willen», т. е обеспечение крестьянских вдов ставится в зависимость от воли господина, получающего выморочное имущество [154].

Возникает еще один вопрос — о размерах владений прусских нобилей. Г. Ловмяньский отметил, что эти владения невелики [155]. Это и понятно: прусская знать в своем развитии отстала от своих собратьев в Жемайтии и в Литве. Но надо учитывать и то, что Орден — один из самых хищных феодалов средневековья, решительно боролся с развитием епископского землевладения в Пруссии и в Ливонии. Понятно, что прусский нобилитет, потеряв свое политическое преобладание, должен был довольствоваться положением мелкого феодального служилого люда (как сказано в грамоте 1255 г. пруссу Ыбото:

---

149 В. Т. Пашуто$_4$, стр. 59, 151.

150 PU, I$_2$, № 263.

151 Ср. ibid. № 353 (1277 г.): «wir geben dorobir den vorgesprohenen orlop czu vorkoufen dazselbige velt, alzo daz sy is erst unseren bruderen bewisen, weme sy wellen czu zugetonem rechte, als sy besessyn haben»; ср. PU, II$_3$, № 732 (1331 г.).

152 PU, I$_2$, № 322 (1274 г.).

153 В. Т. Пашуто$_4$, стр. 44—45.

154 Ср. PU, I$_2$, № 353 (1277 г.).

155 H. Łowmiański$_2$, t. I, str. 258—259; ср. R. Plümicke$_1$, SS. 60—63.

«De predictis autem bonis serviet nobis idem suique heredes in clipeo et lancea sicut ceteri nostri feodales consueverunt»)[156]. В лучшем случае он получал кульмское (хельминское)[157] и совсем редко магдебургское право [158].

Итак, прусские акты характеризуют местных нобилей как давно существующую, вышедшую из среды земледельцев-крестьян землевладельческую привилегированную группу населения. В актах отражено положение лишь той части нобилей и верхушки общинного крестьянства, которые, предав интересы своего народа, сохранили право личной свободы и заняли соответствующее место в общественной структуре Орденского государства. Сопоставление грамот, выданных Орденом прусским нобилям с его жалованными грамотами литовским эмигрантам, позволяет сделать выводы и о социально-экономическом положении последних (см. часть I, § 4).

Социально-экономическое и политическое положение лично свободных пруссов получило наиболее полное отражение в Помезанской Правде. Этот источник мы подвергли недавно специальному изучению, поэтому, не повторяя здесь полученных ранее выводов, выскажем лишь некоторые дополнительные соображения.

Прежде всего надлежит отметить, что увенчались успехом поиски рукописей Помезанской Правды. Известно, что сборники, включавшие Помезанскую Правду, хранившиеся в архивах Кенигсберга, Эльблонга и других городов, в том числе и рукописи, использованные первым издателем Правды П. Лабандом в 1866 г., были утрачены во время второй мировой войны и долгое время их не удавалось отыскать. Лишь в 1957 г. молодой литовский историк М. А. Ючас обнаружил в рукописном отделе Центральной библиотеки Академии наук ЛССР в сборнике XVI в. список Правды, датированный 1590 г. [159]

Рассмотрение этого списка показало, что он отражает раннюю редакцию Правды (1340 — ранее 1433 г.), представленную в издании П. Лабанда одним списком (список S). Новый список (список Y) своим содержанием подкрепляет авторитет издания П. Лабанда, а также вносит в него некоторые дополнения, интересные для историка права [160].

---

[156] SU, № 46; R. Plümicke, SS. 24—26. Ср. PU, I_2, № 262; в документе 1344 г. о предках Сенкете сказано, что они «nobiles feodales» (SU, № 343).

[157] PU, I_2, № 215 (1262—1263 гг.), 294 (1264—1269 гг.), 295 и др.; PU, III_1, № 240, 248, 256 (все датируются 1339 г.).

[158] PU, III_1, № 202 (1338 г.), 255 (1339 г.), 282 (1335—1339 гг.).

[159] Рукописный отдел Центральной библиотеки АН Лит. ССР, 49, Mažosios Lietuvos Fondas — XVI.

[160] Результаты наблюдений над списком Y см. в Приложении III.

Имея в виду соображения, которые высказал по моей книге о Помезанской Правде известный польский историк права проф. В. Гейнош [161], а также используя данные нового списка Правды, считаю нужным разъяснить свой взгляд на некоторые вопросы. Это тем более необходимо, что Помезанская Правда как источник широко входит в оборот польской историографии. Уважаемый рецензент, приемля в целом трактовку Правды, данную мною, высказал сомнение в том, что этот источник надо считать в первую очередь помезанским кодексом права, и в том, что его следует называть Правдой, ибо «правда» — это подлинный источник, созданный народом данной страны, чего об обсуждаемом кодексе сказать нельзя [162].

Признавая, что Правда стала кодексом права всех лично свободных пруссов [163], нельзя не отметить, что сформировалась она прежде всего на земле Помезании. Об этом свидетельствуют семь статей, содержащих прямые ссылки на помезанские прецеденты: ст. 25 («помезане говорят»), ст. 47 («помезане нашли»), ст. 67 и 71 («помезане установили»), ст. 68 и 98 («помезанское право») и ст. 79 («предстать перед помезанами»). Примечательно, что в кодексе нет подобных ссылок на право других десяти прусских земель, а имеется лишь четырехкратное упоминание прусского права (ст. 24, 29, 117 и «Приложение») вообще.

Мне казалось, что возникновение Правды именно в Помезании объясняется и географическим, и политическим положением этой земли, ставшей поначалу важной опорой Ордена. Новый просмотр хроники Петра Дюсбурга укрепил меня в этом мнении. Нобили Помезании рано стали сотрудничать с Орденом [164], который всячески старался упрочить здесь свое господство [165]; понятно, что именно на Помезанию направлялись удары по-

---

[161] См. Czasopismo Prawno-Historyczne, t. VIII, 2. Poznań, 1956, str. 350—354.

[162] См. там же. К исследованию Помезанской Правды приступил и Ю. Матушевский — видный историк польского права. Он нашел новые интересные аспекты исследования утраченных рукописей Правды, а также, основываясь на поправке В. Гейноша, высказал предположение о существовании права родового выкупа. См. его рецензию на мою книгу — Studia źródłoznawcze. Commentationes, № 2, Poznań, 1958, str. 192—195.

[163] Свободные пруссы были хотя и привилегированной, но, как мы выше (см. стр. 119) видели, и по имущественному, и по общественному положению весьма неоднородной социальной группой. Такие очертания приобрело под немецкой юрисдикцией формирующееся в прусском обществе сословное неравенство. Отмеченное нами по Помезанской Правде неустойчивое положение значительной массы свободных (В. Т. Пашуто$_4$, стр. 44—45) постепенно вело к ущемлению их свобод (R. Plümicke$_1$, S. 46), порождая острое недовольство: не случайно прусские свободные сыграли заметную роль в восстании 1525 г.

[164] PD, III, 7, 14, 84; NE, v. 24412.

[165] Ibid., III, 58, 63, 67, 68.

морских, прусских (судовских) и литовских сил[166]. Все это заставляло Орден искать путей к укреплению сотрудничества с нобилями и верхушкой крестьянства Помезании. Заключенные с помезанами договоры становились образцом при переговорах с другими прусскими землями; то же произошло и с Помезанской Правдой.

Относительно того, следует ли называть источник Правдой, замечу, что он однотипен с теми источниками, которые так называть принято, причем ни один из них не хранит народного права в чистом виде, ибо, во-первых, запись права — это акт уже государственной власти, деформирующей обычное право в своих интересах; зачастую это также акт синтеза обычного права одной страны с государственным правом завоевателей, происходящих из другой страны[167].

Наконец, о толковании смысла отдельных статей. Интересно суждение В. Гейноша о статье 83, которую он предлагает переводить так: «Если кто-нибудь купит наследство (Erbe — термин широкий, может быть, недвижимая собственность) и не отдаст плату в положенные ему дни наличными деньгами или закладом, то продавшего следует ввести обратно во владение наследством». Я готов согласиться с подобным переводом, позволяющим предполагать широкое развитие заклада имуществ и вытекающим не только из конструкции фразы (nicht gibt... nicht an pfande), но и прямо из смысла списков WRO (gelde adder pfande), хотя должен заметить, что списком Y как будто подкрепляется принятое мною толкование: «am gereyten gelde vnd nicht an pfandt» (см. Приложение III).

Перевод статьи 118, бесспорно, нуждается в коррективах[168]. Статья о праве притязать на имущество должна читаться так: «Если какой-либо муж владеет имуществом год и день без притязаний на него, и если какой-либо совершеннолетний человек[169] жил в той земле и потом захотел бы притязать на это имущество, то он не имел бы на это никакого права; если же было так, что человек [притязающий на имущество] покидал землю, то он может иметь притязания [в течение] XII лет, а позднее — нет». Смысл статьи, следовательно, в том, что бывший владелец, проживающий в стране, имеет право притязать на имущество год и день, при проживании вне пределов страны — двенадцать лет. Перевод, предложен-

---

[166] Ibid., III, 35, 62, 65, 128, 144, 151, 160, 169, 193, 281.
[167] См. А. И. Неусыхин[1], стр. 51 и др.
[168] На это обратил мое внимание и профессор Тартуского университета Л. И. Тиик, которому приношу благодарность и за ряд других ценных замечаний.
[169] В списке Y иное: «ab ein vnmundig man» (см. Приложение III).

ный рецензентами, не только очевиден из содержания статьи, но и подкрепляется аналогией из ливонского права[170].

Не вижу оснований отвергать перевод термина Knecht словом холоп (ст. 77). Knecht — недавний крестьянин, обедневший, бесправный, попавший в зависимость от феодала, которому шло возмещение за причиненный кнехту ущерб[171]. Это, видимо, так называемый ignobiles по Дюсбургу, в переводе Ерошина — eigin Knecht[172]; категория таких кнехтов известна актам, это —«arbeitende Knechte»[173]. Не останавливаюсь подробнее на других частных недоразумениях, виной которых, вероятно, мое недостаточно четкое изложение: о рабстве в Привислинье я говорю не на основании данных Анонима, а по данным Вульфстана; вопрос об издержках истца, самовольно прекращающего процесс, ясно решается ст. 78: истец платит два раза по полмарки (в сумме 1 марку) и т. п.[174]

В заключение хочу подчеркнуть значение Помезанской Правды с ее богатыми сведениями, относящимися к хозяйству, общественным отношениям, классовой борьбе и политическому строю лично свободных пруссов, как источника для истории Литвы, в частности, Жемайтии. Когда Орден в конце XIV в. временно подчинил Жемайтию, местная знать (eldestin) искала средств оградить свои наследственные права.

Именно тогда жемайтская знать получила от Ордена прусское право. Интересна формулировка документа, упоминающего об этом. Идя навстречу жемайтской знати, которая просила, чтобы магистр «оставил бояр боярами, свободных — свободными, а крестьян — крестьянами», он установил в Жемайтии права, аналогичные тем, что были даны пруссам. Магистр «gap des den landen allen einen brieff (т. е. жалованную грамоту) und gap in sulch recht a l s d i e P r u s s e n in unsern landen haben»[175]. Этим бояре жемайтские остались недовольны и, как

[170] См. ст. 12 немецко-куршского договора 1267 г. (LU, t. I, № 405, p. 509).

[171] В. Т. П а ш у т о4, стр. 143, ср. стр. 47 и сл.

[172] PD, III, 220. NE, v. 18001.

[173] Acten der Ständetage Preussen, Bd I, S. 105 (1406 г. инструкция о челяди замковой).

[174] В. Т. П а ш у т о4, стр. 12, ср. стр., 9, 98; W. H e j n o s z. Указ. рец. Хочу отметить также некоторые неточности, вкравшиеся в текст «Помезании». Стр. 14, строка 11 сверху — вместо Помезании и Вармии должно быть: Вармии и Натангии; там же в сн. 2 вместо — S. 106 должно быть: S. 160; стр. 17, сн. 1, строка 13 сн. вместо — 24—24 должно быть: 24—34; стр. 28, строка 5—6 сн. вместо heerschafft должно быть: herrschafft; стр. 31, строка 6 св. вместо — 212 должно быть: 121; стр. 69, строка 14 св. вместо — двенадцать должно быть — одиннадцать; там же, строка 16 св. вместо — трех должно быть: двух; стр. 103, строка 19 св. вместо семи должно быть: шести.

[175] CEV, p. 78 (1401 г.). В этом году «bestin bayorin» Жемайтии прибыли в Мариенбург и приняли там христианство (SRP, III, p. 240).

сообщает хронист Иоанн из Посильге, домогались получения кульмского (хельминского) права: «die eldestin der lande czu Samaythin qwomen ken Marienburg mit erim voithe, und begertin, das man yn sulde gebin Colmisch recht o b i r e r e g u t e r, und sulde sie haldin glich rittern unde knechtin im lande czum Colmen»[176].

Изложенное позволяет оперировать Помезанской Правдой как источником по истории Жемайтии и, следовательно, признать, что и жемайтские нобили, подобно прусским и литовским, жили с земли и их волновали прежде всего способы укрепления с помощью Ордена своей власти над крестьянством. Этого они хотели достичь посредством получения не только прусского, но и кульмского права. Когда же Орден не обнаружил желания щадить их права (тому свидетельство яркая жалоба жемайтов папской курии 1416 г.; см. часть I, § 4), тогда местные нобили достигли своего с помощью государственного аппарата Литовского великого княжества.

Заканчивая рассмотрение некоторых основных прусских источников (Тацит, жития Адальберта и Брунона, Вульфстан, жалованные грамоты Ордена нобилям, Кишпоркский договор и Помезанская Правда), мы можем сделать общий вывод, что благодаря их современности событиям они имеют выдающуюся ценность для характеристики становления имущественного неравенства, феодальной собственности, классов и государства, для истории общественного развития Литвы, а следовательно, и вывод о беспочвенности опасений М. Гельманна, будто привлечение этих источников к изучению Литвы нарушает основы исторического источниковедения[177].

3. НЕМЕЦКИЕ ХРОНИКИ

Среди немецких хроник, содержащих материал по истории Литвы изучаемого периода, наибольшего внимания заслуживают современные интересующим нас событиям хроники — Генриха, Рифмованная, Германа Вартберге, Петра Дюсбурга, а также Николая Ерошина.

Рассмотрим литовские известия хроники Генриха. Наша задача во многом облегчена той превосходной работой, которую выполнил С. А. Аннинский в своем введении[1] и в комментариях к публикации текста и перевода этой хроники. Он охарактеризовал ее издания и историографию вопроса. Используя достижения немецкой науки, С. А. Аннинский установил, что хроника появилась около 1225 г., что она была заказана Генриху епископом рижским Альбертом I как своеобразный подробный

[176] SRP, t. III, p. 284 (1407 г.).
[177] M. H e l l m a n n$_4$, S. 160.
[1] См. ГЛ, стр. 1—67.

отчет об истории и состоянии ливонской колонии, который был предназначен для папского легата Вильгельма моденского и служил к обоснованию прав Альберта на получение сана архиепископа [2].

Генрих — «один из замечательнейших хронистов средневековья, немец, вероятно, и по происхождению, но, несомненно, немец по культуре; человек XIII в. по своему церковному мировоззрению и по наивности исторического мышления, хороший стилист и недурной оратор, в своей чрезвычайно богатой фактами Хронике не был бесстрастным и простодушным летописцем, как обычно думают» [3]. Приступив к делу «по просьбе господ и товарищей» [4], Генрих создал не только панегирик немецкому завоеванию Ливонии, его хроника — апология организатора этого завоевания Альберта. Опора Альберта—вассальные феодалы и враждебное Ордену бюргерство [5].

Автор проникнут стремлением оправдать рыцарский разбой, он чернит врагов епископа, он хулит жизнь и быт народов Прибалтики и Руси. Понятно, что искать в его хронике правду о Литве,— в ту пору опасном враге епископа и всего дела колонизации,— можно только между строк.

Орден вторгся в Восточную Прибалтику в весьма подходящее для его целей время: здесь еще не было объединенных, этнически однородных государств, лишь складывались новые классовые отношения, формировалась феодальная знать (вроде лива Каупо, эста Лембиту и т. п.), и междоусобные войны ее представителей ослабляли силу народов, открывали перед епископом и Орденом возможность играть на противоречиях и распрях.

Хроника (в сочетании с актовым материалом) дает возможность исследователю составить представление об общественном строе эстонцев и латышей и об их взаимоотношениях с Литвой, следовательно, позволяет политически охарактеризовать эту часть границы Литвы.

Литва в хронике изображена как опасный противник, известия о ней — это известия о походах различных литовских князей по Двине (которая вся в литовских засадах [6]) на земли ливов [7], земгалов [8], эстов [9] и русских [10] (Псков, Полоцк [11]). Главная мысль хрониста по этому вопросу выражена в сле-

---

[2] См. ГЛ,, стр. 58.

[3] Там же, стр. 63; см. также Я. Я. Зутис$_1$, стр. 6—17.

[4] Там же, XXIX, 9.

[5] Там же, стр. 63, 466.

[6] Там же, XVI, 2.

[7] Там же, I, 5 (до 1201 г.).

[8] Там же, VI, 4.

[9] Там же, XVI, 8.

[10] Там же, XXII, 6 (1218 г.).

[11] Там же, VI, 4.

дующих словах: «Власть литовская до такой степени тяготела тогда над всеми жившими в тех землях племенами (речь идет о «Руссии», «Ливонии» и «Эстонии».— *В. П.*), что лишь «немногие решались жить в своих деревнях, а больше всех боялись» латгалы. «Эти, покидая свои дома, постоянно скрывались в темных лесных трущобах, да и так не могли спастись, потому что литовцы, устраивая засады по лесам, постоянно ловили их, одних убивали, других уводили в плен [12], а имущество все отнимали». Бежали «и русские по лесам и деревням перед лицом даже немногих литовцев, как бегут зайцы перед охотником, и были ливы и лэты (т. е. латгалы.— *В. Т.*) кормом и пищей литовцев» [13].

В этой тираде (под 1209 г.) находим очень важное указание на значение в жизни Литвы дофеодальных форм эксплуатации соседних народов (добыча, дань), но ее нельзя понимать буквально, ибо автор сгустил краски для придания веса следующему заключению: «...поэтому бог избавил от пасти волчьей овец своих, уже крещеных ливов и лэтов (латгалов), пославши пастыря», то есть епископа Альберта [14].

Слов нет, Литва издавна имеет связи с этими землями: литовцев видим в Риге с момента ее упоминания (1201 г.) [15], в Турейде [16], Селпилсе [17], Кокнесе [18]. Русские полоцкие князья (как и псковские бояре) пытаются поначалу использовать Ригу и Орден для отпора Литве. Князь Вячко из Кокнесе за помощь «против нападений литовцев» якобы предлагает епископу половину своей земли и замка [19], а когда Кокнесе попала в руки рыцарей, то на нее обращаются литовские набеги [20]. Князь Всеволод из Ерсике дружен с Литвой, как зять одного «из могущественнейших литовцев» Даугеруте [21]. Сам князь Владимир из Полоцка вступает в дружбу с Ригой против Литвы[22]. Рига делает все возможное для использования в борьбе против Литвы латгалов [23] и земгалов [24].

---

[12] Ср. ГЛ, I, 5 («весьма многих увели в рабство»).
[13] Там же, XIII, 4.
[14] Там же.
[15] Там же, VI, 4.
[16] Там же, X, 8; XXIX, 3.
[17] Там же, XI, 6.
[18] Там же, XI, 2.
[19] Там же, XI, 2, ср. XI, 8.
[20] Там же, XVII, 2, 5.
[21] Там же, XVII, 3; VII, 8 (1203 г.).
[22] Там же, XVI, 2, стр. 152—153: «литовцы разбойники» (latrunculis Lethonum) ограбили рижских послов, шедших в Полоцк (1206 г.); о мире с Псковом (1211 г.) (XIV, 10).
[23] Там же, XIII, 1; XVIII, 3 (1214 г.). Ливов и латгалов рыцари водили на войну под страхом штрафа в 3 марки (это—немало) (XI, 5, XIV, 10).
[24] Там же, IX, 3—4, ср. VI, 4; XII, 2 (1207 г.); XXIII, 3 (1219 г.).

Хронист лишь вскользь, бегло упоминает о непрочных союзах Риги с отдельными литовскими князьями [25], о литовских связях с ливами [26], земгалами и куршами [27], о «кознях литовцев и русских»[28]; эти «козни», видимо, имели немалое значение для Риги. Хроника, как и русские летописи, отражает контакты с Литвой Новгорода, Полоцка и Пскова.

Судя по хронике, попытки русских князей опереться на Орден для ослабления натиска Литвы сменяются русско-литовским сближением, направленным против Ордена. Могущественный Даугеруте за попытку установить союз с Новгородом (1214 г.) кончил дни в венденской тюрьме [29]; Всеволод ерсикский за связь с Литвой, которая защищала его от набегов Ордена (1214 г.)[30], был изгнан из своего города; князь Владимир полоцкий, готовя поход на Ригу (1215 г.), собирает силы на Руси и в Литве [31]; литовцы поддерживают русский поход на Венден (1221 г.) и их вспомогательный отряд укрывается затем во Пскове [32].

Стремясь изобразить ливонскую колонию процветающей, автор славит деву Марию, которая «истребила Свельгате и множество других князей и старейшин литовцев» [33], однако бесспорно, что Литва (не говоря уже о Руси) оставалась грозным соседом, вооруженная борьба с которым вскоре зайдет в тупик и жизнь заставит преемников Альберта под нажимом рижского бюргерства искать, вопреки Ордену, соглашения и даже союза с Литовским великим княжеством. Впрочем Генрих сам признает, что не стремился к исчерпывающему освещению событий в хронике: дел славных было много, «все их нельзя ни описать, ни упомянуть, чтобы не навеять скуки на читателей»[34].

Хроника содержит немало фактов, позволяющих составить представление о мужественной борьбе за независимость латышей и эстонцев и об участии Литвы в их борьбе. Сопротивление этих народов врагу ослабляло нажим рыцарей на Литву, содействовало ее борьбе за самостоятельность. Судьба этих народов явилась историческим уроком и для Литвы.

Сведения хроники интересны еще в одном отношении. Мы почти не имеем письменных источников об экономике Литвы

---

[25] ГЛ, VI, 4 (1201 г.); IX, I (1205 г.); XXIX, 1 (1225 г.); XI, 1 (1205 г.).

[26] Там же, X, 8; VIII, 1 (1204 г.); XIV. 5 (1210 г.).

[27] Там же, XXIII, 3—4 (1219 г.), ср. XXIII, 8.

[28] Там же, XIII, 4 (1209 г.), ср. XII, 1.

[29] Там же, XVII, 3; XVIII, 4.

[30] Там же, XVIII, 9.

[31] Там же, XIX, 10.

[32] Там же, XXV, 3.

[33] Там же, XXV, 2.

[34] Там же, XXIX, 9.

догосударственной поры и потому нам далеко не безразлично, как жили ее прибалтийские соседи—пруссы, латыши, эстонцы, которых Литва несколько опередила в общественном развитии.

Из обмолвок Генриха мы получаем безусловно достоверные сведения о богатстве латышско-эстонских земель. Об одной эстонской деревне хронист пишет, что она «очень красива, велика и многолюдна, как и все деревни в Гервене, да и по всей Эстонии, но наши не раз впоследствии опустошали и сжигали их» [35]. Местные жители поддерживали торговые связи с соседями: на Готланде они получали соль, шерстяные ткани [36] и пр.; сааремаасцы продавали захваченных в Швеции пленных и вообще добычу — куршам и другим язычникам [37], под которыми можно разуметь и литовцев. Эсты выводили в море огромный флот — 300 кораблей, «помимо малых судов» [38]; сааремаасцы — 200 кораблей [39] (на корабле помещалось 30 человек [40]). Когда Генрих пишет, что приморские эсты могли выставить «много тысяч всадников и еще большее число людей на кораблях» [41], то за его словами также угадываются сотни кораблей.

Заметными торговыми центрами, в частности Подвинья, были и «место Рига» [42] и Земгальская гавань, которую папа в 1200 г. запретил посещать иностранным купцам, торговавшим в Земгалии [43]. Рига, конечно, существовала и до прихода рыцарей: ведь уже в 1205 г. здесь видим немалое земгальское население,— князь Виестард «из отдельных домов в Риге» собирал припасы для своего войска [44]. Едва ли все эти дома выросли за четыре года. Ливы принимали иноземных купцов [45].

Хроника свидетельствует о старом, налаженном торговом пути через эти земли во Псков (еще до 1200 г. туда ехали купцы и были ограблены в Уганди на сумму более 900 марок [46]); немецкие купцы из Смоленска, русские — из Полоцка вместе с представителями Риги в 1211—1212 гг. обсуждали вопрос «о безопасном плавании купцов по Двине», чтобы, «возобновив

---

[35] ГЛ, XV, 7.
[36] Там же, I, 11; XIV, 3 и стр. 461. См. М. Х. Шмидехельм2, стр. 182, пр. 8.
[37] Там же, XXX, 1.
[38] Там же, XV, 3.
[39] Там же, XIX, 5.
[40] Там же, VII, 2.
[41] Там же, XV, 3
[42] Там же, II, 4; IV, 3, и стр. 462.
[43] Там же, IV, 6.
[44] Там же, IX, 3.
[45] Там же, II, 10.
[46] Там же, XI, 7.

мир, тем легче противостоять литовцам»[47]. Нет нужды умножать примеры, ясно и так, что соседи Литвы ведут оживленную торговлю, которую при удобном случае сочетают с грабежом; в этой ранней форме торговли участвует, понятно, и Литва, но хронист,по известным уже нам мотивам, отразил лишь одну сторону дела — грабежи. Рифмованная хроника отчасти восполняет этот пробел.

Немецкие рыцари принесли эстонско-латышским землям разорение и горе. Они не только наложили на население бремя поборов и повинностей, они подчинили себе «мирское право», узурпировав прежде всего карательные функции общин, «карая кражи и грабежи, возвращая несправедливо отнятое»[48]. Как они это делали, видно из обмолвки Генриха, что «все было испорчено действиями разных гражданских судей-мирян, которые, выполняя судейские обязанности, больше заботились о пополнении своих кошельков, чем о божьей справедливости»[49]; не случайно восставшие истребляли судей[50]. Страшный мор — одно из последствий завоевания—постиг Ливонию уже в 1211 г.[51]

Хроника не оставляет сомнений в том, насколько напряженным было положение в эстонско-латышских землях под властью рыцарей; Генрих призывает соратников к осторожности, ссылаясь на гибель неправедных судей: «представьте очами мысли вашей жестокую смерть тех, что были тяжким бременем для подданных девы Марии»; она радуется «не большому оброку, который обычно платят новообращенные, не деньгами она умилостивляется, что отнимают у них разными поборами, не тяжко иго ее»[52]. Разумеется, дева не отвергает оброка и денег, но тяжко иго власти рыцарей[53], все больше выходивших из повиновения епископу.

Наконец, следует обратить внимание еще на одну черту хроники — терминологическую, в частности, на обозначения в ней людей власть имущих. Русских князей хронист везде именует reges (дважды о Вячко и однажды о Владимире Мстиславиче —regulus)[54], т. е. ставит их вровень с королями Дании, Швеции, Германии, а иногда дает им, как отметил С. А. Аннинский, в частности князю новгородскому, реже князю полоцкому, и однажды великому князю киевскому, даже титул magnus

---

[47] ГЛ, XVI, 2; XIV, 9; XV, 2.
[48] Там же, X, 15
[49] Там же.
[50] Там же, XXVI, 5—7 (1223 г.).
[51] Там же, XV, 7.
[52] Там же, XIV, 2.
[53] Там же, XXIX, 3.
[54] Там же, IX, 10; XI, 9; XV, 13.

rex [55]. Иное дело—литовские предводители дружин — их Генрих представляет как «князей и старейшин литовцев» — princeps ac seniores (1213, 1220 гг. [56]).

Попытаемся установить, что скрывается за этими терминами. Латышская и эстонская знать фигурируют под теми же названиями, что и литовские князья, — senior, изредка princeps ac senior [57]; лишь перебежчик Каупо, пользующийся особым вниманием хрониста, однажды назван quasi rex et senior [58].

Кто же эти люди по своему имущественному и общественному положению? Лив Каупо однажды потерял свое добро, его противники «имения его (bona eiusdem) разорили пожаром, поля отняли, ульи переломали» [59]. Эст Лембиту — один из «старейшин» Саккалы [60]; вначале он выступал и против Ордена, и против Руси [61], но позднее упорно боролся с рыцарями, предводительствуя войском до 6 тыс. человек[62]. В хронике упоминается «деревня Лембиту», где была майя — сборный пункт эстов [63]; его замок Леоле, видимо, хорошо укреплен: рыцари потратили на осаду три дня; он имел вал из земли и бревен. В замке укрывалось немало людей; когда он был взят, то «приняли крещение вероломный Лембиту со всеми прочими, женщинами, детьми и мужчинами, что были в замке», там войско рыцарей «разграбило все добро, угнало коней, быков и весь скот, захватило много добычи», а «старейшин (seniores) замка, Лембиту и других, увело с собой» [64]. Видимо, Лембиту — самый крупный из этих старейшин и потому деревня названа по его имени. Когда Лембиту пал в битве [65], то рыцари заняли его деревню, где брат его просил у них мира [66], т. е. налицо — наследственная собственность и власть среди эстонской знати.

Эти сеньеры или нобили[67] — мелкие патриархально-феодальные землевладельцы, живущие среди общин, население

---

[55] ГЛ, XV, 8; XXI, 2; XXV, 2; XX, 3; XXV, 2; XXV, 1 и стр. 455.

[56] Там же, IX_1. Свельгате — homo dives et prepotens; XVII, 6. Стексе — dux et princeps; XIII_4; XVII_3. Даугеруте — potentior de Lethowia; XXV, 2.

[57] Там же, X, 8; XXI,2.

[58] Там же, VII, 5.

[59] Там же, X, 13 (1206 г.); ср. pars Cauponis (XI, 3), pars Dabrelis (XIV, 10).

[60] Там же, XV, 1.

[61] Там же, XV, 10 (1212 г.).

[62] Там же, XXI, 2 (1217 г.).

[63] Там же, XV, 7.

[64] Там же, XVIII, 7.

[65] Там же, XXI, 3.

[66] Там же, XXI, 5.

[67] На Сааремаа в заложники брали сыновей людей знатных (nobilium). Там же, XXX, 5.

которых издавна имело право «владеть деревнями, полями и всем» прочим[68]. Группа деревень составляла кихельконду (область — provincia), а группа областей — землю[69]. Сеньеры и нобили, выросшие из среды разбогатевших общинников, ведают делами деревень, земель и областей, но еще не слились в обособленный господствующий класс. Таково содержание термина сеньер, которым в хронике Генриха обозначены и литовские предводители дружин. Заканчивая анализ хроники, надо отметить, что в ней также содержатся ценные сведения о количественном составе, вооружении и тактике литовских дружин.

В целом хроника Генриха — источник высокой ценности для истории древней Литвы. Заметно, однако, что во времена Генриха Литва была еще довольно плохо известна в Риге; кроме того, Литва выступает не как единая страна, а как земля, откуда на захваченные владения рыцарей совершают набеги отдельные, не связанные друг с другом князья. Автору следующей немецкой хроники, так называемой Рифмованной, пришлось гораздо больше внимания уделить Литве не только потому, что наступление рыцарей на земли куршей, земгалов и пруссов приблизило их к литовским границам, но и потому, что Литва значительно окрепла и дала почувствовать Ордену свою возросшую силу.

Рифмованная хроника (ее лучшее издание выполнено Л. Мейером), как явствует из исследований прежде всего Ф. Вахтсмута, а также Р. Линдера, П. Экке, Н. Буша и З. Ивинскиса, была составлена лицом, близким магистру Анно фон Гацигенштейн. Автор примерно с 1280 г. писал как очевидец и деятельный участник событий, изложенных им почти до 1290 г. Умело отбирая материал, хронист использовал как письменные источники (хронику Генриха, некую buch, документы орденского архива — briven и т. п.), так и устную традицию (рассказы очевидцев, вроде монаха Сиверта, жившего при дворе Марты, жены Миндовга, песни и предания о выдающихся рыцарях, комтурах, магистрах и т. п.): «если бы я стал писать о всех удивительных событиях, происшедших в Ливонии, то понадобилась бы телега, чтобы везти пергамен»[70].

---

[68] ГЛ, IX, 13 (1205 г.).

[69] Исследование этого вопроса см. Х. А. Моора₆, стр. 135 и сл.; М. Х. Шмидехельм₂, стр. 178 и сл.

[70] LR, S.63, vv. 2705—2714: «Man saget von dingen, die geschehen; // als wie von anderen hôren jehen // ouch ist uns allen vil wol kunt, // daß sprichet mancher menschen munt // von dingen, die in sint bekant // waß wunders dâ zû Nieflant // geschehen ist, solde ich eß sagen, // ein wagen mûste daß bermiît tragen, // solde man iß alleß schrîben an, // waß got wunders hât getân». Ср. Z. Ivinskis₆, SS. 299—302.

Хочу обратить внимание на идейно-политическое содержание хроники. Были события, которые автор считал нужным описывать очень подробно: это — деяния ливонских магистров и их сподвижников. В сущности, в этом — главный смысл хроники, которая, кратко и неточно обрисовав историю Ливонии до появления Ордена, в дальнейшем изображает его как основную силу в Прибалтике [71], в трогательном единодушии с которой действуют рижские и другие епископы (причем автор не чужд иронии в отношении трусливых монахов)[72],а также ревельские датчане и прусские рыцари [73].

Изложение ведется по определенной схеме, узловыми пунктами которой являются: приезд магистра и радость по этому поводу рыцарей и всех «rich und armen», вторжение врага или поход; победа или поражение; гибель или отъезд магистра; похвала ему (с кем воевал, что построил); совет рыцарей; приезд нового магистра и т. д. Эта схема перемежается восхвалением прибывающих из-за границы подкреплений, подвигов отдельных рыцарей и их приспешников из числа литовских перебежчиков, которые для него — helde gût [74].

Трафаретное применение этой схемы сочетается с определенным однообразием формы [75]; хроника не блещет красотами стиля. Например, сообщая о столкновении рыцарей с литовцами, автор пишет: «... тогда изрядному числу язычников сломали шею, так что они лежали на земле, не помышляя ни о каких походах»[76].

По-видимому, назначение хроники — служить назидательным чтением рыцарству, воспитывать его на традициях Ордена, готовить для новых походов. Жесткая схема, принятая хронистом, понятно, оставляла мало места для освещения истории других стран, и международный горизонт хроники не широк: Русь, Литва, Восточная Прибалтика, кое-какие сведения о папстве — вот, в сущности, и все.

И дело не столько в схеме, а в том, что автор — открытый апологет Ордена, трубадур чинимых им кровавых насилий (см., например, описание жестокого разбоя на Сааремаа [77])

---

[71] LR, S. 154, vv. 6713—6714; «wâ der orden ist gegeben // dô halden sie vil wol ir leben».

[72] Ibid, S. 152, vv. 6632—6636:«die pfaffen vurchten sêre den tôt // daß was ie ir alder site // » etc.

[73] Ibid., SS. 47—48, vv. 2039—2064; 55, v. 2369; 155, vv. 6752—6755.

[74] Ibid., S. 97; SS. 104, v. 4510; 110, v. 4775; 134, v. 5855 и сл; 205, vv. 8937—8938, 8960—8961 и т. д.

[75] Вот типичное описание трудного пути: «die lant sint alsô gestalt // sie vunden manchen bôsen wec // dô weder brucke noch stec // nie kein zît gemachet wart» (LR, S. 267, vv. 11696—11700).

[76] LR, S. 61, vv. 2656—2658: «dô wart manich heiden hals gedrumet // sô daß er ûf der erden lac, // der keiner reise mê enpflac».

[77] Idid, SS. 140—145, vv. 6105—6314.

и враг народов, ведущих борьбу за независимость. Это отразилось, конечно, на достоверности тех известий, которые автором приведены; он систематически искажает соотношение сил Ордена и его противников, участвующих в битвах; в своем усердии он не замечает грубых противоречий: восстают земгалы, которые недавно «охотно» платили оброк[78], покидают поле боя курши, которые только-что «радостно» отправились в поход с рыцарями,[79] и т. д.

И все же Рифмованная хроника является драгоценным источником. В ней мы находим серию известий о Руси (о Ледовом побоище[80], о русско-литовском союзе[81], о Ракверской битве[82], о немецко-датском походе на Псковскую землю)[83], сообщения об освободительной борьбе земгалов под руководством Шабиса и Намейсиса, и, наконец, уникальный материал по истории Литвы, которого мы коснемся несколько подробнее.

Как и в хронике Генриха, лишь ничтожно малая часть материала хроники Рифмованной относится к истории экономики и общественно-политического строя Литвы, основная же масса сведений характеризует ее внешнеполитическое положение, включая и войны.

Литва 30—90-х годов XIII в. все же известна этому хронисту гораздо лучше, чем Литва предшествующей поры. И то, что он сообщает об общественно-политических отношениях в ней, заслуживает пристального внимания. В Литве правит Миндовг, это — «богатый король»[84], у которого есть свой замок (burg)[85], «он обладает большой силой» (mit großer macht) и водит в походы против Ордена 30-тысячное войско[86]. Ему принадлежит много земли, из фондов которой он делает письменно оформленные пожалования немецкому магистру: «dem meister gab er mit brîven dô, rîchlîch in sîne hant, rîche unde gûte lant»[87]; эта «богатая и хорошая земля» была, понятно, населена крестьянством. Перед нами типичный феодальный король.

Управляя страной, он располагает каким-то административным аппаратом, имеющим соответствующее делопроизводство: его послы («kuniges boten») посещают Орден[88], папу,

---

[78] LR, S. 80, v. 3450.
[79] Ibid., S 109, v. 4748—4749.
[80] Ibid., SS. 48—53.
[81] Ibid., S. 152.
[82] Ibid., SS. 173—175.
[83] Ibid., S. 176—178.
[84] Ibid., S. 57, vv. 2450—2452.
[85] Ibid., S. 77, v. 3329.
[86] Ibid., S. 58, v. 2517.
[87] Ibid., S. 82, vv. 3564—3566.
[88] Ibid., S. 80, v. 3458.

Русь [89]; они везут с собой грамоты [90] (brîve) и письма [91] (schrifte), при королевском дворе оформляются жалованные грамоты на землю[92].

Есть у него и вассалы. Хроника сохранила достаточно ясный материал об одном из них. Это — Лингевин, упоминаемый и Волынской летописью в связи с его походами на Русь [93]. Лингевин — человек известный («sin name ist manchen wol bekant»), он причинял немало хлопот своим соседям: его сердце было «sturmes vol» и он «brachte mancher hande arbeit//den cristen und den heiden zu»[94].

Прочность положения Лингевина объясняется его личным богатством и поддержкой, которую он получал от короля: «im was ir hôeste konic vil gût//der herre was in Littowen lant// er was Myndowe genant». Однажды Лингевин напал с войском на владения трех «богатых братьев» Туше, Мильгерина и Гингейке. Он вторгся в их lant, а они «riten wider in sîn lant» [95], грабя и сжигая все на типично феодальный манер; тогда Лингевин призвал на помощь «высшего короля», склонив его наказать своих противников. Узнав, что король от них отказался— «hât widersaget», братья поняли, что им не устоять («sô moge wir nicht bestân»), и бежали в Орден, где сообщили, что король хочет их изгнать из страны; магистр был рад их прибытию и обещал им пожалования «an êren unde an gûte» [96].

Приняв крещение, братья отправились назад в свою землю, где у них «wîb unde kint // die de zu hûse bliben sind // und ander vrûnde»; семьи и дружины готовы последовать их примеру. Прийдя в свою землю («ire lant»), собрав «vrûnden unde mâgen», братья опустошили владения Лингевина, а его взяли в плен. Потом, собравшись в земле Мильгерина («Millgerines lant»), они двинулись в Орден, забрав с собой семьи, скот и все другое движимое имущество («die wîb und ouch die kinder, // ochsen unde rinder // und alles daß sie hâtten») [97].

Орден охотно принимал таких перебежчиков из Литвы, и магистр постарался их в какой-то мере компенсировать за потерянное в Литве; он им пожаловал крестьян и землю: «gab in ouch mit schrifte//beide lûte unde lant» [98]. Здесь хронист

---

[89] LR., S. 148, v. 6465.
[90] Ibid., S. 81, v. 3520.
[91] Ibid., S. 102, v. 4456.
[92] Ibid., S. 82, vv. 3564—3566.
[93] См. выше, стр. 33..
[94] LR, S. 63, vv. 2725—2730.
[95] Ibid., S. 64, vv. 2753—2755.
[96] Ibid., S. 65, v. 2830.
[97] Ibid., S. 67, vv. 2896—2900.
[98] Ibid, S. 68, vv. 2958—2960.

безусловно достоверен и привел типичный факт; ниже (см. часть I, § 4) мы увидим эти «schrifte» в изрядном количестве. Важно подчеркнуть, что, получая в Ордене пожалования, литовская знать меняла родину и сюзерена, а не свою юридическую, феодальную природу.

Новые вассалы Ордена с помощью рыцарей еще раз напали на землю Лингевина, они заняли его «двор», т. е. имение («in Lengewînes hof quam gerant»), и пока находились там («lagen dâ»), награбили немало («hatten roubes vil dar bracht»)— «wibe unde kinder, // pferde, darzû rinder» и притом перебили много челяди: «ouch ist der manne vil geslagen» [99]. Из сказанного вырисовывается типичный двор феодала. Лингевин располагал дружиной в пятьсот человек [100], за него «друзьями» («vrûnde») был внесен Ордену выкуп в 500 озерингов (250 марок) [101]. Сообщая о Лингевине, хронист на короткий миг осветил внутреннюю жизнь правящей знати Литвы середины XIIIв.,— это жизнь знати землевладельческой, феодальной.

В этом плане делаются понятнее и отношения между Миндовгом и жемайтскими нобилями, которых хронист именует «королями» (kunige von Sameiten) [102].

Жемайтия — не бедная страна, она способна выставить сильное войско и отразить первый натиск Ордена даже без помощи короля Аукштайтии Миндовга. Она издавна вела торговлю, которая возобновилась, когда ей удалось заключить перемирие с Орденом: «daß sie ône sorgen // den âbent und den morgen // mochten wandern offenbârn // in koufunge (торговле) die zwei jâr» [103].

Местная жемайтская знать имела у себя на родине большую силу, сломить которую не сумел ни отец Миндовга, ни он сам; она имела выборных полководцев, вроде славного Алемана; имелись здесь и князья — Выкинт, Тройнат и др., но они были зависимы от знати и даже литовские великие князья, когда Жемайтия признавала их власть, правили здесь не так полновластно, как у себя в Аукштайтии, и их домен имел значительно более ограниченные размеры. Судя по хронике, послы жемайтов очень свободно держали себя с литовским королем, советуя ему порвать союз с врагом Литвы; при этом они обещали Миндовгу вернуть его права в их стране: «daß wirt dir gût // von irenthalben wirt behut // alles daß dir gehôric ist» [104].

---

[99] LR, SS. 69—70, vv. 3006, 3037—3039.
[100] Ibid., S. 71, v. 3095.
[101] Ibid., S. 71, v. 3072.
[102] Ibid., S. 106, v. 4625.
[103] Ibid., S. 107, vv. 4641—4644.
[104] Ibid., S. 146, vv. 6375—6377.

История политической организации Литвы после смерти Миндовга в правление Тройната, Войшелка, Тройдена также отражена в хронике и будет рассмотрена в сопоставлении с данными русских летописей и польских хроник [105].

Особенно обилен материал хроники по истории борьбы литовцев за независимость. Здесь мы находим сведения об их походах (в том числе союзных с Русью) в Ливонию (на опорные пункты и рыцарей и епископов, вплоть до Вика и Сааремаа), об их участии в борьбе против Ордена куршей, земгалов, пруссов и жемайтов; хроника содержит описание крупнейших битв, принесших победу литовскому народу, — при Шауляй, у Дурбе и ряда других.

Хроника в целом отражает историю Ливонского ордена в ту пору, когда он завоевывает земли куршей и земгалов и, выйдя к границам Литвы, делает первую попытку подчинить Жемайтию. Автору хроники не удается скрыть, что это наступление стоило Ордену тяжелейших потерь, что, следовательно, борющиеся народы немало содействовали общему делу восточноевропейских стран в защите от германского натиска. В это же время Тевтонский орден подчинял земли пруссов и также продвигался к литовским границам.

Следующий этап истории, когда и Ливонский и Тевтонский ордена обрушили главный удар на Литву, нашел свое отражение уже в более поздних хрониках— Германа Вартберге и Петра Дюсбурга.

Ливонская хроника, составленная капелланом (священником) местного ландмейстера, вестфальским выходцем Германом из Вартберга, охватывает события от появления рыцарей в Восточной Прибалтике до 1378 г. Современные автору записи начинаются, как справедливо полагал издатель хроники Э. Штрельке [106], с 1358 г., когда хроника делается более обстоятельной. Автор — деятельный сторонник Ордена — участник переговоров в Гданьске (1366 г.) и других событий (1368, 1372 гг.). Он широко использовал документы орденского архива, отчеты о военных действиях, данные о земельных владениях, акты подсчетов материального ущерба Ордену во время войн и т. п.

Герман — воинствующий сторонник Ордена. Времена изменились. Орден окреп и вступил в острый конфликт с Ригой. Это отразилось на хронике. Если Генрих скрыто порочил Орден, вознося епископа, если автор Рифмованной хроники прославлял магистров, отодвинув епископов на второй план, то Герман, используя и хронику Генриха, и Рифмованную (а

---

[105] См. ч. III, раздел второй, § 1.
[106] SRP, t. II, SS. 9—21.

также, может быть, утерянные Annales Dorpatenses [107]), не только славословит Орден, но и поносит архиепископа рижского и бюргеров. Свои источники для древней части хроники Герман сократил и тенденциозно переработал; например, не епископ строит Ригу и организует Орден, а Орден строит город, где и дает приют епископу; папа Иннокентий III призывает Орден, так как видит слабость меча духовного и понимает, что без помощи рыцарей земли не могут быть ни покорены, ни удержаны (quia vidit terra ipsas non posse acquiri aut acquisitas nequaquam sine eorum adiutorio conservari [108]).

Автор держится событий, участником которых были ландмейстеры, и потому круг его интересов не широк: борьба с Ригой, набеги на Русь и Польшу и наступление на Литву; он редко говорит об Ордене в целом, кое-где отмечает смены магистров, строительство крепостей и т. п. Хронист — человек дела, как и автор Рифмованной хроники, чуждый церковного морализирования; сухо и деловито, приводя обширный топографический, номенклатурный, а также цифровой (число походов, пленных, голов скота и т. п.) материал, он описывает один за другим грабительские походы ливонских рыцарей. При этом, понятно, материал интерпретируется к вящей славе Ордена и к очернению русских, литовцев, восставших эстов, вступивших в борьбу поляков и др.

Если говорить о Литве, то хроника содержит важный материал по ее истории с 90-х годов XIII в. до 40-х годов XIV в. Вначале это главным образом сведения о литовской помощи рижским бюргерам. Хронист старается замаскировать тот факт, что Орден — плохой сюзерен и что поэтому рижские бюргеры, не веря в успех рыцарей в их борьбе против Руси и Литвы, тяготели к литовскому королю, державшему в руках традиционные центры немецко-русской торговли — Полоцк и Витебск, а также пути на Смоленск и готовому в большей мере считаться с правами рижского патрициата.

Мысль хрониста сводится к тому, что рижане в корыстных интересах вступили в союз с язычниками, отвергая дружескую помощь Ордена и тем затруднили его миссию по распространению христианства в Литве. В этом плане освещаются походы литовцев на помощь Риге (1297, 1298, 1307, 1323, 1328, 1330 гг.), а также и дипломатическая акция правительства Гедимина, пытавшегося через голову Ордена установить контакт с другими немецкими городами и папством и добиться политического признания Литвы. Хроника изображает это дело как авантюру рижан, причем причины мирного договора

---

[107] F. Wachtsmuth₁, S. 23.
[108] HW, p. 23.

Ордена с Литвой (1323 г.) остаются нераскрытыми. В 1358 г., видимо, литовские агенты предприняли аналогичный демарш при императорском дворе. Хронист же считает, что Плаве, сообщавший там о согласии литовского правительства ввести в стране христианство, — это изменивший Ордену человек, который сделал свое заявление для поругания Ордена (in derogationem Ordinis [109]).

Следовательно, хронист сознательно искажает факты, которые могут поставить под сомнение мотивы, побуждающие Орден наступать на Литву, и без того готовую принять христианство.

Из хроники следует, что подчинение Риги Ордену — необходимая предпосылка начала успешной борьбы последнего с Литвой. Только после того, как по договору 1330 г. Рига признала власть Ордена, магистр Эвергард начал походы против Литвы; прежде этого не могло быть по причине соглашения между бюргерами и литовцами [110]. Дальнейшее изложение служит доказательством плодотворности нового этапа борьбы Ордена, свободного от рижских забот. Описываются его походы на литовские, жемайтские и подвластные Литве белорусские земли (1330, 1332, 1333, 1334, 1339 гг.) вплоть до «мокрого похода» 1340 г.[111]; говорится о строительстве новых крепостей в Земгалии, у литовских границ. Главный удар ливонских (как и тевтонских) рыцарей направляется на Жемайтию. Перед нами начало жестокой двухсотлетней борьбы литовского народа за свободу Жемайтии, дальнейший ход которой обстоятельно освещен в диссертации М. А. Ючаса [112].

Хроника в целом содержит очень важные сведения не только о борьбе литовского народа за свободу, но и материал об общественном положении литовского боярства, об отношении литовского правительства к освободительному восстанию эстонских крестьян в 1343 г., об опорных пунктах немецкого наступления и литовской обороны, а также о военных действиях и т.п. В 70-х годах XIV в., когда назревали предпосылки литовско-польской унии, а дипломатическая борьба Литвы и Польши против Ордена смыкалась с острыми обличениями рыцарей рижскими архиепископами, подобная хроника могла служить ливонским дипломатам в качестве подспорья, где можно было почерпнуть должным образом препарированные факты от истории о кознях противников рыцарей, об огромных заслугах Ордена и его бескорыстных усилиях во славу христианства.

---

[109] HW, p. 79.
[110] Ibid,, p. 66.
[111] Ibid., p. 67.
[112] М. А. Ючас₂, стр. 224—346.

Подобные же идеи, но в более мастерском воплощении, пронизывают и хронику Петра Дюсбурга, описывающую жизнь уже не ливонского, а прусского Ордена.

Петр Дюсбург, орденский священник, писал свою хронику, вероятно, в Кенигсберге и посвятил ее великому магистру Вернеру фон Орзельн в 1326 г. Труд самим автором делится на четыре части, из которых первая показывает, когда, кем и каким образом был создан немецкий Орден, вторая — когда и как его рыцари прибыли в Пруссию, третья — основная, и по объему и назначению часть, говорит о битвах и прочем, что произошло в этой стране, и четвертая — сообщает о событиях мировой истории той же поры. В одной из рукописей (торуньской) хроника имеет еще дополнительные двадцать глав и заканчивается 1330 г. Исследователи основательно относят их к руке того же автора.

Поскольку хроника Петра Дюсбурга составляет основу последующего немецкого летописания в Пруссии и к нему восходят хроники Николая Ерошина, Иоанна из Поссильге и другие, то понятно, что его труд имеет значительную историографию. Исследования издателя хроники М. Тёппена, а также М. Перльбаха, В. Фукса, В. Циземера и особенно Г. Бауэра во многом прояснили вопрос как о составе источников Петра Дюсбурга, так и его идейно-политических целях.

Любопытно, что немецкое источниковедение хроник, если брать его в целом, прошло путь развития, аналогичный русскому летописному источниковедению. Писалось, правда, давно, о господстве в хрониках трансцендентного начала и отсутствии прагматизма (Г. фон Эйкен); отмечалось, что центр их внимания перемещается с героев древности сперва на «святых» и князей средневековья, а затем — на бюргеров предреформации (М. Янзен); ставился вопрос о сравнении средневековых хроник с античными (М. Риттер), говорилось об их изучении для познания мировоззрения самих хронистов и их эпохи (Э. Бернгейм); одни относили их к источникам историческим, другие включали в историю латинской литературы. При всем том немецкая буржуазная наука, как и русская, искала, в основном, генезис идей в идеях же, а не в материальном положении господствующего класса, заинтересованного в идеологическом оправдании своей власти, своей политики.

Об этом свидетельствует и работа Г. Бауэра, наиболее вдумчивого исследователя хроники Дюсбурга. Резюмируя использованные выше наблюдения над немецким летописным источниковедением, он следующим образом сформулировал непременные условия анализа хроники: «Сюда относятся исторические причины и конкретное положение, которым обязано своим возникновением изображение исторических событий;

образец или цель, которые руководят составителем; влияние определенного мировоззрения; далее, выбор материала, способа и средств, которыми пользуется хронист, и, наконец, могут быть привлечены для сравнения сходные исторические труды». Хотя анализ источника как памятника классовой идеологии не вошел в число условий критики источника, предложенных Г. Бауэром, даже подобный ограниченный метод анализа не получил применения в немецком источниковедении, что составляет, по мнению автора, один из существеннейших пробелов [113].

Хроника Дюсбурга возникла в XIV в., когда немецкий Орден уже прочно освоил Пруссию и после захвата Польского Поморья стал граничить с Германией. Крах попытки превратить Арабский Восток в феодальную колонию нескольких государств Европы повлек за собой активизацию подобной же агрессивной политики в Прибалтике, с чем связано и перенесение столицы Ордена (1309 г.) из Венеции в Помезанию, в Мариенбург. Перед Орденом стояла задача — укрепить свою организацию и свое господство в Пруссии и усилить наступление на Литву и борьбу с Польшей, которая требовала восстановления исторических прав в Поморье. В этих условиях орденское правительство стремилось всячески подчеркнуть роль Ордена как носителя знамени крестовых походов, неукоснительно боролось против «обмирщения» своей государственной организации, стремясь тем самым оправдать свое право на существование и на разбой в Прибалтике.

Понятно, что эти исторические условия наложили свою печать на хронику Петра Дюсбурга. Если сам Орден стал явным анахронизмом, то его бард не мог создать прогрессивного труда. Хронист, правда, привлек немалый исторический материал: записи различных городов и монастырей Ордена; он имел доступ к архивам и потому пользовался жалованными грамотами, договорами, статутами, папскими буллами и пр. Собственные наблюдения, сообщения очевидцев, разного рода предания составляли, по словам хрониста, важный источник его хроники [114]. Стремясь идейно сцементировать господствующий класс орденского государства, хронист широко использовал предания о «подвигах» рыцарей многих городов и легенды о связанных с ними «чудесах», сохраненные в разных монастырях фамильные предания прусских нобилей, перебежавших на сторону рыцарей, подчинив все эти источ-

---

[113] H. Bauer$_1$, S. 10.

[114] PD. Prologus, p. 24 («describam... pauca, que vidi, alia, que audivi ab his, qui viderunt et interfuerunt, cetera, que relacione veridica intellexi»).

ники основной идее — апологии Ордена. Идеал автора — это miles Christi, который, верный заветам Бернарда Клервосского, спокойно идет навстречу смерти и сам истребляет многих, ибо он вооружен не только земным, но и небесным оружием.

Основной сюжет хроники — война, так и названа ее третья часть — De bellis fratrum domus Theutonice contra pruthenos, затем перед главой 221 дополненная заглавием: «Explicit bellum Prussie. Incipit bellum Lethowinorum»[115]. Изложение дидактично, действительность мешается с вымыслом — бог, ангелы, демоны зачастую вторгаются в дела людей. Враги Ордена — пруссы, литовцы, некоторые польские князья — орудие дьявола, сам Орден — инструмент божий. Истребление язычников, измены в отношении их, а также и других врагов Ордена — богоугодны. Для хрониста нет противоречия в том, что немецкие рыцари грабят польскую землю, населенную христианами.

Это изложение освящено традицией — и историей, и историографией. Г. Бауэр доказал, и это очень важно, что Дюсбург и его последователи писали свои хроники, широко привлекая историографию антиарабских крестовых походов (такие хроники, как Gesta Anonymi Francorum и др.), проникнутую духом «святой войны» и истребления «неверных». К этому можно добавить, что Дюсбург отлично сознавал связь борьбы Ордена против народов Прибалтики с борьбой других рыцарей против арабских народов.

Антиарабские идеи выражены им в четвертой части хроники, где он, сообщив о падении Акры (1291 г.), поместил своего рода плач по «Святой земле»[116] и дал краткий очерк истории крестовых походов[117], в котором с удовлетворением отмечает попытки курии сблизиться с татаро-монголами[118] и походы последних на Сирию и другие арабские страны[119].

Хроника, как и папские буллы, может подтвердить развиваемую в этой книге мысль, что сущность и движущие силы экспансии против арабских народов и славянских и прибалтийских народов были одинаковы. Следовательно, объективно эти народы имели общего врага.

Но хронист не только моралист, он и политик. Он сознательно искажает историю немецко-польских отношений, чтобы подкрепить притязания Ордена на Поморье: он рисует историю

---

[115] PD, p. 146.
[116] Ibid., IV, 79—80.
[117] Ibid., IV, 78.
[118] Ibid., IV, 57.
[119] Ibid., IV, 69, 87, 108.

разорения Польши пруссами, чтобы показать, будто Ордену достались пустыни [120], отнюдь не смущаясь тем, что первыми победами над пруссами сам Орден обязан Польше; так же поступает он с землями Галиндии, Скаловии, Надровии и Судовии [121], чтобы пресечь возможные претензии на них со стороны Литвы. Притом он умалчивает, что Орден добыл не всю Судовию, а лишь часть ее (земли Мируниске, Красима, Силия, области Кименове, Кирсуове). Антипольская тенденция хроники дополняется выраженным стремлением показать, что Литва — исконный враг Польши и христианства вообще, и какой-либо союз с ней не может привести к добру. Нет нужды пояснять, что столь же пристрастно рисует он и историю войн. Он не избегает описывать поражения Ордена, но всегда находит средства для соблюдения своего рода «равновесия фактов», для торжества идей христианства.

Но не всегда искажения его сознательны. Многое зависело и от источников — сохранялись предания, но уже были забыты даты. Переходя в главе 137 к изложению преданий отдельных городов о втором восстании пруссов, автор дает этому такое объяснение: «Unde non moveat lectorem, si aliqua bella infra secundum opostasiam jam posita vel ponenda non inveniat eo ordine, quo sunt digesta, quia jam transiverunt a memoria hominum nunc viventium, quod nullus de ipsis posset semodo debito expedire. Factum quidem pro majori parte ponitur, sed tempus debitum non servatur» [122].

Несмотря на все эти особенности, хроника заслуживает высокой оценки как источник по нашей теме. Она содержит яркий материал для характеристики экономического, общественного и политического положения не только прусского, но и литовского нобилитета; из нее можно извлечь немало сведений об организации и действиях литовского войска, а также о политической истории Литвы. Лишь хроника Дюсбурга сохранила нам многочисленные факты из истории борьбы прусского народа за независимость в 1230—1283 гг. и о последующих его попытках классовой (восстание 1295 г.) и освободительной борьбы, а также об участии в этой борьбе польского Поморского княжества, Литовского государства и его вооруженных литовских и русских сил. Хроника позволяет восстановить картину борьбы Литвы с агрессией Прусского ордена и поддерживавших его государств, особенно в 1283—1330 гг., направленной главным образом против Жемайтии и Черной Руси. Наконец,

---

[120] PD, III, 137.
[121] Ibid., III, 4, 179, 188, 219.
[122] Ibid., III, 137.

хроника пополняет известия Германа Вартберге о взаимоотношениях Литвы с Ригой, Польшей и папской курией.

Великий магистр, по достоинству оценив труд Дюсбурга, распорядился перевести его на немецкий язык. Так возникла рифмованная хроника Николая Ерошина, завершенная им при магистре Дитрихе фон Альтенбург (1335—1341 гг.). Николай Ерошин сделал хороший рифмованный перевод, лишь несколько распространив сведения своего оригинала [123], отнюдь не меняя его основного идейного смысла. Он включил в свой перевод и дополнительные двадцать глав текста; кроме того, содержание четвертой части хроники он разбил на куски и влил в текст основного повествования, тем самым пытаясь придать провинциальной хронике своего предшественника международное значение. Работа переводчика получила одобрение и, как полагают, вошла в круг предусмотренного статутами застольного назидательного чтения рыцарей [124].

Среди дополнений, внесенных переводчиком (который с 1311 г. выступает как очевидец описываемых событий [125]) в текст оригинала, есть и некоторые литовские известия. Говоря о походе войск Витеня на Браунсберг (Brunsberg) и оттуда на Воплайкен (Woplayken, Woyploc) у Растенбурга, где произошла битва с рыцарями, хронист сообщает, что Гюнтер фон Арнштейн di ruzschin schutzin durchbrach и обратил литовско-русское войско в бегство, причем король потерял 2800 лошадей [126]. Знает хронист, что во время похода в 1314 г. маршала Генриха из Плоцка в Черную Русь, его войско имело лишь четырехнедельный запас провианта [127].

Николай подробнее описывает спор рижан с Орденом; он, понятно, осуждает рижан — «богатых городских быков» (di weligen statvarrin) [128]. Падение Христмемеля он объясняет тем, что папа запретил Ордену на три года воевать Литву и тот, утратив geniz des robis und ouch ander nutz, не смог нести расходы по содержанию гарнизона крепости [129]. Николай — апологет католической церкви, для него враги Ордена — дети сатаны, собаки [130]; он равно хулит и язычника Гедимина [131], и православного городенского воеводу Давыда [132]. Знает он,

---

[123] W. Ziesemer$_2$, SS. 11, 24 и сл., 61 и сл.

[124] В статутах упоминаются dî lectien zu tische (Die Statuten des deutschen Ordens, S. 41).

[125] W. Ziesemer$_2$, S. 78—79.

[126] NE, vv. 23516—23704.

[127] Ibid., v. 24368.

[128] Ibid., v. 21048; W. Ziesemer$_2$, S. 110.

[129] NE, v. 26827—26828; W. Ziesemer$_2$, S. 66—67.

[130] NE, vv. 7028, 1665, 16699, 23626 и др.

[131] Ibid., v. 26330.

[132] Ibid., v. 25814, 26309.

кстати говоря, что последнего убил польский рыцарь Андрей Гост[133].

История отношений Литвы с Орденом за последний отрезок (1330—1340 гг.) интересующего нас периода нашла отражение в рифмованной хронике орденского герольда Виганда из Марбурга. Законченная в 1394 г., хроника охватывала события 1293—1393 гг. От нее сохранились лишь некоторые отрывки; кроме того, дошли фрагменты в изложении гданьских историков К. Шютца и Ш. Борнбаха, а также — сокращенный перевод в прозе на латинский язык, выполненный в 1464 г., как полагают, духовным лицом, для польского историка Яна Длугоша — участника торуньских переговоров 1466 г.[134]

Виганд как будто не знал сочинений Германа Вартберге, Петра Дюсбурга и Николая Ерошина; помимо самбийских и торуньских источников он использовал какие-то оригинальные материалы XIV в.

Автор работал при магистре Конраде Валленроде и создал труд, идеологически обосновывающий завоевательную политику Ордена, хронику его войн и побед.

Литовский историк найдет у Виганда существенные сведения прежде всего по истории взаимоотношений Литвы с Орденом, Польшей и Чехией (походы 1329, 1330, 1336, 1337 гг.); здесь сохранено известие о геройстве защитников Пиллене; очень интересны факты, относящиеся к характеристике литовского войска, его действий в Пруссии и т. п.

Правильно понять сведения немецких хроник можно лишь при критическом к ним отношении, а также при сопоставлении их известий с другими летописями и хрониками, в частности, самбийской, оливской, торуньской, любекской, дюнамюндскими анналами и другими материалами, имеющими вспомогательное значение для нашей темы. К числу вспомогательных источников мы относим и польские хроники, довольно многочисленные сведения которых о Литве уже весьма обстоятельно проанализированы С. Заянчковским.

Взятые в целом немецкие хроники довольно последовательно отражают историю взаимоотношений Литвы с Ригой и Ливонским орденом (хроники Генриха, Рифмованная, Германа Вартберге) и с Орденом прусским (хроники Петра Дюсбурга, Николая Ерошина и Виганда Марбурга); они дают возможность охарактеризовать борьбу литовского народа за независимость,

---

[133] NE., v. 26596.

[134] См. вступительную статью издателя хроники Т. Гирша. SRP, t. II, p. 429 и сл. Текст хроники — там же, а также SRP, t. IV, pp. 1—8. Об отношении латинского перевода к оригиналу см. H. B a u e r$_1$, SS. 66—78.

осветить важные вопросы внешней политики Литвы, а при сопоставлении с другими источниками — получить представление и об истории литовского общественного и политического строя.

4. АКТОВЫЙ МАТЕРИАЛ

Эта категория источников довольно многочисленна и разнообразна по содержанию. Часть актов и договоров сохранилась в оригиналах, о некоторых имеются сведения русских, немецких и польских хроник.

Акты могут быть подразделены на следующие группы.

Во-первых, это пожалования земель и льгот литовским и западноевропейским феодалам и городам. Имеются известия о пожаловании земель Миндовгом литовским феодалам на Руси [1], ливонскому магистру Андрею фон Стирлянд в Литве [2]; из сохранившихся грамот Миндовга не вызывает сомнений исследователей сделанное им пожалование земли литовскому епископу (1254 г.) [3]. Жалованные грамоты (80-е годы XIV в.) [4] и привилеи XIV—XV вв. (1387, 1413, 1434, 1447, 1492 гг.) [5] также могут быть использованы, ибо они отменяют некоторые нормы, восходящие к интересующему нас времени. В качестве вспомогательного источника нами привлекаются письма Гедимина к немецким городам [6] и церковникам [7].

Во-вторых, это жалованные грамоты Литовского государства русским землям. Они сохранились от более позднего времени, но древнее их ядро может быть кое в чем восстановлено и сопоставлено со свидетельствами летописей. Это так называемые уставные грамоты великих князей, выданные Бельской (1501 г.) [8], Витебской (1503 г.) [9], Смоленской (1505 г.) [10], Киев-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 815.

[2] См. выше, § 3, стр. 136.

[3] LU, t. I, № 263 (в копии 1352—1388 гг., см. K. Chodynicki[1], str. 241).

[4] Жалованные грамоты 1387 г.: Ягайло церковникам и, в частности, виленскому епископу и кафедральному собору (KZ, p. 1=Собрание государственных и частных актов, касающихся Литвы, № 1, стр. 1—3); его же — жалованная грамота князю Скиргайло (J. Jakubowski[1], str. 36—45); его же — пожалование городу Вильно магдебургского права (СДГА, № 1, ср. грамоту Казимира — там же, № 6).

[5] Издание привилеев см. 1387 г.— ZPL, str. 1—2; 1413 г.— ibid., str. 7—20, а также Akta Unji Polski z Litwą, str. 60—72; 1434 г.— Codex epistolaris saeculi XV, t. II, str. 529—540; 1447 г.— ZPL, str. 28—35; 1492 г.— ZPL, str. 58—66.

[6] РЛА, № 54 = LU, t. VI, № 3069 (от 25 января 1323 г.); ibid., t. II, № 690 (от 26 мая 1323 г.); РЛА, № 69 = LU, t. VI, № 3074 (от 2 июня [1325 г.]).

[7] LU, t. II, № 688, 689 (от 26 мая 1323 г.).

[8] АЗР, т. I, № 189.

[9] Там же, № 204.

[10] Там же, № 213.

ской (1507 г.)[11], Волынской (1509 г.)[12] и Полоцкой (1511 г.)[13] землям.

В-третьих, это жалованные грамоты немецкого Ордена беглым литовским нобилям, относящиеся к 1260—1330 гг.

И, наконец, заслуживают внимания такие интересные для истории социально-экономических отношений памятники, как документы спора 1401 г. литовского правительства с Орденом из-за выдачи беглых жемайтских крестьян[14] и из-за земли Виелоны[15]. Особо следует рассмотреть жалобу жемайтов от 1416 г. папской курии и европейским правительствам.

Договоры также можно разбить на несколько групп.

Во-первых, договоры с Русью: а) договор 1213 г. великого князя Даугеруте с Новгородом. Он не сохранился, но упомянут в хронике Генриха[16]. б) договор 1219 г. группы литовских князей с Галицко-Волынской Русью. Сам договор не уцелел, но имеется обширная запись о нем в Галицко-волынской летописи[17]; в) договор 1262 г. великого князя Миндовга с Владимиро-Суздальской Русью — тоже до нас не дошел, но о нем имеются краткие упоминания в Новгородской летописи[18] и в Рифмованной хронике[19]; г) договор 1326 г. великого князя Гедимина с Новгородской республикой. Он не сохранился, но уцелела посвященная ему запись в Новгородской летописи[20].

Во-вторых, договоры Литвы, а также подвластных ей и зай висимых от нее русских земель с Ригой и Орденом: а) первы литовско-немецкий договор 1201 г., упомянутый в хронике Генриха[21]; б) еще один литовско-немецкий договор 1225 г., также отмеченный Генрихом[22]; в) литовско-немецкий договор 1251 г., упоминаемый в Рифмованной хронике[23]; г) жемайтско-немецкий договор 1257 г., отмеченный там же[24]; д) договор 28 октября 1263 г. князя литов-

[11] АЗР т. II, № 30.

[12] Там же, № 54.

[13] Там же, № 70. Более поздние привилеи см. М. К. Любавский₄, стр. 352—357 (Киевский 1529 г.), 357—361 (Полоцкий 1547 г.), 364—367 (Волынский 1547 г.), 367—371 (Витебский 1561 г.).

[14] CEV, pp. 75—76 (документ Витовта), 77—80 (документ Ордена) и др.

[15] Lites, t. II, pp. 147—148 и др.

[16] ГЛ, XVII, 3.

[17] ПСРЛ, т. II, стб. 735—736.

[18] НПЛ, стр. 83.

[19] LR, SS. 148—152.

[20] НПЛ, стр. 97—98

[21] ГЛ, VI, 4.

[22] ГЛ, XXIX, 1.

[23] LR, SS. 81—82.

[24] Ibid., S. 106.

ского Ерденя от имени Полоцка и Витебска с Ригой и Орденом [25]; е) подтверждение (около 1265 г.) мирного договора с Ригой и Орденом князьями Изяславом полоцким и Изяславом витебским, подвластными великому князю Войшелку [26]; ж) торговый договор (между 1273—1278 гг.) Тройдена с немцами, известный из сообщения архиепископа рижского Иоанна II (1285—1294 гг.) в Любек от 5 февраля 1287 г., где замечено, что договор о свободе торговли был заключен Тройденом с архиепископом Иоанном I (1273—1284 гг.), магистром Эрнстом фон Рассбург (умер в 1279 г.) и городом Ригой [27]; з) мирный договор (около 1298 г.) великого князя Витеня с Ригой; он не сохранился, но упомянут в письме Якова, епископа полоцкого, Риге [28]; и) литовско-немецкий мирный договор 1323 г. [29]; к) литовско-немецкий торговый договор 1338 г. [30]; л) соглашение 1338 г. полоцкого епископа Григория и князя Глеба (Наримунта) о торговле воском с немецкими купцами [31]; м) договор (около 1340 г.) с немецким Орденом смоленского князя Ивана Александровича, зависимого от Литвы [32].

В качестве вспомогательных источников могут быть привлечены такие документы, как смоленско-немецкий договор 1229 г. [33], жалоба (около 1298 г.) [34] рижан витебскому князю Михаилу Константиновичу, жалоба рижан Любеку по поводу действий Ордена в связи с литовско-немецким договором 1323 г. [35]; новгородско-немецкие договоры от 28 января 1323 г. [36] и от 17 мая 1338 г. [37], а также некоторые другие.

В-третьих, ряд соглашений Литвы с польскими князьями [38] и, наконец, литовско-польский договор 16 октября 1325 г. [39]

Кроме того, должны быть использованы многочисленные папские буллы, связанные с организацией либо открытой вооруженной антилитовской агрессии, либо «мирной» христианизации Литвы.

---

[25] РЛА, № 25а (= LU, t. VI, № 3036).

[26] РЛА, № 25b.

[27] LU, t. I, № 507; HU, I, № 1015 (датировка условна).

[28] РЛА, № 38. Письмо датируется 1309 г. См. В. Васильевский$_1$, стр. 151, прим. 1. См. также LU, t. I, № 570.

[29] РЛА, № 58; PU, I$_2$, № 418; LU, t. II, № 693, 694, t. VI, № 3070.

[30] РЛА, № 83; HU, t. II, № 628.

[31] РЛА, № 74; HU, t. II, № 631.

[32] LU, t. II, № 796.

[33] ПРП, в. 2, стр. 54—98.

[34] РЛА, № 49.

[35] РЛА, № 62 (= LU, t. VI, № 3072).

[36] ГВНиП, № 37.

[37] Там же, № 40.

[38] См. о них часть III, раздел второй, § 1—2.

[39] МРН, t. II, p. 854.

Большинство этих источников имеет соответствующую, иногда довольно обширную историографию. Заслуги этой историографии бесспорны. Так, дискуссия, ознаменованная работами А. Прохаски, П. Клименко, К. Малечыньского, Г. Ловмяньского, Г. Пашкевича, З. Ивинскиса и других, выяснила недостоверность большинства жалованных грамот Миндовга; исследованиями В. Г. Васильевского, А. Прохаски, К. Ходыницкого, К. Форштрейтера, Ю. Якштаса, Г. Шплита и других определены условия возникновения писем Гедимина и литовского-немецкого договора 1323 г.; работами прежде всего С. Заянчковского охарактеризовано историческое значение литовско-польского договора 1325 г.; штудии И. Тихомирова, Л. К. Гётца, Г. Шрёдера и других облегчают понимание торгового договора 1338 г.; специальные изыскания И. Якубовского, М. Красаускайте, Г. Ловмяньского и других открыли возможность использования более поздних актов для познания истории языческой Литвы.

Поэтому нам нет нужды изучать все перечисленные акты и договоры и пр. Мы хотим извлечь материал, касающийся социально-экономической природы общественного строя Литвы и влияния этого строя на ее внешнюю политику, т. е. предполагаем использовать эти источники в аспекте, которым наши предшественники мало интересовались, а если и интересовались, то зачастую связав себя предвзятыми концепциями об отсталости Литвы.

Мы рассмотрим здесь лишь следующие источники: жалованные грамоты Ордена литовским нобилям, сохранившиеся литовско-немецкие договоры и жалобу жемайтов 1416 г. Остальные источники этой категории могут быть охарактеризованы по ходу изложения истории Литвы.

Жалованные грамоты Ордена и епископов литовским эмигрантам давно известны исследователям [40], которые, на наш взгляд, не исчерпали содержания этого источника, не обратив внимания на то, что экономическое и политическое благополучие литовских нобилей покоилось на владении землей и людьми. Литовские беглецы жили на земле, эксплуатируя крестьян, поэтому изгнанные с земли, они тотчас утратили свои якобы всесильные завоевательные качества и стали искать поддержки у Ордена; Орден понял их нужду и пожаловал их не правом грабежа, а правом владеть землей и жить за счет крестьян.

Среди приспешников Ордена Рифмованная хроника упоминает литовца Суксе, который погиб во время набега на Литву [41].

---

[40] H. P a s z k i e w i c z$_8$, str. 46, przyp. 1; 76, прим. 1; 141, прим. 2; 161, прим. 3; 252; но источник богатства нобилей — грабеж (str. 29).
[41] LR, S. 185, v. 8100.

Сохранился источник, позволяющий определить его общественное положение. Это — грамота 1268 г., согласно которой «Suxe sive Nicholaus n o b i l i s d e L e t t o v i a» поступил под патронат рижского архиепископа, передав ему «omnem h e r e d i t a t e m s u a m in terris..., quam in provincia Nalsen a p r o g e n i t o r i b u s s u i s noscitur possedisse» [42].

Итак, Суксе унаследовал от предков землю (может быть известную под названием Шуксе [43]) в Нальшенайской области. Когда Войшелк, сын Миндовга, а затем Тройден разорили опорные пункты врагов единства Литвы в Нальшенайском крае, местная знать искала спасения за границей — Довмонт с дружиной в 270 человек бежал во Псков, а Суксе — в Ригу. Суксе — того же поля ягода, что и известные нам по Рифмованной хронике богатые нобили Туше, Мильгерин и Гингейке (см. стр. 137—138). Источник ясно говорит, что земельные владения Суксе возникли давно и, конечно, не вдруг в результате его способности к грабежу, а сложились постепенно, в течение веков. Предки Суксе, как и предки других нобилей литовских, как и некоторые современные ему нобили прусские, еще сами ходили за плугом, стяжая богатство прежде всего путем подчинения не соседних народов, а своих менее состоятельных соседей-земледельцев.

Жалованные грамоты Ордена литовским и ятвяжским (судовским) эмигрантам не оставляют сомнений в их сословном тождестве с прусскими нобилями. Известный ятвяжский князь Скомонд (Скумант), согласно грамоте 1285 г.[44], получил прусскую деревню с тем, что издревле к ней тянуло («villam... cum omnibus graniciis e x a n t i q u o ad ipsam pertinentibus»), а также луг и поле. Ему даны «малые права» над крестьянами, включая и тех, которых он мог здесь поселить в дальнейшем («Item si iam prefati Sudovite in supra memoratis bonis aliquos rusticos locaverint, prout possunt, idem rustici eis parebunt, sicuti nostri nobis parare actenus consueverunt...»).

Сперва Орден чувствовал себя очень уверенно, видимо, рассчитывая вслед за пруссами покорить Жемайтию и Аукштайтию, и потому жаловал беглецам земли прямо в Литве [45]. Так возникла грамота 1288 г., согласно которой прусский ландмейстер пожаловал Вальгуне «unsern getruwen... knecht und sinen erben» — пять семейств и землю в Литве (in gutym geleid), сопроводив документ многозначительной оговоркой: «ob wir uns dy Littown undirtanig machin» [46].

---

[42] M. P e r l b a c h₆, SS. 17—18.
[43] Э. А. В о л ь т е р₈, стр. 197.
[44] PU, I₂, № 464.
[45] Орден мысленно уже поделил Жемайтию (см. PU, I₂, № 533).
[46] Ibid., № 529.

С началом систематических вторжений в Литву появились и литовские перебежчики. Им жаловали земли и в Пруссии. Литовцу Сыргеле в 1291 г. из Рагнита дано пожалование на 10 гакенов земли и (как и Скомонду) «малые права» (clinen gericht und den genis, der dovon vellit), за что он должен был служить конно и оружно (dinen mit pferdin, mit wapin nachs landis gewonheit) [47].

Однако наступление на Литву явно срывалось, и пожалования земель там уже стало недостаточно: новые вассалы Ордена нуждались в известном обеспечении на длительный срок войны. Тогда форма пожалования изменилась: стали жаловать беглецов землями в Пруссии с тем, однако, что впоследствии они могут быть обменены на земли в Литве. Литовцу Гигайле, который в Орден «geflogin hat durch beschirmunge cristengelouben», пожалованы в 1303 г. 2 гакена земли и свобода от десятины и крестьянских работ [48]. К этому сделано примечание: когда «das lant der Littowen mit den gnadin gotis k r i s t e n e m—g e l o u b e n und unsern brudern w i r d t u n d i r t h a n, danne sal Gygayle ufgeben dysse zcwen hocken mit irer zcugehorunge und s a l n e m e n s i n e r b das her e t z w a n h a t t e i n sime l a n d e Oukaim» [49].

Следовательно, после перехода Литвы под власть литовских христиан и немецких рыцарей Гигайле должен был получить свои прежние наследственные владения и из них вернуть Ордену пожалованное.

Документ позволяет сделать вывод, что по социально-экономической природе литовские нобили идентичны [50] прусским: они тоже растущие феодалы-землевладельцы; это подтверждается не только тождественными формулярами пожалований, но и прямыми указаниями на их владения в Литве. Эти документы не случайны. В грамоте 1311 г. литовцу Махуце с братьями, получившим 4 гакена земли, сказано: «Porro quando dei adiutorio h e r e d i t a t e m s u a m i n L i t h o n i a

[47] Ibid., № 576. Интересно, что на тех же основаниях жаловали и русских эмигрантов: комтур Христбурга в 1324 г. пожаловал Марку, Максиму, Войцеху и Григорию землю и малые права (PU, II_2, № 485). Вергельд в 60 марок для литовца см. PU, III_1, № 321 (1340 г.).

[48] Иногда крестьянская работа отождествляется с «прусской работой» (литовец Кеуде был в 1305 г. освобожден при одном гакене «von burde der Prusschen werk adir arbeyt», PU, I_2, № 839).

[49] PU, I_2 № 791. Происхождение документа связано с тем, что Орден опустошал Оукаимскую землю, где имел своих сторонников. См. часть III, раздел второй, § 2.

[50] Любопытно, что и вооружение литовцев и пруссов было одинаково; поэтому в грамоте 1305 г. сказано, что литовец Сходо, получивший один гакен земли, будет служить «myt Pruschen wopen» (PU, I_2, № 838); из грамоты 1285 г. узнаем состав «прусского оружия»: «доспехи, шлемы, копья и щиты» (PU, I_2, № 475).

recuperabunt, ut valeant possidere, ex tunc predictos quatuor uncos nostre domui resignabunt»[51].

Среди беглых литовцев встречались и «konige». Под таким названием известно во второй половине XIV в. пять свободных с владениями в 2—4 гакена при прусском праве и вергельде в 16—30 марок[52].

Хочу подчеркнуть, что эти грамоты не могут служить источником определения размеров земельной собственности беглых в самой Литве, как это кажется некоторым исследователям, делающим отсюда вывод об отсутствии там крупного землевладения до унии с Польшей. Рассуждая подобным образом, нам пришлось бы признать что будущий византийский император Андроник располагал лишь несколькими городами: ведь в пору его эмиграции в Галичину здешний князь дал ему несколько городов «на утешение»[53]; князь Даниил, укрываясь в Польше от нашествия монгольских войск, получил от Болеслава мазовецкого один город[54]. Подобных примеров множество.

Можно думать, что из Литвы бежали (как это видно по русским летописям) в первую очередь именно более крупные феодалы, чье положение поколебалось с упрочением великокняжеской власти. За ними могли следовать их вассалы — более мелкие феодалы, что как будто тоже отражено в грамотах.

В отношении этих людей Орден практиковал иную форму пожалования. Например, Еиготе и другие грамотой от 1315 г. были пожалованы 6 гакенами земли с тем, что по завоевании Литвы они получат взамен уже 9 гакенов (в поле Вайтемин)[55]; литовцы Дампсе и Плеппе в том же году получают 2 гакена, а по завоевании Литвы им будут даны 3 гакена[56]; беглец Леппе получил, согласно грамоте 1333 г., три гакена «in perpetuum possidendos», по завоевании Литвы ему следовало 6 гакенов (в поле Лайгове «circa castrum sitos eque frugalitatis»)[57]. Подобные пожалования имели ясную цель: достаточным материальным стимулом привлечь мелкий служилый люд на сторону Ордена. Богатые нобили, как мы видели, в подобном поощрении не нуждались.

---

[51] PU, II_1, № 30. Ср. PU, I_2, № 792; ср. пожалования судовам — ibid., 704, 782; PU, II_1, № 193.

[52] R. Plümicke$_1$, S. 63.

[53] ПСРЛ, т. II, стб. 524 (1164 г.).

[54] Там же, стб. 788.

[55] PU, II_1, № 125.

[56] Ibid., № 126.

[57] PU, II_3, № 798; III_1, № 249 (соответственно: 2 и 4 гакена), 250 (3 и 6 гакенов), 251 (4 и 8 гакенов), 261 (3 и 6 гакенов), 277 (4 и 8 гакенов); все эти пожалованья датируются 1339 г.

Таково содержание жалованных грамот литовским нобилям. Этот источник в сопоставлении с прусскими актами и данными летописей и хроник делает наши познания о социально-экономической природе литовской правящей знати более четкими и определенными.

Рассмотрим сохранившиеся литовско-немецкие договоры.

Литовско-немецкий договор 1323 г. возник в результате значительных дипломатических усилий литовского правительства, которое использовало растущие противоречия между Орденом, с одной стороны, Ригой и еще некоторыми городами, с другой, заинтересованность Ордена и городов в поддержании экономических связей с землями Литовского великого княжества (см. часть III, раздел второй, § 2).

Обратимся к содержанию договора. Его заключил de koning van Lethowen Гедимин «mit rade unde mit vulborde» своих wisesten; текст был составлен в королевском замке в Вильно (uppe unseme hus to de Vilne) и скреплен королевской печатью («so hebbe wi unse koninglike inghezegel tho dessen breven gehangen»). Договор заключен им с представителями Риги, Ордена, наместника датского короля в Ревеле, епископов дерптского и эзельского. Политический смысл договора в том, что он устанавливает мир между сторонами. Но это лишь часть дела.

Договор ясно обнаруживает экономические и политические интересы сторон. Первой статьей договора провозглашается свобода торговли по воде и земле для жителей обеих сторон («Dat alle weghe in lande unde in watere open unde vri wesen scolen eneme jeweliken menschen to komende unde to varende, se tho uns unde wi tho em sunder jenegherllyge hindernisse»). С литовской стороны это распространяется на Аукштайтию, Жемайтию, Полоцк «und alle der Russen, de under uns besethen sin»; с немецкой стороны — на земли всех участников договора. Эти земли вновь тщательно перечисляются, из чего как бы следует, что тогдашней Литве и подвластной ей части Руси были известны и обычные торговые пути по Двине и Неману, а также — на Дерпт, Ревель, остров Сааремаа. Примечательно, что литовский король обещает рижское право всем, кто будет вести торговлю у него в стране («Uppe dat alle dinch tuschen uns vruntliken unde lefliken stan, so geve wi an unseme lande eme jeweliken meschen, de tho uns kumpt ofte van uns varet, Ryges recht»).

Следующая часть статей посвящена взаимной защите прав собственности, ответственности за их нарушение (одна статья гласит: «Vortmer sin jeneghe dinch untferet in dat andere lant, dat scal men utantworden, wan dat geescheth wert»; другая, аналогичная статья устанавливает: «Is dat oc also, dat en man deme anderen guth ufte jenegerhande dinch untforet an dat andere lant, dat scal men utantworden, wan dat gheescheth wert»).

Особенно интересны статьи, касающиеся возможности передвижения из страны в страну свободных и несвободных людей. Свободные имеют такое право: «Vortmer wil e i n v r i m a n varen van eneme lande an dat andere, des scal he weldich wesen»; несвободные же подлежат выдаче по требованию сторон: «Lopt e n d r e l l e van eneme lande an dat andere, den scal men utantworden, wan he gevorderet werth». Статьи не оставляют сомнений, во-первых, в наличии как в Литве, так и в Ордене несвободных и, во-вторых, в заинтересованности литовского короля, его советников, всего представленного ими класса в удержании за собой людей несвободных и привлечении в свою землю людей свободных.

Наконец, еще одна группа статей относится к защите судебных прав представителей сторон. Одна из статей гласит: «Were dat also, das jeneghe manne unrech scude van deme anderen, de scolde dat vorderen, dar eme dat unrech gedan were, unde sine sake vorderen na des landes recht», т. е. пострадавший имеет возможность взыскивать с виновного по праву страны, где произошел конфликт. Если пострадавший не может добиться права в местной судебной инстанции, он может обращаться к высшей: «Were dat over also, dat eme dar nen vul recht gheschen mochte, so scolde he dat bringen a n d e n l a n d e s h e r e n dar eme dat unrecht inne geschen is, d e s c a l e m e v u l l e s r e c h t e s h e l p e n».

Статьи о судебных правах находятся в полном соответствии с отраженными в договоре развитой частной собственностью и социальным неравенством, и эти статьи примечательны для нас тем, что Литва выступает как страна, имеющая определенное судопроизводство, находящееся под властью «господ земли».

Договор дает представление и об одном из элементов синтеза литовских и русских общественных отношений: литовское правительство, используя налаженные русско-немецкие торговые связи, распространяет их на земли коренной Литвы. Это особенно ясно видно из торгового договора 1338 г.

Договор 1338 г. был предметом изучения в работах И. Тихомирова, Л. К. Гётца, Г. Шрёдера, И. Ремейки и других, посвященных истории русской, немецкой и литовской торговли. Но это изучение никак нельзя считать законченным. Для нас договор важен тем, что он конкретно характеризует торговую политику литовского правительства и показывает одну из форм синтеза литовской и русской экономики, он восходит к прежним русско-немецким договорам, лишь модифицируя их применительно к условиям Литовского великого княжества. В сочетании с другими источниками он позволяет судить о характере и размерах литовской торговли (см. часть III, раздел первый, § 1).

Договор заключен от имени литовского короля Гедимина, его сыновей и бояр («vulbort des konighes van Lettowen, unde siner kindere unde alle siner boyarlen»), имеются в виду вероятно литовские бояре. Значение русского элемента подчеркнуто в следующей фразе, где упомянуты епископ полоцкий, князья полоцкий и витебский и сами эти города («unde mit vulbort des biscopes van Ploscowe, des konighes unde des stades van Ploscowe unde des konighes van Vytebeke unde des stades van Vitebeke»). Договор заключен с представителями Ордена и Риги сроком на десять лет. В нем есть ссылка an den olden vrede (ст. 2).

Смысл договора в обеспечении нормальной торговли между сторонами. С этой целью договором предусмотрены прежде всего меры к безопасному использованию Двины в качестве торгового пути. Было решено создать мирную зону (vredelant) на Двине у устья реки Эвясты, в районе Ницевре (Nycevre), Успальде (hofstede... Uspalde) и деревни Стрипаине (dorpe dat het Stripayne); выделялась особо мирная зона в литовской земле, в районе Бальнике (Balnike), Кедрайхе (Kedrayche). Неменсиане (Nemensyane) (см. ст. 1, ср. там же, ст. 2). Двина, вверх и вниз по течению, должна быть свободна для купцов и христиан, и язычников (ст. 3); объявлена свобода торговли по Двине и ее притокам вверх от р. Эвясты, а вниз от устья Эвясты купцы получали свободный путь по берегам реки на дальность полета стрелы (согласно ст. 5: «Vort scal over van beyden syden der Dune benedder der Eweste nedderwart veligh wesen eneme jewelikem kopmanne also verne, alse he myt ener keygen werpen magh»).

Специальная забота о безопасном передвижении купцов по Двине, где издавна происходили грабительские стычки рыцарей с горожанами и литовцами, сочетается со свободой торговли в пределах договаривающихся сторон, для тех, кто благополучно минует с товаром эту мирную зону и достигнет Полоцка, Вильно, Риги и других центров. Им по ст. 7 дан vrighe (loyse) wegh («чистый путь»): «svan de Dusche kopman kumt int lant tho Lettowen ofte to Ruslande, so magh he varen in dat lant, w o r d a t h e w i l l; desghelik de Ryscesche efte de Lettowesche copman, svan he kumt to Ryghe, so magh he varen, wor he wil, int lant tho Liflande a l s o v e r n e, a l s e d e m e s t e r r e t» (ср. ст. 4, где подчеркнута гарантия безопасности жизни и имущества — lyves unde ghudes).

Любопытны оговорки, касающиеся «мирной земли» в районе Двины: нарушитель мира в этой земле — подлежал смерти, но житель «мирной земли», погибший за ее пределами, не обеспечен защитой договора (ст. 6); равно же не обеспечен защи-

той и купец, если он погиб в соседней договаривающейся стране во время похода на нее войск его государства (ст. 8).

Договор закрывает возможность использования мирной земли (dor de vredelant) в качестве пути беглыми людьми обеих сторон, вывозящими украденное имущество: по требованию имущество подлежит возврату, хотя об ответственности вора в договоре речи нет; похищенное имущество, которое вывезено беглецом dor de unbevrede lant, возврату не подлежит (см. ст.10, часть вторая [58]). Можно заключить, что путь по Двине находился все же под должным контролем.

Определен и порядок судебного разбирательства конфликтов в среде купечества. Тяжбы купцов обеих сторон друг с другом, включая и обвинение в краже, подлежат разбору на месте происшествия («dar dat schut») (ст. 9, часть первая и ст. 10, часть первая). В случае возбуждения иска по стародавним делам (umme olde sake) следует (согласно ст. 11) обращаться к суду по месту жительства обвиняемого, не прибегая к самоуправству (ne ne pandinge don) [59]. При возникновении спора в среде немецких купцов, находящихся в Литве или на Руси, его решение откладывается до их возвращения в Ригу; разбор спора, возникшего при аналогичных условиях среди литовских или русских купцов, подлежал рассмотрению их старейшины («dat scholen se thogeren wente vor eren oversten» — ст. 9, часть вторая).

На договоре лежит печать острейших литовско-немецких и русско-немецких противоречий. Показательно и то, что представителям Литвы удалось добиться установления некоторых гарантий безопасности торгового пути по Двине. Этим договором литовское правительство, используя большую заинтересованность Ордена в поддержании торговли с русскими и литовскими землями великого княжества, добилось значительного успеха — официального признания своего права на торговлю в Восточной Прибалтике. Нет нужды пояснять, что, согласно и формуляру, и содержанию договора, Литва предстает перед нами не как военно-грабительская держава какого-либо князя, а как страна, имеющая устойчивое государственное устройство и правительство, последовательно проводящее определенную политику [60].

В актовом материале более позднего времени наше внимание

[58] В издании HU некоторые разнородные статьи неправомерно слиты воедино. Ср. договор 7 ноября 1367 г.—LU, II, № 1041.

[59] Так понимал эту статью L. K. Goetz$_1$, S. 277; И. Тихомиров считал, что речь идет о запрете заклада.

[60] Генетически отдельные статьи договора восходят к прежним русско-немецким документам, ср., например, ст. 3 со ст. 36 смоленско-немецкого договора 1229 г. (ПРП, в. 2, стр. 68); ст. 7 со ст. 20 того же договора (там же, стр. 64; ср. ст. 20 соглашения Смоленска с Ригой и Готландом, там же, стр. 74—75).

особенно привлекает один источник — жалоба жемайтов на Орден от 1416 г. Она была отправлена в одном варианте папской курии, а в другом — светским и церковным князьям в самый разгар борьбы Польши с Орденом на соборе в Констанце. Сохранился и ответ Ордена на эту жалобу. Указанные документы на латинском языке частично опубликованы А. Прохаской [61] и на старонемецком — полностью А. Доубеком [62].

В этих документах нас интересует один вопрос: как сами жемайтские нобили-бояре, лишь недавно с помощью Литвы вышедшие из-под ига Ордена (1409 г.), трактовали вопрос о своем экономическом и общественном положении. Хотя жалоба составлена в начале XV в., но, как увидим, в ней рассматривается история давности, по крайней мере, трех поколений. Своим содержанием она, несомненно, перекликается с Христбургским договором.

В жалобе (как и в Христбургском договоре) не сказано, что ее составляли нобили, но легко заметить, что именно они говорят от имени жемайтов. Прежде всего они утверждают, что от начала своего существования были знатными и свободными и владели полученным от отцов имуществом на наследственном праве при той или иной свободе распоряжения им: «das wir von anbeginste vnsers orsprunges woren vnd syn edele vnd recht fry, vnd vnser veterliche gutere, von anfallunge mit erbrechte, vnd mit czemlicher vnd mit ganczer fryheit besessen han fredlich vnd geruet, vnd woren keynem vorbunden czu dynste» [63].

Немецкий Орден интересовали не души жемайтов, а их имущество: «sy haben nicht gesucht vnser selen dem woren gote czu wynnen, sunder vnsere erbe vnd gutere, vnd lande, haben gesuch czu nemen vnd czu bekummern» [64]. Описывая далее насильственные действия Ордена, составители жалобы предстают перед нами как землевладельцы-феодалы, ставшие таковыми еще в пору отсутствия в Жемайтии государственной великокняжеской власти.

Во-первых, рыцари пытались отнять их наследственные владения, полученные от отцов, дедов и прадедов: «vnsere erbliche besiczungen, welche wir von vnser vetern, eldernuetern vnd grosuetern gehat haben czu iren notczen nomen, vnd mynerten vnsere frunchte alle vnser benstocke, vnd andere noczlichkeit vnsers lebens, von vns nomen weder got vnd gerechtikeit» [65].

[61] CEV, pp. 1018—1024, 1033—1038.
[62] A. Doubek₁, str. 873—892.
[63] Ibid., str. 876.
[64] Ibid.
[65] Ср. в латинском варианте: «et nostrorium possessiones hereditatum quos a patribus nostris, avis, proavis habuimus» etc. (CEV, p. 1021).

Во-вторых, их самих принуждали к рабскому труду, чуждому их природе, и,кроме того, отнимали у них зависимых людей: «vnd dornoch czu knechtlichen werken (ad opera servilia — это выражение очень напоминает жалобу пруссов, отраженную в Христбургском договоре) vnsere helfe, dy fon gabe der naturen frye woren czufugeten, vnd also mit mancherleie vntreglichen burden vns beswerten, vnsere knechte, eygenen, gebuyern vnd czynslute (servis, proprietariis, rusticis et tributariis nostris) ane ale gerechtikeit vns berobeten».

Далее, Орден чинил препятствия торговле и вообще связям жемайтов с соседями: «vnd och vorboten vns czuczyen in dy nesten lande czu ubende koffenschaf, vnd durch andere vnser gemeynen notdorften, vnd glich vnsere nocwere dy vns suchen wolden mit koffenschaft vnd mit andern liblichen notdorften, nicht wolden czu lossen».

Наконец, Орден забирал у них детей в заложники, грабил и убивал знатных бояр и их семьи. Приводимые в жалобе факты перекликаются с теми, что известны нам о нобилях XIII—XIV вв. Например, frewelich berobet был некто Киркутис, один из mechtigen bayoren; другого — grosen edlen baioren Виссигине захватили с семьей и убили; у namhaftigen edln man Свалкена «сожгли его дом, с его деревнями и с жителями этих деревень» [66].

Очень важно, что жемайтские нобили ссылаются в этом документе на исторический пример своих прусских собратьев, оставшихся под властью Ордена и низведенных на несвободное положение: «Wir vorstehen wol vnd syns gewar geworden, wy dy selben brudere dy prussen, welche sy lange haben vndergedrucket czu irem dynste, nicht wol in dem globen gelart baben, wen do sy ire gutere vnd land (terris bonis et hereditatibus ipsorum) bekummert haben, do haben sy sye gebrocht in dorftlich dinst (ipsos in servitutem miserabilem redigerunt eosque cum liberis ipsorum ad servilia opera quotquot excogitari poterint et labores continuos posuerunt)» [67].

Насколько литовское правительство посчиталось с нуждами жемайтских нобилей, можно в известной мере судить из жалованной грамоты Жемайтии (1492 г.), древнейшая часть которой восходит ко времени Витовта [68]. Приведенный текст жалобы, как и другие рассмотренные нами источники, подтверждает сходство общественных отношений пруссов и жемайтов.

---

[66] A. Doubek₁, str. 879.

[67] Ibid., str. 877; CEV, p. 1020 (латинский вариант здесь полнее немецкого).

[68] АЗР, т. 1, № 103; ZPL, str. 67—72.

Итак, жемайтские землевладельцы, располагающие наследственными владениями, домами, деревнями и разного рода зависимыми людьми, это — явление, восходящее, как свидетельствует источник, к далекой старине.

Актовый и дипломатический материал при его комплексном сравнительно-историческом рассмотрении приобретает первостепенное значение для изучения истории имущественного, социального неравенства и формирования классов в Литве (жалованные грамоты литовского и орденского правительств литовским нобилям, документы спора литовского правительства с Орденом по крестьянскому вопросу, жалоба жемайтов).

Жалованные грамоты белорусским и жемайтским землям раскрывают характер объединительной политики литовского правительства, структуру общественного и государственного строя Литовского великого княжества. Договоры с Русью, Орденом и Польшей, а также документы переписки с папской курией, городами и духовенством позволяют судить о функциях Литовского государства XIII—XIV вв. и особенно об его внешнеполитической деятельности.

Часть вторая

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Русская дворянско-буржуазная концепция образования Литовского государства (точнее говоря, Литовского великого княжества, ибо именно его имела в виду эта концепция),— сложилась не вдруг. Выступив в качестве наследницы взглядов средневековых хронистов, она в течение XIX — начала XX в. претерпела заметные изменения; на ней сказывался общий уровень развития литванистики и отражались политические перемены в самой Российской империи.

Беря проблему в целом, можно заметить, что крупнейшие русские дворянско-буржуазные историки (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский) в своих трудах уделили древней Литве мало места, углубленная же разработка истории Литвы, начатая украинскими исследователями истории и права Ф. И. Леонтовичем, В. Б. Антоновичем, М. Ф. Владимирским-Будановым, Н. П. Дашкевичем, М. С. Грушевским, продолженная трудами М. К. Любавского и А. Е. Преснякова, так и не привела к специальному изучению истории дофеодальной Литвы и раннефеодального Литовского государства, ограничившись общим освещением некоторых вопросов его политической эволюции.

В нашу задачу не входит писать историю литовской историографии. Последующие очерки имеют другую цель — представить возможно более полно русскую дворянско-буржуазную концепцию образования Литовского государства. Говорим «русскую» потому, что тогдашние украинские историки, в основном, разделяли взгляд своих русских коллег.

Н. М. Карамзин считал литовцев XIII в. «мужественными разбойниками», которые занимались «единственно земледелием и войною». Сей народ «презирал мирные искусства гражданские, но жадно искал плодов их в странах образованных, и хотел приобретать оные не меною, не торговлею, а своею кровию. Общая польза государственная предписывала нашим

князьям истребить гнездо разбойников и покорить их землю, вместо чего они только гонялись за литовцами»[1]. При такой постановке вопроса, разумеется, не оставалось места для изучения собственно истории Литвы, ни экономической, ни политической, ни культурной.

К сожалению, подобный взгляд на древнюю Литву оказался весьма живучим. В труде С. М. Соловьева находим главным образом краткие упоминания о борьбе Руси с «диким соседом» — Литвой[2] и некоторые сведения о политической истории последней. Случайный характер имеют и сведения о Литве в курсе лекций В. О. Ключевского[3]. Жестокая русификаторская политика царизма в Литве, постоянные похвалы, возносимые этой политике в официальной светской и церковной публицистике, которая неотступно по пятам следовала за историографией[4], иногда сливаясь с ней,— все это обусловило господство великодержавных взглядов в трактовке литовского прошлого[5].

Однако под влиянием растущего революционного и национально-освободительного движения «литовский вопрос» нашел свое место в официальной историографии. В 30-х годах XIX в. Н. Г. Устрялов выступил со специальной статьей «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское». Ответ на этот вопрос был дан им в соответствии с определенным пониманием сущности Литовского великого княжества. Н. Г. Устрялов выступил против тех, которые «смотрят на Литву и соединившиеся с нею области, как на польские провинции»[6], и, поверив «польским писателям, смешали Литву с Польшею, вообразили, что Литовское княжество возникло по тем же началам, как образовались германские государства»[7], где «нашествие сильных иноплеменников» уничтожило «самостоятельность слабого народа» и дало начало «новому государству, в коем господствуют законы, язык, нравы и обычаи победителей», которые, наконец, полагают, что Литовское государство возникло «на развалинах русских заднепровских княжеств» и потому считают его чужим и не дают ему места в русской истории[8].

---

[1] Н. М. Карамзин$_1$, т. III, стр. 118, 159—160.

[2] С. М. Соловьев$_2$, кн. I, т. III, стр. 628, 807, 836, 849, 889—890, 916, 928 и др.

[3] В. О. Ключевский$_2$, т. I, стр. 285—286, 289, 335, 341—342.

[4] См. Ф. Булгарин$_1$, стр. 1015—1016, 1018 и др.; А. Миловидов$_1$, стр. 223—255; Макарий$_1$, стр. 430—497, 174—223; ср. Макарий$_2$, стр. 127—136.

[5] См. также В. Н. Перцаў$_7$, стр. 21 и сл.

[6] Н. Г. Устрялов$_1$, стр. 436.

[7] Там же, стр. 444.

[8] Там же, стр. 443.

Этой точке зрения Н. Г. Устрялов противопоставил свою. Нельзя признать Литву сильным государством, ибо она «в собственном смысле, заключаясь в пределах нынешней Виленской губернии, обитая среди дремучих лесов в бедности, в грубом невежестве, до времен Гедимина с трудом отбивалась от русских князей, от ливонских рыцарей, всегда была народом малочисленным, слабым и тем менее могла взять перевес над соседями в гражданском устройстве, что до исхода XIV столетия она постоянно была погружена в язычество и не имела письменных законов» [9].

Спрашивается, каким же образом сложилось Литовское государство и затем Литовское великое княжество? «Не силою, не храбростью Литвы,— отвечает Н. Г. Устрялов,— а умом, искусством, политикою Гедимина соединились русские княжества за Днестром в одно целое и образовали великое княжество Литовское» [10]. Нетрудно видеть, что проблема образования государства в Литве здесь подменена вопросом о соединении русских земель с литовскими; притом самой Литве почти не оставлено места.

Теперь, через сто с лишним лет даже трудно понять выражение, что «вместе с русскими землями в состав Литовского княжества вошла и Литва в собственном смысле»[11].

Но Н. Г. Устрялов смотрел на это иначе: Гедимин «действовал русскими против русских так точно, как и государи московские, и гордился именем русского князя. От того при нем и первых преемниках его, в основанном им государстве все было русское, вера, язык, гражданские уставы, понятия, нравы, обычаи» [12]; «самые князья литовские, рожденные от русских княгинь, женатые на русских княжнах, крещеные в православную веру, казались современникам потомками Владимира Святого».

Оценив таким образом сущность Литовского государства, Н. Г. Устрялов без большого труда нашел ему и место в русской истории: «Доколе оно (Литовское великое княжество. — *В. П.*) было самостоятельно, имело своих князей из дома Гедиминова, сохраняло все черты русской народности и спорило с Москвою о праве господствовать над всею Русью, историк обязан говорить с равною подробностью о делах литовских и московских и вести оба государства рядом так точно, как до начала XIV столетия он рассказывал о борьбе удельных русских княжеств... Положение дел будет одно и то же, с тою

---

[9] Н. Г. Устрялов₁, стр. 443—444.
[10] Там же, стр. 444.
[11] Там же, стр. 438.
[12] Там же, стр. 444.

единственно разностью, что в удельное время было несколько систем, а тут только две: московская и литовская. Это будет продолжаться до исхода XVI века».

В последующий период место Литвы в русской истории будет иным: «когда угаснет дом Гедимина и отчина его соединится с Польшей», то «великое княжество Литовское, опутанное цепями иноплеменников» займет свое место «на втором плане» «картины» нашей истории. И, наконец, когда благодаря государственной мудрости Екатерины II восточная и западная русские земли сольются в одну Российскую империю, «с тех пор литовская история должна умолкнуть»[13]. Как видим, Н. Г. Устрялов был готов предоставить место Литве в истории, но предварительно эту Литву он объявил Русью[14].

Такова концепция Н. Г. Устрялова. Мы рассмотрели ее более подробно потому, что этой концепции необыкновенно повезло: последующие исследователи в сущности лишь подправляли и подновляли ее, и в модифицированном виде она сохранилась в русской историографии вплоть до Октябрьской революции.

В 60—70-х годах появились работы Н. И. Костомарова, М. Кояловича и И. Беляева, посвященные древней Литве. Если Н. Г. Устрялов считал русской Литву, то Н. И. Костомаров пошел еще дальше: западнее Литвы он увидел пруссов, которых и предложил считать предками руссов. Не варяжские, а прусско-русские князья создали, по его мнению, государство на Руси. Это утверждение не более, чем научная фикция. Одновременно Н. И. Костомаров обратил внимание на то, что в XIV в. значительная часть Руси попала под власть литовских князей.

Это уже была историческая реальность.

Соединив фикцию с реальностью, Н. И. Костомаров сделал следующий общий вывод о роли Литвы в русской истории: «Литовцам суждено было два раза стать орудием великих переворотов, двигавших судьбу нашу, первый,— когда случилось призвание русско-жмудских князей; второй — когда совершилось подчинение западных и южных русских областей силе литовских государей в XIV веке»[15], правда, «на этот раз роль литовской силы и ограничилась только половиной Руси»,

---

[13] Н. Г. Устрялов1, стр. 445—446.

[14] Насколько тяжелым было положение в науке, если даже Н. Г. Устрялова порицали уже за то, что он вообще «внес Литовское княжество в «Русскую историю» (см. воспоминание об этом в одной из рецензий К. Н. Бестужева-Рюмина. — «Известия С. Петербургского славянского благотворительного общества», СПб., 1885, № 10, стр. 453—454).

[15] Н. И. Костомаров2, стр. 6.

но все же «в этой половине повторилось в XIV веке то, что случилось со всей Русью в IX веке» [16].

Ничто не пропадает бесследно. Недавно удивительный вывод Н. И. Костомарова был заново изложен и развит уже от имени одного бывшего польского историка, о котором речь будет впереди.

Дважды сыграв роль фатума в русской истории, литовцы, волею Н. И. Костомарова, сами оставались в первобытности: «два раза давши толчок славянскому миру», литовское племя «возвращалось в тесный круг своего недвижного быта» [17].

Пока царизм кромсал и уродовал Украину, Белоруссию, Литву и другие народы в реальной жизни, историки проделывали то же самое с историей этих народов в своих трудах. Тому пример «Лекции по истории Западной России» (1864 г.) М. Кояловича.

Западной Россией он называл Украину, Белоруссию и Литву. Свой взгляд М. Коялович мотивировал следующим образом: «Называя эту страну — Западная Россия, мы очевидно смотрим на нее с тех русских пунктов, совокупность которых населена более плотным и цельным русским народом, т. е. с серединной части русского населения, серединной России»; смотря на историю этих народов с «русских пунктов», историк не допускает «большой погрешности», и в то же время подобный взгляд имеет «более важное значение, чем это может казаться с первого разу», ибо «в срединной части России» без сомнения «скрываются самые твердые задатки народной и государственной русской жизни, а следовательно, и жизни западно-русской»; кроме того выступает и то удобство данной концепции, что «и в современной действительности она есть лучший залог неразрывности Западной России с Восточной Россией»[18].

После польского восстания автор считает нужным отметить, что в Западной России издавна шла борьба русско-польских интересов, что там народ был чужд верхнему, шляхетскому слою общества и что поэтому «западно-русская история есть история демократизма (т. е. народа.— *В. П.*), ищущего своей древней, родной аристократии, т. е., вообще говоря, русской православной аристократии» [19]. Как видим, Литва вместе с другими народами, предстает здесь не как субъект истории, а как объект борьбы М. Кояловича с польской шляхтой за права близкой его сердцу «родной», «православной аристократии».

Высказывает он некоторые соображения и об образовании государства в Литве, имея в виду, что Литва — это «стороже-

---

[16] Н. И. Костомаров$_2$, стр. 7.
[17] Там же, стр. 8.
[18] М. Коялович$_1$, стр. 4.
[19] Там же, стр. 15.

вой полк русский, защищавший русский народ от прусских и ливонских рыцарей», что «литовский народ и в научном отношении заслуживает особенной заботливости»[20]. Государство в Литве образовалось так. Когда в Западной России появилась государственность, то соседние литовцы отодвинулись на север; «подвигаясь от русских на север, они неизбежно знакомили с ними своих единоплеменников — верхних литвинов, которые, впрочем, и сами знакомились с русскими через Белоруссию».

После монгольского нашествия новые массы русских придвинулись к литовским пределам; это «явно вызывало Литву двинуться на юго-восток и утвердить свою власть над русскими Западной России, представлявшими теперь легкую добычу и даже расположенными признать над собой литовскую власть, чтобы иметь в ней защиту от татар. Объединение между этими новыми силами — литовскими и русскими и устройство ими новой западно-русской государственности подвигалось очень быстро и легко. Литвины Верхней Литвы, давние соседи русских, скоро забыли прежние счеты и пересоздавались в русских»[21].

Пока жители Аукштайтии «пересоздавались в русских», не теряли времени и жмудины: под натиском Ордена у них оставался в сущности один выход — «незаметное, легкое и безопасное для их государственности сближение и слитие с западно-руссами»[22], поэтому они начинают «подаваться мало-помалу назад и подвигаться на свой в е р х н е - л и т о в с к и й и затем з а п а д н о - р у с с к и й н а р о д». Оказывается, что в этих затейливых передвижениях — вся сила и корень дела: «этим особенно движением мы объясняем себе быстрое возникновение Литовского государства в XIII столетии и полагаем, что ему дала начало собственно жмудская отрасль литовского княжеского рода, тогда как прежде созидали литовскую государственность в Полоцке, Новгородке верхне-литовские князья»[23]. Выдвинув эту маловразумительную концепцию, М. Коялович, как и его предшественники, не позаботился о какой-либо ее аргументации.

Прямое развитие взгляда Н. Г. Устрялова на древних литовцев находим у славянофила И. Д. Беляева. По его мнению, литовская цивилизация была заимствована у полочан, которые некогда господствовали в Литве: «литовцы выступили на поприще истории более или менее русскими людьми: у них литовского оставалось за это время только язык и религия,

---

[20] М. К о я л о в и ч₁, стр. 49.
[21] Там же, стр. 92.
[22] Там же, стр. 100.
[23] Там же, стр. 97.

и некоторые исконные обычаи, не шедшие вразрез с русскою цивилизацией, других особенностей (т. е. отличий.— *В. П.*) от полочан они не имели». И это было «главной причиной их неимоверных успехов в первые полтораста лет их исторической деятельности» [24].

Но И. Д. Беляев в отличие от Н. Г. Устрялова склонен видеть и некоторые особенности в истории Литвы, точнее, в истории ее княжеской власти. Он ставит вопрос: «Какое же значение имела в Литве княжеская власть племенных литовских князей?» и отвечает: «Княжеская власть в Литве имела почти такое же значение, как и в Полоцке. Это подтверждается тем, что русские города Полоцкого княжества охотно подчинялись литовским князьям, чего, конечно, нельзя бы было ожидать, ежели бы литовская княжеская власть не походила на княжескую власть полоцкую. Но не следует отрицать, что в литовской княжеской власти были и свои характеристические черты, вследствие которых эта власть вдруг сделалась могущественною и как бы несокрушимою».

Эти отличительные черты: а) «в Литве княжеская власть досталась литовцам же, а не пришлым князьям как в Полоцке, следовательно князья имели большую поддержку в единоплеменности подданных»; б) «литовские князья были богатые и сильные землевладельцы, еще до получения княжеской власти у них были целые полки слуг, принадлежавших им на частном праве, независимо от государственной власти; следовательно земщина не могла им грозить изгнанием, как это бывало с полоцкими князьями, которые нередко соглашались на невыгодные условия, только потому, что некуда было деваться»; в) княжеская власть в Литве была ограничена, «только это ограничение у литовских князей было не в пользу народа», как в Полоцке, а «в пользу прежних княжеских товарищей, богатых и сильных землевладельческих родов», возникших, впрочем, по новгородско-полоцкому образцу [25]. Литовскую историю, как и русскую, творят, по И. Д. Беляеву, именно князья: «Литовская земля, с падением могущества полотских русских князей, представляла рассыпанную храмину, пока не собрал ее Гедимин» [26].

Приведенные здесь соображения, можно сказать, завершаются и увенчиваются тем, что написано по этому поводу в известном издании «Белоруссия и Литва» (1890 г.), выпущенном П. Н. Батюшковым по «высочайшему повелению» под руководством министерства внутренних дел, при сотрудничестве профес-

---

[24] И. Беляев, стр. 83.
[25] Там же, стр. 77—79.
[26] Там же, стр. 80.

соров Киевской духовной академии. Издатель счел нужным откровенно сказать о причинах, «побудивших министерство внутренних дел обратить внимание на историю западных окраин».

Суть в том, что «в конце 50-х годов ни в одном центральном учреждении империи не имелось точных сведений по статистике и этнографии западных губерний России. Русская историческая литература и периодическая печать того времени верили на слово источникам польского происхождения, иногда апокрифическим, часто измышленным и всегда тенденциозным. Извращая бытовые данные и тем отрицая самобытность древних элементов Западной Руси, польская печать, а за нею и русская, в известной ее части, не признавала неоспоримых народных прав России на западные ее окраины». Дело, оказывается, дошло до того, что «даже многие находящиеся на службе по разным ведомствам лица подчинялись бессознательно влиянию польских идей, действуя в районе возложенных на них обязанностей, во вред государственным интересам» [27]. Оставляя этот назидательный факт для зарубежных любителей потолковать о независимости науки от политики, обратимся к концепции истории древней Литвы, истинность которой была апробирована самим министерством внутренних дел.

«В общих чертах исторические отношения между Литвой и Русью,— сказано в этом «охранительном» издании,— можно представить в следующем виде. Сначала юго-западные и западные русские племена, сильные своим единением с остальными частями Руси, постепенно берут верх над литовскими племенами, проникают в их пределы, поселяются между ними и мало-помалу подчиняют их своей власти и гражданственности. Но с конца XII и особенно в XIII веке литовские племена, теснимые с севера и северо-запада пришлыми немецкими орденами Ливонским и Тевтонским, с юга поляками и с юго-востока русскими славянами, начинают сплачиваться в одно государство и подчинять своей власти соседние славяно-русские племена, ослабленные к тому времени разделением русского государства на уделы и татарским нашествием на Русь.

Таким образом, к началу XIV века в пределах нынешнего Северо-Западного края России образовалось из литовских и русских племен могущественное Литовско-Русское государство, в котором однако же русский язык и русская гражданственность получали все более и более видное значение. Но окончательному, естественному слиянию литовских и славяно-русских племен в один народ помешал противоестественный

---

[27] Белоруссия и Литва, изд. П. Н. Батюшкова, СПб., 1890, стр. XV—XVI.

союз русевшей и склонявшейся к православию Литвы с католической Польшей, вызванный, главным образом, угрожавшей обоим государствам опасностью от немцев, и возобновлявшийся несколько раз» [28].

Относительно причин образования Литовского государства министерское издание также внесло полную ясность. Объединение бедной и дикой Литвы [29] объяснено факторами внешнеполитическими: «Во время борьбы с Русью мелкие литовские князья начали соединяться и составлять союзы для общего действия... Подобные союзы со старейшим князем во главе, естественно, вели к собиранию литовских родов и племен в одно государственное целое и пролагали путь единодержавию» [30]. Эта «естественная» формула дополнена еще одной, касающейся тех сил, опираясь на которые, Миндовг созидал государство. «Способы», которые для этого употребил Миндовг, «состояли в том, что он посредством Литвы удерживал и приобретал русские земли, а опираясь на ополчения своих русских областей, подчинял себе разрозненные мелкие литовские владения» [31].

Если отвлечься от разного рода второстепенных деталей, то общий итог достижений «охранительного» направления русской историографии можно свести к нескольким положениям.

а) Дикий и бедный литовский народ выступает не как субъект истории, а как объект воздействия русских племен.

б) История образования Литовского государства подменена образованием Литовско-Русского государства, которое рассматривается как результат внешнеполитических условий и прежде всего взаимоотношений русских племен с литовскими.

в) Непосредственная организация государства изображается как плод усилий князей Миндовга и Гедимина.

г) Литовско-Русское государство оценивается как «естественный» союз православных славяно-русских и «русевших» литовских племен, союз, который был нарушен вызванным причинами внешнеполитического характера—«противоестественным» соединением Литвы с католической Польшей.

Расставаясь с теми представителями официальной историографии, которые в сущности не вели самостоятельной разработки истории древней Литвы, обратимся к специальным научным исследованиям. Конечно, в них мы уже не встретим нелепых утверждений, будто литовцы и пруссы это — славяне, конечно, у них мы найдем значительный материал посильно проанализированных первоисточников, которые с пользой можно употреблять и поныне, но что касается концепции...

---

[28] Белоруссия и Литва, ук. изд., стр. 3.
[29] Там же, стр. 49.
[30] Там же, стр. 52.
[31] Там же, стр. 56.

Впрочем, предоставим слово зачинателю научной разработки истории древней Литвы В. Б. Антоновичу: литовское племя «с удивительной быстротой» стремится «создать обширный политический организм», пользуясь тем, что «исторические обстоятельства... отдают в его распоряжение обширную территорию, населенную родственным ему и гораздо более развитым и цивилизованным племенем». Но затем «внутреннее бессилие поражает этот, по-видимому, могучий политический организм; едва он успел сложиться, он ищет уже посторонней точки опоры, подчиняется влиянию соседнего государства (т. е. Польши.— *В. П.*), гораздо более слабого материально и совершенно ему чуждого по культуре»; под его давлением Литовское княжество медленно «замирает» [32].

Где же скрыты причины этого странного явления? «Причины этого внутреннего разлада лежали в тех условиях, которые вызвали и сопровождали рост могущества великого княжества Литовского: в быстроте этого роста и в племенной разновидности двух этнографических типов, вошедших в состав одного политического тела». Вот и получилось, что «эти национальные начала, сливаясь внешним образом, не имели времени для того, чтобы взаимно уразуметь в достаточной степени бытовые, сложившиеся у каждого из них формы, чтобы взаимно пополнить положительными качествами каждого из них слабые стороны своего развития и чтобы слиться, таким образом, в одно органическое тело». Связь между ними остается внешней, «вызванной почти исключительно политическими обстоятельствами и отношениями».

Другая причина «внутреннего разлада» в том, что «необходимость интенсивной внешней борьбы с крестоносцами отвлекает ежеминутно внимание лучших и самых даровитых правителей от занятий внутреннею плодотворною организацией государства и нередко принуждает их к поступкам и мероприятиям, не согласным с интересами их внутренней политики». Таким образом, «среди бесконечных битв, походов и политических сделок с могущественным и опытным противником внутренние дела государства предоставляются на волю судьбы и установившихся обычаев» [33].

Отсюда следует вывод, что «отношения двух начал, этнографических и бытовых, входивших в состав великого княжества Литовского, попытки к их взаимному сближению и взаимное их воздействие друг на друга, составляют главный интерес... истории великого княжества Литовского в указанный период времени» [34].

[32] В. Б. Антонович, стр. 3—4.
[33] Там же, стр. 4.
[34] Там же, стр. 5 (подчеркнуто мной. — *В. П.*).

Отодвинутый по традиции на второй план вопрос об образовании Литовского государства получает у В. Б. Антоновича следующее решение. До XIV в. в Литве не было даже «первых начал государственности» в виде возникающих городов [35]. Наблюдается «полное отсутствие и монархической власти, которая бы успела подчинить своему авторитету сколько-нибудь значительные части литовского племени»; власть «известных летописцам начальников простиралась только на незначительные сельские округи, на отдельные волости; вожди эти были скорее волостные старшины, правдоподобно представители отдельных родов и кланов, чем монархические правители в государственном смысле слова» [36]. До половины XIII в. «литовское племя не составляло государства; оно представляло рассыпанную массу небольших волостей, управлявшихся независимыми вождями, без всякой политической связи друг с другом. Народы литовского племени объединялись только общностью этнографической и культурной» [37].

Как же «рассыпанная масса» превратилась в государство? На передний план вновь выступает спасительный внешний фактор, с одной стороны (немецкой) — ускоряющий, с другой (русской) — созидающий: «исторические внешние условия заставили литовцев ускорить политическую организацию всего племени и заменить мирную, опиравшуюся исключительно на нравственном влиянии власть жрецов, властью князей, вооруженных мечем, необходимым для спасения самобытности племени». Немецкие рыцари наступают, истребляя «почти безоружные, разрозненные... скопища литовской деревенщины»[38]; в течение десятилетий, когда в кровавой борьбе гибла за волостью волость «литовские племена убеждаются, что без прочной государственной связи» им не сдобровать, но и создать «эту связь из собственных элементов они бессильны; потому они стараются примкнуть к государствам ближайших соседей» [39]. Помогло литовцам то, что пруссы и латыши с помощью полоцких и поморских князей вели борьбу против Ордена, и литовцы, «пользуясь своим выгодным географическим положением, успели создать более прочный государственный строй и потому встретили борьбу с более стройными силами» [40]. Где нашли литовцы эти силы? Дело в том, что «ни полоцкие, ни поморские князья» не имели «ни достаточных сил и авторитета, ни достаточного времени для того, чтобы сломить веко-

---

[35] В. Б. Антонович$_1$, стр. 9.
[36] Там же, стр. 12.
[37] Там же, стр. 16.
[38] Там же, стр. 17.
[39] Там же.
[40] Там же, стр. 18.

вые привычки литовцев и из рассыпанной группы кланов создать быстро, среди борьбы, стройное и прочное государство» [41].

Поэтому «силы эти литовцы приобретают вследствие новых отношений, в какие они стали к Руси в течение XIII столетия», решающее значение имел «факт окончательного образования Литовского княжества на русской территории» после захвата Новогородка, Черной Руси [42].

Дальше все идет гладко, ибо на Руси Миндовг черпает силы для укрепления своей власти в Литве и, наоборот, в Литве — для наступления на Русь. Автор даже не чувствует, что находится в заколдованном кругу. «Расширяя границы своих владений на Руси с помощью литовского ополчения из своего Керновского удела, Миндовг приобретал в покоренных им русских землях новые силы, которые давали ему возможность и продолжать дальнейшие завоевания на Руси и поставить в зависимое от себя положение других соседних с его владениями мелких литовских родоначальников; группируя таким (каким? — *В. П.*) образом силы, князь Кернова и Новгородка Литовского посредством Литвы удерживал и приобретал русские земли, и, опираясь на ополчения своих русских областей, — подчинял себе разрозненные мелкие литовские владения» [43].

Отсюда вытекает и оценка роли литовских князей. Миндовг, действуя вышеуказанным нехитрым способом, «первый проложил исторический путь к образованию Литовского государства, следуя по которому, Гедимин и его наследники спасли самобытность литовского племени и доставили государственный центр для разрозненных западнорусских областей» [44]. Именно в забвении русских «начал» — причина упадка Литвы, якобы происшедшего по смерти Миндовга. Тогда «представители литовского народа пытались опереться исключительно на свои национальные начала: язычество и обособленность отдельных земель; они упорно отбивались от единения с христианской Русью и, таким образом, лишились поддержки того элемента, который мог бы им оказать единственную возможную помощь для спасения самостоятельности их собственного племени».

Эту ошибку исправил Гедимин. Витень и Гедимин «были действительными основателями могущества великого княжества Литовского» [45], с ними связано призвание «русских сил к участию в защите интересов литовско-русского государ-

[41] В. Б. Антонович₁, стр. 18.
[42] Там же, стр. 24.
[43] Там же, стр. 25.
[44] Там же, стр. 26, ср. стр. 45.
[45] Там же, стр. 37.

ства» [46]. Род Гедимина понял, что для спасения отечества «им необходимо отказаться от исключительного преобладания национальных литовских начал и что они смогут извлечь новые силы для борьбы, только обратившись за помощью к Руси как вошедшей уже в состав великого княжества Литовского, так и сопредельной с ним» [47].

Что можно сказать о взгляде В. Б. Антоновича? Отсутствие в истории Литвы «спасительных» варягов крайне затрудняло российских исследователей. Он нашел выход из положения. На смену беляевской «рассыпанной храмине», собранной Гедимином, пришла «рассыпанная масса» небольших волостей и кланов; на смену Полоцку выдвинут Новогородок. Князья отсталой Литвы Миндовг, Гедимин и их потомки собирают свою землю с помощью призванных русских «сил» и «начал» и создают основной центр своего государства на нелитовской территории.

Более глубокий подход к проблеме находим у Н. П. Дашкевича, современника и основного оппонента В. Б. Антоновича. Исходная позиция Н. П. Дашкевича мало отличается от только что охарактеризованной. Желая проследить «процесс возникновения и развития литовско-русского государства с древнейших времен до падения его», автор также ставит его в плоскость этническую и внешнеполитическую, ибо сосредоточивает внимание «почти исключительно «на двух» основных течениях западно-русской истории со времени татарского нашествия», во-первых, «на попытках литовских князей к собиранию русских земель, попытках, согласовавшихся с стремлениями самого русского народа» и, во-вторых, «на усилиях Польши овладеть южно-русскими землями и воспользоваться приобретениями Литвы под видом унии с нею» [48].

Н. П. Дашкевич, как и его предшественники, считает, что «завоевания литовских князей разрослись в обширное государство, которое называлось Великим княжеством Литовским, но было в сущности русское», и далее не очень логично добавляет: «соответственно чему и великий князь его именовался не только литовским, но и русским» [49]. Подобные логические промахи у сторонников этой концепции — не редкость.

Он согласен, что В. Б. Антонович, открыл в борьбе литовского и русского начал «самое больное место» Литовско-Русского государства, но предлагает уточнить этот вывод, отнеся

---

[46] В. Б. Антонович$_1$, стр. 40.
[47] Там же, стр. 35.
[48] Н. П. Дашкевич$_2$, стр. VI.
[49] Там же, стр. 1.

его ко времени только после 1386 г.[50]; «до конца XIV столетия в Литве не было борьбы народностей, и в этой характеристической черте литовско-русской истории и должно искать объяснения образования Литовско-русского государства и быстрого развития его» [51]. Эту мысль он старается всесторонне обосновать, допуская явную идеализацию литовско-русских отношений.

Давнее соседство русских «не могло остаться без влияния на зарождение государственной идеи у литовцев»; правда, не все в отношениях Руси и Литвы шло гладко — «не обходилось без вражды и столкновений», однако русские князья постоянно «пытались уладить взаимные отношения». Каким образом? Очень несложным — «предпринимая походы и налагая дань»[52]. В свою очередь, русские «с видимым сочувствием принимали литовских князей, надеясь достигнуть тем мира и безопасности» [53].

Литовскому народу «было мало дела до русских земель, и если в то время еще не было значительного сближения» двух народностей, то «не было и вражды из-за преобладания» [54], поэтому во второй половине XIII в. «не замечаем никаких восстаний русского люда в землях, принадлежавших Литве, а равно не видно стремлений русской народности опереться, в противовес утеснениям со стороны Литвы, на южную или северо-восточную Русь» [55]. Н. П. Дашкевич также считает, что «княжение Гедимина начинает собой новую эпоху литовско-русской истории» [56], что, кажется, ставится в связь с завоеванием при нем Киева.

Оценив подобным образом литовско-русские отношения, автор в свою очередь задает вопрос: «В чем тайна успеха литовско-русских князей в быстром создании ими обширного и сильного государства?»[57] И видит ее в признании Литвой политического и религиозного равноправия русского народа. По мысли Н. П. Дашкевича, «в Литовской Руси не было явления, обычного в государствах, возникавших путем завоевания, не было преобладания одной национальности над другой, одного класса общества над остальными. На первых порах литовское завоевание мало изменило общественный строй русских земель». Легко заметить, что устойчивость русского обществен-

---

[50] Н. П. Дашкевич, стр. 27.
[51] Там же, стр. 34.
[52] Там же, стр. 15.
[53] Там же, стр. 29.
[54] Там же, стр. 31.
[55] Там же, стр. 34.
[56] Там же, стр. 39.
[57] Там же, стр. 92.

ного строя в составе Литовского великого княжества[58]— факт недостаточный для широкого вывода, сделанного автором, хотя трудно спорить с утверждением, что в условиях борьбы двух народных стихий «было бы невозможно образование этого государства» [59].

Как бы то ни было, Н. П. Дашкевич первый попытался поставить вопрос о синтезе литовских и русских общественных элементов, хотя его представление о тех и о других ныне неприемлемо. Он писал об этом так: «литовское племя придавало молодому государственному организму завоевательную энергию, выносило преимущественно на своих плечах борьбу за независимость против напора немцев и вдохновляло к ней; русская народность подкрепляла литовцев материально и принесла им культуру, отличную от той, которую пытались навязать немцы» [60].

Уточняя свою мысль о значении русских элементов, Н. П. Дашкевич утверждал, что строй Литовского государства «находился вначале под сильным влиянием и был отражением русского уклада» [61], в частности, в Литву перешел «принцип родового старшинства» князей, который «много значил в деле укрепления литовско-русского государства и централизации» [62]. Ставит он и вопрос о литовской раде, но не берется решать, возникла ли она вследствие «феодального строя» или же она — «продолжение старорусской боярской думы» [63].

Но если русские институты содействовали централизации и укреплению Литовского великого княжества, то польские, напротив, вели его к упадку, ибо «наследственность владения лиц невеликокняжеского дома областями и городами в Литве утвердилась преимущественно под влиянием Польши и ее строя» [64].

При всей этой идеализированной трактовке литовско-русских отношений остается неясным, чем же вызвана литовско-польская уния. То, что говорит по этому поводу автор, не вносит ясности: «Вся беда была в том, что естественное развитие литовско-русского государства было нарушено с конца XIV века вторжением нового элемента, вошедшего клином в ствол дерева, которое начало было разрастаться, и уже с того времени Литва начала терять самостоятельность, а вместе и прежнюю силу» [65]; ибо с разрушением ее «прежних основных

[58] Н. П. Дашкевич[2], стр. 93.
[59] Там же, стр. 100.
[60] Там же, стр. 101.
[61] Там же, стр. 94.
[62] Там же, стр. 95, ср. стр. 98.
[63] Там же, стр. 96, прим. 2.
[64] Там же, стр. 96.
[65] Там же, стр. 101.

начал», т. е. «русских начал», наступил период агонии, продолжавшейся около двух веков [66].

Несравненно больше сделал Н. П. Дашкевич для разработки вопроса об образовании собственно Литовского государства. Он справедливо заметил, что «страницы, посвященные Литве в известном историческом труде Соловьева, не соответствуют, по своей обработке, другим отделам этого труда и устарели» [67]. Хотя Н. П. Дашкевич и оценил труд В. Б. Антоновича, как «начало истории литовско-русского государства, чуждой прикрас и искажений» [68], но тем не менее сам он высказал некоторые новые мысли и прежде всего по вопросу об общественном строе и о внутренних предпосылках государства в Литве; он верно заметил, что В. Б. Антонович «оставил в стороне это важное явление внутренней жизни слагавшегося литовско-русского государства» [69].

Высказанные по этому поводу соображения Н. П. Дашкевича заслуживают полного внимания. Он, например, сомневался в том, что «все литовские народы в период от IX до XIII стол. стояли на одной культурной ступени» [70] и думал, что земли, расположенные в Приморье и у рек, были более развитыми; упомянутые в XIII в. города возникли, по его мнению, раньше и «уже до половины XIII стол. в Литве замечаются зародыши политического сплочения отдельных поселений и округов» [71]. Исходя из данных договора 1219 г., он заключал: «Ясно, что и в первой половине XIII века не всегда имела место политическая разрозненность, а развивалось нечто вроде федерации, в которую входили Литва и Жмудь» [72], «не будь такой подготовки не была бы возможна и попытка» Миндовга [73].

Коснулся автор и литовского «феодализма». Он считал, что «коренную черту» литовского «народного характера» составляла храбрость. Исторические условия «содействовали развитию этого народного свойства и привели к выработке дружинного строя, который дал опору в борьбе с крестоносцами и, в конце концов, должен был при удобном случае положить начало государству» [74]; с обычной в то время точки зрения на феодализм, он рассматривал его как готовую форму развившегося «военного строя» [75].

---

[66] Н. П. Дашкевич₂, стр. 109, 113.
[67] Там же, стр. 3.
[68] Там же, стр. 6.
[69] Там же, стр. 26.
[70] Там же, стр. 9.
[71] Там же, стр. 10.
[72] Там же, стр. 11 (подчеркнуто мной.— *В. П.*).
[73] Там же, стр. 12.
[74] Там же, стр. 16—17.
[75] Там же, стр. 24.

Н. П. Дашкевич привел пусть немногочисленные, но важные свидетельства о развитии сословия литовской знати [76] и основательно заключил, что «ко времени образования государства в Литве успели уже образоваться зародыши довольно численного высшего класса населения, с которым не могло не считаться государство при своем возникновении» [77]. Поэтому и в политической истории Литвы после Миндовга он находил не столкновение народных стихий, а «борьбу отдельных князей за власть» [78], и полагал, что в оценке этого времени В. Б. Антонович неправ, так как «видит более мрака, чем сколько было на самом деле» [79].

Но все же на вывод об имманентном образовании государства в Литве автор не решился: «для утверждения единовластия необходимо было, чтобы один из князей получил перевес над другими, а это могло случиться лишь при получении опоры вне Литвы» [80]. Как по концепции автора литовские князья получили эту опору, мы уже видели.

Если, оставив на время историков, мы обратимся к исследователям литовского права, то обнаружим значительное сходство основных взглядов. Историки права изучали более поздний период, но их труды ценны тем, что позволяют понять, если не генезис литовского права и учреждений, то генезис определенного взгляда на них. Ф. И. Леонтович — весьма плодовитый писатель. В области истории литовского права он сделал то же, что его современники-историки в области истории. Еще в своей ранней работе 1865 г. он заявил о «настоятельной необходимости включить литовское законодательство», в частности, Литовский Статут, «в круг истории русского права» [81]. Рассмотрение литовского права вследствие этого велось не в связи с анализом социально-экономического развития страны, а в связи с выявлением возможных заимствований из русского (позднее польского) права.

Немецкой концепции литовского феодализма Ф. И. Леонтович (вслед за М. Ф. Владимирским-Будановым) противопоставлял тот взгляд, что «феодальный» «оттенок сословных отношений в Литве объясняется вернее преемственным развитием тех бытовых условий, какие существовали уже раньше во всех русских землях», объясняется «параллелизмом государственного устройства Руси Западной и Восточной, в период

---

[76] Н. П. Дашкевич₂, стр. 24.
[77] Там же, стр. 25.
[78] Там же, стр. 27.
[79] Там же, стр. 26.
[80] Там же, стр. 20.
[81] См. Ф. И. Леонтович₁. Уже В. И. Пичета отметил великодержавные черты русской историографии литовского права. У. Пічэта₆, стр. 130 и др.

до более тесного сближения первой из них с Польшей»; этот параллелизм был следствием общности происхождения [82].

Во взгляде на историю Литвы он следовал В. Б. Антоновичу, считая лишь, что никакого завоевания Литвой русских земель не было: «Прибегать к завоеваниям не было никакой необходимости там, где гнетущие бытовые условия старого времени, volens-nolens, должны были заставлять русские земли и русских князей вступать в союз, а затем и добровольно подчиняться власти сильных и энергичных литовских вождей» [83]. Это рассуждение алогично, ибо трудно говорить о добровольном подчинении в «гнетущих» условиях.

В соответствии со своим народническим взглядом на древнюю Русь Ф. И. Леонтович трактует и вопросы истории сословий и государственных учреждений в Литве. Автор отрицает существование в Литве сословий до унии. По его мнению, «рыцари и milites на деле представляли собой переживание от старого дружинного строя славян» [84]. В составе населения «литовско-русских» земель «старые бояре и слуги представляли б ы т о в ы е э л е м е н т ы, из каких позже в Литве с конца XIV в., в русских землях с конца первой половины XV в., стал слагаться постепенно строго сословный замкнутый строй литовско-русского шляхетства» [85]. Он вовсе не отрицает, что «крупные землевладельцы, составлявшие высший класс в литовском населении, существовали уже в XII в.», но дело в том, что они, как и русские бояре, дети боярские и слуги, жили якобы «наравне с остальным населением на общем земском праве» [86], как это, по его мнению, «неопровержимо доказывается компетентными исследователями русской старины» [87]. Он признает, что боярство стремилось занять первенствующее положение, что это вызывало борьбу, которую он называет классовой, но борьба эта шла в обществе бессословном, т. е. бесклассовом: «Классовая борьба и антагонизм, несомненно имевшие место в старое время в политическом быту восточной и западной Руси, на наш взгляд, могут именно служить лучшим показателем того, что старый народный «обычай» не признавал за тем или другим классом каких-либо особых прерогатив и прав в сфере не только публичных, но и частноправовых отношений» [88]. Так традиционные схемы русской истории налагали свою печать на разработку истории литовской.

---

[82] Ф. И. Л е о н т о в и ч$_2$, стр. 5.
[83] Там же, стр. 276.
[84] Ф. И. Л е о н т о в и ч$_6$, стр. 221.
[85] Там же, стр. 222.
[86] Там же, стр. 224.
[87] Там же, стр. 231.
[88] Там же, стр. 230.

Автор делает следующее смелое утверждение: «В старых литовско-русских актах и других источниках не находим никаких непреложных указаний на присутствие в быту местных бояр и слуг каких-либо сословных элементов и признаков, намечавших собою особые прерогативы и права служилых классов и выделявших их из состава остального населения страны. Права литовско-русских бояр и слуг в сфере политической и частно-правовой жизни народа, до появления шляхетских привилеев, мало чем рознились от прав других свободных классов» [89]. Полемизируя с М. В. Довнар-Запольским, который думал иначе и считал, что старое литовское боярство имело права «в силу обычая», а затем превратило их в права сословные, закрепив их великокняжескими привилеями [90], автор считает это мнение «голословным сплошным недоразумением» [91].

Общий вывод Ф. И. Леонтовича о судьбах сословного строя на Руси и в Литве сформулирован так: «Неволя (сначала татарская, потом московская) Восточной Руси разрешила боярский вопрос в смысле сословной зависимости и бесправия, превратила старое свободное боярство в безвольный класс «царских холопов, людишек», неволя (польско-немецкая) Литвы-Руси разрешила тот же вопрос в противоположном направлении — превратила старое боярство в не зависевший ни от кого класс суверенного шляхетства, экспроприировавшего весь комплекс прерогатив верховной власти и в лице своих членов — крупных и мелких землевладельцев, — слагавшегося из «господарей», с безграничным «панством» (jus ducale) над плебейством, хлопством — остальным населением Речи Посполитой» [92].

В соответствии с таким взглядом на историю сословий в Литве находится и трактовка Ф. И. Леонтовичем истории тамошних государственных учреждений. В Литовском государстве, «в старое время боярская дума или рада вовсе не имела особого политического значения, не играла роли самостоятельного политического учреждения, участвовавшего наравне с князем во всех функциях государственной власти. Нарядниками и верховными судьями, по старому обычаю, являлись сами князья великие и удельные; лишь в тех случаях наряда и суда, когда дело шло о важнейших государственных интересах и о соблюдении при этом народной «старины», мало известной князьям, они призывали для совета «лучших людей» — знатоков данной старины, как из среды местных бояр, так и из других классов населения, пользовавшихся в этом отношении

[89] Ф. И. Леонтович₆, стр. 229.
[90] М. В. Довнар-Запольский₂, стр. 58; 70, 86.
[91] Ф. И. Леонтович₆, стр. 229.
[92] Там же, стр. 231.

доверием князей». На таких основаниях функционировала дума литовских господарей до начала XV в.[93] Паны радные, думные бояре — вовсе не представители господствующего сословия, они — всего-навсего «вещатели и хранители правды»[94]. Все это писалось уже в 1907—1908 гг. За пятьдесят лет творчества Ф. И. Леонтович мало продвинулся вперед в вопросах политической экономии. Надо добавить, что консервативным концепциям соответствовал весьма низкий источниковедческий уровень его работ; он произвольно и некритически подбирал и группировал источники, относящиеся к разным периодам и разным территориям. Для доказательства литовской бессословности у него равно шли в дело и документы жмудские XV в. и превратно понятые сведения Волынской летописи о «поповом внуке» и людях «от племени смердья».

Другой исследователь литовского права, М. Ф. Владимирский-Буданов, занимался более поздним периодом литовской истории, но некоторые его соображения должны быть нами учтены. Автор полемизировал с Н. П. Дашкевичем, который видел в древней Литве «феодализм», т. е. вассалитет с обязательной службой князю, и полагал, что он был уничтожен унией, ибо в Польше подобной зависимости не было, и, уравняв литовских бояр с польскими, князья ликвидировали и «феодализм»[95]. М. Ф. Владимирский-Буданов полагает нечто противоположное — унии не уничтожили феодализм, а, напротив, привнесли его в Литву, ибо привилеи Ягайла сравняли поместные владения с вотчинными, даровав тем и другим jus ducale, хотя и неполное[96].

Справедливо отметив сходство земских грамот русских городов, находившихся под властью Литвы, с договорными грамотами Новгорода, автор не смог правильно проанализировать их смысл и понять их место в литовской политике на русских землях. Этому помешал его общий взгляд на русский город как бессословный, общинный. «Стремление выделить себя из остальной массы городского населения лишь тогда проявляется в больших городах западно-русских,— пишет М. Ф. Владимирский-Буданов,—когда через шляхетские жалованные грамоты стали проникать в Западную Русь западно-европейские понятия»[97]. Значительную научную ценность имела хорошо доказанная автором мысль о том, что ошибочна точка зрения польской националистической историографии о якобы полном запустении Украины после татаро-монгольского нашествия;

---

[93] Ф. И. Леонтович₅, стр. 132.
[94] Там же, стр. 122; ср. Ф. И. Леонтович₇, стр. 54—55, 62.
[95] М. Ф. Владимирский-Буданов₁, стр. 54—55.
[96] Там же, стр. 56—57.
[97] Там же, стр. 113.

собранный автором материал облегчает понимание литовской политики в этой части бывших древнерусских земель.[98]

Общий взгляд исследователя на историю «литовско-русского права» сходен с концепцией Ф. И. Леонтовича. По его мнению, «древняя эпоха западно-русского права представляет темную загадку именно по отношению прав имущественных на землю» [99]. Своеобразно толкуя смысл общегосударственных привилеев, он приходит к заключению, что до первого Статута (1529 г.) «право собственности на земли не принадлежало никому» [100]. Из этого историками делался вывод, «что литовское нашествие обратило всю государственную территорию в военную добычу литовских князей; каждый частный собственник мог владеть только по воле и милости князя; собственность сделалась условной, мнимой; утвердились феодальные порядки» [101].

М. Ф. Владимирский-Буданов, хотя и ошибочно понимал феодализм, справедливо возражал: «...объяснение феодализма здесь из факта завоевания должно быть признано так же неверным, как такое же объяснение подобного явления в Западной Европе» [102]. Позднее, занявшись историей «поместного права», он собрал частные акты и доказал, что как бы ни толковать общие привилеи, в реальной жизни были налицо и поместье, и выслуга, и держанье. Под внешним покровом пожалованья он вскрыл право собственности: «...ныне право собственности характеризуется преимущественно правами распоряжения, но мы видели также, что имение, данное в поместье под условием службы, может быть и было передаваемо помимо наследства, шло в пожизненное пользование вдов, могло быть куплено и продано, променено и подарено, хотя и оставалось поместьем, держаньем, выслугой» [103]. И только непонимание сути феодальной расчлененной собственности понудило М. Ф. Владимирского-Буданова сделать излишне осторожный вывод, что «много имуществ в XIV и XV ст. имели уже (так! — *В. П.*) характер, приближающийся к свойствам права собственности» [104]. Для современного исследователя Литвы и этот вывод и ценнейший материал, собранный автором, имеют то значение, что в сопоставлении с данными XII—XIII вв. позволяют полнее воссоздать общую картину истории феодальной собственности.

---

98 М. Ф. Владимирский-Буданов$_2$, стр. 1—85.
99 М. Ф. Владимирский-Буданов$_3$, стр. 1.
100 Там же.
101 Там же, стр. 2.
102 Там же, стр. 2—3.
103 Там же, стр. 49.
104 Там же, стр. 50.

Не менее интересные результаты дало и исследование на гродненских актах XVI в. «семейного права». Выясняя историю «обычного права в применении к семейным отношениям» [105], М. Ф. Владимирский-Буданов обнаружил интересные черты длительного существования древних следов власти отца и мужа [106], которые могут быть полезны при анализе данных XIII—XIV вв.

Наконец изучение форм крестьянского землевладения в Западной России также дало ценный материал. Исходный взгляд исследователя оставался традиционным, а именно, что до половины XVI в. «сельское население пользовалось всеми теми правами землевладения, какие были доступны и всем другим свободным классам, т. е. под условием исполнения повинностей» [107]. Автора не смущало (как и поныне не смущает это, скажем, Г. Вернадского), что у большинства владение землей связано с личной подневольной работой, с необходимостью пахать землю, строить замки и дороги, кормить и одевать всех, а «повинность» меньшинства состояла в том, чтобы принуждать их к этому; правда, на всех падала обязанность участия в войне, но здесь тоже не хотели видеть, что чем богаче был воин, тем меньше угрожал ему удар вражеского меча и копья.

Когда читаешь этот труд М. Ф. Владимирского-Буданова и многие другие, не можешь отделаться от впечатления, что неправильный угол зрения на предмет во многом зависел от неразработанности древнейшего периода истории Литвы. Дело не шло дальше робких догадок о возможности зарождения крепостничества до XVI в.[108] Можно удивляться тому, что русские акты не сопоставлялись с давно опубликованными литовскими и прусскими, что игнорировался зарубежный опыт буржуазной экономической истории, не говоря уже о марксизме, но факт непреложен: господствовала формально-юридическая концепция, согласно которой права крестьянина-тяглеца, как и права служилого человека, равно ограничены в пользу надклассового государства.

В рамках этой концепции М. Ф. Владимирский-Буданов, рассмотрев «повинностный характер» крестьянского землевладения и права крестьян «на приобретение земельных имуществ и распоряжение ими», пришел к выводу, что «крепостное состояние есть результат мер, направленных к признанию права собст-

---

105 М. Ф. Владимирский-Буданов$_4$, стр. 1.
106 Там же, стр. 1, 18, 32.
107 М. Ф. Владимирский-Буданов$_6$, стр. 13.
108 Там же, стр. 91.

венности на крестьянскую землю за государством, панами и боярами» [109]; такой подход к делу помог автору собрать материал, касающийся прав наследования, разработки, купли-продажи, заставы, пожалования земель в среде крестьян, ценный и для исследователя, иначе понимающего и датирующего генезис феодальной собственности. Интересно и наблюдение о тяглой службе как признаке «мужичества» [110].

Виднейший представитель украинской буржуазной историографии М. С. Грушевский специально не исследовал вопрос об образовании Литовского государства; однако он ввел в научный оборот обширный материал по истории взаимоотношений Литвы с землями галицко-волынскими, а также по истории включения украинских земель в состав Литовского великого княжества. Далеко не со всеми его выводами можно согласиться, поскольку они обусловлены его методологическими позициями и усугублены концепцией украинского буржуазного национализма (например, вывод о бессословности Украины после татарского нашествия, оценка им исторической роли Русского централизованного государства и т. п.). Но следует признать, что в смысле полноты конкретного материала эти проблемы разработаны М. С. Грушевским весьма тщательно.

М. С. Грушевский разделял тот взгляд, что государство в Литве было «в весьма значительной мере» созданием («утвором») Миндовга, хотя и «подготовленным предшествующей политической эволюцией литовских племен» [111]. Несомненной заслугой автора была широкая характеристика политического положения юго-западных земель под боярским самовластьем XIV в. и отношений их с соседними странами. М. С. Грушевским собран обильный материал об условиях, при которых эти земли попали под власть Литвы, позволяющий лучше понять характер и формы литовского наступления на русские, украинские и белорусские земли.

Но сам М. С. Грушевский не дал правильной оценки этому явлению. Для него Литовское великое княжество было таким же политическим и культурным наследником древней Руси, как и великое княжество Московское. Захват древнерусских земель Литвой в XIV в. имел, по его мнению, характер не завоевания, а присоединения, собирания земель русского государства, подобно тому, как это происходило при князьях X—XII вв.[112] Об этом М. С. Грушевский писал в традициях

---

[109] М. Ф. Владимирский-Буданов$_6$, стр. 13.
[110] Там же, стр. 17.
[111] М. С. Грушевський$_1$, т. IV, стр. 9.
[112] Там же, стр. 98.

тогдашней российской историографии; разница лишь в том, что русские историки говорили о русском характере Литвы, а М. С. Грушевский — об ее украинском характере, в котором и заключалась причина успехов Литвы в период до унии с Польшей [113].

Крупными досоветскими исследователями древней Литвы были А. Е. Пресняков и М. К. Любавский. Первый из них читал специальный курс по истории Западной Руси и Литовско-Русского государства, сохранившийся в записи 1908—1910 гг. Об образовании Литовского государства им было высказано несколько соображений. Он шире использовал немецкие источники, но заметил, что и в них неясно выступает «начальная стадия процесса, положившего основание более сложной политической организации» в Литве. А. Е. Пресняков был прав, когда писал, что «энергичные и бурные выступления литвинов во второй половине XII в. заставляют подозревать, что в их среде произошли крупные организационные перемены» [114], заставляют предполагать «возникновение союза мелких сил княжих под руководством временной или постоянной великокняжеской власти» [115].

Для А. Е. Преснякова государство —это великокняжеская власть; Миндовг — ее представитель строит государство. Это здание, «сооруженное силою Миндовга»[116], притом не на литовской, а на чужой земле,— «здание первой литовской государственности было построено на русской (исторически и этнографически русской) территории» [117], Кроме того, «начала организации, военного дела, культуры, нужные для разрешения политических задач, были унаследованы строителями литовской государственности у русской народности, точнее, не унаследованы, а восприняты, вместе с вовлечением русских сил, признававших литовскую власть, в общую творческую деятельность» [118].

А. Е. Пресняков, как и его предшественники, отмечает общую отсталость литовцев, быстрое объединение их в ходе борьбы на западе и на востоке, «создание» государства Миндовгом и спешит перейти к материалам XIV в. Естественно, что при таком подходе к решению вопроса быстрое укрепление Литовского великого княжества в XIII в. представлялось загадочным или, как писал А. Е. Пресняков, «тайный для нас период литовской истории (1282—1316) завершается выступ-

[113] М. С. Грушевський₁, т. IV, стр. 57, ср. стр. 99.
[114] А. Е. Пресняков₂, стр. 45—46.
[115] Там же, стр. 46.
[116] Там же, стр. 47.
[117] Там же, стр. 53.
[118] Там же.

лением крепко сплоченного государства под нераздельной властью Гедимина»[119].

Наиболее крупным представителем отечественной досоветской литванистики был М. К. Любавский, перу которого принадлежит серия фундаментальных трудов по истории Литвы. Его творчество сосредоточено на более поздних этапах литовской истории, но высказанные им суждения по истории отдельных сословий и их учреждений, а также общая концепция литовской истории, должны привлечь наше внимание. В своем «Очерке истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавский, подводя итог развитию русской древней литванистики, пришел к неутешительному выводу: «...в научной литературе не имеется легко обозримого труда, который бы так или иначе сводил воедино результаты специальных исследований и давал бы известную общую концепцию литовско-русской истории»[120].

В какой мере самому М. К. Любавскому удалось восполнить этот пробел? Для ответа на этот вопрос рассмотрим основные идеи труда М. К. Любавского. Прежде всего — как образовалось Литовское государство? По этому вопросу автором высказан ряд верных суждений. Так, например, он полагал, что «история Литовско-Русского государства является в известном смысле прямым продолжением, дальнейшим развитием истории Киевской Руси»[121] и поэтому «изучение литовско-русской истории является одним из средств к углублению понимания русского исторического процесса в древнейший его период». Мысль в общем верная[122], если иметь в виду историю русских земель, подвластных Литве. Следовало бы еще добавить, что эта тема важна и для последующего времени — для изучения внешнеполитических условий образования Русского централизованного государства.

Содержательны суждения М. К. Любавского о давнем развитии в Литве имущественного и социального неравенства. Общественный строй древней Литвы — это оседлые округа — общественные союзы (будущие волости), которые, по-видимому, развились из родственных союзов[123]. Родичи «размножились, утратили чувство родственной близости, поделили землю, при-

---

[119] А. Е. Пресняков$_2$, стр. 55—56.

[120] М. К. Любавский$_4$, предисловие.

[121] Там же, стр. 2.

[122] В более категорической и менее точной формулировке ее высказывали и ранее: «именно литовская, а не московская, половина Руси полнее восприняла, сохранила и развила традиции древнерусской жизни», именно она «Литовская Русь, явилась, в существенном, прямой наследницей великокняжеской и удельной Киевской Руси» (см. А. Ефименко$_1$, стр. 106).

[123] М. К. Любавский$_4$, стр. 8—9.

няли в свою среду чужеродцев и в таком виде продолжали жить под одной властью, действовать сообща и солидарно в отношениях к соседним общинам»[124]. Особенного внимания заслуживает следующее соображение автора: в конце XII — начале XIII в. «мелкие общественные союзы литовцев были в большинстве несомненно уже чисто политическими соединениями. В литовских волостях мы замечаем разделение земель, неравенство имуществ и в связи с этим неравенство социально-политическое»[125].

Много верного и в характеристике литовских нобилей: «очень может быть, что некоторые из них были потомками родовых старейшин, происходивших из старших линий разросшегося рода — nobiles, die eldesten. Но чаще всего, по всем признакам, это были вожди, избираемые народом или навязавшиеся ему силой, крупные землевладельцы, имевшие укрепленные усадьбы со множеством челяди, скота, хозяйственных припасов и оружия»[126]. К XII в. «литовцы стали соединяться в крупные общества и привыкли ходить на войну большими партиями, разлакомились (так! — *В. П.*) добычей и начали уже промышлять войной»; появился и «имелся налицо класс, соответствующий германской и славянской дружине». Экономические условия возникновения этого класса М. К. Любавский не анализирует.

По вопросу о возникновении государства автор не отошел от старого взгляда, и для него непреложен примат внешнего фактора. Волостные вожди «для обороны и нападения» соединяются в союзы, кроме того, русские и польские походы на Литву в XI—XII вв. также «не остались без влияния на ее внутренний быт, вызвали в ней тенденцию к политическому объединению»[127]. Во главе объединения литовской знати встали наиболее могущественные ее представители, в том числе — Миндовг. «При сильно развитом чувстве самосохранения», его власть «приобретает общее и прочное признание», его «дело» было «прочно налажено, удовлетворяло общей потребности, находило себе общее сочувствие в Литве»[128].

Слов нет, Миндовг — прогрессивный деятель, но из изложения М. К. Любавского выходит, что в стране, где землевладельческая знать либо по традиции, либо насилием навязала свою власть народу, глава ее правит в интересах всего народа, т. е. власть Миндовга — это равное выражение интереса и князей, и бояр, и крестьян, и челяди, и холопов. М. К. Любавский не сомне-

---

[124] М. К. Любавский$_4$, стр. 9.
[125] Там же.
[126] Там же, стр. 10.
[127] Там же, стр. 18.
[128] Там же, стр. 12.

вался, что литовский народ был до Миндовга, но он не заинтересовался тем, как случилось, что этот народ начал пахать землю на бояр и князя, содержать их вместе с дворней, воевать в их войске, судиться в их суде. А для этого было необходимо, чтобы часть крестьян превратилась в нобилитет, экономически возвысившись над остальными земледельцами, а затем довершила подчинение последних с помощью государства, т. е. своего войска, суда, управления и пр. Весь этот процесс остался за рамками книги М. К. Любавского.

Не порвал М. К. Любавский и с традиционным взглядом на «феодализм», напротив, если некоторые историки находили его в древней Литве, то он, относя раздробление государственной власти между землевладельцами и появление системы частного подданства к XV в., лишь для этого времени решается говорить об «элементах феодализма» [129].

В его изложении история сословия земельных собственников и история государства — это разные явления. Он писал: «Значительная землевладельческая аристократия, которая впоследствии (почему только впоследствии? — *В. П.*) играла такую важную роль в политической жизни великого княжества Литовского, родилась одновременно с этим государством» [130]. Но, спрашивается, что есть государство? Если это великий князь, то он — из аристократии; суд и рада — тоже возглавляются не холопами; во главе войска стоят богатейшие нобили и т. д. Автор не смог понять, что государство — аппарат власти одного класса над другим, и потому не смог и объяснить его образование внутренними условиями. Дело сведено к всесилию князя. Миндовг унаследовал от отца большие владения и потому естественно «стал во главе Литовской земли», а «с захватом владений и имущества самых могущественных князей» сделался «полным господином положения в Литве»[131]. Подчеркнута и роль Черной Руси, центр которой Новогородок «сделался обычным его местопребыванием». Из этой Руси Миндовг «почерпал, по-видимому, немало сил в борьбе с своими врагами» [132]. С другой стороны, Литва подчиняет Русь,— заколдованный круг вновь замыкается. Иначе и не могло быть, ибо литовский народ как решающий фактор не принимался во внимание.

Пытался М. К. Любавский выяснить и еще один сложный вопрос: почему «собирателем Западной Руси явилась иноплеменная, а не своя национальная политическая сила» [133]. Он

---

[129] М. К. Любавский$_4$, стр. 132.
[130] Там же, стр. 15.
[131] Там же, стр. 13.
[132] Там же.
[133] Там же, стр. 26.

выдвинул мысль, что Литовско-Русское государство «строилось» «частью завоеванием», а «частью путем добровольного присоединения»[134]. Успех Литвы он объяснял так: «Мы должны прежде всего отметить национально-политическое объединение Литвы, вызванное ее напряженной борьбой с соседями в XII и XIII вв., сосредоточение ее сил, и наряду с этим политическое раздробление Западной Руси... на отдельные земли и мелкие владения, утратившей политический центр, вокруг которого могли бы группироваться ее политические силы»[135]. Факт отмечен правильно, но упущена классовая природа власти в Литве и на Руси, упущен этнический состав господствующего класса в Литовском великом княжестве и потому сделан вывод (сходный с выводом М. С. Грушевского): «...объединение западно-русских земель вокруг Литвы было в сущности восстановлением разрушенного политического единства киевской эпохи, нахождением утраченного политического средоточия. Разница была лишь в том, что это средоточие теперь, в силу исторических обстоятельств, поместилось на р. Вилии, а не на Днепре, как это было в конце IX в.»[136].

Высказался М. К. Любавский и о внутренней структуре Литовского великого княжества и его характерных особенностях, приведших его к унии с Польшей. Великое княжество Литовское — это «скороспелое объединение», представлявшее собою «конгломерат земель и владений, объединенных только подчинением верховной власти великого князя»[137]. Порывая с историографической традицией, М. К. Любавский отрицает существование здесь удельной системы, подобной русской, и, кроме того, утверждает, что «княжеская власть Гедиминовичей долгое время носила преимущественно военно-политический, а не гражданский характер»[138]. Этот вывод неизбежен при невнимании к гражданской, социально-экономической истории, при отрыве политики от экономики.

Справедлива оценка М. К. Любавским унии, она — не злой рок и не простой результат происков польских панов, но и следствие внутреннего ослабления Литовского великого княжества; прав он и в том, что не уния создала влиятельный и могущественный класс литовского панства, сеймы, раду и пр. Но уния, «оказав поддержку самому существованию великого княжества как государственного союза, закрепила вместе с тем результаты его предшествующего социально-политиче-

---

[134] М. К. Любавский$_4$, стр. 32.
[135] Там же, стр. 32—33.
[136] Там же, стр. 34.
[137] Там же, стр. 34—35.
[138] Там же, стр. 41.

ского развития и оформила их, наложив на них клеймо польской государственности»[139].

Итак, при всех заслугах М. К. Любавского, его труду присущи недостатки, типичные для досоветской отечественной литванистики в целом. Во-первых, труд М. К. Любавского — это не история Литвы, а новый вариант истории «Литовско-Русского» государства. Во-вторых, эта история дана в отрыве от истории хозяйства, производства страны. В-третьих, в книге М. К. Любавского отсутствует органическая связь истории образования государства с историей общества — семьи, сословий, классов. Наконец, в труде М. К. Любавского вовсе не отражена история борьбы литовского народа с немецкой и папской агрессией. К этому нужно добавить, что в сводном курсе М. К. Любавского (в силу характера самого труда) нет анализа источников и историографии вопроса.

Таковы основные исследования по литовской истории. Поразительно то, что русская историография трудилась почти в полном отрыве от польской и немецкой и, строя свои выводы на отечественных источниках, упускала из виду многочисленные собственно литовские, а также иностранные материалы.

Но если старая историография оказалась не в состоянии не только решить, но и сколько-нибудь удовлетворительно поставить проблему образования Литовского государства, то все же ее история вовсе не была только историей заблуждений. Ею сделано немало[140]. В перечисленных выше трудах собран значительный материал по истории литовско-русских отношений, сделана попытка охарактеризовать их влияние на развитие самостоятельных русских княжеств периода феодальной раздробленности и начального этапа образования Русского централизованного государства.

Кроме того, в досоветской историографии специально исследовались отдельные вопросы истории древней Литвы и были получены выводы, на которые мы будем иметь возможность ссылаться ниже. Достаточно назвать работы по археологии Ф. В. Покровского и А. А. Спицына, по этнической истории — Е. Ф. Карского и А. Л. Погодина; по церковно-политической истории — В. Васильевского, А. С. Павлова, М. Сперанского, М. Д. Приселкова. Особого внимания заслуживают публикации летописных источников (включая и литовско-русские летописи) и источниковедческие исследования по литовскому летописанию И. А. Тихомирова, Ф. Сущицкого и особенно А. А. Шахма ова.

---

[139] М. К. Любавский$_4$, стр. 59. Оценку тогдашней польской историографией книги М. К. Любавского см. в статье A. Prochaska$_6$, str. 30—54.

[140] Ср. S. Zajączkowski$_{16}$, S. 140.

Наконец, существенным подспорьем для изучающего историю Литвы служат монографии, созданные главным образом представителями украинской науки, по истории отдельных княжеств, имевших более тесные связи с Литвой — Галицкого (Н. П. Дашкевич, И. Линниченко), Волынского (А. М. Андрияшев), Турово-Пинского (А. С. Грушевский), Киевского (М. С. Грушевский, П. Г. Клепатский), Черниговского (Р. В. Зотов, Д. Багалей), Подольской земли (Н. Молчановский), Смоленского (П. В. Голубовский), Полоцкого (В. Е. Данилевич, А. Сапунов), Тверского (В. С. Борзаковский) и др.[141] В методологию изучения литовской истории эти труды, по сравнению с рассмотренными выше исследованиями, ничего нового не вносят.

Последним, кто высказался по истории древней Литвы, был Н. А. Рожков. Почти через сто лет после Н. М. Карамзина он писал: «...духовное, психическое состояние литовского общества до того времени, как оно вступило в прочную связь с русской народностью — до 14 в.,— отличалось крайней аморфностью соответственно примитивным условиям материальной культуры. Это выступает на вид с особенной ясностью, если обратить внимание на таких людей, как первый объединитель Литвы Миндовг и сын его Войшелк. Оба в сущности были полулюдьми - полузверями. Над ними всецело господствовал инстинкт» и т. д.[142] Какова бы ни была позиция Н. А. Рожкова позднее[143], в его словах звучит последний голос уходящей в прошлое великодержавной историографии Литвы. После Великой Октябрьской социалистической революции великодержавные взгляды стали достоянием зарубежных эмигрантских кругов[144].

2. ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Польская дворянско-буржуазная историография много сделала для разработки истории древней Литвы. Связанное с ростом революционного движения в Польше развитие национальной общественно-политической мысли пробудило около середины XIX в. интерес к истории польского народа, к выяснению исторической роли Польши. Вместе с тем борьба литовского народа, который пытался освободиться от гнета русских

---

[141] Подробнее старую историографию см. в работах В. С. Иконникова и С. Балтрамайтиса. Не касаемся здесь разного рода научно-популярных и официозно-«просветительных» работ, вроде книг П. В. Кукольника, П. Д. Брянцева и т. п.

[142] Н. А. Рожков$_1$, стр. 285.

[143] Ср. Н. А. Рожков$_2$, стр. 268.

[144] См., например, И. Лаппо$_1$, стр. 96 и др.

и польских крепостников, выдвинула перед польскими историками также и другую задачу — изучение литовского прошлого, которое было тесно связано с польской историей.

Несмотря на сравнительную скудость материалов и низкий уровень источниковедения, созданные в то время обобщающие труды И. Лелевеля, а также группы вильнюсских историков — М. Балиньского, И. Крашевского, И. Ярошевича и других — были шагом вперед. Это были первые самостоятельные курсы истории Литвы, которой не нашлось места в тогдашней русской историографии. Эти труды были проникнуты духом польского дворянского национализма. В настоящее время они могут представлять лишь историографический интерес.

Круг вопросов, изучавшихся в польской историографии новейшего времени, достаточно обширен, правда, в центре этого круга находились личности «создателей» Литовского великого княжества — Миндовга и Гедимина.

Польские историки широко изучали актовые, летописные и житийные источники (А. Прохаска, К. Ходыницкий, К. Малечыньский); ими введены в научный оборот археологические данные, в частности, по истории Виленщины (В. Антоневич, В. Голубович), Гродно, Дорогичина (И. Иодковский) и Жемайтии (М. Матлаковна). Особенно много для литовской археологии сделал Л. Крживицкий, немало поработал в этой области В. Шукевич. Ввиду скудости источников пристальное внимание историков привлекла также генеалогия литовских князей, и были получены выводы, облегчающие понимание некоторых вопросов политической истории (И. Вольфф, И. Пузына); в разработке литовской нумизматики, геральдики и сфрагистики наука многим обязана трудам В. Семковича и М. Гумовского.

Своеобразная и яркая идеология литовского язычества нашла своих исследователей в лице А. Мержиньского, а также Ф. Буяка и других.

Специальным изучением христианизации Литвы плодотворно занимался В. Абрагам.

Большое место в польской историографии уделено истории внешнеполитических условий образования Литовского государства, истории взаимоотношений древней Литвы с ее западными и восточными соседями. Начатая трудами В. Кентжиньского и Ф. Дуды разработка истории прусско-польских отношений была продолжена К. Тыменецким, К. Гурским, С. Куйотом, Г. Лабудой, Ю. Карвасиньской; специально истории пруссов посвящены работы К. Бучека и, в частности, истории ятвягов — исследование И. Гумницкого. Эта разработка не привела, однако, к созданию обобщающих исследований проблемы за длительный период, если не считать этюдов

Л. Коланковского по литовско-прусским и Ф. Буяка да В. Каменецкого — по истории литовско-немецких отношений. Ранние исследования Б. Влодарского, посвященные польско-русским отношениям, ценные сами по себе, помогают лучше понять внешнеполитические условия образования Литовского государства. Много сделано польскими учеными (А. Беловским, Т. Дзяльыньским, А. Прохаской, И. Фиялеком, В. Семковичем и др.) и для издания источников, в том числе по истории древней Литвы. Разнообразные виды источников и выводы исследователей были обобщены и синтезированы в трудах наиболее крупных ученых.

Автор фундаментального исследования по истории Жемайтии С. Заянчковский написал серию работ, характеризующих литовско-польские, а также польско-немецкие и польско-русские отношения; занимался он и историей ятвягов. Его перу принадлежат несколько историографических обзоров польской литванистики, полезных специалисту. Восточная политика Литвы явилась главной темой исследований Г. Пашкевича, который также ввел в науку значительный свежий материал по истории правления Миндовга (первоначально эти сюжеты разрабатывали И. Латковский и С. Смолька), его предшественников и преемников, включая Гедимина.

Проблема образования Литовского государства была поставлена в польской науке в 1915 г. В. Каменецким. Его попытка решить ее достойна упоминания. Он высказал несколько интересных соображений, и сама его неудача весьма показательна.

Вопреки принятому тогда взгляду он заявил, что успех Миндовга, которого следует признать создателем государства [1], был «подготовлен многими веками предшествующего развития» страны; усилия этого князя «совпали с назревшей потребностью народа и общества» и потому выдержали испытание времени, не превратившись в кратковременную удачу «гениальной индивидуальности» [2]. Автор высказал убеждение в однотипности общественного строя пруссов и литовцев; он подчеркнул значение соприкосновения литовцев с Русью, в которой они нашли готовые образцы государственности [3]. Он отметил также, что латыши и пруссы своим сопротивлением Ордену облегчили Литве борьбу за независимость [4].

Вместе с тем В. Каменецкий свел образование Литовского государства к воздействию внешних факторов, к насилию, сдобрив свою концепцию большой долей фантазии. Принимая

---

[1] W. Kamieniecki$_2$, str. 52.
[2] Ibid.
[3] Ibid., str. 50.
[4] Ibid., str. 51.

на веру предание о прибытии литовцев в Повислинье из-за моря и их расселении в Понеманье и Подвинье, он считал, что эта литовская первобытная орда была руководима «скорее простым инстинктом, чем сознательной, целеустремленной волей» [5].

Жителей древней Литвы он делил на кочевников-скотоводов и пахарей; следы первых он усматривал в литовских набегах на Русь; пахари жили оседло на земле, бывшей в индивидуальном владении семей [6]. Поскольку земли и леса было много, «не было ни малейшего основания» для возникновения родовой или общинной организации, известий о которой, по его мнению, в источниках нет. Индивидуализированное оседлое земледельческое общество воспроизводило себя без всяких перемен из поколения в поколение. С мертвой точки его сдвинуло только завоевание кочевниками-скотоводами и охотниками, у которых наличествовала концентрация больших сил в руках главы рода и которые в борьбе с хищными обитателями лесов «выработали в себе рыцарскую закалку и усовершенствовали свое оружие» [7].

В результате столкновения земледельцы были подчинены кочевникам и стали платить им дань. Единственным основанием для этого смелого построения автору служит сообщение Вульфстана о том, что у пруссов богатые люди пили кобылье молоко, а бедные и рабы — мед. Автор делает теоретическое допущение, что в момент столкновения кочевников с оседлыми «возникает государство, с его необходимыми элементами: территорией, подчиненными и господствующими» [8].

В. Каменецкий утверждал, что «самым ранним путем к приобретению власти было насилие, принуждение, личная воинственность, умение организовать группу сторонников и подчинить с их помощью массу» [9]. С течением веков, видимо уже под властью кочевников, возникали богатые, «старцы», вече и пр. Экономическая сторона этого процесса выпала из поля зрения автора; источник государственности он видел в появлении у руля человека «с сильным инстинктом власти», который, будучи созидателем династии, первоначально на незначительной территории «смелой рукой разрушал старые родовые порядки, распускал или ограничивал вече «старцев» и добытое государство завещал потомкам как собственность уже не рода, а одной династической семьи» [10]. В результате столкновения ко-

[5] W. Kamieniecki$_2$, str. 15.
[6] Ibid., str. 22.
[7] Ibid., str. 25.
[8] Ibid., str. 26.
[9] Ibid.
[10] Ibid., str. 29.

чевников с оседлыми возникли, главным образом в южной Литве, паны литовские. Другой источник формирования знати, относящийся преимущественно к Жемайтии,— вторжения норманнов, которые положили «сильную печать на дальнейшее литовское развитие»[11]. Из скудных сведений о набегах норманнов на Подвинье автор сделал вывод о возникновении в Жемайтии мелких государств норманских кунигасов. В результате их трансформации возникли кунигасы литовские[12].

Когда на севере под норманским влиянием складывались мелкие государства, с юга на Литву двинулись славяне[13]; со стороны Киева в XI в. Литве якобы грозила судьба, постигшая пруссов в XIII в.[14] Под давлением славян «мозаика мелких княжений» должна была почему-то слиться воедино в Литовское государство[15]. Так мыслил себе В. Каменецкий многовековую историческую подготовку общества к восприятию созидательной государственной деятельности Миндовга. Неуспех попытки В. Каменецкого решить сложную проблему коренится в том, что автор покинул почву исторических фактов, а главное — игнорировал социально-экономическую основу исторического процесса.

Каковы же выводы, полученные польскими историками по интересующей нас проблеме? Прежде чем говорить об этих выводах, надо учесть следующее.

Политическая борьба вторгалась в польскую историографию столь же неодолимо, как и в русскую. Какой остроты достигала борьба, можно видеть, например, из сборника «Polska i Litwa w dziejowym stosunku» (1914 г.), посвященного пятисотлетию Городельской унии. Он был направлен против идей национального освобождения и самоопределения Литвы. Часть польской буржуазной интеллигенции, страдавшей под гнетом царских русификаторов, когда были оспорены «исторические права» польских панов и буржуазии в Литве,— забила тревогу.

В предисловии к этому сборнику В. Барановский так и писал: «...общественная жизнь и жизнь духовная двух народов, живущих на одной земле — в опасности». Лжепроповедники и фанатики совращают души темных людей, чернят «минувшую совместную жизнь Польши и Литвы, представляя ее не как союз, основанный на свободе и равенстве, но как коварное посягательство на самостоятельность литовского народа. Эта гнусная ложь встречает доверие. Даже лишь вчера с трудом возникшая

---

[11] W. Kamieniecki$_2$, str. 34.

[12] Ibid., str. 42. Ср. W. Kamieniecki$_4$, str. 59—60 (боярство было создано великокняжеской властью).

[13] Ibid., str. 44.

[14] Ibid., str. 48.

[15] Ibid., str. 50.

литовская интеллигенция принимает эту ложь за чистую монету и поддается подлому внушению, не ведая, где его источник»[16]. Сборник имел цель «просветить» темных людей, привести факты из истории, ибо, как известно, historia est magistra vitae.

Период империализма характеризуется постоянным интересом польской исторической науки к прошлому Литвы; этот интерес усилился после краха царского самодержавия, победы Великой Октябрьской социалистической революции и образования буржуазно-помещичьей Польши; особенно же возрос он с захватом войсками маршала Пилсудского литовской столицы Вильнюса (1920 г.). Значение литовской тематики было подчеркнуто пятым съездом польских историков (1930 г.).

Польской историографии, возникшей в условиях господства русского самодержавного строя, дворянский, а затем буржуазный национализм мешал объективно освещать прошлое Литвы, пожалуй, не меньше, чем русским дореволюционным историкам шовинизм великодержавный. Агрессивная политика польских панов и буржуазии в отношении Литвы и Советского Союза также наложила свою печать на концепции литовской истории, созданные польской буржуазной наукой. Сильное влияние католической церкви на польскую историографию тормозило научную разработку церковно-политической истории Литвы (выяснение классовой природы католической идеологии, агрессивной политики папской курии и т. п.).

Польской буржуазной наукой была унаследована от дворянской историографии концепция, согласно которой древняя Литва изображалась как отсталая страна, где отсутствовали основные атрибуты государственности и первые литовские князья действовали в роли демиургов, чьи способности определяли ход исторического процесса. Подобно тому, как русские историки начинали подлинную историю Литвы с образования Литовско-Русского государства, так и многие польские историки видели ее истинное начало в литовско-польской унии (см., например, сводные работы А. Прохаски, С. Кутшебы, И. Якубовского, Л. Коланковского).

Понятно, что подобная точка зрения лишала польских историков возможности правильно охарактеризовать и литовско-немецкие отношения, твердо противостоять немецкой националистической концепции, провозглашавшей прогрессивность крестоносного наступления рыцарей на Литву. Не случайно буржуазная польская историография, так же как и русская, не оставила нам цельных монографий ни по истории древней Литвы, ни по истории древних пруссов, ни по истории литовско-

---

[16] Polska i Litwa w dziejowym stosunku, Warszawa, 1914, str. II—III.

немецких отношений,— это справедливо отметили в своих историографических обзорах и С. Заянчковский [17], и Г. Ловмяньский [18].

Сказанное выше помогает более правильно оценить взгляд тогдашней польской науки на проблему образования государства в Литве.

Зачинатель научного изучения истории древней Жемайтии С. Заянчковский определил границы этой территории, осветил значение Жемайтии для древней истории Литвы; он пересмотрел и отверг традиционное мнение немецкой историографии (на котором настаивал Р. Крумбгольц) об идеальных побуждениях политики Ордена в Литве [19]. Это исследование во многом облегчает понимание исторических условий объединения литовских земель под властью Миндовга.

При всем том автор не только не решает, но и не ставит проблемы образования государства в Литве. Он устанавливает, что в Жемайтии, как и в остальной Литве, возникли «мелкие государствица (drobne państewką) во главе с князьями»; эти «государствица», соединяясь, «образовали большие политические организмы» [20], но автор не вдается в изучение причин их происхождения, оставляя это «до особого исследования» [21].

Рассмотрев источники, характеризующие нобилей, С. Заянчковский сделал вывод, что последние «выполняли функции, присущие власти руководителя организации государственного характера, находящейся, естественно, в начале своего развития» [22]. Но вопрос о генезисе сословия жемайтских нобилей не привлек к себе внимания автора. Позднее, когда в XVв. Жемайтия попала под власть Витовта и его преемников, нобили превратились в высший слой общества — боярство. Едва ли, однако, можно отрицать, что и прежде, еще не будучи особым сословием и частью господствующего класса, нобили составляли часть общества, его высший слой.

Наиболее значительным трудом в польской, да, пожалуй, и в мировой буржуазной историографии древней Литвы является двухтомное исследование Г. Ловмяньского. Автор впервые поставил проблему генезиса литовской монархии и собрал материал, без которого не обойдется ни один исследователь этого вопроса. Г. Ловмяньский широко привлек не только собственно литовские источники, но также и сравнительно-исторические данные, касающиеся эстонцев, латышей и пруссов.

---

[17] S. Zajączkowski$_{16}$, str. 148.
[18] H. Łowmiański$_{8}$, str. 3.
[19] S. Zajączkowski$_{1}$, str. 43.
[20] Ibid., str. 45.
[21] Ibid., str. 44.
[22] Ibid., str. 45.

В труде Г. Ловмяньского тщательно освещена политическая география Литвы, сделан опыт определения ее территориальной структуры (деления на бывшие племенные территории, земли, волости и села). Изучив состояние хозяйства, автор установил, что его основу составляло пашенное земледелие, что древняя Литва вовсе не так бедна и убога, как ее изображали некоторые источники и многие историографы. Автор прекрасно охарактеризовал состояние литовских вооруженных сил. Он кропотливо собрал свидетельства источников об экономическом и политическом положении литовского, прусского, прибалтийского нобилитета. В его труде приведены и сопоставлены факты, относящиеся к истории литовско-норманских, литовско-русских и литовско-немецких отношений до 60-х годов XIII в. Как видим, труд Г. Ловмяньского — серьезный вклад в науку.

Однако тогдашняя методология автора воспрепятствовала правильному решению проблемы генезиса феодализма и образования государства. Генезиса феодализма автор не касается вообще, а вопрос об образовании государства он заменил другим вопросом — об образовании монархии. Задавшись целью проследить смену форм «племенного быта» формами государственными, в частности, выявить генезис литовской монархии [23], автор, следуя главным образом немецкой историографии, не смог определить специфики так называемого «племенного» догосударственного строя, его эволюции и пр.

Вот как характеризовал Г. Ловмяньский племенной строй: «Общественное неравенство, — писал Г. Ловмяньский, — господствует уже среди древнейших исторических народов в пору их появления на политической арене на заре истории. Если даже юридически члены политического союза равноправны, то над уровнем масс возвышаются единицы благодаря особым качествам, либо семьи и целые роды, превышающие других числом, имуществом. Вследствие естественной и всеобщей тенденции к сохранению за потомством раз занятого привилегированного положения образуется высший класс. Одновременно протекает другой процесс: падение единиц вниз, на положение служебное и зависимое, что приводит к образованию также наследственного класса несвободных. Промежуточное положение занимает класс свободных, простых людей».

«С юридической точки зрения» общество с племенным строем делится «на два сословия: свободных и несвободных», время от времени выступает «третье сословие» — крепостные, зависимые, не имеющие личной свободы, однако имеющие возможность приобретения собственности, заключения договоров. «С хозяйственной точки зрения» население делится на три слоя — «слой

[23] H. Łowmiański₂, t. I, str. VIII.

господ», «слой крестьян» и «слой рабочих»[24]. Подобная структура догосударственного общественного строя, на наш взгляд, не может быть доказана.

Касаясь коренного вопроса о зарождении крупной земельной собственности в Литве[25], автор считает, что нельзя «генезис крупной собственности переносить в племенную эпоху»[26]. Автор ставит вопрос о собственности, как и вопрос о свободе, метафизически: либо крупная земельная собственность и массы зависимых крестьян — чего он в источниках не находит[27], либо отсутствие крупной собственности и неограниченная свобода населения, что он пытается в источниках найти[28]. Установив, — и это очень ценное наблюдение, — что типичным для прусского, эстонского, латышского и литовского нобиля было небольшое земельное владение, Г. Ловмяньский сделал неосновательный вывод, будто оно было максимально возможным: «владение, состоящее из двора и, в лучшем случае, из одного села, мы должны будем признать за максимально возможную собственность нобилей перед возникновением монархии»[29]. Допуская, как мы выше видели, давнее развитие имущественного и общественного неравенства среди народа вообще, автор отрицает возможность подобного процесса в среде господствующего слоя общества — нобилитета. Поэтому автор и нашел возможным утверждать, что в Литве, где именно нобили явились организаторами нового государства, они в течение двух столетий продолжали оставаться на уровне нобилей прусских и литовских эмигрантов, бывших под ярмом немецкого Ордена: «крупная боярская собственность в Литве в конце XIV в. имела, по-видимому, те же размеры, что и собственность прусских нобилей под господством Ордена»[30].

Вообще в исследовании Г. Ловмяньского история сословий плохо увязана с историей монархии. Казалось бы, Миндовг, Гедимин и другие представители государственной власти, вышедшие из рядов нобилитета, должны были проводить политику в его интересах, но этого почему-то не произошло, и «нобили — класс, который был по обычаю отгорожен в эпоху племенного строя от низших сословий, не сумел получить при монархии литовской права определенной самостоятельности, вместо чего вошел в состав нового, возникшего уже, вероятно, в XIII—XIV вв., но оформившегося лишь в XVI в. класса бо-

---

24 H. Łowmiański, t. I, str. 227—228.
25 Ibid., str. 274.
26 Ibid., str. 281.
27 Ibid., str. 268.
28 Ibid., str. 250, 285.
29 Ibid., str. 285.
30 Ibid.

ярства или шляхты, которая, кроме нобилей, включила и элементы поспольства»[31].

Притом трудно понять, что же за государство возникло в Литве, чьи интересы оно выражало. Здесь в труде Г. Ловмяньского нет последовательности, ибо, лишив нобилей права на значительные имущества, автор оказался вынужденным признать великокняжескую власть за творца этих имуществ: «родовые (фамильные.— *В. П.*) владения на Литве возникли в своей массе из великокняжеских бенефициев, что видно из развитых и длительных ограничений прав их собственности»[32]. При таком подходе к проблеме неясно, во-первых, откуда взялись сами князья с их земельными владениями (каким образом они трансформировались в таковых из вождей бродячих дружин) и, во-вторых, как увязать экономическую зависимость боярства, нобилитета от великокняжеской власти с боярской политикой этой же власти. Не будем касаться здесь вопроса о родовой организации нобилитета[33] — наиболее слабой части работы Г. Ловмяньского, не имеющей корней в источниках.

Отвергая мысль о возможности постепенного нарастания предпосылок монархической власти в рамках догосударственного «племенного строя», в рамках федерации бывших племенных территорий, автор и этот вопрос формулирует слишком прямолинейно: либо монархия, либо племенной строй. Не найдя в древней Литве сформированных монархий, автор вел изучение вопроса о возникновении монархической власти вне связи с развитием крупной собственности среди части нобилитета и вследствие этого закрыл себе путь из волости в государство. Источники последнего он ищет не в развитии собственности, имущественного и общественного неравенства внутри волости, а в воздействии внешних факторов.

Г. Ловмяньскому представляется весьма сомнительной «возможность консолидации политических организмов в племенную эпоху, когда войны не достигали такого напряжения, как во времена крестоносцев. Могли в то время возникать союзы для осуществления временных целей (дружины) или поддерживаться естественные связи (род) и традиционные (племя). Строительство же волости снизу, с помощью соединения еще более мелких образований, могло произойти лишь путем принуждения. Однако внутри общества, по своей структуре «демократического», состоящего в львиной доле из свободных людей, не видно фактора, способного выполнить подобную роль»[34].

---

[31] H. Łowmiański₂, t. I, str. 313.
[32] Ibid., str. 286.
[33] Ibid., str. 310.
[34] Ibid., t. II, str. 142.

Автор поэтому выходит за пределы страны и делает следующее наблюдение. Жители восточной Прибалтики вплоть до XII в. почти не обнаруживали признаков своего существования, зато в конце этого столетия в их судьбах произошли коренные перемены. Чем же объяснить это различие в темпах их развития в течение двух периодов? Действительно, упадок латышей и пруссов был вызван внешними причинами, начало литовской экспансии падает на время ослабления русского государства, а окончательное образование литовской монархии Миндовга точно увязывается с активизацией политики крестоносцев.

Сопоставляя все эти факты и полагая, что примитивное общество,изолированное от более высоких культур,не развивается или не обнаруживает быстрых сдвигов в своей эволюции, автор и пришел к выводу, что причину, которая вызвала резкие перемены в племенном строе, надлежит искать во внешних условиях и отношениях [34a].

Поэтому автор, как бы забыв о том сложном хозяйственном, общественном и политическом устройстве, которое он сам, тщательно исследуя источники, установил, не попытался найти от него пути к возникновению государства в Литве, а обратился к изучению внешнеполитических условий ее развития. Автор, сумевший столь трезво оценить политику и папской курии, и немецкого Ордена в Восточной Европе, все же думал, что «литовское государство родилось не в борьбе против Ордена, а в экспансии на Русь» [35], что среди звона оружия, потоков крови и пожаров, криков и зверств «как светлое пятно» выступает программа мирной христианизации Литвы при Миндовге в 50-х годах XIII в., программа, выдвинутая не курией, а Орденом, отличавшимся в Прибалтике наибольшей беспощадностью. Кратковременное соглашение Ордена с Миндовгом автор счел решающим фактором образования Литовского государства [36], получившего военную поддержку, заимствовавшего финансовую организацию и пр. Правда, уже тогда автор, видимо, чувствовал, что его взгляд встретит возражения, и заметил, что роль Ордена, строящего государство, с которым будет позже вести смертельную борьбу, «может показаться парадоксальной, но лишь ex post» [37].

Такова концепция Г. Ловмяньского. Мы так подробно остановились на исследовании Г. Ловмяньского, хотя оно теперь для него — пройденный этап (см. часть II, § 5), потому, что в его талантливом изложении очень четко развита концепция, поныне широко представленная в буржуазной науке.

[34a] H. Łowmiański$_2$, t. II, str. 238.
[35] Ibid., str. 142.
[36] Ibid., str. 351.
[37] Ibid., str. 352.

Совсем недавно ее вновь поддержал М. Гельманн [38] в полемике со мной. А кроме того, знакомство с ошибочными концепциями, созданными крупными учеными, помогает понять образ мыслей сторонников противоположной нам системы взглядов и лучше мобилизовать материал собственных аргументов, т. е. делает полемику более плодотворной. В дальнейшем (еще в годы панской Польши) Г. Ловмяньский развил и модифицировал свою точку зрения.

Поставив под сомнение принятое в польской историографии мнение, согласно которому только уния «позволила обществу Литвы играть активную роль в политической жизни» [39], автор отверг также утверждение о литовском абсолютизме и высказал мысль, что три общественных элемента — великий князь, княжеская династия и боярство, объединенные единством целей, руководили страной. «Сохранялась иерархическая структура, но они были солидарны, ибо их цели и интересы были одинаковы: эксплуатация соседних народов и земель, покоренных вооруженной рукой» [40]. О том, что они эксплуатировали свой собственный народ, автор не говорит. Подобный вывод лишь подчеркивает, что Г. Ловмяньский напрасно оставил в своем основном труде без внимания вопрос о том, чьи интересы выражала нарождающаяся в Литве государственная власть.

Автор выдвинул очень интересную мысль, что главной причиной унии явились хозяйственные и общественные затруднения Литвы после прекращения к 60-м годам XIV в. завоеваний на Востоке и в связи с этим резкое сокращение добычи и доходов боярства [41]; он полагал, что уния была проведена с согласия и в интересах литовского боярства. Притом, однако, Г. Ловмяньский не отказался от мысли о рождении иммунитетов из пожалованья и остался убежденным, что с унией в Литве занялась заря «сословного государства» [42], пришедшего на смену «военной монархии».

Весьма своеобразный аспект анализа истории Литвы избрал другой исследователь, Г. Пашкевич. Его труд — своего рода реакция на русские великодержавные схемы. На первый план автор выдвинул не литовский народ, а династию Ягеллонов: «Содержание работы составляет великий исторический конфликт, разыгравшийся на протяжении веков на безграничном пространстве Восточной Европы между смело соперничающими державами». Имеются в виду Русь, которую автор почему-то

---

[38] M. Hellmann$_4$, S. 160.
[39] H. Łowmiański$_4$, str. 216.
[40] Ibid., str. 239.
[41] Ibid., str. 244, 253.
[42] Ibid., str. 262.

идентифицирует с Москвой, и Литва, которую он отождествляет с Ягеллонами: «Противника Москвы обозначаем именем Ягеллонов: династия эта была замечательным выразителем и защитником интересов обоих народов», т. е. литовского и польского. Автор старается доказать, что «территориальная экспансия Литвы на Руси начинается не от Ягайлы», как, впрочем, и экспансия Польши — «стремления народа к восточным рубежам железной рукой направляют уже последние из королевских Пястов» [43]. В сущности Г. Пашкевич выступает в этой книге как апологет восточной экспансии литовских и польских правителей.

В отличие от Г. Ловмяньского он отказывается видеть в литовских князьях начала XIII в. вождей бродячих дружин, считает их представителями государственной власти, вышедшими из рядов наследственных земельных собственников [44]. Но эта ценная мысль не получает в труде Г. Пашкевича дальнейшего развития. Вопрос о степени политической консолидации Литвы он изучает в генеалогическом плане: «речь идет о выяснении, был ли Миндовг первым великим князем Литвы, т. е. первым основателем государства, или великокняжеская власть существовала до него» [45].

Автор тщательно изучает политическую деятельность не только Миндовга, но и его преемников вплоть до Гедимина, которого он характеризует следующими словами: «Процесс территориальной экспансии на Руси, обозначающийся ясно уже во времена Миндовга, достиг значительных размеров в правление Гедимина. Русская политика этого князя, смелая, последовательная, предусмотрительная, по моему мнению, является одной из главных черт, выдвигающих Гедимина в ряд наиболее выдающихся правителей Литвы» [46].

На работе Г. Пашкевича не имело бы смысла дольше останавливаться, если бы, проникнутая подобными идеями, она представляла собой лишь династическую историю литовских князей, но, как это часто бывает, автор, создавая историю династии, поднял новые пласты источников по истории Литвы, значительная научная ценность которых бесспорна; автор пересмотрел взгляд о политическом упадке Литвы конца XIII — начала XIV в. Что касается русских разделов работы Г. Пашкевича, то они мало оригинальны и также имеют в виду главным образом династическую историю [47].

---

[43] H. Paszkiewicz$_8$, str. 1.
[44] Ibid., str. 46.
[45] Ibid., str. 47.
[46] Ibid., str. 285.
[47] Ibid., str. 237, 286; о «помощи» Руси со стороны татарских ханов см. str. 289, 301, 353, 249.

Как видим, работа Г. Пашкевича не продвинула решения вопроса о причинах образования государства в Литве.

Следовательно, польская буржуазная историография, как и русская, оказалась бессильна раскрыть причины образования государства в Литве и определить его характер. Выше мы отмечали, что исследователи этого вопроса не касались проблемы генезиса феодализма в Литве. Лишь однажды по этому вопросу произошла дискуссия, на которой также полезно остановиться.

В польской науке не раз возникало мнение, что в Литве и до унии был общественный строй, не отделенный от строя Польши китайской стеной. На эту тему возникла полемика между польскими историками В. Семковичем и О. Галецким. Первый отрицал существование в Литве боярского сословия, как сословия замкнутого, имеющего определенные привилеем права и свои гербы [48], второй, напротив, настаивал на его существовании [49]. В. Семкович был более далек от истины, возражал не убедительно, а кое в чем следовал взглядам Ф. И. Леонтовича, видя глубоко укоренившееся «родовое устройство» в Литве накануне унии, что якобы отличало Литву от стран западной цивилизации, где наличествовало римское влияние, влияние феодализма [50]. Впрочем, и О. Галецкий несколько отступил от своих первоначальных мыслей, относя создание шляхетского сословия в Литве к унии 1387 г. [51].

Вновь вопрос уже специально о «феодализме» в Литве явился предметом обсуждения на шестом съезде польских историков в 1935 г. Здесь с основными сообщениями выступили Г. Ловмяньский и И. Яворский. Уже некоторые старые историки, понимая под феодализмом ленную систему, возникшую либо под западными влияниями или вследствие завоеваний на Руси, были склонны видеть ее в Литве.

Г. Ловмяньский, который пытался установить, было ли в Литве сходство с феодальными институтами Западной Европы, исходя из принятых в буржуазной науке признаков феодализма (раздел государственной власти, раздел собственности, институт вассалитета, лен и сеньерия), сделал вывод, что в Литве можно обнаружить явления «аналогичные западному феодализму», но что здесь они «не выступают или не получают такого значения»; что хотя феодальные институты и были, но за исключением иммунитета они не проникали глубоко в общественную и государственную структуру; и потому внутренняя сплоченность

---

[48] W. Semkowicz$_2$, str. 395—446.
[49] O. Halecki$_1$, str. 186, 199.
[50] W. Semkowicz$_3$, str. 241—242.
[51] O. Halecki$_2$, str. 62.

государства не сменилась «хаосом, создающим основу, на которой вырастает феодализм»[52]. Не приемля отмеченное понимание феодализма, мы должны сказать, что автор справедливо обратил внимание на специфику феодальной раздробленности в Литве и старался поставить ее в связь с особенностями структуры собственности.

Напротив, И. Яворский считал, что в Литве феодализм в его западноевропейском виде не возник, что здесь имел место «непосредственный переход от патримониального устройства к устройству сословному»[53]. Уния также не принесла феодализма, ибо в самой Польше феодализма «tak dobrze jak nie było», в Германии он-де в конце XIV в. был якобы уже на закате, а Орден строился «на других, нефеодальных основах»[54]. Потому такой властитель, как Витовт, и мог преодолевать феодализм, что он застал его лишь в зачатках[55].

Я привел эти соображения для того, чтобы яснее очертить перед читателем ту точку зрения, которую надлежит пересмотреть и, кроме того, чтобы отметить, что и по вопросу о феодализме в Литве ни польская, ни русская историография не пришли к единому, сколько-нибудь аргументированному решению.

Крах панского буржуазного строя, победа народной демократии в Польше привели к перестройке и подъему исторической науки. Старые концепции, однако, еще не умерли, они нашли место в сочинениях тех историков, которые отказались идти вместе со своим народом по пути строительства социализма. Достойно сожаления, что некоторые ученые, чьи исследования некогда составили вклад в литванистику, покинув родину, под влиянием превратно понятых событий наших дней, обратились к губительной для их творчества крайности — опрокидыванию американских политических концепций современности в средневековое прошлое. Это знаменует отказ от объективности, которой дорожили буржуазные ученые прошлых поколений.

Для примера обратимся к работам О. Галецкого, живущего в Соединенных Штатах, и Г. Пашкевича, издавшего свою книгу в Англии. О. Галецкий посвятил свою работу истории стран Восточной и Центральной Европы, которые он именует «пограничными странами западной цивилизации». Он взял на себя труд выяснить, «сколь далеко на Восток простирается западная цивилизация»[56].

---

[52] H. Łowmiański$_3$, str. 219; ср. H. Łowmiański$_7$, str. 129.

[53] I. Jaworski$_1$, str. 226. Ср. также М. Чубатий$_1$, стр. 33, 106, 144—145, и, наконец, ср. W. Kamieniecki$_4$, str. 119—125.

[54] I. Jaworski$_1$, str. 226.

[55] Ibid., str. 227.

[56] O. Halecki$_6$, p. VI.

Автор сам творит «историческую традицию» связей Восточной Европы с той западной цивилизацией, в понятие которой он включает и... Соединенные Штаты [57], чья цивилизация появилась на исторической арене много позднее, чем, скажем, восточноевропейская. Таким образом, под его пером не исторические источники служат для выяснения традиций, а сами исторические традиции создаются и служат в качестве дополнительного источника для целей пропаганды американской экспансии. Автор откровенно пишет, что Соединенные Штаты как мировая держава «имеют интересы во всем мире», и это «справедливо для всех континентов и народов всех рас, даже если их культура совершенно чужда американцам». В этой связи он мечтает о том времени, когда народы стран социалистического лагеря, включая и ряд союзных республик нашей страны, якобы «объединенные с американцами сокровенными узами религии, расы, культуры», создадут под американской эгидой «цитадель мира на самой границе западной цивилизации» [58]. Характер книги О. Галецкого ясен. Это — пособие для идеологической подготовки американской молодежи к войне против лагеря социализма.

Понятно, что свою книгу автор не отяжелил анализом взаимосвязи политики с экономикой, культурой и пр. Если классическая буржуазная наука много сделала для изучения экономической истории, для раскрытия ее связей с политикой и пр., то в новейшей американской историографии вошло в моду писать очерки политической истории, не затрудняя ни себя, ни читателя размышлениями над коренными проблемами и закономерностями истории. Таков символ веры прагматической философии: закономерно то, что служит интересу «мировой державы». Так поступил и О. Галецкий, который утверждает, что «знание основных политических событий», как они изложены в его труде, «является необходимой, обязательной основой последующих штудий в культурной, социальной и экономической областях» [59].

Вульгарная социология превращается таким образом в основу профессиональной исторической подготовки.

В число «пограничных государств» западной цивилизации О. Галецкий включил и Литву. Каким же образом представлена здесь ее история? Она рассматривается под углом зрения «подъема и падения католических королевств Галича и Литвы» [60], хотя ниже автор сам признает, что «оба католические королевства к востоку от Польши не представляют собой ничего, кроме

[57] O. H a l e c k i₆, pp. 472—475.
[58] Ibid., p. 473.
[59] Ibid., p. VI.
[60] Ibid., p. 79.

недолговечного эпизода»[61]. Спрашивается, к чему же этим эпизодом подменять богатую и яркую историю Галицко-Волынской Руси и Литвы?

Последующая история Литвы сведена автором к экспансии на Востоке и обороне на Западе[62], притом автор позволил себе утверждать, что в отношении этой экспансии русский народ «оставался практически пассивным»[63]. Автор пишет так, как будто он не знает о восстаниях в Полоцке и Смоленске, не знает, что русский народ под руководством московского правительства положил предел экспансии и литовских, и польских феодалов на Восток.

Таков вклад О. Галецкого в американскую агрессивную пропаганду.

Г. Пашкевич, в отличие от О. Галецкого, не порвал еще с научной формой изложения истории, сопроводив свою новую книгу «Происхождение России» солидным научным аппаратом и обширной библиографией. Основная часть его книги посвящена истории древней Руси, и мы не будем ее сейчас касаться, ибо это отвлечет нас в сторону от предмета, а сосредоточим свое внимание на том разделе монографии, который касается истории Литвы[64]. Литовская тема в сущности занимает в этой книге подчиненное место—в качестве политического аргумента в пользу пропаганды норманской теории.

Казалось бы,именно образование Литовского государства, не знающее призвания иноземных династий,давало повод для размышлений об отсутствии универсальности у принятой норманистами теории. Но нет, автор нашел свой очень своеобразный угол зрения на литовскую историю. Г. Пашкевич — норманист, он полагает, что Русь, русские — это первоначально православные норманны, по крещении передавшие свое наименование восточным славянам.Русские, следовательно,не этническое,а религиозное понятие. Автор так и пишет, что православные греки,норманны, финны, литовцы—все это русские[65]. Отсюда делается соответствующий вывод—русского народа (nation) не было.

Какую же пользу для норманизма видит автор в литовской теме? А вот какую: он считает одним из основных и требующих более подробного рассмотрения вопрос о том,«действительно ли могли норманны, имея в виду их ограниченные силы,господствовать на бескрайних пространствах европейского Востока?» Попытка ответить на этот вопрос и сделана в третьей части книги,

---

[61] Ibid., p. 81.
[62] Ibid., p. 110—114.
[63] Ibid., p. 110.
[64] H. Paszkiewicz[11], pp. 185—254.
[65] Ibid., p. 228. Справедливой критике работу Г. Пашкевича подверг Г. Ловмяньский (см. H. Łowmiański[13], str. 84—88).

«посвященной литовской экспансии на Восток, и сравнению ее с более ранними действиями варягов» [66].

Итак, перед нами не история литовского народа, а история литовской экспансии на Восток главным образом в XIII—XIVвв.[67] Не удивительно поэтому, что в книге Г. Пашкевича не содержится ничего принципиально нового по истории Литвы в сравнении с тем, что было в его более ранних работах. И в этой книге автор обошел коренную проблему образования государства в Литве. Он исходит из того, что Литве в XIII в. требовалось от ее соседей больше, чем она могла им дать. Это породило грабительские войны. Что возникновение подобных войн свидетельствует о крупных сдвигах внутри самого литовского общества, — это автор оставил без внимания. Его интересует главным образом образование великокняжеской династии, которая происходит из среды князей — организаторов грабительских походов [68]. «Поворотный момент» истории составляет правление Миндовга, который объединил страну силой, оружием, деньгами, брачными связями [69].

Происхождение династии интересует автора потому, что ей он приписывает поистине чудодейственную силу. Перед нами монархическая история Литвы, построенная на принципах вульгарного биологизма: «Литовская экспансия в славянские земли началась в первую очередь из потребностей правящей династии, которая была вынуждена обеспечить землями своих членов. Рост великокняжеской семьи вел к расширению литовских границ. Страна могла лишь выиграть от такого развития, как это и было на деле до тех пор, пока сохранялись дружеские отношения среди различных отпрысков династии»[70].

Порывая с теми достижениями науки, которые ярко выражены в работах М. К. Любавского, Г. Ловмяньского и других, автор идет вспять к Ф. И. Леонтовичу, полагая, что в Литве господствовал некий семейный принцип правления и что от плодовитости ее великих князей зависела активность внешней политики страны.

Автор весьма подробно изучил наступление литовских князей и бояр на Восток, умелое использование ими политической раздробленности на Руси. Этот материал может быть применен при характеристике тех трудных исторических условий, в которых началось объединение русских земель вокруг Москвы.

Г. Пашкевич не отрицает большую роль, которую сыграли славяне в истории Литвы, — «литовцы не разделили судьбу

---

[66] H. Paszkiewicz[11], p. 181.
[67] Ibid., p. 186.
[68] Ibid., p. 195.
[69] Ibid., p. 198—199.
[70] Ibid., pp. 206—207.

пруссов и латышей лишь потому, что они мобилизовали под своей властью славян для обороны»[71]. Он находит причинную связь «между завоеванием славянских территорий и укреплением в Литве централизованной политической власти. Это развитие было соотносительным». Автор ставит этот вопрос абстрактно, а между тем его утверждение справедливо лишь для времени становления литовского раннефеодального государства, до времени, пока в разоренной монгольскими захватчиками Руси не возник новый национальный центр — Московское великое княжество.

Оценив подобным образом значение для истории Литвы ее наступления на русские земли, автор делает следующий вывод о состоянии Руси, о русском народе. Он отвергает мысль о том, что издавна существует русский народ (nation), который включал в себя все восточнославянские племена[72], и приводит в качестве довода такое соображение: «Если бы русский народ (nation of Rus) существовал в то время, если бы он сознавал свое этническое и политическое единство, литовский территориальный рост никогда бы не достиг тех размеров, которых достиг на деле. Литовское государство встретилось бы с твердым сопротивлением части русского народа; кроме того, внутренние кризисы и перевороты, которые случались в Литовском великом княжестве, давали людям Руси много возможностей для свержения иноземного господства. В действительности же мы наблюдаем противоположный процесс. Восточные славяне содействуют образованию Литовского государства; они чувствуют с ним заодно и в критические времена оказывают ему поддержку. Это склоняет к выводу, что славяне не имели представления о национальном единстве, выходящем за пределы отдельных княжеств и древних племенных обычаев»[73].

Это смелое утверждение Г. Пашкевича стоит того, чтобы его обсудить.

Во-первых, что такое русский народ? Советские историки вовсе не утверждают, что в нашей стране издревле существует прочно консолидировавшаяся нация. Исходя прежде всего из условий экономических, мы признаем, что элементы общности территориальной, культурной, языковой, психического склада народа в древности были иные, чем, скажем, в XV или в XVII в. Наши историки говорят поэтому о наличии древнерусской народности.

Народность — категория историческая; она развивается вместе с развитием экономики страны; упрочение политического единства содействует ее консолидации. И, напротив, ослабле-

[71] H. Paszkiewicz₁₁, p. 233, ср. p. 205.
[72] Ibid., p. 252, ср. pp. 225—226.
[73] Ibid., p. 252.

ние экономики страны, подрыв ее политического единства могут вызвать ослабление, дробление народности, ибо она не обладает прочностью, скажем, нации. Это свойства не только древнерусской народности, но и всякой другой, эпохи раннего средневековья. В период феодальной раздробленности, — это ясно видно из истории любой страны, и Руси, и Польши, и Германии, —политическое дробление превалирует над интересами этнической общности.

Но и феодальная раздробленность — понятие сложное. Это — не односторонний процесс распада, ибо на основе продолжающегося экономического подъема, роста городов, торговли вызревают все более прочные политические образования, вроде Владимиро-Суздальской, Галицко-Волынской, Полоцко-Минской земель, которые создают условия для возникновения на общей основе древнерусской народности новых более прочных братских народностей — великорусской, украинской и белорусской.

Притом нельзя утверждать, что в период феодальной раздробленности русские люди того или иного княжества считали себя чуждыми жителям других княжеств, говорившим на том же языке, имевшим то же культурное наследие, те же нравы и обычаи, и якобы не сознавали своего этнического отличия от других православных — греков, половцев, финнов, литовцев и др. Подобное утверждение Г. Пашкевич может, конечно, выдвигать, но доказать его невозможно.

Далее. Автор отбросил очень существенный фактор, который на время в огромной степени усилил возобладание политического дробления — монголо-татарское разорение. Он недооценивает значение этого фактора, утверждая, что область литовской экспансии на Руси не была затронута вторжениями войск Батыя[74]. А разве, кроме войск Батыя, никто не опустошал Русь? Достаточно вспомнить татаро-монгольские походы на Галицко-Волынскую землю, разорительные нашествия через западнорусские земли на Литву; разве разрыв традиционных связей Полоцка, Витебска, Минска, Смоленска и других центров с остальной Русью не нанес им ущерба; разве не ослабила западнорусских земель утрата возможности получить военную помощь в Киеве, Чернигове или Владимире в случае угрозы со стороны Ордена или Литвы?

Далее. Отрицая существование русского народа, автор пользуется термином «восточные славяне», видя в них некую внеисторическую категорию, пребывающую неизменной в течение IX—XIV вв. Какие имеются у него для этого основания? Ведь нелепо отрицать, что и в Суздали, и в Галиче, и в Полоцке и других центрах власть находилась в руках не у «восточных

---

[74] H. Paszkiewicz[11], p. 226.

славян» вообще, а у князей, бояр, дворян, что они, составляя господствующее сословие, решали судьбы своих земель и ради своих корыстных целей были готовы вступать в соглашения с другими государствами для борьбы друг против друга. Разве не то же видим мы в польском Поморье, Мазовии, Куявии, но ведь никому не придет в голову отсутствие политического единства страны отождествлять с отсутствием самого народа, населяющего страну, а антинациональную политику тех или иных правителей выдавать за политику народа.

Наконец, утверждение Г. Пашкевича не выдерживает критики не только при его сравнительно-историческом освещении; оно теряет доказательную силу и при перспективном анализе. Вот какими видит автор «восточных славян»: «политическая раздробленность восточных славян, вражда, которая преобладала среди них, их безынициативность в отношении формирования более обширного политического целого, все эти факторы, которые выступают с равной силой в 13 и 14 вв., как они выступали в 9 и 10 вв., облегчали присвоение руководства иностранными элементами»[75].

При таком подходе к делу автор, однако, не может объяснить[76], почему же «иностранные элементы» потерпели полную неудачу на Руси в годы «гармонического правления»[77] Кейстута и Ольгерда. Г. Пашкевич не может дать ответ, почему походы Ольгерда на Русь не позволили ему завладеть Новгородом, Псковом, самой Москвой; почему походы на Русь из источника силы Литвы превратились в источник ее слабости. Все это потому, что Г. Пашкевич обошел национальный вопрос и вопрос о прогрессивном историческом значении Русского централизованного государства.

Автор пришел к выводу, что, не меняя политики, Литва не имела шансов справиться и с Орденом: «...развитие борьбы против Ордена делало год от году яснее, что участия славянских подданных Литвы в этом кровавом конфликте было уже недостаточно»[78]. Более того, «славяне» угрожали самому существованию Литовского великого княжества, как это следует из не очень вразумительного объяснения, данного автором. Оказывается, что «с течением времени» «сила славянского населения в количественном и качественном отношениях стала чувствоваться и начала сказываться на своем иностранном господствующем классе. Влияние славянской культуры и особенно славянского языка, который использовался в письменности как норманнов, так и литовцев, и на котором они несомненно гово-

---

[75] H. Paszkiewicz[11], p. 253.
[76] Ibid., p. 229—230.
[77] Ibid., p. 214, cp. p. 232.
[78] Ibid., p. 244, cp. p. 251.

рили, внутренние браки, которые сглаживали существующие различия и противоречия и, наконец, last but not least, общность религии, — все это должно было создать условия неблагоприятные равно для варягов и для литовцев»[79]. Всемогущей и плодоносной литовской правящей династии пришлось искать спасения, чтобы подобно варягам, не исчезнуть с широкой исторической арены. По мнению автора, спасительный пример был перед глазами. Когда славяне готовились полностью поглотить Рюриковичей, то одной их группе все же удалось спастись; это была линия Юрия Долгорукого, который, «осознав славянскую угрозу, отделился от Киева в XII в. и старался ослабить и разорить этот город»; он-то и сумел дать начало «суздальско-владимирскому государству Рюриковичей» на «отдаленных финских поволжских землях». Это новое политическое образование, «наследником которого стала в конце концов Москва, было направлено против Киева и верховенства славян»[80]. Все это рассуждение стоит за гранью не то что науки, но и здравого смысла. Оно понадобилось автору для сопоставления судеб уцелевших Рюриковичей и литовских великих князей: «В 14 в. Литва другим путем — ее унией с тоже славянской, но католической Польшей, культурно соединившись с Западной Европой, — пыталась избежать поглощения восточными славянами»[81].

Хорошо известно, что уния вызвала широкое национально-освободительное движение в русских и белорусских землях, подвластных Литве. Это движение наглядно опровергает утверждение автора о безынициативности «восточных славян» и т. п. Поэтому понятно, что автор призывает не преувеличивать протест Полоцка и Смоленска, ибо де правители этих городов были давно связаны с Москвой[82], а восставшие хотели лишь «удовлетворить свои собственные интересы»[83]. Спрашивается, а что это меняет в существе освободительной борьбы? В новых условиях в русском и белорусском народах благодаря их труду и героизму возобновился процесс экономической, политической, культурной и, следовательно, этнической консолидации. В условиях появления нового национального центра на Руси и вступления правителей Литвы в соглашение с Польшей за счет русских национальных интересов, русское население Литовского великого княжества искало удовлетворения своих нужд на путях сближения с московским правительством.

В книге Г. Пашкевича история России превращена, как

---

[79] H. Paszkiewicz[11], p. 253—254.
[80] Ibid., p. 254, 181.
[81] Ibid., p. 254.
[82] Ibid., p. 247.
[83] Ibid., p. 248.

видим, в историю ее завоевания, внутренней вражды и сотрудничества с завоевателями. История литовского народа, который упорным трудом отвоевал свою землю у природы и отстоял ее от покушений враждебных соседей, превращена автором в историю грабежей и захватов во имя всемогущей великокняжеской династии. В этом автор не оригинален. Книга носит на себе печать реакционной эмигрантской исторической пропаганды. Единственно, до чего автор дошел своим умом и на что, кажется, еще никто из называющих себя учеными не решался, это — до отрицания существования русского народа.

3. ЛИТОВСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Литовская историография развивалась в сложных и неблагоприятных условиях отсутствия национальной самостоятельности страны, под иноземным гнетом русского царизма, русских и польских крепостников; литовские историки были вынуждены публиковать свои труды не на литовском, а на русском, польском или немецком языках. Но освободительное движение в Литве содействовало развитию национальной историографии, которая стремилась посильно противостоять натиску русификаторов и полонизаторов, обосновать самостоятельное национальное прошлое своего народа.

Научный уровень этих трудов был еще невысок [1], но, поскольку они были проникнуты идеями литовской национальной самостоятельности, в жестоких условиях тогдашней политической действительности уже одно их появление играло прогрессивную роль. Говоря о литовской национальной историографии, надо прежде всего назвать имя выдающегося историка-просветителя С. Даукантаса. Его «Деяния древних литовцев и жемайтов» вышли в свет в 1822 г. на литовском языке. С. Даукантас хотел доказать врагам литовского языка, что «можно писать по-литовски». Свой труд он создал «не для ученых людей, а для матерей, которые смогут рассказывать своим детям о героическом прошлом Литвы»[2].

Стремясь противостоять взглядам официальной русской, польской и немецкой историографии, он в духе просветитель-

---

[1] См. также историографический очерк И. Пузинаса. Его работа интересна собранными фактами. Справедливо обличая руссификаторскую политику царизма, автор сам, однако, видит заслугу «мудрой» внешней политики литовских князей в создании государства, которое простиралось от Балтийского моря до Черного (J. P u z i n a s₁, S. 1); ошибается автор и тогда, когда полагает, что в литовской буржуазной республике был устранен разрыв между национальными стремлениями и научной истиной (Ibid., S. 101).

[2] S. D a u k a n t a s₁, p. 6.

ства идеализировал патриархальную литовскую старину, когда «земля принадлежала всему обществу»[3], господствовало всеобщее равенство, а простые люди в течение столетий жили счастливо и свободно[4]. Духовная власть принадлежала Криве, военная — выборным вождям, несвободные были военнопленные — рабы, должники и т. п. Даже когда богатые люди выдвинули к власти великого князя и его земля стала называться государством, и тогда не было существенной разницы между богатыми и бедными, ибо даже Ягайло ходил в овечьей шкуре[5].

Иноземная власть, уния и введение христианства испортили нравы людей, когда свободных земледельцев стали низводить на положение зависимых. С. Даукантас также резко осудил захватническую политику немецких рыцарей и их союзников: «...перо сгибается от жалости и не может описывать дела тогдашних разбойников»[6].

Работы других ранних литовских историков — Т. Нарбута и иных — выдержаны в духе монархических генеалогических теорий литовского великокняжеского летописания XVI в., подкрепленных авторитетом Михалона Литвина (De moribus, 1550 г.). Низкий уровень летописного источниковедения делал так называемые литовско-русские летописи отличным источником, питавшим литовский дворянский национализм. Как бы то ни было, эти авторы призывали хранить язык, обычаи, древности своего народа. Т. Нарбут выступал против засилья польской шляхты и потому довел свой многотомный труд до смерти последнего литовского короля Сигизмунда-Августа, закончив его словами: «Я ломаю мое перо над его могилой»[6a].

Царизм тормозил развитие литовской исторической науки. Достаточно нескольких примеров. После подавления восстания 1831 г. был закрыт университет в Вильно, а книги его библиотеки было предложено разослать по другим хранилищам. После подавления восстания 1863 г. генерал М. Н. Муравьев-вешатель запретил литовский язык; была распущена Археологическая комиссия (созданная в 1856 г. трудами Е. Тышкевича, А. Киркора и др.); была предпринята «чистка» музея. К счастью, созданная русская Археографическая комиссия за годы своего существования (1864—1914), несмотря на высочайшие предначертания, проделала большую полезную работу по выявлению источников, относящихся к истории Литвы.

---

[3] S. Daukantas₂, p. 215.
[4] S. Daukantas₁, p. 17.
[5] Ibid., p. 24; cp. S. Daukantas₂, pp. 205, 217.
[6] S. Daukantas₁, p. 196.
[6a] T. Narbutt₁, t. IX.str. 492.

Царизм закрывал школы и музеи, а русский, польский и литовский народы своей борьбой заставляли их открывать. Лишь подъем революционной борьбы сделал возможным оживление науки в Литве, чему свидетельство — IX Археологический съезд в Вильно (1893 г.). Только революция 1905 г. восстановила в правах литовский язык, национальное преподавание и т. п.

В этих условиях вели работу Акилевич (Витаутас), М. Волончаускас, К. Скирмунт, И. Тоторайтис; исследователь древнейших судеб литовского племени и крупный организатор науки в Литве И. Басанавичюс, а также выдающийся энтузиаст-историк, археолог и этнограф Э. А. Вольтерис, труды которого давно следовало бы собрать и переиздать. Большую помощь развитию литванистики принес своим изданием крупный библиограф С. Балтрамайтис.

Наибольшее распространение получила книга И. Тоторайтиса. Работа И. Тоторайтиса — это история короля Миндовга, «создавшего» государство, содержащая много ценных конкретных наблюдений и мыслей. О роли Миндовга автор пишет: «Его главная заслуга состоит в том, что он соединил в государство литовские народности (Völkerschaften), которые до него образовывали лишь маленькие незначительные племена (Stämme), и с помощью завоевания присоединил к объединенной Литве Белую и Черную Русь. Так он усилил мощь Литвы, с которой должны были считаться все соседи». Миндовг упрочил мощь Литвы «не только благодаря выдающемуся военному дарованию, мы видим в этом прежде всего плод хитроумной, целенаправленной, но, впрочем, и беспощадно осуществляемой политики» [7].

Автор явно переоценивал и роль немецкого Ордена в истории Литвы: он признает, что литовцы упорно воевали с Орденом, но вывод делает довольно неожиданный: «...как в культурном, так и в военном смысле этот контакт имел для литовцев... большое значение. У немцев научились литовцы бороться за независимость своей родины, познакомились с западными обычаями и культурой, были подготовлены к восприятию христианства» [8].

Несомненно, что при всех ее недостатках старая литовская историография содействовала развитию национального самосознания своего народа.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции принесла национальное освобождение литовскому народу, который оказался, однако, под властью буржуазии и помещиков. На это время приходится заметный сдвиг в развитии

---

[7] J. Totoraitis₁, S. 147.
[8] Ibid., S. 45, ср. S. 20.

исторической науки: появляется серия специальных исследований и обобщающих курсов истории Литвы на родном языке.

Вышло также новое издание литовской исторической библиографии (В. Биржишки) и были опубликованы некоторые собрания источников, относящихся к истории древней Литвы, из которых особенного внимания заслуживает труд видного литовского археографа К. Яблонскиса. Интересное историографическое исследование (о котором говорилось выше) было написано автором археологических работ [9] И. Пузинасом. Однако, несмотря на количественный рост трудов и разработку нового фактического материала, общий идейный кризис буржуазной историографии довлел и над молодой литовской исторической наукой. Это ясно видно на примере разработки проблемы образования государства.

За короткий срок был издан и ряд сводных курсов и обобщающих статей, принадлежащих перу видных буржуазных литовских историков —А. Янулайтиса, С. Матулайтиса, А. Алекны, А. Римки, А. Шапоки, И. Ионинаса и др. Общими для всех этих работ, проникнутых духом буржуазного национализма, если брать интересующую нас проблему, являются следующие черты.

Авторы лишь кратко констатируют, что племенной или общинный строй сменяется властью кунигасов, из среды которых выдвигается Миндовг. Дальнейшее изложение ведется по княжениям. Так построены популярные курсы А. Янулайтиса и А. Алекны.

Образование государства рассматривается вне связи с историей способа производства, с историей классов. Правда, С. Матулайтис пытался найти внутренние причины образования государства, не прибегая к переоценке роли князей-созидателей: «не смелость Миндовга и не мудрость Гедимина объединили Литву под властью одного князя, этого требовала сама жизнь» [10]. Первоначальное общинное и родовое устройство Литвы было основано на подсечном земледелии. Неравенство возникло вследствие войн, породивших рабство. Посаженные на землю рабы содержали своих господ, которые, воюя, богатели и превращались в бояр. Новые условия, созданные развитием земледелия, требовали обороны страны от врагов извне и пресечения войн внутри страны. Князь использовал эти условия и объединил страну. Затем, главным образом

---

[9] Мы не касаемся здесь значения работ литовских археологов буржуазного периода. Это специальная тема, заслуживающая скорейшей научной разработки, в которой найдут свое место не только исследования И. Пузинаса, но и В. Нагевичюса и др.

[10] S. Matulaitis$_1$, p. 72, ср. p. 58.

в XIV в., он раздавал феоды боярам, которые собирали для него с крестьян мезлеву, оставляя часть дохода себе [11].

Другие авторы, например А. Шапока, вообще не находили сословного строя в тогдашней Литве. Первоначально литовский народ объединяли «поддержание безопасности страны и моральные связи» [12]. Затем все большее значение приобретала семья [13]. Более хозяйственные семьи богатели, и их представители делались вождями, сперва на время, потом постоянными. Из их среды выросли кунигасы, ниже которых стояли бояре и еще ниже — свободные крестьяне [14].

Возвышение одного сословия автор не связывает с порабощением другого. Он считает, что в обществе не было четких рубежей и «каждый крестьянин, разбогатев, мог стать боярином», что путь к богатству был открыт для всех, ибо земли и других благ природы было сколько угодно [15]. Были, впрочем, и бедные люди, должники. Бессословный строй Литвы автор без достаточных оснований хронологически продлил на время правления первых князей. Подобный взгляд на свободное крестьянское предпринимательство, может быть, и соответствовал политическому идеалу литовской мелкой буржуазии, главным образом кулачества, но он не имеет опоры в фактах. Что касается внешнеполитического фактора, то А. Шапока учитывал роль Руси и Ордена, но отказывался признать значение монгольской угрозы для Литвы, ибо нашествие не изменило ее границ [16].

Литовские исследователи начали и специальную разработку целого ряда вопросов древней истории своей родины, хотя они и не создали специального труда по интересующей нас проблеме.

Ценное исследование, специально посвященное истории древней Литвы, написал П. Климас. Он обстоятельно аргументировал разделы книги, говорящие о ранних источниках литовской старины, об экономике и верованиях древних литовцев; он наметил преемственную связь нобилитета с главами богатых больших семей (которые он, правда, относит к «патриархату») [17]. Но проблемы образования государства П. Климас не поставил, и содержание последнего параграфа своей книги, характеризующего возникновение «политических отношений» [18], он ограничил явлениями внешней политики.

---

[11] Matulaitis₁, p. 77, cp. p. 17.
[12] A. Šapoka₂, p. XVII.
[13] A. Šapoka₁, p. 30.
[14] Ibid., p. 33.
[15] Ibid.
[16] Ibid., p. 57.
[17] P. Klimas₂, str. 47.
[18] Ibid., str. 127—147.

Литовские ученые опубликовали работы и по истории крестьянства (З. Ивинскис), дворянства (М. Красаускайте, К. Авижонис), по истории торговли (А. Римка, И. Ремейка, З. Ивинскис); интересны источниковедческие штудии по внешнеполитическим документам Гедимина (Ю. Якштас). Взаимоотношениям Литвы с западноевропейскими странами и прежде всего с папской курией, а также с Орденом, посвящены монографии Ю. Стакаускаса и А. Степонайтиса; вопросы военно-политической истории Литвы освещены в работах В. Биржишки, С. Сужеделиса, З. Ивинскиса. Много внимания литовские, как и польские, историки уделили запутанному в источниках вопросу о происхождении династии Гедимина (работы А. Кучинскаса, Э. Вольтериса, П. Шляжаса, Ю. Якштаса и др.). Существенно обогатили историческое языкознание работы Г. Геруллиса, К. Буги и А. Салыса.

Каковы же концепции основных из перечисленных работ, если иметь в виду проблему образования Литовского государства?

К числу трудов наиболее фундаментальных и важных для нашей проблемы принадлежат исследования З. Ивинскиса, М. Красаускайте и К. Авижониса.

В работе З. Ивинскиса, посвященной истории крестьянства Аукштайтии и Жемайтии за 1300—1492 гг., собран значительный материал, особенно ценный потому, что историческая наука в сущности обратила главное внимание на историю крестьян XVI—XVII вв. и почти ничего не сделала для изучения истории крестьянства более ранней поры. Автор привел обильные факты, характеризующие положение различных групп несвободного, полусвободного и свободного крестьянства, справедливо отнеся возникновение категории несвободных крестьян к XIII в.[19] Умело комбинируя источники, этот исследователь сделал попытку определить состав крестьянских повинностей. Его данные позволяют глубже понять социальные противоречия в Литве и, в частности, причины крестьянского восстания в Жемайтии. Его работа дает возможность сделать вывод о большом значении крестьянского вопроса для внешней политики Литвы, в частности, для истории литовско-немецких отношений. Все это делает работу З. Ивинскиса важным пособием для историка древней Литвы.

Вместе с тем З. Ивинскис обошел некоторые очень существенные вопросы истории крестьянства. Он, например, не делает различия между крестьянством как классом феодального периода и свободными земледельцами дофеодальной

---

[19] Z. I v i n s k i s$_1$, SS. 26, 40. См. также реферат этой работы — Z. I v i n s k i s$_2$, pp. 28—45.

поры. Автор, как и его предшественники, обходит главный для нас вопрос о возникновении имущественной и социальной дифференциации населения. Он полагает, что «весь народ был изначально разделен на два больших класса» [20] — нобилитет и крестьян. Поэтому в его труде мы не найдем истории генезиса класса феодально зависимых крестьян, лишенных в той или иной степени собственности и свободы. Не найдем и оценки значения крестьянского вопроса для процесса становления Литовского государства как органа власти нобилитета, жившего за счет эксплуатации крестьянства, хотя понятно, что именно образование государства закрепило сословную неполноправность крестьян.

Далее. Автор не проводит разницы между свободными земледельцами и лично свободными крестьянами, подданными растущей государственной власти, которая предъявила права на всю землю страны. Это упущение привело к превратному и противоречивому истолкованию процесса эволюции крестьянского сословия. С одной стороны, автор полагает, что «13 и 14 вв. были временем по большей части свободного крестьянства, когда многочисленные несвободные и рабы в большинстве были иноземцами» [21], с другой стороны, поскольку «ничего не известно» о «черном» крестьянстве, автор допускает, что «в литовских землях крестьянское владение (Gut) появляется сравнительно поздно и большею частью в соединении с поместьем (Grundherrschaft)», и потому Литва «перепрыгнула» время свободного крестьянства, и крестьянское право здесь было «сравнительно тяжелым» [22].

Таким образом, утверждение о преобладании в языческой Литве XIII—XIV вв. свободного крестьянства на поверку оказалось недоказанным, да его и нельзя доказать, особенно если принять во внимание силу Литовского государства, экономическую мощь его господствующего класса: едва ли даже на Жемайтии были значительные группы крестьян, свободных от того или иного вида дани, а следовательно, той или иной зависимости от великого князя, удельных князей, бояр и т. п.

Конечно, уровень эксплуатации крестьян в XIII в. не тот, что в XV в., но и проводить между этими периодами качественную грань нет оснований, а автор именно так и поступает: «с христианизацией и унией развитие постепенно переходит на другой путь. Одновременно образуется дворянство» [23]. Последнее замечание показывает, что, по мнению автора, в Литве

---

[20] Z. Ivinskis, S. 24.
[21] Ibid., S. 162.
[22] Ibid., S. 58.
[23] Ibid., S. 162.

на протяжении почти двух столетий существовало государство, но при этом отсутствовали сложившиеся классы — крестьянство и дворянство.

Наконец, наименее убедителен автор в вопросе о формах хозяйства в Литве, в частности, он не смог доказать, что земледелие не составляло основу тамошнего хозяйства [24]. Да это утверждение противоречит и тому, что сам автор говорит о структуре общества. Страной правят земельные собственники [25], которым крестьяне сдают в виде оброка прежде всего продукты сельскохозяйственного производства (земледелия, некочевого скотоводства и т. п.) [26].

Работа М. Красаускайте посвящена истории литовских дворянских привилегий до конца XV в.; в ней бесспорно устанавливается, что литовское дворянство не было впервые вызвано к жизни унией, которая лишь ускорила его развитие. Исследовательница применила плодотворный подход к источникам и дополнила ценное, но лишь формально-юридическое исследование И. Якубовского, изучением привилеев в связи с политической борьбой современности. В сущности автор, анализируя привилеи 1387, 1413, 1434, 1447 и 1492 годов, устанавливает, что в языческой Литве существовало крупное землевладельческое дворянство, права и интересы которого лишь подтверждены унией и облечены в польские юридические нормы. Это один из элементов синтеза литовского общественного строя с более развитым польским. Синтез произошел в форме укрепления прежде всего крупной феодальной наследственной собственности. Но в силу исторически сложившихся особенностей Литвы этот процесс развития иммунитетных прав господствующего сословия оказался довольно длительным. Изученные автором привилеи за сотню с лишним лет хранят богатейшие сведения и для истории борьбы феодалов за ренту, и для анализа объема экономических и политических прав великокняжеской власти в Литве до унии, и для изучения состава повинностей частновладельческих крестьян.

Но и работа М. Красаускайте не содержит ответа на вопрос о происхождении господствующего сословия в Литве и связи его с генезисом государственного строя. И для этой исследовательницы Миндовг и Гедимин — создатели государства [27]. Корни литовского дворянства автор видит в местных династах и нобилитете, подчиненных Миндовгом, и в среде профессионального военного слоя и великокняжеских слуг, возникших

---

[24] Z. Ivinskis$_1$, S. 72.

[25] Ibid., SS. 54, 60.

[26] На это указал в своей рецензии Г. Ловмяньский. AW, X, 1935, str. 354—362.

[27] M. Krasauskaitė$_1$, S. 3.

в процессе наступления па Русь. Но это еще не господствующее сословие. Все «это были элементы, из которых в XV в. образовалось дворянство (der Adel) в западноевропейском смысле», а в XIV в. «отграничение от других слоев еще недостаточно велико, чтобы ставить боярство в один ряд с западноевропейским дворянством»[28].

Не ясен избранный автором критерий, а именно, степень такого «отграничения». Если брать в качестве критерия главный показатель — размер собственности и наличие эксплуатации труда зависимых крестьян, тогда мы принципиальной разницы между литовским и западноевропейским дворянством не найдем. Нельзя признать плодотворным рассуждение, построенное по типу: если нет юридических форм сословия в «западноевропейском смысле», то нет и сословия. Почему бы не допустить его существования, оформленного в «восточноевропейском смысле»? Ведь исторические-то условия образования и оформления сословий в Литве и, скажем, во Франции совершенно различны. Если принять трактовку, данную автором, то перед взором возникнет знакомая из других исследований картина: великие князья творят бессословное государство, правят в нем в течение двух столетий, дожидаясь унии для оформления прав господствующего сословия и «отграничения» его от других слоев населения в должном «западноевропейском смысле».

Недостаток работы М. Красаускайте попытался восполнить К. Авижонис, избравший темой для исследования возникновение и развитие литовского дворянства в XIII—XIV вв. до литовско-польской унии[29]. Автор собрал ценные сведения, характеризующие экономическое, общественное и политическое положение нобилитета. Он справедливо выступил против переоценки значения и русского, и польского влияния на общественный строй Литвы. Следуя М. Красаускайте, он отбрасывает мысль, будто бы уния создала литовское дворянство, она лишь «юридически утвердила то, что уже существовало»[30]. Он отвергает механическое отождествление порядков, бывших в русских владениях Литвы, с порядками собственно литовскими, чем грешила старая русская историография. Но при этом автор, обращаясь к другой крайности, утверждает, будто в коренной Литве «существовали совершенно особые типы развития дворянства»[31].

Оспаривает автор, и в этом его заслуга, мнение, согласно которому внешняя угроза со стороны Ордена, Руси и Польши

---

[28] M. Krasauskaitė₁, S. 5.
[29] K. Avižonis₁, S. 15.
[30] Ibid., S. 14.
[31] Ibid.

привела к единству Литвы [32]. Автор пытался перенести центр тяжести анализа на рассмотрение внутренних причин и условий образования и развития дворянства и государства.

Как же решает автор вопрос о возникновении и развитии дворянства и в связи с этим об образовании государства (последний вопрос автор зачастую отождествляет с объединением литовских земель)?

Автор признает, что в Литве накануне возникновения государства господствует уже территориальное деление; во главе территорий стояли знатные и богатые люди [33]. Связь между территориями почти отсутствовала, была ничтожна и «единство было лишь этнографическим и культурным» [34]. Население распадалось на небольшие общины [35]; нет оснований соглашаться со взглядом (которого придерживались В. Б. Антонович, С. Кутшеба, В. Каменецкий и др.) о господстве родовых союзов, ибо к началу XIII в. уже преобладали имущественные и социальные различия [36].

В принципе К. Авижонис исходит из обычного для буржуазной историографии представления, что социальные и имущественные различия мы находим у литовцев «изначально» [37]. Там, где население занимается земледелием, — пишет автор, — «в о з н и к а е т н е о б х о д и м о с т ь распада общества на кормильцев и защитников; первые из них — оседлые земледельцы, которые со временем развиваются в крестьянское сословие; другие — подвижные воины, из которых возникает позднейшее дворянство» [38].

Нобили появляются «различным образом» и на почве хозяйствования из крупных землевладельцев, и на поле военной деятельности, где большое значение для выдвижения первоначально имела личная сила, а потом — лучшее материальное положение [39]. Происхождение крупных землевладельцев автор не объясняет. Остается один путь — обогащение грабежом соседей. Но при этом непонятно одно, почему общественное неравенство возникает на основе грабежа соседей, а не соотечественников. Словом, возникновение и развитие нобилей объясняется внеэкономически.

Каким же образом складывается государство и какова его роль в судьбах дворянского сословия? Автор ставит вопрос

---

[32] K. A v i ž o n i s₁, SS. 40—41.
[33] Ibid., S. 20.
[34] Ibid., S. 19.
[35] Ibid., S. 21.
[36] Ibid., S. 22.
[37] Ibid., S. 17.
[38] Ibid. (подчеркнуто мной. —*В. П.*)
[39] Ibid., SS. 23—24.

более рационально, чем Г. Ловмяньский, допуская постепенное объединение волостей в более крупные территориальные организации. Силу, осуществляющую это объединение, он видит в князе, в Миндовге, который объединяет страну [40]. Источник же материального превосходства великого князя автор не ищет, ограничиваясь, как и в вопросе о происхождении дворянства, общим рассуждением в том смысле, что для объединения страны надо было иметь власть, а потому «возникла необходимость» для князя завладеть наибольшим числом земель, поэтому Миндовг стал изгонять их прежних владельцев, а собрав земли, он собрал и власть [41]. Следовательно, экономические причины образования крупной земельной собственности, обусловившей силу и власть ее владельцев, остались не раскрыты.

Правда, автор сделал много верных наблюдений над последующей эволюцией дворянства. Он высказал утверждение, что Миндовг боролся прежде всего за объединение страны и против непокорных его власти крупных землевладельцев [42] и что причина гибели этого князя кроется не в языческой реакции (как полагал И. Латковский), а в реакции против централизаторских устремлений [43]. К. Авижонис не сомневается в существовании крупного землевладения — княжеского, боярского и т. п. [44] Власть была в руках профессионального военного слоя, а потому крестьяне «должны были ему повиноваться» [45], как и вообще подвластные свободные [46] и несвободные элементы [47]. Заметив, что размеры тогдашних земельных владений трудно определить, автор высказывает рискованную догадку, что в то время вообще не было твердых границ ни государственных, ни частных [48].

Автор не решается порвать с недооценкой уровня развития классов в Литве: по его мнению, нобилитет, выделившись из среды свободных, еще не составил особого сословия и лишь позднее превратился в дворянство [49]. Он пишет, что в XIII в. еще рано говорить о сословии аристократии [50]. Только в конце XIV в. аристократия (дворянство — Adel), «которая прежде

---

[40] K. Avižonis₁, S. 35.
[41] Ibid., S. 37.
[42] Ibid., SS. 46, 72.
[43] Ibid., S. 49.
[44] Ibid., S. 63.
[45] Ibid., S. 59.
[46] Ibid., S. 69.
[47] Ibid., S. 64.
[48] Ibid., S. 62.
[49] Ibid., S. 67.
[50] Ibid., S. 70.

составляла лишь профессионально военный слой, впервые начала подниматься как значительная политическая сила»[51]. Эта мысль кажется особенно неубедительной, если принять во внимание вывод автора о том, что в XIV в. наблюдается тенденция к сокращению владений знати[52]. Политическое возвышение плохо вяжется с экономическим принижением.

Особенное сомнение вызывает мысль, что в течение двух столетий в Литве существовало сильное государство во главе с великим князем, которому якобы принадлежала «абсолютная власть»[53], с наследственной землевладельческой знатью разных рангов, подданными лично свободными и несвободными людьми, но притом будто бы это государство обходилось без твердых законов, определенных границ собственности и т. п.; словом, — сильное государство, жизнь которого регулировалась лишь обычаями.

Однако, если принять во внимание господство литовской знати в русских землях, которые размерами в несколько раз превышали территорию коренной Литвы, если учесть наличие значительного влияния норм русского права в Литве, включая и Жемайтию XV—XVI вв., то придется допустить, что еще до унии эти нормы (в частности, Русская Правда) нашли применение в стране в такой мере, что не смогли быть полностью вытеснены или поглощены польскими институтами. Остается признать, что на раннем этапе истории литовского феодального общества русские социально-правовые нормы были одной из составных частей синтеза нового общественного строя, как позднее такую же роль сыграли и польские социально-правовые элементы. При всем том в основе становления нового общественного строя в коренной Литве лежали, разумеется, местные обычно-правовые институты, модифицированные применительно к нуждам народившегося классового строя.

Серьезные возражения вызывает и трактовка некоторых вопросов внешнеполитической истории Литвы раннефеодального периода, данная в трудах литовских исследователей. Это прежде всего относится к оценке политики папской курии в Литве.

Обширной работой на эту тему является книга Ю. Стакаускаса, посвященная временам правления Миндовга. Автор оперирует значительным фондом источников. Весьма ценны соображения автора о документах — жалованных грамотах Миндовга, которые (кроме пожалования епископу Христиану) автор считает фальшивкой, изготовленной Орденом

---

[51] K. Avižonis₁, S. 15.
[52] Ibid., S. 82.
[53] Ibid., S. 73.

после смерти Миндовга из опасения перед притязаниями чешского короля Пшемысла II на Прибалтику [54]. Любопытны предположения Ю. Стакаускаса о том, что Миндовг не порывал своих отношений с курией [55]. Хотя поставленный им вопрос, как он и сам признал, «вполне решить трудно» [56], но привлеченные в этой связи данные интересны для истории внешней политики Литвы.

Однако в целом книга Ю. Стакаускаса внутренне противоречива. Справедливо выступая против идеализации отношений Руси и Польши с Литвой, допущенной в историографии [57], сам автор встал на путь идеализации политики курии. Он задался целью представить эту политику как миссийную, просветительскую, которая подлежит оправданию, если исходить из воззрений той эпохи [58]. Вину за методы, чуждые миссии, применяемые в Литве, автор возлагает на Орден, который в отличие от курии руководствовался «политическим эгоизмом» [59]; им руководствовалась и Рига, а о королевстве Миндовга пекся лишь папа [60].

Автор явно преувеличивает значение церковно-политических вопросов вообще и их роль в истории Литвы в частности. Говоря о большом значении опеки св. Петра для каждого государства [61], утверждая, что папство оберегало государственный и церковный суверенитет Литвы [62], и потому оценивая соглашение Миндовга с курией как его «самую крупную победу» [63], автор закрывает глаза на то, что курия охотно поступалась суверенитетом любой страны ради своих фискальных и политических интересов: разве не поступилась она суверенитетом Польши в пользу Ордена, разве не вопреки воле курии пришлось венгерскому правительству вооруженной рукой изгонять тевтонских рыцарей из Семиградья? Подобных примеров множество.

Данная автором характеристика курии плохо вяжется и с тем, что сам он говорит о курии как помощнике Ордена и организаторе похода на литовские земли перед битвой при Дурбе [64]. Не меняет дела тот факт, что наступление шло на языческую Жемайтию, ибо в случае ее подчинения Ордену

---

[54] J. Stakauskas₁, pp. 138, 140 и сл., 176.
[55] Ibid., p. 185.
[56] Ibid., p. 240. Ср. A. Prochaska₅, str. 62 и сл.
[57] J. Stakauskas₁, pp. 27—28.
[58] Ibid., p. 37.
[59] Ibid., pp. 32, 114—115.
[60] Ibid., p. 79.
[61] Ibid., p. 86.
[62] Ibid., p. 90.
[63] Ibid., p. 92.
[64] Ibid., p. 151.

положение Литвы неизмеримо ухудшалось, и уж, конечно, не папские буллы помогли бы сохранению ее независимости. Гипертрофировав церковно-политический вопрос, автор свел к нему всю политическую историю Литвы: Миндовг — носитель прогресса, ибо он выступал за соглашение с курией, а Тройнат — «вождь консервативной партии» [65], который использовал партикуляризм литовских племен против монархии, против Миндовга, провозгласившего идею сближения с Западом.

Девизом своей книги Ю. Стакаускас избрал слова Ранке: «Для суждения о какой-либо эпохе должны применяться обычные (может быть — моральные — sittliche. — *В. П.*) критерии, взятые у самой этой эпохи». Это, конечно, справедливо, но лишь в том случае, если автор имеет правильное представление о сущности самих критериев и способен познать их достоверность. Для книги Ю. Стакаускаса в качестве эпиграфа более подходят слова К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященные тем авторам, которые видят в истории «только громкие и пышные деяния и религиозную, вообще теоретическую борьбу» и потому оказываются вынужденными при изображении данной исторической эпохи «разделять иллюзии этой эпохи» [66].

Еще более рьяным апологетом курии оказался А. Степонайтис, который даже Ю. Стакаускаса осуждал за непоследовательность, за его утверждения, что курия содействовала и Ордену, врагу Литвы [67]. Сам автор непоколебимо уверен, что «папа, беря Миндовга и его государство под свою опеку, не собирался порабощать Литву, не собирался владеть ею на правах лена или использовать как-либо иначе; он желал лишь, чтобы она была крещена и жила свободно. Опека св. Петра должна была дать отпор посягательству других, особенно Ордена, а королевская корона — должна была возвысить (Литву. — *В. П.*) среди соседей» [68]. По его мнению, папу в лучшем случае интересовала фискальная сторона дела и перспектива связаться через Литву с Русью и иметь сильного союзника против татар [69]. Это провинциальный взгляд на курию, который легко опровергается при рассмотрении восточноевропейской политики курии в целом. Более здраво о политике курии судил П. Шлежас, когда писал, что курия преследовала и религиозные, и политические интересы в Литве:

---

[65] J. Stakauskas₁, p. 253.
[66] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 38.
[67] A. Steponaitis₁, pp. 19, 26, 31.
[68] Ibid., p. 93.
[69] Ibid., p. 94.

ей хотелось иметь сильное католическое государство, чтобы задержать распространение православия на Запад и поддерживать политическое равновесие, не давая усиливаться ни архиепископу рижскому, ни Ордену [70].

При оценке литовской буржуазной историографии в целом бросается в глаза, что часть крупных исследований была написана литовскими историками в качестве диссертаций в различных университетах Германии и опубликована на немецком языке в Лейпциге, Берлине и других городах. Эта, казалось бы внешняя, связь литовской буржуазной науки с немецкой, наложила свою печать и на концепции ряда трудов. Другая примечательная черта литовской буржуазной историографии — значительное влияние, оказываемое на нее представителями католической церкви, некоторые из которых являются авторами весьма солидных трудов (З. Ивинскис, Ю. Стакаускас, А. Степонайтис и др.).

Наконец, было бы несправедливо забыть еще одну черту этой историографии — ее тесную связь с политикой. Воспевая деятельность литовских королей и папской курии, историки знали, что́ делали. Ю. Стакаускас посвятил свою книгу Patri Lithuaniae patriae президенту А. Сметоне, а П. Шляжас свою работу «Миндовг — король Литвы» — четвертому полку имени Миндовга в честь пятнадцатилетия «освобождения» им Паневежиса «от большевиков». Фигура Миндовга не случайно привлекала к себе внимание литовских историков, ибо в 1918 г. литовская буржуазия собиралась посадить на литовский престол герцога Вильгельма фон Урах принца Вюртембергского в качестве католического короля Миндовга II. Но революционная борьба трудящихся Германии сорвала эти планы [71]. Извращая древнюю историю своей страны, и, в частности, время Миндовга, литовская буржуазная наука служила политическим целям сметоновского режима.

С освобождением Литвы от буржуазно-помещичьего гнета и ее вступлением в Советский Союз часть буржуазной интеллигенции изменила своему народу, эмигрировала и встала на путь борьбы против интересов родины. Ныне некоторые историки-эмигранты (З. Ивинскис — в ФРГ, К. Юргела — в США, Ф. Невeравичюс — в Англии и др.) следуют худшим традициям литовского буржуазного национализма. Так, Ф. Неверавичюс и другие, сотрудничая в сборнике Alma Mater Vilensis, составляемом при участии литовских и польских эмигрантов, печатают полупублицистические статьи, в которых по-

---

[70] P. Šležas$_1$, p. 357.
[71] В. И. Пичета$_8$, стр. 89.

вторяют старые выводы из своих и чужих работ. Это не мешает им толковать об упадке литовской советской науки и считать себя истинными носителями «народного духа» [72].

4. НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Немецкая историография, посвященная собственно истории Литвы, относительно невелика и касается лишь некоторых вопросов. Это, во-первых, вопросы литовско-прусской исторической географии (работы А. Бецценбергера, представляющие серьезный вклад в исследование предмета, чего нельзя сказать о тенденциозных штудиях Г. Мартенсена и Г. Гейнриха). Истории взаимоотношений Литвы с Орденом посвящена другая группа работ. Это прежде всего книга Р. Крумбгольца, касающаяся Жемайтии, а также исследования К. Форштрейтера. Наконец, изучением литовской языческой идеологии плодотворно занимались В. Маннгарт, А. Брюкнер, Г. Бертулейт и М. Фасмер. Этим, если не считать старинного курса истории Литвы А. Л. Шлецера, и исчерпывается перечень немецких работ, непосредственно относящихся к нашей теме.

Но немецкая историография, всесторонне разрабатывая историю немецкого Ордена и его деятельности в Восточной Прибалтике, привлекла и обширный материал, характеризующий экономическое, политическое и культурное развитие коренного населения части Поморья — пруссов, а также политику некоторых европейских держав и папской курии в отношении агрессии немецких рыцарей на Восток. Понятно, что мы не можем пройти мимо этих работ потому, что нам далеко не безразлична судьба пруссов, этнически близких литовцам, и, кроме того, нас интересует все, что может помочь пониманию международных, внешнеполитических условий образования государства в Литве.

Немецкая историография Пруссии поистине необъятна (лучшая ее библиография принадлежит Э. Вермке), но проникнута она одним стремлением — показать немецкий Орден как носителя высшей культуры, превознести его и прославить. Эта историографическая тенденция вполне соответствовала агрессивным политическим целям прусского юнкерства и немецкой буржуазии.

Но, даже трудясь над решением этой задачи, многие исследователи привлекли разнообразные новые источники и соз-

---

[72] См. F. Neveravičius₁, p. 304; ср. в том же сборнике статью B. Podoski, p. 165 и др. См. предисловие К. А. Маннинга к книге C. R. Jurgėla₁, цель опубликования которой—показать, что в истории Литва могла играть роль бастиона «западной цивилизации». См. В. Т. Пашуто₆, стр. 62.

дали работы более широкого значения. Прежде всего это относится к многочисленным и очень ценным источниковедческим трудам М. Перльбаха, к исследованиям Г. Ратлефа, Р. Линдера, П. Экке и др. (о ливонской Рифмованной хронике), А. Серафима (о Франциске де Молиано), В. Циземера (о хронике Николая из Ерошина), Г. Бауера (о хронике Петра Дюсбурга), А. Томаса и Г. Мюллера (о дорожниках), а также к работам по истории прибалтийского права (Ф. Г. Бунге, Б. Фрост, Г. Киш и др.).

Фундаментальные труды посвящены социально-экономической истории Пруссии. Изучая прежде всего историю немецкой экономической колонизаторской политики, авторы этих трудов вместе с тем не только охарактеризовали структуру и функции орденского аппарата экономического управления, основные тенденции экономической политики Ордена, но и пролили свет на социально-экономическое положение коренного населения под властью Ордена и даже на его жизнь и быт времени существования федерации независимых прусских земель. Здесь надлежит упомянуть исследования Г. Аубина, В. Брюннека, Г. Плена, Р. Плюмицке, Е. Вильке и Е. Эльснитц.

Политическая история Восточной Прибалтики представлена серией работ, начиная от сводного труда А. Л. Шлецера и кончая монографиями Э. Боннеля, Ф. Шварца, Л. Арбузова и др. Эти работы богаты фактами, но пронизаны идеей апологии Ордена. Политическая история Пруссии под пером немецких дворянско-буржуазных ученых также превратилась в эпопею завоевания прусских земель немецкими рыцарями. Но и такие работы приносят пользу историку Литвы, помогая правильнее оценить те силы, против которых пришлось бороться народам Прибалтики и Литвы. Из работ по этой теме следует назвать многотомные труды И. Фойгта и А. Эвальда, а также монографии К. Ломейера. Кроме того, несколько крупных исследований специально посвящены истории Ордена в Пруссии — работы О. Циппеля, К. Касиске, Х. Крольмана, Э. Машке и др.

Много внимания было уделено немецкой буржуазной наукой (в чем ей содействовала и скандинавская наука, представленная публикациями на немецком языке) жизнеописаниям наиболее крупных деятелей той поры: руководителей Ордена, вроде Германа фон Зальца (Э. Каспар); проводников политики курии, вроде кардинала Вильгельма из Сабины (Г. А. Доннер); наиболее крупных папских агентов — миссионеров, вроде Бруно из Кверфурта и Адальберта из Праги (А. Кольберг, Г. Фойгт), епископа Христиана (Ф. Бланке) и др. Немало сделано и по истории политических и экономических взаимоотношений Ордена с другими странами — с рыцарскими коло-

ниями «святой земли» (Г. Прутц), с папской курией (В. Фридрих), с Русью (Г. Шрёдер, Л. К. Гётц).

Имеются немецкие работы, специально посвященные отдельным вопросам истории самих древних пруссов,— таковы исследования М. Тёппена, который внес много нового в изучение их истории вообще; работы О. Гейна и Б. Мартини — по истории хозяйства пруссов; серия работ В. Герте, В. Лабома, а также шведа Г. Аберга — по материальной культуре; внешние связи пруссов отражены в группе работ, касающихся прусско-скандинавских (И. Гарттунг, О. Монтелиус, М. Эберт, Б. Нерман и др.), а также прусско-английских (К. Газенкамп, А. Горн и др.) взаимоотношений.

Наконец, надо принять во внимание и огромную публикаторскую работу, выполненную немецкими историками-археографами (Ф. Г. Бунге, Т. Гирш, М. Тёппен, Э. Штрельке и др.), издавшими корпусы актовых документов по истории ливонского и прусского Орденов, по истории епископств Помезании, Вармии и Самбии, а также собрание немецких средневековых хроник.

Много сделано немецкими учеными для изучения прошлого Пруссии, но, как уже отмечено в науке [1], истории прусского народа они так и не создали. Развитие концепции немецкой дворянско-буржуазной историографии Прибалтики зависело от ее взгляда на значение Ордена — главного и наиболее опасного врага независимости народов Восточной Прибалтики. Апология Ордена закрыла немецким историкам путь к объективному анализу истории не только Литвы, но и Восточной Прибалтики.

Обратимся к рассмотрению взглядов некоторых наиболее видных и типичных для данного направления науки представителей этой историографии. Историографическая традиция этого рода, делившая народы на «доисторические» и «исторические», очень стара, она восходит еще к немецким средневековым хроникам [2]. Она ярко выражена в труде современника Н. М. Карамзина, известного историка А. Л. Шлецера, который писал: «...до появления у литовцев государства они жили, разумеется, как дикари: ибо где во всей 6000-летней мировой истории есть хоть один пример, чтобы люди без государства жили по-людски? Дикари, однако, не имеют истории, но лишь, как звери, подлежат природоведению» [3].

Относительно создания государства в Литве А. Л. Шлецер откровенно изложил взгляд, который впоследствии не раз встречается, менее ясно сформулированный, во многих трудах.

---

[1] H. Łowmiański$_8$, str. 18.
[2] Я. Зутис$_1$, стр. 6.
[3] A. L. Schlözer$_1$, S. 23.

Дело, по его мнению, в том, что окрепли Русь и Польша — соседи Литвы — и начали воевать, а «завоеватели, как и тигры и потоки, уже не раз имели в этом мире ту заслугу, что они понуждали людей, прежде разбросанных, объединяться из страха перед ними в государства и становиться людьми (menschlich zu werden). Так возникли Новгород и Киев из страха перед норманнами и хазарами; так, кажется, «Польша возникла из страха перед франками; так и Литва — из опасения перед Польшей и русскими» [4]. Новое государство создали князья посредством грабежа [5].

Восхвалением мнимых исторических заслуг Ордена пронизаны многие труды. В книге Р. Крумбгольца исследуется вопрос о взаимоотношении Жемайтии с немецким Орденом. Автор сделал опыт характеристики политических границ Жемайтии (уточненных позднее С. Заянчковским), привел интересные сведения относительно экономики этой страны, ее политического строя, который он, вслед за М. Тёппеном [6], расценивает как «аристократическую территориальную структуру» [7]. Вопроса о происхождении этой «структуры» автор не касается.

Однако центр тяжести и смысл книги в другом: не захват богатств Жемайтии, а «здоровая» орденская политика — вот что требовало устранения жемайтского клина между владениями прусского и ливонского Орденов; т. е. само географическое положение страны требовало наступления рыцарей [8].

«Как эта борьба началась, как Орден, не раз бывший у цели своих стремлений, в конце концов, все же потерпев крушение своих планов, должен был признать, что кровь столь многих его сынов пролита напрасно—вот что составляет задачу настоящей работы» [9], т. е. это не история Жемайтии, а история агрессивной борьбы и неуспеха Ордена в ней.

Весьма подробно, используя свежие источники, изобразил автор борьбу Ордена против Жемайтии, дав ей в основном правильную периодизацию (1236—1283, 1283—1341 гг.); потому всякий, кто будет изучать историю освободительной борьбы жемайтов как один из важных факторов образования и развития Литовского государства, воспользуется этой книгой. Автор признает, что в течение ста лет жемайты мужественно и стойко сражались за свободу и что к 1341 г., хотя они и потеряли некоторые крепости, а на границе появилось несколько немецких замков, независимость ими была сохра-

---

4 A. L. Schlözer₁, S. 28.
5 Ibid., S. 40.
6 M. Toeppen₁, S. 41.
7 R. Krumbholtz₁, S. 18.
8 Ibid., S. 20.
9 Ibid., S. 21.

нена, и лишь будущее могло показать, на чьей стороне окажется победа[10].

Аналогичный угол зрения избрали и немецкие историки Пруссии. Почти вся их энергия ушла на описание немецкого наступления на Прибалтику. Одной из наиболее фундаментальных работ на эту тему является четырехтомное исследование А. Л. Эвальда «Завоевание Пруссии немцами». Освободительная борьба пруссов, как и эстонцев и латышей, яркая и поучительная сама по себе, была важным фактором, влиявшим на процесс становления и развития Литовского государства.

В книге А. Л. Эвальда собраны и систематизированы факты, среди которых историк пруссов, исследователь их борьбы за независимость может найти немало нужного. Но факты эти довольно однообразны, ибо автор подобен хронисту Петру Дюсбургу, перенесенному в XIX в. По хронике Дюсбурга рисует он историю крестоносного разбоя, дополняя ее данными о международных отношениях, которыми не располагал старый хронист, т. е. сведениями о папской курии, империи, а также Польше, Чехии и других странах, заинтересованных в прибалтийском вопросе; включил автор в свою книгу и биографические данные о магистрах, ландмейстерах, епископах и т. п. деятелях.

Книга внутренне противоречива, ибо автор рисует картину жестокого истребления пруссов, а толкует о приобщении Орденом народа к христианской культуре[11]. Если бы даже истребленных пруссов хоронили по христианскому обряду, то и тогда подобное массовое приобщение к этой культуре едва ли заслуживало апологии.

Автор сам чувствует это противоречие и потому кое-где снабжает текст просвещенными сожалениями о вызванной временем жестокой и предательской политике Ордена: «И то и другое, предательство и жестокость, тянутся через всю последующую войну; именно это, невзирая на обычно отважные прекрасные действия рыцарей, часто отталкивает нас от них и часто влечет на сторону побежденных пруссов»[12]. Но автор стойко преодолел это влечение и в своей книге не сделал различия между освободительной борьбой пруссов и завоевательным разбоем Ордена.

Говоря об обвинениях, выдвинутых против Ордена его противниками в 50-х годах XIII в., в варварском угнетении покоренных, автор замечает, что в них было «зернышко правды»[13], но что «в целом» в орденских владениях Пруссии господст-

---

[10] R. Krumbholtz$_1$, S. 66.

[11] A. L. Ewald$_1$, Bd. I, S. 32.

[12] Ibid., S. 151.

[13] Ibid., Bd. III, S. 161.

вовали «хорошая дисциплина и порядок» [14]. Ниже, однако, он сам пишет, что «население попало в крайнюю нужду, бедность, нищету» [15], что оно было чуждо и враждебно Ордену [16].

Лейтмотив книги остается неизменно один: «Мы, немцы, должны радоваться, что Орден создал новую пограничную область, в которой рядом с христианством также и немецкая жизнь пустила сильные корни, и где позднее вырос один из крепких стволов (resp. родов) нашей Германии,—это было благословенное деяние» [17]. Дюсбург, сообщая тенденциозные легенды и предания о доблести рыцарей и жестокости язычников, содействовал воспитанию членов Ордена в духе ненависти и жестокости к покоренным; унаследовав его факты и идеи, А. Л. Эвальд своим трудом служил делу юнкерско-буржуазного «германизма» 70—80-х годов XIX в.

Изложение событий дано по «завоеваниям»: «Завоевание Помезании», «Завоевание Погезании» и т. д., впрочем, с одним любопытным исключением. Том первый, заканчивающийся на 1242 г.— кануне восстания пруссов, доведен лишь до захвата ливонскими рыцарями Изборска и Пскова и сопровожден выводом: «Таким образом этот первый поход Ордена, который он предпринял для обеспечения безопасности немецких владений на Двине и Эмбахе (Эмайые.— *В. П.*), сопровождался хорошими результатами» [18]. Для соблюдения объективности автору следовало вспомнить и о битве на Чудском озере, тогда 1242 год как грань событий приобрел бы должное обоснование; правда, результаты похода выглядели бы не столь хорошими.

Ошибочно трактует автор и вопрос о значении монгольского нашествия для Прибалтики. Он устанавливает, что прямого отношения к Пруссии это нашествие не имело, следов похода сюда нет [19], но утверждает, что оно оказало положительное влияние на язычников, содействуя подъему их борьбы [20]. Едва ли. У пруссов были и без того достаточно веские основания для борьбы, нашествие же, ослабив Русь и Польшу, было в середине XIII в. объективно на руку Ордену.

Наконец, автор разделяет еще одну мысль, которой особенно посчастливилось в последующей немецкой историографии. Он считает, что причина борьбы между Орденом и епископами (в частности, Христианом) коренилась в разности

---

[14] A. L. E w a l d₁, Bd. III, S. 162.
[15] Ibid., S. 163.
[16] Ibid., S. 164.
[17] Ibid., Bd II, S. 165—166; ср. Bd. IV, S. 290; ср. Bd.I, SS. 32—33, 82 и др.
[18] Ibid., Bd. I, S. 235.
[19] Ibid., Bd. II, S. 64, Anm. 2.
[20] Ibid., SS. 65, 76.

их целей: один стремился покорить, другой — просветить [21]. Эта мысль стала предметом дискуссии среди немецких ученых новейшего времени, которые как будто совсем забыли, что и для Ордена, и для епископа главной целью оставался захват прибалтийских земель.

Э. Каспар посвятил свой труд Герману Зальца, который был «реальным политиком» и умел использовать в своих целях и папскую курию и враждебных ей германских императоров: он не отличался принципиальностью [22]. Автор привел интересные данные о ранних этапах деятельности Тевтонского Ордена в Венгрии, о борьбе за земли между Орденом и епископами, он справедливо оценил воззвания курии и империи к народам Прибалтики как продукт имперской пропаганды [23], но общий вывод о значении этих сил для Ордена сделал неправильный: «не благосклонность императора и еще менее милость папы, а меч рыцарей и политическое искусство великих магистров создали Орденское государство»[24]. Орден не решил бы своей задачи без притока рыцарей из Тюрингии, Саксонии, без идеологической и организационной помощи курии, сумевшей привлечь к содействию Ордену даже Чехию, Польшу и другие страны. Нет нужды говорить, что и для этого автора Орден — форпост христианской германской культуры[25].

Другой автор, Ф. Бланке, посвятивший свои работы епископу Христиану, напротив, идеализирует политику курии и ее ставленника. Автор будто забывает о делах курии в Венгрии, на Руси, в Финляндии,— словом, в Восточной Европе. По мнению Ф. Бланке, на место бескорыстного просветителя пришел алчный завоеватель, подчинивший святое дело духу насилия, политике [26].

Специальную работу о немецком Ордене в Пруссии написал Э. Машке, сопроводив ее подзаголовком «Завоевание и обращение в прусско-балтийской миссии XIII в.». Здесь анализ окончательно сдвинут в ошибочную плоскость: миссийный характер Ордена подразумевается сам собой, и в центр изучения поставлены противоречия между Орденом и курией, как противоречия между двумя формами миссии. Но всякому непредубежденному исследователю ясно, что церковь не чужда политике, она — лишь орудие последней, и коллизия, которую так красочно живописал Э. Машке, надуманная; от мирского тогда отмежевывались либо правоверные простаки, либо лу-

---

[21] A. L. E w a l d$_1$, Bd. II, S. 165.
[22] E. C a s p a r$_1$, S. 3.
[23] Ibid., S. 26.
[24] Ibid., S. 39.
[25] Ibid., S. 53.
[26] F. B l a n k e$_1$, S. 41; ср. F. B l a n k e$_3$, S. 40.

кавые папские демагоги. Собрать их заявления — дело нетрудное, но свести к ним Drang nach Osten значит дать хоралам заглушить звон динариев св. Петра. Мысль автора состоит в том, что меч пресек первоначальную папскую идею миссии, а на ее место поставили другую, орденскую. Он полемизирует с Ф. Бланке, который критически оценивал Орден: «в конце концов не только германизация, но и христианизация Пруссии покоится на Ордене и его действиях, а не на методах Христиана» [27]. Конечно, Орден не безупречен. Он «не всегда обладал дисциплиной крестоносцев, и происходило кое-что, чего он не хотел и не одобрял», но «война имела свои собственные законы» [28], а папство — свои планы. Курия «рассматривала силы, участвующие в политике миссий,— были ли это отдельные священники, корпорации или светские князья,— лишь как факторы целого, которое она одна направляла и оберегала», и «сбалансирование соперничавших сил могло лишь обеспечить ее авторитет» [29].

Неосновательно считая первых миссионеров чуждыми делу Ордена, автор пишет, что «папство допустило падение истинного миссионера в пользу государственных деятелей и солдат креста; политическое развитие папства требовало и от миссии большего политического размаха» [30]. Влияние освободительной борьбы пруссов на смену форм «миссии» автор не изучает.

Автор начал интересную работу по комплексному изучению договоров между завоевателями и аборигенами Прибалтики, но он искал в них не отражение борьбы народов за свободу, а прежде всего борьбу рыцаря с монахом [31]. И общий вывод Э. Машке в том и состоит, что «рыцарь победил монаха» [32]. Эта работа — ловкая попытка идеологической реабилитации и рыцаря, и монаха. Над ней витает тень А. Л. Эвальда. Как мы видели, подобные идеи немецких историков вводили людей в заблуждение, они получили отклик в польской и литовской историографии. Как бы то ни было, документы, привлеченные немецкими историками, помимо их воли, обнажают корыстные распри в среде захватчиков и помогают правильнее оценить политику всех участников агрессии.

К серии перечисленных исследований примыкает опубликованная в Хельсинки книга Г. А. Доннера, содержащая

---

[27] E. Maschke$_1$, S. 76.

[28] Ibid., S. 18.

[29] Ibid., S. 19. С аналогичных позиций написана и книга, посвященная завоеванию Орденом земель куршей и земгалов. См. E. Chudzinski$_1$, SS. 2, 90.

[30] E. Maschke$_1$, S. 77.

[31] Ibid., SS. 38, 43.

[32] Ibid., S. 33.

характеристику деятельности одного из виднейших проводников политики курии в северо-восточной Европе, кардинала Вильгельма. Автор менее связан традициями германской «миссии» и полагает, что и мирная, и вооруженная миссии были равно богоугодны [33]. Автор здраво характеризует Вильгельма как крупного политика, бывшего под стать Герману Зальца; он тоже умел прекрасно балансировать между империей и папством [34]; он ни в коей мере не собирался менять нормы и формы эксплуатации, введенные Орденом в Прибалтике [35]; он — видный организатор наступления рыцарей на Русь [36].

Занимаясь биографией Вильгельма, автор освещает колонизацию уцелевшего от христианства куска Европы силами Германии, Дании и Швеции [37]; в его книге можно найти немало нового о противоречиях между курией, Орденом и Данией [38]. Кардинал представлен активным деятелем фискальной политики курии: он сумел выжать «большую сумму» из датского короля [39], сорвал 4 тыс. марок с Англии [40], получил 30 тыс. марок с Норвегии [41] и т. д. Обычно, когда заходит речь о папской «миссии» на Восток, буржуазные исследователи забывают, что направляли ее крупнейшие финансисты, ибо папы ворочали колоссальными капиталами, поклоняясь золотому тельцу с не меньшим рвением, чем пруссы своим языческим богам.

После второй мировой войны и образования Федеративной Республики Германии здесь, а также отчасти и в Австрии, старые идеи немецкой империалистической историографии нашли новое выражение в публикациях М. Тумлера, В. Губача и других по истории Ордена, в новой книге А. М. Амманна по церковно-политической истории. Вышли и некоторые работы В. Юнгфера, М. Гельманна, Г. Шплита и других, относящиеся к истории Литвы.

Книга А. М. Амманна, изданная на немецком языке в Вене, не является специальным научным исследованием. Это — учебное пособие — «Очерк восточнославянской церковной истории». Историю церкви этот автор рассматривает главным образом в плоскости внешних сношений и влияний, почти не связывая ее с внутренними экономическими и политическими условиями общества.

---

[33] G. A. Donner, S. 241.
[34] Ibid., S. 3.
[35] Ibid., S. 93.
[36] Ibid., S. 115.
[37] Ibid., S. 1.
[38] Ibid., S. 167 и сл.
[39] Ibid., SS. 147, 157.
[40] Ibid., S. 315.
[41] Ibid., S. 307.

В свое время мы возражали против данной автором трактовки политики курии в Восточной Европе [42]. Ныне автор стал более скуп на похвалы курии за распространение «западного культурного влияния», но зато он замалчивает и активную поддержку курией агрессии на Востоке, маскирует ее экономические и политические цели. Он повторяет уже известную нам мысль о том, что мирские дела Ордена нарушили чистоту миссии: «Папы Клемент III, Целестин III и Иннокентий III рассматривали миссию, как чисто папское предприятие. Но и они были детьми своего времени. И они были того мнения, что каждый, кто после крещения оставит веру, делается виновным в тяжелом проступке не только перед богом, но и перед людьми и должен силой быть приучен сохранять верность и силой же защищен от всех, кто ему в этом захочет воспрепятствовать. Таким образом, психологически оказалось необходимо иметь вооруженное войско, которое могло бы взять на себя эту задачу» [43].

Выходит, что не экономические, а психологические мотивы побуждали курию поддерживать наступление на народы Восточной Европы.

Автор хочет сказать, что силы, собранные курией, вышли из ее повиновения и потому грубые действия Ордена вызвали вражду к «Западу». Он так и пишет: «Накопленная в них (речь идет о Риге и Ордене.— *В. П.*) религиозная и мировоззренческая сила (weltanschauliche Kraft) со всеми ее людскими мнениями, по самой своей природе не могла оставаться бездеятельной». Уже скоро, в 1207 г., епископ оставил «линию пап» и принес ленную присягу немецкому императору [44]. Затем начались войны, с победами и поражениями, что и «укрепило окончательно вражду к Западу. Именно латиняне во имя креста (только ли креста?— *В. П.*) воевали против них, именно они завоевали Константинополь» [45]. Верно, что Орден был наиболее циничным выразителем той политики курии, которую А. М. Амманн пытается обелить. Но и курия посылала в Восточную Европу, в Ригу и в Орден не философов и богословов, а отряды рыцарей, включая и тех, которые у себя на родине подлежали карам за разбои.

Сочинения историков-реваншистов встречают решительный отпор в марксистской науке Германской Демократической Республики [46].

---

[42] В. Т. Пашуто$_2$, стр. 239 и сл.
[43] A. M. Ammann$_1$, S. 51.
[44] Ibid., S. 51—52.
[45] Ibid., S. 52.
[46] См. F. H. Gentzen$_2$, str. 278—290; F. H. Gentzen$_3$, SS. 1214—1222., см. так же В. Т. Пашуто$_8$, стр. 60.

Не все, однако, смотрели на историю Литвы глазами Н. Г. Устрялова и А. Л. Эвальда. Внимание многих передовых мыслителей Германии, России, Польши привлекала история литовского народа, в частности, его освободительная борьба с рыцарями Ордена, его культура.

Эти люди не оставили специальных исследований по истории Литвы, но оценивали ее прошлое как гуманисты. Немецкий философ И. Г. Гердер писал: «Человечество ужасает кровь, которая здесь проливалась в долгих диких войнах до тех пор, пока древние пруссы не были окончательно истреблены, а курши и летты обращены в рабство, под игом которого они томятся еще и ныне» [47]. Он мечтал о времени, когда эти народы вновь обретут землю и свободу, гнусно украденную у них рыцарями.

Немецкие поэты восторгались литовским эпосом. «Сегодня я встретил редкость, которая меня бесконечно позабавила,— писал Г. Е. Лессинг.— Некоторые литовские Dainas или песенки, как их поют литовские девушки.— Какое наивное остроумие!— Какая пленительная простота! — Отсюда можно заключить, что под каждой полоской неба рождаются поэты и что пылкие чувства не являются привилегией цивилизованных народов» [48]. Ему вторил В. Гёте, приветствовавший немецкое издание дайн [49]: «Эти песни надо рассматривать как вышедшие непосредственно из народа, который стоит много ближе к природе, а следовательно, и к поэзии, чем просвещенный мир» [50]. Литовские предания вдохновляли А. Шамиссо [51] и П. Мериме [52].

Свободолюбивую Литву, ее природу воспел великий польский поэт Адам Мицкевич, который считал, что история Литвы представляет «благородный материал для поэзии». Достаточно назвать его поэмы «Гражина», «Конрад Валленрод» и др. Немец-

---

[47] J. G. Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, IV Teil. Riga — Leipzig, 1791, S. 21.

[48] G. E. Lessing. Literaturbriefen, Bd. II, S. 242.

[49] Goethe's sämmtliche Werke, Bd. 33, Stuttgart — Tübingen, 1840, SS. 339—341.

[50] См. E. Jenisch. Goethe und die Dainos.— Ostdeutsche Monatshefte, 1930, 11 Jahrgang, H. 7, SS. 417—422. Ср. A. Domeikaitė. Die litauische Volkslieder in der deutschen Literatur, Diss. München, 1928; I. Skrupskelis. Die Litauer in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts. Diss. Wien, 1932.

[51] См., например, Adalbert von Chamisso. Der Sohn der Witwe, Werke, 5 Auflage. Berlin, 1864, Bd. 1, SS. 164—166.

[52] См. его повесть «Локис» (1869 г.), действие которой происходит в Жемайтии, а основу составляет перенесенное в современность предание о человеке-звере (Проспер Мериме. Избранные сочинения, т. 2, М., 1957, стр. 571—610).

кий рыцарь — это «пес, разжиревший на литовской крови». Литовцам «легче лечь костьми в борьбе кровавой, чем увидать врага в своем дому». Поэт не забывал Литву даже в крымских сонетах [53].

А. С. Пушкин писал, о пребывании своего польского друга в Крыму:

«Там пел Мицкевич вдохновенный
И посреди прибрежных скал,
Свою Литву воспоминал» [54].

В варшавском обществе друзей науки К. Богуш прочитал в 1806 г. доклад «О начале литовского народа и языка». В противоположность полонизаторам от науки он требовал внимания к народу, который, кроме языка, «никаких других памятников не имеет» [55], и спорил с теми, кто называл этот язык хлопским и убогим.

В России великодержавные схемы официальных историков встречали решительное осуждение передовых умов. О трудах того же Н. Г. Устрялова революционный демократ А. И. Герцен отзывался, что они написаны «по трафаретам министра Уварова и по мотивам Николая Павловича» [56].

Лучшие прогрессивные традиции передовой мысли прошлого были унаследованы советской литванистикой.

5. ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В СОВЕТСКОЙ И НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение досоветской литовской историографии вопроса показало, что в теоретическом отношении ей свойственны такие черты, как отрицание исторической закономерности, а потому — «осторожность», прикрывающая агностицизм; отрицание первенствующего значения экономики в истории и отрыв политики от экономики; отрицание классовой природы государственной организации общества, а потому стирание граней между классовым и доклассовым строем и смешение таких категорий, как род, семья, племя, община; отрицание творческой роли народных масс в истории, а потому переоценка роли личностей — князей, полководцев. Следовательно, ей присущи те же черты, что и русской (да и не только русской) социологии,

---

[53] См. Адам Мицкевич. Избранные произведения, т. I. М., 1955, стр. 320, 284, 292, 180.

[54] А. С. Пушкин. Путешествие Онегина. Полн. собр. соч., т. 3, М. 1954, стр. 155.

[55] X. Bohuszі, str. 151 и др.

[56] А. И. Герцен. Сочинения, т. X, Птг., 1919, стр. 377.

осложненные зачастую изрядной долей великодержавного и местного национализма.

Теория марксизма по вопросу о происхождении государства, наиболее полно изложенная Ф. Энгельсом в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», была в целом враждебно встречена дворянско-буржуазной историографией [1].

В защиту марксизма и против идеалистических концепций социологов-метафизиков — теоретических столпов старой отечественной историографии — неоднократно выступал Г. В. Плеханов [2]. В. И. Ленин с первых же шагов своей революционной и научной деятельности отстаивал и развивал теорию марксизма по вопросу становления классов и образования государства [3]. Эта теория восторжествовала в нашей историографии после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Новая историография сравнительно молода: советская русская, украинская и белорусская насчитывает сорок лет своего существования, литовская немногим более пятнадцати, а народно-демократическая, польская и немецкая,— десяти лет. В советской историографии проблема образования государства по праву заняла одно из центральных мест. Произошло это далеко не сразу. Только когда было покончено со «школой» М. Н. Покровского, этот вопрос получил в историографии правильную научную постановку: проблема образования государства была поставлена в связь с генезисом феодального способа производства.

Советские историки решают проблему образования государства, исходя из исследований, произведенных в свое время К. Марксом и Ф. Энгельсом, и тех теоретических выводов, которые были получены ими, но, как мы видели, отвергнуты современной им и позднейшей буржуазной историографией. Труды Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина — в плане историческом, историко-юридические исследования С. В. Юшкова, А. А. Зимина, историко-археологические работы П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова и других — на русском материале, штудии выдающихся историков Г. Ловмяньского, К. Тыменецкого, а также и других ученых — на польском, Э. Мольнара — на венгерском, во многом прояснили эту проблему, хотя некоторые ее существенные стороны и поныне остаются в тени. Уяснению этой сложной проблемы немало содействовали труды по медиевистике, среди которых

---

[1] Подробнее см. Д. К. Зеленин$_3$, стр. 913 и сл.

[2] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, М., 1956, стр. 530—531, 549, 535 и сл., 658 и сл.

[3] См. подробнее Б. Д. Греков$_1$, стр. 3—15.

особенного внимания заслуживает последняя монография А. И. Неусыхина. На основе широких научных изысканий созданы обобщающие коллективные труды по истории Украины, Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литвы, «Очерки» по истории народов СССР; вышли в свет фундаментальные работы по истории Польши — непосредственного соседа Литвы.

Эти исследовательские и обобщающие издания имеют для историка древней Литвы неоспоримое значение в двух отношениях. Во-первых, они представляют собой драгоценный опыт анализа проблемы образования феодального государства как имманентного процесса истории общества; позволяют выявить сильные стороны этого опыта и использовать их, а также обнажают и некоторые слабые его стороны. Во-вторых, эти труды, поскольку в них пересматриваются прежние представления об уровне развития и характере строя общества на Руси, в Польше и других соседних Литве странах, открывают возможность по-иному взглянуть и на внешнеполитические условия образования государства в Литве.

Специальных исторических исследований, посвященных проблеме генезиса феодализма и образования государства в Литве, как имманентного обществу процесса, пока что нет; в сводных трудах имеются по этому вопросу лишь краткие общие соображения.

В курсе русской истории М. Н. Покровского сведения о Литве носят случайный характер [4]. Н. А. Рожков в новом издании «Русской истории» несколько иначе, чем прежде, оценил древнюю Литву, но и с этой оценкой трудно согласиться: «до половины XIII века состояние Литвы было обычным и типичным состоянием варварства»; люди жили «по преимуществу охотой и скотоводством», а «землевладение было вольным или захватным на основе кровных союзов»; власть основывалась «исключительно на кровном начале, на родовом старейшинстве» [5]. Об образовании государства сказано буквально следующее: «...развитие земледелия повело к образованию единого Литовского государства из Литвы и Жмуди при Миндовге» [6].

Ю. В. Готье тоже низко оценивал литовское хозяйство, считая земледелие «чем-то вроде подсобного занятия» [7].

Общественный строй Литвы накануне договора 1219 г. рисуется Ю. В. Готье в следующем виде: «Над обыкновенными родовладыками возвышались главы особенно многочисленных и сильных родов и такие вожди, которые захватывали

---

[4] М. Н. Покровский1, стр. 63, 71, 132, 240 и др.
[5] Н. А. Рожков2, стр. 269.
[6] Там же, стр. 271.
[7] Ю. В. Готье1, стр. 197.

власть над несколькими родами, над отдельными ветвями племени или над местностью, объединяемой географическими условиями. Их власть могла быть временной; в иных случаях она переходила в наследственную, чем намечался процесс феодализации»[8].

Государство, по мнению Ю. В. Готье, возникло ввиду угрозы извне, она привела «внутренние литовские области к государственному объединению вокруг наиболее крупных феодальных вождей»[9].

Гораздо правильнее были поставлены все эти вопросы украинским историком К. Гуслистым. Хотя и кратко, но вполне четко им разграничены внутренние предпосылки и внешнеполитические условия возникновения государства[10]; правильно оценено вхождение белорусских и других земель в состав Литвы как меньшее для них зло; справедливо подчеркнуто и значение образования Русского централизованного государства для судеб Литвы[11].

В. В. Мавродин, изучая судьбы украинских северских земель в XIV в., также пришел к выводу, что «княжие усобицы и татарское иго» заставили, в частности, «горожан-брянцев, организованных в сильное вече, тяготеть к «не рушившей старины» и «не вводящей новины» Литве[12].

Столь же ясный взгляд на этот предмет высказал и историк права С. В. Юшков. В XII в. «у литовцев стал развиваться процесс разложения родо-племенных отношений», причем «общий ход общественно-экономического развития» вел к феодализму, а не к рабовладельческому обществу. «Потомки литовских старшин — рикасы и кунигасы постепенно становятся крупными феодальными землевладельцами, превращавшими основную массу свободных общинников в рабочую силу своих владений»; к середине XIII в. «в результате дальнейшего развития производительных сил» определились предпосылки для объединения Литвы «в одно крупное, относительно централизованное феодальное государство»; это объединение и было произведено «одним из крупнейших кунигасов Миндовгом»[13].

Присоединение к Литве русских княжеств «было вызвано не военной их слабостью» или храбростью литовского войска и полководческими качествами литовских князей, а тем, что они «смотрели на власть литовских князей как на наимень-

---

[8] Ю. В. Готье₁, стр. 199.
[9] Там же, стр. 201.
[10] К. Гуслистый₁, стр. 8—9, 12.
[11] Там же, стр. 13.
[12] В. В. Мавродин₁, стр. 308.
[13] С. В. Юшков₁, стр. 184.

шее зло, по сравнению с властью золотоордынских ханов и немецкого ордена»[14].

Однако единства среди наших исследователей во взгляде на уровень развития древней Литвы нет. В истории народного хозяйства П. И. Лященко читаем, что до половины XIII в. Литва была «слабо заселена. Население занималось преимущественно охотой и скотоводством, отчасти примитивным земледелием». Были распространены ремесла — гончарное, ткацкое, кожевенное, смолокуренное»[15]; на следующей странице сказано иное, а именно, что в XIII в. литовцы «занимались как основной отраслью народного хозяйства земледелием, частью скотоводством и охотой»[16].

Литва, согласно мнению этого ученого, делилась «на ряд племен», управлявшихся «племенными князьками. Родовые отношения распадались, зарождалось частное землевладение»; в XIII—XIV вв. «впервые под влиянием агрессии со стороны тевтонских рыцарей отдельные литовские феодальные княжества и племенные области» объединились в Литовское государство, «присоединив к нему Жмудь и часть полоцких и туровских княжеств»[17]. Но и этот автор не сомневается, что в XIV в. «Литовское княжество представляло собой типичное феодальное государство с крупным княжеским и боярским хозяйством, основанным на труде зависимого крестьянства и отчасти на рабском труде»[18].

Сельскому населению Литвы XIV—XVI вв. отведено должное место в истории русского крестьянства Б. Д. Грекова. Автор подчеркивает преемственность развития белорусского крестьянства как сословия феодального общества от древнерусского и определяет его место в связи с общей эволюцией крепостнических отношений[19]. Б. Д. Греков полагает, что в XIII—XV вв. и частновладельческие и господарские крестьяне великого княжества, как правило, «сидели» на оброке, причем в состав тяглых оброченных крестьян входили как лишенные права перехода, так и обладавшие им[20].

Это было время, когда, как полагал Б. Д. Греков, «вся масса крестьян (независимо от того, на каких землях они жили), сохранявшая элементы общинного строя, платила государству со своих дымов-дворищ полюдье-подымное (позднее — посошное). Вместе с тем те из крестьян, которые нахо-

---

[14] С. В. Юшков$_1$, стр. 185.
[15] П. И. Лященко$_1$, стр. 330.
[16] Там же, стр. 331.
[17] Там же.
[18] Там же.
[19] Б. Д. Греков$_2$, ч. I, стр. 421 и сл.
[20] Там же, стр. 423.

дились под властью частных владельцев-феодалов, кроме государственного тягла, обязаны были выплачивать своим хозяевам ренту, известную в северно-западной Руси под несколькими видами: «дякло» (annona ducalis) — ежегодный сбор сельскохозяйственных продуктов для содержания феодала, «баран», «половщину», «стации» и т. д. Крестьяне были обязаны также давать подводы по требованию феодала или великого князя; обязаны они были «повозом» и т. д. Перечислить все разновидности этого рода повинностей довольно трудно»[21].

Немало ценных мыслей по истории ранней Литвы высказал и В. И. Пичета, хотя специальных исследований по этой теме он не оставил. Глубоко исследуя историю Литовского великого княжества XV—XVI вв., В. И. Пичета делал содержательные экскурсы и в более ранние периоды[22], а также написал работы по историографии Литвы[23].

Особенно интересны соображения, высказанные В. И. Пичета в последние годы его жизни и не получившие отражения в написанной им главе по литовской истории вузовского учебника (в ней В. И. Пичета пишет о племенах и объединениях вождей и племен в Литве XIII в.[24]). Это мысли о взаимоотношениях между литовской и белорусской народностями (возникновение последней автор справедливо относит к периоду феодальной раздробленности[25]).

Вот главные соображения В. И. Пичета по этому вопросу: «немецкая агрессия на Литву и Подвинье и угроза со стороны монголо-татар толкали Литву на союз с русскими областями. Агрессия с Запада и угроза с Востока, в свою очередь, заставляли феодальные русские княжества искать опоры в молодом Литовском государстве. Распространение власти литовских князей на всю территорию Западной Руси — факт большого политического значения. Политическое единство, конечно, должно было содействовать взаимному обогащению и скрещению ранних славянорусских этнических элементов, на базе которого и образовался белорусский народ»[26].

Помимо этнических взаимоотношений, В. И. Пичета касается и общественных: «белорусские земли составляли основу экономической мощности великого княжества Литовского, это только усиливало значение Руси в его составе. Северо-западные русские земли вошли в состав великого княжества

---

[21] Б. Д. Греков$_2$, ч. 1, стр. 422—423.
[22] В. И. Пичета$_8$, ч. 1, стр. 46 и сл., 70 и сл.
[23] В. И. Пичета$_{10}$, стр. 31—42; В. И. Пичета$_{11}$, стр. 38 и сл.
[24] В. И. Пичета$_{12}$, стр. 215—219.
[25] В. И. Пичета$_9$, стр. 29.
[26] Там же, стр. 19.

Литовского с развитыми уже феодальными отношениями, тогда как в Литве только начинался процесс их становления» [27]. По существу здесь сформулирована уже идея синтеза.

О классовой природе литовского властвования В. И. Пичета писал следующее: «Литовская знать наступала на русскую народность вообще, ибо на данном этапе общественно-политического развития русские феодалы выступали как представители интересов русской народности. Однако юридическое уравнение в гражданско-правовом отношении литовских и русских феодалов явилось началом сближения их между собой на основе общности классовых интересов. Поэтому на крестьянские и городские массы ложилась вся тяжесть борьбы за сохранение своей народности против шляхетско-католической агрессии» [28].

В целом авторы перечисленных трудов, не производя, как видим, специальных изысканий по интересующей нас теме, основательно продумали ее теоретически и высказали ряд общих соображений, которые интересны и подлежат проверке на основе изучения фактов.

Зато много сделано для исследования этой проблемы в плане историко-археологическом прежде всего в самой Литве, в Прибалтике. Генезис феодализма получил отражение в трудах Р. Куликаускене, П. З. Куликаускаса, А. З. Таутавичуса, П. Ф. Тарасенко, П. В. Дундулене и обобщающих статьях известного эстонского археолога Х. А. Моора.

Исследование образования государства в Литве облегчено трудами К. Яблонскиса, Д. Л. Похилевича, Ю. М. Юргиниса, М. А. Ючаса, Б. И. Дундулиса и др. по ее социально-экономической и политической эволюции в XIV — XVI вв.

Если брать внешнеполитические условия образования государства в Литве, то для их изучения сделано несравнимо больше. Для историка древней Литвы весьма существенное значение имеет новый взгляд на историческую роль Ордена вообще, который находим в работах Н. П. Грацианского, М. Н. Тихомирова и др. Весьма важен пересмотр прежних оценок роли Ордена в прусских землях, содержащийся в работах В. Н. Перцева, Ф. Д. Гуревич, А. Каминьского и др.

В марксистской историографии дана новая трактовка политики папской курии в Восточной Европе, бывшей немаловажным фактором истории внешней политики Литвы. Здесь достаточно назвать исследования И. П. Шаскольского, М. А. Заборова, Э. Ледерер, Т. Мантейффеля и др.

---

[27] В. И. Пичета$_9$, стр. 22.
[28] Там же.

Перу видного советского литовского историка и археографа П. И. Пакарклиса принадлежит серия исследований по истории прусских земель. Здесь мы найдем написанные им еще в буржуазное время работы, разоблачающие фальсификации истории восточнопрусских земель, допущенные немецкой историографией [29] (взглядам которой отдали дань К. Буга, А. Салыс и др.) [30]. П. И. Пакарклис сформулировал и осветил на обширном материале папских булл вопрос о папстве как реакционной силе в истории Литвы [31]; он поставил папство в один ряд с Орденом [32], вскрыв антинациональную, грабительскую сущность последнего [33]. Это были новые для литовской историографии темы.

Новыми и весьма важными были и выдвинутые Ю. И. Жюгждой проблемы: пересмотр литовских буржуазно-националистических концепций [34], изучение исторических — экономических, политических и культурных связей литовского и русского народов [35], выявление вклада литовского и прусского народов в общую освободительную борьбу народов против немецкой агрессии на Восток [36].

Одновременно с пересмотром и восстановлением в правах забытых исторических тем и фактов совершалась переоценка самой немецкой историографии вопроса (работы Я. Я. Зутиса, Г. Ловмяньского, А. Гейштора, Ф. Гентцена и др.); постепенно выявлялись в историографии взгляды ее прогрессивных представителей — просветителей (как С. Даукантас) и революционных демократов (П. Сцегенного и др.).

Иную трактовку получило и татаро-монгольское нашествие и роль Золотой Орды в истории народов Восточной Европы; этим наука обязана трудам А. Н. Насонова, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, продолженным в новейшей монографии С. Краковского.

Получила принципиально новое освещение и история Польского Поморья — в работах Г. Ловмяньского, Г. Лабуды, К. Тыменецкого и др.

Немало нового внесено в традиционную трактовку литовско-украинских отношений трудами Ф. Петруня и особенно К. Гуслистого и В. В. Мавродина. Появилась серия истори-

---

[29] См., например, P. K a r g e₁, SS. 34—35, 78—79.

[30] P. P a k a r k l i s₁, p. 53, 55 и др. Этому же посвящены работы Ф. Арвидаса, В. Вилейшиса и др.

[31] P. P a k a r k l i s₅, p. 30 и сл.

[32] Ibid., p. 36 и сл., 43 и сл.

[33] P. P a k a r k l i s₄, p. 28 и сл.

[34] Ю. И. Ж ю г ж д а₂, стр. 34—43.

[35] J. Ž i u g ž d a₁.

[36] Ю. И. Ж ю г ж д а₁, стр. 27 и сл.

ческих и археологических исследований и по ранней истории белорусских земель; имеем в виду работы Н. Н. Воронина, В. В. Седова, Л. В. Алексеева, А. В. Успенской, В. Голубовича и др.

Расширилось изучение литовско-прусских связей с Русью. На смену работам по традиционной теме военных контактов на передний план выдвинулось изучение экономических, культурных и этнографических общений, которым посвящены публикации М. Вимерите, Г. Б. Федорова, Н. Н. Чебоксарова, Я. Эндзелина, Е. Антоневича и др. Историю прусской политики Польши плодотворно разрабатывает Б. Влодарский.

Опубликованы новые издания источников — грамоты Новгорода и Пскова (С. Н. Валк), своды летописей — киевских, новгородских, псковских, владимиро-суздальских, московских (Е. Ф. Карский, Д. С. Лихачев, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков, М. Н. Тихомиров), повести, поэмы и жития (В.П. Адрианова-Перетц, В. И. Малышев и др.), иностранные источники — повествования (В. Кордт), хроники (С. А. Аннинский).

Само источниковедение сделало огромный шаг вперед по сравнению с выдающимися для своего времени трудами А. А. Шахматова; тому свидетельство — поздние работы М. Д. Приселкова и новейшие труды о летописях, актах и хрониках.

Не останавливаемся более подробно на отдельных исследованиях, так как будем иметь возможность неоднократно ссылаться на них в дальнейшем изложении.

Интернациональный характер новой историографии, основанной на общей теоретической базе и проникнутой идеями уважения к историческому прошлому всех народов, позволяет ее представителям взаимно обогащать труды друг друга и быстрее изживать недостатки, унаследованные от дворянско-буржуазной науки, в частности, и остатки разного рода националистических теорий и взглядов.

Нам уже давно казалось, что весь материал, накопленный наукой, и все сделанное до сих пор по его осмыслению дают основание для новой постановки и разработки проблемы образования государства в Литве. Свою точку зрения на вопрос [37] мы имели возможность изложить в работах, касавшихся (и в плане общеисторическом, и источниковедческом) как проблемы образования государства в Литве в целом, так и оценки ряда важных для этой темы внешнеполитических факторов —

---

[37] Эта точка зрения разделяется и литовскими советскими учеными, как можно видеть из недавно опубликованного под ред. литовского академика Ю. И. Жюгжды обобщающего курса истории Литвы. См. Lietuvos TSR istorija, t. I, Vilnius, 1957, pp. 38—77.

Руси, Ордена, папской курии, Орды и пруссов. Сама жизнь выдвигает проблему образования государства в Литве, и потому мы в данной монографии ставим своей целью обобщить показания источников и наблюдения и выводы историков.

Некоторые основные положения ранее опубликованных нами работ не встретили возражений наших авторитетных коллег; те же положения, которые встречают возражения, мы постараемся здесь еще раз проанализировать с тем, чтобы либо пересмотреть их, либо заново аргументировать.

Часть третья

ОБРАЗОВАНИЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (XI — середина XIV в.)

Раздел первый

ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА, ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ

1. ХОЗЯЙСТВО И ТЕХНИКА

История народного хозяйства Литвы еще не написана. Ее первые страницы погребены в земле, и прочитать их могут только археологи. Их многолетние кропотливые труды уже принесли в высшей степени важные сведения о хозяйственной жизни древней Литвы. Историка, который знакомится в Каунасском государственном музее имени М. К. Чюрлониса с экспозицией по истории Литвы, поражает высокий уровень ее материальной культуры первого тысячелетия н. э. Это беспристрастное и бесспорное свидетельство археологии и должно стать отправным пунктом анализа всех известных нам источников.

При этом надлежит учитывать, что естественные условия жизни народа, из которых выросли собственно исторические предпосылки литовского общества, были достаточно благоприятны. Предки лето-литовцев (археологически они прослеживаются примерно со II тыс. до н. э.[1]) нашли в Литве значительные естественные богатства средствами жизни — ее почвы плодородны, многочисленные реки обильны рыбой, а обширные леса — зверем, птицей, пчелами. Это относится и к приморской низменности и к плоскогорной полосе, с ее множеством озер, разбросанных среди холмов и лесов[2]. Не вы-

---

[1] П. З. Куликаускас$_5$, стр. 38.
[2] H. Łowmiański$_2$, t. I, str. 15.

зывают сомнений и естественные богатства Литвы средствами труда — многие ее реки судоходны, а Неман наряду с Двиной — одна из важнейших водных артерий, соединяющих страну с морем, которое омывает Литву с севера [3]. Литва не испытывала нужды в дереве, глине, камне, болотных железных рудах и т. п.

Первое, что интересует историка, это вопрос об основе хозяйства древних литовцев накануне возникновения у них государства и в первое столетие его существования. Исследователи отвечали на него по-разному. Одни — Р. Крумбгольц, Н. А. Рожков, Ю. В. Готье— утверждали, что в древней Литве преобладали рыболовство, охота и скотоводство; другие, например К. Ломейер, М. К. Любавский, П. Климас и, особенно убедительно, Г. Ловмяньский, говорили о господстве земледелия [4].

Археологические исследования [5] рисуют нам литовское общество I тыс. н. э. как в основном земледельческое. Земледельческие орудия у населения Литвы известны с эпохи позднего неолита. Литовский археолог П. Куликаускас недавно писал: «Следует полагать, что земледелие достигло широкого развития уже в первых веках нашей эры. Об этом свидетельствуют находимые во время археологических исследований железные топоры, серпы, косари, мотыги, зернотерки и жернова, а также различные злаки» [6]. Зерна пшеницы (четырех сортов), ячменя, ржи, проса, овса найдены на древнем городище (III—IV вв.) в Габриелишкяй (Жемайтия) [7], а также и в других; на более поздних городищах, таких, как Неменчине (25 км к северо-востоку от Вильнюса), Апуоле, и других обнаружены зерна гороха, конских бобов, вики.

---

[3] О происхождении наименования Балтийского моря от литовского слова baltas (белый) см. А. Сапунов$_1$, стр. 14.

[4] См. H. Łowmiański$_2$, t. I, str. 145 и сл.; В. Т. Пашуто$_1$, стр. 75—76.

[5] Литовская советская археология получила от дворянско-буржуазной науки довольно обширное, но далеко не однородное наследство, притом разбросанное по многим музеям и хранилищам нашей страны и отчасти за ее пределами (см. об этом А. Таутавичюс$_1$, стр. 4—5; о более позднем периоде см. Н. Н. Воронин$_2$, стр. 11). Коренные особенности литовской истории таковы, что археологическим исследованиям (включая и комплексные польско-белорусско-литовские экспедиции и т. п.) должно принадлежать в ее разработке весьма видное место, и они заслуживают большого внимания. Кроме того, было бы целесообразно сосредоточить основные литовские древности в научных центрах Литвы.

[6] P. Kulikauskas$_2$, p. 84; ср. П. Дундулене$_2$, стр. 3—47. В старой историографии см. А. А. Спицын$_1$, р. 167; Л. Крживицкий$_2$, стр. 303.

[7] M. Matlakówna$_1$, str. 202 и др.; M. Matlakówna$_2$, str. 370—384.

Состав орудий труда дал основание предполагать стойловое скотоводство, что этнографически соответствует началу использования скота как тягловой силы при обработке земли [8]. Археологи считают, что в течение I тыс. н. э. система земледелия развивалась от подсечного земледелия, лесного перелога к примитивному двух- и трехполью.

С распространением подсечного земледелия в первой половине I тыс. исследователи связывают тот факт, что возраставшее численно население покидало укрепленные городища, заселяя более широкие пространства и низин и возвышенностей [9]. О глубокой древности земледелия свидетельствует своими названиями месяцев и литовский народный календарь[10]. Как любезно указал М. А. Ючас, проверявший по моей просьбе сведения статьи М. Гусева, литовский народный календарь (по данным прусских актов XVII—XVIII вв., на литовском языке [11]) сохранил примечательные названия, уцелевшие и поныне. Некоторые наименования месяцев связаны с птицами: апрель — karvelinis — месяц голубя, май — gegužė — месяц кукушки. Другие названия, как и в славянском календаре, характеризуют цикл земледельческих работ: июнь — birželis; его название происходит либо от слова beržas (береза) или от biržė — отрезка земли, засеваемого крестьянином; biržyti — значит отмечать соломой уже засеянное место; июль — liepinis — месяц липы, от слова liepa (липа); август — rugpintis—месяц жатвы, прежде всего, ржи (rugiai); сентябрь— rugsiejis — месяц посева озимой ржи; октябрь — spalis — месяц обработки льна; солома льна называется spaliai; ноябрь — lapkritis — месяц листопада; декабрь — gruodis — месяц, когда промерзает земля (gruodas).

На территории Литвы пока что не найдены железные сошники интересующей нас поры (хотя в соседних Латгалии и Пруссии, а также в Черной Руси, в XIII в. попавшей под власть Литвы, они обнаружены). Это, конечно, временное явление,— расширение археологических работ восполнит пробел [12]. Некоторые ученые считают, что первоначально литовцы пользовались сошником, сделанным из рога; они ссылаются на эти-

---

[8] Х. А. Моора₃, стр. 7.

[9] А. Таутавичюс₁, стр. 9.

[10] М. Гусев₁, стр. 335—348.

[11] Они опубликованы П. И. Пакарклисом в Трудах Института истории Академии наук Лит. ССР, т. I, Вильнюс, 1951, стр. 243—278, и в Трудах Академии наук Лит. ССР, т. I, сер. А, Вильнюс, 1955, стр. 99—132.

[12] П. Дундулене, изучая вопрос этнографически, также не сомневается в относительно высоком уровне земледелия древней Литвы. П. Дундулене₃, стр. 3—47.

мологию слова сошник — noragas, состоящего из слова ragas (рог) и приставки no (от)[13]. Но это было давно, и предполагать, что в условиях господства железного производства сошники продолжали изготовлять из рога, конечно, не приходится, тем более, что развивалось земледелие, сама система которого не была неизменной. Уже Г. Ловмяньский полагал, что в начале II тыс. у литовцев, подобно пруссам, имелось так называемое архаическое трехполье, применяемое при чересполосице, когда на отдельном участке земли первый год сеются озимые хлеба (рожь), на второй — яровые (овес), а на третий год он остается под паром [14].

Делаются попытки, используя новейшую методику анализа семян, предложенную А. В. Кирьяновым, выяснить и характер системы земледелия. Первые опыты дали интересные результаты: в составе семян найдены такие сорняки, как марь белая (chenopodium album) и костер ржаной (bromis secalinus) — сорняк озимой ржи, имеющий с ней одинаковый цикл развития, типичный для старопахотных почв. Озимые же в условиях старопахотных почв, как правило, высеиваются по парам [15]. Надо надеяться, что новые исследования подтвердят предварительный вывод о том, что древние литовцы «знали паровую систему обработки земли, а также пользовались старопахотными окультуренными землями»[16]. Постепенно значение этой системы земледелия возрастало. Согласно точке зрения Г. Ловмяньского, волочная реформа лишь усовершенствовала трехполье, устраняя чересполосицу [17].

Актовый материал тоже свидетельствует о господстве земледелия в Литве. Любопытно, что беглые литовские нобили XIII в. не испытывали затруднений при исчислении прусскими сохами земли, пожалованной им в Пруссии и в Литве (см. часть I, § 4). Это позволяет допустить, что «соха земли» как земельная мера (восходящая к односошному участку крестьянского двора) была давно известна и в Литве, хотя отразилась в письменных источниках лишь конца XIV в., когда Ягайло в 1389 г. приказал волостным тиунам выделить каждому костелу по две сохи пашни и лугов и десятину из дворовой земли[18]. Акт Ягай-

---

[13] Ю. Юргинис₁, стр. 61. О возможном влиянии литовского сельскохозяйственного словаря на «Слово о полку Игореве» см. М. П. Алексеев₂, стр. 242.

[14] Рутинная экономика делала неизбежным недопотребление, голодовки трудящегося населения. Возможно, что известная голодовка 1315 г. захватила и Литву (см. K. Höhlbaum₂, SS. 44—45: она была в Ливонии, Эстонии «ac terris adjacentibus»); см. также выше, стр. 37.

[15] См. А. В. Кирьянов₁, стр. 208—209.

[16] P. Kulikauskas₂, p. 85.

[17] H. Łowmiański₂, t. I, str. 214—219, 222; Ю. М. Юргинис₁, стр. 68 и др.

[18] KZ, str. 16; Ю. М. Юргинис₁, стр. 63.

лы — не новость. В 1323 г. Гедимин приглашал крестьян переселяться из-за рубежа в Литву, обещая им землю и льготы. Понятно, что здесь могла идти речь о пожаловании только индивидуальных участков на каждую семью, дым, ибо крестьянское переселение мыслилось как индивидуальное (см. часть III, раздел 1, § 2). Существенно еще и то, что Гедимин обещает переселенцам по истечении льготных десяти лет взимать с них десятину «в зависимости от плодородия почвы, как это бывает в других государствах» [19]. Это — не архаическое земледелие, да его и не могло быть, так как Литва, судя по источникам XIII—XIV вв., уже делилась на поселения (campus — feld — поле — laukas), имеющие устойчивые границы [20].

Хроники также говорят о господстве земледелия: уничтожение запасов зерна и посевов было одним из радикальных средств борьбы Ордена в литовском пограничье: напав на подгородье Путеницке, рыцари уничтожили сложенный там урожай; в 1318 г. они жгут пригороды Юнигеде и Пистене, где недавно были убраны большие запасы зерна; в 1323 г. рыцари убили «во время жатвы» в поле близ Пастове двенадцать литовских крестьян-жнецов [21] и т. д. В ятвяжской земле то же делали польские войска Казимира Справедливого (1192 г.), которые занимались «опустошением их поселков, сел и высоких божниц, жгли гумна с хлебом» [22] и русские войска Даниила Романовича, которые в селе Корковичах, где было всего лишь два двора, нашли столько хлеба, что хватило на всех, «прок же пожгоша» [23]. Угощение хлебом и медом было символом перемирия. Ольгерд в 1377 г. vocant рыцарей Ордена ad prandium ultra hec rex dedit preceptoribus m e d o n e m c u m p a n e sufficienter [24].

Животноводство являлось также весьма важной отраслью хозяйства. Остеологический анализ материала одного из типичных городищ дал 76% костей домашних и лишь 24% — диких животных.

Ясно, что в этом городище находились крестьяне-земледельцы, хорошо знающие скотоводство, а не охотники. При-

---

[19] LU, t. I № 690, p. 145 (dabunt decimam, prout in aliis regnis vel populis dare consueverunt; ita tamen, quod nobiscum plus exuberabit granum, quam in aliis regnis est consuetum).

[20] См. H. Ł o w m i a ń s k i₂, t. I, str. 100—101 и сл. Подробнее см. часть III, раздел первый, § 2.

[21] PD, III, 299, 235, 347; см. H. Ł o w m i a ń s k i₂, t. I. str. 145—148; ср. HW (SRP, t. II), p. 98 (1371 г., frumenta annihilando); то же делали рыцари с землей земгалов, которые стали «arm und blôβ» и частью переселились в Литву (LR, S. 260, v. 11391).

[22] MPH, t. II, p. 422.

[23] ПСРЛ, т. II, стб. 834.

[24] SRP, t. II, p. 576.

мечателен и состав поголовья: 26% — крупный рогатый скот, 23% — свиньи, 10% — лошади, 10% — овцы и козы [25]. Следовательно, хозяйство Литвы располагало мясом, молоком, кожей, шерстью и т. п.

Лошадь служила тягловой силой. В пользу этого свидетельствуют и лингвистические данные: от корня слова arti (пахать) возникли слова arimas (запашка), artajas (пахарь), arklas (рало, соха) и arklys (лошадь), тогда как отсутствуют литовские слова, связывающие с пахотой вола (jautis) [26]. К этому можно добавить известное по немецким хроникам наблюдение, что конная тяга широко применялась для саней и телег, которые использовались литовцами в походах [27]. Хроники подтверждают значительное распространение скотоводства в Литве. Во время военных неудач литовцы теряли тысячи голов скота [28] и лошадей. Литовская быстрая конница наводила страх на рыцарей и их слабовооруженную пехоту [29].

Развитая охота имела вспомогательное значение для хозяйства. Состав фауны был весьма разнообразен. Обнаружены остатки костей тура, лося, зубра, серны [30], благородного оленя, козули, кабана, медведя, бобра и др.[31] Эти данные находят подкрепление и в геральдике: на древнем гербе Ковно изображен литовский зубр, на гербе Шауляй — черный жемайтский медведь; на более поздних гербах видим наряду с сохой, снопом льна, ржи, также оленей, рысей, а из рыб — лосося и карпа [32].

Пристального внимания заслуживают и наблюдения археологов над уровнем ремесла. А. Таутавичюс начал изучение археологического материала первого тысячелетия. Им обследованы данные нескольких городищ различных районов Восточной Литвы [33]. Состав их инвентаря дал исследователю основание говорить о широком употреблении железа. Изготовлялись такие изделия из железа, как ножи, серповидные ножи, косы, шилья, иглы, булавки и др. Это — вещи местного производства, ибо часто попадается железный шлак, а позднее — железные крицы, печи для обработки железа на городищах и т. п.

Инвентарь грунтовых и курганных погребений пополняет

---

[25] Х. А. Моора$_2$, стр. 21.
[26] Ю. М. Юргинис$_1$, стр. 62.
[27] ГЛ, IX, 4 (1205 г.), XI, 5 (1207 г.).
[28] LR, S. 43.
[29] ГЛ, XII, 2.
[30] В. Голубович, Е. Голубович$_1$, стр. 118 и сл.
[31] L. Sadan$_1$, str. 186.
[32] M. Gumowski$_3$, str. 257—281. Автор использовал материал лишь части Литвы, без Виленщины.
[33] А. Таутавичюс$_1$, стр. 7 и сл.

эту картину. Найдены узколезвийные проушные топоры (форма которых постепенно совершенствуется) и ножи — в мужских, и серповидные ножи, шилья, серпы (позднее с зубчиками) — в женских погребениях. Оружие первоначально встречается довольно часто — втульчатые наконечники копий разной формы и умбоны щитов. Важно подчеркнуть, что ранний археологический материал свидетельствует об исконности имущественного и социального равенства в Литве. Возникающее право собственности постепенно охватывает (насколько можно судить по инвентарю погребений) лишь отдельные орудия труда, предметы вооружения и украшения. Равенство имуществ заставляет предполагать господство коллективной, вероятно, общинной собственности на орудия и средства производства. Постепенно качество изделий, в частности оружия, улучшается, но оно становится достоянием лишь богатых погребений, в которых появляются также однолезвийные короткие мечи [34]. Во второй половине I тыс. возникает и постепенно широко распространяется обряд погребений коней (см. часть I, § 2). При них находят упряжь — удила, двучленные с большими кольцами на концах и трехчленные, витые, а также стремена, бронзовые бубенчики, железные пряжки.

Большую часть инвентаря погребений составляют украшения: выявлено шесть видов шейных гривн, несколько видов фибул, височные украшения из колец бронзовой проволоки; к более позднему времени относятся железные и бронзовые овальные поясные пряжки, браслеты с утолщенными концами, массивные браслеты трехугольного профиля, спиральные перстни, бусы и пр. Началом II тыс. датируются клады с серебряными вещами. Подобная же эволюция отмечается как будто и в материальной культуре западнолитовских земель [35].

Уровень литовского ремесла находит свое выражение и в технике вооружения. В оценке литовского оружия немецкие и русские летописцы единодушны. Уже в самом начале XIII в. оружие литовцев представляло собою ценность и рассматривалось немецкими рыцарями как хорошая добыча [36]; несколько позднее и русский князь Василько Романович счел нужным послать своему брату «сайгат» из литовского похода, «коней в седлех, щиты сулици, шеломы» [37]. Воюя против рыцарей,

---

[34] Ср. П. Куликаускас$_4$, стр. 106.

[35] Р. Яблонските-Римантене$_1$, стр. 7—9.

[36] ГЛ, IX, 4.

[37] ПСРЛ, т. II, стб. 857. Когда литовцы, пограбившие окрестности Луцка, были разбиты на озере, в котором оказалось, таким образом, много «трупов и щитов и шеломов», то местные жители (тоземельце) «велику користь имаху волочаще я» (ПСРЛ, т. II, стб. 840). Седла у литовцев видим и в LR, S. 60, v. 2624 и сл.

литовцы пользовались самострелами, строили осадные машины. Литовцы издавна плавали по Неману и Двине; источники называют плоскодонные суда (naves) и паромы (duos naves Lethwanas vulgariter p r o m e n) [38]. Они успешно действовали против Ордена в сражениях на Немане. Именно труд ремесленников дал возможность литовским князьям одеть и вооружить войско, которое обеспечило им столь широкие наступательные и оборонительные действия.

Кроме обработки металла, составляющей основу ремесла, можно отметить и другие его отрасли. Обработка глины — гончарное производство—представлено на городищах керамикой трех видов, а также пряслицами; налицо и гончарный круг. Была хорошо известна и обработка камня, тому свидетельство — зернотерки и жернова. Обработка дерева нашла широкое применение в строительной технике, которая, к сожалению, недостаточно изучена; между тем число укрепленных городищ в Аукштайтии достигало пятисот, а в Жемайтии превышало тысячу, поражая исследователей продуманностью сооружений[39]. Изготовление обуви, конской упряжи и т. п. характеризует ремесленную обработку кожи. Наконец, надлежит упомянуть и ткачество: литовцы умели изготовлять шерстяные и льняные ткани, причем найдены два сорта последних [40].

Изложенное свидетельствует о развитии отделения ремесла от сельского хозяйства, о неуклонном возрастании специализации ремесленников, занятых обработкой металлов: от грубых литейных и кузнечных заготовок — до тонких изделий из серебра, железа и бронзы.

Понятно, что сказанное выше — лишь предварительная, грубая и неполная характеристика производительных сил Литвы. Тем не менее даже в ее настоящем виде она важна. Дело в том, что производительные силы, как они вырисовываются к началу II тыс. н. э. (см. ниже), уже не идут в сравнение с тем, что дают материалы начала и середины I тыс. Произошел существенный сдвиг в состоянии производительных сил, они теперь таковы, что не могут соответствовать доклассовому, патриархально-общинному строю. Само возрастающее разделение труда как форма прогресса производства должно было вступать в противоречие с коллективной, общинной собственностью, подрывать ее, порождать частную собственность.

Не случайно начало II тыс. несет нам такие перемены в археологическом материале, которые заставляют предполагать

---

[38] SRP, t. II, p. 565. Подробнее см. часть III, раздел первый, § 4.

[39] А. С п и ц ы н $_1$, стр. 112 и сл.; L. K r z y w i c k i $_1$, str. 72; П. Т а р а с е н к о$_1$, стр. 86.

[40] Ф. В. П о к р о в с к и й$_3$, стр. 187—188.

коренные изменения в самом базисе, в общественном строе Литвы. Археологи делают важные выводы, во-первых, относительно этнической истории литовцев. Предполагается более четкая этническая консолидация Литвы: различаются две ее области: Аукштайтия с обрядом трупосожжений в курганах и Жемайтия — с грунтовыми погребениями [41]. Последующее сближение обряда погребения в обеих частях страны расценивается как дальнейший шаг по пути упрочения этнической общности народности [42].

Кроме того, археологи говорят о развитии славянской колонизации восточнолитовских земель; с ней связывают появление курганов с трупоположением, в которых найдены железные широколезвийные топоры, ножи, точильные бруски, кресала; в ногах погребенных — глиняные горшочки [43]. Эти наблюдения, относящиеся к этногенезу литовского народа и к его славянским связям, находят, как увидим, достаточно обильное подкрепление не только в археологическом, но и в лингвистическом и этнографическом материале.

Эти данные, в частности, подтверждаются и в анализе археологического материала соседей литовцев кривичей, которые, по мнению исследователя их истории I — начала II тыс. В. В. Седова, расселились в VII—IX вв. в полоцкой области течения Западной Двины и верховьев Березины, занятой лето-литовцами. Антропологический материал XI — XIII вв., а также топонимические исследования (А. Кочубинского и А. Погодина) подтверждают, что прежнее население при этом не покидало своих мест [44]. Таким образом создавалась область значительной культурной общности кривичского и литовского населения, облегчавшая экономические и иные связи литовцев и славян [45]. Какими средствами это достигалось, мы увидим, когда перейдем к политической истории Литвы.

Как бы то ни было, многочисленные факты лингвистики также подтверждают давнее, крепнущее трудовое общение литовцев и славяно-руссов; в этом общении — основа синтеза

---

[41] П. Куликаускас$_4$, стр. 106.

[42] Р. Яблонските-Римантене$_1$, стр. 16.

[43] Р. Куликаускене$_2$, стр. 120—121.

[44] В. В. Седов$_1$, стр. 12, 14—15; ср. Л. В. Алексеев$_1$, стр. 7.

[45] См. А. Г. Митрофанов$_1$, стр. 10, 16—17; А. В. Успенская$_1$, стр. 14; ср. Х. А. Моора$_1$, стр. 37, прим. 3. Вопрос о структуре кривичских племен пока что не решен. Одни допускают существование «обширнейшего союза племен» кривичей, который охватывал «может быть, некоторые литовские племена» (Л. В. Алексеев$_1$, стр. 8); другие склонны видеть ряд менее обширных территориальных союзов кривичей (В. В. Седов$_1$, стр. 17). Но при том и другом варианте подчеркиваются древние славяно-литовские связи. В старой историографии см. М. Довнар-Запольский$_1$, стр. 45. Об антропологическом сходстве лето-литовцев и славян см. Н. Н. Чебоксаров$_2$, стр. 20.

производительных сил двух народов. Среди языковедов нет согласия о времени проникновения древнерусских и белорусских слов в литовский язык. К. Буга считал белорусскую народность исконной [46] и датировал эти проникновения временем древней Руси; напротив, Е. Ф. Карский полагал, что «настоящие белорусские черты вряд ли можно видеть раньше XIII века» [47]. От русского выводят такие слова, относящиеся к сельскохозяйственной культуре и быту, как cibūle, cibulis — лук, karvōjus — каравай, kaladà — колода, karabas — короб, sapâgas — сапог, pèčius — печь и др.; от белорусского — podkava — подкова, rasadà — рассада, barščiai — борщ и др. Прочность торговых связей отразилась в словах: tur̃gus — торг, čeñe, čeñis, cènus — цена, muĩtas — мыто, rèdas — ряд, garãdai — города, túlkas — толк (тълк — переводчик) и др.[48] Этнографы полагают, что жители восточной Литвы заимствовали у восточных славян тип жилого дома с холодными сенями и избы с русской печью [49]. Литовский крестьянин возводил два типа жилых строений: дом (нумас, намас) и избу (пиркя). Дом — это первоначально строение без потолка и окон (позднее в пристройке-коморе устраивались оконца). Главный вход был в конце; сени отсутствовали, но вокруг всей постройки проходил навес, бывший продолжением четырехскатной крыши. В центре дома помещался очаг, над которым на балках устраивали из жердей или хвороста обмазанный глиной колпак для защиты соломенной крыши от искр очага. Первоначально нумас был строением с одним помещением. Кроме изб, важными постройками крестьянских дворов были клети (клетис) для хранения зерна и пр., а также закрытые гумна (клуонас) — для молотьбы; овины (яуя) — для сушки снопов перед молотьбой [50].

Характерна и тематическая общность литовских и славянских сказок о животных, о борьбе с хищниками, о приручении домашних животных и т. п.[51]

Обогащение производительных сил, как видно из данных языка, было взаимным. Е. Ф. Карский выделял в юридических памятниках Белоруссии такие, идущие из литовского языка слова: гру́ца — толченый ячмень для крупы (лит. grūča — крупа, каша), дойлид — зодчий, строитель, кузнец (лит. dajlýdė), клу́ня — сарай, вроде гумна (лит. klůnas), ё́уня — овин

---

[46] K. B u g a₂, SS. 26—55.

[47] Е. К а р с к и й₃, стр. 5, пр. 5.

[48] Там же, стр. 8—10; см. также V. K i p a r s k y₁, p. 31; Я. Э н д з е л и н₁, стр. 33—46.

[49] Н. Н. Ч е б о к с а р о в₁, стр. 10.

[50] К. К. Ч е р б у л е н а с₁, стр. 64, 69, 71.

[51] М. В и м е р и т е₁, стр. 87—89.

(лит. jauja), брог — стог (лит. brãgas), вéнцер — сеть для ловли рыбы (прусск. wentere, лит. ventaris), клип, вóклип — верхом без седла (лит. klypstù, klỹpti — кривить ноги при ходьбе), янтарь — лит. gentãras [52], зубр (stũmbras) [53] и др.

Археологи делают выводы, относящиеся и к истории общественного строя Литвы. Эти выводы для нас особенно важны. Они указывают, что на рубеже I—II тыс. из курганов постепенно исчезает оружие [54], а одновременно на городищах, которые теперь строятся и на высоких берегах рек и в окружении болот, начинают погребать вооруженных всадников с богатым инвентарем [55]. Давно известные погребения с конем получают в X—XI вв. широкое распространение в центральной Литве. Число коней различно — от одного до четырех; в некоторых «конских могильниках» находят до восьми коней; можно напомнить, что вместе с великим князем Ольгердом были сожжены 18 боевых коней [56]. Иногда коня сталкивали в яму живым, порой с завязанными глазами и с подвешенной к голове торбой с зерном. Обычно — это кони с богатым снаряжением: дорогими уздами из прочных кожаных ремней, почти сплошь покрытых металлическими украшениями, особенно часто — посеребренными свинцовыми кружочками и бронзовыми бубенчиками; головы их украшались бронзовыми спиральными пластинками; разнообразны были стремена. Сам конь — часть погребального инвентаря воина. Изучавшая эти погребения Р. Куликаускене справедливо предполагает, что эти воины — нобили-феодалы [57].

Следовательно, археология обнаруживает в Литве начала II тыс. достаточно ясно выраженную имущественную дифференциацию, которая сопровождается сосредоточением богатого инвентаря прежде всего в погребении конного воина. Это устоявшийся обычай, можно думать, освященный жречеством. Перед нами признак того, что обществом сделан первый шаг к отделению вооруженных сил от народа. Вспомним сообщение Вульфстана о высокой стоимости коней у пруссов в связи с их значением в добывании имуществ — порядки там и здесь сходные.

Можно согласиться с археологами, которые, столкнувшись с описанными выше явлениями, склонны видеть в некоторых

---

[52] Е. Карский$_1$, стр. 478—480 и сл.; см. Е. Ф. Карский$_2$, стр. 125—127.

[53] К. К. Буга$_1$, стр. 45.

[54] Р. Куликаускене$_2$, стр. 111; A. Tautavičius$_1$, p. 98.

[55] П. Куликаускас$_4$, стр. 106.

[56] SRP, t. II, p. 113 (1377 г.).

[57] Р. Куликаускене$_3$, стр. 214, 217, 222.

городищах-замках (Апуоле, Гриеже, Медвегалис, Берзгайнис, Кернаве) усадьбы более богатых людей [58], видимо, считавших нужным ограждать свои владения от покушений со стороны окрестного населения. Таким образом, археологический материал смыкается с хрониками, летописями и актами, как ниже увидим, достаточно ясно рисующими нам облик владельца городища — нобиля.

За длительный период истории Литвы, интересующий нас, в экономике страны произошла еще одна существенная перемена. Имею в виду формирование и развитие городов как центров ремесла и торговли, а также возникновение феодальных замков и пограничных крепостей.

История литовского города еще ждет своего исследователя. Для моей задачи важно наметить лишь основные вехи его развития. Из полутора тысяч литовских городищ дофеодальной поры лишь небольшое число превратилось в города.

Древнейшим типом укрепленного поселения с элементами местного ремесленного производства были общинные убежища—городища-замки. Ю. М. Юргинису удалось на материале XIII—XIV вв. определить, что к их числу относились Аукаймис (Оукаим), Путвяй (Путенице) и др.[59] Это одно из примечательнейших явлений литовской архаики.

Другим видом укрепленного поселения, где могли сосредоточиваться ремесленные группы, были усадьбы-замки нобилей, типа «дома» ятвяжского князя Стекинта [60], «града» князя Комата [61]; на литовской земле это дворы (hof, habitatio) Лингевина (Lengewines hof) [62], Сударга [63] и др.

Литва XIII в. располагала значительным числом таких опорных пунктов, которые Галицко-волынская летопись именует «городами».

Они занимали руководящее положение относительно окрестных земель, в них жила землевладельческая знать. Поэтому, когда Войшелк по смерти Миндовга укреплял основы монархической власти в Делтуве и Нальшенайской земле, он «нача городы имати», и продолжал это делать до тех пор, пока не достиг цели «городы же поимав, а ворогы своя избив» [64]. Что это были за города — определить нелегко. Лето-

[58] П. Куликаускас$_4$, стр. 106.

[59] J. Jurginis$_1$, p. 52 и сл. См. также ниже часть III, раздел первый, § 2. Высказывалось мнение и о существовании обрядовых, культовых городищ (см. П. Тарасенко$_1$, стр. 86—87).

[60] ПСРЛ, т. II, стб. 834.

[61] Там же. См. В. Т. Пашуто$_8$, стр. 36.

[62] LR, S. 69, v. 3002.

[63] PD, III, 332.

[64] ПСРЛ, т. II, стб. 863.

пись называет некоторые из них. Вот ее сведения о городе Ворута. Миндовг, не будучи в силах противостоять войскам жемайтско-немецко-галицкой коалиции, «умыслив же собе не битися с ними полком, но внide во град именем Ворута»[65]. К. Буга производит летописное название от слова vara — укрепленный город (firmatus castellum)[66]. Ясно одно, что это — сильная крепость, ибо, даже разбив высланный Миндовгом ночной дозор, противники не взяли Воруты, а лишь устроили перед ней рыцарский турнир и отошли.

В Жемайтии летопись называет Твиреметь, это — «город Викинтов», т. е. владение местного князя Выкинта. Твиреметь тоже имел сильное укрепление. Когда войска Миндовга неудачно осаждали его, в городе стояли рати жемайтские, а также половецкий и прусский отряды князя Даниила, в том числе «мнози пешци»[67]. Едва ли это обыкновенное городище с гарнизоном в тысячу-другую воинов. Видимо, перед нами великокняжеские города-крепости. Из древних городищ возникли такие важные городские центры Литвы, как Троки, Кернов, Ковно, Виелона (Юнигеде), известные от конца XIII — начала XIV в.[68] Труднее сказать, когда это произошло. Есть интересные сведения об этом у арабского географа Идриси (около 1140 г.), но исследователи, относительно единодушные в том, что он упоминает литовские города, расходятся в их определении.

Одни видят в чтении Kāniyū — наименование Каунас (Ковно)[69]; другие, например, известные знатоки Идриси Тальгрен, полагают, что Каунас упоминается в тексте третьей части седьмого климата карты: «Nimiya, город, удаленный от моря на сто миль», что город назван здесь (как это бывает в других местах) по имени реки Немана[70].

«Список городов русских», помещенный в дополнительных статьях археографического списка Новгородской первой летописи середины XV в., датируемый его исследователем М. Н. Ти-

---

[65] ПСРЛ, т. II, стб. 818.

[66] K. Buga₁, pp. 207—213.

[67] ПСРЛ, т. II, стб. 818.

[68] L. Krzywicki₃, str. 164. Кернов (под 1278—1279 гг.) упомянут в LR, S. 191 — в земле Тройдена; ср. SRP, t II, p. 48—49 (1278 г.); Ковно — под 1362 г.; это, по Герману Вартберге, «замок, возведенный из камня» и «укрепленный высокими стенами» (SRP, t. II, p. 81), т. е. он не вчера возник; Троки — под 1375 г. (ibid., p. 106—107).

[69] См. R. Ekblom₁, pp. 1—84.

[70] O. Y. Tallgren-Tuulio, A. M. Tallgren₁, p. 45, прим. 2. Попытка R. Schmittlein₁, p. 65, пересмотреть локализацию Тальгренами города Таллина, а вслед за тем и страны Маджус не кажется мне убедительной. О городке Намунеке см. ниже стр. 263.

хомировым концом XIV в.[71], перечисляет некоторые собственно литовские города. В нем названы 12 городов: Вильно, Вилькомирье, Гольшаны, Кернов, Ковно, Крево, Моишиогала, Мединики, Перелай (Перлоя), Пуня, Троки Новые и Троки Старые.

Среди этих городов отмечены имеющие более сильные укрепления. Это Вильно, где «4 стены древены, а две каменны»; далее — «Троки Старыя каменны. А Новыя Троки на езере две стены камены. А вышнии древян. А в острове камен»; Медники — «камен», Крево — «камен». Составитель не делал различия между городом и крепостью и притом не исчерпал состава ни городов, ни крепостей [72]. Большинство названных им центров хорошо известно из других источников. Например, Кернов был столицей Тройдена в 70-х годах XIII в.[72a]

К характеристике этих городов можно привлечь очень интересную жалованную грамоту 1387 г. Ягайла, выданную им Скиргайле. Грамота хранит примечательную терминологию, в известной мере отражающую источники роста городов и сомнения ее составителей в том,что считать городом. Скиргайле были пожалованы обширные владения (о них еще будет идти речь ниже), среди которых, наряду с г о р о д а м и Троки, Ковно, Мерецким городом и другими, названы с е л а. Часть таких сел станет позже городами.

К городу Троки тянули восемь волостей, центрами которых и были эти села. Среди них встречается и «Перелая с волостью» — будущий город Списка; названы здесь и Троки, будущие Новые Троки. Таким образом, мы вправе предполагать, что из сел, выделяющих ремесленный посад (как это было и на Руси), растут новые города. Так было не только в Троках. Герман Вартберге упоминает под 1367 г. Старое Ковно и Новое Ковно [73].

---

[71] М. Н. Т и х о м и р о в1, стр. 218.

[72] Пока что (имея в виду литовские города) не ясны ни причины, ни принцип составления Списка (ср. там же, стр. 218, 238), и трудно объяснить, почему в нем названы лишь эти города. Не объясняет дела и признание принципа языка в качестве основы Списка и предположение, что Вильно и Троки вошли в него как города «с их смешанным литовским и белорусским населением», а «собственно литовские города» не вошли в Список «по этой же причине» (там же, стр. 218). Кроме названных, в Списке фигурирует еще с десяток городов, безусловно «собственно литовских» по языку. Быть может, если допустить, что Список вышел из канцелярии митрополичьей кафедры, в нем упоминаются лишь центры, имеющие значение для церковного фиска, ввиду наличия в них белорусского и литовского православного населения. То, что Список объявляет Вильно, Троки и другие литовские города «русскими», вполне соответствует идеям московского летописания (см. часть I, § 1).

[72a] LR, S. 191; HW, p. 48 (1278 г.).

[73] SRP, t. II, pp. 88—89.

Далее в грамоте встречаются места, также тянувшие к Трокам. Местом назван «город Родыня и вся тая волость со всякою службою, вси люди и села и всякий доход»; по смыслу документа «место» это — город, возглавляющий волость из нескольких сел.

Наконец, есть и термин городок. Но и городки на Немане тоже, оказывается, были не просто укреплениями, а и центрами волостей. Среди городков—будущий город Списка — Пуня «и волостка», Намунек «и волостка» (быть может, тот, что известен карте Идриси), Олита «и волостка», Бирштан «и волостка». Эти города, места, городки и села имеют давнюю историю, как можно заключить, сопоставив содержание грамоты с известиями о литовских городах и замках более ранней поры.

В конце XIII — начале XIV в., когда Жемайтия была осаждена немецким Орденом и попала в поле зрения немецких хронистов, мы здесь встречаем большое число сильных укреплений, которые выдерживают натиск врага, а в случае разрушения быстро восстанавливаются. Это Бизена [74], Колаине [75], Виелоне (Юнигеде) [76], Оукаим [77], Пистен [78], Кимель [79], Пограуде [80], Скронеите [81], Бивербате [82], Путеницке [83], Сиздитен [84], Пастов [85], Медеваген [86], Вайкен [87]. Сюда можно добавить замки Ампилле, Кретенен, Коршув, Пиллене, Медерабе [88]. В хронике Вартберге названы еще литовские замки — Вилькенберг [89], Добицен [90], Меизегале [91]. Некоторое время в руках Литвы находились «литовский замок» [92] под Ригой и Динабург [93].

Кроме этих двадцати с лишним замков, были и другие, в том числе в южной Жемайтии великокняжеские — Wythes hoff,

---

[74] PD, III, 222 (1283 г.).
[75] Ibid., 238 (1290 г.).
[76] Ibid., 244 (1291 г.).
[77] Ibid., 247 (1292 г.).
[78] Ibid., 257 (1294 г.).
[79] Ibid., 265 (1295 г.).
[80] Ibid., 289 (1305 г.).
[81] Ibid., 298 (1307 г.).
[82] Ibid., 298 (1307 г.).
[83] Ibid., (1307—1311 гг.).
[84] Ibid., 321 (1314 г.).
[85] Ibid., 326 (1316 г.).
[86] Ibid., 327 (1316 г.).
[87] Ibid., 340 (1322 г.).
[88] S. Zajączkowski$_1$, str. 38 и сл.
[89] SRP, t. II, p. 67 (1333 г.), ср. pp. 84, 86.
[90] Ibid., p. 78 (1358 г.).
[91] Ibid., p. 86 (1365 г.).
[92] Ibid., p. 56 (1298 г.).
[93] LR, S. 188—189; SRP, t. II, p. 57.

castrum Gedymini [94]. Некоторые из других крепостей строились тоже по приказу великих князей и считались по традиции их городами, например, Виелоне, построенная в 1291 г.[95] Во время процесса 1412 г. с Орденом Ягайло и Витовт настаивали, что castrum Veluna... fuit et erat patrimonium verum et legitimum ac naturale dominium dictorum principum Lithwanie [96]. Возможно, что это один из давних центров великокняжеского домена в Жемайтии [97].

Подобные замки были разбросаны по всей Литве. Что Ольгерд «plurima habet fortissima castri», сообщал венгерский король Людовик в своем письме (1377 г.) Франческо Каррара [98]. К началу XIV в., когда города-крепости общин или местных нобилей попали под власть великих князей, в Литве была введена регулярная гарнизонная служба. Ниже, говоря об общественном и политическом строе, мы еще коснемся некоторых из этих крепостей, подчас обраставших значительными пригородами.

Крупные литовские города выросли на основе старых центров ремесленного производства. До сих пор археологически достаточно не изучены такие замечательные памятники старины, как городища и замки Вильно и Трок. Между тем, судя по первым результатам, ждать от раскопок можно многого. Раскопки Е. и В. Голубовичей, начатые в 1940 г. на холмах Антарии в Вильнюсе, дали интересные сведения по истории ремесла. На городище Кривого города (Кривич града) — предполагаемой столицы кривичей, на небольшом участке раскопа горы Бекеши в одной из изб, которая сгорела, вероятно, в 1390 г., найдены железные вещи — ножи, кусок согнутого железа, керамика, изготовленная на гончарном круге, пряслица, относящиеся к XII—XIII вв. Таким образом, ремесленное поселение города уходит в глубь веков. К XIV в. относятся шесть изб (одна из которых площадью 5×5,5 м, с деревянным полом, входной дверью, печью из глины и камней), а также землянка с большим запасом зерна (ржи, пшеницы, ячменя, овса). Открыто много железных и бронзовых шлаков, а кроме того, широкий ассортимент ремесленных изделий—топоры, ножи, ножницы, наконечники арбалетных и лучных стрел, скобели, бруски, пряжки, обнаружены замки, части замков и ключи. Замки—яркий признак развития частной собственности и сопут-

---

[94] Castrum Gedimini — PD, III, 28 (1306 г.); Wythes hoff по источнику XV в. (SRP, t. II, p. 709, под 1384 г.).

[95] PD, III, 154.

[96] Lites, t. II, 138; см. H. Paszkiewicz[8], str. 155.

[97] Под литовским контролем находились некоторое время земгальские и куршские замки (Добеле, Тервете, Ракете, Сидрабе, Баботе, Синтеле, Вартахе и др.). См. часть III, раздел второй, §§ 1—2.

[98] См. Miesięcznik Heraldyczny, XIV, № 7—8, Warszawa, 1935, str. 102.

ствующих ей хищений и пр. Торговлю характеризуют находки бронзовых гирь для взвешивания [99].

Древнейшие сообщения о Вильно в письменных источниках не слишком ясны, хотя археологический материал на горе Гедимина прослеживается с V—VIII вв. Сведения московских сводов недостоверны (см. часть I, § 1). В английском эпосе упомянуты «Wiolena (Виелона) and Vilna and Wala rices»[100]. Ясно одно, что Вильно возникло задолго до того, как оно в 1323 г. выступает в качестве столицы государства при Гедимине. В орденском документе 1409 г. утверждается, что уже Миндовг жил в Вильно [101].

В своих (написанных при участии рижан) письмах от 21 января и 26 мая 1323 г., обращенных ко всем христианам и прежде всего к горожанам Любека, Штральзунда, Магдебурга, Бремена, Кельна, Ростока, Грейфсвальда, Штетина, Готланда, король Гедимин приглашает в Литву переселенцев из других стран. В этом ярком документе нас пока интересует сообщение короля о том, что он обеспечит свободу вероисповедания переселенцам, что по его распоряжению уже были построены два храма в Вильно (in civitate nostra regia) и в Новогородке, а в дальнейшем будут построены еще и другие [102]. Понятно, что Вильно — уже давно город, притом, вероятно, более крупный, чем Новогородок. Образование государства содействовало экономическому и политическому развитию городов.

По преданию, приписывающему Гедимину основание Вильно, он здесь не город возвел, а укрепил замком Турову гору; большое поселение на городище в Нижнем городе было и до этого [103]. В Нижнем городе Вильно, в районе Остробрамских ворот находилось святилище Перкунаса, которое имел в виду папа Урбан VI, когда в булле от 1387 г. упоминал священную

---

[99] В. Голубович, Е. Голубович$_1$, стр. 118 и сл.

[100] Widsith, p. 212.

По любезному разъяснению известного знатока вопроса М. П. Алексеева, «Видсид» (именуемый так по первому слову этого источника: widsith — «многостранствующий») принадлежит к числу сложнейших памятников англосаксонской литературы. Основная рукопись «Видсид» датируется X в.; произведение представляет собой контаминацию нескольких эпических преданий. «Каталог народов», в котором перечислены страны, якобы посещенные автором — странствующим певцом, считается более поздней вставкой в основной текст. В этом каталоге и упоминается Вильно. Исследование этого источника—интересная задача литванистики (см. также—История английской литературы, М.— Л., 1943, т. I, в. 1, стр. 11—12; библиографию вопроса см. R. Wülker$_1$, SS. 318—330). Предположение об упоминании Вильно в сборнике саг Снорри Стурлусона (XIII в.) было отвергнуто таким знатоком вопроса, как Е. А. Рыдзевская (см. КС ИИМК, в. 11, 1945, стр. 53).

[101] CEV, pp. 996—997; Н. П. Дашкевич$_2$, стр. 189.

[102] LU, t. II, № 690, p. 146; cp. t. VI, № 3069.

[103] W. Limanowski$_1$, str. 142.

рощу и почитание богов. Вильно был избран в качестве столицы князьями по ряду причин. Город давно существовал как ремесленно-торговый пункт, расположенный в центре коренной литовской земли, в центре народности. Он занимал и географически выгодное положение на торговых путях: через него шел кратчайший путь с Днепра на Балтику; из него протянулись нити торговых связей на Ковно (через Троки), на Варшаву (через Троки—Гродно), на Ригу (через Полоцк), на Псков (через Динабург), на Новгород (через Полоцк), на Киев (через Новогородок—Туров) и на Москву (через Минск) [104]. К середине XIV в. сложился торговый путь на Дорогичин — Брест (Куявский) — Люблин — Краков, где литовские купцы встречались с немецкими [105].

Наконец, Вильно как столица и важнейший опорный пункт государственной власти выгодно лежало и в стратегическом отношении и довольно долго оставалось недостижимым для войск немецкого Ордена.

Видимо, уже при Гедимине Вильно было немалым городом. Об этом свидетельствует и более поздний документ —жалоба Ягайлы на Орден 1416 г., в которой упоминаются обстоятельства разорения рыцарями Кривого города столицы в 1390 г. Из этого документа явствует, что тогда город состоял из трех замков.

Это были, как полагают исследователи, верхний феодальный замок на горе Гедимина — место пребывания князей; к нему примыкал обнесенный стеной нижний замок и, наконец, по-видимому, деревянный Кривой город (vocatur Curvum castrum) на горе Антария, состоящей из трех возвышенностей — Бекешей, Крестовой и Столовой. Во время нападения рыцарей в Кривом городе находились «многие тысячи» воинов, а также простых и знатных жителей города, искавших здесь укрытия [106].

Государственная власть отдавала себе отчет в значении для Литвы крупных городов. В письмах Гедимина к городам читаем, что он открыл свободный доступ в свою страну (с правом покидать ее) рыцарям, воинам, купцам, ремесленникам всякого рода: кузнецам, изготовителям баллист, плотникам, каменотесам, сапожникам, кожевникам, мельникам, пекарям, лекарям, а также мелким торговцам (tabernariis) [107]. В гра-

[104] W. Limanowski$_1$, str. 127.

[105] М. А. Ючас$_2$, стр. 122—123; J. Remeika$_1$, str. 396.

[106] CEV, p. 1009 (in quo multa millia armatorum et aliorum nobilium et comunium hominum utriusque sexus tam pro defensione castri quam eciam pro refugio et conservacione fuerunt collecta). Ср. В. Голубович, Е. Голубович$_1$, стр. 114 и сл. О русском квартале в Вильно — см. SRP, t. II, p. 623 (1383 г.).

[107] LU, t. VI, № 3069; ср. «Etiam si qui milites essent armigeri daremus eis redditus et agricultu-

мотах от 25 мая 1323 г., обращенных к миноритам и доминиканцам, в числе ремесленников также названы солевары и серебряники (argentarii), оружейники, столяры и другие. Он обещает переселенцам защиту «в городах, местах и селах» своей страны. «Скорее превратится железо в воск и вода в сталь, чем я возьму назад свое слово», — писал Гедимин [108], самими литературными образами как бы подчеркивая внимание власти к развитию ремесла.

Гедимин не оригинален. Вспомним, что так же поступали и другие выдающиеся правители, когда хотели поднять экономику своих стран. Достаточно вспомнить аналогичную политику Даниила Романовича волынского и венгерского короля Белы IV в 40-х годах XIII в.[109] Как бы ни расписывали средневековые хронисты могущество королей, как бы ни тщились некоторые новейшие историки отрицать роль «анонимного социально-экономического фактора» [110], фактом остается то, что, когда надо было укрепить страну, сами короли не гнушались перечислять в своих призывах тех, от кого зависело ее благосостояние.

Видимо, ко времени Гедимина восходят первые жалованные грамоты вильнюсским горожанам. Во всяком случае при Ольгерде они располагали правом свободной торговли, о чем упоминает в своей грамоте (1440 г.) Казимир: подтверждая это право, он ссылается на давний порядок «от деда нашого Олькирда» [111]. Город деятельно торговал. Хронист Виганд из Марбурга отметил, что даже во время осады Вильно в 1390 г., когда немцы навели мост через реку Вилию, к ним стали прибывать «неверные» для торговли [112]. В 1387 г. Вильно получило магдебургское право. Желая, — как он выражался, — сделать жизнь горожан более счастливой и благоустроенной (feliciorem et condicionem fieri meliorem eisdem civibus et incolis toteque communitati), Ягайло освободил их от подчинения своим воеводам и урядникам [113]. Это лишь оформило давно сложившиеся здесь порядки, основанные на городской корпоративной собственности. В договоре 1387 г. Скиргайлы с Орденом ма-

---

ram, quantum vellent; mercatoribus, fabris, carpentariis, balistariis, sutoribus, artis mechanicae cuiuscunque, cum uxoribus et liberis et iumentis, concedimus liberum introitum et exitum terrae nostrae, sine ulla exactione sive theolonio, et omni turbatione procul mota» (№ 688, p. 142), ср. грамоту миноритам от 26 мая 1323 г. (№ 689, p. 143).

[108] LU, t. II, № 689, p. 143.

[109] См. В. Т. Пашуто₅, стр. 201—202.

[110] M. Hellmann₄, S. 164.

[111] СДГА, № 6.

[112] SRP, t. II, p. 643.

[113] СДГА, № 1, стр. 1—2; ZPP, № 1.

гистр подчеркнул желательность торговли Риги с Полоцком и Вильно [114]. Жигимонт Кейстутович, жалуя в 1432 г. местным горожанам свободу торговли, отметил, что они пользовались ею «издавна», и назвал пункты, с которыми торговало Вильно: Ковно, Новогородок, Минск, Луцк, Брест, Киев, Смоленск и др.[115]

Следовательно, в Литве можно наблюдать общинные города-убежища как наиболее ранний вид будущего города; города-крепости разного рода нобилей и, наконец, города-крепости великих князей литовских. Среди них были и такие, как Вильно, — города в социально-экономическом смысле этого слова, возникшие из городищ с очагами ремесла и торговли.

Необходимо остановиться и на значении для литовской экономики тех городов на Руси, которые в течение ста лет до 40-х годов XIV в. попали под власть Литвы. Здесь мы коснемся количественной стороны дела. Л. В. Алексеев насчитал в Полоцко-Минской Руси уже XII в. 17 городов [116]. Все они оказались в составе Литовского великого княжества. Если сопоставить данные XII—XIII вв.[117] со «Списком городов русских» конца XIV в., то можно получить общее представление о числе русских и главным образом белорусских городов, бывших в подчинении Литвы изучаемого периода.

Это, во-первых, «Полоцкая земля»—Полоцк, Витебск, Минск, Изяславль, Борисов, Лукомль, Друцк, Копысь, Несвиж, Клецк, Слуцк, Логожеск, Невель, Дубровна, Орша; во-вторых, Черная Русь, где были «грады многы» [118], из коих в источниках названы: Новогородок, Городно, Волковыйск, Слоним, Лида, Лошск, Здитов, Бряславль, Турийск; в-третьих, Подляшье, с его городами: Дорогичин, Берестье, Бельск, Райгород, Каменец, Кобрин, Мельник; наконец, города Полесья: Пинск, Туров, Давыдгородок, Мозырь, Степань, Городен, Небль, Высоцк, Дубровицы. Этот список, понятно, не полон [119] и, ве-

---

[114] LU, t. III, № 1245, p. 499 (в тексте ошибочно Plescov вместо Полоцка).

[115] СДГА, № 2. См. М. А. Ючас$_2$, стр. 118.

[116] Л. В. Алексеев$_1$, стр. 9.

[117] См. карту И. А. Голубцова — приложение к книге В. Т. Пашуто$_2$; А. Н. Насонов$_5$ — карты; М. Н. Тихомиров$_1$ — карты.

[118] ПСРЛ, т. II, стб. 816.

[119] Позднее упоминаются города Бобруйск, Дриса, Игумен, Обольце, Свислочь (В. Е. Данилевич$_1$, стр. 36—37). Верхнеподнепровские волости перешли под власть Литвы не при Гедимине, к к принято думать, а при Ольгерде и Кейстуте. Известно, что эти князья договорились делить между собой «на полы» все вновь приобретенные владения (ПСРЛ, т. XVII, стб. 72). Следы такого раздела находим в грамоте 1387 г. Ягайлы, выданной им Скиргайле, при упоминании городов Бобруйска, Речицы, Свислочи, Любеча, Пропошеска и даже Минска (см. J. Jakubowski$_1$,

роятно, не все названные пункты были городами в социально-экономическом смысле слова, но из него видно, что Литва, владея белорусскими землями, могла располагать экономическим потенциалом нескольких десятков городов. Заняв Черную Русь, а затем другие юго-восточные белорусские земли, Литва получила отнюдь не захолустье [120]. Н. Н. Воронин, анализируя материал города Гродно, выросшего из замка, пишет: «Уже это первичное поселение характеризуется достаточно высокой в условиях далекого пограничья культурой. Застройка бревенчатыми избами, часть которых имела слюдяные окна, деревянное и, может быть, частью каменное замощение свободных участков или проулков, говорят сами за себя» [121]. Здесь же найден железный сошник, а состав сельскохозяйственных растений предполагает высокую культуру земледелия [122]. Через город издавна проходил торговый поток из Руси в Понеманье [123]; в археологическом материале обнаруживается сходство с литовскими изделиями [124].

Не было диким краем и Полесье, судя по результатам раскопок Р. Якимовича в Давыдгородке, где обнаружены развитые ремесла — железоделательное, гончарное, кожевенное, строительное, ювелирное и др.; город был окружен валом, имел древний храм, улицы его, как и в Гродно, были мощеные [125].

Издавна развитым экономически районом было и Подляшье. Дорогичин, древний центр русской торговли [126] и колонизации ятвягов, был крупным городом. Это видно и из источников, связанных с борьбой за него между русскими и польскими князьями. По свидетельству Винцента Кадлубка, Казимир Справедливый захватил город (около 1192 г.), князь которого поддерживал ятвягов, и принудил его к «perpetuae servituti» [127]. Был ли Дорогичин под Польшей до пожалования

---

str. 44—46). Значит, эти земли попали под власть Литвы после 1345 г. (на это обратил внимание O. Halecki₄, str. 11). Относительно Свислочи можно заметить, что она присоединена до 1349 г., ибо в посольстве 1349 г. Ольгерда к Джанибеку находился свислочский князь Семен (ПСРЛ, т. VII, стр. 205; см. S. Kuczyński₁, str. 110).

[120] Ср. П. А. Раппопорт₁, стр. 223.

[121] Н. Н. Воронин₂, стр. 197.

[122] А. В. Кирьянов₁, стр. 207.

[123] Н. Н. Воронин₂, стр. 196, 200.

[124] Там же, стр. 44. Очень важно было бы сравнить гродненский материал с прусским, имея в виду переселение сюда части пруссов.

[125] R. Jakimowicz₁, str. 3—29.

[126] Б. А. Рыбаков₁, стр. 244—246. Весьма интересно было бы сопоставить княжеские знаки собственности с «кривулями» — знаками власти догосударственной поры. Похоже, что с превращением власти в силу титула во власть в силу собственности знак «кривули» стал ее символом.

[127] MPH, t. II, p. 421—424.

его добжиньскому Ордену в 1237 г., как думал С. Заячковский, или вернулся в обладание Романа Мстиславича, чтобы вновь попасть под польскую власть в разгар феодальной гойны (1209—1215), как думают другие [128], — не знаем.

Хотим лишь обратить внимание исследователей на то, что это был город с развитым самоуправлением, судя по акту пожалования его вместе с землей между реками Бугом и Нуром (от 8 марта 1237 г.) Конрадом Мазовецким добжиньским рыцарям. В частности, к Ордену отходили иммунитетные права, которыми город обладал: «donamus castrum Drohicin et totum territorium... cum omni destrictu et honore, castoribus, fluminibus, lacubus, saltubus (sic), theloneo in ipso Drohicin de navibus sive de curribus, et cum omni iure, quod supradictum castrum nosciter hactenus habuisse iure hereditario perpetuo possidendum» [129].

Нужно учесть и то, что по новгородско-литовскому соглашению в 1333 г. под литовским контролем оказались новгородские пригороды: Копорье (наполовину), Орешек, Ладога, охранявшие с юга торговый путь из Финского залива в Ладожское озеро, а также Корельский город (на западном берегу Ладожского озера) и Корельская земля, прикрывавшие его с севера. Кроме того, с конца XIII в. в сферу литовского влияния попадали города Усвят, Торопец и Луки. Все эти факты подлежат внимательному учету при оценке экономики Литвы.

Старая историография запутала этот вопрос потому, что была связана предвзятым мнением о бессословности русских городов. Ныне этот вопрос, после трудов Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова и других, нашел ясное решение, а потому и сама политика литовского правительства в этих городах должна получить принципиально иное освещение. Здесь мы можем лишь констатировать, что с экономической точки зрения литовское правительство получило в свои руки значительное число крупных центров ремесленного производства, имеющих давние, налаженные торговые связи с другими городами на Руси и торговыми центрами Польши, Германии, Дании. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в быстром укреплении экономических основ литовской раннефеодальной монархии.

Литовская торговля. Из различия природных богатств и условий жизни литовцев в разных частях страны естественно вырастали особенности в производственных навыках изготовления изделий, да и в самих производимых продуктах. В местах соприкосновения общин это вы-

---

[128] A. Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa$_1$, str. 31, 33—34.
[129] Codex diplomaticus Masoviae, I, 366.

зывало обмен продуктами, а следовательно, и постепенное превращение этих продуктов в товары. На территории Литвы еще не раскрыты подобные торжища, но у древних пруссов они выявлены с полной определенностью [130]. Данные о литовском обмене восходят к середине I тыс., которым датируются такие археологические памятники, как височные украшения, грузила и другие вещи восточнолитовских городищ, сходные со среднеднепровскими [131]. А. Таутавичюс пишет о крепнущих торговых связях Литвы с восточными славянами, с древней Русью. Появление в Восточной Литве гончарного круга и волнистого орнамента в керамике, общность славянских и литовских форм серпов [132] и широколезвийных топоров, при тождественности погребального обряда, — вот факты, ярко отражающие эти связи. Кроме того, из славяно-русских земель в Литву попадали стеклянные браслеты, шиферные пряслица, а с другой стороны, в центральной Белоруссии были распространены шейные гривны восточнолитовского типа [133]. От этого времени сохранились предметы, полученные посредством обмена не только от славян, но также и от купцов Римской империи; по-видимому, через территорию Литвы проходили и какие-то участки янтарного и арабского торговых путей. Здесь находят римские монеты II—III вв. н. э.[134]; встречаются также восточные монеты — аббасидские (894—895, 921—922 гг.), сафаридские (846—847 гг.), саманидские (896—943 гг.) и др.[135]

Позднее, с начала II тыс., судя по уровню ремесла, мы вправе предполагать обособление товаропроизводителей как собственников, а следовательно, и возникновение зачатков товарного производства и закона стоимости. Мы имеем налицо такие признаки ранних, неразвитых форм товарного производства, как клады, сокровища.

Г. Б. Федоров недавно обратил внимание на многообразие форм литовской денежной системы (слитков и монет) и ее тесную связь с системой древнерусской. В десяти кладах обнаружены литовские слитки серебра весом около 200 г, так называемые трехгранные гривны; они известны в ареале Вильно — Ковно, в Белоруссии, на Украине, в Тверской земле.

---

[130] H. Łowmiański$_2$, t. I, str. 165—166; В. Т. Пашуто$_4$, стр. 36.

[131] А. Таутавичюс$_1$, стр. 10.

[132] См. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., стр. 73, рис. 16—3, 5, 7.

[133] А. Таутавичюс$_1$, стр. 17, ср. стр. 13, 15.

[134] M. Gumowski$_1$, str. 7. По последним данным на территории Литовской ССР отмечено семь кладов античных монет.—В. В. Кропоткин$_1$, стр. 153.

[135] W. Antoniewicz$_1$, str. 116; см. T. Lewicki$_1$, str. 154—176.

Литовские серебряные слитки весом около 100 г, так называемые рубли, представлены тремя формами: во-первых, кованые, спиральные, распространенные в Жемайтии первых веков II тысячелетия и найденные в шести кладах; во-вторых, палочкообразные из восьми восточнолитовских и белорусских кладов, которые относят к X—XIV вв.; в-третьих, трехгранные, имевшие хождение по всей территории великого княжества, представленные семнадцатью кладами.

Появление литовской монеты, известной по пяти кладам, датируется временем Кейстута; ареал распространения — Троки — Ковно [136]. Как ни мало еще изучены богатейшие монетные коллекции Литвы, бесспорно, что нумизматика подкрепляет развиваемую здесь мысль об уровне литовского хозяйства. Примечательно и то, что в 1410 г. литовские «гроши» были приняты к обращению в Новгороде [137].

В XIII в. золото и серебро фигурируют и как платежное средство, и как сокровище и у пруссов, и у жемайтов, и у аукштайтов. Вот некоторые примеры. Напав на дом одного литовского нобиля в то время, когда у него в гостях находились другие знатные люди, немецкие рыцари «вывели сто коней с золотом и серебром и со всякой домашней утварью» [138]; за литовского нобиля Лингевина было уплачено его «друзьями» 250 гривен (500 озерингов) [139]; за семь попавших в плен ятвяжских князей был внесен огромный выкуп в 4900 гривен [140]. Выкинт, князь жемайтский, добился помощи ятвягов, т. е., конечно, их нобилей, «серебром и дарми многими» [141]; князь Миндовг, в свою очередь, привлек их «серебром многим» [142].

Это золото и серебро не лежало мертвым грузом. Когда в Ятвягии был голод, оттуда пришли послы во Владимир с просьбой продать им хлеб, обещая взамен воск, меха и серебро [143]. Великий князь Миндовг, подкупая магистра, послал ему «злата много и сребра и сосуды серебряны и златы красны» [144]. За 300 марок великий князь Витень купил у Ордена крепость Динабург [145]. Источник всех этих богатств — не только и не столько грабеж, сколько земельные владения нобилей, дав-

---

[136] G. B. Fedorowosi, pp. 181—228 и карта; Г. Б. Федоровы, стр. 114—115.

[137] НПЛ, стр. 402.

[138] PD, p. 149.

[139] LR, S. 71, ср. S. 136 (литовский отряд, осажденный в одном замке gegeben hette solt // und dar zû silber unde golt).

[140] Codex diplomaticus Masoviae, № 407 (1241 г.).

[141] ПСРЛ, т. II, стб. 816.

[142] Там же, стб. 820.

[143] Там же, стб. 879.

[144] Там же, стб. 816.

[145] LU, t. II, № 616, p. 27 (1305 г.).

шие в их руки средства для сосредоточения имуществ внутри страны и получения даней и торговых доходов с соседних земель.

Серебро как средство обмена должно было давно и прочно войти в обиход, коль скоро в 1387 г. «сребщизна» стала одной из форм государственного налога. Следовательно, в Литве уже давно и неумолимо действует закон стоимости как закон присвоения, закон частной собственности, и существует возможность экономического отчуждения орудий труда, земли и самой рабочей силы.

Начальные формы торговли Литвы сочетаются с разбоем, грабительскими набегами на соседние страны [146]. Эти набеги сами по себе — яркое свидетельство крупных перемен в литовском обществе, в котором появился слой населения, заинтересованный в натуральном присвоении сперва чужих продуктов труда, а затем, с упрочением социального неравенства у себя на родине, и чужой рабочей силы.

Нельзя признать убедительным мнение, согласно которому причиной широких завоевательных походов Литвы явилась хозяйственная недостаточность этого края [147]. Дело не в том, что до конца XII в. литовцам хватало еды, а затем они впали в нужду и встали перед дилеммой: покупать или грабить. Ведь угоняли они наряду со скотом и людей (соотношение в числах 1,5 : 1), увозили телеги, груженные не зерном и репой, а дорогим добром, которым голод не утолишь. Литовские нобили, руководившие грабежом соседей, рассчитывали найти сбыт этому добру в своей стране, где подобное имущество уже давно обладало какой-то стоимостью. Характер грабежа определялся способом производства. А хозяйственная недостаточность части населения, вовлекаемого в походы, — результат изменения характера распределения доходов с земли. С возникновением частной собственности это было неизбежно.

Надо принять во внимание, что сама Литва первоначально была объектом грабительских походов со стороны Руси, а также норманнов — шведских и датских викингов, которые своими набегами разоряли восточнобалтийское Поморье, особенно земли самбов, куршей, земгалов, эстонцев. Об этом имеется много свидетельств в рунических надписях, сагах и сообщениях датских и немецких хроник [148]. Норманские набеги хотя и не доходили до коренных литовских земель [149], но делали выход в море из Двины, Земгальской Аа и Немана

---

[146] См. часть I, § 1, а также часть III, раздел второй, § 2.

[147] H. Paszkiewicz$_8$, str. 26.

[148] См. об этом A. Bezzenberger$_2$, SS. 323—324; O. Montelius$_1$, SS. 140—141 и сл.; B. Nerman$_1$, S. 58.

[149] H. Łowmiański$_2$, t. I, str. 13.

небезопасным. Эти набеги, однако, не могли прервать торговли литовцев с другими народами Прибалтики.

Источники позволяют составить известное представление о внутренней и внешней торговле Литвы.

Во-первых, была внутренняя торговля между Жемайтией и Аукштайтией. Когда власти Ордена в конце XIV в. пытались прервать торговлю Жемайтии хлебом, салом, медом, скотом, лошадьми, челядью с другими частями Литвы [150], то Витовт, протестуя, напомнил, что подобная торговля велась «издавна»[151].

Жемайтия торговала в XIII в. с ливонцами, как видно из сообщения Рифмованной хроники о возобновлении этой торговли во время двухлетнего перемирия с Орденом в 1257—1259 гг.[152] Эта торговля едва ли полностью замерла и в дальнейшем, судя по первому условию Кенигсбергского мирного трактата (1390 г.), подписанного представителями нобилей семи жемайтских земель: also, das die lute von Prussin mogin czin in das land czu Sameiten do selbins czu kouffilagen, des selbin glich zulle wir von Sameiten ouch wedir czin ken Jorgenburg, ken, Ragnith und ken der Memil in ir land [153]. Вероятно, уже в XIII в. имелись торговые связи между жемайтами и аукштайтами.

Во-вторых, поддерживалась торговля с поморскими — прусскими, польскими и немецкими—городами. В начале XIII в. папство закрыло торговлю по Земгальской Аа; Двина была замкнута крепостью Риги; в середине XIII в. та же участь постигла Неман, причем в качестве причины основания Мемельбурга приводится тот довод, что необходимо прервать поступление по Неману язычникам соли, железа, одежды и других товаров (per quod (flumen) Memole vulgariter appelatur, a r m a, v e s t e s et s a l, a c m u l t a v i t a n e c e s s a r i a paganis illarum partium in discriminem Christi fidelium navigio ferebantur) [154].

В-третьих, велась торговля с Русью. Торговала Литва со Псковом. Когда в 1343 г. случилось размирье, то Ольгерд поступил круто: «что бяше г о с т ь псковскый в П о л о т е с к е или в Л и т в е, тех приимше Олгерд и сын его Андрей, т о в а р их весь отъяли и к о н и, а на самых о к у п поимаше,

[150] CEV, № 285, p. 97 (Рационжский договор 1404 г.; названы: зерно, соль, железо); № 389, p. 165 (1409 г.).

[151] Ibid., № 391, p. 166.

[152] LR, S. 107 (daß sie âne sorgen // den âbent und den morgen // mochten wandern offenbâr // in koufunge die zwei jâr).

[153] CEV, № 67; ср. H. Ł o w m i a ń s k i$_2$, t. I, str. 166—167; J. R e m e i k a$_1$, S. 401.

[154] ГЛ, IV, 7 (1200 г.); PU, I$_1$, № 25 (булла Гонория III от 1218 г.); PU, I$_1$, № 275 (булла Иннокентия IV от 1253 г.); ср. LU, I, № 371 (булла папы Урбана IV от 3 декабря 1262 г.).

отпустили прочь»[155]. Едва ли можно сомневаться, что это не первые псковские купцы в подвластном Литве Полоцке, да и в самой Литве.

Тесные торговые отношения Литвы со Псковом подразумеваются и в жалобе 1335 г. любекского посла Новгороду; в ней говорится, что недавно псковичи, действуя вместе с литовцами, отняли у немецких купцов значительные суммы денег[156].

Здесь мы вновь подходим к вопросу о подвластных Литве древнерусских городах и их роли в ее экономике. Известно, что папская курия объявила в XIII в. торговую блокаду Литвы. Но, спрашивается, имела ли она успех? Литва продолжала торговать с Русью, и не только со Псковом. Не были порваны и давние связи с Галицко-Волынской Русью. Дюсбург сообщает о захвате рыцарями литовского торгового судна на Буге. Участники операции отвели судно в Торунь, где, продав товары, выручили по 20 марок на каждого[157]. Торговые сношения поддерживались, судя и по тому, что Орден в 1325—1326 гг. захватил русских представителей Болеслава-Юрия, которые «cum rebus suis» возвращались из Литвы[158]. Ранние литовско-новгородские договоры не сохранились в московском архиве[159]. По дошедшему трактату 1431 г. Свидригайло с Новгородом, русским открыт путь «без пакости по всей Литовской земли»[160]. Соглашение 30-х годов XIV в. об охране Литвой главного новгородского торгового пути на Запад позволяет предполагать соответствующую давность литовско-новгородской торговли. Самый ранний из сохранившихся договоров литовских князей с московскими — договор 1371 г. Ольгерда и Кейстута с Дмитрием Ивановичем — предусматривает, что «торговцем путь чист»[161] с обеих сторон. Не знаем, когда началась торговля Литвы с Тверью, но в договоре 1427 г. князя Бориса Александровича с Витовтом видим литовских купцов, торгующих в Твери, Кашине, Городке, Зубцове и во всем Тверском княжестве «по давному»[162]. Если принять во внимание идущие от XIII в. политические и матримониальные связи[163], то можно допустить равную давность и торговых сношений. Литовско-русская торговля охватывала и Жемай-

---

[155] ПЛ, в. I, стр. 21; в. II, стр. 27, 99.

[156] LU, t. VI, № 2804, Reg. 904b; ср. № 2770, Reg. 733b (от 1311 г. о подобных же совместных действиях в 1298 г.) и t. II, Reg. 714, p. 17 (1306 г.). См. также М. Бережков₂, стр. 202.

[157] PD, III, 229 (80-е годы XIII в.).

[158] M. Perlbach₂, SS. 80—81.

[159] Л. В. Черепнин₂, ч. I, стр. 323—324.

[160] ГВНиП, № 63, стр. 105.

[161] ДДГ, № 6, стр. 22.

[162] АЗР, т. I, № 33; ср. № 51, 79.

[163] В. С. Борзаковский₁, стр. 61.

тию: в 1408 г. местный фогт сообщал магистру, что в Жемайтии множество русских, и просил запретить им посещение этой страны [164]. В начале XV в. «литовский путь» проходил по Серпуховскому княжеству [165]. В торговый оборот мог поступать, в основном, избыток производства над потреблением, имея в виду, что обмен и распределение удовлетворяли в первую очередь интересы собственников земли. Все источники, которыми мы располагаем, ссылаются на давность торговых связей.

Но собственно литовско-русская торговля — лишь часть дела.

Под власть Литвы попали города, издавна имевшие торговые связи с крупными экономическими центрами соседних стран Восточной Европы: Шлезвига (г. Любек), Вестфалии (г. Мюнстер) [166] и др. Вторжение крестоносцев не смогло прервать этих связей Новгорода, Полоцка, Смоленска. Полоцк заключал договоры с Ригой уже в 1210, 1212 гг., а Смоленск (совместно с Полоцком и Витебском) в 1229 г. на условиях взаимной свободной торговли [167]. Смоленский договор стал прочной основой последующих соглашений этого рода. Русские деятельно торговали с Ригой, где они упомянуты уже в 1209 г.[168] и где в конце XIII в. некоторые из них обзавелись бюргерскими правами. В Рижской долговой книге (1286—1352 гг.) среди 150 имен ненемцев — 80 русских [169]. Здесь мы должны на некоторое время вступить в область истории торговой политики Литвы в условиях, созданных существованием в ней относительно единого государства. В этом нет беды: государство для этого и было создано, чтобы служить в первую очередь интересам тех, кто имел что сбывать и располагал средствами для покупки иноземных товаров.

Распространив в течение второй половины XIII — начала XIV в. свою власть на Полоцк и Витебск, литовское правительство отнюдь не стремилось заглушить их внешнюю торговлю, напротив, оно старалось поддержать и упрочить прежние торговые связи, отлично сознавая свои реальные выгоды от сохранения этого рода «старины».

Структура русского города периода феодальной раздробленности может прекрасно изучаться на материале истории Полоцка, Витебска, Смоленска, Киева и других городов в пору их подданства Литве. Эти города, в основном, сохранили свои

---

164 CEV, № 388, p. 164—165.

165 ДДГ, № 17, стр. 46.

166 H. G. Schröder₁, S. 27 и сл. (1157 г.); HU, t. I, № 17 (1165 г.), № 50 (1199 г.); HU, t. III, S. 393.

167 ПРП, в. 2, стр. 54 и сл.

168 LU, t. I, № 15.

169 H. G. Schröder₁, S. 32.

институты, ибо литовское правительство интересовалось прежде всего их фискальным, торговым и военным значением, а потому руководствовалось формулой «...мы старины не рухаем, а новины не уводим»; нарушение же «старины», не обогащая существенно казну, порождало политический сепаратизм. «Старина» подтверждалась и охранялась уставными грамотами и господарскими листами [170]. В этой «старине» ясно видна известная по источникам XI—XIII вв. феодальная боярско-вечевая структура власти, окрепшая под эгидой Литвы. Уже в договоре полоцко-витебского князя Ерденя (1263 г.) с Ригой и Орденом предусмотрена взаимная свобода торговли («Немечькому гостю в Полочьскую волно ехати торговати, купити и продати. Такоже Полочаном и Видиблянину волно гостити в Ригу и на Готьскы берег») и право на суд [171].

И торговля, действительно, шла. После гибели Ерденя литовский великий князь Войшелк заключает с немцами какой-то договор. Как видно из «Слова» полоцкого князя Изяслава, подтвердившего от имени Полоцка и Витебска и право торговли («Полочаном, Видьбляном волное торгованье в Ризе, на Готьском березе и в Любьце. А рубежа не деяти»), и право суда («А кому с кым тяжа, суд дати без перевода. А суженого не посуживати. А где кому годно, ту тяжеться»), действие договора распространялось и на подвластные Войшелку полоцко-витебские земли.

От времени князя Тройдена договор не сохранился, но он был заключен между 1273—1278 гг. с Ригой и Орденом [172]. Этот договор нарушался, как видно из письма (датируемого исследователями 1278 г.) архиепископа рижского Иоанна I, епископов эзельского и дерптского, орденского магистра Эрнста, датского наместника в Ревеле Эйларда и города Риги ко всем купцам разных городов, торгующим в Восточной Прибалтике [173].

Пишущие остерегают купцов от притеснений со стороны русских, которые угрожают купцам и их имуществу на Двине, захватывают их вопреки договорам (sub pallio deosculatae crucis et firmatae pacis) и передают в руки литовцев; последние благодаря этому, с достаточными средствами (infinita pecunia locupletati) могут воевать против Ливонии; в том же письме порицается и Новгород и высказывается мысль о желательности переноса места торговли (forum mercandi) куда-либо в Ливонию или Эстонию. Участие Ордена в этом документе свидетельствует

---

170 Ср. А. С. Грушевский₃, стр. 4.
171 РЛА, № 25а.
172 LU, t. I, № 507; HU, I, № 1015.
173 LU, t. I, № 452.

об его попытках прервать традиционные торговые связи Риги с Русью. Но из этой попытки ничего не вышло[174], так как продолжалась торговля со Смоленском, который, видимо, как-то регулировал с литовским правительством проезд своих купцов через земли Литвы[175]; иначе был бы невозможен смоленско-рижский договор 1284 г.[176]

Умело используя противоречия между Орденом и архиепископом (см. часть III, раздел второй, § 2), великий князь Витень заключил около 1298 г. новый договор с Ригой. Основываясь на этом договоре («ныне есмь уведал любовь ваша правая с сыномь моимь с Витенемь») и ссылаясь на прошлые полоцко-немецкие договоры, епископ полоцкий Яков (видимо, князя тогда в городе не было) настаивал перед Ригой на свободном отпуске хлеба в Полоцк[177] и подтвердил прежнюю свободу суда; вероятно, тогда же и смоленский князь Александр Глебович смог открыть путь немецким купцам в свою землю[178]. В каких трудных условиях происходила торговля, узнаем из жалобы рижан (около 1298 г.) витебскому князю Михаилу Константиновичу[179], который, быть может, правил и в Полоцке. Из этого очень содержательного документа видим, как местный князь, заключая торговые договоры, стремится одновременно незаконно обогатиться за счет купцов: он повышает весчую пошлину, его дворяне и децкий ограничивают свободу торговли в Витебске и нарушают имущественные права купцов. Сам князь отобрал у купцов коня стоимостью не менее 10 изроев, его брат взял товара на 30 изроев, а отдал лишь 17. Не обеспечивал князь и свободы торговли купцов с Полоцком и Смоленском.

В грамоте дважды упомянута и Литва. Однажды, когда «рать была Литовьская под городомь», немецкий купец «хотел у р а т ь и т и, д е в к ы к у п и т и», но был схвачен витеблянами. Следовательно, литовцы извлекали доход из торговли русской челядью. Хроники много говорят об угоне литовскими дружинами пленников; получение выкупа за пленных также

---

[174] Попытки прервать немецкую торговлю с Русью делались неоднократно в 60-х годах XIII в. (РЛА, № 28—30, 33), и в 1318 г., и в 60-х годах XIV в. (там же, № 92), но торговля неизменно восстанавливалась.

[175] ПРП, в. 2, стр. 75; ст. 24 соглашения Смоленска с Ригой и Готландом свидетельствует о неспособности смоленского правительства обеспечить безопасность торговли на своей земле: «Аже въедеть брат мой который в Смолньск (это мог быть и литовский «брат».— *В. П.*), а учинится вам свада с их мужьми, вам ся ведати с ними самем».

[176] LU, t. I, № 492, Reg. № 561. Один путь с Двины на Днепр выходил выше, другой ниже Смоленска. Б. А. Б р и м₁, стр. 231; В. П. Т а р а н о в и ч₁, стр. 249.

[177] РЛА, № 38.

[178] Там же, № 47.

[179] Там же, № 49.

составляло своеобразный источник дохода, судя по духовной Климента (не позднее 1270 г.). В духовной, между прочим, сказано: «А Воинову сынови Анъдрею даю Самуиловьское село, и пьнь и. ду и с борътью». Завещатель поясняет: «то же есмь не даром дал, платил за мен.. анило и Воин искуп литовьскыи»[180]. Видимо, этот «искуп» был не малый, коль скоро Климент оставил сыну Воина село. Немецкий хронист отметил тот факт, что князь Войшелк отпустил пленных христиан без выкупа[181].

Нападали литовцы и на торговые караваны, о чем в жалобе рижан сказано: «как то было нашей братии поехать из Витобска у Смоленск, тогды Литва изъимали их на пути, у твоем городе, княжо, вязали их, и мучили, и товар от-имали в них. А у твоей волости ся то деяло. Товара взяли ту на 70 гривен серебра корного (т. е. в слитках) и на 3 серебра». Выходит, что признание тем или иным городом на Руси литовской власти в эту пору не всегда избавляло его от произвола грабительских дружин. Именно поэтому немецкие шраги запрещали купцам вести торговлю с русскими и литовцами в кредит[182]. На деле, правда, кредит широко применялся[183].

Непреложен тот факт, что подчинение белорусских городов и сохранение торговых связей с Русью дали возможность Литве успешно противостоять экономической блокаде[184]. Первую брешь в этой блокаде пробили соглашения с Ригой, которая не могла существовать в отрыве от экономических связей не только с Новгородом, но и с Полоцком, Витебском, Смоленском. Орден всячески препятствовал этим связям и с Русью, и с Литвой. Характерно, что в 1313 г. инспирированные Орденом епископы Ревеля, Эзеля и наместник Ревеля, пытаясь отклонить Ригу от дружбы с Литвой, подчеркивали, что рижско-литовская торговля при этом может продолжаться. Литовцы, как и русские, жили в Риге и имели здесь бюргерские права, как, например, Яков — золотых дел мастер Гедимина (Jacobo aurifabro regis Lettowie), упомянутый в Рижской долговой книге[185]; кроме Риги, литовцы селились в Вейнале и Торейде[186], а вероятно и в других центрах. В 1298 г. рижане соорудили при входе в свой город замок для литовского гарнизона[187]. Рижские архиепископы постоянно продлевали и регу-

---

[180] ГВН и П, № 105.
[181] LR, S. 164.
[182] РЛА, № 135.
[183] Но видеть в этом свидетельство упадка аборигенной торговли, конечно, не приходится (ср. RSch, S. X, XVII).
[184] LU, t. II, № 645, p. 81.
[185] RSch, № 682, 1884; см. также L. A r b u s o w₂, S. 77.
[186] ГЛ, X, 6 (1206 г.), XXIX, 3 (1225 г.).
[187] SRP, t. II, p. 56.

лировали права купцов на торговлю по Двине [188]. В той же долговой книге за 1286—1352 гг. упомянуто около 35 долговых обязательств, относящихся, судя по именам, к Литве [189]; фактически их было больше, так как от имени Литвы торговали и многие русские; среди литовских купцов фигурируют и представители Кернова [190]. Рига играла роль банкира при Гедимине: делала выплаты от его имени [191]; финансировала его послов в Данию и в Рим [192]; и возможно, что золотых дел мастер Яков чеканил монету для короля. Вероятно, уже в это время начал возникать немецкий двор в Троках, судя по его активности в 80-х годах XIV в.[193]

Интересно, что Орден, препятствуя литовско-рижской торговле и всячески обличая рижан перед европейской дипломатией, сам налаживал тайную торговлю с Литвой. Ценные сведения об этом дали показания свидетелей, опрошенных в связи с орденско-рижской распрей в 1312 г. Один показывал, что «fratres... vendunt eis (paganis) ferrum, arma et alia mercimoniorum genera»; другой сообщал: «fama publica est in Lyuonia, quod fratres predicti habent mercationes in diversis locis cum paganis exclusis aliis christianis» [194]. В своей жалобе папской курии рижане обвиняли Орден в том, что он нарушает свободу торговых путей, повышает пошлины, вступает в торговые соглашения с язычниками, которых приглашает в определенные пункты и там заключает сделки в ущерб Риге. Помимо этой большой торговли, он ведет мелкую: он продает как мелочный торговец (penesticus) фрукты, капусту, редьку, лук и т. п.[195]

В таких условиях правительство Гедимина и предприняло свой дипломатический демарш, приведший к заключению договора с немцами в 1323 г. (см. о нем часть I, § 4, стр. 155—156). В первом обращении от 25 января 1323 г. к городам Любеку, Штральзунду, Бремену, Магдебургу и Кельну Гедимин широко открывал двери в свою страну для купцов: «Купцам мы открываем беспрепятственный вход и выход в наши владения, без всякой пошлины (exactione) и повинности (teloneo)», причем «все переселенцы будут пользоваться рижским правом, если только по совету знающих людей они не найдут нужным для себя

---

[188] LU, t. I, № 213, 251, 291, 440, 453, 561 (1250, 1253, 1256, 1275, 1277, совместно с Орденом), 1295 гг.).

[189] Z. Ivinskis$_{10}$, S. 276. Anm. 3.

[190] RSch, № 1267, 1284, 1374.

[191] Ibid., № 1886.

[192] LU, t. III, № 1044a, pp. 179—180.

[193] Z. Ivinskis$_{10}$, S. 283.

[194] Материалы «Допроса свидетелей» Франциска де Молиано (1312 г.) — A Seraphim$_1$, SS. 7, 26, 36, 40, 70, 99, 157 и др. (VII, 26; VII, 36).

[195] LU, t. I, № 585, p. 750; A. Seraphim$_1$, S. 157, Beil. II, 47.

избрать что-либо лучшее» [196]. Из этого текста очевидны экономические связи Литвы с Ригой. В грамоте от 26 мая 1323 г., обращенной к городам Любеку, Ростоку, Штральзунду, Грейфсвальду, Штетину и Висби, Гедимин подчеркивает старые дружественные отношения своих прародителей (progenitores) к немецким купцам, за что, однако, замечает Гедимин, никакой благодарности доныне не было видно, «никто, ни одна собака не пришла с изъявлением ее» [197]. Король открыл им свободный путь через литовские земли к Новгороду и Пскову. Рига приветствовала договор, но Орден старался сорвать его действие. Цели Ордена раскрывает письмо рижского рата Любеку, где сказано, что Орден срывает мир с Литвой ради собственной торговли с ней из Динабурга, Митавы, Розитена и других пунктов [198].

Экономические интересы Риги и Ордена в Литве были сходны. И нет ничего удивительного в том, что, укрепив свои позиции в Риге (по договору 1330 г.), сам Орден в 1338 г. был вынужден заключить с Литвой торговый договор (см. о нем часть I, § 4). Этот договор литовского правительства, как и предшествующие, тотчас же отозвался на подвластных Литве землях. В том же году между Полоцком (где названы епископ Григорий и князь Глеб-Наримунт) и Ригой было достигнуто соглашение о весах и продаже воска [199]. Договором 1338 г. Орден признал Литву юридически ответственной за всю русскую торговлю по Двине, и это впервые отразилось в смоленско-немецком договоре 1340 г., который князь Иван Александрович заключил, ссылаясь на литовско-немецкий договор: «докончал есмь по деда своего докончанью и по старым грамотам докончал есмь по тому докончанью, како то брат мой старейший Кедимен докончал и его дети Глеб и Алкерд» [200].

Литва добилась крупного внешнеполитического успеха. Литовское правительство содействовало экономическому развитию страны. Экономический интерес оказался сильнее войны [201]. Правда, агрессия Ордена не прекратилась; она наносила огромный ущерб экономике Литвы. Провозглашая величие просветительной миссии на Востоке, высоко вздымая крест во имя этого «праведного» дела, рыцари и купцы одновременно бойко торговали с врагами Христа оружием, салом, редькой и

196 LU, t. VI, № 3069.
197 LU, t. II, № 690, p. 144.
198 РЛА, № 62, S. 40.
199 РЛА, № 74.
200 LU, t. II, № 796, p. 333.
201 См. Z. I v i n s k i s$_{10}$, S. 280.

луком к вящей выгоде и наместника св. Петра, который взирал на это довольно спокойно.

Не могли оборваться старые связи литовских и подвластных Литве русских земель и с Польшей. Именно поэтому налаженные русско-мазовецкие экономические отношения были также использованы литовским правительством; не случайно в письмах городам Гедимин предлагал купцам пользоваться торговым путем в Литву, шедшим через Мазовию [202].

Наконец, должны были установиться и торговые связи с Ордой, которая немецким купцам уже в 60—70-х годах XIII в.[203] открыла доступ через русские земли в «коренной юрт». Правительство Гедимина имело дипломатические связи с Ордой. Видимо, на это время падает и установление торговых контактов. Из ярлыка Тохтамыша (от 20 мая 1393 г.) Ягайле следует, что путь между Литвой и Ордой был «исстари» открыт и безопасен [204]. Если тут и есть преувеличение, то не слишком большое.

Немалое значение для характеристики хозяйства Литвы имеет состав вывозимых и ввозимых ею товаров. По Рижской долговой книге одна четвертая часть вывозимых Литвой товаров падает на воск (cera Letowica) [205]; затем упоминаются меха (III timmer varii operis de Lettowia) [206]. Примечательный конфликт произошел у Витовта с рижанами в 1400 г., когда они отказались отпустить ему в долг сукно. Он тогда прервал торговлю и, в частности, запретил немцам вести мелочную торговлю и покупать скот, зерно, мед и продукты питания (vortmer hebbed se vor boden de p l u c k i n g h e ok hebben se vor boden ghen q u e k of r o g g e n of h o n n i c h to copen wes wy behoren to copen von v y t a l y e dat mote wy stilleken copen) [207]. Следовательно, состав литовской торговли может быть несколько расширен.

По источникам конца XIV — начала XV в. И. Ремейка так характеризует состав литовского экспорта: дерево, поташ (зола), мех, сырые кожи и мед; в виде подарков — соколы, ястреба, зубры, рыба. Кроме того, «языческие быки» встречаются во вроцлавском документе 1327 г.[208]

---

[202] LU, t. II, № 690, p. 146.

[203] ГВН и П, № 30.

[204] М. А. О б о л е н с к и й₁, стр. 22.

[205] RSch, № 287 (cere Letowice), 1187 (punt Letowice cere), 1267 («X punt cere»), 1284 («IIII punt cere»), 1318, 1364, 1374 («III liverschpunt cere»).

[206] Ibid., № 216.

[207] РЛА, № 135—136. Источники относятся к полоцким, смоленским и литовским землям.

[208] J. R e m e i k a₁, S. 426.

Свидетельство о торговле челядью мы видели выше в жалобе рижан витебскому князю; и позднее, в 1387 г., правительство Ордена обвиняло Ягайло в том, что Литва продает немецких пленных на Русь в холопство: Jagal heldt uns mit unrechter gewalt unser gefangen vor, und let s i e k e n R u s e n v o r k o u f e n, d o s i e e i g e n m u s s e n s i e n [209].

Документы, относящиеся к белорусским городам, подвластным Литве, позволяют расширить состав экспорта. Из полоцко-немецкого соглашения 1338 г. видно, что объектами взаимного обмена являются: воск, смола, сало, хмель, соль, медь, олово [210]. Из Смоленска (судя по его вывозу в немецкие земли) Литва могла получать и продукты питания, и изделия ремесла [211]; из Риги (судя по ее ввозу в Смоленск) — сукна, соль, вина, миндаль, изделия ремесла [212]. По данным конца XIV — начала XV в., состав литовского ввоза существенно не меняется и рисуется в следующем виде: соль, ткани, одежда, оружие, лошади, произведения ремесла (медные котлы, оловянные кружки и т. п.), продукты питания (зерно, мука, сахар, вина) [213].

Источники, относящиеся к набегам Литвы на соседние земли, отмечают возрастающее внимание нападающих к захвату челяди. Это отражает увеличение стоимости рабочей силы в самой Литве. Актовый материал также фиксирует этот важный процесс: в 1325 г. архиепископ рижский обвинял ливонские власти в том, что они продавали челядь Литве и «схизматикам», т. е. русским [214].

Таковы наши, пока еще скудные, сведения о хозяйстве древней Литвы. Из рассмотрения этих сведений можно сделать следующие выводы относительно состояния хозяйства в пору возникновения и укрепления Литовского государства.

1) В стране господствует земледелие, которое развивается от подсеки и перелога к паровой системе. Высеваются все основные виды сельскохозяйственных культур. Имеется развитое скотоводство. Охота и промыслы играют вспомогательную роль в хозяйстве.

2) Ремесло, основанное на железоделательном производстве, обеспечивает страну основными видами сельскохозяйственных орудий, предметами быта и оружием. На рубеже I—II тыс. в археологическом материале ясно обнаруживаются признаки

---

209 LU, t. III, № 1240, p. 493.

210 РЛА, № 74.

211 РЛА, № 135; П. В. Г о л у б о в с к и й₃, стр. 91; Н. У с а ч е в₁, стр. 11 и сл.

212 П. В. Г о л у б о в с к и й₂, стр. 136—137.

213 J. R e m e i k a₁, S. 426—428.

214 LU, t. II, № 710.

резкой и все возрастающей имущественной дифференциации населения.

3) Свободные общинные городища-замки и укрепленные дворы нобилей превращаются в великокняжеские крепости, подчас (например, в Вильно) имеющие выраженные признаки ремесленно-торговых поселений.

4) Ранние формы обмена, сочетающиеся с грабежом, перерастают в контролируемую государством внутреннюю и внешнюю торговлю.

5) Образование государства сопровождается значительными усилиями со стороны правительства, направленными к развитию земледелия, ремесла, городов и торговли в стране, к защите ее самостоятельности.

6) Включение белорусских земель в состав Литвы ускоряет ее экономическое развитие, укрепляет в борьбе против провозглашенной папской курией торговой блокады, облегчает литовскому народу борьбу за независимость.

2. СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мы подошли к самой трудной части исследования. Предстоит определить, что за общество существовало в Литве накануне образования государства; в каких условиях жили земледельцы и ремесленники, оставившие нам разнообразные орудия своего труда; надлежит объяснить, почему первоначальное равенство имуществ сменяется быстро возрастающей имущественной дифференциацией и какой общественный строй возникает в Литве. Дело это далеко не простое, если учесть состояние наших источников. Археология и другие материалы приоткрыли завесу над экономической эволюцией Литвы. Но археология не всесильна. Нужны письменные свидетельства, чтобы постичь устройство общества.

Этнографически и исторически доказано, что классовой, государственной организации общества повсюду предшествовала эпоха доклассовая, на последних этапах которой люди жили, соединяясь в патриархальные домашние и сельские общины. Это — общинный строй.

Выше было установлено сословное тождество литовских и прусских нобилей, а также отмечено сходство общественных отношений пруссов и литовцев, которое простиралось так далеко, что в пору кратковременного завоевания Орденом Жемайтии местным нобилям было пожаловано прусское право [1]. Изложенное дает основание привлечь прусское право, отра-

---

[1] См. часть I, § 2.

женное в Помезанской Правде (1340—1433 гг.) и предшествующих ей прусских источниках, к изучению общественного строя Литвы.

Говоря о последнем этапе общинного строя в Литве, я не буду пересказывать содержание ранее выполненного исследования о Помезанской Правде, а отослав к нему читателя, позволю себе привести здесь лишь главные выводы.

Основная часть прусского крестьянства находится в феодальной зависимости, успевшей отразиться в нормах собственно «крестьянского права»; Правда регулирует жизнь лично свободных пруссов — крестьян и некрестьян; крестьянство организовано в сельские общины; патриархальная домашняя община уходит в прошлое под напором новых общественных отношений, настоящее и будущее принадлежит индивидуальной семье; закабаление крестьян продолжает усиливаться и выражается в появлении таких категорий зависимых людей, как огородники, холопы, слуги; верхушку местного прусского общества составляет землевладельческая знать — нобили; немецкие феодалы, захватившие Пруссию, являются основной частью господствующего сословия [2]. Содержание прусского права — не новость.

Сопоставление статей Правды с рассмотренным выше Кишпоркским договором 1249 г. и жалованными грамотами Ордена прусским и литовским нобилям обнаруживает, что нобили — это, в основном, мелкие вотчинники, сравнительно недавно поднявшиеся из среды общинников-землевладельцев; часть их еще сама ходит за плугом [3], у других едва успели сойти мозоли с рук.

Приводимые ниже свидетельства об эволюции общины в коренной Литве еще более укрепляют нас в том мнении, что Помезанская Правда не зря привлекла внимание орденской администрации: она была вполне подходящим кодексом для регулирования правовых отношений в среде лично свободных жемайтов. Литовская община имеет длительную историю. Более поздние этапы развития сельской общины тщательно разработаны Д. Л. Похилевичем [4].

Патриархально-общинные порядки тоже не прошли бесследно; их остатки могут быть выявлены и в коренной Литве и на подвластной ей белорусской земле. Уже археология отмечает первичность коллективных форм погребения: переход к индивидуальным (двойным) захоронениям говорит о по-

---

[2] В. Т. Пашуто$_4$, стр. 55.

[3] См. часть I, § 2 и 4.

[4] Д. Л. Похилевич$_1$, стр. 103 и сл.; Д. Л. Похилевич$_3$, стр. 161—162.

степенном возобладании индивидуальной семьи над патриархальной домашней общиной [5].

Литовцы, как свидетельствуют немецкие хроники, знали обычай побратимства — присягой, пожатием руки, пролитием крови [6]. Упомянутое хроникой самоубийство 50 жен погибших литовцев — тоже яркий пережиток патриархальных отношений [7]. Широко отразил патриархально-общинную старину фольклор, согласно которому все парни одной и той же деревни — братцы (broleliai), девушки — сестрички (soseles), поэтому брак в пределах деревни не заключается; зато парень из чужой деревни — bernelis (гость, жених) [8]. Знали литовцы и свадьбу с похищением и с куплей [9].

В источниках сохранились свидетельства о таком ярком общинном институте, как гонение следа и коллективная ответственность [10]; остатки этого «древнего обычая» отражены еще и в Литовском статуте 1588 г. [11], тогда как Помезанская Правда раньше отменила этот институт на земле пруссов [12].

Другой пережиток — это копный суд, отмирающий, судя по статутам 1529 и 1566 гг., и возрожденный государственной властью в статуте 1588 г. [13]

Устойчивость этих пережитков коренится в том, что патриархальная домашняя община, возникнув как часть рода, пережила свой расцвет накануне перехода к феодализму, а затем, основываясь на частной собственности, сохранилась и при нем наряду с индивидуальной семьей в составе сельских общин (это ясно видно и из Помезанской Правды).

К. Яблонскис, прослеживая на обширном актовом материале более позднего времени взаимоотношение и развитие социально-экономической терминологии, сделал весьма ценные наблюдения над тем, как древние институты свободных общин модифицировались в феодальные повинности. Например, в Литве с глубокой древности существовал обычай устанавливать дружбу через пчел: если кто-либо дарил другому пчелиный рой, то получивший подарок становился не только совладельцем пчел, получая право на половину меда, но они оба делались друзьями. В актах это выражено словами baciul, bitnik и другими и,

---

[5] R. Volkaitė-Kulikauskienė$_1$, p. 135; P. Kulikauskas$_1$, p. 315; X. А. Моора$_2$, стр. 15.
[6] LR, vv. 4616—4620; ср. Д. К. Зеленин$_1$, стр. 49—50.
[7] ГЛ, IX, 5.
[8] S. Šimkus$_1$, p. 7.
[9] I. Baldžius$_1$, p. 127.
[10] J. Jurginis$_1$, p. 63.
[11] Литовский статут 1588 г., XI, 26, ср. XIV, 9; см. И. Лаппо$_2$, т. II, стр. 408—409, 487.
[12] Помезанская Правда, ст. 26; В. Т. Пашуто$_4$, стр. 40, 125.
[13] J. Jurginis$_1$, p. 63; Литовский статут 1588 г., XIV, 9.

соответственно, в белорусском канцелярском языке — сябровство пчел, пчелы наполу или пчо́лник [14].

Еще в XVI в. это пчельное побратимство было независимо от подданства, но постепенно и оно выродилось в одну из форм зависимости от господ. То же происходило и на земле пруссов, где выражение «половина меда — по обычаю страны» было использовано Орденом при оформлении соглашений с пруссами в качестве юридического предлога для захвата земель и доходов [15].

Подобным же образом возникала и такая феодальная повинность, как толока. Сперва это была свободная взаимопомощь в работе соседей, затем — не обязательная помощь господину, причем работников угощали на поле. Постепенно исчез и элемент добровольности и угощения, а термин остался жить, обозначая форму феодальной повинности; в источниках XVII в. это уже — гвалт (лит. tramt и pavarymas), т. е. принудительная работа [16].

Примечательно, что этимология слова господин — viešpat(i)s как бы указывает на то, что он поднялся из веси, встав над ней [17].

Остатки патриархальных отношений существовали и на белорусских землях, подвластных Литве, притом они обнаруживают поразительное сходство с тем, что мы видим в прусской Помезанской Правде. Например, в Полесье в конце XIV в. известны категории крестьян-данников, тяглых, живших на «волынском» праве в селах (wieś, villa), состоящих из 10—12 дворищ. В дворище находился «человек со своим племенем»; по мере роста семьи ее члены продолжали «жить за одними воротами», даже когда предпочитали «есть разный хлеб» — так, не разрывая дворищной связи, семья распадалась на дымы [18]. Это аналогично тому, что было у пруссов [19]. Этот процесс начался еще на заре имущественного и классового расслоения и, как видим, продолжался в ряде мест уже под властью государства. Община приспособилась к государству, и местные волости «разметывали» через «старцев» медовую и грошевую дань на дворища [20]. Не исключено, что часть «старцев» входила в состав мелкого феодального люда.

---

[14] K. Jablonskis₂, SS. 273—274. Об одаривании как древнейшей форме обмена см. М. О. Косвен₃, стр. 126—127.

[15] Отголоски обычая побратимства пчел находим в рассказе «Бичюляй» (1900 г.) известной прогрессивной писательницы Жемайте (Юлии Жимантене). См. Жемайте. Избранное. М., 1947, стр. 269—281.

[16] K. Jablonskis₂, S. 274.

[17] E. Fraenkel₁, S. 66.

[18] А. Ефименко₁, стр. 102.

[19] В. Т. Пашуто₄, стр. 41.

[20] А. Ефименко₁, стр. 111.

В белорусском семейном праве долго существовали следы тех отношений, которые известны нам по Кишпоркскому договору: например, выдача судом жены и сына «в виде судебного залога за долг мужа и отца»[21]; таким образом, некогда существовало развитое право отца на заклад сыновей, а матери — дочерей: «отец — сына, мать — дочьку может запродати»[22]; в документах, относящихся к Черной Руси, в которых идет речь о покупке земли крестьянами, отмечается, что акт покупки составлялся от имени всей семьи, но в нем не участвовал тот, кто был «в отделе от отца на своем хлебе»[23]; аналогию этому видим в ст. 16 и 53 Помезанской Правды[24].

В том же Полесье в Пинской земле прослеживаются остатки совладения дворищ и деления земли на жребии[25]. Неудивительно поэтому, что, например, в Подляшье применялось и само прусское право: в описании господарских имений Гонязского, Райгородского и других упоминаются тяглые люди и сказано, что «там плат маеть быти и служба с тых люди Пруским обычаем»[26].

Ясно, следовательно, что нет оснований отрицать существование сельской общины в Литве; неправильно писать и о «борьбе» русского «общинного порядка» с «военно-феодальным строем Литовского государства»[27]. В свое время общинный строй был и там и здесь[28]. К моменту включения белорусских земель в состав Литвы в них господствовал развитый феодализм, что, как видим, сочеталось с использованием общинных институтов, существующих в модифицированном виде с глубокой древности.

На материалах прусской истории (в частности, Кишпоркского договора) мы могли убедиться, что основу свободы и благосостояния пруссов уже составляла частная собственность прежде всего на недвижимость (а также и движимость) с правом наследовать, завещать, продавать, т. е., иначе говоря, основу свободы составлял аллод[29]. Это и понятно, прусские и литовские земли дольше других в Европе

---

[21] М. Ф. Владимирский-Буданов$_4$, стр. 18. Аналогичные явления эволюции патриархально-общинной организации наблюдались на русском Севере XIV—XV вв. См. Л. В. Данилова$_1$, стр. 264—275.

[22] М. Ф. Владимирский-Буданов$_4$, стр. 32.

[23] М. Ф. Владимирский-Буданов$_6$, стр. 60—61.

[24] В. Т. Пашуто$_4$, стр. 42.

[25] М. Ф. Владимирский-Буданов$_5$, стр. 377—378.

[26] Археографический сборник документов, относящихся к Северо-Западной Руси, т. I, стр. 31.

[27] В. Б. Антонович$_1$, стр. 138.

[28] Ср. H. Łowmiański$_2$, t. II, str. 137.

[29] См. часть I, § 2, стр. 99—102.

сохраняли догосударственное общественное устройство, и поэтому общинная собственность успела здесь развиться в полноценный аллод [30]. Такое развитие аллода, в свою очередь, возможно лишь при парцеллярном хозяйстве.

Спрашивается, можно ли установить, какая форма собственности предшествовала ему. Литовские данные так далеко вглубь не идут, но на прусском материале — можно. Это, как явствует из драгоценного известия Галла-Анонима, были «наследственные жребии» [31]. Наследственные жребии — хорошо известное в общественной истории явление. Как свидетельствует история германской, византийской, русской общины, они возникают вследствие постепенного упадка коллективной общинной собственности на пахотную землю при сохранении общинных лесов, лугов, пустошей и т. п. Таким образом, мы приближаемся к источнику, породившему прусских, а также и идентичных им литовских нобилей.

Их породило то, что отдельные общинники-земледельцы по мере совершенствования орудий производства и навыков к труду (а это обстоятельство бесспорно устанавливает археология [32]), а значит и производительности труда, и по мере разрастания бывших в частной собственности их семейств домашних имуществ (дом и двор, судя по Помезанской Правде, уже давно составляли частную собственность земледельца [33]), в условиях парцеллярной обработки земли, частного присвоения ее плодов,— обрели способность содержать дополнительную рабочую силу, а сама эта рабочая сила могла производить теперь больше, чем требовалось для простого поддержания ее.

Вот почему парцеллярное хозяйство — источник частного присвоения, создающий почву для сосредоточения движимого имущества — орудий труда, скота, денег, а иногда даже несвободных людей в руках свободного земледельца. Постепенно, по требованию все большего числа земледельцев, общинное владение пахотной землей сменялось отдельной долевой собственностью (наследственными жребиями), которая, раз полученная по жребию, постепенно попадала сперва в наследственное владение, а затем — в частную собственность отдельных семей. Это было прогрессом, ибо частная собственность в сравнении с патриархально-общинной открывала больший простор личной инициативе земледельцев.

---

[30] Зрелость аллода предопределила бурный процесс становления крупной земельной собственности, острую борьбу в рядах собственников в ходе формирования государственного строя.

[31] См. часть I, § 2, стр. 88.

[32] См. часть III, раздел первый, § 1.

[33] Помезанская Правда, ст. 44, 36 и др.; В. Т. Пашуто$_4$, стр. 32 и сл.

Но при этом лишенные поддержки общины, они вследствие неравенства семей, качества земли и труда, стихийных бедствий, неурожая и т. п. причин легко подвергались опасности утратить свое первоначальное полноправное имущественное и общественное положение. В таком случае они должны были искать помощи у других более удачливых соседей. В условиях, когда земля и другое имущество свободно продается, завещается, наследуется, т. е. отчуждается (чему пример Кишпоркский договор), это неизбежно ведет к обогащению одних и обеднению других, к той самой имущественной дифференциации, которую нам рисует археология на материале первых веков II тыс. и которая непрерывно «воспроизводится» в истории общины всего средневековья (см., например, статьи Помезанской Правды о продаже наследства, о купле-продаже имуществ [34]).

Как только один свободный земледелец экономически усиливался настолько, что присваивал себе не только орудия труда, скот, но и участок земли нескольких соседей и начинал извлекать за счет их труда прибавочный продукт,— происходила трансформация этого в прошлом трудящегося земледельца в нобиля — будущего феодала, а работающих на него соседей — в зависимых людей, будущих несвободных крестьян. Рассмотренные выше прусские акты отражают лишь один из вариантов этого процесса, который имел многообразнейшие оттенки, но по всей Литве и Пруссии он породил принципиально одно и то же: лично свободную знать и лично зависимых крестьян; крестьяне, еще сохранявшие аллод, занимали промежуточное положение с тем, чтобы их меньшинство было уже государственной властью поднято до нобилей, а подавляющее большинство постепенно попало в число лично зависимых от частного и государственного владельца крестьян. Так возникал главный признак феодальной собственности — монополия на землю формирующегося класса феодалов.

Надо учитывать, что этот экономический процесс протекал в обществе с догосударственной структурой власти, где правило вече, но имелись вожди, старейшины и жрецы, которых мы могли наблюдать по данным Вульфстана, житий, Кишпоркского договора [35]. Эти люди располагали, разумеется, большими возможностями к накоплению имуществ и в дальнейшем в числе первых заняли место среди нобилитета.

Наконец, еще одним источником расслоения служила добыча от походов — «бесчисленное множество» пленных, скота, коней и другой добычи, которую захватывали литовские

---

[34] В. Т. Пашуто$_4$, стр. 62 и сл.
[35] См. часть I, § 2.

дружины, упоминаемые Генрихом [36]. К этому надо добавить «окупа» с иноземных городов, купцов, доходы от участия в войнах соседних стран [37], прибыль с торговли и т. п.

Характерно, что с развитием в Литве крупной собственности на землю ограбление соседей сменяется захватом (в частности, на Руси) их территории, что осложняет историю литовского общественного строя.

Слов нет, литовские нобили и крестьяне попадают в поле нашего зрения позже, чем бы нам хотелось, но при этом они несут с собой яркие остатки своего общинного прошлого, а кроме того, мы получили представление о нем из материалов, относящихся к их прусским собратьям. Литовские источники изображают село уже соседствующим с двором окрепшего нобиля, который либо сам, либо с помощью государства небезуспешно норовит покрепче привязать к себе окрестных земледельцев.

Литовское село (villa), а также поселок (villula и «весь») неоднократно упоминаются источниками. Чтобы правильно понять сведения источников, во-первых, не нужно заранее связывать себя схемой развития от хутора к селу, ибо этнография не знает подобной эволюции [38]; во-вторых, надо учесть, что источники рисуют село в стране, уже доброе столетие имеющей государство, а потому не может быть сел, не охваченных в какой-то мере государственной или частновладельческой юрисдикцией. Если подобные села и имелись, то в таких пущах, которые не были доступны взору информаторов хрониста.

Волынский летописец знает ятвяжские села. По его сообщению, местный нобиль Анкад обещал свою поддержку князю Даниилу Романовичу при условии «да село его не пожьжено будет» [39]. Село, разумеется, было населено крестьянами — лишь так и понимал летописец это слово. В летописи названа и «весь» Привище, на которую князь Даниил напал «не в велице дружине»; его стрельцы осадили один ее «конец», а ятвягов «возгнаша»; бой разгорелся «среде веси», но и тут ятвяги не устояли и бежали в «ворота»; когда сюда бросились русские, то ятвяги «побегоша и пакы не вратишася». Что же здесь означает весь? Это — укрепление, в котором укрывались «горды ятвязе» соседних волостей — злинцы, крисменцы и покенцы. Заняв укрепление, уже не стоило труда захватить жителей

---

[36] ГЛ, IX, 3 (1205 г.), XI, 5 (1207 г.); LR, S. 35 (rindere, pfert, wîb und man // sie triben stoltzlîchen dan).

[37] Литовцы получали плату с земгалов за помощь им против Ордена (ГЛ, XXIII, 8 — 1220 г.).

[38] М. О. Косвен, стр. 121 и др.

[39] ПСРЛ, т. II, стб. 832.

«ис хвороста», т. е. лесных убежищ, жечь дома и «пленять» окрестные «села», и «грады», и «дома» местных нобилей [40].

Среди этих сел упомянуты Корковичи, где расположилось русское войско после разорения «дома», т. е. укрепления князя Стекинта. Это село, видимо лежащее неподалеку от княжеского замка, имело некоторые особенности; в нем было только два «двора», в которых, однако, оказалось столько хлеба, что его хватило накормить все русское войско и лошадей и еще осталось; вероятно, здесь находились гумна с запасами зерна [41].

Ятвяги — не литовцы, но они этнически и исторически тесно связаны с Литвой и позднее переселялись на ее территорию. Впрочем, в коренной Литве мы находим аналогичные поселения. Вот некоторые сообщения хронистов. Немецкие рыцари, по вторжении в Литву, «разделившись отрядами, пошли по деревням, но нашли их опустевшими: все люди с женщинами и детьми спаслись бегством» [42]. В Жемайтии рыцари сожгли два села в Мединицкой земле и захватили mulieres et parvulos [43]; на Немане по пути из Гродно они разорили villas Lethowinorum [44]. Литовские замки лежали в окружении сел: на территории вокруг замка Оукаим упомянуты шесть сел [45] и т. д.

Анализируя немецкие дорожники (1384—1403 гг.), Г. Ловмяньский выявил в Аукштайтии и в узкой прилегающей к Руси полосе около 85 упоминаний местностей, названных dorf, и около 15 — названных hof (в Жемайтии термин hof упомянут лишь несколько раз). Впрочем, четкого противопоставления терминов dorf и hof («дом», «habitatio») нет. Это не случайно, ибо «дворы» принадлежат великому князю, а охраной земли ведают служилые люди — бояре, чьи дворы также стоят в местных селах. В Жемайтии названы Гирставтендорф, где жил Гирставте (Girstawtendorff: do Girstawt wonet); в Козлейкендорф жил Козлейке; владел деревней и Совгутте; свой «двор» имел Гнете [46]. В Аукштайтии упоминаются деревни Мансте, Ивана (Iwanendorf), Маненвида, Микулле, Кимунде, Сурвилле, Сангаиле и др. [47] В этих селах или среди них, по правиль-

---

[40] ПСРЛ, т. II, стб. 832—834 (списки XII хранят здесь более исправные чтения).

[41] Там же, стб. 834.

[42] ГЛ, XII, 2 (1208 г.); ср. XVII, 5 (1214 г.: рыцари опустошали «деревни и владения (villas et confinia)» селов и литовцев.

[43] PD, III, 330 (1316 г.).

[44] Ibid., 260.

[45] Ibid., 276.

[46] Wb, № 7 и 8, 6 и 8, 7.

[47] Wb, № 78, 81, 87, 92, 95, 97, 99.

ному предположению З. Ивинскиса, могли сидеть нобили, признавшие государственную власть [48] и оставленные ею здесь в качестве вассалов. Их частная собственность стала сословной, расчлененной. Это мелкий служилый люд, скорее всего поднятый из верхушки крестьян, которые отданы ему во владение на условиях службы. Лишь у одного боярина Мингайло — два села [49]. Это и понятно, крупная родовитая знать предпочитала более лакомые куски, чем земли на тревожном пограничье.

То, что дворы (hof, dorf, curia) бояр находятся среди сел[50], естественно. Боярин как социальное явление немыслим в отрыве от крестьянина. Источник на миг вырвал из тьмы кусок литовской земли и оказалось, что на ней лежат крестьянские села, среди которых стоят дворы мелкого служилого люда, а также самого великого князя.

Можно составить представление и о размерах литовских сел. Источник упоминает пять селadневяжских. В трех милях от Кремиловы над Неманом назван брод через Невяжис, а близ него три села: Баптиндорф, где шесть домов; на таком же расстоянии от него Grугельндорф, где восемь домов и, в одной четверти мили, Кебендорф с пятью домами. В каждом из сел — ограда и двое ворот [51]. Несколько ниже расположен еще один брод и две деревни — Симмгайлендорф в шесть домов (видимо, поселение перешедших в Литву земгалов) и Мисендорф с пятью домами [52].

Размеры сел разнообразны. В Пруссии «нормальная» сельская община составляла 12 дворов [53]. В Литве видим села в пять — восемь домов, но были и крупные. Согласно сообщению Виганда, князь Кейстут в одном из сел взял на дорожные работы 150 крестьян [54]. Вряд ли здесь преувеличение. Крупные села встречались у соседей Литвы, например, в Эстонии. Есть и другие известия о крупных литовских селах: согласно сведениям Дюсбурга, рыцари убили в одном селе множество людей [55].

Соседние литовские села были как-то связаны между собой и тоже, как у ятвягов, имели общие убежища: Виганд пишет, что в 1364 г. рыцари нашли в лесной пуще жителей трех сел — de tribus villis, или, как сказано им в другом ме-

---

48 Z. I v i n s k i s₁, S. 192, 54; ср. K. A v i ž o n i s₁, S. 17. Anm. 3.
49 См. H. Ł o w m i a ń s k i₂, t. I, str. 282—285.
50 H. Ł o w m i a ń s k i₁ str. 330.
51 SRP, t. II, p. 681; Wb, № 37.
52 SRP, t. II, p. 682, Wb, № 38.
53 Ст. 20 Помезанской Правды. В. Т. П а ш у т о₄, стр. 39 и сл.
54 SRP, t. II, p. 548.
55 PD, III, 260.

сте,— de tribus terris; это указывает на землю как главный признак села [56].

Литовские села имели свою организацию. Тот же Виганд, говоря об убийстве рыцарями многих жителей одного села, добавляет: «in qua interfectus est capitaneus» [57]. Вполне естественно в этой связи вспомнить статью 39 Помезанской Правды, знающей старосту [58], и заключить, что литовская сельская община не представляла собой чего-то из ряда вон выходящего.

Недавно Ю. Юргинис сделал попытку проследить эволюцию термина dorf. Исследователь не сомневается в том, что и на селе (kaimas) и на поле (laukas) жили крестьяне-земледельцы. По его источникам, село — это прежде всего «усадьба боярина, в которой наряду с господским домом находились дома его челяди и крепостных (kaimynai) селян». Село — это огороженная забором или стенами вотчина. Такой вывод закономерен: перед нами часть общины, попавшая после упадка общинного замка-убежища под власть более крупного аллодиста, ставшего вотчинником-господином. Не зря хронист путает термины dorf и hof; может быть, поэтому и в литовском языке двор — kiemas, а деревня — kaimas.

Наряду с селом продолжало существовать общинное поселение лично свободных великокняжеских крестьян — поле, которое было расположено на той же территории бывшей замковой волости и могло состоять и из отдельных домов и из мелких деревень [59]. При таком толковании становится понятно, почему полей больше в Жемайтии, где менее развито крупное феодальное землевладение. Это подтверждается и положением, вскрывшимся во время споров литовского правительства с Орденом, которому по договору 1398 г. была уступлена Жемайтия. Орден настаивал на выдаче беглых частнозависимых жемайтских крестьян, но оказалось, что большинство здесь — gemeine luthe — общинники, сидящие на gemeine land [60]; согласно принятому в Литве официальному взгляду, Витовт считал их свободными.

Ю. Юргинис с этим же справедливо связывает перемену в судьбах старинных общинных замков. В источниках эти замки — уже не собственность крестьян; люди, стоящие во главе их, либо принадлежат к великокняжеской администрации, либо представляют местную знать. Все эти Брайко, Свиртила и им

---

[56] SRP, t. II, p. 542.

[57] Ibid., p. 570.

[58] В. Т. Пашуто$_4$, стр. 129; ср. H. Łowmiański$_2$, t. II, str. 116, 125.

[59] J. Jurginis$_1$, p. 67.

[60] CEV, p. 78.

подобные [61], конечно, нобили; мы наблюдаем трансформацию общинной военной организации в государственную; узурпируя у общин их военные функции, государство уже к началу XIV в. провело военную, гарнизонную реформу. Выше (часть III, § 1) мы видели начало этого процесса, отраженное в археологическом материале.

Постепенный упадок общинной укрепленной веси (весь, лит. viešе) означал возрастание роли местного нобиля-вотчинника, что отразилось и в языке, где господин это — виешпатис, которому жители поставляют дичь, угощенье и пр. Подробнее вопрос о взаимоотношении села с замком, попавшим в руки господина, мы рассмотрим ниже.

Развитие крупной земельной собственности, первоначальным источником которой было сосредоточение имуществ в руках богатейших земледельцев, общинной знати, полнее отражено в хрониках. Литовские нобили засвидетельствованы ими в разных частях страны под разнообразными наименованиями. Это — князи, княжицы — наших летописей; seniores, duces, principes, potentes — хроники Генриха, nobiles, pociores, domini, seniores, reguli — хроники Петра Дюсбурга; kunige, eldiste, besten — Рифмованной хроники; наконец, satrapi и magna satrapi — хроники Германа Вартберге. Что не все эти термины равнозначны, едва ли может вызвать сомнение, однако есть один признак, который роднит их между собой.

По смыслу хроники Генриха, сеньеры или нобили, как мы видели,— сравнительно еще мелкие привилегированные землевладельцы, живущие среди общин; они ведают делами деревень, а также (объединяясь в группы) земель и областей. Эти нобили еще не слились в обособленное господствующее сословие [62]. Из жалованной грамоты Суксе [63] и Рифмованной хроники мы имели возможность получить представление о нескольких нобилях северной Литвы: о Лингевине и враждебных ему братьях Туше, Мильгерине и Гингейке. Все они вотчинники, имеющие свои дворы и челядь [64]. Возможно, они были более крупными вотчинниками, чем те, которых знал Генрих. Спасаясь от рук Лингевина, его противники бежали в Орден, где получили земельные пожалования. Эти документы не сохранились, зато нам известны документы, выданные многим другим литовским нобилям того же XIII в., которые, укрывшись в Ордене, хлопочут о восстановлении своих прав на зе-

---

[61] J. Jurginis₁, p. 53.
[62] См. часть I, § 3, стр. 132—134.
[63] См. часть I, § 4, стр. 151 и сл.
[64] Там же, стр. 137—138.

мельную собственность, потерянную в Литве [65]. Дорожники свидетельствуют, что остальные нобили густо сидят на литовской земле среди крестьянских сел, зачастую владея ими.

Итак, нобили — это растущие привилегированные землевладельцы, ставшие таковыми не вдруг, а уже успевшие прочно обжиться в своих вотчинах к тому времени, когда на них падает свет источников.

Можно сделать некоторые дополнительные наблюдения над размерами владений нобилей. Они весьма разнообразны, что, конечно, зависит от времени и места происхождения источников, их упоминающих. Но все же можно отметить некоторые определенные градации. Это, во-первых, те сравнительно мелкие владения, состоящие из нескольких крестьянских дворов, которые встречались нам в жалованных грамотах Ордена [66]. Они принадлежат нобилям, едва возвысившимся над общиной.

Во-вторых, это владения нобилей, так сказать, средней руки, часть которых могла обрести большую силу, подавляя, как Лингевин, с помощью короля своих противников. Подобных нобилей, владеющих двором и в лучшем случае несколькими селами, отметили дорожники. Знают их и хронисты. Герман Вартберге пишет, что, вступив в 1332 г. в Жемайтию, рыцари прошли до дворов Мазейки и Виндейки (ad curias Mazeiken Windeikenque) [67]; под 1360 г. им сообщается о походе ad curiam cuiusdam satrape Егинте, который якобы похвалялся прогнать немцев из Ливонии и уже назначил различные замки своим родственникам и друзьям (suis consanguineis et amicis), т. е. поступал подобно орденскому магистру, который раздавал пожалования в незавоеванной Литве. Планы Егинте не сбылись: рыцарское войско захватило двор и окрестную волость этого нобиля (curiam ac regionem circumiacentem expugnavit) [68]. Еще пример. Во время набега на землю Упите в 1368 г. рыцари захватили Гердейке, сына satrape nobilis Стирпейке, вместе с семьей и челядью (ac familia eiusdem multisque aliis) [69].

Нет нужды умножать примеры. Сообщая о борьбе за Жемайтию, хронист постоянно упоминает то одного, то другого нобиля вплоть до 1378 г., где хроника обрывается [70]. Не нуж-

---

[65] Там же, стр. 152—154.
[66] См. часть I, § 2 и § 4.
[67] SRP, t. II, p. 66.
[68] Ibid., p. 80.
[69] Ibid., p. 92.
[70] Ibid., p. 96 (1370 г.), 98—99 (1371 г.), 103 (1373 г.), 107—108 (1375 г.: упоминание magni satrape применительно к русской знати, т. е. нет различия в терминах), 110 (1376 г.), 113 (1377 г.), 115—116 (1378 г.).

но обладать большой фантазией, чтобы с этими данными генетически связать жалобу жемайтских нобилей 1416 г. Хронисты XIII—XIV вв. знакомят нас с erbliche besiczungen тех самых vetern, eldernuetern vnd grosuetern, о которых писали составители жалобы [71].

Нобили-землевладельцы — явление типичное; оно отразилось и в труде Петра Дюсбурга. Петр Дюсбург сообщает, что рыцари, с помощью некоего Пелузе, который был зол на «своего господина» (dominum suum), разорили двор этого нобиля (reguli habitacionem). Этот нобиль был крупнее других, он quasi secundus fuit post regem Lethowinorum in regno suo [72]. Рыцари напали в тот момент, когда там пировали 70 других нобилей, его соседей (nobiles vicinos regni Lethowie; или, как передал Николай Ерошин: al des landis bestin hern) и увели их семьи и челядь (uxores regulorum cum familia et parvulis), а также 100 лошадей, груженных дорогим добром [73]. Этот нобиль — тоже вотчинник, может быть, лишь рангом повыше. Вот еще один нобиль — славный литовский воевода Сударг [74]. Напав на владение этого nobilis et potentis viri, рыцари habitacionem... eam c u m v i l l i s c i r c u m j a c e n t i b u s in cinerem redegerunt, притом uxorem ipsius et l i b e r o s e t f a m i l i a m c u m m u l t i s a l i i s m u l i e r i b u s e t p a r v u l i s ceperunt, viris pluribus interfectis [75]. Это двор крупного нобиля, близко стоявшего к князю.

Говоря о представителях великокняжеской власти, мы получаем возможность видеть несравненно более крупные земельные имущества. Это владения жемайтского князя Выкинта, которому принадлежала «полъ Жемоити»[76], в том числе и уже известный нам город Твиремет. Земля составляла «богатство» и других жемайтских князей — Товтивила и Едивида [77].

Наконец, сам великий князь Миндовг выступает как владелец земель, городов и драгоценностей. В его руках сосредоточивалось «бещисленное имение» к тому времени, когда им «поимана бе вся з е м л я Литовьская» [78]. Преемники делят «землю и добыток Миндовъгов» [79]. По словам Рифмованной хро-

---

[71] См. часть I, § 4, стр. 159.

[72] PD, III, 228 (80-е годы XIII в.). Эта формула применяется хронистом и для обозначения представителя литовского правительства, ведшего переговоры с легатами в Риге в 1324 г. (PD, III, 359).

[73] PD, III, 228.

[74] О нем см. часть III, раздел второй, § 2.

[75] PD, III, 332 (под 1317 г.). Хроника Дюсбурга хранит обильный материал о землевладении прусских нобилей (см. PD, III, 70—71, 76, 108, 113, 188, 197, 207, 209, 211, 212, 219).

[76] ПСРЛ, т. II, стб. 816.

[77] Там же, стб. 815.

[78] Там же.

[79] Там же, стб. 860—861.

ники, склоняя к союзу ливонского магистра Андрея Стирланда, Миндовг дал ему не только много золота и драгоценностей, но также много «богатой и хорошей земли» [80]. Наша летопись так сообщает об этом: «послал бо бе злата много и сребра и сосуды серебряны и златы красны и коне многы» [81]. О земле здесь не говорится, но зато упомянуты лошади. Княжеские табуны коней еще будут встречаться нам в источниках; в данном случае они несомненный признак значительных земельных владений. Не случайно летописью упомянуты четыре «паробци» — «конюшии» Миндовга [81а]. Миндовг имел домениальные владения и в Жемайтии, как можно понять из слов жемайтских послов, которые, склоняя его к союзу, напоминали: «daß wirt dir gût // von irenthalben wirt behut // alles daß dir gehôric ist [82]. Миндовгу принадлежал город Ворута; во время одного из вторжений рыцарей он укрывался (lag) «в своем замке» [83]. По богатству и размерам дружины с ним мог соперничать только его «сестрич» жемайтский князь Тройнат, который «был так же, как он, богат и имел столь же много друзей» [84].

Дорожники во множестве (около двадцати пяти) фиксируют великокняжеские домениальные дворы (Konigshöffe) и села (Konigsdörfer) в южной Аукштайтии [85]. Это подтверждают и хроники: они упоминают то три villas regis Lethowinorum близ Мемеля (1306 г.) [86], то 800 коней из, видимо, княжеского equirricia около Нового Ковно (1367 г.) [87]. В Жемайтии к домену великого князя, по-видимому, можно отнести и земли на ее южном, прусском пограничье — замок Гедимина (упомянут под 1306 г.), возникший, когда этот князь, вероятно, сидел здесь наместником Витеня; последнему принадлежал Wythes hoff близ Христмемеля; часть домена составляла и волость Виелонская; наконец, в Жемайтии находилась и какая-то terra regis Butegeyde [88].

По привилеям 1440 и 1492 гг. великие князья обещали, что не будут создавать в Жемайтии новые домены сверх тех, что были в XIV — начале XV в. («Теж дворы наши новыи у их поветех не мають быти через нас будованы, одно оныи дворы мають быти направованы и будуть тыи, которыи

[80] LR, S. 82.
[81] ПСРЛ, т. II, стб. 816.
[81а] Там же, стб. 861.
[82] LR, S. 146.
[83] Ibid., S. 77.
[84] Ibid., S. 163.
[85] Wb, № 69, 73, 79, 81—83, 88, 89, 91, 97—99.
[86] PD, III, 291.
[87] SRP, t. II, p. 559; ср. HW, p. 88 (1367 г.).
[88] PU, I, 2, № 568.

были часу князя Витовта»[89]). Из спора 1522 г. узнаем, что здесь в «надаваньи» — распоряжении великих князей были четыре державы — Вилькея, Велена, Скерстомоин и Шавленская, притом «здавна, за предков наших и за нас»[90].

Огромная дистанция отделяет какого-нибудь Дампсе, владевшего одним гакеном земли, от великого князя — номинального владельца всей Литвы, но их объединяет главный признак — то, что землю свою они не пашут. Это делают другие люди, подчиненные им.

Великий князь стал номинальным собственником всей земли. Мы видели богатство и могущество великого князя Миндовга. Его преемники кажутся в этом отношении еще сильнее. Все захваченные земли поступали под юрисдикцию великого князя. Поэтому в пору совместного правления Ольгерд и Кейстут договорились, «что придобоудоуть град ли, или волость, да то делити на полы»[91].

Взгляд на великого князя как на верховного собственника отражен и в «житии» литовских мучеников (XIV в.), источнике пристрастном, тем не менее любопытном. Когда православные жители Вильно, «елици от различных страпь привед[е]ни бяхоу», захотели воздвигнуть церковь, то об участке земли они должны были просить князя. Они «п р о ш а х у от кнезя молешеся призрети кь прошению их и д а р о в а т и имь м е с т о некое, на нем же воздвигнут храмь свяжен, вь еже сьбиратисе имь». Великий князь — «огнеслужитель» Ольгерд отверг избранное ими место, «понеже удоль и темно есть», а «м е с т о п р и р е к виселичное, то прилично есть, яко высоко и светло»[92]. Если иметь в виду, что храмы и монастыри строились и при Войшелке, и при Гедимине, то в сообщении «жития» можно видеть правдоподобные детали относительно оформления подобных пожалований.

Отмеченные выше три вида феодального землевладения, известные в первые десятилетия существования литовской раннефеодальной монархии, как бы отражают путь, пройденный первыми собственниками земли от небольших вотчин до владений, охватывающих целые волости, земли и княжения (доступные нам источники изображают Литву уже имеющей территориальное деление, упоминая: territorium, terra, re-

---

[89] АЗР, т. I, № 103, стр. 121.

[90] М. Д о в н а р - З а п о л ь с к и й₂, стр. 21.

[91] ПСРЛ, т. XVII, 72. Ягайло пожаловал своему брату Скиргайле несколько волостей и деревень «со всякою службою, все люди и села и всякий доход» или «с данью, и с землею, и с людьми и со всем доходом» (J. J a k u b o w s k i₁, str. 36—45). См. часть III, раздел первый, § 4.

[92] М. Н. С п е р а н с к и й₁, стр. 26: ср. Е. Г о л у б и н с к и й₂, стр. 68—70.

gio, lant, districtus, позднее известные под названием «волость»)[93]. Процесс формирования Литовского государства протекал в условиях острых противоречий среди разного рода собственников земли. Но жизнь вынуждала этих оторвавшихся от общин и вставших над ними людей объединять усилия для укрепления своего господства над трудящимися в самой Литве; угроза со стороны Ордена, Руси и Польши еще больше заставляла спешить с этим делом.

Происходила консолидация привилегированных землевладельцев в одно феодальное сословие, в котором прежнее имущественное неравенство было зафиксировано в его сословных группах. Наиболее многочисленную группу составляло мелкое служилое боярство, как и встарь, но теперь уже лишь с санкции правительства, продолжавшее пополнять свои ряды за счет богатеющей части крестьян; далее следовали крупные служилые бояре и князья; все это увенчивалось наиболее богатой частью сословия — правящей великокняжеской династией. Все вместе с помощью разветвленного государственного аппарата они осуществляли монополию своего сословия на земельную собственность и политическую власть в стране.

Боярское землевладение непрерывно укреплялось. Интересы боярства получили отражение в акте унии 1387 г., который подтвердил их сословные права на «castra, disctrictus, villas atque domos», гарантировал боярам-католикам права неотъемлемого владения и свободного распоряжения своими имениями, включая наследование вдов, сыновей и других родственников[94]. Это были права, которых в массе не имел прусский нобилитет и за которые боролся нобилитет жемайтский. Это еще один шаг по пути формирования сеньерии, более полного иммунитета и политической раздробленности.

По этому пути Литва шла гораздо медленнее, чем, скажем, раннефеодальная Русь. Лишь постепенно, с укреплением боярской собственности в коренной Литве и прекращением завоеваний на Руси возрастало могущество литовской знати. Оно отразилось в последующих привилеях, вплоть до специального дополнения II статута 1566 г., когда боярам было дано полное право распоряжения земельной собственностью — omnia iura, libertates et immunitates [95].

Развитие крупной феодальной собственности и соответственно прав жемайтского боярства хорошо отражает привилей 1492 г. И. Якубовский установил, что формуляр этого привилея, в частности, его первые тринадцать статей восходят к при-

---

[93] K. Avižonis₁, S. 20.
[94] ZPL, p. 1.
[95] Pomniki prawa litewskiego, Kraków, 1900, str. 262—263.

вилею Казимира 1440 г., который, в свою очередь, повторяет права, данные Жемайтии Витовтом и Ягайлом в 1413 г., когда она освободилась от ига Ордена [96]. Хотя местное боярство к концу XIV в. насчитывало (если исходить из цифры заложников) до пятисот более богатых семейств, которые гордились своей знатностью, как erbare, все же по первоначальному привилею лишь три местных нобиля были уравнены в правах с литовско-польским боярством.

Последующие захваты и раздачи общинных земель укрепили это сословие. Привилеи берут под охрану и те владения, которые возникли до конца XIV в. и те, которые появились позднее: «Дали есмы всим бояром и посполъству (omnibus bojaris et toti communitati)» семи поветов Жемайтии «тые вси, которыи [съ] стародавна (ab antiquo tempore) часу короля Владыслава, князя Витовта и отца нашого, мели и держали, яко села и иншыи речи держали (tenebant et possidebant villas et alia) при тых их вечне и неотменне заховываемо (et possidere irrevocabiliter, et perpetuo)».

Здесь идет речь именно о тех владениях, которые были в Жемайтии с глубокой старины, времен Миндовга и Гедимина, ибо о новых имениях, полученных при Витовте и позднее, есть особая статья: «Теж подаваня (donationes) которыи шляхтам и бояром (nobilibus et bojaris) князь Витовт, Швидригайл и Жигимонт и теж отец наш доровали (donaverunt) хочем то ховати и держати» [97].

Наиболее обширную группу привилегированного сословия составлял мелкий служилый люд, первоначально входивший в состав дружин, а затем известный под термином приятели, amici, vrûnde. В XIII в. существование значительных дружин отмечено в Литве повсеместно: у нальшенайского князя Суксе [98], ятвяжского — Скомонда [99], князя из центральной Литвы (potentior de Lethonia) Даугеруте [100], князя из северной Литвы Лингевина [101] и др.

Эти freunde, известные в источниках и под названием knechtin [102], clientes [103], еще встретятся нам, когда мы будем гово-

---

[96] И. Якубовский₁, № 4, стр. 239—278; № 6, стр. 245—303.

[97] АЗР, т. I, № 103.

[98] Он бежал к рижскому епископу cum multa numerositate fidelium; cum omnibus ad se pertinentibus и получил от него свое владение in feodum (см. LU, t, I, Reg. 463, p. 111 — от 1268 г.).

[99] PD, III, 211. Он ушел в русскую землю со всей семьей (familia) и друзьями (et amicis).

[100] ГЛ, XVII, 3; ср. XIII, 4.

[101] LR, S. 71 (из немецкого плена он был освобожден «своими друзьями»— von den vrûnden sîn).

[102] SRP, t. III, p. 284 (1407 г.).

[103] AKL, t. I, p. 12 (1392 г.).

рить о свободных крестьянах. Дело в том, что этот низший слой боярства (armigeri sive bojari) вербовался по традиции (идущей от дофеодальной старины) из более зажиточной части крестьянства [104].

В Литве этот процесс отражен источниками лишь начала XV в. (кануна жемайтского восстания 1418 г.) [105]. На прусских землях, в политике Ордена, эта тенденция обнаружилась раньше, перед самбийским восстанием 1295 г. По поводу такой политики Петр Дюсбург оставил даже специальное рассуждение в главе 220. Принятие христианства и верность Ордену определяют судьбу пруссов; в этом, как явствует из слов хрониста, суть социальной политики рыцарей. Орден не меняет социального положения тех нобилей (de nobili, edil), которые добровольно признали его власть, равно как и игнобилей (unvri).

Но горе тем нобилям, что оказались неверны: Unde multi sunt neophiti in terra Prussie, quorum progenitores fuerunt de nobili prosapia exorti (ср. Христбургский договор), ipsi vero propter suam maliciam, quam contra fidem et cristifideles exercuerunt, ignobilis estimati sunt. С другой стороны,— хорошо «верным» крестьянам, для лучших из них — открыт путь в нобилитет: alii vero quorum parentes erant ignobiles, donati sunt propter fidelia servicia fidei et fratribus exhibita libertati. Так нобиль по терминологии Николая Ерошина превращался в eigin knecht, а крестьянин, наоборот, получал вечную свободу и на «êwiclîch sî erbin habin//adil und hêrschaft dâvon» [106].

Использование части крестьян для расширения социальной базы своего господства — политика достаточно дальновидная. Одно упустил из виду Дюсбург: легко превратить нобиля в крестьянина, но гораздо труднее крестьянина — в нобиля, ибо для этого надо подчинить ему других, ранее лично свободных крестьян. А это чревато последствиями, как могло убедиться орденское правительство на опыте крестьянского восстания в Пруссии, а литовское — на примере крестьянского восстания в Жемайтии.

Сильная великокняжеская власть — историческая особенность Литвы, общепризнанная историками. Между тем причины этого явления остаются нераскрытыми. Думаю, что они коренятся в экономике, в специфических исторических условиях образования литовской монархии.

---

[104] Слово armiregis (PD, III, 148) Николай Ерошин передал через witinge (NE, v. 14168).

[105] М. А. Ючас$_2$, стр. 164 и сл.

[106] PD, III, с. 220; NE, vv. 17999—18001, 18017—18022.

Среди советских историков нет споров о том, что экономическая основа власти всех раннефеодальных европейских монархий — обширный земельный фонд, населенный лично свободным крестьянством. То же мы видим и в Литве, но здесь эта основа власти шире и прочнее.

Судя по состоянию производительных сил, известных из археологии, и по уровню развития общины, отраженному в аналогичных прусских источниках, Литовское государство возникло на том этапе, когда община уже в значительной мере превратилась в село, состоящее из свободных земледельцев-аллодистов, давно поделивших ager publicus. Поэтому здесь не могло произойти узурпации общинной знатью и позднее государством сколько-нибудь значительных участков коллективной пашни и установления в широких размерах барщинных форм эксплуатации крестьян. Ввиду этого в Литве наблюдается длительное существование лично свободного крестьянства, подчиненного великому князю. Крупное местное боярство было относительно немногочисленно. Из рядов лично свободных правительство до поры вербовало мелкий служилый люд — рядовое боярство, опору монархии.

Другая особенность объясняется синтезом литовских и белорусских общественных отношений. Захват и включение в состав Литвы белорусских земель позволяли великому князю сохранять земельный фонд в коренной части страны[107]. Этот фонд расходовался очень скупо. Крупным вассалам-князьям и затем боярской знати земли жаловались на Руси. Начало этому положил еще Миндовг; захватив давние владения некоторых жемайтских князей, он пожаловал им в держание земли на Руси: «што хто приемлеть — собе держить»[108]. Так на смену аллоду развивалась более зрелая форма феодальной собственности — пожизненные бенефиции. Этого рода вассалы до поры не были опасны монархам, ибо их положение было осложнено и затруднено необходимостью считаться с общественными отношениями и политическим укладом этнически чуждых земель. Наконец, до унии этнографическая Литва не знала сколько-нибудь развитого церковного землевладения, составлявшего в других раннефеодальных странах обширные пространства культурных земель. Жрецы получали одну треть добычи[109], вероятно, движимой; крупные князья сами первоначально были и жрецами, как Скомонд[110]. Жрецы имели

---

[107] H. Łowmiański₇, str. 129.

[108] ПСРЛ, т. II, стб. 815.

[109] LR, v. 4693—4694.

[110] ПСРЛ, т. II, стб. 799; по преданию, в Галиндии правила женщина-прорицательница (sacra et prophetissa), которая, считаясь святой, созывала собрания знати и решала вопросы мира и войны (PD, III, 4); ср. А. Ф. Мержинский₂, стр. 253.

особые дома для священного огня и для жилья [111]. В целом, землевладение жрецов не могло идти в сравнение с богатствами, полученными церковью.

История литовского крестьянства находится в прямой связи с описанным выше процессом развития крупного землевладения. Те историки, которые закрывали глаза на крупное феодальное землевладение в языческой Литве, понятно, не могли видеть в ней и частнозависимых крестьян; крестьян же, зависимых от государства, они считали вообще свободными.

Историк древней Литвы не располагает инвентарями и им подобными документами, ему приходится иметь дело с другими более сложными источниками, которые, однако, тоже доступны анализу. Вообще говоря, хроники и акты XIII—XV вв. делят население Литвы на нобилей — знать и игнобилей — простых людей. Петр Дюсбург сообщает, например, что в 1306 г. рыцарское войско нанесло поражение литовцам, среди которых упоминает семнадцать pociores и de populo communi multitudinem copiosam [112]. Communis populis это — ignobiles. Такая формула в его хронике стереотипна [113]. То же наблюдается и в актах [114]. Какова социально-экономическая природа этих нобилей, мы старались показать выше. Предстоит попытаться выяснить, что из себя представлял populus communis. Нет сомнений, что в его состав входила челядь.

Уже Вульфстан (IX в.) видел в прусском обществе две группы населения, противостоящие «королям» и «богатым»,— это «бедные люди» — не рабы и рабы [115]; о существовании патриархального рабства у галиндов и сасов можно заключить и из известия Галла-Анонима (XI в.) [116].

По сведениям Петра Дюсбурга, прусское общество делилось на знатных и незнатных, причем челядь, в частности рабы, были принадлежностью прежде всего людей знатных; подчас рабов убивали и хоронили вместе с их господами, что подтверждает и Кишпоркский договор [117]. Свободные пруссы решительно отвергали попытки Ордена лишить их права собственности на недвижимое и движимое имущество, видя в этом проявление «рабских притеснений» [118].

---

[111] ŽML, t. II, p. 116, № 17; А. Ф. Мержинский₃, стр. 395.
[112] PD, III, 291; ср. ibid., 188, 220, 238—249, 259.
[113] См. Z. Ivinskis₁, SS. 24—25.
[114] CEV, p. 74 (1401 г.); Lites, II, p. 150 (1413 г.); CEV, p. 1036 (1416 г.) и др.
[115] См. часть I, стр. 83—84.
[116] Там же, стр. 89.
[117] Там же, стр. 105—106.
[118] Там же, стр. 99.

Материалы, относящиеся к Литве, рисуют такое же деление общества, как и у пруссов.

Челядь обозначена в хрониках терминами familia, gesinde. Когда рыцари разорили дом знатного жемайта в 1286 г. и убили там 70 знатных (reguli), они увели в плен их жен «cum familia et parvulis»[119]; то же произошло в доме Сударга, разоренном в 1317 г.,—его жену, детей и всю familiam увели в плен, часть мужчин была перебита[120]; в том же году жемайты выступили против рыцарей cum tota familia et canibus[121]. В применении к пруссам эта формула чаще всего в виде — cum omni domo et familia sua — также встречается многократно[122]. Хочу отметить, что familia — принадлежность людей знатных.

З. Ивинскис, изучая содержание этого термина, пришел к выводу, что Петр Дюсбург применяет его для обозначения семьи, жителей замка, простых дружинников, но что главное содержание этого термина — челядь, домашние слуги[123]. К этому склоняет выражение cum domo et familia, где domus— это семья, а familia — люди, семью обслуживающие; за это понимание говорит и многочисленность людей двора нобилей. Еще более укрепляет такое толкование то, что Герман Вартберге пишет об убийстве литовцами немецких рыцарей—occisis fratrum cum familia eorum[124]; это могло относиться только к челяди, так как семьи у рыцарей не было. Наконец, Николай Ерошин переводит familia словом gesinde[125]. Русские летописи тоже имеют в виду дружину. Сын Товтивила бежал «с мужи своими»[126], «со своим двором»; с Довмонтом «вбегоша въ Пльсков с 300 Литвы с женами и детми»[127]; Ердень «со своими князи придоша в домы своя и видеша села своя попленена»; их дружина состоит из 700 воинов[128].

---

[119] PD, III, 229.

[120] Ibid., 332.

[121] Ibid., 333.

[122] Ibid., 21, 100, 101, 113, 168, 186 и др. По договору в Рационже Витовт получил право на переселение в Аукштайтию 250 семей нобилей из Жемайтии mit eren brotessen (CEV, p. 98); это те же familiares, gesinde, которую кормит господин.

[123] Z. Ivinskis$_1$, SS. 26—27.

[124] HW, p. 49 (1279 г.); ср. PD, III, 159, 269.

[125] NE, pp. 567, 571, 590. Нельзя принять мнение, что крестьяне уходили вместе с нобилем, к которому якобы были больше привязаны, чем к земле. К земле крестьяне в феодальную эпоху всегда привязаны крепче, чем к чему-либо другому, а в это время им и не было нужды уходить, они еще лично свободны. Уходили те, кто жил на содержании господина или работал при его дворе (Ср. H. Paszkiewicz$_8$, str. 77).

[126] НПЛ, стр. 84.

[127] Там же, стр. 85.

[128] Житие Довмонта — Средняя редакция в кн. Н. Серебрянский$_1$.

Характерная особенность понятия челяди применительно к древнелитовской (как и прусской) истории в том, что оно имеет еще узкое значение, относится к людям, главным образом непосредственно зависимым от господина, несущим на него хозяйственную и военную службу в доме и дворовой усадьбе. Это зримый след былого патриархального рабства. Не сомневаемся, что и при дворе великих князей находилась подобная челядь: не случайно волынский летописец называет конюших Миндовга «паробки». В дальнейшем часть челяди, получая свободу, войдет в состав либертинов (libertini), другая, пополняемая во время войн, будет встречаться как familia illibera.

Источники отражают многообразие терминов, обозначавших формы несвободы лиц из челяди, за которым кроется и обилие путей, ведших в холопство; это и плен, и долговая кабала, и покупка челяди у иноземцев, и пр. Встречаются термины «невольные» («obnoxii»), «холопы» («servi»), «illiberi», «drelle», «egen (т. е. eigene) thattern» и др. Позднее часть этих терминов, возникших некогда для обозначения рабов, распространится на крестьян, теряющих личную свободу (eigin knecht, knechtschaft)[129]. С другой стороны, часть холопов, получающих свободу (libertini), сблизится, вероятно, с соответствующей группой лично свободных крестьян.

Невольные (obnoxii), судя по упоминаниям в источниках, составляли одну из разновидностей челяди. В жалобе Гедимина 1324 г. на Орден, нарушивший мир, говорится: «Item famulos obnoxios bene (circiter) ad CCC qui... (profugi) dominio nostro fuerunt, quos receperunt, nec vnum ex eis reddiderunt»[130]. В русской редакции привилея Казимира выражение manicipiorum obnoxios переведено словом «невольные»[131].

Уже в договоре Войшелка с немцами имелась, вероятно, статья, касавшаяся запрета перехода этой категории населения. Во всяком случае, в «Слове» (около 1265 г.) полоцко-витебского князя Изяслава, подвластного Войшелку, читаем: «поручники и долъжникы, и холопы выдати»[132]. Как видим, здесь невольные, холопы терминологически сближены с должниками, поручниками, словом, закупами. В литовско-немецком мирном договоре 1323 г. предусмотрено, что в отличие от свободных людей, имеющих право передвижения, несвободный drelle (в латинском экземпляре servus proprius) подлежит выдаче по тре-

[129] См. выше, стр. 160,302.
[130] РЛА, № 69, p. 49; см. Приложение IV.
[131] АЗР, т. I, № 61, стр. 76 (1457 г.).
[132] РЛА, № 25-в.

бованию сторон[133]. Это бесправные люди. Их «издавна» продавали наряду со скотом[134]; позднее князья дарили их соседним правителям: великий князь отправлял gesinde великому магистру[135]; Витовт извинялся перед комтуром Рагнита, что не тотчас прислал ему «русскую челядь», но обещал быстро отправить шесть thattern egen[136]. Поэтому, когда Витовт призывал жемайтов (baioren und sinen luden) продать своих жен и детей (vorkopen wif und kindere)[137], но вооружиться против рыцарей, то он мог не бояться, что останется не понятым.

Ряды холопов могли пополняться и за счет пленных, не имеющих средств на выкуп. Если даже I Литовский статут (1529 г.) среди четырех источников несвободы упоминает плен[138], то, конечно, еще большим было его значение на более ранних этапах истории. Этот взгляд как будто подкрепляют источники. Петр Дюсбург утверждал, что пленные в Литве попадали «ad perpetuam sue gentilitatis servitutem»[139]. По хронике Николая Ерошина, князь Витень, взяв немецких пленных, сулит им бесправие: daz ir u n s i r e i g i n // m û z i t w e s i n i n a r b e i t[140]. Маршал Генрих Дусмер, пугая и подбадривая рыцарей, говорил в 1338 г., что попавшие в плен к литовцам будут сожжены, а если счастье и улыбнется им и они уцелеют, то жизнь будет ужасна: so muste er doch i n e w i g e r d i n s t b a r k e i t v n t e r s c h l e g e n v n d b e i t s c h e n b e i denen leuten, do die gefangene christen nicht viel beszer, auch wol k a u m s o g u t t, a l s d i e h u n d e gehalden wurden, sein leben in eussersten elend verschliszen[141]. Количество пленных, угоняемых литовскими войсками в XIII—XIV вв., исчисляется сотнями и тысячами. Приводя эти цифры, З. Ивинскис приходит, однако, к заключению, что в Литве не видно рабства, подобного античному[142]. Более того, уже в 1370 г. в литовском войске встречаются libertini, т. е., надо думать, отпущенные на свободу холопы[143].

---

133 См. часть I, § 4, стр. 156.
134 CEV, p. 166 (1409 г.).
135 Ibid., p. 541 (1422 г.).
136 Ibid., p. 772 (1427 г).
137 Ibid., p. 548 (1422 г.).
138 żPL, pp. 360—361.
139 PD, III, 346.
140 NE, vv. 23637—23638. У Дюсбурга этого нет, но у Виганда: omnes vos captivi mei modo debetis mihi adherere et mecum contra fidem pugnare christianam. SRP, t. II, p. 456.
141 SRP, t. II, p. 496. В Риге утверждали, что в холопство попадали не только люди, проданные в Литву (см. LU, t. II, № 710, док. архиепископа рижского от 1325 г.), но даже и добровольно переселившиеся земгалы (ibid., № 630: «perpetuae sunt redditi servituti»).
142 Z. I v i n s k i s₁, SS. 33—34, 176—179.
143 SRP, t. II, p. 566.

Тех, кто видит вместо Литовского государства некую чудодейственную личность, все эти факты интересовать не могут. Мы же должны с полной ясностью отдать себе отчет, что в Литве правят нобили, владеющие челядью, что этой челядью они дорожат, а потому великие князья, как представители «господ земли»[144], защищая экономические интересы землевладельцев, запрещают холопам право перехода и с помощью договоров (как это делали и древнерусские князья) стараются удержать подневольное население вотчин от бегства за рубеж. Вместе с тем источники говорят, что холопы не могли быть в Литве этого времени ни единственной, ни тем более преобладающей частью непосредственных производителей. Уровень производства, а также состояние общины предполагают преобладание других форм зависимости.

Следовательно, говоря о челяди, источники XIII—XIV вв. отражают лишь один из этапов истории патриархального рабства, которое длительное время существовало и при феодализме. Более ранние источники, относящиеся к пруссам, а затем и к литовцам, тоже не знают рабства в чистом виде.

К р е с т ь я н е. Литовские источники этой поры обозначают крестьян терминами: смерды, homines (люди), cmethones (кметы), gebuwer (крестьяне). Вот что о них известно: в 1362 г. Ольгерд шел на помощь Ковно со своими боярами, ведя войско из крестьян — смердов (cum suis boyaribus et smyrdens)[145]. Здесь как будто под смердами понимаются простые люди, крестьяне вообще. В последующих упоминаниях источников кмет — человек также противостоит боярину[146]. Уже это заставляет думать, что их права не одинаковы. Примечательна и распространенность термина «смерд» в топонимике коренной Литвы (в районах Ковно — Вильно)[147]. Заимствование русских терминов для нобилей и крестьян не должно нас удивлять; это готовая юридическая форма, в которую удобно облеклись сложившиеся в Литве общественные отношения. Каково же было положение различных групп крестьян, что населяли государственные земли, домены великих князей и, наконец, владения отдельных феодалов?

Из писем Гедимина 1323 г. можно заключить кое-что о положении крестьян, населявших государственные земли. Приглашая в страну земледельцев из-за рубежа, великий князь обещает им землю и полную свободу от десятины, но лишь сроком н а д е с я т ь л е т (и от иных повинностей — на пять

---

[144] См. часть I, § 4, стр. 155—156.
[145] SRP, t. II, p. 533.
[146] Примеры см. Z. I v i n s k i s$_1$, S. 184.
[147] Е. А. Р ы д з е в с к а я$_1$, стр. 7.

лет); затем они должны будут вносить ее от урожая с полученной земли[148].

Трудно согласиться с теми, кто говорит о полной свободе литовского крестьянства при Гедимине. Экономически здесь видно другое — крестьяне получают государственную великокняжескую землю и по истечении срока освоения обязаны за нее вносить налог в форме десятины. Князь — верховный собственник земли; крестьянин—ее владелец. Если так обстояло дело с действительно свободными зарубежными новоприходцами, то могло ли быть иным положение аборигенов, даже предполагая, что первоначально крестьяне имели широкие возможности колонизации не освоенных государством пущ. Эта колонизация могла лишь отсрочить начало закрепощения части земледельцев.

В Жемайтии, как нам известно, были какие-то (хотя и не столь большие) домениальные владения великих князей, видимо, переданные им местным нобилитетом на условиях обороны этой страны от Ордена. Позднее Витовт утверждал, что «in terra Samaytharum non fuit aliquis princeps et dominus terre (имеется в виду таких единовластных, как в Аукштайтии), sed erat una comunitas sub certis legibus gubernacionibus et iure gencium vivens, usque ad tempora predictorum dominorum regis Polonie et ducis Lithwanie, quorum gubernacioni propter certos inimicorum insultus, non tamquam obnoxii, sed liberi, quamdin ipsis placuisset se submiserunt»[149].

Подлежит уточнению, что скрывалось за формальной свободой жемайтов. Из хроники Петра Дюсбурга ясно, что здесь имелось давнее расслоение на нобилей, из среды которых успела выделиться высшая знать, и на простой народ (populus communis)[150]. Поскольку эти нобили — наследственные собственники значительных земельных имуществ[151], мы вправе и здесь предполагать существование зависимой от них челяди, холопов и т. п. Тем более, что, давая жемайтам прусское право, Орден видел здесь бояр, свободных и крестьян (gebuwer). Уже это, в сопоставлении с несвободой крестьян-gebuwer в прусском

[148] LU, t. II, № 690. «Agricolis, nostrum regnum intrandi commorandique volentibus, damus et concedimus ad decem annos colere libere absque censu, et medio tempore ab omni opere regio sint exemti; termino praedicto exspirato, et etiam secundum terrae fertilitatem, dabunt decimam, prout in aliis regnis vel populis dare consueverunt; ita tamen, quod nobiscum plus exuberabit granum, quam in aliis regnis est consuetum». Ср. о подобных действиях Ордена (LU, t. I, № 362).

[149] Lites, t. II, p. 150.

[150] См. выше, стр. 304.

[151] См. часть I, § 4, стр. 159.

праве, заставляет признать существование зависимого крестьянства в Жемайтии.

Если бы тут все были полностью свободны, то не возник бы спор о судьбе местного крестьянства между правительством Витовта и Орденом. Этот спор произошел в связи с Салинским договором 1398 г. Учитывая относительно медленное развитие общественных отношений, мы можем с пользой применить относящиеся к нему документы для нашей темы.

Когда Витовт по Салинскому договору уступил Ордену Жемайтию до р. Невяжис, среди подписанных условий было одно, касавшееся крестьян, обязательство — выдавать беглых несвободных людей: zinshafftigen menschem, а также тех, die als eigen zinshafftig sin[152], что в латинском противне Витовта выражено словами — censitum и mancipium an servum[153]. После подписания договора выяснилось, что жемайты бегут в независимую Литву; однако, когда Орден потребовал выдачи лиц обеих указанных категорий, то Витовт ответил, что будет возвращать лишь лично зависимых, несвободных людей (eygene luty, eigene—servi, illiberi), а что свободные крестьяне (freie gebuwer) под действие договора не попадают. Спор тянулся долгие годы и отразился в десяти орденских и двух литовских документах[154], среди которых наиболее важны грамоты Витовта и Ордена (1401 г.).

Спор возник потому, что у юристов Ордена и великого князя был разный взгляд на положение групп крестьянского сословия. Для Ордена все жемайтские (как и прусские) крестьяне — его чиншевики, а потому подлежали выдаче, и, кроме того, должны были выдаваться те крестьяне, которые до перехода Жемайтии к Ордену уже давали чинш своим боярам, это — давние, частновотчинные чиншевики. Правительство Витовта, очевидно основываясь на литовской практике, считало, что несвободны лишь частновотчинные крестьяне, так как они bei den baioren gesessen hetten und hetten in geczinset[155]; другое дело — остальные крестьяне: они, будучи под властью литовского правительства, вероятно, платили ему какую-то подать, может быть ту же десятину, которую сулил Гедимин переселенцам, но считались правительством «свободными» (welch gebuwer vormols k e i n e n b a i o r e n geczinset

---

152 LU, t. IV, № 1478, p. 220; ср. CECDV, p. 53.

153 LU, t. IV, № 1479, p. 225.

154 См. Z. I v i n s k i s₁, S. 42 и сл.; CDP, t. VI, № 109, 112 (1401 г.); t. V, № 122; t. VI, № 113, 123 (1402 г.); t. V, № 134 (1403 г.), 135; t. VI, № 140, 146, 159; t. V, № 137; CEV, p. 199 (1409 г.), 976—1000; надо иметь в виду, что о точке зрения Витовта мы можем судить только на основе документов Ордена.

155 CEV, p. 78.

hette und hetten keinen herren gehabt, das weren freie gebuwer gewest, und die weren ouch freien[156]); их более зажиточный слой поднимался в ряды служилого люда; от бояр они были независимы или, как передает Орден мысль Витовта: die doch gute baioren czu frunden hetten[157].

Все развитие спора показывает, что правительство Витовта, формально апеллируя к юридической казуистике, по существу вело очень дальновидную политику, отказываясь признать законной попытку Ордена ликвидировать значительную группу лично свободных, среди которых помимо крестьян были и выросшие из общинной среды мелкие вотчинники. Более того, как явствует из жалоб Ордена, литовское правительство сманивало жемайтов, обещая каждому переселенцу (вероятно, подобно тому, как это делал Гедимин) денежные и земельные пожалования (und luth die Samayten gemeynlich czu im, widder syne vorschribunge, wol IIII M. und gap in grosse gobe und tet in gros gelobte, do mitte her uns eyne grosse menyge der Samayten us den landen enczoch[158]). Освободительная борьба в Жемайтии не затихала. Те, кто искал поддержки в Литве, боролись против предателей, сторонников Ордена. Уходившие в Литву подчас избивали сторонников Ордена или насильно уводили их с собой («die selbin die also czu im czogen die andern [видимо, die] gerne bie uns gebleben weren, robitten und slugen und eczliche mit gewalt mit in weg furten»[159]. В другом месте Орден говорит, что Витовт давал перебежчикам grosse friheit[160].

Все ли свободные бежали к Витовту, спеша получить надел и четыре марки, или только более зажиточные, близкие по положению к мелким вотчинникам и потому наиболее остро реагировавшие на ликвидацию свободы? По сведениям Ордена, бежало 4 тыс. [161]—прежде всего — мелкий служилый люд. Боярство, как видно из жалобы 1416 г., оставалось на месте и, сохраняя свободу на основе прусского права, вело дипломатическую борьбу; масса крестьянства сказала свое слово, когда литовское правительство призвало его к восстанию против Ордена.

Сами рыцари тоже не сидели сложа руки. Идя навстречу местной знати, Орден решил сперва, что baioren должны baioren bliben, die freien frei und die gebuwer gebuwer и пожаловал им прусское право[162], известное нам

[156] CEV, p. 77.
[157] Ibid., p. 78.
[158] CDP, t. VI, № 123.
[159] Ibid., ср. CDP, t. V, № 122, 134, 135 (S. 184); t. VI, № 112.
[160] CDP, t. VI, № 112, S. 114; ср. t. V, № 122, S. 164.
[161] CDP, t. VI, № 123.
[162] CEV, p. 78 (1401г.); ср. SRP, t. III, p. 237 (und gab yn recht, dornach sie sich sulden richtin und haldin)— под 1400 г.

по Помезанской Правде. Но борьба с Литвой разгоралась, и рыцари искали средств упрочить здесь свою власть — местный фогт был строг, были взяты дети знати в заложники в числе около пятисот [163].

Между тем жемайтские нобили, недовольные прусским правом, решили требовать кульмского (хельминского). Это признак зрелости здесь феодальных отношений. Но когда в 1406 г. их представители пришли в Мариенбург с этим требованием, их отпустили ни с чем [164]. Наступление Ордена усилилось, готовилась перепись населения, из чего нобили правильно заключили, что Орден задумал ere wibe und ere kinder e i g i n machen, т. е. свести на положение лично несвободных. Все эти противоречия очень ясно отразились в известной жалобе жемайтов 1416 г.[165]

Из нее видно, что Орден не только теснил свободных, но и отбирал у бояр лично зависимых от них крестьян: «nos gravare s e r v i s, p r o p r i e t a r i i s, r u s t i c i s e t t r i b u t a r i i s nostris omni s i n e i u s t i c i a nos privantes» [166].

Данная выше трактовка документов подкрепляется более поздним договором Ордена со Свидригайлом (1402 г.): наученный горьким опытом, Орден на этот раз потребовал выдачи в с е х б е ж а в ш и х («Vortme sullen wir k e i n e n m e n s c h e n, her sie r i t t e r m e s i g, k n e c h t ader g e b u w e r, ader w e l c h i r l e y k ü n n e s a d e r w e s e n s her sie, ane orloh des hoemeisters, der tzu den tzieten sien wirt, in vnsere lande nemen ader settzen») [167]; или, как еще точнее сказано в Ковенском договоре 1404 г.: «fortme zo zolle wir keinen czinsheftigen menschen d e s o r d i n s und auch die als eigene czinsheftik zcin» [168]. Здесь отмечено то, о чем выше говорилось: категория данников-чиншевиков рассматривается в договоре согласно орденской юрисдикции как несвободная.

В конце концов литовское правительство выиграло борьбу с Орденом за жемайтский нобилитет; папская курия смогла, наконец, один раз реализовать свою демагогию об охране свобод неофитов, но и то при помощи войск литовского короля. Такова ирония истории. Освободив Жемайтию, литовское правительство помогло окрепнуть местному боярству за счет земель лично свободного крестьянства, которое вынесло на

---

[163] SRP, t. III, p. 282 (1406 г.); ср. p. 240 (1400 г.); CDP, t. VI, № 112, S. 116.

[164] SRP, t. III, p. 284.

[165] См. часть I, § 4, стр. 159—160.

[166] CEV, p. 1021.

[167] LU, IV, 413; CDP, t. V, № 125 = РЛА, № 137. В латинском тексте: «agricolam, clientem, militarem», т. е. крестьяне, freunde, бояре.

[168] CEV, p. 103.

своих плечах всю тяжесть освободительной борьбы. Усилилось боярство, увеличился слой служилых людей, но это довело страну до крестьянского восстания 1418 г.

Таким образом, документы спора освещают нам общественный строй Жемайтии, где под верховной юрисдикцией сперва литовского, а затем орденского правительства правят бояре — потомки давних нобилей и их более мелкие, служилые вассалы — freunde; высшая юрисдикция принадлежит правительству; крестьянская масса состоит в основном из лично свободных [169] государственно зависимых крестьян (zinshafftige menschen=freie gebuwer=gemeine luthe), а также крестьян лично несвободных, частновладельческих.

Из развития этого спора следует и тот вывод, что не только в Жемайтии, но и в остальной Литве в конце XIV в. сохранялись значительные массы лично свободного крестьянства. О полевой барщине речи нет. Как быстро ухудшалось положение крестьянина, можно видеть по ст. XIII луцкого и бельского привилеев, где читаем, что во времена Витовта (конец XIV—начало XV в.), «когда призывались кметы (kmethones) для поселения, каждый кмет в повете работал 14 дней в году с волоки»[170].

Попытаемся определить основной состав ренты государственных и частновладельческих крестьян. Здесь на помощь приходят акты 80-х годов XIV в. и последующие привилеи, утверждающие или отменяющие давно возникшие институты.

Как можно судить по письмам Гедимина, на крестьянство ложилась государственная подать — десятина. Она шла, вероятно, в натуральной форме, а возникла, как видно, по пережиткам «полюдья», «поседа» в литовских землях [171] и «окупа» в русских, из разного рода раннефеодальных форм нерегулярной эксплуатации.

---

[169] Нам нет нужды разделять взгляд Витовта и вслед за ним трактовать государственных крестьян как свободных вообще (ср. Z. I v i n s k i s_1, SS. 47, 50), ибо ясно, что не могли быть полностью свободны государственные крестьяне, если все они были zinshaftig, а часть из них уже потеряла право перехода; видимо, перед нами ранние формы данничества в пользу великого князя. Ср. также K. A v i ž o n i s_1, S. 69. Исследователь уже догадывался, что нобили — это der erbliche Stand der Freien (ibid., S. 70). Утверждение Ордена, что жемайты haben nimande vormols geczinset (CEV, p. 77), имеет в виду частновладельческую зависимость, а утверждение, что wurde uns nimant wider, хотя и грешит преувеличением, но свидетельствует все же о сравнительно умеренном развитии крупного боярского землевладения (ср. H. Ł o w m i a ń s k i_2, t. 1, str. 252).

[170] В свою очередь, по привилеям предусмотрено увеличение барщины б о л е е ч е м в ч е т ы р е р а з а. «Мы же постановили, что каждый кмет должен с одной волоки работать один день в неделю, а с полволоки один день в две недели» (И. Я к у б о в с к $и́й_1$, № 6, стр. 251).

[171] См. часть III, раздел первый, § 4.

Помимо десятины, на лично свободных и частновладельческих крестьян падали весьма разнообразные государственные повинности. Подробный перечень их содержится в грамоте 1387 г. о пожаловании виленским духовным феодалам полного иммунитета: их освободили от «serviciis, angariis, praeangariis, podvodis, viarum custodibus, viis expeditionalibus, stationibus, contributionibus, vulgo srzebrzyzna, castrorum et pontium aedificationibus, nostrorum officialium iudicio, castigationibus et poenis ministerialibus: velut dzyedzkyc, avenae, siliginis et foeni dationibusque dakla nuncupatis et ab aliis omnibus oppressionibus et gravaminibus quibuscunque nominibus vocentur»[172]. Таким образом, государственная власть, узурпировав у общин их военные функции и их замки-убежища, засеки, дороги и пр., возложила на крестьянство по существу барщинные работы (сервиции — трудовые услуги господскому двору), строительную (ангарии — ремонт и охрана дорог, мостов, замков) и подводную повинности, а также неограниченную военную повинность.

Правильность такого понимания документа можно проверить, используя хроники. Петр Дюсбург, говоря о введении литовским правительством регулярной гарнизонной службы, дает понять, что и она легла на крестьянство (custodia castrorum... quasi communiter observatur)[173]. Виганд сообщает, что Кейстут в 1364 г. послал 150 жителей одного из сел на охрану и починку дорог — pro custodia viarum[174]. Судя по привилею 1447 г., который расширяет иммунитет боярства[175], в подводную повинность прежде входила доставка крестьянами камня и дерева для обжига извести, а также перевоз сена в пору сенокоса.

Что представляла собою в тогдашних условиях военная повинность, можно понять, подсчитав только количество походов немецких рыцарей на Литву и литовских на Орден. По данным хроник, за 135 лет (1200—1336 гг.) на Литву было совершено 35 походов, из них 32 за последние 52 года (1284—1336 гг.). Эти набеги сами по себе ударяли по крестьянскому хозяйству. Хроники и дорожники свидетельствуют о многочисленных разорениях на литовской земле. Кроме того, крестьяне должны были участвовать в вооруженном отражении этих набегов. Крестьяне же составляли основную массу литовских войск при организации крупных походов против Ордена. Из почти 30 литовских походов только против Ордена большинство—это набеги дружин, но были и выступления более крупных сил — в 1201, 1236, 1243, 1260, 1277, 1292, 1311,

---

172 KZ, p. 11.
173 PD, III, 300.
174 SRP, t. II, p. 548.
175 Привилей 1447 г. — CE, t. III, pp. 9—13.

1330, 1335, 1336 гг.[176] Следовательно, военная повинность была обременительна.

Судя по тому, что Ягайло привилеями 1387 г. освободил население церковных владений от следующих государственных повинностей, на крестьян падал и натуральный оброк: avenae, siliginis et foeni dationibusque, dakla nuncupatis[177]. Государственная власть получала с крестьян натуральное дякло овсом, рожью, сеном. Жигимонт Кейстутович, освобождая по привилею 1434 г. боярских подданных от дякла, указывал, что эти дани кметы и другие лично зависимые (cmetones et subdicti) ab ante nobis et predecessoribus nostris dare consueverunt[178]. Привилей виленскому епископу 1387 г. упоминает и полюдье. Из привилея 1447 г. узнаем, что прежде крестьяне должны были обеспечивать великого князя всем необходимым при объезде им страны[179]. Эта повинность восходит к своеобразной форме полюдья — поседу (pasedis — от глагола pasedeti — посидеть, погостить), которая бытовала и на государственных, и на частновладельческих землях[180].

Другим видом оброка, как следует из цитированной грамоты 1387 г., была сребщизна. Чинш платили и крестьяне удельных князей: в 1382 г. Кейстут, владевший Вильно, «czog her mit macht ken Rewsen uff Jagel und Garbod, die em seyne czins hatten uff gehalden»[181].

Объем повинностей частновладельческих крестьян на их собственных феодалов нам неизвестен, но, понятно, что он не был меньше того, что первоначально шло с них государству. Жалуя или лишь оформляя иммунитет для частного владения, великий князь ведь не вообще освобождал крестьян от определенного круга повинностей, а передавал право на их взимание тому или иному феодалу. Поэтому грамота 1387 г. дает представление и о повинностях частновладельческих крестьян. Нужно только учитывать, что частновладельческое, боярское землевладение XIII — половины XIV в. еще находилось на ранней ступени своего развития, судя по тому ограниченному иммунитету, которым оно располагало[182]. Существовала еще

---

[176] ГЛ, V, 4; LR, S. 46, 57—60 (30 тыс. войска); PD, III, 195 (exercitu validus); 253, 306 (cum maximo exercitu), 310 (4 тыс. воинов); HW, p. 65 (validus exercitus), p. 72 (validus exercitus); SRP, t. II, p. 490 (cum magno exercitu). См. Z. Ivinskis$_1$, SS. 64, 90.

[177] CZ, p. 11.

[178] CE, t. III, p. 530.

[179] KZ, p. 11; CECDV, № 6, p. 14. См. состав десятины в 1411 г. по жалованной грамоте Жигимонта (CECDV, № 56, pp. 87—88).

[180] J. Jurginis$_1$, p. 63.

[181] SRP, t. III (Die ältere Hochmeisterchronik), p. 602; H. Łowmiański$_4$, str. 219.

[182] См. часть III, раздел первый, § 4.

форма пожизненного феодального владения (бенефиция), развитый феод — наследственное владение — получил юридическое оформление в общегосударственном масштабе лишь по акту 1387 г.

Размеры и характер повинностей государственных крестьян были весьма разнобразны. Сама их «свобода» была очень хрупкой. Постоянные раздачи земель медленно, но верно ухудшали положение крестьянства, сословная неполноправность перерастала во все более суровые формы крепостничества.

На государственных землях были организованы великокняжеские домены — «дворы»; положение крестьянства, населявшего эти земли, принципиально не отличалось от положения частновладельческих людей. Основная масса крестьянства была обязана поставлять натуральное дякло (dekla — от слова deti — класть, подразумевается, зерно в бочку) в опорные пункты власти — дворы и крепости: во время процесса из-за Вислоны князь Витовт утверждал, что до падения этой крепости (т. е. до 1367 г.) окрестные жители поставляли сюда ежегодно, помимо зерна, также и другие продукты: certum tributum annis singulis tam in blado (т. е. дякло) quam in melle e t a l i i s r e b u s v i c t u a l i b u s[183].

Видимо, дякло было господствующей формой ренты в языческой Литве. Эта форма выросла в процессе развития великокняжеского землевладения и упрочения опорных пунктов государственной власти в виде деревень, дворов, крепостей; последние сделали излишним посед — полюдье, которое, однако, сохранялось как наименование для более или менее систематических объездов великим князем и его помощниками основных центров страны. Кроме того, государству шла серебщизна, как видно из привилея церкви 1387 г.[184]

Государственные повинности разверстывались лишь на общинную организацию. Вероятно, дякло уже в XIII—XIV вв. шло со двора, дыма как единицы хозяйства и обложения, но верстатось и собиралось волостью[185]. Некоторые исследователи, впрочем, полагают, что обложение отдельного дыма постепенно внедряется наряду с дяклом в XIV в., судя по тому, что «чоловек» выступает как единица пожалования в грамотах Витовта, раздававшего по кускам крестьянские земли мелкому служилому люду, зачастую по одному или нескольку дворов крестьян[186] (будущих велдомых[187]). Подобная практика подрывала общину, ухудшала положение крестьянства и привела

[183] Lites, t. II, p. 138.
[184] KZ, p. 11.
[185] K. J a b l o n s k i s$_3$, p. 50, № 15.
[186] J. J u r g i n i s$_1$, p. 64—65.
[187] М. А. Ю ч а с$_2$, стр. 172—173.

к восстанию 1418 г., в свою очередь вызвавшему к жизни привилей о фиксированной ренте. Положение крестьян на государственных землях было, видимо, более сносным, так как сюда переселялись частновладельческие кметы. Право перехода было юридически ограничено лишь по привилею 1447 г., когда великий князь и бояре обязались взаимно не принимать беглых.

Источники позволяют отметить различия в повинностях в зависимости от местных хозяйственных условий. Там, где были леса, сидели зависимые бортники, вносившие «уставное лукно» — дань медом. Ягайло жаловал виленским духовным феодалам в 1387 г. из своих владений unam pullam mellis — ustawne lukno [188]. Бортники (mellis datores)— это несвободные люди домена, судя по документу Витовта (1429 г.), в котором он просит Орден вернуть бежавших данников-бортников: unser leuthe die der honigbowe werten und sust ander unser egen leuthe [189]. Их зависимость от господина была более полной; вероятно, за медовый оброк они владели землей.

Князья имели свои домениальные охотничьи угодья. Уже Миндовг ездил со своими людьми на охоту [190]; здесь, понятно, тоже находились крестьяне, несшие на него какую-то службу. Есть упоминание и о боярских охотничьих угодьях: в 1375 г. рыцари побили людей боярина Войдилы (Woydel), когда те были заняты охотой [191].

Там, где имелись озера и реки, крестьяне-рыбаки поставляли дань рыбой. Эти рыбаки сегодня лично свободны, а завтра — нет; они могут быть пожалованы вместе с землей и озером, которое их кормит: Ягайло в 1387 г. пожаловал духовным феодалам озеро «cum omnibus piscatoribus et hominibus ei adjacentibus» [192]. Согласно акту пожалованья, епископу шла и десятина с рыбаков Понеманья —Jazi (т. е. язь) dictis vulgariter [193].

В районах, допускавших скотоводство, устраивались великокняжеские конные заводы, где крестьяне-конокормцы несли соответствующие повинности, выполняемые, быть может, целыми общинами: в пожаловании 1387 г. это pabulatores equorum [194] с их consanguineis; в Жемайтии они известны как райтинники (raitinykai). В Жемайтии, помимо сервитутов, замко-

---

188 KZ, p. 8, САЛ, т. I, № 1.
189 CEV, p. 869; ср. KZ, p. 8.
190 ПСРЛ, т. II, стб. 817.
191 SRP, t. II, p. 576.
192 CECDV, № 1, p. 6; ср. KZ, p. 8; САЛ, т. I, № 2, стр. 3—4.
193 САЛ, т. 1, № 1.
194 KZ, p. 8. Термин «конокормцы» отразился уже в XIII в. в летописце Переяславля-Суздальского.

вой службы и повоза сена, известны и такие формы повинностей, как дань куницами, участие в княжеских ловах.

Надо учитывать еще одну особенность общественного строя Литвы времени превращения ее в Литовское великое княжество. Под властью великих князей литовских соединялись неодинаковые по уровню общественного развития (а также и занимаемой площади) земли. Аукштайтия выделялась относительно крупным княжеским и боярским землевладением, которое сложилось в процессе острой борьбы среди идущего к власти нобилитета. В Жемайтии, как можно судить, не произошло значительного насильственного перераспределения собственности в среде нобилитета, который признал новую великокняжескую власть; этот нобилитет выделил слой более крупного боярства, часть которого под угрозой со стороны Ордена теснее связала свою судьбу с великими князьями. Здесь был относительно менее развит королевский домен, а само внедрение государственных институтов, сопровождавшееся раздачей «свободных» земель служилому люду, завершилось лишь в начале XV в.; крестьянское восстание 1418 г. было, вероятно, последним в Европе из ряда движений, связанных с утверждением феодальных монархий. Наконец, еще одной составной частью владений великих князей были белорусские земли.

Старая историография, когда писала об их бессословном строе, не только ошибалась сама [195], но и вводила в заблуждение историков Литвы относительно значения синтеза белорусско-литовских общественных элементов. Выше говорилось об экономическом значении белорусских земель для Литвы. Включение в состав Литвы до 1340 г. обширной территории Белоруссии не прошло бесследно и для истории общественного строя.

Наше положение облегчается тем, что общественный строй Белоруссии ныне изучен; выяснено, что это был строй феодальный. К началу XIII в. здесь существовало развитое боярско-вечевое управление городами и прилегающими к ним волостями [196]. Поэтому литовское правительство и его ставленники имели здесь дело не вообще со славянами, а в первую очередь с боярами. Мы видели, что таково было положение первых князей Товтивила и Тройната в Полоцке и Довмонта

---

[195] Впрочем, говоря о «полном отсутствии сословности», авторы на деле собирали данные, убедительно доказывавшие, что власть среди полочан и витеблян припадлежит «добрым людям» и «мужам» (В. Е. Данилевич$_1$, стр. 179, 213, 230), что «боярство Смоленской земли в последние моменты ее политической самостоятельности явно становится на сторону чуждой власти завоевателей» (П. В. Голубовский$_3$, стр. 111) и т. п.

[196] Л. В. Алексеев$_1$, стр. 8 и сл.; М. Н. Тихомиров$_4$, стр. 362—374.

во Пскове[197]. Соглашение с литовским правительством полоцкого, а позднее волынского и смоленского боярства носило традиционную форму «ряда», гарантировавшего сохранение «старины», т. е. прежде всего привилегий феодального сословия, однако, при известном ограничении его финансовых, военных и внешнеполитических функций в пользу Литвы.

Уже М. Ф. Владимирский-Буданов отметил поразительное сходство литовских уставных грамот с договорами Новгородской республики с князьями[198]. Образование Литовского великого княжества строилось на признании широкого иммунитета за белорусским боярством; следовательно, не происходило существенного перераспределения и ломки форм собственности, которые характеризуют, например, централизаторскую политику московского правительства. Боярство решило судьбу не только белорусских, но и украинских земель, а также смоленских городов и новгородских пригородов. Его поддержка обеспечила успех литовскому правительству.

Способ завоевания и его исход определяется способом производства — эта глубокая мысль К. Маркса[199] многократно подтверждена историей. Если Орден грубо деформировал общественный строй пруссов и уничтожил самое народность, то раннефеодальная Литва удовлетворилась традиционной формой зависимости белорусских земель, создавая в них свои бенефиции. Поэтому естественно, что общественное развитие в этих землях продолжалось, сохраняя прямую преемственность от древней Руси. М. Ф. Владимирский-Буданов собрал сведения, относящиеся, правда, к XV в., которые характеризуют жизнь феодального сословия: пожалование земель, населенных крестьянами,— тут видим древние термины — земля, след, двор, село, селище, свобода, волость, монастырь[200]; наблюдается передача князьям уделов — в пожалованье, боярам волостей — в держание с различной полнотой прав и повинностей[201]. Фактически этот автор собрал материал о феодальной собственности на землю и формах иммунитета; некоторые из этих форм (скажем, опека деда) сходствуют и с прусским правом[202].

---

[197] Часть I, § 1, стр. 52—54.

[198] М. Ф. Владимирский-Буданов$_1$, стр. 119. Может быть, и термин Черная Русь (известный уже в 1351 г.) возник вследствие преобладания здесь вликокняжеских доменов, которые образовались во время захватов в XIII в., тогда как Белая Русь — это первоначально боярско-вечевая ее часть, подвластная по «ряду». Ср. А. Соловьев$_1$, стр. 33.

[199] К. Маркс. К критике политической экономии. М., 1951, стр. 210.

[200] М. Ф. Владимирский-Буданов$_3$, стр. 5—7.

[201] Там же, стр. 16—17.

[202] Там же, стр. 23, 31, 33, 38—39, 47.

В пределах крестьянского сословия (и государственных, и частновладельческих людей) прослеживается, по данным городенских актов, развитие старых процессов расслоения общины под покровом феодализма. Крестьяне наследуют имущества, делят между сыновьями на равные доли, покупают земли от имени семьи и т. п.[203] Понятно, что все это допускалось постольку, поскольку было выгодно феодальному сословию.

Литовское правительство не только признало власть боярства, отраженную в привилеях, но и активно укрепляло ее, когда считало нужным. Казимир, например, разъяснял полочанам, как проводить вече: «а сымались бы вси посполу на том месте, где перед тым сыймывались здавна; а без бояр мещаном и дворяном городским и черни соймов не надобе чинить: во всих бы речах рядились так, как мы им право дали»[204]. Мысль о поддержке боярства — главная во всех привилеях, начиная с самых давних, которые, к сожалению, не дошли.

И. Якубовский отметил, что витебский привилей 1503 г. и полоцкий 1511 г. в древней части восходят к жалованным грамотам Витовта 90-х годов XIV в., которые генетически возникли из договоров полочан с князьями. Он условно выделяет, в частности, 11 древнейших статей, которые отражают если не первый ряд полочан с русскими князьями (1151 г.), то их ранние договоры с Литвой[205].

Можно спорить, справедливо ли выделение тех или иных статей, но одно ясно, что привилеи, как и договоры Новгорода с князьями периода феодальной раздробленности, подтверждают своего рода коллективный иммунитет полоцких (и витебских) светских и духовных феодалов. Охраняются привилеем «дом» св. Софии; полоцкие земли, в том числе eкупленины, базадщины и отумерщины; защищаются права местного суда; подтверждается свобода от подводной повинности и т. п. Это привилей, в первую очередь, для господ, ибо в нем находим статью: «А холопу и робе веры не няти». В изучаемое время белорусское боярство и князья группируются вокруг ставленников литовского правительства как полноправная часть феодального сословия: князья и бояре новогородские санкционируют акты местного князя Корибута[206]. И позднее за терминами, обозначающими сословные группы Луцкой земли (1392 г.), угадывается их неодинаковое общественно-правовое положение; это все те же barones, milites, boyari, nobiles, clientes и famuli.

---

[203] М. Ф. Владимирский-Буданов[6], стр. 17, 46—47, 60—61, 81—83.

[204] АЗР, т. I, № 60 (1456 г.).

[205] И. Якубовский[1], № 6, стр. 263—265, 296.

[206] AKL, t. I, № 9, str. 9. Заблуждался Ф. И. Леонтович, видя в этом факт ранней полонизации края. Новогородок—центр православной митрополии Литвы.

Есть некоторые сведения и об экономическом положении духовных феодалов литовской православной митрополии. Если в опубликованном М. Д. Приселковым отрывке [207] видеть остатки описи имущества литовского митрополита Феофила (1317— ок. 1330 гг.), составленной около 1330 г. в канцелярии прибывшего на Волынь митрополита Феогноста, то можно сделать некоторые выводы об имуществах и социальной природе митрополичьего хозяйства.

В описи подразумеваются, во-первых, какие-то земли, ибо числится «рожь 130 мер и других 50, которыя в долг были отданы крестьянам, и ржи стог, имеющий 70 небольших стогов, из тех, что по 50 снопов». Следовательно, речь идет о подвластных крестьянах, получающих от господина ссуду в 180 мер ржи и стог в 350 снопов. «Стог», как отметил проф. К. Яблонскис (соответствующий лит. «стирта» — stirta), в литовских актах начала XVI в. достаточно известная мера сена и жита («жита три стоги, а в каждом стозе было по сороку коп»), в стирте — от 60 до 180 коп [208].

В состав митрополичьего хозяйства входили 34 кобылы, которые захватил князь Любарт-Дмитрий Гедиминович. Это — целый конский завод. Велики были и денежные имущества, даже судя по отрывку о долгах: гривен золотых 3, гривен серебряных (включая долги и не совсем ясные пожалованья от городов)— 267, византийских золотых монет — 28, византийских серебряных монет (включая и поступления от городов)—28; кроме того, крест золотой, сосуд серебряный, дорогие собольи, куничьи, горностаевые, беличьи меха и меховые одежды.

Этот богатый духовный феодал имел возможность руководить из Новогородка православной церковью Литвы под властью великого князя-язычника. По смерти митрополита, как это бывало и на Руси, на его имущество позарился князь, в частности, Любарт. Впрочем, среди должников есть и другие князья, епископы, монахи, купец-согдаец и др. Поразительно широк круг должников митрополита, ибо охватывает лиц не только из городов, близких к Литве, вроде самого Малого Новгорода (Новогородка), Владимира-Волынского и Козельска, но также Стольска, Мурома; среди центров денежных поступлений упомянуты Друцк, Смоленск, Москва, Кострома, Переяславль, Юрьев, Владимир-на-Клязьме, Галич и, судя по упоминанию князя Федора, может быть, Киев. Допуская, что здесь идет речь о долгах митрополичьим или монастырским купцам, можно сделать вывод о довольно тесных экономических свя-

---

[207] М. Д. Приселков1, стр. 48—70.
[208] См. K. Jablonskis3, pp. 214—217.

зях, существовавших тогда между подвластными и неподвластными Литве землями Руси.

Сохранение под властью Литвы прав духовных феодалов видно из западнорусской редакции церковного устава — «Свитка права великого князя Ярослава Володимировича»[209], которым, согласно привилею монастырю Иоанна Предтечи об иммунитете епископского суда, пользовались в XIV в.[210] Можно также отметить, что среди записей (XIV—XV вв.) о вкладах в Лаврашев монастырь (близ Новогородка), сделанных на пергаменном Евангелии начала XIV в., имеется текст о некоем Юрии Болковиче, который «повелением благоверного и христолюбивого князя велико[го] Михаила Кедеминовича» (на полях приписано: Кориата князя новгородского, року... 1329) построил церковь св. Николы, придав ей «землю пашную, и землю бортну и клетку торговую»[211].

Но все же Белоруссия была подчиненной и эксплуатируемой литовской знатью страной. На нее падали военные поборы (в хрониках немало фактов об участии белорусских войск в литовских войнах в Пруссии[212]), обременительные дани, не гарантировавшие эти земли и от своеволия литовских грабительских дружин (см. выше, часть III, раздел первый, § 1). Это было объединение, вызванное угрозой со стороны монгольской Орды и немецкого Ордена. Это было меньшее зло. Когда московское правительство сумело собрать достаточные силы для борьбы с этой угрозой, увеличилось тяготение к нему земель, населенных этнически близким народом. Это отразилось и на политике правящего сословия. Начались отъезды в Москву: уже в 1332 г. из Киева в Суздальскую землю ушел боярин Родион Нестерович с 1700 своих дворян[213]. Это первая ласточка. Много прольется крови, пока осуществится воссоединение русских, украинских и белорусских земель.

А пока иноземное господство постепенно усиливалось; белорусское боярство, вынужденное уступать литовской знати все бóльшую часть ренты, старалось компенсировать себя усилением нажима на крестьянство. В этом деле оно могло рассчи-

---

[209] Сборник П. Муханова, изд. 2, СПб., 1866, стр. 134. О западнорусской редакции устава князя Ярослава Владимировича см. ПРП, в. I, стр. 275—276 (текст), 282 (комментарий).

[210] АЗР, т. I, № 14.

[211] См. А. Востоков[1], стр. 126.

[212] См. часть III, раздел второй, § 2.

[213] Это известие впервые встречается в своде 40-х годов XVI в. (так называемой Ростовской летописи), куда было внесено составителем из родословца. См. А. А. Шахматов[3], стр. 15, 166; текст — у Н. М. Карамзина[1], т. IV, прим. 324. В этом же своде под 1335 г. читается известие, что великий князь послал на Литву «воевод своих Родиона Нестеровича и с ним Александра Зерна ис Торжьку и с ними рать свою».— См. А. А. Шахматов[3], стр. 166.

тывать на поддержку Литвы: введение магдебургского права в Полоцке в 1498 г. и решение возникших в этой связи споров в 1499—1500 и 1510 гг. в сопоставлении с уставной грамотой 1511 г. обнаруживают пробоярскую политику правительства [214]. Иноземное господство консервировало, замедляло развитие общественного строя Белоруссии.

С другой стороны, развитый сословный строй Белоруссии дал в руки литовскому правительству готовые государственно-правовые институты, которыми оно воспользовалось и на коренных землях великого княжества. Жемайтский нобилитет, мирно признавший власть великих князей, вероятно, получил привилеи, изготовленные по аналогии с белорусскими, и потому носил звание боярства. Распространенные на Руси формы эксплуатации крестьянства, такие, как медовая дань — уставное лукно, полюдье и, наконец, соха [215], получили применение в литовской практике. Литовский язык отразил и другие термины, относящиеся к общественному строю, например, господарь — gaspadôrius [216]. Вот почему в литовских городах до введения магдебургского права действовало не только право литовское, но и польское, и русское. Поэтому в грамоте 1432 г. Жигимонта о магдебургском праве виленским мещанам православного и католического вероисповедания, он, обещая «держати их по тому ж как место краковское, тое истое право немецкое матьборское держати», одновременно подчеркивает, что будет это делать «отдаляючи от иных прав што сут польская, литовская, руская и отдаляючи вси обычаи, которы имь бы тому праву па пакость были» [217].

Некоторые выводы об эволюции общественных отношений в Литве изучаемого времени могут быть сформулированы следующим образом.

1) Общественная собственность на землю сменяется сперва отдельной собственностью — наследственными жребиями, а затем частной собственностью — аллодом.

2) Имущественное равенство земледельцев сменяется имущественным неравенством, постепенным сосредоточением земли, усадеб и челяди в руках нобилитета.

3) Патриархальная домашняя община уступает место индивидуальной семье.

4) Пестрые общественные группы нобилитета сливаются в одно привилегированное сословие, состоящее из князей,

---

[214] АЗР, т. I, № 159, 175, 185; т. II, № 61.

[215] Ягайло в 1389 г. жаловал «dwye sossye roly» церкви (KZ, р. 16).

[216] Е. Карский₃, стр. 8—10.

[217] СДГА, № 4, стр. 5; ср. М. Довнар-Запольский₂, стр. 26.

боярской знати и служилых людей. Аллод развивается в расчлененные формы собственности — пожизненный бенефиций и наследственный феод.

5) Многообразные общественные группы простого народа сливаются в одно неполноправное сословие, состоящее из государственных лично свободных и частновладельческих крестьян. Полностью несвободная челядь, холопы играют второстепенную роль в общественном производстве.

6) Одной из особенностей общественных отношений Литвы ко времени образования государства является полное развитие аллода и вследствие этого длительное существование значительной группы лично свободного крестьянства, относительная слабость крупного боярского землевладения и преобладание натуральной ренты (дякло).

7) Другой особенностью общественных отношений Литовского великого княжества является неоднородность уровня развития входящих в него земель — Аукштайтии, Жемайтии, Белоруссии. Включение в состав Литвы феодально развитых белорусских земель содействовало кристаллизации нового общественного строя, а также укреплению власти великого князя.

То, что мы здесь представили в относительно устоявшихся социальных категориях, в реальной жизни имело характер общественного переворота, который был облечен в форму политической борьбы за утверждение литовской монархии [218]. Этот переворот не был единовременным актом, он продолжался более столетия (с конца XII до начала XIV в.) и сопровождался кровавыми расправами в среде нобилей; вооруженными столкновениями их дружин и полков; вмешательством соседних держав — Руси, Ордена, Польши; общей перетасовкой земельных владений прежде всего в Аукштайтии и бегством части нобилитета за рубеж, при одновременном притоке прусских, русских и других дружинных сил; широкими народно-освободительными движениями.

В этих условиях постепенно возникали сословия феодалов и крестьян. Утверждение господства первых ознаменовало закат свободы вторых; поддержание этого господства в конечном счете составляло основной смысл возникшего из огня борьбы Литовского государства.

Этот общественный переворот происходил сравнительно поздно в особых экономических условиях, созданных сильным развитием аллода, а потому полное возобладание сеньерии

[218] Вопрос о последствиях общественного переворота, связанного с переходом от патриархально-общинного строя к феодальному, все еще крайне недостаточно изучен в нашей науке. См. М. В. Нечкина$_1$, стр. 89—90.

с присущим ей иммунитетом растянулось на ряд столетий. Оно было осложнено унией с Польшей и получило отражение в серии привилеев. Незавершенность аграрных преобразований — характерная черта литовского общества, объясняющая специфику и классовой борьбы, и политического строя.

3. РАННИЕ ФОРМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Период становления новых общественных отношений, появления и формирования классов характеризуется зарождением и развитием классовых противоречий. Поскольку образование государства протекало в условиях наступления Ордена на земли пруссов и литовцев, постольку классовая борьба на первых порах переплеталась с освободительной борьбой против иноземных захватчиков и их приспешников из среды местного нобилитета.

Процессы эти развивались и на прусских, и на литовских землях в одно время, при тождественных общественных условиях и взаимно дополняли друг друга, поэтому целесообразно рассмотреть их в одном месте. Борьба прусского крестьянства помогает лучше понять политику не только немецкого Ордена, но и Литовского государства, тем более что они вступали друг с другом в договорные отношения, в которых крестьянскому вопросу было уделено достаточно внимания.

С первых же дней борьбы пруссов за независимость часть нобилитета, сидевшего в своих замках, окруженных селами, потянулась на сторону Ордена, предав интересы народа. Немецкая хроника Петра Дюсбурга особенно богата «назидательными» фактами о деятельности этой группы нобилитета. Это нобиль (capitaneus) крепости Рогов, которую он сдал Ордену и помог ему разорить замок Пипина [1]; это другой capitaneus, сдавший Ордену Балгу — важный опорный пункт Вармии [2]; это многие вармийские знатные люди (plures nobiles et potentes viri de Warmia), которые, cum omni domo et familia sua, перешли в эту крепость [3]. Нобилитет не был един. Другая его часть боролась с врагом: такие люди, как houbtman — capitaneus Warmiensium Пиопсо [4], как viri prepotentes Гоботины, сопровождаемые diversis armigeris [5]. Поэтому во время первого восстания (1242—1249 гг.) пруссы в первую очередь истребляли и захватывали немецких рыцарей [6].

---

[1] PD, III, 7—8.
[2] Ibid., 19.
[3] Ibid., 21; ср. NE, vv. 5165—5172.
[4] PD, III, 19.
[5] Ibid., 23 (NE: mit vil wêpenêrin starc).
[6] Ibid., 35.

После подписания прусско-немецкого мира 1249 г. развернулось наступление Ордена на Самбию и другие прусские земли. Здесь ему прислужничали многие самбийские нобили, такие, как Годуне, получивший даже охранную грамоту на свои владения (super predia et habitaciones suas et parentum suorum), что, впрочем, не избавило их от разорения [7]. Многие самбийские крепости достались Ордену вследствие измены нобилей [8]. Петр Дюсбург восхваляет предателей вроде Матто, который вдохновлял (впрочем, тщетно) других нобилей на битву при Дурбе (1260 г.), напоминая им о благах, полученных от рыцарей [9].

Во время второго восстания, начавшегося в 1260 г., пруссы расправлялись уже не только с рыцарями, но и с нобилями [10]. После битвы при Дурбе прусские земли поднялись на борьбу; народ избрал себе славных руководителей, таких, как натанг Геркус Мантас, варм Глаппе, барт Диване Медведь и др.[11] Прусская знать, скомпрометировавшая себя сотрудничеством с Орденом, искала спасения в немецких крепостях, ибо народ в гневе уничтожал всех, кто поддерживал ненавистное немецкое иго [12]. Именно тогда, как сообщает Дюсбург, нашлось немало знатных мужей, нобилей, qui relicta domo paterna venerunt successive ad castrum Kunigsbergk cum omni familia suo, et fratribus fideliter adheserunt [13]. Они бежали потому, что народ их не щадил. Например, в Бартии жил нобиль Гирдав, имевший здесь свой замок — castrum dictum a nomine suo Girdaw. После multa bella et impugnaciones, quas a compatriotis suis apostatis sustinuit, dum omnino deficeret victus, combusto castro и, cum omni domo et familia sua, бежал в Кенигсберг [14].

Но так повезло далеко не всем. Когда помезанские нобили пытались укрыться в осажденном, голодном Христбурге, то их постигла обычная участь предателей. Немецкие рыцари подтвердили неприкосновенность прав и свобод этих нобилей, однако не пустили их в крепость, предоставив самим себе [15].

Это была народная борьба, в которой активно участвовали даже женщины. Так, одна из жительниц Бранденбурга (которую Николай Ерошин бранно называет tûvils tochtir [16]) из-

---

[7] PD, III, 71.
[8] Ibid., 73—74.
[9] Ibid., 84.
[10] Кстати, вероятно, не все немцы были врагами пруссов, если даже среди рыцарей находились их сторонники (PD, III, 82).
[11] См. часть III, раздел второй, § 2.
[12] PD, III, 90.
[13] Ibid., 100.
[14] Ibid., 113.
[15] Ibid., 145, p. 122; NE, vv. 14029 и сл.
[16] NE, v. 13147.

вестила отряд Глаппе, когда местные рыцари ушли в поход, и тот разорил крепость[17]. Простые люди жертвовали жизнью ради народа. Однажды известный своими разбоями отряд рыцаря Мартина Голина захватил трех пруссов, из них двоих убил, а третьего оставил проводником (tercium, ut eos ad viam rectam duceret, conservantes); этот патриот завел врагов in terram inimicorum и был убит (cujus dolum dum viderent, occiderunt eum)[18]. В своей освободительной борьбе пруссы неоднократно получали помощь от литовско-русских и ятвяжских войск[19].

Не только в Самбии, но и в Погезании немногие спасшиеся нобили «relicta hereditate paterna» бежали в Эльблонг[20]; мелкие нобили, сидевшие в своих маленьких замках, не имели шансов на спасение; если их обходили народные войска, то все равно добивали литовцы, русские и ятвяги. Так, например, большой ятвяжско-русский отряд Скомонда (cum maximo exercitu) в 1271 г. ходил на Хельминскую землю; не сумев взять Кульм, он разорил замок Гемсот и castrum alterius feodatarii militis, dicti Cippel[21].

Подавление восстания открыло рыцарям путь в Надровию. Здесь также часть знати, ведавшая обороной земли, перешла к Ордену. Так поступил Тирско, castellanus (burcgrêve[22]) de Wilow со всеми sibi adherentibus, а также и plures de Nadrowia viri potentes et nobiles (edilman[23]) venerunt ad fratres... cum omni familia sua[24]. Простой народ Надровии сражался до конца, а не имея больше сил, уходил в Литву[25].

То же произошло в Скаловии, где исход борьбы решила измена знати: когда «pociores terre» перешли на сторону врага, то «communis autem populus audiens, quod duces exercitus sui, per quos bellum regebatur, recessissent и тоже subjecit eciam se fidei cristiane»[26]. Вспышки народных восстаний происходили в разных местах: так, вновь восстала Погезания, к которой примкнула часть Бартии, но рыцари зверски опустошили край; лишь часть уцелевшего населения сумела бежать в Черную Русь[27].

---

[17] PD, III, 130.
[18] Ibid., 156.
[19] См. часть III, раздел второй, § 2.
[20] PD, III, 168.
[21] Ibid., 166.
[22] NE, v. 15837.
[23] Ibid., v. 15842.
[24] PD, III, 175.
[25] Ibid., III, 179.
[26] Ibid., 188.
[27] Ibid., III, 191. Можно отметить, что прежде в землю пруссов бежали крестьяне из Польши, видимо, рассчитывая найти здесь (как и на

Последней утратила независимость Судовия (Ятвягия), которую Дюсбург считал сильнейшей из прусских земель (potencior inter omnes)[28], хотя ее и ослабили нападения со стороны Руси и Польши. Одна за другой пали ятвяжские волости, которыми правили весьма многочисленные нобили. И отсюда потянулись предатели в Балгу cum omni domo et familia [29].

Отношение простого народа к ним видно из следующего факта. В волостной крепости Кименау один рыцарь подбил нобиля Контегерде, у которого был в плену [30], к переходу на сторону Ордена. Нобиль согласился и двинулся со своим гарнизоном и жителями замка в Самбию. Но произошло следующее. По пути народ восстал, перебил тех, кто его вел, и ушел в Литву (dicti castrenses de Kymenovia interfecto ductore suo per viam aliam ad terram Lethowie sunt profecti) [31].

Такое расслоение пруссов в период войны понятно: эти нобили искали себе сюзерена любой ценой (своего народа они, видимо, боялись больше, чем Ордена), и Орден шел им навстречу, жалуя, как мы видели, земли и доходы [32], а также привлекая на свою сторону и часть свободных земледельцев на условиях феодальной службы [33]. Простой народ имел возможность оценить положение и понять, что нобили такой же враг, как и рыцари.

Нужно ли удивляться тому, что с утверждением господства Ордена сопротивление пруссов переросло в классовую борьбу крестьянства против немецких и прусских феодалов. Такой характер имело крестьянское восстание в Самбии и Натангии 1295 г. Когда войска рыцарей отправились в поход в Польшу, на Визну, то in diversis locis Натангии, по сообщению Дюсбурга, проявился «дьявольский дух». Во главе восстания встал Сабине, а руководили сговором как его principales et capitanei Гоувине, Станто, Тринто, Миссино et plures alii. Станто со своим отрядом занял крепость Бартенштейн, в которой, вероятно, имел сторонников; отряд Миссино прошел в землю Склунию, где захватил кенигсбергские табуны; другие действовали в иных землях (ceteri discurrentes per terram), убивая рыцарей и священников. Напуганные этим выступлением,

---

Руси) лучшую долю. Об этом папа Григорий IX писал в 1232 г. архиепископу гнезненскому (HRM, t. I, № 35: cum tam inignam et inanditam pati non valeant servitutem ad perfidiam Ruthenorum et Pruthenorum transeunt cohabitatione fidelium direclita).

[28] PD, III, 193.

[29] Ibid., 207.

[30] Ibid., 217.

[31] Ibid.

[32] См. часть I, § 2.

[33] PD, III, 220.

власти Ордена вернули из похода отряд комтура Кенигсберга, который готовился выступить в Натангию. Тогда среди восставших произошел раскол: «мужи земли Склунии» смирились и возвратили комтуру захваченных коней; таким образом Натангия вернулась под власть Ордена.

Дольше продолжалось восстание в Самбии, где главную роль играли крестьяне: Sambite et maxime rustici conspiracionem fecerunt, ut omnes nobiles suos occiderent, et postea fratres et cristifideles invaderent manu forti. Следовательно, в первую очередь восставшие стремились перебить своих нобилей. Но, как это не раз в средние века бывало, избранный крестьянами вождь Наудиоте, сын Иодуте, оказался предателем; через две недели он покинул восставших, пробрался в Кенигсберг, где omnia secreta hujus apostasie et principales auctores nominatim detexit; как видим, восстанием руководила целая группа организаторов. На место прибыл сам магистр, и началась расправа: omnes illos, quos hujus detestabilis criminis reos invenit, fecit justo dei judicio diversis suppliciis trucidari [34]. Согласно сообщению Николая Ерошина, кары обрушились также и на крестьян Натангии [35]. Предавший восстание Наудиоте удостоился отличий наряду со многими другими местными нобилями, пожалованными в 1296 и 1299 гг.

Подавление самбийско-натангского восстания не остановило классовой борьбы прусского крестьянства. Это ясно видно из серии статей прусского кодекса — Помезанской Правды, где мы находим разнообразные формы классовой, освободительной борьбы: а) покушение на право собственности — поджог и уничтожение установленных феодальной властью границ земельных владений; б) «преступление» в собственном смысле слова, к которому можно, видимо, отнести вооруженное сопротивление действиям властей, а также засаду и, наконец, в) отравление немецких рыцарей, широко распространенное в прусских землях [36].

Неугасимо было недовольство ограбленного и угнетенного прусского крестьянства. Поражения, нанесенные Ордену Польшей и Литвой, ускорили взрыв восстания 1525 г., в котором совместно выступали прусские и немецкие крестьяне, несвободные и лично свободные, против господ, причем главным центром движения, как и встарь, были Самбия и Натангия [37].

---

[34] PD, III, 262; ср. H. Łowmiański₂, t. I, str. 253.
[35] NE, v. 20679.
[36] В. Т. Пашуто₄, стр. 68—71.
[37] Подробнее о восстании 1525 г., незаслуженно забытом (как и восстание 1295 г.) в нашей историографии, см. E. Wilke₁, SS. 35, 42—45, 53, 63 и др.

В Литве возникающее государство олицетворяла литовская знать во главе с королем, здесь не было длительного и широкого иноземного завоевания, а потому те же, что и в Пруссии, общественные отношения породили иное развитие классовых противоречий.

Крестьянство тоже было главной силой освободительной борьбы в Жемайтии против наступления Ордена в 1252—1260 гг. Литовское правительство Миндовга (а позднее и правительство Витовта) было склонно рассматривать Жемайтию как разменную монету в дипломатической борьбе с папско-рыцарской агрессией. Народ внес в эту политику решающие поправки. Он не признал сделки правительства Миндовга с Орденом и продолжал сопротивление, которое возглавил мужественный сын литовского народа Алеманис. Когда после битвы при Дурбе вспыхнуло восстание пруссов, то и жемайты решительно поднялись на борьбу, добившись поддержки со стороны литовского короля. Освободительная борьба народа была решающей силой соединения Жемайтии с Аукштайтией в одно государство [38].

Организатором этой борьбы в конце концов стало литовское правительство, оно сумело обеспечить на длительное время устойчивую оборону Жемайтии против Ордена, но при этом часть жемайтской земли сделалась доменом великого князя, жемайтские крепости заняли королевские гарнизоны, жемайтские нобили получили права боярства, а простой народ превратился в зависимое сословие. Такова цена прогресса при феодализме.

Литовские великие князья, хотя и поддерживали восстания пруссов и жемайтов и давали на своей земле убежище тем, кто искал спасения от Ордена, вовсе не были народными королями. Тот же Тройден, который поселял беглых пруссов в Черной Руси, имел совершенно определенный взгляд на крестьянство. Рижским послам, известившим короля о захвате его «людей», rex respondit animo indignati: Quod tales curo r u s t i c o s a t q u e c a n e s [39]. Король смотрел на крестьян как на собак.

Несколько позднее, в 1343 г., во время большого освободительного восстания в Эстонии и Ливонии литовский король Ольгерд двинулся к Риге. В Зегевольде его встретил один из руководителей восстания (de senioribus), заявивший королю, что он избран в короли народом ливов (et communi populo regem

---

[38] См. часть III, раздел второй, § 2.

[39] LU, t. I, № 507, p. 628. В то же время в Литве ценили знатность и требовали уважения к ней. Кейстут осуждал Ягайлу за то, что тот «свою сестру за холопа дал» (ПСРЛ, т. XVII, стб. 23); поводом к войне Литвы с Новгородом в 1346 г. было то, что местный посадник князя Ольгерда назвал «псом» (НПЛ, стр. 358).

constitutum) и что если Ольгерд последует его совету, то подчинит всю страну. На вопрос литовского короля о том, что предполагается сделать с ливонским магистром, лив ответил, что они прогонят его, как и других немцев. Тогда Ольгерд заявил: «Мужик, ты не будешь здесь королем!» (Rustici, tu non eris hic rex) и приказал отрубить ему голову [40–41]. Литовский король был феодал, и мужик ему казался страшнее Ордена, с которым десятки лет шла жестокая борьба.

Поэтому и литовское, и орденское правительства смогли найти общий язык в борьбе с такой формой классового протеста, как побеги литовских и прусских крестьян. В литовско-немецком договоре 1323 г. признано право передвижения свободных людей, но беглые несвободные должны быть выданы по требованию сторон: «l o p t e n d r e l l e (servus proprius) von eneme lande an dat andere, den scal men utantworden, wan he gevorderet werth»[42]. Статья понятная: господствующие сословия двух государств укрепляют свою власть над подданными. Естественно также, что действие Помезанской Правды — ярко выраженного феодального кодекса права, предусматривающего суровые кары непокорному крестьянству, — было распространено Орденом и на Жемайтию.

Когда литовское правительство упрочило свое положение посредством унии с Польшей [43] и начало наступление на права лично свободного крестьянства Жемайтии, раздавая его земли крупному и мелкому служилому боярству, то здесь произошло то же, что и в Пруссии. Разразилось крестьянское восстание 1418 г.: его движущей силой были те самые gemeine luthe und gebuwer, которые вынесли на себе основную тяжесть борьбы с Орденом. Сохранив с помощью литовского правительства национальную независимость, они, по милости этого же правительства, попали в кабалу (были czum dinste gegeben) к своим «guthen lutten» и «eldesten baioren»[44]. Восстание охватило волости Россиенскую, Мединицкую, Кнетувскую, угрожало Клайпеде, перебросилось в Ливонию, где была разорена Либава [45]. Это восстание — естественная реакция свободолюбивых жемайтов на утверждение феодального способа производства.

[40–41] HW, p. 72.

[42] См. часть I, § 4.

[43] Недостаточно изучено влияние унии на упрочение государственного аппарата Литвы, в частности, войска. Между тем польские феодалы помогали литовским подавлять сопротивление русских, белорусских и украинских земель (см. J. D l u g o s s i i, lib. XII, p. 463); ср. упоминание о «некоем ляхе» под Смоленском (ПСРЛ, т. VIII, стр. 51; т. IV, стр. 93)

[44] CEV, p. 411.

[45] CEV, pp. 409, 449; LU, t. V (2), p. 426. См. Z. I v i n s k i s$_1$, S. 101 и сл.; ср. М. А. Ю ч а с$_2$, стр. 187—195.

Литовское крестьянство видело в боярстве своего врага, что отразилось и в фольклоре, где существовали достаточно нелестные легенды о происхождении бояр от черта [46].

Итак, классовая борьба и в Литве, и в Пруссии первоначально переплеталась с национально-освободительным движением; затем она выступала в форме побегов и, вероятно, других видов протеста; наконец, она прорывалась в открытых восстаниях. То затихая, то вспыхивая с новой силой, но никогда не прекращаясь, она оказывала решающее влияние на эволюцию политического строя.

4. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Политический строй является официальным выражением строя общественного и потому полнее представлен в источниках. Литва не всегда имела государство и была политически единой. Современники, сами жившие при дворах феодальных государей, единодушно утверждают, что и древние литовцы, и пруссы обитали среди болот, не знали государства и не были опасны соседям.

Во времена Владимира Мономаха Русь могла не опасаться за свои западные рубежи, ибо тогда «Литва из болот на свет не выникиваху»,— писал автор «Жития» князя Александра Невского (XIII в.)[1], давая понять, что в его время положение в корне изменилось. То же сообщали о пруссах их западные соседи. Пруссы жили «sine rege, sine lege»[2],—отмечал Галл-Аноним; они селились среди недоступных болот, не терпя в своей среде никаких господ,— вторил ему Адам Бременский [3], словом, как выразился папа, gens hujusmodi olim solita *lege naturae vivere* [4].

Иной предстает в источниках Литва середины XIV в. Это сильное, объединенное Литовское великое княжество со столицей в Вильно; оно успело завладеть Белоруссией, наступает на Украину, соперничает с Польшей и Русью и в то же время упорно отражает натиск Ордена. Как произошла эта перемена, какова была политическая структура древней, не знавшей государства Литвы, каким образом эта структура трансформировалась в государственную организацию, какие формы приняла последняя и почему? Вот вопросы, которые подлежат рассмотрению в данном параграфе.

---

[46] См. Э. А. Вольтер6, стр. 139—140.
[1] Житие князя Александра, стр. 188.
[2] MPH, t. I, p. 478.
[3] См. часть I, § 2.
[4] См. P. Klimas1, str. 58.

Источники застают литовскую землю уже знающей территориальное деление, возникновение которого восходит к догосударственной старине. С. Заянчковский и Г. Ловмяньский много потрудились над определением элементов догосударственного территориального деления Литвы и пришли к выводу, что древнейшей территориальной организацией, сочетающей в себе черты общественные и государственные, была волость [5].

Выводы польских исследователей нуждаются в существенном уточнении. Низшей первоначальной общественной организацией, длительное время сочетавшей в себе функции власти и управления, была сельская община, ясно отраженная в Помезанской Правде, община средним размером в двенадцать дворов, со сходкой, старостой и прочими признаками [6]. Впрочем, и из исследований названных авторов вытекает, что волость, возникшая вследствие распада племени, а затем земли, состояла из деревень [7].

Волость лучше, чем община, отражена в хрониках. По данным хроник Петра Дюсбурга, Германа Вартберге, Виганда Марбурга и других, это terra, territorium, regio, lant, districtus [8]. Судя по источникам, волости уже находятся во власти разного рода нобилей, которые, как мы видели, владеют здесь укрепленными замками-усадьбами и простирают свое управление на окрестные села.

Среди волостей есть и такие, центрами которых были бывшие общинные укрепления, служившие опорными пунктами народной обороны от врагов. Это territorium castri. В них укрывались жители нескольких волостей: например, в 1336 г. в замке Пиллене нашли убежище 4 тыс. человек четырех земель [9]. Таковы волости Бизены, Оукаимы, Сиздитена, Виелоны и другие, позднее попавшие под контроль государственных гарнизонов [10].

Пруссия насчитывала одиннадцать земель, хорошо известных источникам, каждая из которых, как мы видели из Христбургского договора, делилась на изрядное число волостей. Число деревень в волости зависело от размеров последней. Нечто подобное обнаруживается и в Литве. По сообра-

---

[5] S. Zajączkowski$_4$, str. 407. Что «племена» IX—XIII вв.— территориальные союзы, полагают и археологи (П. З. Куликаускас$_5$, стр. 46).

[6] Помезанская Правда, ст. 20, 39, 93; В. Т. Пашуто$_4$, стр. 39—41.

[7] H. Łowmiański$_2$, t. II, str. 141—149.

[8] S. Zajączkowski$_4$, str. 400—402; см. K. Avižonis$_1$, S. 20.

[9] SRP, t. II, p. 488.

[10] PD, III, 222, 247, 276, 290, 321; Lites, II$_2$, p. 137.

жениям Г. Ловмяньского, Аукштайтия первоначально распадалась на четыре земли: Нальшенайскую, Делтуву, собственно Литву и Упите, а Жемайтия состояла из пяти земель: Цеклисской, Коршувской, Мединицкой, Шауляйской, Кнетувской [11]. Следовательно, в Литве могло быть девять земель. Причем в Жемайтии имелось не менее 43 волостей, часть которых была весьма устойчива и дожила до XVI в.[12]

Размеры волостей неодинаковы. В Пруссии они, как видно из Христбургского договора, сравнительно невелики; в Литве, по примерным подсчетам, довольно значительны: в Аукштайтии на 6 тыс. кв. км приходится 16 волостей, т. е. по 375 кв. км на волость; в Жемайтии на 9 тыс. кв. км—32 волости, или, в среднем, около 280 кв. км на волость [13]. Как ни шатки эти расчеты, они позволяют предполагать объединения значительных групп сельских общин, деревень, сел в пределах одной волости.

Источники знают военные выступления целых земель, например, всей Литвы [14], всей Жемайтии [15], всей Ятвягии [16], прусских земель. Это заставляет предполагать существование каких-то органов управления, уходящих корнями в племенное прошлое. Подобные органы управления должны были стоять уже высоко над общиной.

Пытаясь заглянуть в догосударственную историю Литвы, мы заранее должны примириться с тем, что увидим лишь отмирающие остатки прошлого. Мы уже знаем, что в Литве развивается крупная земельная собственность, что имущественного и общественного равенства нет, значит мы не найдем ни родовой организации, ни племенного строя, ни народных собраний. В лучшем случае мы можем найти остатки этих форм народовластия, под которыми скрывается новое содержание. Обратимся к источникам.

Прусские материалы (в частности, Вульфстан и жития) рисуют нам местное общество, уже в IX в. находящимся под контролем людей власть имущих, которые правят в «городах» и крепостях, воюют и ссорятся друг с другом. В XIII в. эти нобили управляют военными делами прусских земель, вступают друг с другом в союзы, заключают договоры с противником, зачастую изменяют общему делу и предают свой народ [17]. Их в Пруссии множество, это мелкие вотчинники, ве-

---

[11] H. Łowmiański₂, t. II, str. 105—106.
[12] Ibid., str. 144.
[13] Ibid., str. 140.
[14] ГЛ, XI, 5: «послали по всей Литве собирать большое войско» (1207 г.).
[15] ПСРЛ, т. II, стб. 897.
[16] Там же, стб. 810.
[17] См. часть III, раздел второй, § 2.

дущие политические дела своих общин, а вместе с себе равными — дела групп общин, объединенных в волости, и, наконец, дела групп волостей-земель. Они все свободны, знатны, равноправны. Они возвышаются над простым народом, который состоит из лично свободных, вооруженных главным образом пеших воинов.

Какова политическая структура власти в Пруссии этой догосударственной поры? Это конфедерация одиннадцати этнически родственных земель бывшего племени пруссов, каждая из которых ведет дела под управлением местных нобилей так, как ей заблагорассудится.

Вопрос о конфедерации земель как одной из переходных форм от догосударственной политической организации общества к государственной изучен недостаточно, и здесь можно коснуться его лишь в той мере, в какой это позволяют сделать прусские источники. Прежде всего надо подчеркнуть, что обособление аппарата управления как надстройки находилось в прямой причинной зависимости от процесса формирования классов.

Принудительная власть, как известно, возникла раньше, чем раннефеодальное государство; эта власть существует во всяком человеческом обществе и при родовом, и при патриархально-общинном строе. Отправной точкой в изучении и этого вопроса является община.

В основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо должностной функции. Исконными функциями собрания членов общины были охрана недвижимой и движимой собственности, самой личности общинника, определение порядка землепользования, пастьбы скота и т. п. Кое-что из этих функций отразилось и в Помезанской Правде. С самого начала существования общины охрану некоторых общих интересов земледельцев пришлось возложить на отдельных лиц или группы лиц. Облеченные общественными полномочиями, они действовали под надзором общества: собирали сходку, разрешали споры, осуществляли репрессии (в частности, поток и разграбление, известный житиям) против лиц, превысивших права или нарушавших обычаи (вспомним кару за непогребенные кости, упомянутую Вульфстаном); надзирали за безопасностью и поддержанием в исправности деревенских дорог, а также засек, общинных городищ-убежищ, сигнализации кострами и т. п.; наконец, на некоторых из них падало и исполнение языческих обрядов при погребении, гадании, принесении жертв богам и пр.

Люди, ведавшие подобными делами, были, понятно, облечены известной властью, которая и представляла собой зачаток власти государственной.

Наши источники, в частности Вульфстан, жития, Кишпоркский договор и Помезанская Правда, сохранили об этом лишь отрывочные сведения, так как в пору возникновения этих источников уровень общественной жизни пруссов был иным, более высоким, население уже объединялось в несравнимо более крупные единицы — волости и земли. Органами власти земли (к XIII в. таких земель в Пруссии известно одиннадцать), состоящей из нескольких волостей, были советы знати (старейших, лучших, нобилей и т. п.); они существовали для охраны общественных интересов и для пресечения их нарушений. Понятно, что они значительно дальше отстояли не только от отдельного общинника, но даже от той или иной общины или группы общин.

Иначе и быть не могло. С переходом от патриархально-общинного устройства к общине сельской, с превращением земледельцев в обособленных производителей еще больше увеличилась отчужденность между ними и носителями общественных функций. Развитие института наследования в обществе повело к установлению наследственности общественных должностей (его мы встречаем в прусских и литовских источниках XIII в. многократно), исполнители которых все чаще избираются из числа более состоятельных земледельцев, располагающих бо́льшими возможностями к поддержанию общественного порядка и безопасности, особенно в пору нередких конфликтов между землями и вторжений врагов извне. Эта зарождающаяся государственная власть еще незначительна, почти незаметна, так как общество еще не знает противостоящих друг другу классов.

Функции власти земли (совета знати и веча [18]) много шире функций общинной и волостной власти. Совет знати земли разбирал споры между волостями и между более крупными общинами (например, в связи с гонением следа); решал вопросы войны и мира с другими землями [19], ведал сбором общего веча, народного ополчения [20], охраной главных путей и оборонительных сооружений земли; из числа знати земли выходили и более крупные жрецы, князья-волхвы, кобники [21]. Наследственное выполнение [22] общественных функций вело к развитию права собственности знати на движимое и недвижимое имущество в силу титула.

---

[18] PD, III, 4 (у галиндов), 184 (у скалвов); LR, S. 87 (у самбов); PD, III, 210, ср. 204 (у судовов); 34, ср. 73, 89 (у пруссов, союзных Святополку).

[19] LR, S. 87; PD, III, 4.

[20] LR, S. 89; нобили-воеводы — PD, III, 20, 89, 188, 332.

[21] PD, III, 4; ПСРЛ, т. II, стб. 776.

[22] PD, III, 73.

Нобили, ведавшие управлением земель, крупнее и богаче тех, что руководили жизнью общин и волостей, их замки мощнее, в их собственности уже не несколько дворов, а зачастую несколько сел [23]; их дружина, состоящая из слуг, насчитывает несколько сот воинов [24] и является ядром ополчения земли; в среднем (по данным Петра Дюсбурга) каждая из прусских земель могла выставить не менее 2 тыс. конницы и много тысяч пешего ополчения [25], а более сильные земли — Самбия — 4 тыс. всадников и 40 тыс. пеших, Судовия — 6 тыс. всадников и «бесчисленное множество пехоты».

В Пруссии имелись «multa castra et firma»; полагают, что здесь насчитывалось свыше 200 замков и 4000 укреплений [26]. Прусское войско было вооружено копьями, щитами, мечами, шлемами, панцирями. Оно применяло камнеметы и осадные машины [27]; оно умело блокировать [28] и брать крепости, как показали события освободительной борьбы. Пруссы действовали не только на суше, но и на воде [29].

Наши источники, характеризуя деятельность прусского и литовского нобилитета, гораздо лучше отразили этот этап истории политической власти, хотя они относятся уже к той стадии ее развития, когда в Пруссии возникает конфедерация земель.

Конфедерация земель Пруссии не была прочным политическим союзом, какой возник позднее в Литве. Едва ли пруссы всех земель выступали когда-либо едино. Этому препятствовали распри в среде нобилитета. Но источники свидетельствуют, что в ряде случаев некоторые прусские земли действовали заодно против Ордена. Нобили трех земель — Помезании, Натангии и Вармии — совместно вели и войну с Орденом и дипломатические переговоры с ним, подписав Кишпоркский договор; подобные действия наблюдались и в других частях Пруссии, а также в Жемайтии. Возможно, что возникала и жреческая организация, признанная всеми землями Пруссии. Прусская конфедерация не успела оформиться в относительно прочный союз под властью более состоятельных в экономическом и военном отношении князей — нобилей одной из земель.

В то же время часть знати различных земель действовала вопреки интересам своей страны, вступала в сношения с неприя-

---

[23] PD, III, 18.
[24] Ibid., 76, 108, 209, 211.
[25] Ibid., 3.
[26] H. Crome. Die Burgen der alten Preuβen.— Mitteilungen für Geschichte Ost-und Westpreuβen, 3. Jahrgang.
[27] PD, III, 94, 117—119, 122: ПСРЛ, т. II, стб. 810
[28] PD, III, 95, 102 (Кенигсберг), 117 (Визенбург), 118 (Крейцбург), ср. PU, I, 1, № 279.
[29] Adam Bremensis, IV, 18; PD, III, 102.

телем, шла к нему на службу. В этом отношении надо отдать должное эмиссарам курии: они выбрали весьма подходящий момент для вторжения рыцарей. Существовавшая структура власти оказалась наименее пригодной для борьбы против вторжений врага. Нобили, как правило, находились в сложных родственных отношениях между собой. Иногда они выступали совместно, образуя союзы, но гораздо чаще распри из-за территорий, где они собирали дань, или из-за самих даней раздирали прусскую землю. Набеги пруссов на соседей, начавшись в XII в., были относительно успешны, пока они, составляя обширные пешие рати и сильные конные дружины, сообща искали добычи в феодально раздробленных землях Руси и Польши. Вторжение Ордена и его умелая политика изоляции и разгрома земель поодиночке привели к краху обширной прусской конфедерации [30]. Это произошло в течение каких-нибудь пятидесяти лет на глазах у Литвы.

Что же за политический строй был в это время в самой Литве? Отличался ли он от прусского и чем именно? До XIII в. мы не располагаем сведениями по этому вопросу. Зато Галицко-волынская летопись сохранила нам ценнейшее сообщение о русско-литовском договоре 1219 г., заключенном волынскими князьями с союзом литовских князей. Оно гласит:

«Божиим повелениемь прислаша князи Литовьскии к великой княгини Романовой и Данилови и Василкови мир дающи.

Бяху же имена Литовьских князей,

се старьшии:	Живинъбоуд, Давъят, Довъспрунк, брат его Мидог, брат Довъялов Виликаил;
а Жемоитскыи князи:	Ерьдивил, Выкынт;
а Роушьковичев:	Кинтибоуть, Вонибоут, Боутовить, Вижеик и сын его Вишлий, Китений, Пликосова;
а се Боулевичи:	Вишимоут, его же уби Миндогот и жену его поял и братью его побил Едивила, Спроудейка;
а се князи из Дяволтвы:	Юдьки, Поукеик, Бикши, Ликийк.

Си же вси мир даша князю Данилови и Василку и бе земля покойна. Ляхом же не престающим пакостящим и приведе на ня Литву. И воеваша Ляхы и много убиства створиша в них» [31].

---

[30] См. часть III, раздел второй, § 2.
[31] ПСРЛ, т. II, стб. 735—736.

Видимо, составитель холмского летописного свода имел полный текст договора, но счел нужным оставить лишь имена литовских князей, снабдив их кое-где своими комментариями, да в приписке показав, что договор имел характер военного союза.

Для историка, изучающего проблему образования Литовского государства, этот документ имеет неоценимое значение.

Во-первых, мы видим, что из числа князей — правителей отдельных литовских земель — выделилась группа «старших» князей — это, прежде всего, Живинъбуд и, вероятно, его сыновья, владевшие землями в Аукштайтии. Если это князья «старшии», то, по принятой русской юридической практике, остальные князья — «младшие», т. е. в какой-то мере вассальные.

Во-вторых, договор подписали князья и другой крупной земли — Жемайтии, а также Делтувы. В договоре участвовали еще две группы литовских князей (Рушьковичи, Булевичи) без указания тех земель, где они правили, и определить их владения пока невозможно.

Едва ли вызовет возражение утверждение, что отраженная в договоре великокняжеская власть («старьшии»), опирающаяся на зависимых или союзных князей, свидетельствует о наличии в Литве относительно единого государства. Объединение литовских земель еще свежо, степень связи между князьями и зависимость одних от других не слишком велика, и для лучшей гарантии договора его подписали (как это делали в свое время и русские князья, а позднее — прусские и жемайтские нобили) все князья, в известной мере зависящие от «старших» из Аукштайтии [32].

Из договора можно заключить, что прежде и в Литве, в ее землях Аукштайтии, Жемайтии, Делтуве и, очевидно, других, правили так же, как и в Пруссии, независимые друг от друга князья — нобили. Это тоже была конфедерация земель как переходная форма от патриархально-общинного строя к государственному. Существенная разница состоит лишь в том, что Литва опередила в своем общественном развитии Пруссию; здесь из среды нобилей уже успели выделиться сильнейшие, и конфедерация литовских земель сменилась их союзом, действующим под руководством нобилитета во главе с более сильными князьями.

Что это предположение основательно, показывают также наблюдения С. Заянчковского над жемайтским нобилитетом, который дольше сохранял свои старые порядки [33], получив известную автономию в рамках государства. Это «kunige von

---

[32] Ср. H. Paszkiewicz$_5$, str. 305.
[33] S. Zajączkowski$_4$, str. 395 и сл.

Sameiten»[34] или «nobiles per quos Samethia tung regebatur»[35]. В массе — они владельцы имений и укрепленных пунктов с относительно небольшим объемом территориальной власти; в их среде сложился слой высшей знати. Нобили управляли волостями, землями, всей Жемайтией. Они ведали делами войны и мира: например, войны против Ордена в 1256 и 1259 гг.[36], предводительствуя в ней[37]; их князья — участники мира с Русью 1219 г.; перед ними держат отчет жемайтские послы, прибывшие из Риги в 1259 г.[38]; с ними позднее заигрывает правительство Ордена, стремясь усилить жемайтский сепаратизм[39].

Жемайтские князья появились, вероятно, одновременно с аукштайтскими, но лишились своих владений и власти в их пользу, и потому позднее здесь не видно местной вассальной иерархии; это — следствие незавершенности феодализма в Жемайтии. Под властью великого князя нобили несут службу, возглавляют вооруженные силы, ведают обороной крепостей. Последний раз жемайтские нобили упоминаются в отчете легатских посланцев 1324 г.[40]; на рубеже XIV—XV вв. они выступают уже в качестве боярства, отстаивающего свои сословные права во время борьбы Литвы с Орденом.

Характер государственной организации, отраженной в договоре 1219 г., соответствует представлению советских историков о государстве раннефеодального периода, которое представляло собой еще не иерархию феодальных сеньерий, а комплекс различных территорий, находившихся на разных ступенях общественно-экономического развития, причем их связь с главой государства кое-где основана на вассалитете без ленов или на ленах, составляющихся из даней.

Неизвестно, было ли отмеченное в договоре 1219 г. объединение литовских князей первым союзом такого рода, но источники говорят нам, что это объединение и его структура не были окончательными. Развитие государства продолжалось в направлении укрепления великокняжеской власти. Источники не сообщают, когда сошел с политической арены великий князь Живинъбуд, они лишь отмечают, что следующим по времени великим князем (hôeste konic) сделался Миндовг[41]; впрочем, они знают, что его отец располагал большой властью[42]

---

[34] LR, SS. 106—107, vv. 4625, 4653.
[35] PD, III, 259.
[36] LR, SS. 94—95, vv. 4085—4118, 4653—4674.
[37] Ibid., S. 117, vv. 5094—5095.
[38] Ibid., S. 106, vv. 4625—4628.
[39] PD, III, 259 (1294—1300 гг.).
[40] РЛА, № 67 = LU, t. VI, № 3073.
[41] LR, S. 63, v. 2732.
[42] LR, S. 146, v. 6383.

(din vater was ein konic grôz). Следовательно, власть в среде крупной знати, как и собственность, передается по наследству. Выдвижение Миндовга — не случайность: выше мы видели, что он выступает в источниках как владелец земель, городов, движимого имущества; отсюда можно заключить, что он располагал крупной вооруженной силой, состоящей как из дружины, так и из пеших полков крестьянства подвластных земель.

Источники позволяют в некоторой мере осветить методы, применявшиеся Миндовгом для объединения литовских земель; эти методы характерны для правителей раннефеодальных государств. Если проследить судьбу некоторых князей, подписавших договор 1219 г., то можно отметить, что Миндовг истребил всех Булевичей. Упомянув в договоре старшего из Булевичей, князя Вишимута, холмский летописец, как мы видели, заметил: «его же уби Миндогот, и жену его поял, и братью его побил — Едивила, Спрудейка». Как-то подчинил Миндовг и князей Рушьковичей, ибо позднее мы видим князя Сирвида Рушьковича нападающим на Русь совместно с воеводой Миндовга Хвалом и его «людьми» [43]. Великий князь заставил на время смириться и жемайтских князей, воспользовавшись их внутренними усобицами: князья Выкинт и Едивид после недолгого сопротивления были разбиты, а сын Выкинта Тройнат признал власть великого князя [44].

Что касается князя Нальшенайской земли Довмонта, то он, по словам нашей летописи, «мысляше бо абы како убити Миндовга, но не можаше, зане бысть сила его мала, а сего велика» [45]. В Черной Руси, которой Миндовг овладел в 40-х годах XIII в., воспользовавшись тяжелыми для Русской земли последствиями монгольского нашествия, княжил его сын Войшелк, но он стоял в зависимости, был вассалом великого князя: Миндовг сам держал Новогородок, а сыну передал только Слоним и Волковыйск [46].

Несколько иначе сложились отношения великого князя с ятвяжскими нобилями, которые поддерживали жемайтского князя Выкинта [47], а с Миндовгом имели «многи брани». Великий князь был вынужден прибегнуть к иному средству — он подкупил ятвяжских князей: «убеди я серебром многим» [48]. Добился он преобладания и в Земгалии. Русский летописец так охарактеризовал объединительную политику Миндовга:

---

[43] ПСРЛ, т. II, стб. 840; ср. стб. 797 (о князе Айшьвно).
[44] См. часть III, раздел второй, § 2.
[45] ПСРЛ, т. II, стб. 860.
[46] Там же, стб. 831.
[47] Там же, стб. 815.
[48] Там же, стб. 820.

«Нача [Миндовг] избивати братью свою и сыновце свои, а другия выгна из земле, и нача княжити один во всей земле Литовьской»[49].

За этой лапидарной формулой скрывается итог длительной социально-экономической эволюции и политической борьбы — возобладания крупной собственности на землю и превращения одной из привилегированных групп нобилей в «старейших» князей сперва Аукштайтии, а затем и всей Литвы. Возникшее государство (как и все государства подобного типа) не было достаточно единым, монолитным ни в смысле этническом, ни в смысле уровня развития своих частей (Аукштайтия, Жемайтия, Черная Русь, позднее — вся Белоруссия). Историю формирования литовской монархии мы рассмотрим ниже [50], здесь же соберем сведения о складывании отдельных государственных институтов — органов власти и управления.

Князь. Великокняжеская власть в древней Литве была настолько сильна, что некоторые историки сочли возможным писать об абсолютизме [51]. Это — глубокое заблуждение. Абсолютизм — категория совершенно иного этапа истории феодального общества. Перед нами раннефеодальное государство, источник силы которого коренится в особенностях породившего его общественного строя. Это несомненно сильная власть, которая переживает период своего наибольшего подъема в пору быстрого расширения государственной территории.

Упрочение власти нашло отражение прежде всего в титулатуре. Потерпев неудачу в попытке завоевать Литву, ее соседи должны были признать силу Литовского государства и его правителей, которая явно отличалась от менее устойчивой княжеской власти в феодально раздробленных странах. Волынский летописец именовал Миндовга «самодержцем»[52], новгородский — «великим князем [53]. Через столетие Гедимин титуловался уже иначе, это «rex sive dux Litwanorum», затем — «rex Letwinorum et Ruthenorum» и, наконец, «Letphinorum Ruthenorumque rex, princeps et dux Semigallie»[54].

Сами великие князья, разумеется, были склонны считать себя неограниченными властителями, при удобном случае подчеркивать это и сурово расправляться с соперниками. Тройден называл «мужиками и псами» своих «королевских людей», захваченных с товарами Ригой, но в качестве ответной меры

---

[49] ПСРЛ, т. II, стб. 858.

[50] См. часть III, раздел второй, § 1—2.

[51] K. Avižonis$_1$, S. 73; ср. W. Kamieniecki$_4$, str. 27. Уже Г. Ловмяньский справедливо усомнился в литовском абсолютизме (H. Łowmiański$_4$, str. 216).

[52] ПСРЛ, т. II, стб. 858.

[53] НПЛ, стр. 84.

[54] См. J. Adamus$_1$, str. 313 и сл.

все же задержал ливонского посла [55]; Гедимин утверждал, что волен распоряжаться жизнью и смертью своих подданных [56]; Кейстут велел повесить боярина Войдилу — придворного Ягайлы [57]; Ягайло погубил видных нобилей, среди которых был дядька матери Витовта [58], и велел казнить двух бояр, противников унии [59]; Ягайло и Витовт писали тиунам-наместникам, что медлящим с христианизацией грозит «шея», т. е. высшая кара.

Власть литовских князей с начала XIII в. была наследственной, что свидетельствует об ее устойчивости [60] и одновременно бесспорно подтверждает господство принципа наследственной собственности в общественном строе. Великий князь мог лишить стола любого из вассальных князей (не говоря уже о держаниях бояр): по смерти полоцкого князя Воина здешний стол получил не его сын Лобок, а Наримунт, сын великого князя.

Его отношения с крупными князьями династии регулировались договорами, с подвластными землями «рядом», переросшим в привилеи. Великий князь жаловал земли магистру, прусским переселенцам (в Черной Руси [61]), при его дворе находили прибежище и русские, например, рязанские бояре [62], и т. д. Умирая, великий князь «городы и княженья раздаял есть» [63].

Из привилеев 1387, 1413, 1434, 1447 и 1492 гг., расширявших иммунитетные права боярства (юридическая сторона этого процесса хорошо раскрыта М. Красаускайте), узнаем, что великий князь мог нарушать наследственные права бояр на землю (привилей 1387 г.), привлекать их к ответственности по явному и тайному доносу (привилей 1434 г.), карая не только виновного, но и его родственников (привилей 1447 г.); великий князь бесконтрольно распоряжался раздачей должностей; юридически не были ограничены его прерогативы в отношении финансов, а также в области внешней политики (привилей 1492 г.).

Наконец, создается впечатление, что в Литве великие князья первоначально исполняли и функции верховных жрецов. Так

---

[55] LU, t. I, № 507, p. 628.

[56] LU, t. II, № 690.

[57] ПСРЛ, т. XVII, стб. 74, 87, 195.

[58] Там же, стб. 76, 89, 147.

[59] ПСРЛ, т. VIII, стр. 51.

[60] См. Приложение 1.

[61] ПСРЛ, т. II, стб. 874.

[62] Возможно, что упомянутый летописью Остафий—сын Константина, князя рязанского (ПСРЛ, т. VII, стр. 125, под 1217 г.), изгнанного Данилом из Перемышля (ПСРЛ, т. II, стб. 793, ср. стб. 855, 861).

[63] Троицкая летопись, стр. 402.

было в Ятвягии, где князь Скомонд был «волъхв и кобник нарочит»[64], так было и в Литве, где Миндовг сам «жряше» языческим богам[65], что требовало соответствующих знаний, судя по выражению хрониста о действиях жемайтского жреца-волхва (blûtekirl): «nâch ir alden site; als er wol wiste»[66].

Но видя лишь эту сторону великокняжеской власти, мы не поймем ее дальнейшей эволюции. Власть Миндовга была, конечно, велика и олицетворяла прогрессивное развитие объединенной страны; однако ведь Миндовг пал под ударами местных династов, готовых поделить его «землю и добыток»[67].

Единая общелитовская государственная власть стала условием дальнейшего существования Литвы; это было ясно видно из опыта прусской истории и из опыта правления Миндовга, поэтому, когда с продолжением объединительной политики выступил Войшелк, сын Миндовга, нашлись достаточно прочные общественные силы, которые его поддержали: убили Тройната «конюси»— паробки Миндовга по тайному сговору («поча думати») между собой. Войшелк, вероятно, знал об этом, ибо он тотчас возвратился в страну, причем не один, а собрав полки и двор своего покойного отца («съвкупи около себе вои отца своего и приятели»), а также русские новогородские и пинские рати[68].

Гедимин был сильнее Миндовга, но когда он в соответствии с древним литовским правом передал столицу Вильно в наследство младшему сыну Явнуту, то более сильные наследники — князь Трок Кейстут и князь Крево и Витебска Ольгерд — аннулировали этот акт. При этом, как отмечено в мемориале Витовта, князья, в частности Кейстут, получили поддержку: di landleute all hildten sich an jn, vnd alle ander huzer gaben sich jm[69]. Следовательно, за распрями князей постоянно видны те общественные силы, волею которых они действуют.

Если с этой точки зрения проанализировать государственные акты великих князей, то станет ясно, что последние далеко не так полновластны, что они осуществляют политику угодную нобилитету, из среды которого вышли. Даже

[64] ПСРЛ, т. II, стб. 799.

[65] Там же, стб. 817.

[66] LR, S. 108, v. 4681—4683.

[67] ПСРЛ, т. II, стб. 860—861.

[68] НПЛ, стр. 85; ПСРЛ, т. II, стб. 861. Поэтому нельзя согласиться с Г. Пашкевичем, полагавшим, что государственная власть при Миндовге еще на пустила глубоких корней, держалась на дружине, без которой она беззащитна (H. Paszkiewicz$_8$, str. 77). Во-первых, дружину надо кормить, а это можно сделать лишь владея землей и крестьянами, а,во-вторых, погиб Миндовг, но институт власти, притом наследственной, остался. См. часть III, раздел второй, § 1.

[69] SRP, t. II, p. 712.

З. Ивинскис в ту пору, когда он был относительно объективным исследователем, должен был признать, что политика, например, Витовта, была дворянской политикой (он выражается более осторожно—adelsfreundlich) [70]. Спрашивается, а какова была политика его предшественников? Тройден заключал договор с немцами «pro se et omnibus sibi subiectis»[71]. Едва ли он сделал это единовластно. Во всяком случае Гедимин заключал договор 1323 г. consilio et consensu (mit r a d e unde mit vulvorde) discretorum virorum nostrorum [72]. Тогда дипломаты поговаривали, что попытка князя Гедимина ввести в стране христианство по католическому образцу сорвалась вследствие сопротивления русских бояр и жемайтских нобилей [73]. Договор 1338 г., отражая интересы «господ земли», был подписан Гедимином от имени своих с ы н о в е й, л и т о в с к и х б о я р, е п и с к о п а п о л о ц к о г о, к н я з е й п о л о ц к о г о и в и т е б с к о г о и с а м и х э т и х г о р о д о в [74]. Подделывая в середине XIV в. жалованные грамоты Миндовга, Орден счел нужным указать, что они выданы литовским князем при участии Лингевина (sororius noster), в них отмечены «nostri barones et consanguinei» и пр. [75]

С о в е т. Если договор подписан mit rade или с согласия стольких лиц, то, очевидно, мы вправе предполагать существование или феодальных съездов или совета. Введение conventiones и parlamenta, как постоянных сословных институтов литовских феодалов, предусмотрено привилеем 1414 г. Но значит ли это, что прежде не было подобного органа при великом князе? [76] Формуляры договоров, да и другие источники, говорят об обратном.

Уже при князьях середины XIII в. были боярские советы. Полоцкий боярин Прокопий выдал намерение князя Товтивила убить Тройната и стать великим князем. Прокопий «пронесе думу» своего князя, т. е. выдал то, по-видимому, что было решено на «думе»; сам он, вероятно, был «думец» княжеский.

Петр Дюсбург сообщает, что литовский король «имел около себя всех, как бы лучших людей королевства (или: он, подобно королю, имел около себя лучших людей королевства), со-

---

[70] Z. I v i n s k i s$_1$, S. 98.
[71] LU, t. I, № 507.
[72] LU, t. II, № 693.
[73] РЛА, № 67=LU, t. VI, № 3073, p. 482.
[74] См. часть I, § 4, стр. 157.
[75] См. LU, t. I, № 354.
[76] Так думал М. К. Любавский (М. К. Л ю б а в с к и й$_3$, стр. 10, 37, 43—44), считавший, что князь был «главным вождем, самым сильным и влиятельным из других вождей». Не решился на вывод о существовании государственного совета и К. Авижонис (см. K. A v i ž o n i s$_1$, S. 76). Ср. иной взгляд Г. Ловмяньского (H. Ł o w m i a ń s k i$_4$, str. 237).

бранных в некоем совете» (in quodam tractatu, seu parlamento)[77]. Допустим, что это было какое-то единовременное совещание[78]. Но для подписания международных договоров этот совет также собирался. Более того, переговоры правительства Гедимина с послами папских легатов в 1324 г. тоже велись с участием совета, где заседала знать, советники — consiliarii, числом около двадцати; среди них advocatus (тиун), а также иностранные духовные советники[79]. В совет входили представители высшей знати (principes et barones). В совете и Ольгерда и Ягайлы сидел, например, Кейстут (он приезжал «ко старым доумамь»)[80]. Еще до унии грамота Витовта слуге (1383 г.) была составлена «с паны радами нашими»[81]. Понятно поэтому, что на съезд в Люблин в 1386 г. должны были прибыть, кроме Ягайлы с братьями, также земяне всех званий (et terrigenis suis, cuiuscumque existant conditionis[82]). Таким образом, есть достаточно оснований признать совет в качестве органа власти литовского правящего сословия. Он возник как совещательный орган князей и верхушки дружины; по мере укрепления крупной собственности на землю его функции усложнялись, а значение повышалось[83].

Постепенно складывались и другие государственные органы высшего (дворцово-вотчинного) и местного управления.

Д в о р великого князя, его устройство и аппарат управления раннефеодальной поры нам почти неизвестны. Мы знаем лишь, что этот двор был и служил в качестве хозяйственного и политического центра. Миндовг отправлял грамоты из такого двора (curia). Двор предполагал совокупность хозяйственных построек; здесь, судя по упоминанию паробков — конюших при дворе Миндовга[84], находились государевы конюшни; была здесь и баня (по пути до «мовници»[85] был убит Тройнат). В состав дворцового аппарата, помимо государственного совета, должен был входить печатник-канцлер, так как уже

---

[77] PD, III, 291.

[78] В 1313г. литовский король «et omnis Lethowia cum eo» приняли решение послать флот в 100 судов под командой Сурмине на Христмемель post multa consilia (PD, III, 179); ср. NE («und mit den sînen ûbete // manchin rât und manche list»).

[79] РЛА, № 67=LU, t. VI, № 3073, p. 478. См. также И. М а л и н о в с к и й[1], ч. 2, в. 1, стр. 76—77.

[80] ПСРЛ, т. XVII, стб. 72, 143, 193.

[81] АЗР, т. I, № 6.

[82] AU, № 2.

[83] См. М. А. Ю ч а с[2], стр. 207 и сл.

[84] ПСРЛ, т. II, стб. 861. По сообщению смоленского автора XV в., при дворе Ягайлы находился «паробок невольный» Войдило. Сперва он служил пекарем, потом князь сделал его своим постельничим, поручил «постелю слати и воду давати себе пити» (ПСРЛ, т. XVII, стб. 72).

[85] ПСРЛ, т. II, стб. 861.

Гедимин скреплял договоры своей печатью; неизбежно присутствие здесь штата дворни — коморников[86] и таких лиц, как дядька (упомянут при Витовте), ключники и пр.

В составе великокняжеской дворни были и иностранцы. Виганд упоминает немца, девять лет жившего при дворе Гедимина. Это был «отрок» — дружинник — socius (libjunge) великого князя. Когда два прусских викинга бежали к Гедимину и сообщили ему удобное время похода для захвата Байербурга, то этот libjunge выдал Ордену планы великого князя[87].

Государственная канцелярия и архив возникли вместе с государством. Нам известно достаточно большое число внешнеполитических соглашений и договоров, заключенных литовским правительством, но они сохранились в архивах других стран. В государственный архив, окончательно оформленный в виде Литовской метрики (Acta magni ducatus Lithvaniae) середины XV в.[88], эти документы не попали: древнейшим актом Метрики считается договор Ольгерда с Орденом (1367 г.). Вероятно, древний литовский архив погиб во время пожаров.

Опорными пунктами государственной власти в стране были крепости, где стояли гарнизоны; эти крепости служили одновременно центрами местного управления — административного[89], судебного, финансового. Формально вся земля — собственность великого князя, но фактически дело обстояло иначе, ибо земли находились в управлении, «держании» его вассалов. Эти вассалы были, в основном, двух видов: более крупные и знатные — князья; те, что поменьше — бояре. Сила и значение князей и бояр определялись размерами их собственности.

Формы государства развились из форм хозяйствования того времени, которое строилось на передаче земли в ленное владение за определенную личную службу и часть ренты с населяющих эту землю крестьян. Это практиковал уже Миндовг. Отбирая у местных династов их фамильную собственность, он компенсировал их держаниями на Руси[90]. Слияние нобилитета в одно господствующее сословие представляло собой сложный процесс: это был сгон с земли непокорного нобилитета великокняжеской властью и поддерживающими ее силами как Аукштайтии, так и других частей страны; одновременно отнятые и другие земли раздавались княжеским дружинникам и части лично свободных. В Аукштайтии этот процесс проходил интенсивнее, сопровождаясь перераспределением собственности

---

[86] ПСРЛ, т. XVII, стб. 76.

[87] Wig, pp. 493, 495.

[88] Н. Г. Бережков$_1$, стр. 140 и сл., 152 и сл.

[89] Дюсбургом упомянут camerarius regis, который вел рыцарей к Гродно (PD, III, 312).

[90] ПСРЛ, т. II, стб. 815.

(см. ниже, часть III, раздел второй, § 1); в Жемайтии он коснулся главным образом лишь правящего княжья; в захваченных землях Белоруссии отношения собственности регулировались «рядом», по которому вассалы литовского великого князя и их дворы-дружины получали доходы.

Понятно, что политическая структура возникшего таким образом Литовского великого княжества характеризовалась значительным разнообразием.

Яркое представление о структуре государства и взаимоотношении великого князя с другими князьями дает договорная грамота Ягайлы со Скиргайлом (от 28 апреля 1387 г.). Отраженное в ней положение сложилось, конечно, задолго до этой даты, а потому документ пригоден и для нашей темы. Ягайло заключает перемирие с братом, подтверждает его владения и делает ему новые пожалования. Король обещает «держати» его «вышей всей нашей братьи» и «слушати» его «боле всех своих приятелей и братьи». Он подтверждает владения Скиргайлы на землях Белоруссии и в коренной Литве.

В грамоте перечислены белорусские земли, с которых идут доходы в пользу Скиргайлы. Здесь назван Минск «и со всеми людьми, и с землею и со всякою пошлиною и с доходом и князи служебные» (последние—это вассалы Скиргайлы). Видимо, на тех же условиях получил Скиргайло и Полоцк («што еще отец ему уделил, також и мы ему даем»). Перемирная грамота упоминает далее Бобруйск и волость Свислочь «с данью и с землею и с людьми и со всеми доходы», а также Речицу, Любечно, Любошаны, Игумен, Логожск, Пропошеск, причем с последнего шла «дань серебреная». Относительно «Логоской дани, людей и всего дохода», что «Воишвилт держал» (до 1387 г.), сказано, что она была пожалована церкви монастыря св. Иоанна, а потому уточнен состав доходов: «что ни есть дохода, дань серебреная, бобры, белки и лукна вся и люди вси». В числе пожалований Скиргайле есть несколько сел, в частности, село Лебедево и «што к Лебедеву тягло и тягнет» и др.

Как видим, литовское правительство управляло Белоруссией через своих князей-вассалов, под которыми сидели служебные князья. Налицо феодальная иерархия. Акт 1387 г. рисует нам феодальную эксплуатацию белорусских земель, крестьянство которых «тягло и тягнет» к городам и крупным селам; крестьяне жалуются вместе с землей, доход состоит из даней (в том числе денежных, меховых, медовых) и т. п.

Помимо обширных владений в Белоруссии, Скиргайло получил богатые пожалования в юго-западной Литве.

Привилей характеризует государственное управление и коренной Литвой. Скиргайле даны Троки с некоторыми из прилегающих земель «по старый рубеж». Это выражение свидетельствует о том, что здесь издавна земли находились в государственном управлении, и границы всех владений были четко определены. Как видно из документа, города являются центрами волостей. Упомянут, например, «р у б е ж от Мерецкого города поколя Мерецкая волость»; сами Троки лежат в окружении сел, бывших волостными центрами: «А о к о л о Троков с е л а: Лепуны и с в о л о с т ь ю, другое Перелая и с в о л о с т ь ю, на Виникая тая [должно быть: Вилкиницкая] волость, Сомилишки и Стрявиники волость, Троки, Попорти и Новое Село».

Ниже названы «о к о л о Троков тая м е с т а», из которых жалуется «г о р о д Радыня и в с я т а я в о л о с т ь со всякою службою, вси л ю д и и с е л а и всякий д о х о д»; также и город Солчники. Упомянуты и другие «городки», также возглавлявшие управление волостями: «Новый город па Вельи против Шатеев поставили есьмы князю Скиргайлу, а стеречи и помагати нам всем с одиного»; на Немане Скиргайле переданы «городки» Немунек, Олита, Пуня, Бирштан с «волостками», а также другие земли и села.

Все эти земли, все эти села были и прежде в держании феодалов: «с е л о И в а н о в о, что Андрей д е р ж а л Борисовичь, а ныне князю Скиргайлу; також и М е н т в и н о с е л о, что Яц д е р ж а л...; також, то на Ваце село, што Борис держал... и с тым, шток т о м у т я г л о и т я г н е т» и пр. Едва ли нужно доказывать, что по своему положению Войшвилт, Андрей Борисович, Яц и им подобные принадлежат к тому же сословию, что Козлейке, Войдило и другие, известные нам из «дорожников», хроник и грамот. Это сословие феодалов, живущее эксплуатацией тяглых крестьян окрестных сел, волостей и волосток. Прав был Я. Якубовский, когда приводил эту грамоту в качестве свидетельства в споре с теми, кто пытался изобразить языческую Литву запустелой и дикой [91].

Вместе с тем уже известные нам привилеи виленским церковникам, упоминающие старинные славянские формы повинностей (полюдье, уставное лукно, конокормцы, язь и т. п.), и содержание жалованной грамоты Скиргайле достаточно характеризуют тесную взаимосвязь литовских и русских (точнее, белорусских) общественных и правовых отношений.

Знатные вассалы использовались великим князем в качестве воевод целых областей: достаточно вспомнить Сударга и

---

[91] J. J a k u b o w s k i₁, str. 32. Текст грамоты там же, str. 44—46. Ср. грамоты Скиргайлы.— CEV, № 33 (от 18 июня 1387 г.).

Сурмине в Жемайтии или Давыда городенского; Давыд владел землей на правах лена как кастелян (castellan — burcgrêve)[92]. Крупные вассалы чувствовали себя уверенно в своих владениях, где каждый из них, подобно упомянутому Дюсбургом нобилю, был «как бы вторым после короля литовцев»[93]. В крупных городах, таких, как Вильно, Троки, Ковно и другие, сидели великокняжеские тиуны-наместники, источники отмечают их и в XIV и (для подвластной Литве Земгалии) в XIII в.[94]

Великий князь имел в качестве вассалов прежде всего своих сыновей: при Миндовге в Черной Руси правил Войшелк, при Гедимине в Кернове — Монвид, в Троках и Жемайтии — Кейстут, и т. д. Высшую знать использовали и в качестве руководителей посольств в Новгород[95], в Ригу[96] и т. д.

Более крупные вассалы и города (например, Ковно[97]) имели свои гербы и печати. Известна, например, печать боярина Войдилы (1380 г.) на русском языке[98]. Но это было не везде: жемайтские бояре еще своих печатей не имели[99]. Вассалы обладали тем бóльшими правами, чем крупнее были их владения. Некоторые из них располагали и внешнеполитическими функциями. Это видно из грамоты 1387 г. Любарта Гедиминовича, по вопросу о подчинении Волыни киевскому митрополиту, посланной им византийскому императору, минуя великого князя Ольгерда[100]; о том же свидетельствует трактат о взаимопомощи Любарта с Казимиром[101] («а князю Дмитрию помагати королеви на всякого неприятеля, опроче своее братье»; «а коли братья княжя пойдут на короля, князю Дмитрию братьи не помагати») и др. Но это были пока исключения.

Как правило, на вассалов падала обязанность участия в военных предприятиях великого князя (в привилее 1387 г. это уже старый обычай)[102], причем каждый снаряжался за свой счет.

---

[92] PD, III, 349 (1324 г.).

[93] Там же, 228.

[94] CEV, p. 129 (староста жемайтский извещает в. князя [в 1406 г.]: wir hatten unsern tolg gesanth czu dem h o u b t m a n n e czur Wille und Tracken und unsern schriber czu dem t h e i v n e n czu Kawen); LR, SS. 207, 210 (Намейсис — houbet zû Terwetein; но пленных немецких рыцарей он отсылает в Литву. Ibid., S. 201, vv. 8756—8757).

[95] НПЛ, стр. 98 (1326 г.).

[96] PD, III, 359.

[97] M. G u m o w s k i$_3$, str. 265.

[98] W. S e m k o w i c z$_2$, str. 410.

[99] CEV, № 67—68 (1390 г.).

[100] J. W o l f f$_1$, str. 73; А. С. П а в л о в$_1$, стр. 15. Ср. РИБ, т. VI, прил. № 3 и 7, стб. 31; ср. грамоту Дмитрия Ольгердовича от 1388 г.— САЛ, № 4, стр. 6.

[101] AKL, t. I, № L (1366 г.).

[102] УГ, т. I, № 3 (1352 г.); ср. ZPL, p. 1—2, пункт 5.

Рассматривая в общей форме политический строй Литовского великого княжества, надо иметь в виду, что в XIV в. он был не тот, что в XIII в., когда господство великих князей в Жемайтии и Белоруссии лишь утверждалось. Ознакомление с привилеями, данными белорусским землям, показало, что здесь литовское правительство не меняло прежней структуры власти. М. В. Довнар-Запольский хотя и не видел классовой природы отечественного «земства» и феодального, завоевательного характера литовской власти, но, изучив права украинских и русских земель по уставным грамотам XVI в., хранящим глубокие следы старины, обнаружил широкое развитие иммунитета, включая экономические (владение, завещание, наследование, торговля) и судебные права. Он пришел к выводу, что Литовское великое княжество — «федеративное государство», которое сохранило «все главнейшие черты удельно-земского строя древнерусской истории»[103].

Это правильно, если под земским строем понимать боярско-вечевой строй феодальной раздробленности, а в федерации видеть результат сговора литовского и белорусского боярства за счет местного крестьянства. Земли Белоруссии оставались в составе Литовского великого княжества раздробленными, что ясно видно из договора Новгорода с Казимиром: «или учинится пеня в Новегороде п о л о ч а н и н у, или в и т б л я н и н у или л й т ъ в и н у или р у с и н у с нашего великого княженья»[104].

В Белоруссии литовские князья-вассалы сидели в окружении своей дружины, местного боярства (оно, а не литовское боярство, выступает во всех договорных документах этой поры рядом с литовскими князьями белорусских земель), церковной знати и мужей градских. Старая структура власти (земли, княжества, волости и пр.), как это подтверждают гродненские материалы XV в., осталась неизменной[105]. Территория захваченной Белоруссии была в несколько раз больше литовской. Местная знать была привлечена к решению важных вопросов внешней политики (переговоры с папством в 1324 г.[106]) и торговли (договор 1338 г.[107]), она влияла на решения великого князя и по другим политическим вопросам; русская знать несла и дипломатическую службу; посол Лессе в 1326 г. вспоминал о русских, бывших вместе с ним в посольстве (socios... videlicet Ruthenos una mecum missos[108]); она, в свою очередь, служила великому князю и с литовских земель (как свидетель-

---

[103] М. В. Д о в н а р-З а п о л ь с к и й$_2$, стр. 35, 84.
[104] ГВНиП, № 70 (1440—1447 гг.).
[105] См. М. Ф. В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в$_6$, стр. 14—15.
[106] LU, t. VI, № 3073, p. 482.
[107] См. часть I, § 4.
[108] LU, t. VI, № 3075, p. 487.

ствуют русские имена держателей). Вместе с ней в литовское делопроизводство входило русское право, русский язык[109], он проникал и в геральдику. Но все это служило интересам власти, в первую очередь, литовского правящего сословия. Следовательно, перед нами — неравноправная федерация.

Синтез русских и литовских политических порядков — тема широкая, и мы здесь отмечаем только начальные ее фазы. Мы ничего не поймем в этом синтезе, если будем вместе с М. К. Любавским считать, что в пору захвата Белоруссии в Литве были лишь «зародыши государственной власти», что «социальное разделение» было только «простым фактом», что все было «шатко и изменчиво» и т. д.[110] Ничего не даст и предложенное Н. Максимейко простое сопоставление сходных статей Русской Правды и Статутов, особенно если следовать его мысли, что в Литве XIV—XV вв. «действовало русское, а не иное какое-либо право»[111]. Эта мысль неверна, она опровергается фактами. В 1387 г., как отмечалось, в Вильно действовало и литовское, и русское, и польское право.

Весьма любопытные выводы дает сопоставление литовских уставных грамот белорусским, украинским и русским землям не только с новгородскими договорами периода феодальной раздробленности, но и с привилеями Жемайтии. Древняя Жемайтия, как и Пруссия, представляла собой конфедерацию общинных земель и владений нобилей. Признав власть литовского великого князя, большинство из них осталось при своих владениях, облекшись в формы иммунитета, сходные с теми, какие мы видим в Белоруссии.

Наступательная политика литовских феодалов на Руси, которую они продолжали, не считаясь с тем, что там складывалось и крепло Московское великое княжество, привело к ослаблению позиций Литвы в борьбе против Ордена, к временной утрате Жемайтии[112]. Конечно, грамота 1492 г., к которой мы сейчас обращаемся, источник поздний[113], но, во-первых, она, как установил И. Якубовский, частью восходит к началу XV в. и отражает права, полученные местным нобилитетом от литовского правительства, вместо прусского права, данного ему Орденом; кроме того, в грамоте есть прямые указания на давность тех или иных установлений.

Привилей подтверждает («подтверждаем и умоцняем») старые привилеи, данные Ягайле, Витовтом и Казимиром. Формаль-

---

[109] Из русского языка проникли в литовский такие слова, как дума — dūmà, суд — sū̃das и др. (V. K i p a r s k y$_1$, p. 31).

[110] М. К. Л ю б а в с к и й$_4$, стр. 16.

[111] Н. М а к с и м е й к о$_1$, стр. 3.

[112] Подробнее см. М. А. Ю ч а с$_1$, стр. 10—11.

[113] АЗР, т. I, № 103; ZPL, str. 58—66.

но он обращен ко всем жемайтам, но в первую очередь к нобилитету — боярству: «всим особом шляхте, бояром и кметем, мужом старым и молодым и всему посполъству» (quomodo omnibus et singulis nobilibus et bojaris, cmetonibus, viris, senibus et juvenibus ac toti communitati).

Жемайтия, провозглашается в привилее, добровольно вошла в состав государства: жемайты не насильем, «але з доброю волею пристали». Если так пишется в конце XV в., то еще больше приходилось считаться с жемайтским боярством в начале XVв., когда оно имело возможность вести торг с врагом Литвы—Орденом.

Далее следует своего рода подтверждение коллективного иммунитета и вассалитета жемайтских нобилей. Привилей подтверждает наследственные права на земельные владения. Средний размер штрафа, охраняющего жизнь нобиля, установлен по нормам кульмского (хельминского) права в 60 руб.: «И теж, если бы никоторому шляхтичу або боярину пригодило бо ся ишь бы забил другого шляхтича, або собе равного брата (vel similem sibi fratrum, ср. ст. 14 Помезанской Правды), тогда тот мает дати и заплатити за мужобойство 60 рублев (scudos)». Таким образом, жемайтские нобили получили от Вильно то, чего им не дал Мариенбург.

Привилей подтверждает права тех, кто был признан шляхтой при Витовте и позднее (qui nobiles fuerunt); нобилям жалуется свобода от государственного тягла — замковых работ и гарнизонной службы, кроме посполитого рушения. Подтверждается их судебный иммунитет: «Теж децких (ministeriales) только по реку Несвежу маем слати». (Впрочем, эта статья, быть может, появилась после привилея 1447 г.). Никто не мог быть судим вне пределов Жемайтии; и не мог быть осужден на основании жалобы или доноса без предварительного разбирательства на основе литовского права: «Теж, если бы были некоторыи жалобы попротивку им, и естли бы теж был хто обважен альбо обвинен, тогды не мает быти нарок, только наперед правом Литовским (juditio legitime) мает быти сужон».

Наконец, речь шла и об органах управления. Жемайты (нобили, понятно) имели право выбирать старосту (capitaneum), утверждавшегося затем в качестве королевского наместника; они могли ставить воевод (wojewodos) и тиунов (civonos): «Теж жадных наших воевод и тивунов не мамы им давать, одно тых, которых бы они собе обрали, альбо хотели обрати [съ] своих поветов (districtibus), або которых бы у нас просили».

Как видим, литовское правительство достаточно гибко управляло отдельными частями великого княжества. Воссоединив в начале XV в. Жемайтию после ее временного пребывания под властью Ордена, оно предоставило местному боярству ши-

рокий иммунитет. Для нас этот факт важен тем, что он подкрепляет достоверность содержания грамоты 1416 г. о давнем и широком развитии в Жемайтии крупного боярского землевладения.

Неоднородность составных частей, бывшая следствием исторических условий образования Литовского великого княжества, неизбежно породила пестроту и в ее *правовом устройстве*. В Белоруссии применялась Русская Правда, в Жемайтии — Помезанская Правда, в Аукштайтии — и литовско-прусское, и русское, и польское право[114]. В соответствии с этим действовал и суд. В Белоруссии он был давно и прочно организован; в коренной Литве он был укреплен в связи с унией, когда было решено ввести в каждой волости судей и судебных исполнителей [115]. Это не значит, что в языческой Литве отсутствовал суд, он был и не только в Аукштайтии, но даже и в Жемайтии (например, в Ейраголе), где имелись и тюрьмы[116].

Государственные доходы, как следует из всего, что нам до сих пор известно, слагались первоначально из даней и добычи, а затем, с утверждением государственной власти в основных центрах страны, — из натурального оброка — дякла с домена и частновладельческих земель (до привилея 1434 г.), а также «сребщизны» (до привилея 1447 г). Впрочем, такие пережитки раннефеодальных форм сбора доходов, как «посед», сохранялись в Жемайтии еще и в XVI в. Посед — это остановка княжеских людей во время объезда подвластных земель; он бывал обычно три раза в год: осенью, зимой (коледы) и весной. Во время остановок в той или иной волости окрестные крестьяне должны были кормить и угощать их в течение определенного времени («делать» поседи) и давать в размере, определенном обычаем, дары и оброк хлебом, овсом, медом, хмелем, сеном, дровами и др. Если объезда не было, то население свозило эти кормы (будущие стации) в указанные места или вносило деньги[117].

К числу доходов надо добавить разного рода пошлины, в том числе торговые. Впрочем, длительное время важное финансовое значение сохраняли и окупы с русских городов — с Порхова, Опок, был, например, взят окуп в 1346 г.[118], со Смоленска — в 1387 г.[119] Еще и в 1428 г. с Новгорода и Порхова

---

[114] О возможных пережитках мести см. ПСРЛ, т. II, стб. 897.
[115] См. H. Łowmiański, str. 114, 122.
[116] PD, III, 294.
[117] М. К. Любавский₃, стр. 442, 446, 449; см. также K. Jablonskis₃, pp. 171—180; см. выше (стр. 314) грамоту 1387 г.
[118] НПЛ, стр. 358.
[119] ПСРЛ, т. VIII, стр. 52.

был взят окуп в 11 тыс. руб., т. е. более 2,2 тонн серебра, что равнялось половине государственного дохода Литовского великого княжества по волочной реформе [120].

Войско. Военная организация более подробно отражена в источниках, и это важно, ибо «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения» [121]. Мы уже говорили, что литовское оружие с самого начала XIII в. рассматривалось и русскими, и немцами как ценная добыча. Вооружение состояло из мечей, шеломов, панцирей у дружины [122]; простые воины были вооружены копьями, боевыми топорами, щитами; у ятвягов были дротики — сулицы [123]. Во время нападения рыцарей в 1336 г. на Пиллене сюда собралось около 4 тыс. крестьян окрестных деревень, die Waffen und Schwert fureten [124]. Жители Колтынянской волости напали в 1375 г. на рыцарей в лесу, где in eos in[j]ciunt lanceas, petras, kambucas, letaliter vulnerando, non obstantibus galeis aut loricis [125]. Луков литовцы первоначально не применяли; с подчинением белорусских земель в состав их войска вошли русские лучники, они были, например, в войске Тройдена (Rûßen schutzen wâren komen) [126]; видимо их подразумевает Петр Дюсбург, которым упоминаются при осаде Виловы «sagittarii cum telis» [127].

Земгалы — соратники литовцев умели пользоваться самострелами (armbruste) [128]; литовцы должны были их тоже применять, коль скоро они научились строить даже осадные машины: их употреблял Миндовг при осаде Амботе [129]; позднее они применялись все более успешно при осаде Гейлигенберга [130], Динабурга и других крепостей. В 1338 г. немецкие рыцари ввели в действие огнестрельное оружие — telo igneo [131]; вскоре

---

[120] НПЛ, стр. 415; H. Łowmiański$_4$, str. 251, пр. 118. Поддержка Риги помимо торговых выгод приносила литовскому правительству, вероятно, и прямой денежный доход (плату за помощь). Ср. литовско-польские отношения 1330 г.— Wig, p. 472.

[121] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1953, стр. 156.

[122] LR, S. 273, v. 11966. Обширные сведения о вооруженных силах народов Прибалтики собрал H. Łowmiański$_2$, t. II, str. 206 и сл.

[123] ПСРЛ, т. II, стб. 818.

[124] SRP, t. II, p. 489.

[125] Ibid., p. 583.

[126] LR, S. 188, v. 8217.

[127] PD, III, 122.

[128] LR, S. 198, v. 8640 и сл.

[129] Ibid., S. 58, v. 2505.

[130] LR, S. 229, v. 10025 (sie bûweten ribalde grôß); S. 230, v. 10042; под Мемельбургом — PU, I$_1$, № 279—1254 г.

[131] SRP, t. II, p. 493.

оно оказалось и у литовцев: в 1382 г. Кейстут штурмовал Юрборк cum bombardis[132].

В состав вооруженных сил входили конные дружины и пешие ополчения; имелся также и флот. Дружины использовались прежде всего при кратковременных набегах на земли противника; именно литовская дружина совершила набег на Пересопницу, так как об ее поражении сказано: «бежащим же им, падаху с коней»[133]; при походе к Луцку войско было и конное, и пешее, причем численность пехоты во много раз превышала количество дружинников[134], насколько можно судить из слов летописца о действиях литовцев, которых разбили и оттеснили в озеро: «имется десят(ь) муж одиного коня, мняше яко конь вынесет ны, — и тако погрязаху». Большая роль пехоты понятна: великие князья могли бросать в походы десятки тысяч крестьян-ополченцев. Особенно велика роль пехоты была в Ятвягии: местный князь Скомонд «пешь бо ходя, повоева землю Пиньскую и ины страны»[135]; великий князь Тройден, «послав пешьце, татем воевашеть» волынские земли[136].

Пехота и конница взаимодействовали при обороне; в описании нападения рыцарей на Оукаим (1292 г.) читаем об этом: quia equites huius territorii pridie iverunt ad clamorem, quem fratres circa castrum Junigedam excitaverant, solum pedites sequebantur eos[137]; когда рыцари напали на Гродно (1305 г.), то столкнулись неподалеку от крепости с литовской конницей[138]. Большие ополчения призывались во время походов на Орден с целью занять повоеванную землю: Миндовг двинул в землю куршей 30-тысячное войско; большую роль играли ополчения в отпоре нашествий Ордена на литовские земли; местные ополчения, наряду с гарнизонами, вынесли на себе основную тяжесть обороны жемайтского пограничья. В этом отношении чрезвычайно интересно заявление орденского маршала Генриха Дусмера, который, готовя в 1338 г. свое войско к столкновению с литовцами, уверял, что разбить их ничего не стоит, так как лучшие силы литовцев погибли под Байербургом (в 1337 г.), и сейчас придется иметь дело с людьми, не отличающимися от крестьян, лишенными представления о полевой войне. Маршал сказал: «die pesten, vornemesten vnd werhafftesten weren dort erschlagen vnd gefangen worden; dise weren lauter fluchthensen, die ins gemein yhrer nachpare, bauren

---

[132] SRP. t. II p. 613; см. также М. А. Ючас$_2$, стр. 216 и сл.
[133] ПСРЛ, т. II, стб. 798.
[134] Там же, стб. 840.
[135] Там же, стб. 798—800, ср. 811.
[136] Там же, стб. 871.
[137] PD, III, 247.
[138] Ibid., p. 289.

vnd baurengenossen hetten aufgedrieben, welche so hurtige kriegsleute weren, das der mehrern teil nie keine rechtschaffene kriegsleute im felde bei einander gesehen»[139]. Впрочем, маршал предусмотрительно добавил, что если литовцы выдержат натиск рыцарей, то последние должны сражаться стойко, ибо в противном случае они попадут в плен, где их либо сожгут, либо обратят в холопов.

Литовцы умело действовали и на воде. Петр Дюсбург оставил некоторые сведения о крупном литовском воеводе Сурмине (он именуется то capitaneus, то castellanus; у Ерошина —haubtman): когда в 1290 г. рыцари пришли на кораблях в составе 2-тысячного войска под Колаине, его войско нанесло им тяжелое поражение и опи бежали[140]; возможно, что в битве участвовали и литовские суда. Во всяком случае, когда в 1313 г. рыцари на судне приплыли из Рагинта, под Юнигеде, тот же Сурмине с сотней судов напал на них и сжег их корабль[141]. Цифрам Дюсбурга верить нельзя; он, конечно, преуменьшал силы рыцарей: нападать с одним кораблем на Юнигеде рыцари никогда бы не решились. Видимо, произошла крупная битва на реке; в ней погиб и Сколдоне, брат Сурмине. Кстати, это подтверждает, что местные нобили наследственно занимали высокие посты в войске.

Позднее в вооруженные силы вошли и так называемые latrunculi («разбойники»). Это были небольшие отряды добровольцев, которые осуществляли смелые набеги на земли врага. С литовской стороны их действия можно приравнять к партизанским. Они играли немалую роль и даже стали позднее объектом договоров Ордена с Литвой в 1367 и 1390 гг. (pax latrunculorum)[142]. Официально правительство могло их и не поддерживать, но оно и не мешало им, хотя иногда latrunculi действовали, кажется, и вопреки его расчетам: Рига, например, жаловалась на них Гедимину[143].

Организация вооруженных сил. Первоначально в Литве была довольно пестрая военная организация. В Аукштайтии действовали дружины великого князя, а в Жемайтии еще собирались смешанные ополчения во главе с советом из группы нобилей разных земель, но постепенно дело шло к объединению вооруженных сил и упорядочению их организации[144].

---

139 Wig, p. 496. Вторая часть рассуждения маршала была приведена нами выше на стр. 307.

140 PD, III, 238.

141 Ibid., 318.

142 LU, t. II, № 1041.

143 РЛА, № 53=LU, t. VI, № 3068, p. 466.

144 См. также в настоящей работе, стр. 294—295, 314, 341, 350, 418, прим. 171.

На всех вассалов великого князя падала обязанность участия в его военных предприятиях; и государственные и частновладельческие крестьяне несли повинность строительства крепостей, мостов, дорог, засек и поддержания их в должном виде. Опорными пунктами вооруженной организации были крепости—замки. Особенно много было их в Понеманье на границе с Орденом. Орден принес в Прибалтику с Ближнего Востока тактику войны с помощью крепостей, которые возводились на каждом вновь занимаемом участке земли. Опыт войны в Пруссии раскрыл сильные и слабые стороны этого способа ведения войны.

Литовское правительство, в свою очередь, применило его против Ордена. Оно взяло под контроль все старые общинные городища, усилило их укрепления и осуществляло руководство их обороной и всей пограничной стражей. В этом и была сила Литвы в сравнении с Пруссией, где каждая земля оборонялась на свой лад, зачастую враждуя с соседями. Именно на эту особенность литовской военной организации и обратил внимание Петр Дюсбург, когда писал: «Было у литовцев в обычае, что король их назначает для несения охраны в пограничных укреплениях известное количество воинов, которые, пробыв на страже в укреплении месяц или более, сменяются другими»[145].

Вместе с белорусскими землями Литва приобрела важные крепости. Черная Русь меньше других юго-западных земель зависела от татарских ханов, и здесь возникли более мощные сооружения — каменные башни (например, в Гродно), способные выдержать штурм с применением баллист. Волынское оборонительное зодчество сыграло важную роль в защите Литовского великого княжества от наступления Ордена и оказало заметное влияние па развитие литовской архитектуры[146].

От общинной организации обороны государство унаследовало сотни укрепленных городищ, оборона которых была тесно связана с особенностью естественных условий — лесами, болотами, реками, — которые дополнялись завалами и засеками из деревьев и земляными валами; такие укрепления имелись и между землями и волостями; они не были уничтожены и при государстве[147]. Пограничные засеки не могли остановить врага, они лишь задерживали его, давая возможность страже с помощью сигналов кострами[148] известить ближайшие районы

---

[145] PD, III, 300. Рыцари нападали, выбирая момент смены гарнизонов. Ibid., 328, 329 (в Бизене).

[146] См. П. А. Раппопорт$_1$, стр. 223; Н. Н. Воронин$_2$, стр. 152 и сл.

[147] SRP, t. II, p. 709; NE, S. 532.

[148] PD, III, 334. Л. Крживицкий установил, что звенья сигнализации кострами шли вдоль западного края приюрских лесов и вдоль Немана,

об опасности, а гарнизонам и ополчениям изготовиться к отпору в укрепленных замках, обеспечить их довольствием; население и имущество из окрестных сел укрыть в лесах. Оборона замков оставалась обязательной повинностью населения волости, это — custodia castrum, как общая обязанность отмечена Петром Дюсбургом[149]. Когда рыцари в 1320 г. напали на Меденики, то «gentes huius territorii, jam parate in armis... hostiliter invaserunt in bella»[150]; в другой раз, при нападении на крепость Юнигеды, «omnes vicine gentes viso fumo ignis predicti convenerant»[151] и ударили на рыцарей.

Дороги в глубь страны шли по трясинам и были фактически заросшими и невидимыми бродами; мосты, т. е. каменные вымощенные броды, также находились под водой. Дороги имели змееобразную, извилистую форму. Строились они следующим образом: дно трясины покрывали несколькими слоями камней, на них насыпали песок, затем вдоль краев укладывали сосновые бревна, а на них, поперек, другие бревна. Известна дорога Сетува; она имеет ширину лишь в 2 м 74 см. Вероятно, в мирное время дороги были отмечены вехами, но едва на пограничных пилькальнисах загорались костры, как дороги исчезали и оставались только болота. Это и есть знаменитые литовские кольгринды[152], столько хлопот доставлявшие русским, польским и немецким войскам.

Л. Крживицкий обследовал около двухсот жемайтских городищ, укреплений-пилькальнисов (от глагола pilti — сыпать и kalnas — гора)[153]. Размер крепостей не был велик: восемь наиболее крупных из обследованных жемайтских укреплений имели площадь $1^1/_2$ тыс. кв. метров каждая; крепость Медвягола — $2^1/_2$ тыс. кв. метров. Следовательно, ее гарнизон мог состоять из тысячи воинов. Здесь свою роль в обороне должны были играть пригороды, упоминаемые при замках Юнигеде, Пистеп, Оукаим, Путеницке, Бизене, Гедимина и др.

Крупные опорные пункты состояли из двух частей: замка (castrum, burg) и пригорода (suburbium=preurbium=vorburg=hackelwerc)[154]. У крепости Виелоне было два пригорода, unum in monte, aliud in valle[155]; у Бизены — тоже два[156]. И в кре-

---

т. е. по наиболее удобным для рыцарей путям (Л. Крживицкий₁, стр. 117—118).

149 PD, III, 300.

150 Ibid., 338.

151 Ibid., 334.

152 Л. Крживицкий₁, стр. 124.

153 Там же, стр. 82—129.

154 PD, III, 325; NE, v. 24620 и сл.

155 PD, III, 252.

156 Ibid., 319.

пости, и в пригородах имелись помещения для воинов[157]. Пригород был окружен забором, имевшим ворота; его разоряли в первую очередь, как сообщает Дюсбург относительно Юнигеде, Пистен, Путеницке, Бизены и др.[158] Но он быстро и восстанавливался. Часто крепость окружалась рвом, который был глубок, и потому через него сооружали мост с воротами; подобное наблюдалось в земгальских крепостях Ракете[159], Сидрабе[160], Тервете[161], охрану которых совместно несли литовские и земгальские войска. Использовался для укрепления и вал и в Жемайтии, и в Земгалии[162]. Применяя большие силы, рыцари зачастую не могли взять крепость, а если с трудом и брали ее, то литовцы либо выбивали их, либо строили рядом новую.

Тактика войск зависела от целей похода. Обычные стычки с Орденом и набеги на Русь, которые преследовали захват добычи и пленных, характеризуются внезапностью. Напав, дружина делилась на отряды; они быстро грабили окрестные населенные пункты, а затем собирались в одном месте, если дело было зимой — грузили добро на сани, строили пленных, помещая их в середину своего войска, и быстро уходили. Так выглядит литовский набег на Торейду[163]; вероятно, то же произошло, когда дружина Александра Невского разбила одну за другой несколько литовских ратей, не дав им соединиться[164]. Сани использовались и в битвах, как заграждение, например, в ледовой битве при Карузене, где рыцари были наголову разбиты литовцами[165]; рыцари mit irre banier sturtzeten dô//in die slitten; des wurden vrô//die heiden und stôchen ir orse tôt//die brûdere ein teil in der not//lâgen dâ geslagen nider. На санях жемайты увозили тела убитых[166]. Ятвяги тоже имели «колымаги своя, рекше станы»[167].

И литовцы, и ятвяги умели заманивать противника в теснины и затем наносить ему поражение при отходе: так было разбито русское войско в 1132 г.[168] Князь Даниил Романович, большой знаток военного дела, учил своих воинов: «о мужи

---

157 PD, Suppl. 8.

158 PD, III, 252, 254, 271, 298—299, 319, 336 и др.

159 LR, S. 252, v. 11053 (sie ließenß in den hûsen ligen//und îlten kein der burge tor.// die were begriffen sie dâ vor,// ir brucken wurfen sie dâ nider).

160 LR, S. 258, v. 11282.

161 Ibid., S. 123, v. 5379, ср. PD, III, 280.

162 ГЛ, XXIII, 4; LR, S. 184, v. 8019; S. 253, vv. 11055—11058.

163 ГЛ, XI, 5, ср. IX, 3.

164 НПЛ, стр. 304; Житие... князя Александра, стр. 191.

165 LR, S. 181, vv. 7885—7889.

166 LR, S. 231, v. 10097.

167 ПСРЛ, т. II, стб. 811.

168 Там же, стб. 294.

воистии, не весте ли, яко христианом пространство есть крепость, поганым же есть [крепость] теснота»[169].

В открытых битвах литовцы имели свой строй в три ряда: «седоша в три ряды защиты по своему норову»[170]; их быстрая конница наводила ужас на немецкое ополчение[171]. Литовский строй встречается и позднее: в 1436 г. пришел служить русскому правительству один из друцких князей, Иван Баба, «и той изряди свой полк с копьи по литовьскы»[172]. Войско имело и такие атрибуты, как хоругви: в Chronicon Dubicense под 1351 г. видим insignia Lithwanorum [173].

Литовский народ многие десятки лет вел борьбу с агрессией Ордена; он нанес ему тяжелые удары в целом ряде битв: при Шауляй, при Дурбе, при Карузене и др. (см. ниже). Зачастую вместе с литовскими действовали белорусские, украинские и русские войска; например, в битве при Стреве (1348 г.) участвовали отряды из Полоцка, Витебска, Пинска, Берестья и других городов[174]; многократно отмечены совместные действия литовско-русских войск против прусского и ливонского Орденов.

Современники признавали достоинства и прусских, и литовских вооруженных сил. О пруссах Дюсбург писал, что у них были «мужи испытанные и тонкие в военном деле» (viri experti et subtiles in bello)[175]; автор Рифмованной хроники постоянно упоминает сильное войско литовцев[176]. «Воинственных литвинов» знает эстонский народный эпос[177]. Наконец, и русским былинам хорошо известна «хоробра Литва»[178].

Войско — важнейший элемент политического строя, государственного аппарата. Оно находилось в распоряжении великого князя, им управляли представители нобилитета, оно служило политическим целям феодального сословия.

Религиозные воззрения. Для более полной характеристики политического строя и лучшего понимания литовско-русских отношений уместно коснуться здесь вопроса о роли языческой идеологии в Литве и причинах ее столь длительного существования. Я не буду входить в детали вопроса о верованиях и обычаях, в чем после работ А. Ф. Мержинского, М. Альсейкайте-Гимбутиене, И. Балыса и других едва ли

---

[169] ПСРЛ, т. II, стб. 812. Впрочем, эту тактику применяли и русские войска. Там же, стб. 866.
[170] Там же, стб. 856.
[171] ГЛ, XII, 2.
[172] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 176.
[173] А. Ф. Мержинский$_3$, стр. 377.
[174] SRP, t. II, pp. 75, 511.
[175] PD, III, 102.
[176] LR, vv. 327—328 и др.
[177] Калевипоэг, стр. 312.
[178] Былины, т. I, ред. М. Сперанский, М., 1916, стр. 28.

есть нужда[179]. Выше уже отмечалось, что литовские (как и прусские) верования и обычаи во всем существенном сходны с древнеславянскими.

Общность литовских и славянских (позднее древнерусских) обычаев восходит к глубокой старине, когда оба народа были языческими и культ природы и предков составлял основу их воззрений.

Древняя Русь опередила Литву, и язычество в ней уходило в прошлое. Как говорил Кирилл Туровский: «уже бо не нарекутся богом стихии, ни солнце, ни огнь, ни источницы, ни древа». Но древние обычаи были живучи, и русский-христианин легко подмечал в Литве XIII в. то, во что верили его собственные деды и прадеды. В Литве существовали зримые остатки тотемизма. Волынский летописец писал, что Миндовг «в лес рóщениа въхожаше, в ноу и не смеяше ни розгы оуломити»[180]. Но остатки подобных воззрений долго жили и в Белоруссии[181]. Вера в души предков — норма жизни в Литве[182], но ведь «навье» еще в 1092 г. тревожили покой и полочан. Вера в оборотней в Литве восходит еще к тому далекому времени, когда жители литовской земли назывались (по Геродоту) неврами и были известны греческому историку своей способностью превращаться в волков[183], но, как писал автор «Слова о полку Игореве», подобным свойством обладал и один из полоцких князей, а волынский летописец привел под 1201 г. предание о том, что и половецкий хан по смерти обратился в рыбу: «рыбою ожившю» в Дону.

Литовцы, как и славяне, верили в потусторонний мир. Хронист Генрих сообщает, что повесились жены литовцев, погибших от рук рыцарей, и добавляет: «Это потому, конечно, что они надеялись вскоре же встретиться с ними в другой жизни»[184]. Подобные факты были хорошо известны и славяно-руссам. Выше мы говорили о развитии литовской языческой идеологии: формировании пантеона богов, о соединении в руках князей функций государственной и жреческой власти.

---

[179] О сходстве литовской и славянской языческой идеологии см. А. В. Успенская[1], стр. 17.

[180] ПСРЛ, т. II, стб. 817.

[181] Д. К. Зеленин[2], стр. 593—598, 628—629.

[182] M. Alseikaitė-Gimbutienė[1], SS. 115, 116 и сл.

[183] См. В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе, в. 1, 1893, стр. 41—42. Невры оставили по себе память не только в названии р. Вилии (Нерис), но и самой Жемайтии (Нерома, сиречь Жемоить). Ср., впрочем, соображения историков (E. Bonnell[1], Bd. I, S. 292 и сл.) и филологов о Нерис-маа.

[184] ГЛ, IX, 5; см. Д. К. Зеленин[1], стр. 49—50; Ф. Д. Гуревич[1], стр. 75—76.

Литовское язычество, оставаясь идеологией сильного государства, под власть которого входила Белоруссия, где господствовало христианство, вероятно, вело борьбу за сохранение своих позиций. Следы воинствующей языческой идеологии находим в замечательной глоссе к южнорусскому переводу XIII в. хроники Иоанна Малалы по поводу ереси Совия. Вера в Совия — проводника душ в иной мир сочетается здесь с утверждением о превосходстве обряда сожжения умерших над другими обрядами. Позволю себе привести отрывок из этого памятника[185].

К умершему Совию явился один из его сыновей, поужинал с ним и занялся устройством отцу ложа: «Сътвори ему ложе и погребе и в земли. На оутрие въпроси его въставшима: добро ли покоище имел еси? Оному же възопившю: ох, червьми изеден бых и гады!

Пакы ж на оутрии сътвори ему веч(е)рю и вложил его в о скриню древяну и положил и [спать]. На оутрие въпроси и, онъ ж реч(е): яко бчелами и комары многыми снеден бых; оухъ ми, яко тяжко спах!

Пакы ж на оутрие сътворив краду огньиж велику и връже и на огнь. На оутрие ж въпроси его: добре ли почил еси? Оному же рекшю: яко детищь в колыбели сладко спах».

Можно строить догадки об эволюции литовского язычества в течение XIII—XIV вв., но бесспорно, что вплоть до унии (а в Жемайтии и несколько позднее) оно сохраняло свои позиции[186]. Теоретически это закономерно, ибо надстройка отстает в своем развитии от базиса. Верования — одна из наиболее консервативных идеологических форм. К тому же в Литве хотя и была политическая потребность в христианской идеологии, но длительное время отсутствовали подходящие исторические условия для ее внедрения. Введение христианства в стране, находившейся в окружении государств, сделавших это самое христианство лозунгом борьбы с ней, — дело не простое. Это, очевидно, понимали и сами литовские князья.

Христианство можно было заимствовать либо из Руси, либо из Польши, либо от немцев (Рига, Орден), или, наконец, непосредственно от курии. Если на Руси князь Владимир, понимая политическое значение подобного акта, решился на него после долгих размышлений, то подобным образом действовали и литовские князья. Политика наступления на Русь не позволяла

---

[185] Он известен в московском списке М. Оболенского XV в. и Супральском списке Ф. Добрянского XVII в.; см. Э. Вольтер[1], стр. 173—179.

[186] Любопытно, что некоторые языческие обряды и верования оказали влияние и на немецких рыцарей (сожжение мертвых, гадание и пр.).

официально принять православие, как принимали его те литовские князья, которые правили в русских землях; политика борьбы с Орденом (его преобладание в Прибалтике отодвигало на второй план и Ригу и самое курию, как стало ясно после попыток христианизации при Миндовге[187], Витене и Гедимине) не позволяла принять католичество, особенно в силу сопротивления этому и языческой Жемайтии, и православной Белоруссии.

Главным препятствием к принятию католичества Литвой был Орден, который не только сделал религию символом кровавого разбоя[188], но, как это ни парадоксально, деятельно подбивал близких ему жемайтских нобилей к отказу от принятия христианства[189]. Такая политика Ордена понятна: он ослаблял единство Литвы и укреплял свое право на существование как воинствующей церковной корпорации.

Литовское правительство избрало единственно возможный при его политическом курсе путь: провозгласило, как это ясно из речи Гедимина к послам папских легатов, полную веротерпимость в великом княжестве. В дальнейшем, когда укрепление Русского централизованного государства сделало проведение принятой внешней политики более трудным, литовское правительство, пойдя на сближение и унию с Польшей, связало с этим актом и принятие христианства[190].

Собранные факты позволяют прийти к таким выводам относительно эволюции политического строя.

1. Политический строй Литвы прошел следующие этапы развития: конфедерация земель, затем их союз, возглавленный князьями Аукштайтии, и, наконец, относительно единая раннефеодальная монархия.

2. Власть монарха (великого князя) выражала интересы феодального сословия, представители которого составляли совет при великом князе. При совете имелось делопроизводство и архив, где хранились печать, договоры, грамоты и т. п.

3. Органы дворцово-вотчинного и местного управления (возглавляемые печатниками, тиунами, конюшими, воеводами, кастелянами и т. п.) также находились в руках нобилей—вассалов великого князя. Вассальная иерархия состояла из князей,

---

[187] Интересно, что в пору соглашения Миндовга с курией не только он сам не оставил языческих верований, но и его войска под Возвяглем вспоминали не деву Марию, а Диверикса и Ангдиеваса (ПСРЛ, т. II, стб. 839).

[188] Это подчеркивали сами литовские князья (LU, t. II, № 687); это понимали в Риге и не раз ставили Ордену в вину (LU, t. I, № 584 (1300 г.), p. 737 и сл.; t. II, № 710 (1325 г.), p. 191; A. Seraphim$_1$, VII, 16; XIII, 16; XVII, 16 и др.

[189] РЛА, № 67, p. 47.

[190] Подробнее об этом см. М. А. Ючас$_2$, стр. 287 и сл.

служебных князей и бояр. Они ведали не только внутренним управлением, но и внешнеполитическими делами (они входили в посольства для переговоров, заключения соглашений и т. п. с другими странами).

4. Опорными пунктами управления были города-крепости и крупные села; их административная, судебная, финансовая и военная власть распространялась на тяглое и лично свободное население окрестных волостей. С укреплением власти великого князя была введена регулярная гарнизонная служба в крепостях страны.

5. Особенностью политического строя Литовского великого княжества была неоднородность его состава. Оно делилось на три части — Аукштайтию, Жемайтию и Белоруссию. Такая неоднородность есть результат исторических условий его образования. Превращение Литовского государства в Литовское великое княжество было ускорено потребностью обороны от наступления немецких рыцарей, а также некоторых русских и польских князей; оно произошло поэтому в форме соглашения аукштайтского правительства с жемайтским нобилитетом и белорусским боярством и сопровождалось признанием за ними широкой феодальной автономии и иммунитетных прав.

Раздел второй

ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (до 1340 г.)

1. УКРЕПЛЕНИЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРЕВРАЩЕНИЕ ЕГО В ЛИТОВСКОЕ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО

Образование Литовского государства протекало в относительно благоприятных условиях потому, что Литва была удалена от более сильных соседей.

С севера она граничила с землями латышей и эстонцев. Отсюда Литве не угрожала опасность. Напротив, к территориям, которые служили литовской знати источником дани и добычи, следует отнести земли (в том числе и находившиеся в зависимости от Руси) ливов, латгалов и эстов. Немецкий хронист Генрих писал, касаясь положения в Нижнем Подвинье: «Власть литовская до такой степени тяготела над всеми жившими в тех землях племенами, что лишь немногие решались жить в своих деревушках», а больше других страдали латгалы[1].

Отдельные литовские князья-нобили в поисках дани и добычи совершали регулярные набеги на Латгалию, доходя до Валка и даже до Саккалы в земле эстов; ливы и латгалы, по выражению хрониста, были «кормом и пищей литовцев»[2].

К востоку от границ Литвы лежали русские земли.

С раздроблением Древнерусского государства даннические отношения литовских земель к русским князьям уходили в прошлое. Только былины хранили память о давних временах, когда сам Илья Муромец жил

---

[1] ГЛ, XIII, 4.
[2] Там же.

«... в хороброй Литвы
По три году поры-времени
Выхаживал дани-выходы от князя Владимира»[3].

Во второй половине XII в. политическая сила Древнерусского государства перешла прежде всего к Владимиро-Суздальской Руси и связанной с нею Новгородско-Псковской земле, а также к землям Галицко-Волынской и Полоцко-Минской. Каждая из этих земель решала задачи большой политической важности; взаимоотношения с Литвой входили в них составной частью.

С 80-х годов XII в. летописи отмечают во все возрастающей силе и на все более широком пространстве набеги литовских дружин на псковские и новгородские земли[4]. Со стороны владимиро-суздальских князей и новгородско-псковских бояр не видно, однако, ответных походов в глубь Литвы; сказывалась политическая раздробленность Руси; в лучшем случае русские войска перехватывали литовские дружины, отбирая у них добычу.

То же наблюдается и в полоцко-минских землях. Если во второй половине XII в. еще встречались факты использования литовских войск полоцкими и минскими князьями в феодальных войнах на Руси (1162, 1180, 1198 гг.[5]), то ближе к XIII в. такие факты исчезают. «Слово о полку Игореве» отметило утрату русскими, прежде всего полоцкими, князьями былых позиций не только в Литве, но и на Подвинье:

«и Двина болотом течет
оным грозным полочаном
под кликом поганых
Един же Изяслав, сын Васильков
позвони своими острыми мечи
о шеломы литовьскыя,
притрепа славу деду своему Всеславу,
а сам под чрълеными щиты
на кроваве траве
притрепан литовскыми мечи»[6].

На юге Черная Русь отделяла Литву от основных галицко-волынских центров. Когда по смерти Романа Мстиславича эту часть Руси охватили боярские распри, осложненные вторжениями венгерских и польских феодалов[7], литовское наступление стало настоящей «бедой». Литовские и ятвяжские дружины постоянно опустошали не только Волынь, но также

[3] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1, М., 1909, № 5, стр. 31.
[4] См. часть I, § 1.
[5] См. часть I, § 1.
[6] «Слово о полку Игореве», стр. 24.
[7] Подробнее см. В. Т. Пашуто₂, стр. 191 и сл.

Черниговщину и Смоленщину[8]. Следовательно, политическая разробленность на Руси была фактором, содействовавшим консолидации Литвы; ее нобилитет находил здесь богатые источники дополнительных доходов.

Наконец, западные границы Литвы, сопредельные прусским землям Судовии (Ятвягии), Бартии, Надровии и Скаловии, были достаточно удалены от крупных польских княжеств.

Утверждение нового общественного строя в Литве происходило в форме борьбы за установление феодальной монархии. Литва принадлежит к числу тех восточноевропейских стран, в которых этот процесс нашел более подробное отражение в источниках лишь на той стадии, когда развитие литовской монархии стало вопросом международной политики. Нам предстоит рассмотреть главные события политической борьбы, начиная с XIII в. и вплоть до конца княжения Гедимина (1341 г.). Эта борьба, начавшись на коренной литовской земле, распространилась также на территорию Латвии, Пруссии и Белоруссии; захват Белоруссии литовскими феодалами положил начало превращению небольшого Литовского государства в Литовское великое княжество.

Выше отмечалось, что монархии в Литве предшествовала сперва конфедерация земель, затем — их союз, отраженный в договоре 1219 г. В середине XIII в. ведется борьба за единовластие, которую возглавляет сильнейший из аукштайтских нобилей — князь Миндовг; в это время Литовское государство было достаточно сильным; служа растущему классу феодалов, оно в то же время объективно выражало прогрессивную тенденцию развития литовского общества.

Говоря об объединении литовских земель, надо, помимо внутренних, основных предпосылок этого процесса[9], иметь в виду также и внешнеполитические условия, которые в начале XIII в. резко изменились и продолжали меняться с поразительной быстротой.

В 1201 г. немецкие крестоносцы, обосновавшись на Двине, приступили к созданию здесь своих феодальных колоний. Разорение немецкими захватчиками Восточной Прибалтики[10] и их вторжения в собственно литовские земли не только лишали значительную часть литовских нобилей выгодных источников дохода, но и создали угрозу их дальнейшему самостоятельному существованию. Литовские князья предпринимали настойчивые попытки уничтожить немецких рыцарей. Хроники полны сообщениями о набегах литовских войск на немецкие опорные пункты, включая и Ригу.

[8] См. часть I, § 1.

[9] См. часть III, раздел первый, § 2 и § 3.

[10] Подробнее см. В. Т. Пашуто, стр. 92, 118.

Уже епископ Мейнгард с первых же шагов столкнулся с литовцами: «в ближайшую зиму литовцы, разорив Ливонию, весьма многих увели в рабство»[11]. В дальнейшем литовцы, которые распоряжались в Подвинье[12], совершали походы в союзе с ливами на Ригу (1204 г.)[13], перехватывали на Двине немецких рыбаков (1201 г.)[14], послов епископа в Полоцк (1206 г.)[15]; вредили рыцарям в Турейде (1206, 1207 гг.)[16]. Литовские отряды нападали на занятую рыцарями крепость Кокнесе (1210 г.)[17], на Трикатую и Леневарден (1213 г.)[18], угрожали Толове (1214 г.)[19]. Во главе этих действий литовцев стояли князья-нобили: это — «богатый и могущественный» Свельгате[20]; это — dux et princeps Стексе[21] и «множество других князей и старейшин (princeps ac seniores) литовцев»[22].

Не имея необходимых сил и стараясь посеять вражду между народами, Орден до поры терпел походы литовских войск за традиционной данью в земли латышей и эстонцев. Иногда таким походам предшествовали литовско-немецкие перемирия. Так было в 1201 г., когда литовцы, установив с рижанами «дружеский союз», сами по Двине направились в Земгалию[23]; поход их сорвался лишь потому, что полоцкий князь, защищая здесь свои права, двинулся с войском в Литву; в 1205 г. литовский отряд прошел за данью в землю эстов; рижанам ничего не оставалось делать, как приветствовать его; хронист замечает, что у рижан дрожали руки от страха, когда они угощали этих литовцев питьем; в 1212 г. литовцы пришли в Кокнесе «и просили мира и пропуска к эстам»; Орден пропустил их в еще непокоренную Саккалу[24].

Уже в это время Орден не упускал случая нанести урон Литве, столкнуть с ней земгалов и латгалов. Видимо, его демагогия о защите их от литовской угрозы, а главное — сговор с местной знатью, первоначально имели успех, хотя сами нападения на Литву приносили Ордену мало пользы: большой поход немецко-земгальских войск (вооруженных баллистами)

[11] ГЛ, I, 5.
[12] См. упоминания литовских засад по обоим берегам Двины.—ГЛ, XVI, 2 (1212 г.); литовцы использовали здесь Селпилс (ГЛ, XI, 6).
[13] ГЛ, VIII, 1.
[14] Там же, VI, 4.
[15] Там же, X, 1.
[16] Там же, X, 1; XI, 5.
[17] Там же, XIV, 5.
[18] Там же, XVII, 2, 5.
[19] Там же, XVIII, 3.
[20] Там же, IX, 1.
[21] Там же, XVII, 6.
[22] Там же, XXV, 2.
[23] Там же, VI, 4.
[24] Там же, XVI, 8.

в 1208 г. закончился разгромом нападавших [25]; не изменил положения и поход латгалов, предпринятый в следующем году [26].

Наступление рыцарей на восточную Земгалию привело к сближению земгалов с Литвой. В 1219 г., когда часть земгальских нобилей передала рыцарям замок Межотне за помощь «против литовцев», то «старейшина (senior) других земгалов» в союзе с литовцами изгнал немцев оттуда, а замок был сильно укреплен. Однако в 1220 г. с помощью разнообразной осадной техники (осадная башня, большие и малые стенобитные машины, баллисты, ежи для подкопа вала и т. п.) рыцари овладели Межотне [27]. И все же первоначально немецкое наступление простиралось главным образом на земли, лежавшие к северу от Двины. Южнее, кроме Межотне, был ранее захвачен Селпилс (1208 г.) [28]. Сопротивление, оказанное крестоносцам со стороны эстонцев и латышей, долгое время лишало Орден возможности организовать вторжение в Литву, что имело для нее немаловажное значение.

Получая возрастающую поддержку Германии, Дании, Швеции и особенно папской курии [29], крестоносцы овладели Юрьевом (1224 г.) и захватили острова Сааремаа и Муху (1227 г.). Утвердившись в Эстонии, Орден стал предпринимать попытки двинуться в Русь и в Литву. Здесь его ожидали крупные неудачи. Встреча с русскими закончилась полным поражением от войск князя Ярослава Всеволодовича на р. Эмайые (1234 г.) [30].

Отношения с Литвой особенно обострились, когда Орден начал развивать наступление на земли земгалов и куршей. Уже в 1228 г. источники отметили разорение Ливонии объединенными войсками земгалов и куршей [31]. На это магистр ответил походом 1229 г. на землю Нальзен, в которой нет оснований видеть землю Нальшенайскую (для подобного похода Орден не имел сил), а правильнее, вместе с С. Заянчковским, считать ее землей Малейсине, лежащей между Земгалией и Литвой [32]; рыцари имели столкновение с литовцами на р. Иммере [33]. По данным Рифмованной хроники, было убито 2 тыс. литовцев и захвачено 2500 лошадей.

Орден сумел закрепиться в земле куршей, которые подписали мир с рыцарями в 1230 г. [34], понуждаемые неурожаем и

---

[25] ГЛ, XII, 2.
[26] Там же, XIII, 1.
[27] Там же, XXIII, 4—8.
[28] Там же, XI, 6.
[29] См. В. Т. Пашуто$_2$, стр. 244.
[30] См. В. Т. Пашуто$_5$, стр. 142.
[31] K. Höhlbaum$_2$, S. 40—41, ср. SS. 28—29.
[32] LR, SS. 42—43; S. Zajączkowski$_1$, str. 51; ср. J. Latkowski, str. 338.
[33] HW, p. 32.
[34] LU, t. I, № 106.

голодом; восточная и западная Земгалия также признали власть Ордена: папский легат Вильгельм из Модены разделил вновь завоеванные земли, включая и земгальские, между Орденом и епископами [35]. Рижский епископ Николай уже грезил о завоевании Жемайтии [36].

При деятельном участии папского легата Вильгельма было собрано большое войско, состоявшее из немецких рыцарей, подвластных эстов и отряда «союзных» псковичей [37]. Этот поход был направлен уже на Жемайтию и привел к битве при Шауляй. С. Заянчковский путем кропотливого анализа топонимических данных пришел к выводу, что Soule Рифмованной хроники или terra Sauleorum хроники Вартберге это — земля Саулия, одна из жемайтских волостей у истоков Дубиссы в северной части края, неподалеку от границ Земгалии [38], ее центр — Шауляй.

Битва при Шауляй (1236 г.) закончилась блестящей победой литовцев. Хронист говорит mich jâmert manches heldes lip [39]. По его данным, погибло одних рыцарей 48 во главе с магистром, не считая большого числа пехоты. Папа в булле называл цифру в 50 рыцарей [40]. В науке высказано и поддержано очень вероятное предположение, что во главе литовских войск в этой битве стоял жемайтский князь Выкинт [41]. Именно поэтому позднее, в 1248 г., рижский епископ писал князю Даниилу Романовичу, что крайне неохотно пошел на мир с Выкинтом («Немцем же отвещавшим Данилу: яко тебе деля мир створим со Выкынтом, зане братью нашу многу погуби»)[42].

Земгалы преследовали и добивали отступавших рыцарей. В результате поражения немецкие захватчики были отброшены за Двину; сбросили иго Ордена земли куршей [43] (где были перебиты рыцари и священники) и земгалов [44]. Битва под Шауляй — крупная веха в борьбе литовского народа за независимость.

Поражение вызвало панику в Ливонии — die cristen wurden alle//dâ zû Nieflande unvrô [45]; и как сообщает Герман Вартберге, «уцелевшие братья» вместе с епископами рижским, дерпт-

---

[35] Ibid., № 153 (1237 г.), ср. № 249.
[36] LU, t. I, № 125.
[37] LR, S. 44, vv. 1889—1890; HW, pp. 33—34; НПЛ, стр. 74. Папа Григорий IX призывал буллой от 19 февраля 1236 г. к походу на земгалов, куршей и эстов (LU, I, № 144).
[38] S. Zajączkowski₁, str. 53.
[39] LR, S. 46.
[40] LU, t. I, № 149.
[41] E. Bonnell₁, S. 56, Comment. 70, 82.
[42] ПСРЛ, т. II, стб. 816.
[43] HW, pp. 33—34.
[44] О возможной потере Межотне рыцарями см. LU, t. I, № 171.
[45] LR, S. 46, v. 1968—1969.

ским и эзельским per flebiles literas к папе Григорию IX просили удовлетворить их просьбу о слиянии Ливонского ордена с орденом Тевтонским [46], который в это время разорял прусские, помезанско-погезанские земли Привислинья.

Поражения немецких крестоносцев на Эмайые (1234), при Шауляй (1236) и в Дорогичине (1237)[47], а также новые задачи, которые они себе ставили, готовясь продолжать захватнические войны и намереваясь завоевать Русь и Литву, вызвали объединение сил агрессоров.

В результате длительных переговоров при деятельном участии папской курии в 1237 г. было достигнуто объединение Ордена меченосцев с прусским Орденом. Магистр меченосцев стал ландмейстером тевтонского Ордена. Подготовка широкого наступления привела также к объединению сил немецких и датских феодалов-крестоносцев. При содействии папской курии в 1238 г. в Стенби было заключено соглашение, определившее немецкие и датские владения, захваченные в Эстонии.

На первый план среди врагов Литвы выдвинулся, таким образом, более сильный Тевтонский орден. Заливая кровью прусские земли, он продвигался к литовским границам. Борьба литовского народа с наступлением тевтонов будет рассмотрена ниже, а сейчас обратимся к истории литовско-русских отношений.

Орден делал все возможное, чтобы воспрепятствовать литовско-русскому сближению, используя разобщенность русских князей и их страх перед растущей силой Литвы. Кое в чем ему это удалось: в 1207 г. полоцкий вассал князь Вячко уступил епископу рижскому половину своей земли и замка Кокнесе за помощь «против нападений литовцев»[48]. В 1212 г. князь полоцкий Владимир, заключая мир с Ригой, также имел в виду литовскую угрозу [49]. Тогдашних русских князей привлекала возможность использовать Орден против Литвы.

Литовская угроза была вполне реальной; набеги на русские земли происходили все чаще (1224, 1225,1226, 1229, 1234 гг.), охватывая все более обширные районы Новгородской, Полоцкой и Смоленской земель [50]. Особенно грозным был поход 1226 г.: «бе бо рать велика зело, яко же не была от начала миру», под удар попали Торжок, Торопец, Полоцк, Смоленск.

Понятно, что правительства отдельных княжеств искали средств предотвратить опасность, тем более что постоянные войны в Подвинье нарушили и традиционные связи русских городов с остальной Европой. Первоначально выход видели в согла-

---

[46] HW, p. 34.
[47] См. ниже.
[48] ГЛ, XI, 2.
[49] Там же, XVI, 2, стр. 152—153.
[50] См. часть I, § 1.

шении с Ригой и Ливонским орденом. Так родился русско-немецкий договор 1229 г., имевший силу для Смоленска, Полоцка и Витебска; так возник и псковско-немецкий договор 1228 г. [51], приведший к участию псковского отряда в битве при Шауляй на стороне немецких рыцарей.

Политические отношения усложнились, и развитие событий одновременно понуждало ту же, литовскую и русскую знать искать соглашения для отпора Ордену. Русское и литовское население Подвинья совместно выступало против рыцарей. В 1203 г. русское войско из Ерсике вместе с литовцами нападало на Ригу [51a], и позднее «козни русских и литовцев» [52] не зря тревожили Ригу. Уже в это время стали складываться соглашения тех или иных русских центров с Литвой. Например, в подвластном Полоцку городе-крепости Ерсике правил князь Всеволод, ярый враг Ордена. «Он был женат на дочери одного из наиболее могущественных литовцев [Даугеруте] и, будучи, как зять его, для них почти своим, связанный с ними сверх того и дружбой, часто предводительствовал их войсками, облегчал им переправу через Двину и снабжал их съестными припасами, шли ли они на Руссию, Ливонию или Эстонию» [53]. Здесь мы имеем драгоценное указание на то, каким образом ближайшие к Литве русские феодальные княжества втягивались в зависимость от литовских правителей.

Общий интерес диктовал укрепление литовско-русских связей. В 1213 г. тот же Даугеруте «с большими дарами отправился к великому королю новгородскому и заключил с ним мирный союз» [54]. Можно думать, что уже в 1212 г. поход войск Мстислава Удалого был согласован с действиями литовцев в Подвинье [55]. Этот первый известный нам литовско-новгородский договор таил в себе угрозу Ордену; поэтому рыцари перехватили Даугеруте на обратном пути, и он кончил свои дни в венденской тюрьме. Но все же в русском походе 1221 г. из Новгорода на Венден под руководством князя Юрия Всеволодовича [56] участвовал и литовский отряд, «и где русские нанесли меньший вред, там приложили руку литовцы». Позднее этот отряд численностью в 600 человек целый месяц оставался во Пскове, опасаясь возвращаться через владения Ордена [57].

---

[51] НПЛ, стр. 66; В. Т. Пашуто$_5$, стр. 138.
[51a] ГЛ, VII, 8.
[52] Там же, XIII, 4.
[53] Там же. Есть предположение, что Всеволод — сын смоленского князя Мстислава Ростиславича (M. Taube$_1$, S. 445, ср. S. 491).
[54] Там же, XVII, 3.
[55] См. В. Т. Пашуто$_5$, стр. 113.
[56] Там же, стр. 117.
[57] ГЛ, XXV, 3.

Наметилось сближение и Полоцка с Литвой. Всеволод, князь Ерсике, хотя и признал власть Ордена, но был обвинен рыцарями в том, что «постоянно помогает литовцам и советом, и делом»[58]; когда рыцари выступили против этого города, Всеволод получил помощь от литовцев, которые в конце концов разбили немцев[59].

В свете приведенных фактов делается понятно, что и договор литовских князей с Галицко-Волынской Русью, заключенный в 1219 г., — не случайность, а закономерный акт определенной политики. Видя возрастающую угрозу со стороны Ордена, наиболее влиятельная часть литовского нобилитета решила действовать объединенно, чтобы, обеспечив себе безопасность с юга, успешнее воевать против рыцарей на севере. Волынским князьям этот договор облегчил борьбу за освобождение и воссоединение Волыни и Галичины.

Особенно заметно это на русско-польских отношениях: именно литовские походы побудили Мазовию пойти на мир с Волынью[60]. Предполагалось участие Литвы и в русском походе на Калиш[61]. Когда после передачи Конрадом Мазовецким Дорогичинской волости добжиньским рыцарям в 1237 г.[62] угроза немецкой агрессии распространилась и на Волынь, литовско-русский союз вновь оказался полезен. Около 1237 г., освободив Дорогичин от отряда магистра Бруно, князь Даниил Романович парализовал противодействие князя Конрада тем, что «возведе» на него «Литву Манъдога [и] Изяслава Новогородьского»[63]. Отсюда можно заключить, что к этому времени среди участников договора 1219 г. именно князь Аукштайтии Миндовг приобрел наибольшее влияние и силу, причем достойно внимания, что в польском походе литовские войска участвовали вместе с черноруccкими.

Волынско-литовский союз был, видимо, использован и против черниговских князей, которые претендовали на галицкий стол. Уже в 1220 г. литовские войска сильно опустошили Черниговщину[64]; враждебными оставались черниговско-литовские отношения и позднее, судя по тому, что уже накануне татарского нашествия черниговский князь Ростислав Михайлович, заняв Галич, предпринял большой поход против Лит-

---

[58] ГЛ, XVIII, 4.

[59] Там же, XVIII, 9; князь Владимир полоцкий, готовясь выступить против Риги, отправил послов и на Русь, и в Литву, «и созвал большое войско из русских и литовцев». Хотя поход ввиду смерти князя и не состоялся, но симптоматичен сам этот факт. Там же, XIX, 10.

[60] ПСРЛ, т. II, стб. 736, 739.

[61] Там же, стб. 754.

[62] См. часть III, раздел второй, § 2.

[63] ПСРЛ, т. II, стб. 776.

[64] ПСРЛ, т. VII, стр. 128.

вы[65]; именно тогда войска князя Даниила Романовича освободили Галич, а черниговский князь, узнав о падении столицы, бежал в Венгрию.

Резкое ухудшение международного положения Руси после татаро-монгольского нашествия, распространение немецкой агрессии на собственно русские земли, а также изменение форм литовс ой политики на Руси, вызвали существенные перемены в русско-немецко-литовских отношениях.

Нет надобности здесь описывать историю нашествия татаро-монгольских полчищ на Восточную Европу и борьбу народов за независимость. Это сделано нами в другой работе[66]. Здесь важно отметить значение этого события для Литвы и его влияние на политику литовского правительства.

Героическая борьба русского и других народов нашей страны имела огромное значение для Литвы: литовцы не знали ужасов этого монгольского нашествия и не попали под иго татаро-монгольских ханов. Попытки некоторых исследователей, в частности И. Пузыны, на основании поздних литовско-русских летописей сделать предположения о литовско-татарской войне, не могут быть приняты ввиду общей недостоверности привлеченного им источника[67]; его археологические догадки также оказались неосновательными[68]. Источники не знают о вторжении татарских войск ни в Литву, ни в земли, захваченные немецкими рыцарями.

Уцелели от монгольского разорения также Полоцко-Минские и другие земли Белоруссии. Черная Русь (Новогородок, Слоним, Волковыйск), Городенские, Турово-Пинские и Берестейско-Дорогичинские земли не были завоеваны татаро-монгольскими феодалами[69]. Разоренной и ослабленной Руси грозило татаро-монгольское иго, с севера и запада готовили наступление Швеция, Орден и Дания. В этих условиях литовские князья стали проводить более активную политику в отношении Полоцка, Новгорода и Смоленска.

Меняются и формы этой политики. Намечается переход от набегов на русские города и земли к их занятию дружинами литовских князей. Последнее происходило (как свидетельству-

---

[65] ПСРЛ, т. II, стб. 776.

[66] В. Т. Пашуто$_5$, стр. 150 и сл.

[67] J. Puzyna$_3$, str. 345—400; см. часть 1, § 1.

[68] Н. Н. Воронин$_2$, стр. 150 и сл. Здесь может принести пользу фольклор. Литовские фольклористы сделали бы полезное дело, выявив народные предания о последующей борьбе литовцев с войсками татаро-монгольских ханов, ибо позднейшее вторжение войск Бурундая было прямо направлено на Литву.

[69] Пострадала южная часть Берестейской земли. Возвращаясь на родину через разоренную землю между Берестьем и Владимиром, князья «не возмогоста ити в поле, смрада ради множьства избьеных» (ПСРЛ, т. II, стб. 788).

ет история Полоцка, а позднее Волыни и Смоленска) в результате сговора с местным боярством, напуганным татарской или немецкой угрозой [70].Смоленщина была затронута монгольским нашествием и, видимо, тогда же сюда был приглашен один из литовских князей; очевидно, и полоцко-минские земли установили какой-то modus vivendi с Литвой. Это было неизбежно, так как Полоцко-Минская земля, потеряв большую часть своих позиций в литовских и латвийских землях, сама попадала теперь под удар немецкого Ордена и Литвы. Правда, литовское наступление проходило не в виде единовременного похода и захвата. Это было постепенное проникновение, которое не раз сопровождалось отступлениями.

Главным препятствием для Литвы стало то, что Владимиро-Суздальская и Галицко-Волынская земли, несмотря на татарское разорение, сумели восстановить свое хозяйство, упрочить единство и оказать поддержку западнорусским землям в защите их независимости. Уже в 1239 г. владимиро-суздальский князь Ярослав Всеволодович изгнал из Смоленска литовского князя; смоленский стол занял суздальский ставленник[71]. Тогда же по распоряжению князя Александра новгородцы соорудили укрепления на реке Шелони [72], вдоль которой не раз случались литовские набеги.

Наконец, были упрочены политические связи Владимиро-Суздальской земли с Полоцком. Выражением их явился брак князя Александра Ярославича с дочерью полоцкого князя; политическое значение этого брака было подчеркнуто тем, что его отпраздновали в Торопце — опорном пункте обороны от литовских набегов [73]; в Витебске также сидели союзники суздальских князей [74].

Решающие удары, нанесенные русскими войсками шведским захватчикам на Неве (1240) и немецко-датским на Чуд-

---

[70] Первые попытки Литвы утвердиться в Торопце и Пскове падают еще на 1213 г. ПЛ, в. II, стр. 77 (по Архивск. 2 сп.).

[71] ПСРЛ, т. VII, стр. 144. Связи с Витебском и Смоленском в XIII в.— в традициях суздальской политики. См. НПЛ, стр. 67, ср. ПСРЛ, т.XXIII, стр. 62. Литва использовала, разумеется, и полоцко-смоленские противоречия, отмеченные острыми конфликтами 1222 и 1232 гг.(НПЛ,стр. 263, 72).

[72] НПЛ, стр. 77.

[73] Там же.

[74]Там же, стр. 79. Догадки Г. Пашкевича, И. Пузыны и других, будто свадьба произошла в Торопце потому, что в Полоцке уже правила Литва, лишены основания: в летописи ясно сказано, что «поя в П о л о т ь с к е у Брячьслава дчерь» (НПЛ, стр. 77); ср. H. P a s z k i e w i c z[8], str. 63; J. P u z y n a[3], str. 360. Столь же беспочвенно утверждение, что именно тогда князь Александр взял сына из Витебска: откуда мог взяться сын, если только что состоялся брак? К тому же в летописи это событие датируется 1245 г. (НПЛ, стр. 77).

ском озере (1242 г.), имели выдающееся значение и для Литвы, так как впервые был остановлен немецкий натиск на Восток, открылись возможности к совместным литовско-русским действиям против крестоносцев на северо-западе.

Успешное окончание феодальной войны в Галицко-Волынской земле ознаменовалось победой войск князей Даниила и Василько Романовичей в битве под Ярославом (1245 г.). В это время волынско-литовские отношения оставались союзными: по просьбе волынских князей Миндовг прислал им на помощь свою рать («посласта в Литву помощи просяща и послана бысть от Миндога помощь»); правда, она, как и польская помощь, не поспела к битве[75]. Установление власти монгольских ханов над Галицко-Волынской Русью первоначально не закрывало пути к совместным русско-литовским действиям против Орды.

В это время, однако, в самой Литве назревали события, весьма осложнившие литовско-русские отношения. Эти события не раз изучались историками, что понятно, ибо они на короткий срок обнаруживают, в каких трудных внешнеполитических условиях происходило укрепление литовской монархии. Литва поздно вышла на международную арену: ее все теснее окружали феодально развитые страны, правительства которых опасались усиления нового, к тому же языческого, государства.

Стараясь упрочить единую государственную власть, правительство Миндовга отнимало собственность у многих местных династов, раздавая ее мелкому служилому люду; старые князья получали взамен держания в других землях. Все шло относительно гладко, пока Миндовг действовал в пределах Аукштайтии. Но его наступление на права жемайтских князей вызвало феодальную войну. Волынская летопись, враждебная Миндовгу, сообщает, что когда Миндовгом «поимана бе вся земля Литовьская», тогда и «бещисленое имение» жемайтских князей Товтивила, Едивида и, видимо, их дяди Выкинта — тоже было «притрано» великим князем. Чтобы отделаться от жемайтских князей-изгоев, Миндовг отправил («пославшю») их «на Русь воевать, ко Смоленьску», пожаловав в держание то, что они там завоюют («и рече: што кто приемлеть — собе держить»). Насколько можно судить по данным Суздальской и Новгородской летописей (датировка не точна: 1248 и 1245 гг.), поход жемайтских князей затронул полоцко-витебские земли и северную часть Смоленщины. Натолкнувшись на объединенные действия суздальских, московских, тверских и других войск, литовские князья были разбиты у Зубцова. Папский посол Иоанн Плано-Карпини, проехавший осенью 1245 г. через

[75] ПСРЛ, т. II, стб. 801, 805.

Русь, подчеркивал, что тогда литовцы «часто и тайно насколько могли, делали набеги на земли Русские»[76]. Фактически Миндовг «изгна» жемайтских князей, «върожбью бо за ворожьство с ними» и собирался покончить с ними («насла на не вои свое, хотя убити и»). Князья узнали об угрожающей им опасности и бежали ко двору князя Даниила Романовича. Миндовг через послов просил волынского князя: «не чини има милоси»т.

Но волынский князь, бывший в родстве с князьями Жемайтии, рассудил иначе. Он предвидел, к чему может привести распространение литовской власти на Полоцк, Смоленск, Пинск и другие центры, и счел удобным момент для организации широкого наступления на Литву, вроде тех походов, что предпринимались им совместно с польскими князьями на пруссов (см. часть III, раздел второй, § 2). Князь Даниил отправил послов к польским князьям, «река: яко время есть христьяномь на поганее, яко сами имеють рать межи собою». Однако польские князья, на словах согласившись участвовать в походе, на деле решили не вмешиваться в опасную для Польши борьбу. Это был первый успех правительства Миндовга.

Жемайтский князь Выкинт был направлен князем Даниилом в качестве дипломата в Ятвягию, Жемайтию и Ригу. Его миссия удалась: «серебром и дарми многими» он привлек ятвяжскую знать; склонилась на его сторону и «пол Жемойти»,т.е., вероятно, западная Жемайтия, тогда как в восточной уже распоряжался Миндовг, войска которого захватили и Черную Русь. Заключили с Выкинтом мир и рижане, рассчитывая таким образом ослабить, а если удастся, то и захватить часть Литвы.

Мне представляется, что главный просчет допустило правительство Миндовга, развернув наступление в сторону Смоленска, а не в защиту прусских и жемайтских земель от немецкой угрозы. Этот просчет и породил противоестественный и вредный для прогресса Восточной Европы волынско-жемайтско-немецкий союз. Разгорелась война. Волынские войска действовали в районе городов Новогородок, Волковыйск, Слоним, Здитов, а войско Товтивила, состоявшее из его дружины, а также русской, ятвяжской и половецкой ратей, двинулось в глубь Литвы, где «многое воевание бысть». Видимо, жемайтские князья отстояли свои права, хотя, может быть, и не во всей Жемайтии. Затем Товтивил вместе с «полоном Даниловым» прибыл в Ригу, где был принят «с великою честью» и крещен; здесь ему обещали помогать «божии дворяне, и пискуп и вся воя рижская». Вероятно, в это время власть Товтивила[77]

---

[76] Иоанн де Плано-Карпини, стр. 45.

[77] Возможно, что именно Товтивилу как «новообращенному князю Полоцка» адресована булла Иннокентия IV (от 15 сентября 1248 г.). Так думал М. Таубе (см. M. T a u b e₁, S. 406).

распространилась и на Полоцк. Угроза независимости Литовского государства возрастала.

Но правительство Миндовга было достаточно осведомлено о политическом положении в Прибалтике и,в частности, об острых противоречиях, существовавших между Орденом и рижанами. Литовский князь связался с магистром Андреем Стирландом, предлагая ему не поддерживать жемайтских князей; Миндовг подкупил магистра: «убеди и дарми многыми»[78]. Чтобы сделка выглядела официально, магистр настоял на отправке литовских послов к папе Иннокентию IV. Вскоре магистр при содействии хельминского епископа короновал Миндовга изготовленной в Риге короной. Это соглашение свидетельствует, что феодальная война в Литве стала событием международного значения. Ценой крещения один противник, т. е. Рига, был выведен из игры. Этого политического курса в отношении Риги и Ордена позднее с успехом будут держаться, как увидим, правительства и Витеня, и Гедимина. Ниже мы еще коснемся этой стороны дела в связи с историей борьбы литовского народа за независимость[79], пока же вернемся к литовско-русским отношениям.

Волынский летописец не сомневается, что Миндовг крестился по дипломатическим соображениям («крещение же его льстиво бысть») и что эта политика не была популярна в стране («и крещение неволею приняли быша»). Как бы то ни было, Рига должна была выйти из войны против Литвы; крайне неохотно архиепископ Николай порвал отношения с жемайтским князем. Товтивил бежал из Риги в Жемайтию ко двору Выкинта, где стояли его военные силы, и вновь выступил против Миндовга («иде на Миндога»), который получил от Ордена небольшой отряд рыцарей. Война шла с переменным успехом. Миндовг решил избежать открытого боя («не битися с ними полком») и укрылся в крепости Ворута, где с ним стоял и немецкий отряд. Под этим городом произошла не битва, а рыцарский турнир («и гонишася на поли подобно игре»), после чего войско Товтивила возвратилось в Жемайтию.

Затем Миндовг, «собрав силу велику», в свою очередь осаждал жемайтских князей в городе Выкинта — Твиреметс. Здесь его встретило русско-половецкое (ятвяги уже не участвовали) и жемайтское войско (в том числе большое народное ополчение — «мнози пешци»). Твиремета Миндовг не взял, сам был ранен и вернулся «в землю свою»[80]. Междоусобная борьба, однако, продолжалась («многым же ратьным бывшим межи ими»).

---

[78] ПСРЛ, т. II, стб. 816—817.

[79] См. часть III, раздел второй, § 2.

[80] Под Твиреметом от рук Миндовга, вероятно, и пал князь Вишимуть (Висимот) Булевич. ПСРЛ, т. II, стб. 736, 818.

В этих войнах участвовали и волынские князья, которые водили в поход половецкую рать, а также дружины пинских князей; последние, почувствовав силу Литвы, пытались выйти из-под власти Галича (они «имеяху лесть» и шли в поход «неволею»). Следовательно, литовское правительство сумело и здесь использовать в своих интересах отсутствие политического единства на Руси. Поход волынских войск первоначально охватил Черную Русь: войска «плениша» землю Новогородскую, один из отрядов занял Гродно, затем князья послали «многи своя пешьце и коньникы на грады их и плениша всю страну их (вар.: всю вотчину их страны их)»[81]. В ответ литовская рать сына Миндовга, вероятно, Войшелка, повоевала окрестности Турийска. Одновременно Миндовг принудил Товтивила к бегству «из Жемоити и ятвязей», подкупив последних «серебром многим»[82]. Завоевать Литву никому не удалось.

Дело пошло к миру, который от имени Литвы заключил (около 1253 г.) Войшелк; договор был скреплен браком Шварна Даниловича с дочерью Миндовга[83]. По условиям мира Черная Русь осталась за Литвой; в ней правил Войшелк. Но затем князь Войшелк решил оставить «княжение свое», постригся в монахи и передал Черную Русь князю Роману Даниловичу: он дал ему «Новгородок от Миндовга», а Слоним, Волковыйск «и все городы» от своего имени —«от себе»[84]. Так один из галицко-волынских князей стал вассалом литовского великого князя[85].

Итак, попытка соседних держав использовать феодальную войну в Литве для уничтожения ее независимости закончилась провалом. Правительство Миндовга имело достаточно материальных возможностей, чтобы собрать «силу велику» и отразить прямые удары неприятелей. В конечном итоге именно действия этой силы — народных ополчений — решили судьбу Литвы. Правительство Миндовга не только удержало под своей властью Аукштайтию и часть Жемайтии, но распространило свое влияние на Черную Русь, а также, как увидим, на Полоцкую и Пинскую земли. В независимой части Жемайтии разгоралась народная война против объединенных сил ливонских и прусских рыцарей, которые, пользуясь «союзом» с Литвой, подвластной Миндовгу, пытались захватить эту землю[86].

Отношения Литвы с Галицко-Волынской Русью после заключения мира недолго оставались союзными. Причиной но-

---

[81] ПСРЛ, т. II, стб. 819.

[82] Там же, стб. 820. Товтивил и Едивид в качестве вассалов волынского князя участвовали в чешском походе. Там же, стб. 822.

[83] Там же, стб. 830.

[84] Там же, стб. 831, 837—838.

[85] См. там же, стб. 838.

[86] См. часть III, раздел второй, § 2.

вого конфликта послужил совместный русско-литовский поход против татаро-монгольских ханов через Возвягль на Киев [87]. Волынские войска разорили Возвягль до прихода литовско-русской рати Романа Даниловича. В подошедшем войске произошел разлад: князь Роман увел свою дружину («мало людей») к отцу, а литовская рать «люди Миндовгови» во главе с воеводами Хвалом и Сирвидом Рюшьковичами, недовольные делом, пограбили на обратном пути окрестности Луцка. Тогда волынские войска нанесли им тяжелое поражение[88]. Но и после этого Роман Данилович сохранил какие-то владения в Черной Руси [89].

Отношения Литвы с Владимиро-Суздальской и Новгородско-Псковской землями также не были дружественными, так как правительство Миндовга вновь выступило с претензиями на Смоленск. С этой целью был, вероятно, использован князь Товтивил, который по возвращении из чешского похода с волынскими князьями, вновь стал вассалом Миндовга [90] и занял стол Полоцка (где видим его в 1262 г.) [91]. Полагаем, что поход 1258 г. «Литвы с полочаны» на Смоленск, разорение Войщины и Торжка [92]— дело его рук. Тем более, что позднее, видимо, его сын, полоцкий князь Константин, также будет вассалом литовского великого князя. Витебск еще раньше вышел из-под суздальского влияния[93].

В это время Литва впервые сталкивается с Ордой. Попытка русско-литовского наступления на Киев и действия литовцев в Смоленщине привлекли внимание татаро-монгольских ханов. В 1258—1259 гг. они послали многочисленную рать Бурундая, которая нанесла тяжелый удар по литовским землям с юга. В татарском походе было приказано участвовать и галицко-волынским войскам (Бурундай заявил князю Даниилу: «иду на Литву, оже еси мирен — поиди со мною»). Войска монгольских ханов «воеваша землю Литовьскую (т. е. Аукштайтию) и Нальшаньскую», а потом были и «на Ятвязех». В Новгородской летописи об этом нашествии сказано: «взяша татарове всю землю Литовьскую, а самех избиша» [94].

Уже во время нашествия литовское правительство (при участии Войшелка и Товтивила) покончило со своим галицким вассалом в Черной Руси, с князем Романом Данилови-

---

[87] ПСРЛ, т. II, стб. 838.
[88] Там же, стб. 840.
[89] Там же, стб. 847.
[90] Там же, стб. 847.
[91] НПЛ, стр. 82.
[92] Там же.
[93] Там же, стр. 79.
[94] Там же.

чем [95]. Правда, князь Даниил занял Волковыйск, но остальные чернорусские города и Гродно затем остались за Литвой. Из не слишком ясных сведений Волынской летописи можно заключить, что Войшелк вновь стал княжить в Новогородке в качестве вассала Миндовга, хотя тот якобы порицал его за принятие православия [96]. В дальнейшем, пользуясь ослаблением юго-западной Руси, войска Миндовга совершали набеги на Камень [97], Мельник, Небль [98], союзный Волыни Брянск [99] и дружественную ей Польшу [100].

Победа литовского народа в битве при Дурбе (1260 г.)[101] и освобождение Жемайтии повлекли за собой перемены в отношениях с Владимиро-Суздальской Русью. Великий князь Миндовг разорвал договор с курией и Орденом и отправил послов к Александру Невскому. Послы вернулись и сообщили, что русские рады перемене чувств Миндовга (daß die Rußen wêren vrô// daß sin gemûte stûnt alsô). Был заключен в 1262 г. мирный и союзный договор, направленный против Ордена[102]. Князья Александр и Миндовг наметили провести в 1262 г. совместный большой поход против Ливонского ордена, которому грозил полный разгром. Но, видимо, по вине жемайтского князя Тройната, опасавшегося чрезмерного усиления Миндовга, литовские войска выступили преждевременно, и русские полки, хотя и очень спешили (îlten sere), пришли под Юрьев уже после отхода литовских войск из-под Вендена. Поэтому оба похода не дали желаемых результатов[103]. В связи с литовско-русским союзным договором надлежит отметить, что в Полоцке оставался княжить Товтивил: Новгородская летопись говорит об участии этого «добра князя» с полочанами и литовской дружиной в походе русских войск на Юрьев[104]; в этом походе участвовали и витебские войска, предводительствуемые, вероятно, князем Константином [105].

Еще один этап в истории литовской монархии и ее отношений с Русью наши летописи и Рифмованная хроника отразили в связи с interregno после гибели Миндовга. Мы уже го-

[95] НПЛ, стр. 82, 310; ПСРЛ, т. II, стб. 847—848. Быть может, Роман Данилович и не погиб тогда, ибо в 1259 г. какой-то Роман при поддержке мазовецкого войска выступал против Казимира. MPH, t. II, p. 585.

[96] ПСРЛ, т. II, стб. 859.

[97] Там же, стб. 855.

[98] Там же, стб. 856.

[99] Там же, стб. 860.

[100] Там же, стб. 855. Об участии русских сил в литовских походах см. часть III, раздел второй, § 2. О политической обстановке в мазовецко-куявских землях см. H. Paszkiewicz₉, str. 203—228.

[101] См. часть III, раздел второй, § 2.

[102] LR, S. 148.

[103] Ibid., S. 149.

[104] НПЛ, стр. 84.

[105] Там же, стр. 83.

ворили, что крупные династы оказывали упорное сопротивление объединительной политике правительства Миндовга, ища поддержки в Ордене и на Руси. В 1263 г. эта борьба привела к тому, что старый враг единства—нальшенайский князь Довмонт — в тайном сговоре с Тройнатом, который «бяшеть тогда в Жемоити», убил Миндовга и двух его сыновей (1263 г.)[106]. Далее разыгрались события, которые вновь подтвердили внутреннюю прочность Литовского государства, где королевская власть имела опору в мелком боярстве (сходном с русским дворянством) и городах, а по необходимости широко использовала и помощь союзных и зависимых русских дружин. Власть в стране захватил Тройнат и «нача княжити во всей земле Литовьской и в Жемоити», т. е., как и Миндовг, он правил в Аукштайтии и Жемайтии. Но сам он тотчас вступил в противоречие с сильным вассалом, полоцким князем Товтивилом, который, вероятно, претендовал на старые свои владения в Жемайтии.

Когда по приглашению Тройната полоцкий князь приехал делить «землю и добыток Миндовъгов», то оба князя искали случая покончить друг с другом. Один из полоцких бояр, Прокопий, участник думы при Товтивиле, выдал его замыслы, и Тройнат, «попередив» соперника, убил его и «нача княжити один». Вокняжение Тройната тотчас же отразилось на судьбах Полоцкой земли. Новгородская летопись сообщает, что «убойци» Миндовга, его «родици», покончив с Товтивилом, «исковаша» и полоцких бояр, которых «изъимали» в Литве вместе с князем. Характерно, что Тройнат действовал в Полоцке осторожно: его представители «просиша» у полочан (летописец здесь же отождествляет их с боярами) выдать сына князя Товтивила, чтобы убить его, но тот бежал в Новгород «с мужи своими». Тогда литовское правительство Тройната посадило «свой князь» в Полоцке, по-видимому, Ерденя; но сделано это было по «ряду», так как полочане с Литвой «мир взяша». Одним из условий мира явилось освобождение захваченных бояр.

Правление жемайтского князя не могло удовлетворить аукштайтское боярство и дворянство, чьим приобретениям мог угрожать новый правитель. Местные придворные—конюшие Миндовга—в свою очередь убили Тройната. Этот акт был предпринят, конечно, в сговоре с Войшелком, который все это время укрывался в Пинске.

Аукштайтские феодалы поддержали Войшелка: «Литва же вся прияша и с радостью, своего господичича»[107]; Новгородская летопись уточняет, что опорой князя были «вои отца», т.е. пешие полки народных ополчений, и «приятели», т. е. боярские

---

[106] ПСРЛ, т. II, стб. 860; см. также МРН, t. II (Annales capituli Cracoviensis), p.807 (5 августа 1263 г.)

[107] Там же, стб. 861.

дружины[108]. Однако в других частях страны, а также в зависимых землях дело обстояло иначе: в Нальшенайской земле сидел Довмонт, в Делтуве — тоже непокорные князья; положение в Жемайтии было неясным; в Полоцке княжеский стол занимал ставленник Тройната.

Войшелк (1264—1267 гг.) выступил как продолжатель политики единства, он «нача княжити во всей земли Литовьской и поча вороги свое избивати». В этом он использовал помощь нового галицкого князя, своего зятя Шварны Даниловича, а также волынского князя Василько Романовича, по-видимому, возвратив Черную Русь под галицко-волынскую власть[109]. Соединив литовские и русские полки, Войшелк «поиде в силе тяжьце и нача городы имати» в Делтувской и Нальшенайской землях; победив соперников, он «стоя на земли их все лето»[110], вероятно, чиня суд и уставляя земли. Среди его врагов были и местные князья и крупные бояре, в том числе и русские, вроде рязанского Остафия Константиновича[111].

В Аукштайтии и прилегающих землях коренного ядра Литовского государства великокняжеская власть основывала свое господство на решительном перераспределении земельной собственности, населенной крестьянством, в пользу служилого люда. Непокорные нобили бежали не только в Орден, но и на Русь, благодаря чему мы можем использовать сведения летописей, которые, как и немецкие акты, не оставляют сомнений в феодальной природе этих беглецов.

Именно в разгар объединительных действий правительства Войшелка под 1265—1266 гг. Новгородская летопись сообщает, что прибежали во Псков человек «с 300 Литвы с женами и детьми» и были крещены; среди них находился и князь нальшенайский Довмонт[112]. Согласно Повести о Довмонте, отраженной в так называемой средней редакции его жития, Довмонт бежал во Псков «со дружиною своею и со всем домом своим» (ср. cum omni domo et familia sua); и здесь крестился «со всеми бояры своими»[113]. Псковичи посадили его у себя княжить, основательно рассчитывая, что этот князь, хорошо знающий Литву и враждебный правящей там династии, будет полезен республике. Довмонту удалось вытеснить из Пскова князя Святослава — наместника Ярослава Ярославича тверского; последний должен был признать нового князя[114].

---

[108] НПЛ, стр. 85. То же см. MPH, t. II, p. 808, Roczn. kapitulny Stroynat убит per Woysalk, filium ipsius Mendog regis; ср. ibid., p. 133.

[109] ПСРЛ, т. II, стб. 864 (Шварн Данилович — в Новогородке).

[110] НПЛ, стр. 85.

[111] ПСРЛ, т. II, стб. 861, 856.

[112] НПЛ, стр. 85.

[113] Житие кн. Довмонта, стр. 139; ср. неполный текст в своде 1469 г. ПЛ, 1, стр. 3—5 и полный текст в своде 80-х годов XV в. ПЛ, II, стр. 16—18.

[114] НПЛ, стр. 85.

При поддержке псковского и новгородского боярства, а затем и суздальских князей, князь Довмонт делал попытки изгнать ставшего вассалом Войшелка князя Ерденя из Полоцкой земли и Подвинья, где тот распоряжался в Латгалии; с этой целью Довмонт организовал ряд походов на коренные владения Ерденя, которые, как можно полагать, были расположены в Нальшенайской земле [115]. Суздальских князей и русское боярство пугало укрепление единовластия Войшелка в Литве; особенно же встревожило их упрочение влияния галицких князей на Литве, когда Войшелк стал княжить совместно с галицким князем Шварном Даниловичем [116], а затем (в 1267 г.) и вовсе передал ему литовское княжение («по сем же Войшелк да княжение свое зятю своему Шварнови») [117], которым тот и управлял «немного лет» [118].

Литовское правительство, стараясь удержать под своей властью Полоцкую землю, вступало в соглашения с Ригой и Орденом. Это практиковал еще Товтивил. Из буллы папы Урбана IV в 1264 г. узнаем, что какой-то русский князь Константин подарил немецкому Ордену в своем княжестве некоторые владения [119]. Уже Э. Боннелль высказал предположение, что Константин — сын Товтивила [120]. Он мог править при отце в Витебске, когда князь Александр взял оттуда своего сына [121].

Такое допущение тем более правдоподобно, что в 1262 г. Константин, как и Товтивил, участвовал в походе на Юрьев; в летописи он представлен как «зять Александров» [122]. Очень вероятно, что Александр Ярославич был вынужден передать Витебск сыну Товтивила и имел с ним матримониальный союз. Спасаясь от рук Тройната, Константин бежал в Новгород, где и фигурировал в качестве одного из служебных князей республики в походе на Раквере [123], а затем, наряду с Довмонтом,— в числе зависимых от «короля Новгорода» князей [124].

---

[115] Ордену, видимо, был известен Gerdine de Naals, коль скоро рыцари упомянули его в подложной грамоте Миндовга — PU, I₂, № 106, pp. 91—93.

[116] ПСРЛ, т. II, стб. 864.

[117] Там же, стб. 867. За эту передачу галицкий князь Лев Данилович убил Войшелка (там же, стб. 868).

[118] Там же, стб. 869.

[119] LU, t. I, № 380. Ср. LU, t. VI, № 2884, р. 217; 1366: Lacum Luban ordo tenet et possidet virtute castri, vulgariter dicti Rosyten, quod castrum inclitus rex Constantinus de Ploske Ordini dedit pleno iure; в немецком переводе. Ср. LU, t. II, № 1036, р. 763 (1366 г.).

[120] E. Bonnell₁, S. 239; ср. М. Бережков₂, стр. 115.

[121] НПЛ, стр. 79.

[122] Там же, стр. 83.

[123] Там же, стр. 83, ср. N. Baumgarten 2, p. 233.

[124] HU, t. I, № 1093, pp. 377—379 (1292 г.: «Король Новгорода» имел четырех зависимых от него князей: «unus Dovmundus, alter Surele, tercius Wezcele, quartus Constantin»); о службе Довмонта Новгороду см.

Литовский великий князь Войшелк поддерживал с Орденом мирные отношения[125]; понятно, что ту же политику проводил его полоцкий вассал Ерденъ. В 1264 г. Ерденъ в договоре с немцами, в обмен на их обязательство не нападать на Полоцкую землю и не нарушать свободу торговли, не только подтвердил пожалованье, сделанное Константином («не въступатися на тую землю, што князь Костянтин дал местерю с своею братью»), но и уступил от имени «полочан» и «видъблян» Ордену права на Латгалию («и што словеть Лотыгольская земля, от того ся отступили с всею правдою»)[126].

Примечательно, что уже в это время складываются первые союзы Литвы с князьями северо-восточной Руси. Известия достаточно выразительны. Из тверского свода сохранилась запись под 1266 г.: «у князя Литовского у Витовта оженися князь Василий менший Ярославич... и бысть радость велика в Костроме»[127]. Где правил Витовт — не знаем, но это сближение понятно: оно направлено против суздальских князей и союзного им Довмонта. Известно нам и другое, что сын Ерденя, захваченный в плен псковичами, позднее станет епископом тверским под именем Андрея[128] и будет играть заметную роль в борьбе тверских князей с московскими[129].

Столкновения с Русью, если судить по новгородско-псковским летописям, были неудачны для Литвы. Во время похода 1266 г. на «поганую Литву» псковско-литовские рати Довмонта, «повоеваша много» и захватили в плен жену Ерденя и двух его сыновей[130]. Это был поход не на Полоцк, а на владения Ерденя в коренной Литве.

В «житии» Довмонта сохранены сведения о размерах и характере владений Ерденя: во время псковского набега Ерденя не было дома; когда же Ерденъ «со своими князи (т. е. у него были в подчинении более мелкие вассалы.— *В. П.*) придоша в д о м ы с в о я и видеша с е л а с в о я попленена», то «ополчившеся Герденъ и Гоиторн и Любим и Люгайло с седмисот мужи». В битве на Двине они потерпели поражение: здесь пал князь Гойторт (Гоиторн?)[131], а «убежа один князь

НПЛ, стр. 324; он был женат на Марии, дочери Дмитрия Александровича (ПЛ, в. 2, стр. 17); о его зависимости от Андрея Александровича суздальского см. ПСРЛ, т. XXIII, стр. 95 (1299 г.).

[125] См. часть III, раздел второй, § 2.

[126] РЛА, № 25а.

[127] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 72 (см. часть 1, § 1).

[128] Троицкая летопись, стр. 344—345.

[129] Если допустить, что известие о гибели Довмонта ошибочно (см. выше, часть I, стр. 45), то вполне вероятным может быть поход 1285 г. на Олешню этого псковского князя, подручного князю владимирскому и враждебного сыну Ерденя, епископу тверскому Андрею.

[130] НПЛ, стр. 85.

[131] Житие Довмонта, стр. 140; ПЛ, в. 2, стр. 16—17.

Герденъ в мале дружине»[132]; в том же 1266 г. псковичи вновь, а в 1267 г.— еще раз вместе с новгородцами повоевали Литву[133].

Как бы то ни было, Полоцкая земля осталась в зависимости от Литвы. По смерти Ерденя здесь, в Полоцке и Витебске, сидят два князя Изяслава, подвластные Войшелку[134]. Не случайно в 1268 г. суздальский князь колебался, куда идти в поход: на Литву, на Полоцк или на Орден[135]. Более того, в 1270 г. тверской великий князь Ярослав Ярославич дал и Пскову какого-то князя Аигуста, вероятно, одного из литовских соперников Довмонта[136].

Таким образом, есть основания признать, что литовское правительство в течение длительного времени последовательно проводило политику наступления на Русь.

До сих пор мы располагали отрывочными источниками, которые при разного рода сопоставлениях все же поддавались анализу, позволяя косвенным образом судить о внутренней политической истории Литвы. Дальнейший анализ затрудняется еще большей скудостью источников. Ни летописи, ни хроники не дают сведений о внутриполитической истории Литвы. Поэтому мы вынуждены ограничиться рассмотрением данных по истории литовско-русских связей, которые ценны в двух отношениях: во-первых, они свидетельствуют, что Литовское государство отнюдь не захирело по смерти Миндовга, и, во-вторых, раскрывают исторические условия, при которых земли Белоруссии были включены в состав Литвы.

Кратковременное сближение Галицко-Волынской Руси и Литвы под властью Шварна Даниловича сменилось обострением отношений между ними в правление великого князя Тройдена (около 1270—1282 гг.). Можно полагать, что он выступил во главе феодалов Аукштайтии, считавших нужным продолжать политику Миндовга, и пришел к власти после упорной борьбы, которая сопровождалась гибелью (до 1270 г.) трех его братьев в войнах с волынским князем Василько Романовичем[137]. Выступал он и против сторонников Ордена, чему свидетельство изгнание нобиля Суксе из Нальшенайской земли[138] и нападение на Орден во время битвы при Раквере[139].

---

[132] НПЛ, стр. 85.

[133] Там же.

[134] РЛА, № 25в («Полотеск [и] Видьбеск одно есть, а воли есми божии и Молшелгове»).

[135] НПЛ, стр. 85. См. Известие Никоновской летописи под 1269 г. о намерении тверского князя Ярослава Ярославича вместе с татарами идти на немцев. ПСРЛ, т. X, стр. 147.

[136] НПЛ, стр. 89.

[137] ПСРЛ, т. II, стб. 871.

[138] См. часть 1, § 4.

[139] HW, p. 46.

Последующая политика правительства Тройдена в юго-западной Руси направлена на захват и удержание Черной Руси, для чего оно умело играло на противоречиях между волынскими и галицкими князьями [140], поддерживая последних в их борьбе и с князьями Малой Польши [141].

Политическое дробление Галицко-Волынской Руси и укрепление Литовского государства в годы княжения Тройдена не замедлило отразиться на положении белорусских земель. Власть Тройдена распространилась на Гродно [142] и почти всю Черную Русь, которую он старался освоить, поселяя здесь (в районе Гродно и Слонима) [143] пруссов из Поморья, искавших на Руси спасения от наступления немецкого Ордена [144]; захватил он и Дорогичин, принадлежавший галицкому князю Льву Даниловичу [145]. Волынские князья сумели освободить Слоним [146] и Турийск [147], под их властью оставался и важный торговый центр Берестье [148].

Князья туровские и пинские были политически обособлены от Галицко-Волынской Руси; к этому времени они находились (так же, как и брянские, и смоленские) «в воле татарской», т. е. в зависимости от Орды [149]. Но, вероятно, часть Полесья оказалась в сфере влияния Литвы, судя по тому, что Мстислав Данилович князь луцкий «пошел бяшеть от Копыля, воюя по Полесью» [150]. Используя силу золотоордынского хана Менгу-Тимура и зависимых от него князей, Лев Данилович вернул в 1275 г. Дорогичин [151], но Черная Русь осталась за Литвой. Его попытки использовать Орду Ногая, чтобы вернуть и Черную Русь, не имели успеха [152]. Затем правительство Тройдена установило мир и с Галичиной и с Волынью [153], с чем связана и продажа волынским князем хлеба зависимым от Тройдена ятвягам [154].

---

[140] ПСРЛ, т. II, стб. 871.

[141] ПСРЛ, т. II, стб. 878, 882; MPH, t. II, p. 847 (под 1280—1281 гг.); t. III, p. 50.

[142] ПСРЛ, т. II, стб. 871.

[143] Там же, стб. 874.

[144] См. часть III, раздел второй, § 2.

[145] ПСРЛ, т. II, стб. 874. Здесь были жители Погезании, Бартии и Вармии (см. стб. 813, 874, 812, ср. Приложение к Ипатьевской летописи, стр. 87).

[146] Там же, стб. 874.

[147] Там же.

[148] Там же, стб. 875—876; ср. стб. 928, 931.

[149] Там же, стб. 872.

[150] Там же, стб. 873. О литовском влиянии в Пинске см. стб. 818; А. С. Грушевский₁, стр. 64.

[151] ПСРЛ, т. II, стб. 872—874, 911.

[152] Там же, стб. 876—878; ср. т. X, стр. 157 (под 1279 г.).

[153] ПСРЛ, т. II, стб. 876.

[154] Там же, стб. 879.

Вообще в ту пору не наблюдается широких завоевательных действий Литвы, направленных в сторону Галича, Чернигова, Киева, что, конечно, объясняется ожесточенной борьбой, в которую вступила Литва с Орденом на Немане [155]. Затем, когда Орден начал вторжения в Жемайтию, то преемники Тройдена — князья Пукувер-Будивид (около 1289—1294 гг.) и брат его Будикид должны были возвратить волынскому князю Волковыйск, «абы [он] с ними мир держал»[156].

Условия, созданные успешной борьбой литовского народа против агрессии Ордена, были использованы литовскими князьями и боярами не для наступления в Пруссии, а для расширения захватов на Руси. Новые татаро-монгольские вторжения и политическое ослабление Галицко-Волынской Руси [157] облегчали литовскому правительству наступление на нее. Правительства Витеня (около 1295—1315 гг.) и особенно Гедимина (1315—1341 гг.), удерживая Черную Русь [158] и сохраняя влияние на Мазовию, первоначально использовали свой союз с галицкими князьями (1302 г.) для продолжения борьбы с Малой Польшей [159].

Особенно активизировалась волынская политика Литвы после смерти князей Андрея и Юрия Львовичей (1323 г.). По сговору (1325 г.) литовского и польского правительств [160] с галицко-волынским боярством, здешний стол занял мазовецкий князь Болеслав-Юрий II Тройденович. Поддержанный частью боярства, он пытался противодействовать Литве, сохраняя дружественные отношения с Орденом (как свидетельствуют его грамоты 1325, 1327, 1334 и 1335 гг.) [161] и, может быть, дипломатические связи с Московским княжеством (епископ луцкий присутствовал в 1326 г. при погребении митрополита Петра) [162].

Об активности литовского правительства свидетельствует и стремление создать собственную православную митрополию со столицей в Новогородке. Церковно-политическая борьба, начатая Литвой, доставляла много хлопот московскому правительству. Она началась еще в пору великого княжения тверского Михаила Ярославича при митрополите Петре. Тогда против союзного Москве митрополита выступил тверской епископ Андрей, сын Ерденя. Он был взят в плен Довмонтом,

---

[155] См. часть III, раздел второй, § 2.
[156] ПСРЛ, т. II, стб. 933; о королях Литвы см. PD, III, 248, 259.
[157] В. Т. Пашуто₂, стр. 294 и сл.
[158] PD, III, 223, 260, 266, 289, 292, 293, 308 и др.
[159] MPH, t. II, 853, 879; t. III, 188—189.
[160] S. Zajączkowski₃, str. 567—617.
[161] См. Сб. «Болеслав-Юрий II», стр. 4—5, 153—155; см. также M. Perlbach₂, SS. 80—81.
[162] ПСРЛ, т. X, стр. 191.

а в епископы поставлен в 1290 г. из игуменов монастыря богородицы. При поддержке тверского князя Андрей обвинял митрополита в симонии, что по его доносу в Константинополь явилось предметом бурного собора 1310/11 г. в Переяславле[163], закончившегося, однако, оправданием митрополита.

Литовские дипломаты быстро раскрыли смысл церковной политики Византии и, то пугая ее католической угрозой, то привлекая обещанием крестить всю Литву в православие[164], а главное, владея частью белорусских земель и вовремя давая взятки патриарху, добились организации в 1317 г. собственной митрополии[165]. Литовский митрополит Филофей фигурировал в Константинополе в 1327 и 1329 гг.[166] Вероятно, он распоряжался полоцкой и туровской епископиями. Этот митрополит умер около 1330 г. Правивший тогда в Черной Руси князь Любарт-Дмитрий Гедиминович захватил часть его имущества, как видно из описи, составленной по приезде сюда (в 1330—1332 гг.) союзника московского правительства— митрополита Феогноста[167].

Новый митрополит добился упразднения литовской митрополии, о чем в приписке к Андрониковой росписи кафедр сказано: «Эта митрополия, раз учрежденная при императоре Андронике Старшем, охотно возводившем епископии на степень митрополий, потом совершенно упразднилась, частью потому, что в Литве христиан слишком мало (имеется в виду коренная Литва.— *В. П.*), частью потому, что этот народ, по соседству с Русью, удобно может быть управляем русским митрополитом»[168], т. е. Феогностом. Итак, первая попытка создать собственную митрополию в Литве (как и союзной ей Галичине) не удалась, натолкнувшись на сопротивление московского правительства Ивана Калиты.

Но события развивались в этой части Руси не в пользу московского правительства. Гибель Болеслава-Юрия II в 1340 г. открыла новый этап в истории Галицко-Волынской Руси, связанный с наступлением на нее Литвы и Польши. Это наступле-

---

[163] См. Е. Голубинский$_1$, II$_1$, стр. 98—115; В. О. Ключевский$_1$, стр. 74 и сл., 82 и сл.; А. Е. Пресняков$_1$, стр. 122—123; РИБ, т. VI, стб. 147—155; ср. житие Петра в ред. Киприана, ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 326—327; ср. В. С. Иконников$_1$, II$_1$, стр. 993. Любопытно, что и первый епископ тверской Симеон прибыл между 1274—1285 гг. также из Полоцка, подвластного Литве (см. Е. Голубинский$_1$, т. II$_2$, стр. 29).

[164] А. С. Павлов$_1$, стр. 35 — об Ольгерде.

[165] А. С. Павлов$_1$, стр. 25 и сл.; ср. Е. Голубинский$_1$, т. II$_2$, стр. 8; т. II$_1$, стр. 125, 129, 147, 153, 157.

[166] АРС, t. I, № 65, p. 143; № 67, p. 147.

[167] НПЛ, стр. 343; М. Д. Приселков$_1$, стр. 48—70.

[168] H. Gelzer$_1$, S. 261; А. С. Павлов$_1$, стр. 33, см. также K. Chodynicki$_9$, str. 3, 5, 11.

ние готовилось давно, еще со времен литовско-польского договора 1325 г. Золотоордынские ханы пытались в свою очередь противодействовать захвату части их «русского улуса». Еще в 1337 г. состоялся татаро-русский поход на Люблин [169]. Но по смерти Болеслава II польское правительство Казимира напало на Галичину; в свою очередь литовские князья Любарт Гедиминович и Кейстут заняли соответственно Волынь с городом Луцком и Подляшье [170]; может быть, несколько раньше Наримунт-Глеб Гедиминович утвердился в Пинске — центре Полесья [171].

Тогда правивший в Галичине боярский ставленник (provisor seu capitaneus terre Russie) Дмитр Дедко обратился за помощью к золотоордынскому хану Узбеку (1312—1341)[172], который и собрал 40-тысячное войско против Польши [173], чем вызвал тревогу у папской курии: папа Бенедикт XII писал к нему, призывая к миру [174], хотя сам по просьбе короля Казимира III обязал епископов Польши, Богемии и Венгрии проповедовать крестовый поход на татар [175]. Казимир искал поддержки соседей — князей Мазовии, Карла-Роберта венгерского и императора Людовика германского [176]. Помощь была невелика, но польским войскам Казимира удалось отстоять Люблин и разбить татарские рати на Висле [177]. Смерть Узбека сопровождалась распрями в Орде и ее длительным упадком [178]. Дальнейшая история литовской политики в этой части Руси выходит за рамки настоящей работы.

Несколько больше известий сохранилось о литовской политике в северо-западной Руси, где исход ее оказался менее благоприятным для Литвы. Ведя напряженную борьбу с Орденом, литовское правительство продолжало контролировать Среднее и Верхнее Подвинье: в грамоте 1278 г. ганзейским купцам архиепископ рижский сетовал, что русские на Двине нападают на немецких купцов и передают награбленное Литве [179]. Дальнейшая судьба Полоцка и Витебска известна нам очень плохо. В 70—80-х годах XIII в. в Полоцке сидел какой-то князь Констан-

---

169 MPH, t. III, p. 78.

170 H. Paszkiewicz₄, str. 229—245; ср. М. С. Грушевский₁, т. IV, стр. 28—30; S. Zajączkowski₅, str. 1—7.

171 ПСРЛ, т. XVII, стб. 72.

172 MPH, t. II, p. 622; VMPL, t. I, № 566, p. 434.

173 MPH, t. II, p. 860—861.

174 Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia, t. I, № 960.

175 Ibid., № 958—959, p. 637—638.

176 Сборник «Болеслав-Юрий II», стр. 192.

177 MPH, t. II, p. 622, 861.

178 Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский₁, стр. 262 и сл.

179 HU, t. I, № 816.

тин[180] (быть может, сын Товтивила, вновь занявший здесь стол после Ерденя), который, не имея детей, будто бы принял католичество и завещал свой стол рижской церкви[181]. Однако немецкие рыцари так притесняли местное население, что оно выступило против них и призвало на помощь литовцев. Войска литовского князя (вероятно, Витеня) изгнали рыцарей и заняли Полоцк[182]. В конце XIII в. здесь правил епископ Яков, зависимый от великого князя Витеня[183]. Ситуация вполне возможная[184], и наряженное курией следствие этого не опровергло[185]. Видимо, это и дало основание М. Стрыйковскому утверждать, что в 1307 г. литовские войска заняли Полоцк, который, таким образом, вошел в Литовское великое княжество[186].

Из истории Витебска известно, что в конце XIII в. он некоторое время находился в зависимости от Смоленска[187]; потом здесь были русские князья, но по витебским землям проходили литовские дружины[188]. Литовское правительство Гедимина, по-прежнему опираясь на Аукштайтию (в глазах Ордена Гедимин прежде всего rex de Owsteiten[189]), властвуя в Жемайтии и части Земгалии, прочно удерживает Полоцк (где правит Воин, а затем Наримунт-Глеб Гедиминович[190]), Витебск (как видно из договора с немцами 1338 г.[191]), а также и Минск, князь которого Василий фигурирует в составе литовского посольства 1326 г. в Новгород[192]. Кроме того, поскольку в числе литовских послов назван Федор Святославич, князь Дорогобужа и Вязьмы[193], можно говорить о влиянии Литвы и на эти

---

[180] Полоцкий князь Константин Безрукий принимал у себя епископа тверского Симеона (1274—1289).— Памятники старинной русской литературы, в. 4, СПб., 1862, стр. 185.

[181] По документу папы Климента V от 19 июня 1310 г., излагающему обвинения, выдвинутые (отчасти до 1306 г.) рижанами Ордену.

[182] LU, t. II, № 630, p. 50; № 638, pp. 64—65, что признано Орденом. Ibid., Reg. 714 (1306 г.).

[183] М. Бережков₂, стр. 115, РЛА, № 38.

[184] Если вспомнить действия князя Андрея Ольгердовича в 1385 г.

[185] См. A. Seraphim, VII, 14 (p. 27); VIII, 14 (p. 46). Источник не полон: из 23 свидетельских показаний сохранилось лишь 12; часть этих свидетелей — цистерцианцы — противники Ордена (ibid., S. XXVI).

[186] M. Stryjkowski, str. 349; ср. ПСРЛ, т. XVII, стб. 469.

[187] РЛА, № 34.

[188] Там же, № 49.

[189] M. Perlbach₂, S. 81.

[190] НПЛ, стр. 98; РЛА, № 74.

[191] РЛА, № 83, HU, t. II, № 628.

[192] НПЛ, стр. 98.

[193] Там же; ср. ПСРЛ, т. VII, стр. 210; см. А. Е. Пресняков₁, стр. 161; П. Голубовский₂, стр. 202, 215. В 1341 г. князь Федор отъехал в Москву, получив в удел Волок; в 1343 г. он выдал свою дочь за Семена Ивановича (Устюжский летописный свод, стр. 51).

города, т. е. на земли, пограничные восточной Смоленщине. Это делает понятным превращение смоленского князя в «молодшего брата» Гедимина [194].

Таким образом, в правление Гедимина бо́льшая часть земель Белоруссии оказалась под властью Литвы. Произошло это, как мы видели, далеко не сразу. Вначале здесь появлялись литовские князья — вассалы Руси — со своими дружинами, защищавшие эти земли от немецкого Ордена. Затем, с дальнейшим ослаблением Руси, они оказывались уже вассалами Литвы, содействуя включению в ее состав белорусских земель.

Политическое преобладание в Полоцко-Минской Руси попрежнему открывало Литве путь для набегов на земли псковские, новгородские, смоленские [195]. В западной Руси литовское правительство также умело пользовалось обстановкой, созданной политической раздробленностью. Впервые эта политика встретила противодействие московского правительства Ивана Калиты (1325—1340 гг.), которое энергично выступило в защиту новгородско-псковских и смоленских земель [196].

Отношения складывались достаточно сложные. В 1322 г. псковские бояре, ввиду угрозы немецкого завоевания, призвали на помощь дружину литовского вассала, известного воеводу Давыда городенского, который вместе с псковичами нанес в 1323 г. тяжелые удары и немецким и датским рыцарям [197]. Новгородское боярское правительство расценило проникновение Литвы во Псков как угрозу своей независимости и поспешило заключить союзный договор с Орденом, направленный против литовского князя во Пскове. Договор предусматривал не только совместную борьбу против возможного нападения «псковского князя», но и вытеснение его из Пскова: «А если псковичи не захотят отступиться от литовцев,— гласит немецкий противень договора,— то мы должны при этом помогать новгородцам и воевать вместе с новгородцами, а они вместе с нами против псковичей, пока они не подчинятся новгородцам» [198]. На этот договор Литва ответила набегами на Ловать и

---

[194] LU, t. II, № 796.

[195] См. часть 1, § 1. Распри князей и вмешательство Орды ослабляли сопротивление русского народа наступлению Литвы не только в юго-западной, но и в северо-восточной Руси. Достаточно напомнить, что во время новгородско-московского конфликта в 1282 г. была временно уничтожена крепость Копорье (НПЛ, стр. 324); в 1315 г. князь Михаил Ярославич, подчинив с татарской подмогой Торжок, «кремль их повеле разнести» (ПСРЛ, т. XV, стр. 408).

[196] См. Очерки истории СССР (XIV—XV вв.), М., 1953, стр. 198—202.

[197] См. часть III, раздел второй, § 2. Псков попал в сферу влияния Гедимина: поэтому рижане именно его просили помирить их с воеводой Давыдом (LU, t. VI, № 3068).

[198] ГВНиП, № 37.

Луки [199]. В конце концов дело кончилось литовско-новгородским миром 1326 г. [200]

Московское правительство Калиты стремилось восстановить свое влияние на Псков, но этому препятствовал литовско-тверской союз. Правительство Гедимина [201] продолжало сохранять союзные отношения с Тверью, скрепленные еще в 1320 г. браком Марии Гедиминовны с Дмитрием Михайловичем [202]. Когда в Орде покончили с этим князем (1325 г.), а Ивану Калите удалось временно расправиться с Тверью (1327 г.), новый местный князь Александр Михайлович бежал во Псков и также нашел поддержку в Литве. Политический сепаратизм псковского боярства, напуганного Орденом, зашел так далеко, что в 1331 г. местное правительство направило своих послов к митрополиту, пытаясь получить независимого от Новгорода епископа. Эта миссия не имела успеха, так как Феогност держался антилитовской ориентации и еще в 1329 г. отлучил Псков от церкви, в связи с чем тверской князь даже покидал Псков [203]; но затем псковичи вновь «посадиле собе князя Александра» уже «из литовъскыя рукы» [204]. Псков оставался под влиянием Литвы.

Опасаясь за земли своей республики, которым угрожало нападение Швеции, и новгородские бояре вступили в соглашение с правительством Гедимина в 1331 г., посулив ему важные пригороды за охрану от шведско-датской угрозы [205]. Новгородское правительство собиралось реализовать это соглашение, думая использовать его и как средство противодействия притязаниям московского князя, который в 1332 г. потребовал закамского серебра, заняв Торжок и Бежецкий верх. В 1333 г. литовский князь Наримунт-Глеб Гедиминович получил в держание важные в военном и экономическом отношении новгородские пригороды (Ладогу, Ореховый, Корельский, половину Копорья и Корельскую землю) [206]. Это был крупный успех

[199] НПЛ, стр. 97; Троицкая летопись, стр. 357.

[200] Там же, стр. 98. Есть известие, что договор 1326 г. Литва заключила с Новгородом «и с Немци» (т. е. рижанами). ПСРЛ, т. VII, стб. 199.

[201] ПЛ, в. 2, стр. 23, 92.

[202] ПСРЛ, т. XV, в. 1, стб. 41. Татарский баскак в Твери Чол-хан, судя по былине, совершал походы в Литву за данью (Кирша Данилов. Древние российские стихотворения. М.—Л., 1958, стр. 29).

[203] НПЛ, стр. 342; НIVЛ, стр. 262.

[204] НПЛ, стр. 343.

[205] НIVЛ, стр. 263—264; ср. ГВН и П, № 8, стр. 18; № 38, стр. 68. Желание Новгорода использовать Литву для охраны своих владений вполне естественно: ведь уже перед битвой на Чудском озере был заключен договор о разделе между Орденом и епископом эзельским этих владений в земле води (Watland), на Неве (Nouve), в Ингрии (Ingriae) и в Карелии (см. договор от 13 апреля 1241 г. LU, t. III, № 169а).

[206] НIVЛ, стр. 346. См. Соображение о зарождении в Новгороде литовской партии боярства. А. Е. Пресняков₁, стр. 142.

правительства Гедимина. Искал Новгород и сближения со Псковом, куда после долгого перерыва в 1333 г. поехал архиепископ новгородский [207].

Все это должно было не на шутку встревожить московское правительство, которое само вступило в контакт с Литвой (как об этом можно судить по браку в 1333 г. Семена Ивановича с литовской княжной Аигустой [208]). Затем правительство Калиты стало искать соглашения с Новгородской республикой за счет Пскова. Калита принял в 1334 г. новгородское посольство[209] и сам посетил Новгород [210]. Гедимин ответил набегом, «на миру» в 1335 г. на Торжок [211]. Войска Калиты совершили нападения на занятые Литвой городки Осечен и Рясну [212]. Этому факту литовское правительство не придало тогда большого значения, а между тем он знаменовал вступление крепнущего великого княжества Московского в борьбу за освобождение Руси от литовской власти.

Когда Калита в 1337 г. пытался занять земли Подвинья и Волок, то встретил отпор [213]. Однако Новгород не рвал с ним отношений, так как шведская угроза возрастала, а в нужный момент литовское правительство не оказало Новгороду помощи («князь же Наримант бяше в Литве и много посылаша по него и не поеха, нъ и сына своего выведе из Орехового, именем Александра, токмо наместьник свои остави»[214]), видимо, будучи занято делами волынскими (татарский поход на Польшу в 1337 г.) и немецкими (см. часть III, раздел второй, § 2). Иван Калита сумел и на этот раз использовать Орду, потребовав с Новгорода в 1339 г., помимо «выхода», который Новгород должен был платить [215], еще и внеочередной царев «запрос».

Продолжала противодействовать Москве и Тверь. Александр Михайлович искал сближения и с Узбеком, посылая к нему сына [216], и с Феогностом [217], и со своим братом Константином, оставшимся в Твери [218]. Но активность этого, враждебного московскому правительству [219] князя была пресечена Калитой:

[207] ПЛ, в. 2, стр. 92; НПЛ, стр. 345.
[208] Троицкая летопись, стр. 361.
[209] НПЛ, стр. 346.
[210] Там же.
[211] Там же, стр. 347.
[212] Там же. Следовательно, литовские владения непосредственно граничили с московскими и тверскими.
[213] Там же.
[214] Там же, стр. 349. См. также «Очерки истории Карелии», т. I. Петрозаводск, 1957, стр. 73.
[215] ПСРЛ, т. VII, стр. 205 (1338 г.); ср. НПЛ, стр. 351; ПСРЛ, т. V, стр. 221.
[216] НПЛ, стр. 350.
[217] ПСРЛ, т. XV, стр. 418.
[218] Там же.
[219] ПСРЛ, т. X, стр. 208.

«его же думою» хан Узбек пригласил Александра с сыном в Орду, где они и были убиты [220]. Так тверских князей окончательно погубили их связи с Литвой [221].

Следовательно, Орда внимательно следила за политикой Литвы не только в юго-западной Руси, но и вообще в Восточной Европе. Так возникли татарские (при участии русских вассалов) походы на Литву в 1259, 1275, 1287, 1315 гг.[222] Правительство Гедимина имело основания опасаться Орды хана Узбека. Принимая в 1324 г. татарских послов [223], оно не избавилось от татарского похода 1325 г. [224]. Границы политического влияния Литвы и Орды на Руси не были четкими, как свидетельствует пример Киева, где под властью татарского баскака сидел в 1332 г. князь Федор, как-то связанный с литовским правительством [225]. Сложным было и положение Брянска, который поддерживал связи и с Тверью[226], союзной Литве, и с Москвой [227].

Не приходится удивляться тому, что наступление правительства Калиты на Новгород и Тверь совпало с новым татарским походом и на Литву («татарове воеваше Литву»)[228]. Это должно было вызвать дипломатическую активность литовского правительства не только на Западе (договор с Орденом 1338 г.), но и на Востоке, судя по слухам, которые в 1340 г. распространяли прусские епископы о соглашении Литвы с Ордой [229]. Но едва ли эта активность принесла успех, так как

---

220 НПЛ, стр. 350.

221 А. Е. Пресняков$_1$, стр. 156—157.

222 Папа Александр IV извещал короля Богемии после похода 1259 г., что большая часть Литвы разорена татарами (PU, I$_2$, № 111, p. 101—102). Он же, призывая бранденбургского маркграфа к походу на татар, писал: «Lettoviam iam pro maiore parte destruxisse noscuntur» (LU, t. I, № 355, p. 453, от 9 сентября 1260 г.). О походе 1275 г. См. А. Н. Насонов$_3$, стр. 17, 63—64; О походе 1315 г.— SPR, t. I, p. 286 (Can. Samb. cap. 8: Litwanus fuerant multa dampna illata a Tartaris); ср. ПСРЛ, т. X, стр. 161 (1282 г.), 168 (1289 г.).

223 Их видели в Вильно послы папских легатов. РЛА, № 67, S. 47; LU, t. VI, № 3073. Литовцы в Орде присутствовали при убийстве Михаила Ярославича тверского в 1319 г. ПСРЛ, т. X, стр. 184.

224 ПСРЛ, т. X, стр. 189: «царь Азбяк посылал князей Литвы воевати; и много зла сотвориша Литве, и со многим полоном приидоша во Орду».

225 НIVЛ, стр. 264; некоторые ученые считают его братом Гедимина. М. Д. Приселков$_1$, стр. 58. Судя по буллам папы Иоанна XXII, обращенным к епископу киевскому Генриху, в 1320—1321 гг. Киев еще не был подвластен Литве, а расположен in confinibus Ruthenorum et Tartarorum, qui antiquitus Galathe (т. е. Галичина) vocabantur (VMPL, t. I, № 252, 255).

226 ПСРЛ, т. X, стр. 203 (1330 г.).

227 ПСРЛ, т. VII, стр. 207 (1341 г.).

228 ПСРЛ, т. X, стр. 208 (1338 г.).

229 LU, t. II, № 793, p. 330 (от 3 декабря 1340 г.); PU, III$_1$ № 345, p. 240.

в 1339 г. явно с санкции Орды состоялся поход русских (в том числе и московских) войск на союзный Литве Смоленск [230]; в 1341 г. ближайший сосед Московского княжества князь Ольгерд витебский по приказу Гедимина ходил на Можайск [231]; в то же время, как говорилось, обострились литовско-ордынские отношения в юго-западной Руси.

К 1341 г. один за другим сошли с политической арены галицко-волынский князь Болеслав-Юрий II, золотоордынский хан Узбек, московский великий князь Иван Калита и «король Литвы, Руси и Земгалии» Гедимин. Политическое наследство, оставленное ими, было далеко не равноценным. Галицко-Волынская Русь, пережив новое боярское самовластье, попала под господство феодалов Литвы, Польши и Венгрии; Золотая Орда, перетерпев очередные династические смуты, достаточно окрепла, чтобы пережить роковой день Куликовской битвы. В расцвете могущества оставил свою державу Гедимин, но это могущество не было прочным. Небольшое Московское княжество стало ядром России, которая упорно шла к единству и в дальнейшем, освобождая себя от иноземного ярма, смогла оказать содействие освобождению братских народов Белоруссии и Украины.

Рассмотренные в этом параграфе факты позволяют сделать некоторые заключения о политической истории Литвы.

1. В течение 1200—1340 гг. внешнеполитические условия развития Литвы существенно изменились. Вторжение немецкого Ордена и захват им земель эстонцев, латышей и пруссов поставили Литву под угрозу с севера и запада; нашествие войск татаро-монгольских ханов, разорение и подчинение ими земель Владимиро-Суздальской, Галицко-Волынской Руси, установление их верховной власти над Новгородом и Псковом, Смоленском и Брянском и их угроза Полоцко-Минской Руси подвергли Литву опасности с востока и юга. Русско-польские и немецкие походы привели к уничтожению ятвягов и сделали Польшу соседом Литвы. Все эти перемены оказали влияние на политическую историю Литвы. Политическое единство Литвы стало условием дальнейшего существования литовского народа.

2. Ядро государства—«Литва Миндовга»— стало центром объединения земель Аукштайтии, Жемайтии, части Ятвягии и Земгалии. Это объединение происходило в форме борьбы за литовскую монархию, которая рождалась в условиях неоднократных феодальных войн, осложненных вмешательством правительств Руси, Ордена, Польши, папской курии. Исход борьбы

[230] Троицкая летопись, стр. 363; см. А. Н. Насонов$_3$, стр. 112.
[231] Там же, стр. 365.

решил литовский народ, его пешие ополчения, действовавшие под руководством князя и дружины.

3. В состав Литовского государства постепенно включались полоцкие, витебские, минские, черноруcские, полесские и подляшские земли Белоруссии, боярство и князья которых искали в сотрудничестве с Литвой избавления от угрозы со стороны Орды и Ордена. Включение земель Белоруссии в состав Литвы облегчило, как увидим, борьбу литовского народа за независимость; вместе с тем оно положило начало превращению небольшого Литовского государства в Литовское великое княжество.

4. Укрепление Московского великого княжества при Иване Калите открывает собой начало коренных изменений в политическом положении Восточной Европы. В этих новых условиях насильственное распространение власти литовских феодалов на белорусские, украинские и русские земли постепенно превращалось из источника силы Литвы в источник ее слабости — по мере того, как народы, придавленные Литвой, находили все более надежную опору в братском русском народе, в крепнувшем Русском централизованном государстве [232]. Заря национального государства в России возвестила начало заката экономически и политически, культурно и этнически разнородного Литовского великого княжества.

2. БОРЬБА ЛИТОВСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

История борьбы литовского народа за независимость в 1200—1340 гг. явственно делится на три этапа. Первый этап, когда Литва, состоявшая из союза земель, имела столкновения главным образом с Ливонским орденом, заканчивается на событиях 1236—1242 гг. В битвах при Шауляй, под Дорогичином и особенно на Чудском озере были нанесены тяжелые удары немецким захватчикам; тогда же полчища монгольских ханов разорили и подчинили бо́льшую часть Руси. Эти события существенно изменили международное положение Литвы. На следующем этапе литовский народ ведет борьбу при наличии ядра объединения страны—«Литвы Миндовга»; конечным рубежом этого этапа является 1283 год [1], когда тевтонские рыцари, захватив земли Пруссии, вышли к литовской границе на Немане. Третий этап охватывает время до 40-х годов XIV в., когда борьбу ведет относительно единое Литовское великое княжество одновременно против прусских и (с падением независимости куршей и земгалов) ливонских рыцарей.

---

[232] Эта наша мысль не совсем точно передана в курсе «Истории Латвийской ССР», т. I, Рига, 1952, стр. 135.

[1] См. H. Łowmiański$_{12}$, str. 341 и сл.

Вторжение тевтонов в Пруссию— не случайность. Они выступили здесь как прямые преемники давней агрессии, направленной сюда с разных сторон. Это было, с одной стороны, вековое наступление немецких феодалов на славянские земли, которое началось еще при Карле Великом, а к XIII в. угрожало землям Польского Поморья. Не случайно Орден найдет в Германской империи верного союзника. Это была датская (начатая еще в IX в. при короле Регнаре Лодброке) агрессия против пруссов (самбов), а также латышей и эстонцев. Не случайно Орден найдет в Дании союзника по борьбе. Земли пруссов и литовцев давно привлекали взоры папской курии. Здесь сложили головы такие видные ее эмиссары, как епископы Войцех-Адальберт (997 г.) и Брунон (1009 г.). Папская курия, несмотря на временные размолвки с рыцарями, будет самым верным организатором помощи Ордену в его кровавом деле.

Польша начала наступление на земли пруссов во времена Болеслава Храброго (992—1025), и позднее войска ее князей предпринимали походы 1108, 1110, 1115, 1166, 1192 гг. против ятвягов, сасов, галиндов. К началу XIII в. она, однако, сама попала под удар пруссов и Литвы. Русь повела наступление против пруссов в правление Владимира Святославича, и позднее войска киевских, волынских и смоленских князей вторгались на земли ятвягов и галиндов в 1038, 1058, 1112, 1113, 1147 гг.[2] К XIII в. здесь положение изменилось: Русь сама стала ареной разорительных набегов литовско-ятвяжских дружин. Договор 1219 г. стабилизировал часть границы с Литвой, но набеги пруссов и походы в их земли (1228, 1238 гг.) продолжались.

Разумеется, исторические связи славян с пруссами не исчерпывались походами феодальных дружин. Памятники археологии убедительно говорят о давнем культурном общении [3]; еще более поразительны свидетельства языка, обнаруживающие удивительное сходство множества прусских, древнерусских и польских слов [4].

Не раз соседние феодальные правительства организовывали совместные крестовые походы, вторгаясь в прусскую землю с разных сторон. Так было в 1147 г., когда пруссы отразили совместный натиск Германии, Польши и Руси [5]; то же произошло в начале XIII в., когда польские князья пытались (в 1222

---

[2] См. часть I, § 1.

[3] J. Antoniewicz$_1$, str. 233—274.

[4] П. Прейс$_1$, стр. 17—29; научное наследство П. Прейса, важное и для литванистики, незаслуженно забыто (см. М. П. Алексеев$_2$, стр. 221—254).

[5] Н. П. Грацианский$_3$, стр. 91—106; В. Т. Пашуто$_7$, стр. 66 и сл.

и 1223 гг.) подавить наступление пруссов, а русские (вероятно, смоленские) князья водили свои полки в Пруссию, к Рагниту. Осада бывшей здесь прусской крепости не принесла им успеха, о чем в городе сохранилось предание, записанное Дюсбургом [6].

Вторжение Тевтонского ордена в Пруссию при поддержке Германии, папской курии и правительств нескольких стран повело к страшному разорению и постепенному завоеванию этого края. Это вторжение было использовано и Русью, и Польшей (прежде всего Мазовией), которые пытались завладеть прусской землей Ятвягией. Так возникли русско-польские походы на нее в 1248, 1253 и 1258 гг. Ятвягия была сильно разорена и частью подчинена галицко-волынским и мазовецким князьям. В конце концов плоды этих походов достались Ордену. Сперва, по договору 1254 г., Ятвягия была поделена: князья Даниил Романович и Земовит Мазовецкий получили одну треть этой земли, признав Орден своим союзником по наступлению на Пруссию [7]. Последующее ослабление и Руси и Польши дало возможность Ордену завладеть почти всей Ятвягией [8].

Надо иметь в виду, что реальные взаимоотношения между союзниками были сложнее: галицко-волынские князья старались использовать Литву для ослабления Польши, а польские князья, стремясь упрочить свое влияние и в Ятвягии, и на Волыни, прибегли к помощи Ордена. В 1237 г. они передали немецкому Добжиньскому ордену (который возник из пожалования князя Конрада около 1228 г.[9]) русский город Дорогичин с волостью [10]. Эта попытка не имела, впрочем, успеха, так как волынские войска князя Даниила наголову разбили добжиньцев, их магистр попал в русский плен, а Орден распался [11].

Тевтонский орден проник в земли Нижнего Привислинья тогда, когда орден Ливонский, уже упрочив свою власть в землях эстонцев и отчасти латышей, начал вторжения в Литву. Тевтонский орден порожден агрессией европейских правительств против арабских народов. Он был основан немцами-крестоносцами в 1198 г. в Палестине. Он имел «заслуги» в борьбе против свободы арабов. Предвидя, однако, неудачный исход этой ближневосточной политики, «доблестные» рыцари с магистром Германом фон Зальца во главе постепенно перенесли центр своей деятельности на европейский континент. Тевтоны обза-

---

[6] PD, III, 181.

[7] PU, I_1, № 298.

[8] PD, III, 197—219. См. также B. Włodarski$_6$, str. 1—76.

[9] Codex Diplomaticus Masoviae, t. I, № 266.

[10] Ibid., № 366 (от 8 марта 1237 г.).

[11] ПСРЛ, т. II, стб. 776; PD, II, 4; см. W. Polkowska-Markowska$_1$, str. 145—210. Этим автором не была использована русская летопись.

велись землями в Германии, Италии и других странах Европы, а затем по приглашению венгерского короля Андрея II и при энергичном содействии папы Гонория III обосновались в Семиградье, посулив королю нести охрану восточных границ его страны от половцев [12]. Но вскоре, нарушая установленные для них ограничения, немецкие рыцари стали опасны самой Венгрии, которая их интересовала гораздо больше, чем войны с кочевниками. Король, несмотря на протесты папы, отказался от услуг сомнительных наемников и в 20-х годах вооруженной рукой изгнал их из Венгрии.

Вскоре после этого Конрад, князь Мазовии, обратился к магистру Герману, предлагая Ордену поселиться на Висле и воевать против пруссов и литовцев. Герман Зальца ловко воспользовался удобным случаем: он немедленно добился утверждения папой и императором «пожалования» польского князя и стал действовать в Хельминской земле и в земле пруссов самостоятельно, на правах имперского князя. Так появились на польской земле злейшие враги польского народа — немецкие крестоносцы. В 1230 г. Зальца послал в Хельминскую область отряд рыцарей Ордена во главе с ландмейстером Германом Бальке, и началось кровавое завоевание ими земли пруссов, длившееся более полустолетия.

Чтобы яснее представить международное значение борьбы литовского народа за независимость, надо принять во внимание следующее.

Вторжение в Прибалтику, а затем на Русь и в Литву, немецкие крестоносцы осуществили тогда, когда борьба их бывших союзников крестоносцев-франков в Передней Азии была еще в самом разгаре. У славянских и балтийских народов и народов арабских объективно был общий враг. Достаточно нескольких примеров, чтобы в этом убедиться.

Действия крестоносцев и на средиземноморском побережье, и в Балтийском Приморье направляла папская курия — могущественная реакционная сила средневековой Европы. Подсчитано, что в среднем в XIII в. курия собирала с народов европейских стран на крестовые походы до 1 млн. ф. ст. в год[13]. Они расходовались курией одновременно на поддержку борьбы и против арабов, и против народов Прибалтики, а также на осуществление ее политических целей в Германии [14].

Курия отлично сознавала взаимосвязь двух направлений крестоносной агрессии: уже второй крестовый поход 1147 г. был предпринят в обе стороны. Его неуспех в Прибалтике от-

---

[12] E. Caspar$_1$, S. 6 и сл.

[13] A. Gottlob$_1$, S. 135 и сл.

[14] Ibid., SS. 47—48; 1 стерлинг по цене = 4 пфеннигам = 1 любекскому денару.

нюдь не заставил курию отступить от заманчивой цели. Когда назревающий крах антиарабских походов побудил немецких феодалов, купеческую знать городов Бремена, Любека и других искать более выгодные и менее отдаленные сферы извлечения доходов и повлек за собой постепенное перебазирование основанного ими в 1190 г. Тевтонского ордена из-под Акры в Прибалтику, то курия оказала этому делу свою поддержку.

Крестоносцы, вторгшиеся в Прибалтику, сумели обеспечить себе достаточно широкий приток людских подкреплений и средств из других стран в немалой степени потому, что крестовый поход в Прибалтику, на Литву и Русь был сразу же приравнен курией к походу на арабов [15].

Золотой иерусалимский крест в черном кресте магистра тевтонов [16] —это не только признание их «заслуг» в борьбе с арабами, но и символ крестоносного разбоя, перенесенного в новые условия. Рыцари применяли в Прибалтике тактику борьбы, выработанную в Передней Азии; они строили здесь замки, украшенные низкими порталами («тоска по Востоку») и восточным орнаментом [17], и давали им названия рыцарских крепостей на арабской земле — Штаркенберг (Montfort) и др. Немецкие хронисты, прославляя местных рыцарей, широко использовали в качестве образца хроники франков, описывающие действия крестоносцев против арабов [18]. Политический строй рыцарского государства франков служил примером при создании государства Ордена и в модифицированной форме отразился в его статутах [19].

Почти в одно время курия издавала буллы, запрещающие продажу итальянскими городами оружия арабам и немецкими—народам Прибалтики; не раз одни и те же папские легаты (например, Вильгельм Моденский), едва управившись с делами во Франции, спешили в Прибалтику готовить поход на Литву и Русь [20]. Поддержка купечеством немецких городов действий крестоносцев весьма схожа с аналогичной политикой городов итальянских; и там и здесь велась борьба за морские пути. Правители Ордена многократно пользовались помощью, например, любекцев и признавали, что именно благодаря их усилиям «дело веры в Ливонии не раз одерживало успехи» [21].

---

[15] См. ГЛ. IV, 5 (1199 г.); LU, t. I, № 12 (булла Иннокентия III от 5 октября 1199 г.), № 167 (булла Григория IX от 14 декабря 1240 г.), ср. t. VI, № 3186, col. 623—624 (булла Александра IV от 1258 г.); ср. также № 3183 Reg. 344a.

[16] SRP, t. II, p. 453.

[17] E. Caspar₁, S. 46.

[18] H. Bauer₁, S. 20. См. выше, часть I, стр. 144.

[19] E. Caspar₁, S. 48.

[20] G. A. Donner₁, S. 186.

[21] LU, t. I, № 362; Reg. № 405, p. 99; ср. № 567; t. II, № 610 (1304 г.); см. также Chr. Krollmann₁, SS. 97—102.

Несмотря на существенные различия между двумя направлениями крестовых походов, в политике франков и тевтонов много сходного: распри раздирают их ряды, и не раз они вступают в союзы с мусульманами или язычниками [22]; под стягом борьбы с «неверными» франки разоряли и захватывали христианские земли Венгрии и Византии [23], а тевтоны — Польши и Руси; не раз угнетенные франками сирийцы восставали в поддержку войск Египта, а латыши и эстонцы — войск Литвы и Руси и т. п.

Судьбы средиземноморской и прибалтийской кампаний были тесно связаны друг с другом. Египетский султан Сулейман Салах-ад-дин, соединив силы Египта, Сирии и части Месопотамии, разгромил в 1187 г. рыцарей близ Гаттина и изгнал их из Бейрута, Иерусалима и других городов. Организация после этого другого направления крестовых походов и отпор им со стороны народов Прибалтики, Литвы и Руси должны были отвлекать значительную часть сил курии от Передней Азии. В свою очередь сопротивление арабских народов захватчикам сдерживало их натиск в Прибалтике. Это стало видно, когда окончательный разгром и изгнание с арабской земли франков египетско-сирийскими войсками в конце XIII в. повлекли за собой новое сосредоточение крестоносных сил в Прибалтике, куда отныне потянулось и французское и английское рыцарство. Походы против Литвы, постоянно пропагандируемые курией, стали неотъемлемым признаком политики крупных западных держав. Даже принятие христианства не сразу избавило от них Литву. Когда граф Дерби, будущий английский король Генрих IV, в 1390 г. вернулся из крестового похода на «диких язычников», лондонцы, встречавшие его, даже не подозревали, что Литва уже три года как крещена.

За событиями в арабских землях внимательно следили и в Ордене, и в Риге. Когда в 1305 г. архиепископ рижский жаловался папе Бонифацию VIII на «ужасные действия» Ордена, то он высказал опасение, что без быстрой помощи апостольского престола «христианство и в Ливонии, подобно тому как в Акконе и в Триполи, полностью погибнет» [24]. В свою очередь Орден, рассматривая свою деятельность в Прибалтике как продолжение дела, начатого на арабской земле, обвинял Ригу (около 1306 г.) в том, что она выступает против рыцарей «cum Lituinis Sarracenis» [25].

---

[22] М. А. З а б о р о в$_2$, стр. 123 и сл.

[23] Там же, стр. 211, 216—228; см. также М. А. З а б о р о в$_1$, стр. 152—177.

[24] LU, t. I, № 584, р. 737 и сл.; ср. LU, t. II, № 616, pp. 30—31.

[25] LU, t. II, Reg. 714, p. 19. Сарацинами называл литовцев в XV в. Жильбер де Ланноа (Универ. известия, Киев, 1873, № 8, стр. 19).

Пятидесятилетняя борьба пруссов за независимость — большая самостоятельная тема. Выше мы отметили основные этапы и некоторые особенности этой борьбы, бесспорно облегчившей Литве подготовку к отпору тевтонам.

Здесь мы постараемся осветить борьбу литовского народа за независимость. До 1283 г. эта борьба велась и против Ливонского и против Тевтонского орденов, причем объектами борьбы была еще не столько Литва, сколько, с одной стороны, земли куршей и земгалов, искавших помощи у Литвы, а с другой — земли пруссов. Мы остановились в изучении этого вопроса на событиях, последовавших за битвой при Шауляй.

Победа русских войск на Чудском озере получила широкий отклик среди народов Прибалтики. Произошло восстание в завоеванных тевтонами землях пруссов и куршей. В поддержку Ордена энергично выступала курия. Это и понятно, ибо еще Григорий IX взял под «опеку» земли пруссов, завоеванные Орденом, притом на условиях ежегодного чинша in recognitionem domini [26]; преемник Германа Зальца магистр Гергард получил в 1243 г. от Иннокентия IV инвеституру перстнем [27]. Папский легат Вильгельм Моденский подтвердил в 1245 г., что и земля куршей есть «часть Пруссии и должна управляться по ее законам», т. е. две трети завоеванного должны идти рыцарям, а одна треть — епископу [28].

По просьбе великого магистра Генриха фон Гогенлоэ и император Фридрих II утвердил за Орденом «права» на обладание землями куршей, земгалов и литовцев («quod terrae ipsae sub monarchia imperii sint contentae») [29]. Орден поспешил заключить новый договор (1241 г.) с сааремасцами, прямо указывая в нем на чрезвычайные условия, создавшиеся, видимо, ввиду борьбы с Русью [30]. Восстание пруссов, поддержанное поморским князем Святополком, а также и Литвой, которая нанесла удар по Хельминской земле [31], продолжалось несколько лет и завершилось Кишпоркским договором [32].

Что касается куршей, то они обратились за помощью к Литве. Правительство Миндовга было встревожено тем, что по договору, заключенному около 1242 г.[33], курши оказались вынужденными признать власть Ордена, своими новыми замками Гольдинген (Кулдига), Амботен (Эмбуте) создавшего

---

[26] PU, t. I_1, № 108.
[27] Ibid., № 147.
[28] LU, t. I, № 181.
[29] LU, t. I, № 185; см. P. S c h w a r t z_1, SS. 50—55.
[30] LU, t. I, № 169, p. 221.
[31] PU, t. I_1, № 160—162.
[32] См. часть I, § 2.
[33] LU, t. I, № 181 (док. от 1245 г.).

угрозу Жемайтии. Миндовг, который, по словам Рифмованной хроники «очень ненавидел крестоносцев», пришел в землю куршей с 30-тысячным войском, напал на Амботен, однако не смог взять эту крепость [34]. Ливонские рыцари, подавив сопротивление куршей, в свою очередь провели поход на земли Нальшенайтии и Аукштайтии: Миндовг вынужден был укрыться в своем замке, а рыцари verwûsten ouch mit brande alleß daß was um si gelegen[35].

Когда в Литве вспыхнула феодальная война, среди немецких противников правительства Миндовга не было единства. С одной стороны, действовала Рига и ее епископ Николай, с другой — магистр ливонский Андрей Стирланд, между которыми не затихало соперничество из-за земель и доходов. Кроме того, папа Иннокентий IV стремился контролировать и Орден, и Ригу, а потому неоднократно присылал сюда своих легатов. На этот раз легатом был Альберт Суербер, зарекомендовавший себя как проводник политики курии в Ирландии и во Франции. Новый легат не получил диоцезы и потому имел виды на рижскую епископию [36]; стремился он проникнуть и в Ятвягию, пользуясь дипломатическими связями с волынскими князьями. Отношения легата с Орденом обострились [37].

В этих условиях дипломатическая акция Миндовга, обращенная к Ордену, и литовского посла Парнуса — к курии, встретила, естественно, сочувственный прием. Орден надеялся, в пику Риге, сам выступить в роли «просветителя», и подкупленный Миндовгом магистр Андрей взялся быть посредником между ним и курией. Магистр носился с широкими планами: он завязал сношения и с Александром Невским (о чем сохранились следы в «Житии»[38]), помышляя об учреждении латинской епископии во Пскове; его агенты — доминиканцы направились и в Подляшье, в Райгород [39]. Позднее Орден предпринимал шаги, направленные к ухудшению литовско-польских отношений [40].

Папская курия вопреки недовольству Риги и легата Альберта горячо ухватилась за идею христианизации Литвы («diß ist mir ein vil lieber tac»,— заявил папа), и Иннокентий IV направил Миндовгу целый ворох булл, поручив организацию литовской церкви орденскому прусскому епископу. Папство не только надеялось открыть дорогу в Литву немецким рыца-

---

[34] LR, SS. 57—60.
[35] Ibid., S. 77.
[36] PU, t. I_1, № 219.
[37] PU, t. I_1, № 217, 220.
[38] Житие...кн. Александра Невского, стр. 189.
[39] CDW, t. I, № 43.
[40] См. A. P r o c h a s k a$_5$, str. 59—60.

рям, но недвусмысленно рассчитывало использовать нового литовского короля для борьбы с Русью [41].

Правительство Миндовга вышло из феодальной войны 50-х годов тяжелой ценой. Миндовг принял корону от папы для себя, своей жены и детей [42]; он и его знать должны были креститься [43] в веру, ставшую символом злодеяний рыцарей. Король сделал Ордену земельные дары [44], а также пожаловал владения новому епископу [45], он должен был отказаться от поддержки Жемайтии [46]. Против договора был народ Аукштайтии, не признала его Жемайтия. Этот договор не мог быть прочен. Главной причиной его непрочности стала освободительная борьба литовского народа в Жемайтии.

Пользуясь договором с Миндовгом, немецкие рыцари не только развернули широкое наступление против пруссов, но стали воевать и Жемайтию. При поддержке чешского короля Пшемысла II, которому курия сулила митрополию в Оломуце, а Орден — выход к морю, немецкие рыцари подчинили Самбию, основав крепость Кенигсберг (1253 г.) [47]. Наступая вдоль побережья, рыцари в 1253 г. заложили Мемельбург, захватив часть приморской Жемайтии. Его стратегическое значение было велико: запирая устье Немана, эта крепость угрожала Жемайтии и должна была служить местом стыка владений ливонских и прусских крестоносцев. Рыцари нападали на землю жемайтов [48].

---

[41] См. буллу Александра IV от 6 марта 1255 г. VMPL, t. I, № 123, p. 61.

[42] LR, S. 81, v. 3546; VMPL, t. I, № 123.

[43] Папа утверждал, что Миндовг крестился cum numerosa multitudine paganorum (VMPL, t. I, № 102, ср. № 101). Но надо помнить, что Жемайтия отвергла союз с Орденом, а в Черной Руси правил принявший православие, Войшелк. Позднее даже Гедимин в более благоприятных условиях встретил очень сильную оппозицию подобным планам.

[44] LR, S. 82, vv. 3564—3566.

[45] Ibid., S. 82, v. 3571. Это были фиктивные пожалования (H. Łowmiański$_2$, t. II, str. 342), ибо лежали они на Дубиссе (LU, t. I, № 263 от марта 1254 г.) в глубине Жемайтии (епископу была пожалована половина земель россиенской, бетыгольской и лаковской) и не сулили новому епископу ничего, кроме венца нового «мученика». Не зря позднее (7 марта 1255 г.) папа просил Миндовга помочь епископу против «неверных», нападающих на его владение (LU, t. III, № 279a). Епископ бежал из Жемайтии еще до 20 сентября 1257 г. (MGH, SS, t. XXIII, p. 547), если он вообще в ней был.

[46] Быть может, Миндовг удержал власть над частью Жемайтии, но утверждать (как это делает Z. Ivinskis$_9$, S. 957), что он и формально не отказался от поддержки жемайтов, значит неосновательно отвергать свидетельство Рифмованной хроники. В своей жемайтской политике Миндовг — предтеча Витовта.

[47] PD, III, 68—71; см. также S. Zajączkowski$_1$, str. 79, 81,90.

[48] LR, S. 78 (die cristen hatten vol ir hant//und die lant vil gar verbrant,— сказано о походе Андрея Стирланда).

Жемайтия поднялась на борьбу против Ордена. Ее возглавил ein vil vromer (tapfer) helt Алеман [49]; избранный в руководители борьбы, он считал нужным открыть военные действия в землях куршей и земгалов, чтобы, вызвав там антинемецкое движение, повлиять таким образом и на Аукштайтию, заставить Миндовга порвать союз с Орденом [50]. Этот союз он осуждал с гневом и ненавистью (trûc in sînem hertzen //bitterlîchen smertzen// und darzû grôßen haß...// daß der kunic Myndowe// und manich Letowe// cristen waren worden).

Жемайтские походы в землю куршей были достаточно организованными — действовало большое ополчение — here mâßen grôß [51]. Но и Жемайтия страдала от набегов рыцарей: магистр Анно фон Зангерсгаузен с помощью беглых литовских нобилей однажды в течение девяти дней тремя отрядами разорял этот край [52]. Рыцари, однако, еще не располагали силами для захвата Жемайтии. Совместно с самбами жемайты в 1256 г. нападали на Мемельбург, прозванный ими «вороньим гнездом» [53]; вместе с куршами они разбили отряд нового ландмейстера Бургарда фон Горнгузен [54], лишь недавно подтвердившего немецко-литовский «союз» [55]. В конце концов Орден должен был заключить с Жемайтией в 1257 г. двухлетнее перемирие [56].

Не оставляли жемайтские нобили и попыток договориться с Миндовгом. Они, вероятно, учитывали и то, что мир Миндовга с курией не мешал ему воевать против Польши (см. ниже). Миндовг же, жертвуя Жемайтией, может быть, надеялся сделать местный нобилитет более сговорчивым. Это ему удалось, но ценой тяжелых потерь, понесенных народом.

Когда рыцари соорудили на Немане Георгенбург [57], то восстание Жемайтии в 1259 г. вспыхнуло с новой силой; состоялся еще один поход рыцарей в землю куршей, но им было нанесено поражение у Шотена [58]. Это оживило освободительное движение в Земгалии, где поднялся народ и, под руководством своего вождя Шабиса, изгнал орденскую администрацию [59]. В военных действиях жемайтов хронист еще не отметил

---

[49] LR, S. 94, vv. 4086—4088.
[50] Ibid., S. 95, vv. 4113—4118.
[51] Ibid., v. 4127.
[52] Ibid., SS. 96—97.
[53] Ibid., SS. 88—90.
[54] Ibid., S. 104.
[55] Ibid., S. 102, vv. 4449—4453.
[56] Ibid., S. 106.
[57] PD, III, 83.
[58] LR, SS. 111—112 (большая часть «неверных» Ордену куршей покинула поле боя).
[59] LR, SS 120—121, vv. 5241—5259.

участия литовцев, но примечательно, что в дальнейшем он именует жемайтов литовцами [60].

Магистр Ордена поспешил в Кенигсберг, где было согласовано совместное выступление ливонских и прусских рыцарей против Жемайтии. В Мемельбург стянулись силы ливонских рыцарей (во главе с магистром Бургардом фон Горнгузен), прусских крестоносцев (их привел орденский маршал Генрих Ботель), ревельский датский отряд (под предводительством герцога Карла), отряды местных комтуров, вспомогательные отряды, выставленные нобилями ливов, эстов и куршей.

Войско двинулось к Георгенбургу (Коршувская область), но затем, узнав о вторжении литовцев в землю куршей, изменило направление, пошло к северу и 13 июля 1260 г. у оз. Дурбе столкнулось с литовской ратью; часть куршей перешла на сторону литовцев и ударила в тыл рыцарям [61].

Немецкое войско было совершенно разгромлено. Были убиты все его начальники, 150 рыцарей и множество простых воинов. Следствием этой крупной победы литовского народа было новое восстание населения, попавшего под иго Ордена. Литовско-куршские войска заняли замки Синтелен, Вардах, Гробин, Грезен, Лазен, Меркес, Кретенен, Ампиллен, Амботен и др. в земле куршей, замок Добен (Добе)—в Земгалии, Георгенбург—в Жемайтии [62]. От Ордена отпала вся Земгалия, южная часть земли куршей (на севере рыцари удержали Виндаву, Ангермюнде, Донданген, Гольдинген), остров Сааремаа; восстали против его власти пять прусских земель (Самбия, Вармия, Натангия, Бартия и Погезания). Повсюду народ истреблял рыцарей и их приспешников из местных нобилей.

«Едва сдерживая слезы и с трудом поверив, что такое большое число рыцарей Ордена нашло смерть от рук неверных», папа срочно призывал графа Бранденбургского и других немецких князей обратить свое оружие против пруссов [63]; он поручил архиепископам Майнца, Бремена, Кельна, Трира, Магдебурга, Зальцбурга и других городов проповедовать крестовый поход [64].

Жемайтский нобилитет, напуганный размахом освободительного движения, обратился через посредство князя Тройната с настоятельной просьбой о помощи к Миндовгу, соглашаясь признать его власть и пугая возможными последствиями собы-

---

[60] LR, S. 125 u. a.

[61] LR, S. 129; PD, III, 84.

[62] LR, SS. 132, 134 и др. В крепости Вардах население под руководством курша Утиле покончило с администрацией Ордена (LR, vv. 5761—5810).

[63] LU, t. I, № 355 (булла от 9 сентября 1260 г.).

[64] Ibid., № 357 (булла от 9 сентября 1260 г.).

тий (Тройнат советовал послам: wir gan hin an Myndowen// und vlêhen unde drowen) [65]. Решив, что настало время действовать, литовский король порвал союз с Орденом и папством, возглавил борьбу восставшей Жемайтии, направив туда Тройната, а также перебил или захватил в плен всех католических агентов, бывших при литовском дворе [66]. Тогда же был заключен уже известный нам литовско-русский договор [67].

Следовательно, основную тяжесть борьбы за воссоединение Жемайтии вынес на себе литовский народ; он не склонил голову перед врагом и своими победами понудил правительство отказаться от политики сотрудничества с Орденом [68].

Литовскому правительству не удалось удержать земли куршей и земгалов, хотя оно вело здесь энергичную вооруженную борьбу. После похода к Вендену [69] литовское войско Тройната нападало на Вик, разбив на обратном пути ливонцев 9 февраля 1263 г. у Дюнамюнде [70]. Но, подтянув дополнительные силы, рыцари подчинили Сааремаа [71], в который раз залив кровью многострадальный остров, а затем они вытеснили литовские гарнизоны из замков Лазен, Меркес, Ампилле (покинув эту крепость, курши ушли в Литву) и Кретенен, упрочив тем самым свои позиции в Мемельбурге и в Гольдингене [72]. К 1267 г. курши окончательно утратили свободу по рижскому договору [73]. Этому, конечно, в немалой степени содействовали события в Литве по смерти Миндовга [74].

В дальнейшем немецкая политика преемников Миндовга осталась прежней. Войшелк, использовав русские войска, сумел предотвратить новое вмешательство Ордена в литовские дела [75]. Литовское правительство прилагало немалые усилия, чтобы не допустить нового захвата Земгалии рыцарями. Литовские войска нанесли ливонцам немало тяжелых поражений. Едва успел магистр Отто подписать после битвы при Раквере мир 1268 г. с Русью [76], как на следующий год большое литов-

---

[65] LR, SS. 145—147; ср. A. Seraphim₁, S. 63.
[66] LR, S. 148; MPH, t. II, p. 586 (Kronika Godysława Paska).
[67] См. часть III, раздел второй, § 1.
[68] Трудно согласиться с С. Заянчковским, который говорил о «политическо-религиозном» движении жемайтов, а приход к власти Войшелка расценивал как «реакцию против язычества и жемайтского влияния в Литве» (S. Zajączkowski₁, str. 107). Ведь Войшелк не посягал на язычество в Литве.
[69] И в район Пернавы (HW, p. 45).
[70] LR, S. 158.
[71] LR, SS. 143—144.
[72] Ibid., SS. 156—158, 162.
[73] LU, t. I, № 405.
[74] См. часть III, раздел второй, § 1.
[75] LR, S. 165.
[76] LR, S. 178; HW, p. 46; НПЛ, стр. 88.

ское войско вторглось в Ливонию, прошло в землю Вик, а затем по льду на остров Сааремаа. Магистр пытался задержать его на льду у Карузена (между о. Муху и городом Ведером), но потерпел поражение. Были убиты магистр и 52 рыцаря [77]. В том же году погиб в походе на Литву исполнявший должность магистра Андрей Вестфальский; с ним пали 20 рыцарей [78].

Немецким крестоносцам пришлось вновь завоевывать этот край, начиная чуть ли не с границ 1209 г. Магистр Конрад Манденский заложил Митаву, но вскоре он был «засечен» в лесу, потеряв 10 рыцарей [79]. Лишь к 1272 г. сумели рыцари вновь занять Межотне [80]; правда, им удалось продвинуться вверх по Двине и захватить в восточной Латгалии город Динабург (Даугавпилс) [81]. Литовский князь Тройден заявил: diß hûs ist gebûwet//mitten ûf das hertze mîn и с большим литовско-русским войском не раз штурмовал его, но безрезультатно [82]. Тогда он избрал другой путь: заняв около 1281 г. Ерсике [83], отрезал Динабург от Ливонии и в конце концов принудил ливонцев вернуть крепость в обмен на Ерсике и некоторую приплату [84]. На время Тройдена падают новые попытки завязать сношения с Ригой [85] и торговые связи с Орденом [86], но пока что они не дали прочных результатов.

Война с Орденом была трудна и изнурительна. Зимой 1278 г. магистр Эрнст Рассбург предпринял поход в глубь Литвы вплоть до Кернова, при этом wart kuniges Thoreiden lant//beroubet vil und verbrant. Но литовские войска сумели перехватить эту рать у Ашерадена и уничтожили ее. Погибли, кроме магистра, начальник ревельского датского отряда Эйлард Хобетц, 70 рыцарей и множество других воинов; было захвачено и красное с белыми полосами знамя венденских рыцарей [87]. Поражений было так много, что рыцари и даже избранные магистры неохотно ехали в Ливонию [88].

---

[77] LR, S. 181; HW, p. 47.

[78] LR, S. 183.

[79] Ibid., S. 170, 171—172.

[80] Ibid., S. 184. Земгальские нобили были вынуждены подписать с Орденом мирный договор 6 июля 1272 г. (LU, t. I, № 430).

[81] LR, S. 187; HW, p. 47 (под 1274 г.).

[82] LR, S. 188—189.

[83] HW, p. 56—57.

[84] См. LU, t. II, № 616 (до 1305 г.) и Reg. 714 (1306 г.). Ливонские рыцари вновь заняли Динабург в 1313 г. (HW, p. 57), но литовское правительство не отказалось от претензий на него (РЛА, № 69, р. 50).

[85] A. Seraphim₁, S. IX и сл., 29.

[86] HU, № 1015, pp. 350—351 (сообщение о мире архиепископа рижского и ландмейстера ливонского с Тройденом).

[87] LR, SS. 191—194; HW, pp. 48—49; K. Hölbaum₂, pp. 40—41; cp. Can. Samb, cap. 7, p. 283.

[88] Например, Конрад Фейхтванген wie nôte erz tet, er mûste sîn (LR, S 196).

Вслед за победой при Ашерадене последовала новая вспышка освободительной борьбы в Земгалии; на этот раз ее возглавил ir aller haubtman Намейсис, которого ослепленный ненавистью хронист называет ungetrûwe hunt [89]. Его войско штурмом взяло Тервете; 15 пленных рыцарей он отправил в Кернов к Тройдену [90], рассчитывая получить литовскую помощь, в чем и не ошибся. Рыцари, бросив в бой до 14 тыс. человек, все же не смогли занять ни Тервете, ни Добен. В 1279 г. отряд Намейсиса совершил ночной набег на Ригу, где захватил в плен вице-магистра Гергарда Каценеленбогена (который погиб в литовском плену [91]). Война в Земгалии тянулась свыше десяти лет. Лишь в 1286 г. рыцари, соорудив Гейлигенберг (Светайскалнс), заставили земгалов и литовцев оставить Тервете и перейти в литовский замок Ракен [92]. В том же году отмечены литовско-земгальские набеги на Ригу и Икскюль [93].

Магистр Фольмар Бернгузен, имея 40 рыцарей, 60 бюргеров и большое вспомогательное войско, пытался напасть на литовцев, но 26 марта 1289 г. был разбит и погиб в бою, разделив участь своих предшественников Волквина, Бургарда, Отто, Эрнста и др. Ливы и латгалы, бывшие с ним, перешли на сторону литовцев [94].

Постоянные поражения привели к тому, что вновь избранный ландмейстер Куно Гаццигенштейн, набрав с большим трудом 40 рыцарей, не захотел ехать в Ливонию, а великому магистру Бургарду, который сулил ему zu lône des gehôrsames crône, отвечал, что если великий магистр так сочувствует горю ливонских рыцарей, отчего бы ему самому не поехать в Ливонию (die von Nieflant sint unvrô //ir wîsen brûdere sind geslagen: //suln sie die mit uns verclagen, //sô sult îr brûdere senden dar// und varet selben an der schar) [95].

Получив новые подкрепления (в том числе из Швабии и из Франции) [96], новый ландмейстер хотя и не смог взять земгальско-литовские крепости Добен, Ракете, Сидрабе и другие, но непрерывными «рейзами» довел край до голода. В 1289—1290 гг. земгалы, срыв все укрепления, ушли в Литву. Рыцари также срыли свой замок Гейлигенберг. Так закончилась борьба

---

[89] LR, S. 198, v. 8659; S. 199, v. 8694.
[90] Ibid., S. 201, vv. 8756—8757.
[91] Ibid., S. 215.
[92] Ibid., S. 231.
[93] Ibid., SS. 235, 237.
[94] Ibid., SS. 241—243. См. о литовских набегах под руководством Schoriat'а на землю епископа (LR, S. 226) и на замок Тальзен, под которым был убит Мазеке, сын литовского короля (LR, SS. 272—273).
[95] LR, S. 249.
[96] Ibid., S. 247.

в Земгалии. Десятки тысяч земгалов переселились в Литву [97]. Позднее Гедимин, приглашая проповедников из-за рубежа, отмечал, что они должны знать один из трех языков — литовский, польский или земгальский [98]. С падением независимости земель куршей и земгалов, северная и западная границы Жемайтии оказывались под прямой угрозой со стороны Ливонского ордена.

Изменилось не в пользу Литвы и положение в прусских землях. Первоначально восстание 1260 г. охватило всю Пруссию, кроме Хельминской и Помезанской земель. Прусское войско Геркуса Мантаса нанесло поражение рыцарям в битве при Покарвене [99], были захвачены замки Гейльсберг [100], Браунсберг [101], разорен Христбург [102]; были осаждены Балга [103], Кенигсберг, Эльбинг [104], Бартенштейн [105]. В борьбу на стороне пруссов вмешался и поморский князь Мествин II, сын Святополка [106]. Немецкие рыцари несли большие потери. Если, по подсчетам папы Александра IV, к 1257 г. погибло 500 рыцарей [107], то в 1261 г. папа Урбан IV называл уже цифру в 1000 убитых рыцарей [108].

Прусское войско Диване Клекине (Медведя) захватило в Бартии крепость Визенбург, пал Крейцбург [109]; отряд варма Глаппе разорил Бранденбург [110]. Славный полководец Геркус Мантас cum valido exercitu нанес поражение рыцарям при Любау (Lubovie) [111]; его войско разгромило в Помезании опорные пункты рыцарей — Мариенвердер, Штаркенберг, Рейден и др. [112] Папская курия принимала чрезвычайные меры для отправки свежих подкреплений в Прибалтику, в частности, из Тюрингии и Брауншвейга. Вновь был направлен сюда и Пшемысл II в 1267—1268 гг. Он заставил поморского князя выйти из войны, но с пруссами боев не вел. Любопытно, что папа Клемент IV разрешил чешскому королю после завоевания Литвы занять литовский престол кем-либо, верным римской церкви,

---

[97] По утверждению рижан, в Литву переселилось около 100 тыс. земгалов (см. LU, t. II, № 630, док. папы Клемента V от 19 июня 1310 г., излагающий жалобу рижан на Орден).
[98] LU, t. II, № 689.
[99] PD, III, 91; см. также Ю. Жюгжда, стр. 29.
[100] Ibid., 94.
[101] Ibid., 140.
[102] Ibid., 141—143.
[103] Ibid., 137—139.
[104] Ibid., 95.
[105] Ibid.
[106] Ibid., 128, 148.
[107] LU, t. I, № 314.
[108] Ibid., t. VI, Reg. № 407a.=Y. Voigt, Bd. III, S. 199.
[109] PD, III, 116—117, 118.
[110] Ibid., 130.
[111] Ibid., 96, 123.
[112] Ibid., 147 (в Мариенвердере уцелела цитадель), 151.

но не нарушая прав Ордена [113]. Сами рыцари широко раздавали жалованные грамоты прусским нобилям, вербуя их в свое войско.

Литовское правительство также не было безучастным зрителем этой борьбы. Источники отмечают серию походов литовско-русско-ятвяжских войск против немецких замков в Пруссии. Тройнат, посланный Миндовгом, вторгся в 1263 г. с 30-тысячным войском в Мазовию, Хельминскую землю и Помезанию, опустошив и польские земли и прусские владения рыцарей [114]; на следующий год литовцы вместе с ятвягами и, вероятно, русскими (ибо упомянуты sagittari cum telis) помогали пруссам Самбии при осаде Виловы [115]; в походе на Хельминскую землю четырехтысячного отряда ятвяжского князя Скомонда в 1277 г. участвовало и virtute exercitus из Литвы [116]. Ятвяжские войска не раз вторгались в западнопрусские и хельминские земли, осаждая Вартенберг [117], Любау [118], Торн и Биргелов [119], Кульм [120], Эльбинг, Вентлитц [121] и Бартенштейн [122]. В 1280 г. литовцы поддерживали ятвягов в походе на Самбию [123]; Намейсис, в качестве вассала Тройдена, совершил поход на Помезанию [124]; в 1283 г. литовцы еще раз вторгались в Самбию [125]. Терпевшие поражения от Ордена пруссы — жители Надровии [126], Погезании [127], Судовии [128], Бартии [129] искали спасения в Литве; правительство Тройдена использовало их для освоения Черной Руси [130].

Прусские земли вели борьбу разрозненными силами, им не удалось захватить крупнейшие замки Кенигсберг, Балгу, Эльбинг и Мемельбург. События в Литве после смерти Миндовга

---

113 VMPL, t. I, № 151 (булла от 20 января 1268 г.). Здесь находим творимую легенду о благочестивом Миндовге (clare memorie Mindota). Ср. W. Abraham₂, str. 6; посулы о расширении оломуцкой епископии (см. VMPL, t. I, № 153). См. А. В. Флоровский₁, стр. 272, а также В. Т. Пашуто₂, стр. 286.

114 PD, III, 160.

115 Ibid., 122.

116 Ibid., 193.

117 Ibid., 158, 159, стр. 40.

118 Ibid., 162.

119 Ibid., 164.

120 Ibid., 166.

121 Ibid., 169.

122 Ibid., 173, ср. 121; под Беселеде — см. ibid., 174.

123 Ibid., 204.

124 LR, S. 221, vv. 9669—9674.

125 PD, III, 215.

126 Ibid., 179.

127 Ibid., 191.

128 Ibid., 218, 211, 219.

129 Ibid., 223—225.

130 См. часть III, раздел второй, § I.

временно ослабили участие литовских сил в их освободительной борьбе. В начале 70-х годов победа начала клониться на сторону Ордена. Один за другим гибнут вожди восстания. После сражений в Натангии был захвачен Геркус Мантас; он мужественно защищался и был пронзен мечом. Рыцари повесили тело мертвого героя на дереве [131]; предатели выдали рыцарям Глаппе; он был повешен в Кенигсберге на холме Глаппенберг (Рольберг) [132]; при штурме замка Шенезее был сражен выстрелом баллисты Диване Медведь [133].

Расправившись с землями, уже однажды завоеванными, немецкие рыцари продолжали наступление на Скаловию, Надровию и Судовию (Ятвягию), которые лежали непосредственно у неманского пограничья Литвы. Выше говорилось о неблагоприятных для прусского народа условиях борьбы [134]. Сопротивление пруссов продолжалось до 1283 г., когда последний независимый ятвяжский нобиль Скурдо, покинув родину, ушел со своим отрядом за Неман в Литву [135].

Неман стал западной границей Литвы, границей войны с немецкими крестоносцами, которые завладели землями между Вислой и Неманом, между Наровой и Двиной, подчинили куршей, земгалов и пруссов и таким образом с трех сторон окружили Жемайтию.

Международные условия также изменились. Значительно возросла поддержка Ордена со стороны Германии, где кончилось междуцарствие и престол занял Рудольф Габсбург. Подходили к бесславному концу крестовые походы против арабских народов. Папство и его союзники делали все возможное, чтобы сокрушить не только языческую Литву, «схизматические» Русь и Византию, но и «неверных» сарацинов — Багдадский халифат и Египетский султанат. При этом они, как свидетельствуют Плано-Карпини и другие послы,не гнушались и сотрудничеством с монгольскими ханами [136]. Именно наступление пос-

---

[131] PD, III, 135.

[132] Ibid., 136.

[133] Ibid., 165.

[134] См. часть III, раздел первый, § 4, стр. 336—338.

[135] PD, III, 219.

[136] В. Т. Пашуто$_2$, стр. 266 и сл.; Э. Ледерер$_1$, стр. 26—27 и сл.; М. А. Заборов$_2$, стр. 259 и сл. Странно полемизирует по вопросу политики папской курии на Руси и в Восточной Европе М. Гельманн. Касаясь моей работы по этой теме, он замечает, что она «содержит многочисленные комбинации и недоказанные утверждения» (M. Hellmann$_4$, S. 164). Поскольку М. Гельманн фактов не приводит, то сама его статья в этой части остается недоказанным утверждением. Еще проще поступает американский историк Б. Шчешьняк, который полагает, что достаточно назвать меня пристрастным «коммунистическим советским историком», а затем сослаться на «беспристрастные» свидетельства хроник Кадлубка, Длугоша и Стрыйковского, чтобы свободно толковать об идеальных побуждениях курии и ее адептов «при западизации (westernisation!)

ледних привело к падению Багдада (1258 г.); но египетско-сирийские войска отразили натиск полчищ и монгольских ханов и европейских королей. 18 мая 1291 г. под ударами египетских войск Малек эль Ашрафа пала Акра, что ознаменовало крах крестовых походов против арабов. Прибалтика осталась единственной крупной базой крестоносцев. Сюда было перенесено главное внимание их вдохновителей. В 1309 г. столицей Ордена стал Мариенбург. Начался новый этап борьбы литовского народа за независимость.

На этом этапе постепенно возникает новый важный фактор в политической истории Прибалтики — литовско-польское сближение в борьбе против немецкой агрессии. Это сближение рождалось в муках, ибо ему мешали корыстные интересы отдельных князей. Первоначально Литва видела в Польше вообще и особенно в Малой Польше союзника Ордена и папства. Поэтому она, сохраняя союз с Галицко-Волынской Русью, выступала против князей мазовецких (1220, 1238 гг.) [137], либо поддерживала их соперничество с князьями краковскими, малопольскими (1229, 1246 гг.)[138]. Тем не менее призыв галицко-волынского князя Даниила организовать совместный крестовый поход против Литвы не встретил в Польше поддержки [139]. Только гнезненское епископство попыталось проникнуть в церковную организацию Литвы, но, впрочем, без успеха [140].

Принятие Миндовгом христианства отнюдь не улучшило литовско-польских отношений. В 1255 г. в Польше и Чехии проповедовался крестовый поход против литовцев, разорявших польские земли [141]; он состоялся при участии князя Казимира куявского, имевшего виды на ятвяжские земли [142]. Попытки куявского князя сблизиться с Литвой были сорваны Орденом [143].

отсталых национальностей пограничных Западной Европе стран» (B. Szcześniak₁, pp. 12, 17). Очевидно, что речь должна идти не о моих пристрастных комбинациях, а о новой трактовке восточноевропейской политики курии, которая отражена, в частности, и в работах русских, венгерских, польских, немецких историков—И. П. Шаскольского, М. А. Заборова, Э. Ледерер, Т. Мантейффеля, Э. Винтера и др. Это целое направление в науке, основанное на обширной аргументации.

[137] ПСРЛ, т. II, стб. 736 и др.; MPH, t. III, p. 132. Подробнее S. Zajączkowski₃, str. 567—617; B. Włodarski₂, str. 69, 73. Пруссов могли относить к Литве. В одной польской хронике Миндовг назван королем пруссов (Mendolphus rex praedictus Pruthenorum, Lithuanorum et aliarum gentium infidelium. MPH, t. II, p. 586. Kronika Godysława Paska).

[138] MPH, II, p. 556 (под 1227 г.), ср. p. 564.

[139] См. часть III, раздел второй, § 1.

[140] W. Abraham₁, str. 152; W. Abraham₂, str. 3—36.

[141] MPV, t. III, № 76 (булла Александра IV от 7 августа 1255 г.).

[142] Ibid., № 84; VMPL, t. I, № 142; ср. PU, I, 1, № 329; VMPL, t. I, № 147.

[143] CDP, t. I, № 145; см. H. Paszkiewicz₉, str. 221 и сл.

Последний, порвав старый русско-польский договор 1254 г. с Орденом о разделе Ятвягии, передал Земовиту мазовецкому в 1260 г. одну шестую часть Ятвягии[144]. В ответ Миндовг организовал в 1262 г. большой поход (датировка и источники, сообщающие о нем, весьма сложны) на Мазовию, Хельминскую землю и Помезанию: «Идоша Литва на Ляхи воевати от Миндовга»; в составе литовского войска были и русские, например, Остафий Константинович[145]. Литовское войско разорило Плоцк, Въездов (близ Варшавы) и Лович; был убит князь Земовит мазовецкий, а его сын Конрад захвачен в плен[146]. И позднее литовские походы были обращены на земли Плоцкую (1266), Люблинскую (1273), Ленчицькую (1277, 1278)[147].

Разоряя восточную Польшу и более всего Мазовию, Литва понудила, наконец, местных князей начать переориентацию своей политики. В 1279 г. был заключен мир между плоцким князем Болеславом и Тройденом, скрепленный браком их детей[148], и с этой поры литовские походы, минуя Мазовию, обращаются на Малую Польшу[149]; договорные отношения с ней — дело недалекого будущего. Из сказанного можно пока сделать тот вывод, что, начиная битву за Жемайтию, Литва имела относительно спокойный тыл со стороны Мазовии.

Обратимся к рассмотрению военно-политических событий на Немане в 1283—1340 гг. Хроники позволяют заключить, что литовские вооруженные силы при участии белорусских войск были заняты отражением натиска рыцарей в двух направлениях — на Жемайтию и на Черную Русь.

Этот натиск, однако, приобрел иные формы, чем он имел в земле пруссов. Быстрое продвижение и разгром противников поодиночке сменились упорными боями за каждую пядь земли. Именно здесь Орден в полной мере применил опыт крестоносцев, почерпнутый ими в борьбе с арабами,—продвижение с помощью крепостей, когда на каждом завоеванном участке территории возводился замок, который в свою очередь делался исходным пунктом дальнейшего наступления. Эти действия сочетались с систематическими набегами организованных войск

---

144 CDP, № 129.

145 ПСРЛ, т. II, стб. 855; ср. MPH, t. II, p. 839. См. B. Włodarski₅, str. 615—616.

146 MPH, t. II, pp. 586, 588, 807; PU, t. I₂, № 104, ср. № 222. См. также W. Abraham₂, str. 14; G. Rhode₁, SS. 134—135.

147 MPH, t. II, p. 592 (1266 г.); p. 842 (1273 г.); p. 843 (1277 г.); ПСРЛ, т. II, стб. 864; PD, III, p. 195 (1278 г.).

148 MPH, t. III, p. 47.

149 См. также B. Włodarski₅, str. 619—620 (о походах 1282 и 1286 гг.). Когда Орден в 1294 г. разрушил крепость Визну, то мазовецкий князь Бонислав восстановил ее на следующий год при содействии Литвы (PD, III, 262).

и мелких грабительских банд. Главный удар был обращен против литовских крепостей на северном берегу Немана.

Чувство глубокого уважения вызывает более чем столетняя борьба за независимость, которую вели на Немане плечом к плечу литовцы и белорусы [150]. Набеги рыцарей происходили по нескольку раз в год; они штурмовали крепости Бизене (1283, 1313, **1316**) [151], Колаине (1290, **1291**) [152], Юнигеде (Виелоне) (1292, 1292—1293, 1293, 1298, 1313, 1315, 1317, 1318, 1337, 1339) [153], Пистен (1293, 1294, 1298, 1318, 1322) [154].

Их более крупные силы многократно вторгались в земли: Мединицкую, действуя против замков Сиздитен, Медвягола и других (1314, 1316, 1320, 1329)[155]; Оукаимскую, нападая на ее центр Оукаим (1292, 1300, **1302**, **1305**, 1328)[156]; Россиенскую — в конце XIII в., в 1323 г. [157]; на Пограуденскую — замок Гедимина, двор Сударга (1305, 1311—дважды, 1317, 1324, 1330)[158]; на Вайкенскую волость (1322, 1330) [159]; на Ейрагольскую землю — волости Гесовиенскую и Пастовскую (1292, 1294, 1316, 1322, 1323) [160]; на Коршувскую землю (1303, 1307) [161] и особенно на землю Путеницке — замки Скронейте и Бивербате (1307—1315, 1328) [162]. Позднее, когда вторжения были поддержаны и из Ливонии (1331, 1332)[163], рыцари доходили до Вилькомира (1333) [164], Пиллены (**1336**) [165] и, однажды, до земли Виленской (1334 г.) [166].

Многократным нападениям подвергалась Гродненская земля и ее замок (**1284**, 1295, 1296, 1305, 1306 — дважды, 1311— трижды, 1314, 1324, 1328) [167]; не случайно археология отмечает здесь для этой поры упадок материальной культуры[168].

---

[150] Совместные литовско-русские действия отмечены хрониками под 1306 (PD, III, 291), 1311 (NE, v. 23698), 1315 гг.

[151] PD, III, 222, 319, 329 (подчеркнуты даты разрушения замков рыцарями).

[152] Ibid., 238, 243.

[153] Ibid., 251, 252, 254, 271, 318, 325 (Can. Samb., 286 — к 1315 г.), 334, 335; Wig, p. 492—494, 497; HW, p. 68; Wig, p. 497 (1338 г.).

[154] PD, III, 254, 257, 271, 336, 340.

[155] PD, III, 321, 327, 338; PD, Suppl. 9.

[156] PD, III, 247, 276, 280, 290; PD, Suppl. 8.

[157] PD, III, 259, 340.

[158] Ibid., 289, 307, 311, 332, 351; PD, Suppl. 15; не знаю, можно ли отождествить замок Гедимина с Вильно.

[159] PD, III, 340; PD, Suppl. 14.

[160] PD, III, 246, 255, 326, 340, 347.

[161] Ibid., 285, 297.

[162] Ibid., 298—299, 301; PD, Suppl. 7.

[163] HW, p. 66; Can. Samb., cap. 7, p. 285.

[164] HW, p. 67.

[165] Wig. p. 488, Can. Samb., cap. 6, p. 283, cap. 8, p. 288.

[166] HW, p. 67.

[167] PD, III, 223; см. NE, v. 18409; PD, III, 260, 266, 267, 292, 308, 322, 349; Suppl. 6.

[168] Н. Н. В о р о н и н₂, стр. 202.

Рыцари неоднократно разрушали подгородья, укрепления или сами замки, но литовцы и белорусы неизменно восстанавливали их или строили рядом новые [169]. Тогда рыцари стали возводить на Немане свои замки — Рагнит (1289), Шалауенбург (1293), Христмемель (1313). Они укрепляли Вармию и Натангию (1326), вновь возвели Георгенбург (1336), Мариенбург (1336), Байербург (1337). Но эти замки в большинстве стоят на южном берегу Немана, а те из них, которые рыцарям удалось соорудить на северном (Христмемель, Георгенбург, Мариенбург), прижаты к воде (см. карты).

Таким образом, за 60 лет напряженных усилий, имея помощь курии и многих стран, рыцари не смогли перешагнуть Неман. Берега этой реки обильно орошены кровью защитников литовской независимости. Для каждого литовца Неман — это то же, что для украинца Днепр, а для русского — Волга.

При обороне родины прославились многие мужественные воины и воеводы. Например, житель Скаловии Гирделе, выбранный рыцарями в проводники, завел их в литовскую засаду [170]; храбрый воевода Сурмине геройски защищал в 1290 г. замок Колаине с гарнизоном в 120 человек против двухтысячного отряда рыцарей, прибывших на судах [171]; после падения Колаине он действовал в Юнигеде, отбив со своим флотом нападение на нее рыцарей в 1313 г. [172] Хронист называет Сурмине «мужем знатным и воинственным»; прославился и воевода Сударг, руководивший вместе с Мансто походом в Самбию в 1308 г. [173], а затем вместе с Мансто и Мазио защищавший Пограуде в 1311 г. [174]

Пример высокого героизма показали защитники Пиллены в 1336 г. во главе с воеводой Маргером (ранее, кажется, оборонявшим Медвяголу в 1329 г.— в источнике он назван Марголис). Здесь с семьями и добром укрылись около 4 тыс. вооруженных жителей четырех окрестных земель. Они отбивались от войска великого магистра Дитриха фон Альтенбург в составе 200 рыцарей из Германии, Австрии и Франции и 6 тыс. воинов. Когда крепость была почти разрушена рыцарями, ее уцелевшие защитники сожгли все имущество и перебили друг друга, чтобы

---

[169] Кроме приведенных выше данных, надо учесть еще разрушение литовского замка Кимель в 1295 г. (PD, III, 265) и отдельные походы 1306 г., не приуроченные к точным пунктам Жемайтии (ibid., 291).

[170] PD, III, 226.

[171] PD, III, 238. Нобили управляли войском целыми семьями: при обороне Юнигеды пал Сколдоне, брат Сурмине; сын Сударга сидел в Окуаиме; его брат погиб в Мединицкой земле в 1314 г.

[172] PD, III, 318.

[173] Ibid., 303.

[174] Ibid., 311.

не попасть в руки врага [175]. По всей Литве, на Руси и в Польше прославился доблестный воевода городенский Давыд — мужественный защитник Гродно и Пскова, гроза датских, ливонских и прусских крестоносцев.

Литовские великие князья Тройден, Витень, Гедимин были не только крупными государственными деятелями, но и выдающимися полководцами — организаторами вооруженных сил Литвы.

Даже крупные военные предприятия, организованные против Литвы, неизменно кончались неудачей, например, походы в Жемайтию 1305, 1317 (при участии рыцарей из Германии, Чехии и Польши), 1329 (с привлечением рыцарей Германии, Чехии и даже Англии) и поход 1314 г. в «землю кривичей» [176] (ad terram Criwicie) к Новогородку, когда Давыд городенский отобрал у рыцарей 500 коней и весь провиант и они, умирая с голоду и питаясь кореньями, едва выбрались через шесть недель восвояси.

Картина борьбы не будет полной, если не сказать об ответных действиях литовцев. Они были направлены и на пограничные немецкие замки на Шалауенбург (1293, 1315) [177], Христмемель (1302, 1315, 1324) [178], Мемельбург (1307, 1323) [179], Рагнит (1315) [180], Байербург (1337) [181]; они охватывали немецкие владения в Пруссии — Натангию (1299, 1311) [182], Вармию (1300, 1311, 1318—1320) [183], Самбию (1308, 1311, 1323) [184],

---

[175] Wig. pp. 488—489; см. также Kurze Reimchronik von Preussen. SRP, t. II, pp. 7—8.

[176] Ср. термин «кривьские князи». ПСРЛ, т. II, стб. 521 (под 1162 г.)

[177] PD, III, 253, 323.

[178] Ibid., 281, 324; Can. Samb., cap. 8, p. 286; PD, III, 355.

[179] Ibid., 297, 344.

[180] Ibid., 323.

[181] Байербург был построен Орденом во время похода на Жемайтию (на области Россиене, Ейраголы) в 1337 г., с участием баварских рыцарей, якобы для того, чтобы препятствовать литовским походам на Самбию (Wig, p. 494). Этот поход описал также немецкий поэт Петер Сухенвирт. Он в качестве очевидца повествует об убийстве в одном из сел 60 человек (SRP, t. II, p. 165—166, vv. 260—262), сообщает о печальной участи литовских пленных женщин и детей («gevangen wurden weib und chint; //ez waz ein gemleich hofgesint // Man sach dâ vil manigen weib// zwai chint gepunden an irn leib,// ainz hinden und ainz voren;// auf einem pferd ân sporen// cham sî parfûz her geriten!»—ibid., vv. 331—337). О поэте см. М. П. Алексеев₁, стр. 558, 562. Позднее войско Гедимина 21 день штурмовало Байербург, но не смогло его взять (Wig, p. 493, 495).

[182] PD, III, 273, 306.

[183] Ibid., 275; CDW, t. I, № 186 (1297 г.—жалоба епископа вирмийского на набеги литовцев).

[184] PD, III, 303, 306, 345. О набеге литовско-русских войск в 1311 г. на Вармию и сражении в области Воплайкен (Попелайкен) в Бартии см. PD, III, 310; ср. Wig, pp. 454—456; см. A. Kolberg₁, S. 131 и сл. О нападении литовцев в 1329 г. на Бартенштейн — см. Wig., p. 467.

а такжеХельминскую и Добжиньскую (1296, 1300) [185] и другие земли.

Положение Литвы затруднялось тем, что ей приходилось обороняться не только с юга, но также с севера и запада, хотя Ливонский орден не мог в то время идти в сравнение с Прусским. Здесь большую роль сыграла умелая дипломатия литовского правительства, использовавшая экономическую заинтересованность Риги в торговле с белорусскими и литовскими землями, ее тяготение к сильной королевской власти. В сущности до 1330 г. ливонские рыцари не могли предпринимать активных действий против литовцев «вследствие соглашения между бюргерами и литовцами и зависти первых»[186].

Эту политику союза с Ригой начал успешно проводить еще Витень, воспользовавшись конфликтом Риги с Орденом. В 1298 г. рижские бюргеры, использовав помощь литовцев и русских, разрушили рыцарский двор в Риге, а также замок Каркгауз, убив и взяв в плен нескольких рыцарей [187]. На следующий год литовцы и рижане нанесли рыцарям поражение на р. Трейдере [188]; после этого рижане приняли к себе литовский гарнизон, построив для него «литовский замок». Впрочем, в том же году союзники потерпели поражение от Ордена[189]. Вообще Ливонский орден уцелел лишь потому, что тевтонские рыцари нападали на Литву с запада.

Соглашение Литвы с Ригой оставалось в силе и в 1299, и в 1306, и в 1313 гг.[190] В этот период Литва не раз нападает на ливонцев (1305, 1307, 1309, 1310, 1322 гг.) [191].

Ливонские рыцари с трудом завладели Динабургом (1313)[192], укрепили Межотне (1321) [193]; они искали помощи датчан (1318 г.) [194]. Для крупных походов на Литву у них не было сил, да к тому же в тылу оставалась Рига. Упрочение связей Литвы

---

[185] PD, III, 268, 277; ср. набег литовцев-жемайтов на Галекоукен — Wig, p. 495 (1338 г.).

[186] HW, p. 66.

[187] Aufzeichnungen Albrechts von Bardowik, S. 314 (se loden de Rusen unde de Lettowen unde andere heydenen vele); K. Höhlbaum₂, SS. 42—43. HW, p. 54; PD, III, 269; о сношениях Витеня с рижанами см. LU, t. I, № 570, pp. 714—715; ср. LU, t. VI, № 3068, p. 466.

[188] HW, p. 55—56.

[189] Ibid., p. 56.

[190] Ibid., p. 56; Acten und Recesse der livländischen Ständetage, Bd. I, 1, p. 4, 9—10; LU, t. II, Reg. 714, p. 15—20; ibid., № 644, 645; HW, p. 58.

[191] K. Höhlbaum₂. Annalium Rigensium, SS. 46—47; Continuatio Annales Dunamundenses, SS. 42—43; Ann. Rig. Cod. Leopoliensis, S. 48; Ann. Rig., SS. 48—49 (в 1310 г. «rex Viten obsedit Ropam», ср. ibid., S. 37).

[192] HW, p. 57.

[193] Ibid., p. 60.

[194] LU, t. VI, Reg. 768 d.

с Псковской землей в 1323 г. и успешные походы литовско-псковских войск Давыда городенского против них и датских рыцарей еще более затруднили положение Ордена [195].

Отношения Литвы с Ригой стали еще теснее при Гедимине. Выше мы уже говорили об экономической их основе. Эти связи были использованы правительством Гедимина с целью прорвать экономическую блокаду, установленную Орденом. Он использовал стремление курии навязать Литве католичество и тяготение немецких поморских городов к торговым контактам с Литвой. Теперь, после серии работ, посвященных этому вопросу, нет нужды рассматривать его подробно [196], достаточно отметить главное.

Папа Иоанн XXII был заинтересован в крещении Литвы [197]. Это соответствовало духу его политики в Восточной Европе. Он домогался распространения своей власти на Галицко-Волынскую Русь [198] и на Киев. Это — традиционная политика курии. Рижский архиепископ Фридрих (1304—1341) много лет вел тяжбы с Орденом, стараясь уготовить ему судьбу французских темплиеров. Любопытно, что, обвиняя Орден в грозящем упадке христианства в Прибалтике, рижане сопоставляют его действия с политикой крестоносцев на арабском побережье [199].

По этому вопросу правительство Гедимина действовало заодно с архиепископом [200]. Оно, исходя из реального политического интереса, придерживалось веротерпимости: в Новогородке появился православный митрополит, там же строились католические храмы; вассалы, в том числе и сыновья великого князя, правившие в русских землях, принимали православие, державшие владения в коренной Литве оставались язычниками. Считая, что Орден является главным препятствием крещению Литвы [201], правительство Гедимина в общем сдержанно относилось к идее христианизации страны, понимая опасность жемайтского и белорусского сепаратизма [202]. Ясно

---

195 ПЛ, в. 1, стр. 15; Detmar von Lübeck Chronik — SRP, t. III, p. 66; Can. Samb., cap. 7, p. 284.

196 См. старую и хорошую работу — В. Г. Васильевский$_1$, стр. 135—136 (ср. A. Prochaska$_2$, str. 1—66); новейшее рассмотрение вопроса подкрепляет ее выводы: см. H. Spliet$_1$, SS. 31—32.

197 MPV, t. III, № 139 (булла от 3 февраля 1317 г.). См. W. Abraham$_1$, str. 184, 365—367.

198 См. W. Abraham$_1$, str. 364—365; в 1320 г. в источниках даже промелькнул какой-то «епископ киевский» (ibid., str. 202—203); ср. Э. Винтер$_1$, стр. 293.

199 E. Caspar$_1$, S. 56—57. О продажности папской курии, которая использовала рижско-орденскую тяжбу в своих интересах, см. W. Friedrich$_1$, SS. 32, 48—49 и др.

200 РЛА № 53=LU, t. VI, № 3068.

201 LU, t. II, № 687, p. 140—141.

202 Об этом см. РЛА, № 67, стр. 47.

одно, что, поставив условием принятия христианства официальное признание Литвы и прекращение всякой агрессии со стороны Ордена, литовское правительство вело правильную дипломатию, успехи которой сказались в конце XIV — начале XV в.

Дипломатическая акция — обращение Гедимина к папе (в конце 1322 г. [203]) и к немецким городам [204] и монахам — доминиканцам и францисканцам [205] (в январе и мае 1323 г.) с призывом о переселении в Литву крестьян, ремесленников, купцов, служилых людей и духовенства, с предоставлением им льгот и выгод — имела широкий международный резонанс и, что главное, при деятельном участии Риги и некоторых других городов завершилась литовско-немецким Виленским договором 2 октября 1323 г. [206]

Это был крупный дипломатический успех Литвы. Фактически она, оставаясь языческой, получила международное признание, ибо в июле 1324 г. папа подтвердил этот договор [207]. Даже после того, как папские легаты прибыли в октябре 1324 г. в Ригу (где подтвердили договор [208]), а их послы, побывав в Вильно, убедились, что Гедимин не намерен принимать католичества [209], договор просуществовал около четырех лет. Тому были свои причины и, в частности, заинтересованность немецких городов и Ордена в торговле с Литвой и Русью.

Но Орден не был последователен: мирные отношения с Литвой таили в себе угрозу принятия ею католичества, что сделало бы само существование Ордена как завоевательной организации бесцельным. Поэтому можно видеть, что Орден заключил еще в январе 1323 г. договор с Новгородом, направленный против Литвы и Пскова [210]; он старался и Ригу отвлечь от союза с Литвой [211] и вообще допускал враждебные действия в отно-

---

[203] LU, t. II, № 687.
[204] LU, t. VI, № 3069, II, № 690.
[205] LU, t. II, № 688, 689.
[206] На собрании сословий в Эрмсе 10 августа 1323 г. обсуждалось и было принято предложение Гедимина (Akten und Recesse der livländischen Ständetage, Bd. I, 1, № 18). Мнение ганзейских городов и решило дело в пользу договора (см. H. S p l i e t $_1$, S. 25, ср. A. P r o c h a s k a$_2$, str. 21—23). Об участии ганзейских городов, в частности, Риги и Любека в заключении Виленского договора см. A. P r o c h a s k a$_2$, str. 30—31; ср. W. F r i e d r i c h$_1$, SS. 61—64; что Орден — орудие Ганзы, см. K. G ó r s k i$_1$, str. 56.
[207] LU, t. II, № 707 (от 31 августа 1324 г.).
[208] LU, t. II, № 708 (20 октября 1324 г.).
[209] LU, t. VI, № 3073, p. 482.
[210] ГВНиП, № 37.
[211] LU, t. VI, № 3072; Reg. № 805a. Аналогичные действия в отношении епископа эзельского (LU, t. VI, Reg. 822 f. u ad Reg. 822 f.).

шении Литвы [212]. Литовское правительство умело использовало мирный договор для сближения с Польшей и удара в тыл Ордену на Бранденбург [213]. Нашло оно средства и для установления мира с Новгородом [214].

Позднее литовско-немецкие военные действия возобновились, причем ухудшилось положение Литвы на севере. В 1328 г. литовское правительство помогало рижским бюргерам воевать против Ордена — войско литовского короля прошло с опустошениями по его владениям [215], но все же Орден сумел подчинить Ригу и навязал ей договор 30 марта 1330 г.[216] После этого начинаются походы ливонских рыцарей на Жемайтию (1330, 1332) [217], они укрепляют замки Добен и Терветен [218] и начинают участвовать в совместных с тевтонскими рыцарями вторжениях в Жемайтию, Аукштайтию и в Полоцкую землю (1333, 1334 гг.) [219].

Не только папство, но и германские императоры продолжали оказывать помощь Ордену. В 1337 г. Людовик Баварский «пожаловал» Ордену Жемайтию, Коршувскую землю и Русь (Samaiten, Karsow vel Rusye) [220], а вслед за тем и всю Литву [221]. Впрочем, Орден понимал, что дело не в пожалованьи, и вскоре великий магистр отправил послов в Германию, зовя оттуда «soldatos, principes etc. contra Lithwanos et Ruthenos in eorum devastacionem, ne de cetera Prutenos in tantum turbarent» [222]. В 1338 г. Орден подписал с Литвой торговый договор и мир на десять лет; правда, уже в 1339 г. ливонские рыцари нападали на Жемайтию [223], но от прежних планов быстрого завоевания Литвы и Руси не осталось и следа [224]. Однако положение Литвы осложняется, и дальнейшая борьба за независимость будет еще

---

[212] РЛА, № 69 = LU, t. VI, № 3074 (жалоба Гедимина епископам Дерпта и Эзеля, наместнику Ревеля и городскому рату Риги от 2 июня [1324 г.]); см. Приложение IV.

[213] Это отметил HW, p. 61—62.

[214] См. часть III, раздел 2, § 1.

[215] В 1330 г. большое литовско-русское войско вторгалось в землю куршей. Can. Samb., cap. 7, p. 284—285; Wig. p. 475.

[216] HW, p. 63—65; LU, t. II, № 741, Reg. № 875.

[217] HW, p. 66.

[218] Ibid., p. 67.

[219] Ibid.

[220] PU, t. III_1, № 134.

[221] Ibid., № 135.

[222] Wig., p. 497.

[223] Более того, Орден сам начал переходить к обороне. Еще до 1280 г. он ввел особый сбор «шалауенкорн» (Wartegeld) для снабжения гарнизона Рагнита и других крепостей, охранявших границу на Немане. Впервые упомянут — в 1328 г. (SU, № 261, см. R. P l ü m i c k e_1, S. 46; ср. G. A u b i n_1, S. 30).

[224] Об этом см. М. А. Ю ч а $с_1$, стр. 3 и сл.

более тяжело отражаться на всей ее экономической, политической и культурной жизни.

В заключение рассмотрим, как развивались взаимоотношения между Литвой и Польшей. Время 1283—1340 гг. характеризуется многократными литовскими походами на земли мазовецко-куявские — Плоцк и Сохачев (1286), Брест (1291, 1324, 1336); на малопольские — Люблин (1282, 1302), Сандомир (1283, 1296); на великопольские — Добжинь (1284, 1323), Калиш (1306, 1307), Ленчицу (1294). Насколько можно судить по данным источников, приведенным С. Заянчковским, более тесные отношения сохраняла Литва с князьями плоцкими и мазовецкими [225].

С течением времени назревало, однако, сближение Литвы и Польши. Мы видели, что Литва, ведя тяжелую борьбу с Орденом, сумела прорвать дипломатическую блокаду,—это делало формально возможным сближение с Польшей.

Для него были должные политические предпосылки: в 1309 г. Орден при помощи маркграфа Бранденбурга захватил Польское Поморье; тяжба с Орденом из-за этой земли в 1320—1321 гг. не принесла Польше успеха. Таким образом, у Литвы и Польши был общий противник — Орден. С другой стороны, в 1323 г. умерли последние галицко-волынские князья Романовичи. Исследователи полагают, что Болеслав-Юрий II мазовецкий занял галицкий стол в результате дипломатического сговора Польши и Литвы. Это сближение должно было стать еще более прочным ввиду опасности, которая грозила их дальнейшим намерениям по захвату Галицко-Волынской Руси со стороны Золотой Орды. Полагают даже, что уже в 1323 г. Литва захватила Подляшье [226].

Международная обстановка в Европе также делала возможным польско-литовское сближение. Папская курия соперничала с Людовиком Баварским, используя против него чешского короля Яна Люксембургского; последний был враждебен Польше и был не прочь вовлечь ее в конфликт и с Орденом, и с союзником Людовика маркграфом бранденбургским Вальдемаром.

В этих условиях и был заключен литовско-польский союзный трактат 1325 г.; он сопровождался браком сына Владислава Локетка Казимира с дочерью Гедимина Альдоной. На основе этого договора Польша организовала поход на Бранденбург (1326 г.). Литовское правительство выделило в распоряжение Локетка 1200 всадников во главе с Давыдом городен-

---

[225] S. Zajączkowski₃, str. 587.

[226] Ibid.,, str. 602—604. Впервые источники говорят о литовской власти в Подляшье, в частности, в Берестье под 1348 г. (HW, p. 75).

ским. Поход был опустошительным, причем союзники дошли до Франкфурта-на-Одере [227]. Этим воспользовался чешский король Ян и в 1327 г. напал на Польшу; тогда в борьбу вмешалась союзная Польше Венгрия, где правил Карл-Роберт Анжуйский, также враждебный Людовику Баварскому.

Для нас все эти факты имеют то значение, что позволяют понять, при каких условиях возник большой крестовый поход на Жемайтию 1329 г. Дело в том, что чешский король двинулся не на Польшу, а на ее союзника — Литву. В 1328 г. он вышел из Праги с 300 рыцарей чешских, немецких и английских [228], его сопровождал секретарь, известный французский поэт Гильом де Машо, описавший этот поход в стихах [229]. К войскам Яна присоединились 200 немецких рыцарей и 18 тыс. другого войска Ордена [230]. Они ворвались в Жемайтию, где захватили пять городов: город Гедимина (близ Граумены — притока Юры), Сиздитен (Машо называет его Xedeyctain), Такайниц, Гиегуже и Медвяголу; жители последней, чтобы сохранить город, согласились принять крещение: vnd die boiaren von Mednuki haben im (т. е. магистру Вернеру) gehuldiget [231], но по уходе врагов отвергли соглашение. Локеток поддержал Литву вторжением в Кульмскую землю, и в общем поход не дал рыцарям территориальных приобретений.

Литовско-польский союз не был, однако, долговечен. На 1330 г. было намечено совместное польско-литовско-венгерское выступление против Ордена. Но хотя войска и собрались [232], поход не был общим, так как по инициативе венгерского короля, опасавшегося усиления Польши, литовские «язычники» были отстранены от участия в деле и Гедимин увел свое войско [233]. В дальнейшем Польша, продолжая борьбу, не добилась успеха: она не только не вернула Поморья, но потеряла Куявию (Брест, Иноврoцлав) [234].

Так закончилась эта первая попытка литовско-польского сближения. Она показала, что объединенные силы Литвы и Польши могут постоять за себя. Но пройдет много времени, прежде чем правительства этих двух стран найдут возможным

---

[227] PD, III, 361.

[228] S. Zajączkowski₇, str. 72 и сл.; ср. А. Н. Ясинский₁, стр. 18 и сл.

[229] См. S. Zajączkowski₆, str. 217—228.

[230] PD, Suppl. 9; ср. Can. Samb., cap. 8, p. 287.

[231] Wig, p. 465 (по записи Борнбаха).

[232] Путь большого войска Гедимина отмечен столкновениями в районе Остероде, под крепостью Лобов, затем — у замка Курниг (Кауерник па Древенце) и в земле zu Michilow (к югу от Древенцы) близ Страсбурга (Strôzberg). Wig. pp. 469—470.

[233] Wig, pp. 467—469; см. S. Zajączkowski₇, str. 161.

[234] Ibid., str. 268—274.

вступить в политический контакт, который приведет их к унии, а польский и литовский народы — к славной победе над немецкими захватчиками под Грюнвальдом. Но это — особая тема, имеющая свои источники и недавно монографически изученная в нашей историографии [235].

Изложенное выше дает возможность подвести следующие итоги.

1. Мужественное сопротивление литовского народа иноземной (прежде всего немецкой) агрессии в XIII—XIV вв.— яркая страница национально-освободительной борьбы народов эпохи средневековья. В этой борьбе литовский и белорусский народы выступали в боевом единстве.

2. Наступление на Литву было организовано под стягом крестовых походов наиболее реакционной силой тогдашней Европы — папской курией—и получало поддержку правительств Германии, Дании, Польши, Чехии, а в дальнейшем также Англии [236] и Франции.

3. Борясь за независимость, Литва оказала поддержку другим народам — пруссам и латышам (куршам, земгалам) в их противодействии агрессии.

4. В изучаемое время постепенно складывались предпосылки политического сближения правительств Литвы и Польши, которое имело важное значение для успешного исхода борьбы литовского и польского народов с немецкой агрессией.

---

[235] Б. И. Д у н д у л и $с_1$, стр. 3 и сл. М. А. Ю ч а $с_1$, стр. 3 и сл.

[236] Участие рыцарей в походах и в Прибалтику и в Переднюю Азию было настолько распространено, что даже Джефри Чосер (1340—1400) в прологе к «Кентерберийским рассказам» говорит про своего рыцаря: сперва in Lettow had he reysed and in Ruce, а затем совершил паломничество к «гробу господню» и воевал в Северной Африке (см. М. П. А л е к с е е $в_1$, стр. 564—565).

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова.
ГЛ — Генрих. Хроника Ливонии.
ЗНТШ — Записки Наукового Товариства ім. Шевченка.
ИЗ — Исторические записки. Изд. АН СССР.
ИОРЯС АН — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КС ИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
НIVЛ — Новгородская четвертая летопись.
ПРП — Памятники русского права.
ПЛ — Псковские летописи.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
СА — Советская археология.
САЛ — Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с нею владений.
СДГА — Собрание древних грамот и актов городов.
СЭ — Советская этнография.
ТАС — Труды Археологического съезда.
УГ — Українські грамоти.
ЧОНЛ — Чтения в историческом обществе Нестора-летописца.

* * *

AF — Altpreussische Forschungen.
AKL — Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków.
AF — Altpreussische Forschungen.
AM — Altpreussische Monatsschriften.
APC — Acta Patriarchatus Constantinopolitani.
ASEER — American Slavonic and East European Review.
ASP — Archiv für slavische Philologie.
AU — Akta unji Polski z Litwą.
AW — Ateneum Wileńskie.
CDP — Codex Diplomaticus Prussicus.

CE — Codex epistolaris saeculi XV.
CECDV — Codex ecclesiae sancti Stanislai cathedralis et diocesis Vilnensis diplomaticus.
CEV — Codex Epistolaris Vitoldi
CPHB — Conventus Primus Historicorum Balticorum. Acta et relata, Rigae, 1938.
HW — Herman Wartberge Chronicon terrae Prussiae.
HU — Hansisches Urkundenbuch.
JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.
KH — Kwartalnik Historyczny.
KZ — Kościół zamkowy czyli katedra Wileńska, cz. 2.
Lites — Lites ac Res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum.
LR — Livländische Reimchronik.
LU — Liv-Esth-und Curländisches Urkundenbuch.
MGH SS — Monumenta Germaniae Historica, Scriptores.
MLLG — Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft. Tilsit — Heidelberg, 1879—1912.
MMAP — Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia.
MPH — Monumenta Poloniae Historica.
MPV — Monumenta Poloniae Vaticana.
NE — Nikolaus von Jeroschin. Kronike von Pruzinlant.
PD — Petri Dusburg Chronica terre Prussiae.
PH — Przegląd Historyczny.
Prussia — Sitzungsberichte der Altertums - Prussia - Gesellschaft.
PU — Preußisches Urkundenbuch.
PZHP — Pamiętnik Powsz. Zjazdu Historyków Polskich.
RAU — Pozprawy (=Sprawozdania) Akademii Umiejętności, wydz. historyczno-filozoficzny, Kraków.
RSch — Das rigische Schuldbuch.
Senovė — Senovė istorijos skyrians darbai. Acta et commentationes ordinis historicorum V. M. Universitatis, Kaunas.
SRG — Scriptores rerum Germanicarum.
SRP — Scriptores rerum Prussicarum.
SU — Urkundenbuch des Bistums Samland.
Tż — Tauta ir žodis, [Народ и слово] Humanitarinių Mokslų Fakulteto leidinys. Kaunas.
VMPL — Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae.
Wb — Die litauischen Wegeberichte.
Wig — Die Chronik Wigands von Marburg.
ZO — Zeitschrift für Ostforschung.
ZPL — Zbiór praw litewskich.
ZPP — Zbiór praw... Wilnowi nadanych.
ZSP — Zeitschrift für slavische Philologie.
ŻML — Żródła do mytologii litewskiej.

Примечание: В ссылках к тексту книги указываются инициалы, фамилия автора, порядковый номер его работы, помещенной в библиографии, и страницы.

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.

Маркс К. К критике политической экономии. М., 1952.

Маркс К. Капитал, тт. I—III. М., 1953.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1953.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Избранные произведения, т. 2. М., 1955.

Энгельс Ф. Марка. Приложение к кн. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 113—129.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. Приложения к кн. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 153—163.

Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1956.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.[1] Соч., т. I, стр. 111—313.

Ленин В. И. О государстве. Соч., т. 29, стр. 433—451.

ИСТОЧНИКИ

А. Издания на русском, украинском и белорусском языках

Акты литовской метрики. т. I, в. 1 (1413—1498). Изд. Ф. И. Леонтович. Варшава, 1896.

Акты Литовско-Русского государства, в. 1, Изд. М. Довнар-Запольский. М., 1890.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, т. I (1340—1506). Под ред. И. Григоровича. СПб., 1846.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, изд. Археографической комиссией, т. I (1361—1598). Под ред. Н. Костомарова. СПб., 1863.

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. I. Вильна, 1867.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Изд. С. А. Аннинский. М.— Л., 1938.

Грамоты великих князей литовских (1390—1569). Под ред. В. Антоновича и К. Козловского. Киев, 1868.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.

Документы, объясняющие историю Западно-русского края и его отношения к России и к Польше. Пб., 1865.

Жалованная грамота Скиргайле, выданная Ягайлом 28 апреля 1387 г. в изд. J. Jakubowski₁, str. 44—46.

Житие князя Александра Невского. Изд. В. И. Малышев. ТОДРЛ, т. V. М.— Л., 1947, стр. 185—193.

Житие князя Довмонта. В кн.: Н. Серебрянский₁, стр. 138—156.

Житие митрополита Петра. Краткая редакция. В кн.: Макарий. История русской церкви, т. V. Прил. III, стр. 308—312; Пространная редакция (Киприана). ПСРЛ, т. XXI, Степенная книга, ч. I. СПб., 1908, стр. 321—322.

Законодательные акты великого княжества Литовского XV—XVI вв. Под ред. И. И. Яковкина. Л., 1936.

Калевипоэг. Эстонский народный эпос. Собрал и обработал Ф. Крейцвальд, перевод Вл. Державина и А. Кочеткова. Таллин, 1950.

Ланноа, Гильберт де. Путешествие в восточные земли Европы в 1403—1414 гг. «Университетские известия». Киев, 1873, № 8, стр. 1—45.

Летопись Переяславля-Суздальского. Изд. М. Оболенский. М., 1851.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. А. Н. Насонов. М.— Л., 1950.

Новгородские летописи (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). Изд. А. Ф. Бычков. СПб., 1879.

Памятники русского права. Изд. А. А. Зимин, в. I. М., 1952; в. 2. М., 1953.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I. М., 1909.

Плано-Карпини Иоанн де. История монголов. Изд. А. И. Малеин. СПб., 1910.

Повесть временных лет, ч. I—II. Изд. Д. С. Лихачев и Б. А. Романов. М.— Л., 1950.

Полное собрание русских летописей:

Т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. Е. Ф. Карский.

В. 1. Повесть временных лет. Л., 1926.

В. 2. Суздальская летопись. Л., 1927.

В. 3. Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Л., 1928.

Т. II. Ипатьевская летопись. Изд. А. А. Шахматов. СПб., 1908.

Т. IV. Новгородская четвертая летопись. Изд. Ф. И. Покровский и А. А. Шахматов, в. 1. Пгр., 1915; в. 2. Л., 1925.

Т. V. Софийская первая летопись, в. 1 (до 1255 г.). Изд. П. Г. Васенко. Л., 1925; ПСРЛ, т. V (до 1471 г.). Изд. Археографической комиссией. СПб., 1851; т. VI (до 1509 г.). Изд. Археографической комиссией. СПб., 1853.

Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. Изд. Я. И. Бередников и А. Ф. Бычков. СПб., 1856.

Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Изд. А. Ф. Бычков. СПб., 1859.

Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Изд. А. Ф. Бычков. СПб., 1863; в. 1. Рогожский летописец. Изд. Н. П. Лихачев. Пгр., 1922.

Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Изд. А. Ф. Бычков и К. Н. Бестужев-Рюмин. СПб., 1889.

Т. XVII. Западнорусские летописи. Изд. С. Л. Пташицкий и А. А. Шахматов. СПб., 1907.

Т. XVIII. Симеоновская летопись. Изд. А. Е. Пресняков. СПб., 1913.

Т. XXIII. Ермолинская летопись. Изд. Ф. И. Покровский, А. А. Шахматов, П. Н. Шеффер. СПб., 1910.
Т. XXIV. Типографская летопись. Изд. С. П. Розанов, А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков. Пгр., 1921.
Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. Изд. М. Н. Тихомиров. М.— Л., 1949.
Псковские летописи. Изд. А. Н. Насонов, в. 1. М.— Л., 1941; в. 2. М.— Л., 1955.
Русско-ливонские акты. Изд. К. Е. Напьерский. СПб., 1868.
Сборник П. Муханова. Изд. 2. СПб., 1866.
Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. 2. Изд. И. Срезневский. СПб., 1876.
Слово о полку Игореве. Изд. Д. С. Лихачев. М.— Л., 1950.
Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с нею владений (1387—1710 гг.), ч. I. Вильно, 1858.
Собрание древних грамот и актов городов — Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам, ч. 1. Вильно, 1843.
Сочинения Корнелия Тацита, т. I. Изд. В. И. Модестов. СПб., 1886. См. также сб. документов: Древние германцы. М., 1937, стр. 55—82.
Старый Литовский Статут 1529 г. Временник об-ва истории и древностей российских, кн. XVIII. М., 1854.
Статут великого княжества Литовского 1588 г. Там же, кн. XIX. М., 1854.
Троицкая летопись. Реконструкция М. Д. Приселкова. М.— Л., 1950.
Україньскі грамоти, т. I (XIV — пол. XV в.). Изд. В. Розов. Киев, 1928.
Устюжский летописный свод. Изд. К. Н. Сербина. М.— Л., 1950.

Б. Издания на других языках

Acta Patriarchatus Constantinopolitani (1315—1402), ed. F. Miklosich — Y. Müller, tt. I—II. Wien, 1860—1862.
Acten der Ständetage Preussens unter der Herrschaft des Deutschen Ordens, ed. M. Toeppen, Bd. 1 (1) (1233—1435). Leipzig, 1874.
Adamus Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum. Ed. B. Schmeidler. SRG, Hannoverae et Lipsiae, 1917.
Akta unji Polski z Litwą (1385—1791), ed. St. Kutrzeba, W. Semkowicz. Kraków, 1932.
Akten und Recesse der livländischen Ständetage, ed. O. Stavenhagen, Bd. I (1304—1460). Riga, 1907.
Annales Quedlinburgenses. MGH. SS, ed. G. H. Pertz, t. III. Hannoverae, 1838, pp. 18—90.
Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie, t. I (1366—1506), t. II (1284—1506). Lwów, 1887, 1888.
Biterolf und Dietleib, ed. Jänicke. В кн.: Deutsche Heldenbuch, Bd. 1. Berlin, 1866.
Canonici Sambiensis epitome gestorum Prussie, ed. M. Toeppen. SRP, t. I, pp. 272—290.
Chronica Alberici, monachi Trium Fontium, ed. P. Scheffer-Boichorst (MGH. SS, t. XXIII). Hannover, 1874.
Chronik (Aufzeichnungen) des lübischen Albrecht von Bardowik (1298). In: F. H. Grautoff. Die lübekischen Chroniken in niederdeutscher Sprache. Hamburg, 1829. Новое изд. K. Koppermann'а в кн.: Die Chroniken der deutschen Städte, Bd. XXVI. Leipzig, 1899, SS. 285—316.

Codex diplomaticus Masoviae, ed. J. K. Kochanowski. Warszawa, 1919.

Codex Diplomaticus Prussicus, ed. J. Voigt,t. I. (1148—1300). Königsberg, 1836; t. II (1251—1341). Königsberg, 1842; t. V. Königsberg, 1857; t. VI. Königsberg, 1861.

Codex Diplomaticus regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae, ed. M. Dogiel, tt. I, II, IV, 1758, 1759, 1764.

Codex Diplomaticus Warmiensis oder Regesten und Urkunden zur Geschichte Ermlands, t. I (1231—1340), ed. K. P. Woelky — J. M. Saage. Mainz, 1860.

Codex ecclesiae sancti Stanislai cathedralis et diocesis Vilnensis diplomaticus, ed. J. Fijałek — W. Semkowicz, t. I (1387—1507). Kraków, 1932.

Codex epistolaris saeculi XV. ed. A. Lewicki t. I, 1876; t. II, 1876; t. III. Kraków, 1894.

Codex Epistolaris Vitoldi, Magni Ducis Lithuaniae (1376—1430), ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882.

Das rigische Schuldbuch (1285—1352), ed. H. Hildebrand. SPb., 1872.

Detmars von Lübeck Chronik — SRP, t. III, pp. 79—388; в изд. K. K o p p e r m a n n. Die Chroniken der deutschen Städte, Bd. XXVI, SS. 1—174.

Die ältere Chronik von Oliva und die Schrifttafeln von Oliva, ed. T. Hirsch.— SRP, t. I, pp. 649—732.

Die Chronik Wigands von Marburg (1293—1394). SRP, t. II, pp. 429—662.

Die jungere Hochmeisterchronik, ed. Th. Hirsch, SRP, t. V, pp. 1—148.

Die litauischen Wegeberichte. SRP, t. II, pp. 662—711.

Die Statuten des Deutschen Ordens, nach den ältesten Handschriften, ed. M. Perlbach. Halle, 1890.

Dlugosii J. Historiae Polonicae, t. II, lib. VI—VII, ed. A. Przedziecki, Cracoviae, 1873.

Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae illustrantia, ed. A. G. Welykyj, t. I (1075—1700). Romae, 1953.

Dusburg Petri de. Chronica terrae Prussiae, ed. M. Toeppen. SRP, t. I, pp. 21—269.

Ein deutsch-preußisches Vocabularium aus dem Anfange des 15. Jahrhunderts, ed. C. H. T. Nesselmann. AM, Bd. V, 1868, SS. 465—520; или светотипич. изд. Das Elbinger deutsch-preussische Vokabular ed. A. Bezzenberger — W. Simon. Königsberg, 1897.

Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941—1410). SRP, t. III, p. 57—316.

Gall-Anonim. Cronica Gesta ducum sive principum Polonorum, ed. K. Maleczyński (в серии Monumenta Pol. Hist. Ser. II), t. II. Kraków, 1952.

Hansisches Urkundenbuch, Bd. I (975—1300), Bd. II (1300—1342), ed. K. Höhlbaum. Halle, 1879.

Helmoldi presbyteri Bozoviensis. Chronicon Slavorum, t. I, ed. B. Schmeidler. Hannoverae et Lipsiae, 1909.

Hermann Wartberge. Chronicon terrae Prussiae. SRP, t. II. Leipzig, 1863.

Johann Posilge. Chronik des Landes Preussen (1360—1409) SRP, t. III.

Johann Renner's Livländische Historien, ed. R. Hausmann — K. Höhlbaum. Göttingen, 1876.

Jura Prutenorum saeculo XIV condita nunc primum e libris manu scriptis edidit P. Laband. Regimonti, 1866.

Kodex Dyplomatyczny Litwy (1253—1433), ed. E. Raczyński. Wrocław, 1845.

Kościół zamkowy czyli katedra Wileńska (Źródła historyczne), cz. 2, ed. J. Kurczewski. Wilno, 1910.

Lites ac res gestae inter Polonos Ordinemque cruciferorum, t. II. ed. Z. Celichowski. Poznań, 1892.

Liv-Esth-und Curländisches Urkundenbuch, nebst Regesten, ed. F.G. Bunge, Bd. I (1093—1300). Reval, 1853; Bd. II (1301—1367). Reval, 1855; Bd. III (1368—1393). Reval, 1857; Bd. IV (1394—1413). Reval, 1859; Bd. V (2). Reval, 1865; Bd. VI (Ergänzungen). Riga, 1871.

Livländische Reimchronik, ed. L. Meyer. Padeborn, 1876.

Livonica, vornähmlich aus dem 13. Jahrhundert, im Vatikanischen Archiv, ed. H. Hildebrand. Riga, 1887.

Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, t. XIV, 1894.

Monumenta Poloniae Historica, ed. A. Bielowski, tt. I, II, III. Lwów, 1864, 1872, 1878.

Monumenta Poloniae Vaticana (Analecta Vaticana, 1202—1366), ed. J. Ptaśnik, t. III. Cracoviae, 1914.

Nikolaus von Jeroschin. Kronike von Pruzinlant, ed. E. Strehlke. SRP, t. I, pp. 291—648.

Oeuvres de Guillaume de Machaut, t. III, ed. E. Hoepffner. Paris, 1921.

Pomniki prawa litewskiego. Kraków, 1900.

Preußisches Urkundenbuch (Politische Abtheilung).

Bd. I. Erste Hälfte (до 1257 г.), ed. R. Philippi — K. P. Wölky, Königsberg, 1882; zweite Hälfte (до 1309 г.), ed A. Seraphim. Königsberg, 1909;

Bd. II, ed. M. Hein — E. Maxhke, Lieferung 1 (до 1324 г.). Königsberg, 1932; Lieferung 2 (до 1331 г.). Königsberg, 1935; Lieferung 3 (до 1335 г.). Königsberg, 1937; Lieferung 4 (Orts- und Personenregister). Königsberg, 1939;

Bd. III, Lieferung 1 (до 1341 г.), ed. M. Hein. Königsberg, 1944.

Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum (1198—1525), ed. E. Joachim — W. Hubatsch, Pars I (Regesten zum Ordensbriefarchiv), 1 Halbband (1198—1432), 2 Halbband (1433—1454), 2 Band (1455—1510); Pars II (Regesta Privilegiorum Ordinis S. Mariae Theutonicorum. Regesta der Pergament — Urkunden aus der Zeit des deutschen Ordens). Göttingen, 1948.

Regesta Lithuaniae ab origine usque ad Magni Ducatus cum Regno Poloniae unionem, t. I, ed. H. Paszkiewicz. Warszawa, 1930.

Scriptores Rerum Prussicarum, t. I, ed. F. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861; t. II, Leipzig, 1863; t. III, Leipzig, 1866; t. IV. Leipzig, 1870; t. V. Leipzig, 1874.

Scriptores Rerum Warmiensium (Monumenta Historiae Warmiensis), ed. K. P. Woelky — Y. M. Saage, tt. I—II. Braunsberg, 1866, 1889.

Skarbiec dyplomatów etc. posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów, ed. I. Daniłowicz, tt. I, II. Wilno, 1860—1862.

Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846.

Tacitus Germania, ed. W. Reeb, Leipzig — Berlin, 1930.

30 dokumentów katedry płockiej (1230—1317), ed. W. Ketrzyński. В кн.: Sprawozdanie z czynności zakładu narodowego imienia Ossolińskich. Lwów, 1888, N 26, str. 115—116.

Urkundenbuch des Bisthums Culm, ed. K. P. Woelky, Bd. I (1243—1466). Danzig, 1885.

Urkundenbuch des Bisthums Samland, ed. K. P. Woelky — H. Mendthal. Leipzig, 1891—1905.

Urkundenbuch zur Geschichte des vormaligen Bisthums Pomesanien.—

Zeitschrift des histor. Vereins für den Reg.-Bezirk Marienwerder, Heft 15—18, 1885—1887.

Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia, t. I (1216—1352), ed. A. Theiner. Romae, 1859.

Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. I (1217—1409), ed. A. Theiner. Romae, 1860.

Widsith, A study in old English Heroic Legend, ed. R. W. Chambers. Cambridge, 1912.

Wulfstan в изд. K. Körner. Einleitung in das Studium des Angelsächsischen. II Theil. Angelsächsische Texte. Mit Uebersetzung, Anmerkungen und Glossar, Heilbronn, 1888; то же в изд. King Alfred's Orosius, ed. by Henry Sweet (в серии Early English Text Society, vol. 79), London. 1883 (=SRP, t.I, pp. 732—735).

Zbiór praw i przywilejów miastu stołecznemu W. X. L. Wilnowi nadanych, ed. P. Dubiński. Wilna, 1788.

Zbiór praw litewskich (1386—1529), ed. T. Działyński. Poznań, 1841.

Źródła do mytologii litewskiej (Mythologiae Lituanicae Monumenta), ed. A. Mierzyński, t. I—II. Warszawa, 1892, 1896.

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. На русском, украинском и белорусском языках

Алексеев Л. В.₁ Полоцкая земля в IX—XIII вв. (автореферат канд. диссертации). М., 1955.

Алексеев Л. В.₂ Полоцкая земля в IX—XIII вв. (канд. диссертация). М., 1955. (Гос. б-ка им. В. И. Ленина — ДК $\frac{55-7}{847}$).

Алексеев М. П.₁ «Русский язык» у немецкого поэта XIV в. Сб. статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 557—572.

Алексеев М. П.₂ П. И. Прейс в работах над «Словом о полку Игореве». Доклады и сообщ. Филологич. ин-та ЛГУ, в. 3. Л., 1951, стр. 221—254.

Андрияшев А. М.₁ Очерк истории Волынской земли до конца XIV стол. Киев, 1887.

Андріяшев О.₂ Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку. Записки історично-філологічного відділу ВУАН, кн. XX. Киев, 1928, стр. 95—128.

Антонович В. Б.₁ Монографии по истории Западной и Юго-западной России, т. I. Киев, 1885.

Антонович В. Б.₂ Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV стол. В кн.: Історія Великого князевства Литовского. Тарнополь, 1887.

Арбузов Л.₁ (см. также Arbusow L.). Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912.

Багалей Д.₁ История Северской земли до половины XIV стол. Киев, 1882.

Багалій Д.₂ Нарис української історіографії, т. I. Літописи, в. I. Киев, 1923.

Балтрамайтис С.₁ Сборник библиографических материалов для географии, истории, истории права, статистики и этнографии Литвы. С приложением списка литовских и древне-прусских книг с 1553 по 1903 г. СПб., 1904.

Белоруссия и Литва, изд. П. Н. Батюшкова. СПб., 1890.

Беляев И. Д.₁ История Полоцка или Северо-Западной Руси

от древнейших времен до Люблинской унии, ч. 1. Строй жизни Полоцка и Великого княжества Литовского. М., 1872.

Бережков М.₁ О торговле русских с Ригою в XIII и XIV вв. ЖМНП, 1877, ч. 189, № 2, стр. 330—357.

Бережков М.₂ О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879.

Бережков Н. Г.₁ Литовская метрика, ч. 1. М.— Л., 1946.

Болеслав-Юрий II. Сборник материалов и исследований. СПб., 1907.

Борзаковский В. С.₁ История Тверского княжества. СПб., 1876.

Боричевский И.₁ О происхождении, названии и языке литовского народа. ЖМНП, 1847, декабрь, стр. 272—314.

Брим В. А.₁ Путь из варяг в греки. Известия АН СССР, VII серия, Отд. общ. наук. Л., 1931, № 2, стр. 201—247.

Брянцев П. Д.₁ История литовского государства с древнейших времен. Вильно, 1890.

Брянцев П. Д.₂ Очерк древней Литвы и Западной России. Вильна, 1891.

Буга К. К. (см. Buga K.)₁. К вопросу о хронологии литовских заимствований с русского. ИОРЯС АН, т. XVII, кн. I. СПб., 1912, стр. 1—49.

Булгарин Ф.₁ Русские письма. «Северная пчела», 1843, № 254—256.

Babakayckac Р. Ю.₁ Немецкая агрессия в Литве в XIII веке (автореферат кандид. диссертации). М., 1958.

Васильевский В. Г.₁ Обращение Гедимина в католичество. ЖМНП, 1872, ч. 159, № 2, стр. 65—196.

Васильевский В. Г.₂ История города Вильны. В кн.: Памятники русской старины в западных губерниях империи. Изд. П. Н. Батюшковым, в. 5. Пб., 1872, стр. 9—84; в. 6. Пб., 1874, стр. 1—112.

Васильевский В. Г.₃ Записи о поставлении русских епископов. ЖМНП, 1888, № 2, стр. 445—463.

Веселовский А. Н.₁ Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. СПб., 1906.

Вестберг Ф.₁ К анализу восточных источников о восточной Европе. ЖМНП, 1908, № 2, стр. 364—412; № 3, стр. 1—52.

Вимерите М.₁ Идейная и тематическая общность литовских и славянских сказок о животных. КС ИЭ АН СССР, 1950, в. 12, стр. 87—89.

Винтер Э.₁ Россия в политике римской курии в XIV в. Вопросы истории религии и атеизма, в. VI. М., 1958, стр. 291—305.

Виппер Р. Ю.₁ Иван Грозный. М., 1944.

Владимирский-Буданов М. Ф.₁ Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868.

Владимирский-Буданов М. Ф.₂ Население юго-западной Руси от половины XIII до половины XVII в. Архив юго-западной России, ч. VII, т. I. Киев, 1886, стр. 1—85.

Владимирский-Буданов М. Ф.₃ Очерки из истории литовско-русского права, в. I. Поместья Литовского государства. ЧОНЛ, кн. III. Киев, 1889.

Владимирский-Буданов М. Ф.₄ Очерки из истории литовско-русского права, в. II. Черты семейного права XVI в. ЧОНЛ, кн. IV. Киев, 1890.

Владимирский-Буданов М. Ф.₅ Формы крестьянского землевладения в Литовско-русском государстве XVI в. В кн.: Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая. Под ред. И. В. Лучицкого. Киев, 1892, стр. 357—386.

Владимирский-Буданов М. Ф.₆ Крестьянское земле-

владение в Западной России до половины XVI в. ЧОНЛ, кн. VII. Киев, 1893.
Власьев Г. А.1 Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий, т. I, вв. 1, 2. СПб., 1906; в. 3, СПб., 1907; т. II, в. 1. Пгр , 1918.
Вольтер Э. А.1 (см. также Е. А. Volter). Западнорусское свидетельство о литовских богах. Записки Импер. Ак. Наук. СПб., 1885 т. 53, прил. 3, стр. 173—179.
Вольтер Э. А.2 Сообщение о литовских сказках. Известия Импер. Русск. Геогр. Общ-ва, 1886, т. XXII, стр. 328.
Вольтер Э. А.3 Об этнографической поездке по Литве и Жмуди. Записки Импер. Ак. Наук. СПб., 1887, т. 56, прил. 5, стр. 25—56.
Вольтер Э. А.4 Об изучении литовской мифологии. Известия Импер. Русск. Геогр. Общ-ва, 1888, т. XXIV, Приложение, стр. 1—9.
Вольтер Э. А.5 Развалины Трокского замка. Памятная книжка Виленской губернии на 1889 г., ч. II, стр. 181—185.
Вольтер Э. А.6 Литовские легенды. Этнографическое обозрение. М., 1890, № 3, стр. 139—148.
Вольтер Э. А.7 Диверикс. Большая Энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова, т. V 1893, стр. 571.
Вольтер Э. А.8 Где искать землю Нальшанскую Ипатьевской летописи. ЖМНП, 1900, № 5, стр. 195—201.
Вольтер Э. А.9 Отзыв о книге Ю. Ю. Трусмана, Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах. Записки Имп. Ак. Наук по ист.-филол. отд. СПб., 1902, т. VI, № 2, стр. 209—220.
Вольтер Э. А.10 Город Мендовга или где искать Летовию XIII века. ИОРЯС АН, 1909, т. XIV, кн. 3, стр. 95—102.
Вольтер Э. А.11 Следы древних пруссов и их языка в Гродненской губернии. ИОРЯС АН, 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 151—160.
Вольтер Э. А.12 Литовская мифология. Большая Энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова, т. XXIV, 1915, стр. 670—673.
Воронин Н. Н.1 Раскопки в Гродно. КС ИИМК, в. 28, 1951, стр. 25—33.
Воронин Н. Н.2 Древнее Гродно. МИА СССР, в. 41. М., 1954, стр. 1—202.
Востоков А.1 Описание рукописей Румянцевского музеума. М., 1842.
Гальковский Н. М.1 Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I, Харьков, 1916.
Генсьиорський А. І.1 Редакції галицко-волинського літопису. Наукові записки Институту Суспільних наук Ак. Наук Української РСР. Київ, 1957, т. IV, в. 2, стр. 68—82.
Гильдебранд Г.1 Немецкая контора в Полоцке. Прибалтийский сборник, т. II. Рига, 1879, стр. 44—80.
Гильфердинг А.1 Литва и Жмудь. В кн.: Собр. соч., т. 2. СПб., 1868, стр. 361—385.
Голубинский Е.1 История русской церкви, т. II, кн. 1. М. 1901; т. II, кн. 2. М., 1911.
Голубинский Е.2 История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
Голубович В. (см. также Hołubowicz, W.), Голубович Е.1 Кривой город — Вильно. КС ИИМК, в. 11, 1945, стр. 114—125.
Голубович Е., Голубович В.2 Хлебные злаки из раскопок на горе Бекеше. Там же, стр. 125—126.
Голубович Е., Голубович В.3 Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе. Там же, стр. 126—137.

Голубовский П. В.1 История Северской земли до половины XIV ст. Сб. соч. студентов ун-та св. Владимира, в. III. Киев, 1881, стр. 1—202.

Голубовский П. В.2 История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

Готье Ю. В.1 Железный век в Восточной Европе. М., 1930.

Греков Б. Д.1 Ленин и историческая наука. Известия АН СССР, сер. истор. и филос., 1944, т. I, № 1, стр. 3—15.

Греков Б. Д.2 Крестьяне на Руси, кн. 1. М., 1952.

Греков Б. Д.3 Киевская Русь. М., 1953.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.1 Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950.

Грацианский Н. П.1 О материальных взысканиях в варварских Правдах. Историк-марксист, 1940, № 7, стр. 54—64.

Грацианский Н. П.2 К толкованию термина villa в Салической Правде. Сб. Средние века, в. 2. М., 1946, стр. 73—81.

Грацианский Н. П.3 Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. ВИ, 1946, № 2—3, стр. 91—106.

Грушевский А. С.1 Очерк истории Турово-Пинского княжества XI—XIII вв. Киев, 1901.

Грушевский А. С.2 Пинское Полесье. Очерки, ч. 2 (Туров, Городок и Пинск в составе в. кн. Литовского. Пинское староство кор. Боны), XIV — XVI вв. Киев, 1903.

Грушевский А. С.3 Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Киев, 1918.

Грушевський М.1 Історія України-Руси, т. III, до року 1340, Львів, 1905; т. IV (XIV — XVI віки). Відносини політичні. Київ — Львів, 1907; т. V, Суспільно-політичн. і церковний устрій і відносини в укр.-руських землях XIV—XVII в., Львів, 1905; т. VI. Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII в. Київ—Львів, 1907.

Грушевський М.2 Новійша література по історії в. кн. Литовського. Критичний огляд. Український Науковий Збірник, в. II. М., 1916, стр. 21—39.

Грушевський М.3 Історія української літератури, т. III. Киев, 1923.

Гуревич Ф. Д.1 Древние верования народов Прибалтики по данным «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского. СЭ, в. 4, 1948, стр. 70—77.

Гуревич Ф. Д.2 Рагинянский могильник. КС ИИМК, в. 36, 1951, стр. 55—61.

Гуревич Ф. Д.3 Из истории раннего Гродно. СА, в. XV, 1951, стр. 82—95.

Гуревич Ф. Д.4 Древние памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения. КС ИИМК, в. 42, стр. 13—22.

Гуревич Ф. Д.5 К истории древних пруссов в I тысячелетии н. э. КС ИИМК, в. 70, 1957, стр. 40—48.

Гуревич Ф. Д.6 О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии. КС ИИМК, в. 72, 1958, стр. 54—65.

Гусев М.1 Древний литовский календарь. Известия Имп. Археолог. об-ва. СПб., 1865, т. V, вып. 5, стр. 335—353.

Гуслистий К.1 Нариси з історії України, в. II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею. Киев, 1939.

Данилевич В. Е.1 Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV стол. Киев, 1896.

Данилевич В. Е.2 Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV ст. Юрьев, 1898.

Данилова Л. В.1 Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955.

Дашкевич Н. П.1 Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.

Дашкевич Н. П.2 Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885.

Дмитриева Р. П.1 Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.

Довнар-Запольский М. В.1 Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол. Киев, 1891.

Довнар-Запольский М. В.2 Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I. Киев, 1901.

Дробинский А. И.1 Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе. ИЗ, т. 26, стр. 95—127.

Дундулене П. В.1 Земледелие в дофеодальной Литве. КС ИЭ АН СССР, в. 12, 1950, стр. 74—82.

Дундулене П. В.2 Земледелие в Литве в эпоху феодализма (автореферат канд. диссертации). Вильнюс, 1954.

Дундулене П.3 Земледелие в Литве в эпоху феодализма. Балтийский этнографический сборник, нов. сер., т. XXXII. М., 1956, стр. 3—47.

Дундулис Б. И.1 Дипломатическая и вооруженная борьба Литвы против Тевтонского ордена и ее союз с гуситами в 1410—1422 гг. (автореферат канд. диссертации). Вильнюс, 1955.

Еремин И. П.1 Повесть временных лет (Проблемы ее историко-литературного изучения). Л., 1947.

Еремин И. П.2 Киевская летопись как памятник литературы. ТОДРЛ, т. VII. М.— Л., 1949, стр. 67—97.

Еремин И. П.3 Волынская летопись 1289—1290 гг. ТОДРЛ, т. XIII. М.— Л., 1957, стр. 102—117.

Ефименко А. Я.1 Литовско-русские данники и их дани. ЖМНП, 1903, № 1, стр. 106—119.

Ефименко А. Я.2 История украинского народа, вып. 1—2. СПб., 1906.

Жданов И.1 К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881.

Жюгжда Ю. И. (см. также Žiugžda, J.)1. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII—XV вв. Исторический журнал, 1943, № 8—9, стр. 27—33.

Жюгжда Ю.2 Фальсификация истории литовского народа литовской буржуазной националистической историографией. Коммунист. Вильнюс, № 2—3, 1946, стр. 34—43.

Заборов М. А.1 Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в. Византийский временник, т. V. М., 1952, стр. 152—177.

Заборов М. А.2 Крестовые походы. М., 1956.

Зеленин Д. К.1 Очерки русской мифологии, вып. 1. Пг., 1916.

Зеленин Д. К.2 Тотемический культ деревьев у русских и белорусов. Известия АН СССР. Л., 1933, № 8, стр. 591—629.

Зеленин Д. К.3 Русская дореволюционная литература по истории семьи и рода. В кн.: Вопросы истории доклассового общества. Сб. статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.— Л., 1936, стр. 913—960.

Зеленин Д. К.4 Обзор рукописных материалов ученого архива Всесоюзного Геогр. Об-ва о народах Прибалтики (латыши, литовцы, эсты). СЭ, вв. VI—VII, 1947, стр. 254—274.

Зотов Р. В.1 О черниговских князьях по Любецкому синодику и Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

З у т и с Я.₁ Очерки по историографии Латвии, ч. I. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.

И к о н н и к о в В. С.₁ Опыт русской историографии, т. II, кн. 1 и 2. Киев, 1908.

И л о в а й с к и й Д.₁ История России, т. II. М., 1884.

К а р а м з и н Н. М.₁ История государства Российского, кн. 1 (тт. 1—4). СПб., 1842.

К а р с к и й Е. Ф.₁ К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие. Сб. статей, посвящ. Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902, стр. 469—491.

К а р с к и й Е. Ф.₂ Белоруссы, т. I. Вильна, 1904.

К а р с к и й Е. Ф.₃ Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области. ИОРЯС АН, т. XXIX, 1924, стр. 1—22.

К е п п е н П.₁ О происхождении, языке и литературе литовских народов. СПб., 1827.

К и р ь я н о в А. В.₁ Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно. МИА СССР, № 41, 1954, стр. 205—210.

К л е п а т с к и й П. Г.₁ Очерки по истории Киевской земли, т. I (Литовский период). Одесса, 1912.

К л ю ч е в с к и й В. О.₁ Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

К л ю ч е в с к и й В. О.₂ Курс русской истории. Соч., т. I. М., 1956.

К о с т о м а р о в Н.₁ Начало Руси. «Современник», 1860, т. 79, № 1, стр. 5—32.

К о с т о м а р о в Н. И.₂ Русские инородцы. Литовское племя и отношения его к русской истории. «Русское слово», 1860, № 5, стр. 1—100.

К о р д т В.₁ Чужеземнi подорожнi по Схiднiй Європi до 1700 р. Збiрник ист.-фил. вiддiлу Укр. АН, Київ. 1926, № 38.

К о с в е н М. О.₁ Семейная община (к истории вопроса). Известия АН СССР, сер. ист. и филос., 1946, т. III, № 4, стр. 349—362.

К о с в е н М. О.₂ Семейная община (опыт исторической характеристики). СЭ, в. 3, 1938, стр. 3—32.

К о с в е н М. О.₃ Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.

К о ч у б и н с к и й А. А.₁ Территория доисторической Литвы. ЖМНП, 1897, № 1, стр. 60—94.

К о я л о в и ч М.₁ Лекции по истории Западной России. Изд. 4. СПб., 1884.

К р ж и в и ц к и й Л. О.₁ Жмудские пилькалнисы. Известия Имп. Археологической комиссии. СПб., 1909, вып. 29, стр. 82—129.

К р ж и в и ц к и й Л.₂ Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сб. в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913, стр. 301—318.

К р о п о т к и н В. В.₁ Топография кладов римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 152—180.

К у к о л ь н и к П. В.₁ Исторические заметки о Литве. Вильна, 1864.

К у л и к а у с к а с П. З.₁ (см. также K u l i k a u s k a s P.). Курмайчаяйские археологические памятники и данные их исследования (автореферат канд. диссертации). Вильнюс, 1949.

К у л и к а у с к а с П. З.₂ Литовские археологические памятники и задачи их изучения. КС ИЭ АН СССР, в. 12. М., 1950, стр. 59—61.

К у л и к а у с к а с П. З.₃ Изучение археологических памятников Литовской ССР в 1948—1950 гг. Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики. М., 1951, стр. 17—21.

К у л и к а у с к а с П. З.₄ Исследование археологических амятников Литвы. КС ИИМК, в. 42, 1952, стр. 92—107.

Куликаускас П. З.$_{5}$ Некоторые данные о первоначальном заселении территории Литвы и о племенных группах в I и начале II тысячелетия по данным археологии. Труды Института этнографии АН СССР. М., 1954, т. XXIII, стр. 36—46.

Куликаускене Р. К.$_{1}$ (см. также Volkaitė-Kulikauskienė R.). Материальная культура населения Литвы IX—XIII вв. по данным исследований погребальных памятников (поздний железный век). Автореферат канд. диссертации. Вильнюс, 1950.

Куликаускене Р.$_{2}$ Погребальные памятники Литвы конца I — начала II тысячелетия нашей эры. КС ИИМК, в. 42, 1952, стр. 108—122.

Куликаускене Р.$_{3}$ Погребения с конями у древних литовцев. СА, в. XVII, 1953, стр. 211—222.

Лаппо И.$_{1}$ Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. Прага, 1924.

Лаппо И.$_{2}$ Литовский статут 1588 г., т. I. Исследование, ч. 1. Ковно, 1934; т. II (текст). Ковно.

Лаптев В. В.$_{1}$ Воскресенская летопись. Ученые записки Ленингр. Гос. пед. ин-та им. Герцена. Л., 1955, т. 102, стр. 165—239.

Лаутенбах Я.$_{1}$ Очерки из истории литовско-латышского народного творчества. Юрьев, 1896.

Левина С. А.$_{1}$ О времени составления и составе Воскресенской летописи. ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 375—379.

Левина С. А.$_{2}$ К изучению Воскресенской летописи. ТОДРЛ, т. XIII. М.— Л., 1957, стр. 689—705.

Ледерер Э.$_{1}$ Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи. Acta historica Acad. Scient. Hung., t. II, 1—2, Budapest, 1953, pp. 1—45.

Леонтович Ф. И.$_{1}$ Русская Правда и Литовский статут, в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права. Университетские известия. Киев, 1865, № 2, стр. 1—25; № 3, стр. 1—31; № 4, стр. 1—38.

Леонтович Ф. И.$_{2}$ Очерки по истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894.

Леонтович Ф. И.$_{3}$ Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины. ЖМНП, 1895, № 6, стр. 366—403, и № 7, стр. 1—20.

Леонтович Ф. И.$_{4}$ Крестьянский двор в Литовско-русском государстве. ЖМНП, 1896, № 10, стр. 173—203; № 12, стр. 153—192; 1897, № 4, стр. 408—462; № 5, стр. 1—43.

Леонтович Ф. И.$_{5}$ Рада великих князей литовских. ЖМНП, 1907, № 9, стр. 122—178; № 10, стр. 273—331.

Леонтович Ф. И.$_{6}$ Бояре и служилые люди в Литовско-Русском государстве. ЖМ Юстиции, СПб., 1907, № 5, стр. 221—292; № 6, стр. 192—264.

Леонтович Ф. И.$_{7}$ Правоспособность литовско-русской шляхты. ЖМНП, 1908, № 3, стр. 53—87; № 5, стр. 136—167; № 7, стр. 245—298; № 8, стр. 49—56; 1909, № 2, стр. 225—269, № 3, стр. 44—88.

Леонтович Ф. И.$_{8}$ Веча, сеймы и сеймики в Великом княжестве Литовском. ЖМНП, 1910, № 2, стр. 233—274, № 3, стр. 37—61.

Линниченко И.$_{1}$ Взаимные отношения Руси и Польши до пол. XIV стол., ч. 1. Киев, 1884.

Лихачев Д. С.$_{1}$ Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947.

Любавский М. К.$_{1}$ Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.

Любавский М. К.$_2$ О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV вв. В кн.: Издания Исторического общества при Московском унив. Рефераты. М., 1896, стр. 68—98.

Любавский М. К.$_3$ Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900.

Любавский М. К.$_4$ Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910.

Любавский М. К.$_5$ Поседные бояре в Жмудьской земле в XVI в. Сб. статей, посвящ. С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 439—449.

Любавский М. К.$_6$ История западных славян. М., 1918.

Любаўскі М.$_7$ Літва і славяне ў іх узаемаадносінах у XI—XIII сталецьці. Запіскі аддзелу гуманітарных навук Белар. Ак. Навук, кн. 8. Працы клясы гісторыі. Менск, 1929, т. III, стр. 1—20.

Ляскоронский В.$_1$ Этнография по Адаму Бременскому. Университетские известия. Киев, 1883, № 2, Прибавл., стр. 1—24, № 4; Прибавл., стр. 25—54.

Ляскоронский В.$_2$ К вопросу о местоположении района, в котором проповедывал епископ Брунон в начале XI в. ЖМНП, 1916, № 8, стр. 273—295.

Лященко П. И.$_1$ История народного хозяйства СССР, т. I. Изд. 4. М., 1956.

Мавродин В. В.$_1$ Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Л., 1940.

Макарий$_1$. Православная и русская народность в Литве. Христианское чтение. СПб., 1851, ч. 1, стр. 430—497; ч. 2, стр. 174—233.

Макарий$_2$. История русской церкви, т. IV. СПб., 1886, стр. 127—136.

Максимейко Н. А.$_1$ Источники уголовных законов Литовского Статута. Киев, 1894.

Максимейко Н. А.$_2$ Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569. Харьков, 1902.

Максимейко Н. А.$_3$ Русская Правда и литовско-русское право. Сб. статей по истории права, посвящ. М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904, стр. 382—395.

Малиновский И.$_1$ Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России, ч. 1. Боярская дума древней России. Томск, 1903; ч. 2. Рада Великого княжества Литовского, т. I. Томск, 1904.

Масленникова Н. Н.$_1$ Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

Мержинский А. Ф.$_1$ (см. также Mierzyński A.). Прусский жрец Sicco. TVIIIАС в Москве, т. 2. М., 1895, стр. 183—190.

Мержинский А. Ф.$_2$ О надровском жреце огня, Криве. TIXAC в Вильне, т. I. М., 1895, стр. 246—259.

Мержинский А. Ф.$_3$ Ромове. TXAC в Риге, т. I. М., 1899, стр. 350—455.

Миловидов А.$_1$ Меры, принятые графом М. Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Сев.-Зап. крае. Виленский календарь на 1900 г., стр. 223—255.

Митрофанов А. Г.$_1$ К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа (автореферат канд. диссертации). Л., 1955.

Молчановский Н.$_1$ Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885.

Мольнар Э.$_1$ Основание Венгерского государства. Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapestini, 1951.

М о о р а Х. А.₁ (см. также M o o r a H.). Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КС ИИМК, в. 42, 1952, стр. 24—39.
М о о р а Х. А.₂ Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КС ИИМК, в. 48, 1952, стр. 3—24.
М о о р а Х. А.₃ Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. КС ИИМК, в. 53, 1953, стр. 3—20.
М о о р а Х. А.₄ Возникновение классового общества в Прибалтике по археологическим данным. СА, в. XVII, 1953, стр. 105—132.
М о о р а Х. А.₅ О результатах исследования городищ в Эстонской ССР. Археологический сборник Института истории АН ЭССР. Древние поселения и городища, т. I. Таллин, 1955, стр. 88—94.
М о о р а Х. А.₆ Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Сб. статей «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 49—141.
Н а с о н о в А. Н.₁ Летописные своды Тверского княжества. Доклады АН СССР, сер. «В», ноябрь — декабрь. Л., 1926, стр. 125—128.
Н а с о н о в А. Н.₂ Летописные памятники Тверского княжества (Опыт реконструкции тверского летописания от XIII до конца XV в.). Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 709—738 и № 10, стр. 739—773.
Н а с о н о в А. Н.₃. Монголы и Русь. М.— Л., 1940.
Н а с о н о в А. Н.₄ О русском областном летописании. Известия АН СССР, отд. ист. и филос., т. II, № 4, 1945, стр. 290—293.
Н а с о н о в А. Н.₅ Из истории псковского летописания. ИЗ, т. 18, 1946, стр. 255—299.
Н а с о н о в А. Н.₆ «Русская земля» и образование территории древне-русского государства. М., 1951.
Н е у с ы х и н А. И.₁ Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
Н е ч к и н а М. В.₁ О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. ВИ, № 7, 1958, стр. 86—108.
Н и к и т с к и й А. И.₁ Кто такой был Гедимин. «Русская старина». СПб., 1871, август, стр. 162—166.
Н и к о л ь с к и й А. А.₁ О языке Ипатской летописи. «Русский филологический вестник», Варшава, 1899, т. 41, стр. 238—275; т. 42, стр. 23—110.
О б о л е н с к и й М. А.₁ Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. Казань, 1850.
О г л о б л и н₁. Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II. Универ. известия. Киев, 1873, № 8, стр. 1—15.
Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Известия ГАИМК, в. 103. М.— Л., 1934.
Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. (Труды ГИМ, вып. 32). Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1956.
П а в л о в А. С.₁ О начале галицкой и литовской митрополии и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV в. М., 1894.
П а к а р к л и с П. И.₁ (См. также P a k a r k l i s P.). Литовский народ в борьбе против папства и Тевтонского ордена за свою государственность (автореферат докт. диссертации). М., 1951.
П а к а р к л и с П. И.₂ Литовский народ в борьбе против папства и Тевтонского ордена за свою государственность. М., 1950 (докт. диссертация. Хранится в библиотеке им. В. И. Ленина: Дд $\frac{52-12}{2}$, тт. 1—2).
П а ш у т о В. Т.₁ Хозяйство и техника средневековой Литвы. ВИ, 1947, № 8, стр. 74—81.

Пашуто В. Т.₂ Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
Пашуто В. Т.₃ О возникновении Литовского государства. Известия АН СССР, серия ист. и филос., 1952, т. IX, № 1, стр. 29—49.
Пашуто В. Т.₄ Помезания. М., 1955.
Пашуто В. Т.₅ Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.
Пашуто В. Т.₆ Против некоторых буржуазных концепций образования Литовского государства. ВИ, 1958, № 8, стр. 40—62.
Пашуто В. .₇ Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.). История СССР, № 6, 1958, стр. 54—81.
Пашуто В. Т.₈ Так называемое «Изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма. ВИ, № 3, 1959, стр. 60—76.
Перфецкий Е. Ю.₁ (См. также Perfeckij E.), Русские летописные своды и их взаимоотношения. Spisy Filosofické Fakulty University Komenského v Bratislavé, čislo 1, 1922.
Перфецький Е.₂ Новгородський княжий літопис і його відношення до українського літописання XII століття. ЗНТШ, тт. 134—135. Львів, 1924, стр. 1—18.
Перфецький Е.₃ Перемишльский літописний кодекс першої редакції в склади хроніки Яна Длугоша. ЗНТШ, т. 147, стр. 1—54; т. 149, стр. 31—83. Львів, 1927—1928.
Перцев В. Н.₁ Пруссия до ее завоевания немцами. Исторический журнал, 1944, № 4, стр. 44—52.
Перцаў В. Н.₂ Барацьба старажытнай Прусіі з націскам Германіі і Польшчы ў X—XIII вяках. Вучоныя запіскі, БДУ, сер. гістарычная. Менск, 1948, вып. 6, стр. 78—102.
Перцев В. Н.₃ Культура и религия древних пруссов. Ученые записки Белор. гос. ун-та им. Ленина, сер. историч. Минск, 1953, в. 16, стр. 329—378.
Перцев В. Н.₄ Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами. Там же. Минск, 1955, в. 23, стр. 90—123.
Перцев В. Н.₅ Начальные периоды истории древней Пруссии (генезис прусской народности), там же, 1956, в. 30, стр. 109—122.
Перцаў В. Н.₆ Гістарычная думка на тэрыторыі Беларусі паводле даных ранняй народнай творчасці і летапісаў. Весці Ак. Н. БССР, 1956, № 3, стр. 5—14.
Перцаў В. Н.₇ Гістарычная думка ў Беларусі ў XIX — пачатку XX ст. Весці АН БССР, сер. грамадскіх навук, 1957, № 2.
Петрунь Ф.₁ Ханські ярлики на українські землі. Східній світ. Харьков, 1928, № 2, стр. 170—187.
Пичета В. И.₁ Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты. Сб. статей, посвящ. В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 605—631.
Пичета В. И.₂ Литовско-русское государство. В кн.: Русская история в очерках и статьях, т. 2. Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1910, стр. 337—439.
Пичета В. И.₃ Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве, ч. 1—2. М., 1917.
Пичета В. И.₄ История Литовского государства до Люблинской унии. Вильно, 1921.
Пічэта У.₅ Гісторыя Беларусі, ч. 1. М.— Л., 1924.
Пічэта У.₆ Распрацоўка гісторыі літоўска-беларускага права XV — XVI ст. у гісторыяграфіі. Полымя. Минск, 1926, № 8, стр. 169—178. Минск, 1927, № 2, стр. 125—155.
Пичета В. И.₇ Основные моменты исторического развития Зап. Украины и Зап. Белоруссии. М., 1940.

Пичета В. И.$_8$ Из истории борьбы литовского народа за свое освобождение. Вестник АН СССР, 1940, № 11—12, стр. 85—100.

Пичета В. И.$_9$ Образование белорусского народа. ВИ, 1946, № 5—6, стр. 3—29.

Пичета В. И.$_{10}$ Изучение литовских статутов в новейшей историко-юридической литературе (1918—1940). Известия АН, сер. ист. и филос., 1946, т. 3, № 1, стр. 31—42.

Пичета В. И.$_{11}$ Институт холопства в Великом княжестве Литовском в XV — XVI вв. ИЗ, т. 20, 1946, стр. 38—65.

Пичета В. И.$_{12}$ Великое княжество Литовское в XIII—XVI вв. В кн.: История СССР, т. I. М., 1947, стр. 214—237.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. I. М., 1956.

Погодин А. Л.$_1$ Из древнейшей истории литовского племени. В его книге: Сб. статей по археологии и этнографии. СПб., 1902, стр. 155—162.

Погодин А.$_2$ Древние литовцы. Вильно, 1920.

Покровский М. Н.$_1$ Русская история с древнейших времен, т. I, ОГИЗ, 1933.

Покровский Ф. В.$_1$ Археологическая карта Виленской губернии. Вильно, 1893.

Покровский Ф. В.$_2$ Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. ТIХАС, т. I. М., 1895, стр. 166—220.

Покровский Ф. В.$_3$ К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. ТIХАС, т. II. М., 1897, стр. 138—196.

Покровский Ф. В.$_4$ К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении. ТХАС в Риге, т. I. М., 1899, стр. 71—171.

Похилевич Д. Л.$_1$ Селянська громада в західних воеводствах великого князівства Литовського після аграрної реформи Сигизмунда-Августа. Ученые записки Львовского гос. ун-та им. И. Франко, сер. историч. Львов, 1948, т. X, в. 3, стр. 103—130.

Похилевич Д. Л.$_2$ Движение феодальной земельной ренты в Великом княжестве Литовском в XV — XVI вв. ИЗ, т. 31. М., 1950, стр. 191—221.

Похилевич Д. Л.$_3$ Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI — XVIII вв. Львов, 1957.

Пресняков А. Е.$_1$ Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII — XV столетий. Пгр., 1918.

Пресняков А. Е.$_2$ Лекции по русской истории (читанные автором в 1908—1910 гг.), т. II, в. 1 (Западная Русь и Литовско-Русское государство). М., 1939.

Прейс П.$_1$ Донесение. ЖМНП, 1840, ч. 26, отд. IV, май, стр. 17—29.

Прейс П.$_2$ Донесение. ЖМНП, 1841, ч. 29, отд. IV, стр. 31—53.

Приселков М. Д.$_1$ Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. ИОРЯС АН, т. XXI, кн. 1. Пгр., 1916, стр. 48—70.

Приселков М. Д.$_2$ История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

Приселков М. Д.$_3$ Летописание Западной Украины и Белоруссии. Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, 1941, № 67, вып. 7, стр. 5—24.

Раппопорт П. А.$_1$ Волынские башни. МИА СССР, № 31, т. II. М. 1952, стр. 202—223.

Рожков Н. А.$_1$ Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. Изд. 1. Пгр., 1919.

Рожков Н. А.$_2$ Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. Изд. 2. Пгр., 1923.

Розанов С. П.₁ «Никоновский» летописный свод и Иосаф, как один из его составителей. ИОРЯС АН, т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 269—287.

Рыбаков Б. А.₁ Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, № 6, 1940, стр. 227—257.

Рыбаков Б. А.₂ Ремесло древней Руси. М., 1948.

Рыдзевская Е. А.₁ Слово «смерд» в топонимике. Проблемы источниковедения, сб. II. М.— Л., 1936, стр. 5—16.

Сапунов А.₁ Река Западная Двина. Историко-географический обзор. Витебск, 1893.

Сапунов А. П.₂ Сказания исландских, или скандинавских, саг о Полоцке. Полоцко-Витебская старина, вып. III. Витебск, 1916, стр. 3—33.

Седов В. В₁. Кривичи и словене (автореферат канд. диссертации). М., 1954.

Серебрянский Н.₁ Древне-русские княжеские жития. М., 1915.

Снечкус А.₁ Литва в борьбе против немецких оккупантов. Большевик, 1943, № 10, стр. 36—43.

Соболевский А. И.₁ Смоленско-полоцкий говор в XIII — XV вв. Русский филологический вестник. Варшава, 1886, т. XV, стр. 7—26.

Соболевский А. И.₂ Где жила Литва? Известия Имп. Ак. Наук, 1911, т. V, № 15, стр. 1051—1054.

Соловьев А.₁ Великая, Малая и Белая Русь. ВИ, 1947, № 7, стр. 24—38.

Соловьев А. В.₂ Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». ИЗ, т. 25, 1948, стр. 71—103.

Соловьев С. М.₁ Крестоносцы и Литва. «Отечественные записки», 1852, т. LXXX, кн. 6, стр. 43—62.

Соловьев С. М.₂ История России с древнейших времен, т. I. Изд. «Общественная польза».

Сперанский М.₁ Сербское житие литовских мучеников. М., 1909.

Спицын А. А.₁ Литовские древности. Tż, t. III. 1925, p. 112—171.

Станкевич Я. В.₁ Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины. Археологический сборник Института истории АН СССР.Древние поселения и городища, т. I. Таллин, 1955, стр. 95—109.

Станкевич Я. В.₂ Памятники славянской культуры середины I тысяч. н. э. в верхнем течении Западной Двины. КС ИИМК, в. 72, стр. 46—53.

Сушицкий Ф.₁ Из лекций по литературе Южной и Западной Руси XV — XVIII вв. О западно-русских летописях. Киев, 1915.

Сушицький Т.₂ Західньо-руські літописи як пам'ятки літератури, ч. I. Збірник іст.-філол. відділу Укр. Ак. Наук, в. 2. Київ, 1921; в. 2а (русский перевод). Киев, 1927; ч. II. Киев, 1929.

Таранович В. П.₁ К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. СА, в. 8, 1946, стр. 249—260.

Тарасенко П. Ф. (см. также Tarasenka P.)₁. Городища Литвы. КС ИММК, в. 42, 1952, стр. 86—91.

Таутавичюс А. З.₁ (см. также Tautavičius A.). Восточная Литва в первом тысячелетии нов. эры (автореферат канд. диссертации). Вильнюс, 1954.

Теобальд (Роткирх Т.).₁ Литовско-языческие очерки. Исторические исследования. Вильна, 1890.

Тихомиров И.₁ Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII веке. ЖМНП, 1876, № 5, стр. 162—174.

Тихомиров И.$_2$ Торговые сношения Полоцка с Ливонией в XIV в. ЖМНП, 1877, № 12, стр. 232—239.

Тихомиров И. А.$_3$ О составе западно-русских т. н. литовских летописей. ЖМНП, 1901, март, стр. 1—36; май, стр. 70—119.

Тихомиров М. Н.$_1$ «Список русских городов дальних и ближних». ИЗ, т. 40, 1952, стр. 214—259.

Тихомиров М. Н.$_2$ Городская письменность в древней Руси XI — XIII вв. ТОДРЛ, т. IX. М.— Л., 1953, стр. 51—66.

Тихомиров М. Н.$_3$ Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X — XVII вв.). В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., 1955, стр. 48—105.

Тихомиров М. Н.$_4$ Древнерусские города. М., 1956.

Токарев С. А.$_1$ Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 104—113.

Третьяков П. Н.$_1$ Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян. Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики. М., 1951, стр. 3—9.

Третьяков П. Н.$_2$ Восточнославянские племена. М., 1953.

Троцкий И. М.$_1$ Опыт анализа Первой Новгородской летописи. Известия АН СССР, 1933, № 5, стр. 337—362.

Трусман Ю. Ю.$_1$ Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах, ч. I. Ревель, 1898.

Удальцов А. Д.$_1$ Племена европейской Сарматии II в. н. э. СЭ, в. 2, 1946, стр. 41—50.

Удальцов А. Д.$_2$ Основные вопросы этногенеза славян. Сб. Советская этнография, вв. VI—VII, 1947, стр. 3—13.

Усачёв Н. Н.$_1$ Торговля Смоленска с Висби, Ригой и северогерманскими городами в XII—XIV вв. (автореферат канд. диссертации). М., 1952.

Усачёв Н. Н.$_2$ Об участии Смоленска в «вечном мире» 1210 г. Ученые Записки Смоленского педагогич. ин-та. Смоленск, в. V, 1957, стр. 201—221.

Успенская А. В.$_1$ Белорусское Полесье в X—XIII вв. (к истории древнерусской деревни) (автореферат канд. диссертации). М., 1953.

Устрялов Н.$_1$ Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское. СПб., 1838. В кн.: Русская история, ч. 1. Изд. 5. СПб., 1855, стр. 434—446.

Федоров Г. Б.$_1$ (см. также Fedorovas, G. B.). Топография кладов с литовскими слитками и монетами. КС ИИМК, в. 29, 1949, стр. 64—75, 114—115.

Федоров С.$_1$ Боротьба за межі в степовій епархії XIII—XIV ст. Analecta Ord. S. Basilii Magni. Львів, 1935, t. VI, fasc. 1—2, стр. 1—15.

Филевич И. П.$_1$ Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие. СПб., 1890.

Флоринский Т. Д.$_1$ Политическая и культурная борьба на греческом Востоке в первой половине XIV в. Универ. известия. Киев, 1883, № 3, стр. 69—87; № 9, стр. 318—342.

Флоровский А. В.$_1$ Чехи и восточные славяне (очерки по истории чешско-русских отношений X—XVIII вв.), т. 1. Прага, 1935.

Фортинский Ф. Я.$_1$ Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872.

Цалкин В. И.$_1$ Фауна из раскопок в Гродно. МИА СССР, № 41, 1954, стр. 211—236.

Чебоксаров Н. Н.$_1$ Некоторые вопросы этнической истории Советской Прибалтики. Труды Ин-та этнографии АН СССР. М., 1954, т. XXIII, стр. 3—12.

Чебоксаров Н. Н.₂ Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии. КС ИЭ, в. 12, стр. 15—28.

Чербуленас К. К.₁ Развитие литовского народного деревянного зодчества и его основные черты. КС ИЭ, в. 12, стр. 62—73.

Черепнин Л. В.₁ Летописец Даниила Галицкого. ИЗ, т. 12, 1941, стр. 228—253.

Черепнин Л. В.₂ Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.— Л., 1948.

Чешихин Е. В.₁ История Ливонии с древнейших времен, тт. I, II. Рига, 1884, 1885.

Чистович И.₁ Очерк истории западно-русской церкви, ч. 1. СПб., 1882.

Чубатий М.₁. Державно-правне становище українських земель литовської держави під кінець XIV в.— ЗНТШ, т. 134—135, Львів, 1924, стр. 19—65; т. 144—145, стр. 1—108.

Шахматов А. А.₁ Общерусские летописные своды XIV—XV веков. ЖМНП, 1900, № 9, стр. 90—176; № 11, стр. 135—200; 1901, № 11, стр. 52—80.

Шахматов А. А.₂ О Супральском списке Западно-русской летописи. Летоп. Зан. Археогр. комисс. за 1900 г., т. XIII. СПб., 1901.

Шахматов А. А.₃ О так называемой Ростовской летописи. Чтения в об-ве истор. и древн. российских, кн. 1 (208). М., 1904.

Шахматов А. А.₄ Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938.

Шмидехельм М. Х.₁ Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллин, 1955.

Шмидехельм М. Х.₂ О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Под ред. Х. А. Моора. Таллин, 1956, стр. 172—186.

Экземплярский А. В.₁ Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (1238—1505 гг.), т. I. СПб., 1889.

Эммаусский А. В.₁ Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу. Ученые записки Кировского гос. пед. института им. В. И. Ленина, в. 17, т. I. Киров, 1958, стр. 59—109.

Эндзелин Я.₁ Древнейшие славяно-балтийские языковые связи. Известия АН Латв. ССР, 1952, № 3 (56), стр. 33—46.

Юргинис Ю. М.₁ (см. также Jurginis J.). Земледелие и техника сельского хозяйства Литвы в XIII — XV вв. Труды АН Лит. ССР, сер. А, т. I. Vilnius, 1955, стр. 57—73.

Ючас М. А.₁ (см. также Jučas M.). Литовское великое княжество во второй половине XIV — начале XV в. и борьба литовского народа за независимость (автореферат канд. диссертации). М., 1956.

Ючас М. А.₂ Литовское великое княжество во второй половине XIV — начале XV в. и борьба литовского народа за независимость (канд. диссертация). М., 1956 (Научный кабинет Института истории АН СССР).

Ючас М. А.₃ Русские летописи XIV—XV вв. как источник по истории Литвы. Труды АН Лит. ССР, сер. А, т. 2 (5), Vilnius, 1958, стр. 69—82.

Юшков С. В.₁ История государства и права СССР, ч. 1. Изд. 3. М., 1950.

Яблонските-Римантене Р.₁ О древнейших культурных областях на территории Литвы. СЭ, в. 3, 1955, стр. 3—19.

Якубовский И.₁ Земские привилеи Великого княжества Литовского. ЖМНП, 1903, № 4, стр. 239—278; № 6, стр. 245—303.

Ярмохович Я.$_1$ Хроника Кадлубка как источник для русской истории. Сб. соч. студентов ун-та св. Владимира, кн. 1, в. 1. Киев, 1880, стр. 59—76.

Ясинский М.$_1$ Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889.

Ясинский А. Н.$_1$ Содействие чехов успехам германизации на берегах Балтийского моря. Юрьев, 1898.

Ясінскі А.$_2$ Два словы аб волатах. Запіскі аддзелу гуманітарных наук Белар. Ак. Навук, кн. 8. Працы клясы гісторыі, т. 3. Менск, 1929, стр. 201—216.

Б. На других языках

Abraham W.$_1$ Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi, t. I. Lwów, 1904.

Abraham W.$_2$ Polska a chrzest Litwy. В кн.: Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa, 1914, str. 3—36.

Åberg N.$_1$ Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala-Leipzig, 1919.

Adamus J.$_1$ O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń. KH, r. XLIX, t. I, zesz. 3, 1930, str. 313—332.

Alekna A.$_1$ Leituvos istorija [История Литвы]. Tilžė, 1923.

Alseikaitė-Gimbutienė M.$_1$ Die Bestattung in Litauen in der vorgeschichtlichen Zeit. Tübingen, 1946.

Ammann A. M.$_1$ Abriß der ostslawischen Kirchengeschichte. Wien, 1950.

Andrusiak M.$_1$ Historjografja ruska (ukraińska) w latach 1921—1930, cz. I. KH, r. XLVIII, zesz. 1—2, 1934, str. 57—64, 299—318.

Antoniewicz J.$_1$ Niektóre dowody kontaktów słowiańsko-pruskich w okresie wczesnośredniowiecznym w świetle źródeł archeologicznych. Wiadomości archeologiczne, t. XXII, zesz. 3—4. Warszawa, 1955, str. 233—277.

Antoniewicz J.$_2$ Prusowie we wczesnym średiowieczu i zarys ich kultury materialnej. Сб. Szkice z dziejów Pomorza, t. I. Warszawa, 1958, str. 121—159.

Antoniewicz W.$_1$ Czasy przedhistoryczne i wczesnodziejowe ziemi Wileńskiej. Сб. Wilno i ziemia Wileńska, t. I. Wilno, 1930, str. 103—123.

Arbusow L.$_1$ Grundriß der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Ausg. Riga, 1918.

Arbusow L.$_2$ Studien zur Geschichte der lettischen Bevölkerung Rigas im Mittelalter. Latvijas Augstskolas Raksti, I. Riga, 1921, SS. 76—100.

Arbusow L.$_3$ Die altlivländischen Bauernrechte. Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, Bd. 23. Riga, 1924—1926.

Arbusow L.$_4$ Römischer Arbeitsbericht, III — Latvijas Ūniversitātes Raksti. Filologijas un filosofijas fakultātes serija, 1, 3. Rīgā, 1929, SS. 65—160.

Arbusow L.$_5$ Die mittelälterliche Schriftüberlieferung als Quelle für die Frühgeschichte der ostbaltischen Völker. Сб. Baltische Lände, Bd. I. Leipzig, 1939, SS. 167—203, 496.

Arwydas F.$_1$ Das Memelland ist es wirklich deutsches Land? Kaunas, 1934.

Aubin C.$_1$ Zur Geschichte des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Ostpreußen. Leipzig, 1910.

Avižonis K.$_1$ Die Entstehung und Entwicklung des litauischen Adels im 13. und 14. Jahrhundert bis zur litauisch-polnischen Union 1385. Historische Studien, hrsg. von E. Ebering, H. 223. Berlin, 1932.

Backus O.$_1$ Die Rechtstellung der litauischen Bojaren 1387—1506. JGO, 1958, Bd. 6, H. 1, SS. 1—32.

Baczko L.₁ Geschichte Preußens, Bd. I—III. Königsberg, 1792—1794.
Baldžius J.₁ Vogtinės vestuvės. Kaunas, 1940.
Baliński₁ M. Historya Miasta Wilna. Wilno, 1836.
Balys J.₁ Litauische Hochzeitsbräuche. Contributions of Baltic University, № 9. Hamburg, 1946.
Balzer O.₁ Genealogia Piastów. Kraków, 1895.
Basanavičius J.₁ Apie trakų prygų tautystę ir jų atsikėlimą Lietuvon [О фрако-фригийской народности и ее прибытии в Литву], Dalis I. Vilnius, 1921.
Basanavičius J. und Srba A.₁ Über die Sprachverwandschaft der alten Thraker und heutigen Litauer. Separatabdruck aus der Lietuvių Tauta. Wilna, 1925.
Bauer A.₁ Semgallen und Upmale in frühgeschichtlicher Zeit. Сб. Baltische Lände, Bd. 1. Leipzig, 1939, SS. 306—329.
Bauer H.₁ Peter von Düsburg und die Geschichtsschreibung des deutschen Ordens im 14. Jahrhundert in Preußen. Historische Studien, H. 272. Berlin, 1935.
Baumgarten N. de₁ Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle. Orientalia Christiana, vol. IX—I, № 35, Maio, 1927.
Baumgarten N. de₂. Polotzk et la Lithuanie. Orientalia Christiana Periodica, v. II, N 1—2. Roma, 1936, pp. 223—253.
Beblavý J.₁ Naše styky s Litwou. Sb. venovaný Dr. J. Kvačalovi. Bratislava, 1933, str. 47—66.
Bertuleit H.₁ Das Religionswesen der alten Preussen mit litauisch-lettischen Parallelen. Prussia, H. 25. Königsberg, 1924, SS. 9—113.
Bezzenberger A.₁ Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntnis der Sprache und des Volkstums der Litauer. Göttingen, 1882.
Bezzenberger A.₂ Die Namen Litauer und Semgallen in altnordischen Quellen. Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen, Bd. X. Göttingen, 1886, SS. 323—324.
Biržiška V.₁ Kryžiuočių keliai į Lietuvą XIV amž. I dalis [Дороги крестоносцев в Литву в XIV в.]. Praeitis [Прошлое], t. I. Kaunas, 1930, pp. 1—63.
Blanke F.₁ Die Missionsmethode des Bischofs Christian von Preussen. AF, IV, H. 2, 1927, SS. 20—42.
Blanke F.₂ Der innere Gang der ostpreussischen Kirchengeschichte. Bilder aus dem religiosen und kirchlichen Leben Ostpreussens. Königsberg, 1927.
Blanke F.₃ Die Entscheidungsjahre der Preussenmission (1206—1244). Zeitschr. f. Kirchengeschichte, Bd. 47, H. 1. Gotha, 1928, SS. 18—40.
Blanke F.₄ Die Preussenmission vor der Ankunft des D. Ordens. (Deutsche Staatenbildung und deutsche Kultur im Preussenlande). Königsberg, 1931.
Bohusz X.₁ O początkach narodu i języka litewskiego.— Roczniki tow-wa Warsz. Przyjaciół Nauk, t. VI. Warszawa, 1810, str. 148—291. Русск. изд. «Улей». СПб., 1811, ч. 1, № 1—6, стр. 286—294, 347—354, 421—429.
Bonnell E.₁ Russisch-livländische Chronographie. S. Petersburg, 1862.
Bonnell E.₂ Beiträge zur Altertumskunde Russlands, Bd. I. S.-Ptsb., 1882, Bd. II, S.-Ptsb., 1897.
Brückner A.₁ Litu-slavische Studien. I Theil. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877.
Brückner A.₂ Beiträge zur litauischen Mythologie. ASP, Bd. IX, H. 1, 1886, SS. 1—35.

Brückner A.3 Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Warszawa, 1904.
Brückner A.4 Budorgis. Slavia Occidentalis, t. 3—4. Poznań, 1925, SS. 1—17.
Brückner A.5 Slaven und Litauer. Lehrbuch d. Religionsgeschichte (ed. A. Bertholet und E. Lehmann). Bd. 2. Tübingen, 1925, SS. 506—539.
Brünneck W.1 Die Leibeigenschaft in Ostpreussen. Ztschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abtheilung, Bd. 8 (21). Weimar, 1887, SS. 38—66.
Brünnekc W.2 Zur Geschichte des Grundeigentums in Ost-und Westpreussen, I Th. Berlin, 1891; II Th., 1 Abt., Berlin, 1895; 2 Abt. Berlin, 1899.
Buczek K.1 Geograficzno-historyczne podstawy Prus Wschodnich. Toruń, 1936.
Būga K.1 Kalbos dalykai. Draugija, t. VIII, № 30. Kaune, 1909, pp. 207—213.
Būga K.2 Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung. Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924, SS. 22—35.
Būga K.3 Die litauisch-weißrussischen Beziehungen und ihr Alter. ZSP, Bd. 1, 1924, SS. 26—55.
Būga K.4 Lietuvių įsikūrimas šių dienų Lietuvoje [Обоснование литовцев в современной Литве]. Tž, kn. II, 1924, p. 1—27.
Bujak F.1 Dwa bóstwa prusko-litewskie — «Curche» i «Okkupirnus. В кн.: Studja społeczne i gospodarcze. Księga jubileuszowa dla uczczenia 40-letniej pracy naukowej L. Krzywickiego. Warszawa, 1925, str. 28—43.
Bujak F.2 Sur les rapports entre les peuplades germaniques et lithuaniennes. La Pologne au IV Congrès International des sciences historiques. Oslo, 1928. Warszawa—Lwów, 1930, pp. 17—27.
Bujak F.3 Prusacy i Litwini a Bałtyk. PVZHP, t. II. Lwów, 1931, str. 184—188.
Bunge F. G.1 Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv,- Est-und Curland. Reval, 1874.
Busch N.1 Eine greifswalder Dissertation über die livländische Reimchronik. Sitzungsberichte der Gesellschaft zur Geschichte und Altertumskunde der Ostprovinzen Russlands, 1911. Riga, 1912, SS. 7—14.
Busch N.2 Zu Plinius hist. nat. IV, 96.— Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, Bd. 21, H. 3. Riga, 1921, SS. 192—194.
Buttkus H.1 Beiträge zur Landschafts-und Siedlungsgeschichte des ehmaligen Bistums Pomesanien. I Th., Vordeutsche Zustände um 1300. Berlin, 1936.
Caspar E.1 Hermann von Salza und die Gründung des Deutschordensstaats im Preussen. Tübingen, 1924.
Chase T. G.1 The Story of Lithuania. New York, 1946.
Chodynicki K.1 Próby zaprowadzenia chrześcijaństwa na Litwie przed r. 1386. PH, t. XVIII, zesz. 2, 1914, str. 215—255; zesz. 3, str. 257—319.
Chodynicki K.2 O wpływach polskich na dokument ruski W. Ks. Litewskiego. PIVZHP, t. I. Lwów, 1925.
Chodynicki K.3 Ze studjów nad dziejopisarstwen rusko-litewskiem. AW, III, 10—11, 1926, str. 387—401.
Chodynicki K.4 Geneza dynastji Giedymina. KH, XL, 4, 1926, str. 541—566.
Chodynicki K.5 Geneza i rozwój legendy o trzech męczennikach wileńskich. AW, IV, 13, 1927, str. 416—451.
Chodynicki K.6 Legenda o męczeństwie czternastu franciszkanów w Wilnie. AW, IV, 12, 1927, str. 53—78.

Chodynicki K.$_7$ Tradycja jako źródło historyczne. Studja staropolskie. Księga ku czci A. Brücknera. Kraków, 1928, str. 173—190.

Chodynicki K.$_8$ Przegląd badań nad dziejami Litwy w ostatniem dziesięcioleciu (1920—1930). KH, roczn. XLIV, t. 1, zesz. 3, 1930, str. 273—300.

Chodynicki K., Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska, Warszawa, 1934.

Chojnacki W. Słownik polskich nazw miejscowości w b. Prusach wschodnich i na obszarze b. wolnego Miasta Gdańska. Poznań, 1946.

Chudzinski E.$_1$ Die Eroberung Kurlands durch den Deutschen Orden im 13. Jahrhundert. Leipzig, 1917.

Daukantas S.$_1$ Darbay senuju Lituwiu yr Żemayczių [Деяния древних литовцев и жемайтов. Изд. 3]. Kaunas, 1929.

Daukantas S.$_2$ Būdą senovės lietuvių kalnėnų ir žemaičių [Нравы древних литовцев — аукштайтов и жемайтов. Изд. 3]. Kaunas, 1935.

Długopolski E. Władysław Łokietek na tle swoich czasów. Wrocław, 1951.

Donner G. A.$_1$ Kardinal Wilhelm von Sabina. Helsingfors, 1929.

Doubek A.$_1$ Skarga żmudzinów i odpowiedź zakonu niemieckiego z roku 1416. AW, VII, 3—4, 1930, str. 873—892.

Duda F.$_1$ Rozwój terytorialny Pomorza Polskiego (wiek XI — XIII). Kraków, 1909.

Ecke P.$_1$ Die livländische Reimchronik (Diss). Greifswald, 1910.

Eckert W.$_1$ Die kurische Landschaft Ceclis. Untersuchungen zur Geschichte des Kampfes um Südkurland zwischen dem Deutschen Orden und Litauen. AF, 20, 1943, SS. 6—84.

Ehrlich B.$_1$ Der preussisch-wikingische Handelsplatz Truso. CPHB, pp. 139—145.

Ekblom R.$_1$ Idrīsī und die Namen der Ostseeländer, Namn och Bygd, XIX, H. 1—2. Upsala, 1931, SS. 1—84.

Ewald A. L.$_1$ Die Erroberung Preußens durch die Deutschen, Bd. I—IV. Halle, 1872, 1875, 1884, 1886.

Fedorovas G. B.$_1$ Lobių su Lietuvos lydiniais ir monetomis topografija. Lietuvos istorijos instituto darbai. Vilnius, 1951, pp. 181—228.

Fijałek Y.$_1$ Średniowieczne biskupstwa kościoła wschodniego na Rusi i Litwie na podstawie źródeł greckich. KH, X, 3, 1896, str. 487—521.

Fijałek Y.$_2$ Kościół rzymsko-katolicki na Litwie. Uchrześcijanienie Litwy przez Polskę. В кн.: Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa, 1914, str. 37—333.

Forstreuter K.$_1$ Die Bekehrung Gedimins und der Deutsche Orden. AF, V, 1928, SS. 239—261.

Forstreuter K.$_2$ Die Bekehrung des Litauerkönigs Gedimin. Eine Streitfrage. Jahrbuch der Albertus-Universität, Bd. 6, 1955, SS. 142—158.

Fraenkel E.$_1$ Slavisch gospodь, lit. viẽšpats, preuss. waispattin. ZSP. Leipzig, 1950, Bd. XX, H. 1, SS. 51—89.

Friedrich W.$_1$ Der deutsche Ritterorden und die Kurie (1300—1330). (Diss.). Königsberg, 1915.

Frost B.$_1$ Das Recht im Deutschordensstaat Preußen. Leipzig, 1906.

Fuchs W.$_1$ Peter v. Düsburg und das Chronicon Oliviense.— AM, Bd. 21, 1884, SS. 193—260, 421—484; см. также Bd. 23, 1886, SS. 405—434.

Gaerte W.$_1$ Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg, 1929.

Gaerte W.$_2$ Witwenverbrennung im vorordenszeitlichen Ostpreußen. Prussia, H. 29. Königsberg, 1930.

Gaerte W.$_3$ Die Wikinger in Ostpreussen. Königsberg, 1932.

Gelzer H.$_1$ Beiträge zur russischen Kirchengeschichte aus griechischen Quellen. Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. XIII. Gotha, 1892, SS. 246—281.

Gentzen F. H.₁ Die westpolnischen Gebiete als historische Gebiete Polens. Einheit, H. 4. Berlin, 1952, SS. 367—380.
Gentzen F. H.₂ Sprawa ziem polskich w rewizjonistycznej historiografii niemiec zachodnich i w pracach historyków NRD. KH, LXII, 1, 1955, str. 278—290.
Gentzen F. H.₃. Die Ostforschung westdeutscher Historiker eine Hetze gegen die Sowjetunion und Volkspolen. Einheit, H. 12. Berlin, 1955, SS. 1214—1222.
Gerullis G.₁ Zur Sprache der Sudauer-Jatwinger. Festschrift A. Bezzenberger. Göttingen, 1921, SS. 44—51.
Gerullis G.₂ Die altpreußischen Ortsnamen, gesammelt und sprachlich behandelt. Berlin—Leipzig, 1922.
Gerullis G.₃ Die ältesten litauischen Sprachdenkmäler bis zum Jahre 1570, 1923.
Gerullis G.₄ Baltische Völker. В кн.: M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. 1. Berlin, 1924, SS. 335—342.
Gerullis C.₅ Die Herkunft der slavischen Lehnwörter im Preussisch-Litauischen. Indogermanische Forschungen, Bd. 42. Berlin — Leipzig, 1924, SS. 183—185.
Gidžiūnas V.₁ De fratribus minoribus in Lituania usque ad definitiam introductionem observantiae (1245—1517), pars I. Romae, 1950.
Gieysztor A.₁ Geneza państwa Polskiego w świetle nowszych badań. KH, roczn. LXI, № 1, 1954, str. 103—136.
Gieysztor A.₂ Problematyka ideologiczna drzwi gnieźnieńskich. KH, roczn. LXII, № 1, 1955, str. 142—161.
Goetz L. K.₁ Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Abhandlungen des hamburgischen Kolonialinstituts, Bd. XXXVII. Hamburg, 1916.
Goetz L. K.₂ Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. (Hansische Geschichtsquellen, N. F.,. Bd. 5). Lübeck, 1922.
Goll J.₁ Čechy a prusy ve středověku. Praha, 1897.
Górski K.₁ Polska w zlewisku Bałtyku. Gdańsk, 1947.
Gottlob A.₁ Die päpstlichen Kreuzzugs-Steuern des 13. Jh. Heiligenstadt (Eichsfeld), 1892.
Gumowski M.₁ Numizmatyka litewska wieków średnich. Kraków, 1920.
Gumowski M.₂ Pieczęcie książąt litewskich. AW, t. VII, 3—4, 1930, str. 684—725.
Gumowski M.₃ Herby miast litewskich. AW, t. X, 1935, str. 256—294.
Halecki O.₁ O początkach szlachty i heraldyki na Litwie. KH, XXIX, 1—4, 1915, str. 177—207.
Halecki O.₂ Kwestye sporne w sprawie początków szlachty litewskiej. KH, XXX, 1—4, 1916, str. 62—72.
Halecki O.₃ Litwa, Ruś i żmudź jako części składowe W. Księstwa Litewskiego. RAU, Serya II, t. XXXIV (Ogólnego zbioru, t. 59), 1916, str. 214—254.
Halecki O.₄ Geografia polityczna ziem ruskich Polski i Litwy (1340—1569). Sprawozdania Tow-wa Naukowego w Warszawie, 1917, wydz. I—II, zesz. 2.
Halecki O.₅ Wcielenie i wznowienie państwa litewskiego przez Polskę. PH, 1917, 1918.
Halecki O.₆ Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe. New York, 1952.
Hartknoch Chr.₁ Preussische Kirchenhistoria. Frankfurt—Leipzig, 1686.
Hartknoch Chr.₂ Alt-und Neues Preussens oder preussischer Historien zwei Theile. Frankfurt—Leipzig, 1684.

Hasenkamp X.1 Die Reise des Grafen von Derby in Preussen im Jahre 1390/1391.— Preuss. Prov. Blätt., XII, 1857, SS. 395—406.
Hein O.1 Altpreussische Wirtschaftsgeschichte.— Zeitschrift für Ethnologie, Bd. 22. Berlin, 1890, SS. 146—167, 173—216.
Heinrich G.1 Beiträge zu den Nationalitäten und Siedlungsverhältnissen in Preußisch-Litauen. Königsberg, 1922.
Hellmann M.1 Zur Geschichte des Deutschtums in Litauen.— Auslandsdeutsche Volksforschung, Bd. 1, Heft 4. Stuttgart, 1937, SS. 447—459.
Hellmann M.2 Das Lettland im Mittelalter. Köln, 1954.
Hellmann M.3 Der Deutsche Orden und die Königskrönung des Mindaugas., ZO, H. 3, 1954, SS. 387—396.
Hellmann M.4 Zu den Anfängen des litauischen Reiches. JGO, Bd. 4, H. 2. München, 1956, SS. 159—165.
Hołubowicz W.1 Granica osadnictwa Słowian i Litwinów na Wileńszczyźnie w czasach przed- i wczesnohistorycznych, 1938.
Hołubowicz W.2 Znaki rodowe i inne na przedmiotach z wykopalisk w Grodnie. Slavia Antiqua, t. I. Poznań, 1948, str. 572—582.
Höhlbaum K.1 Die jungere Livländische Reimchronik des Bartolomäus Hoeneke (1315—1348). Leipzig, 1872.
Höhlbaum K.2 Beiträge zur Quellenkunde Alt-Livlands, в кн.: Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, Bd. 7. Dorpat, 1871.
Ivinskis Z.1 Geschichte des Bauernstandes in Litauen. Von den ältesten Zeiten bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts. Historische Studien, H. 236. Berlin, 1933.
Ivinskis Z.2 Lietuvos valstiečių luomo susiformavimas ir raida [Образование и развитие литовского крестьянского сословия] — Athenaeum, t. IV. Kaunas, 1933, pp. 28—45.
Ivinskis Z.3 Krikščioniškosios Vakarų Europos santykiai su pagoniškąja Lietuva [Взаимоотношения Западной Европы с языческой Литвой] Athenaeum, t. IV. Kaunas, 1933, pp. 135—144.
Ivinskis Z.4 Lietuvos prekyba su prūsais [Торговля Литвы с пруссами], I dalis. Kaunas, 1934.
Ivinskis Z.5 Kovos bruožai dėl žemaičių ir jų sienų [История битв в Жемайтии и ее границы] — Athenaeum, t. VI. Kaunas, 1935, pp. 54—117.
Ivinskis Z.6 Eilėtoji Livonijos kronika ir jos autentiškumas [Ливонская Рифмованная хроника и ее достоверность] Židinys [Очаг], 1936, 24, № 10, 289—302.
Ivinskis Z.7 Saulės-Šiaulių kautynės 1236 m. ir jų reikšmė [Битва при Сауле-Шауляй в 1236 г. и ее значение] Karo Archyvas [Военный архив], t. VII. Kaunas, 1936, pp. 5—51.
Ivinskis Z.8 Durbės kautynės 1260 m. ir jų politinis vaidmuo. Žemaičių karai su vokiečiais 1256—1270 m. laikotarpyje [Битва при Дурбе 1260 г. и ее политическое значение. Войны жемайтов с немцами в 1256—1270 гг.], Karo Archyvas [Военный архив], t. VIII. Kaunas, 1937, pp. 5—40; t. IX. Kaunas, 1938, pp. 5—74.
Ivinskis Z.9 Mindaugas und die žemaiten. Das politische Verhältnis des ersten Litauerkönigs zu seinen Westgebieten (žemaitien). Öpetatud Eesti Seltsi Toimetused. Commentationes Litterarum Societatis Esthonicae, XXX, Liber Saecularis, II. Tartu, 1938, pp. 930—958.
Ivinskis Z.10 Die Handelsbeziehungen Litauens mit Riga im 14. Jahrhundert. CPHB, pp. 276—285.
Ivinskis Z.11 Mindaugas und seine Krone. ZO, H. 3, 1954, SS. 360—386.
Iš Lietuvių Kultūros Istorijos (Сборник статей), I, red. J. Žiugžda. Vilnius, 1958.

J a b l o n s k i s K.1 Apie vergus Didžiojoje Lietuvos kunigaikš tystėje XVI amžiaus pradžioje. Praeitis [Прошлое]. Kaunas, 1930, t. I, pp. 304—317.
J a b l o n s k i s K.2 Die offizielle Urkundensprache des litauischen Großfürstentums als kulturgeschichtliche Quelle. CPHB, SS. 269—275.
J a b l o n s k i s K.3 Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje, 1. Kaunas, 1941.
J a k i m o w i c z R.1 Dawidgródek. Pińsk, 1939.
J a k š t a s J.1 Naujausi Gedimino dinastijos kilmės tyrinėjimai. [Новейшие исследования происхождения династии Гедимина]. Lietuvos Praeitis [Прошлое Литвы], t. I. Kaunas, 1940, pp. 29—56.
J a k š t a s J.2 Vokiečių Ordinas ir Lietuva Vytenio ir Gedimino metu. Gedimino Laiškai [Немецкий Орден и Литва в годы правления Витеня и Гедимина, Письма Гедимина]. Senovė [Древность], t. I. Kaunas, 1935, pp. 127—155, t. II, 1936, pp. 3—59.
J a k u b o w s k i J.1 Opis Księstwa Trockiego z roku 1387. PH, VI, 1, 1907, str. 22—48.
J a k u b o w s k i J.2 Studya nad stosunkami narodowościowemi na Litwie przed unią Lubelską (Prace Tow-wa Nauk. Warsz., wydz. II, № 7). Warszawa, 1912.
J a k u b o w s k i J.3 Dzieje Litwy w zarysie. Warszawa, 1921.
J a n u l a i t i s A.1 Lietuvos visuomenės ir teisės istorija [Социальная и правовая история Литвы]. Tilžė, 1920.
J a r o s z e w i c z J.1 Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi, część. I (Litwa pogańska). Wilno, 1844.
J a r o s z e w i c z J.2 Zarysy z czasów pogańskich Litwy. Pismo zbiorowe wileńskie na rok 1859. Wilno, oddział I, str. 83—117.
J a w o r s k i I.1 Zagadnienie feodalizmu litewskiego i zachodniego. PVIZHP, t. I. Lwów, 1935, str. 220—227.
J o n y n a s I.1 Christburgo taika.— Lietuviškoji Enciklopedija, t. V. Kaunas, 1937, str. 459—464.
J o n y n a s I.2 Les peuplades lithuaniennes jusqu'au XIV-e siècle. CPHB, pp. 46—61.
J u č a s M.1 Lietuvos didžiųjų kunigaikščių metraštis [Летопись великих князей литовских]. Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai, ser. A. t. 2, 1957, pp. 111—121.
J u n g f e r V.1 Litauen. Antlitz eines Volkes. Versuch einer Kultursoziologie. Tübingen, 1948.
J u r g ė l a C. R.1 History of the Lituanian Nation. New York, 1948.
J u r g i n i s J.1 Valstiečių bendruomenė ir feodalinė tėvonija Lietuvoje XIII — XIV amžiais [Сельская община и феодальная вотчина в Литве в XIII—XIV вв.] Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai, ser. A, t. 2, 1957, pp. 51—67.
J u r g i n i s J.2 Valstiečiai «veldamai» Lietuvoje XV—XVI amž. (Крестьяне «велдамы» в Литве XV—XVI вв.). Ibid, t. 1 (4), 1958, pp. 113—127.
J u r g i n i s J.3 Pasėdžiai ir jų reikšmė Lietuvos valstiečių feodalinių prievolių istorijoje («Поседы» и их значение в истории феодальных повинностей крестьян Литвы). Ibid., t. 2 (5), 1958, pp. 51—68.
K a m i e n i e c k i W.1 Rozwój własności na Litwie w dobie przed I statutem. RAU, t. 32 (57). Kraków, 1914, str. 94—195.
K a m i e n i e c k i W.2 Geneza państwa Litewskiego. PH, t. 19, 1915, отд. оттиск, str. 1—52.
K a m i e n i e c k i W.3 Wpływy zakonne na ustrój litewski. PH, t. 25, 1925, str. 160—186.
K a m i e n i e c k i W.4 Społeczeństwo litewskie w XV w. Warszawa, 1947.

K a m i ń s k i A.1 Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953.
K a m i ń s k i A.2 Z badań nad pograniczem polsko-rusko-jaćwieskim w rejonie rzeki Sliny.— Wiadomości Archeologiczne, t. XXIII, zesz. 2, 1956, str. 132—168.
K a r g e P.1 Die Litauerfrage in Altpreußen in geschichtlicher Beleuchtung. Königsberg, 1925.
K a r w a s i ń s k a J.1 Sąsiedztwo kujawsko-krzyżackie 1235—1343. Rozprawy Historyczne. Warszawa, 1927, t. VII, zesz. 1, str. 1—226.
K a s i s k e K.1 Die Siedlungstätigkeit des D. Ordens im östlichen Preussen bis zum Jahre 1410. Königsberg, 1934.
K a s i s k e K.2 Die Siedlungspolitik des Deutschen Ordens in Preussen und Pommerellen. CPHB, pp. 214—221.
K ę t r z y ń s k i W.1 O narodowości polskiej w Prusiech Zachodnich za czasów krzyżackich. Studium historyczno-etnograficzne. RAU, t. I, Kraków, 1877.
K ę t r z y ń s k i W.2 O ludności polskiej w Prusiech niegdyś krzyżackich. Lwów, 1882.
K ę t r z y ń s k i W.3 O powołaniu kryżaków przez ks. Konrada.— RAU, Serya II, t. XX (Ogólnego zbioru t. 45), 1903, str. 125—230.
K ę t r z y ń s k i W.4 Der deutsche Orden und Konrad von Masovien. Lemberg, 1904.
K ę t r z y ń s k i W.5 O dokumentach Mendoga, króla litewskiego.— RAU, Seria II, t. XXV (Ogólnego zbioru, t. 50), 1907, str. 180—222.
K i p a r s k y V.1 Chronologie des relations slavobaltiques et slavofinnoises. Revue des études slaves. Paris, 1948, t. 24, fasc. 1—4, pp. 29—47.
K i s c h H.1 Studien zur Kulmer Handfeste.— Zeitschrift für Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Bd. L (LXIII Band der Zeitschrift für Rechtsgeschichte), Germ. Abteilung. Weimar, 1930, SS. 180—232.
K i s i n a s J.1 Prof. E. A. Volterio bibliografija. Tž, t. V, 1928, pp. 361—385.
K l i m a s P.1 Lietuvių senovės bruožai [Очерки литовской старины]. Vilnius, 1919.
K l i m a s P.2 Litwa starożytna. Wilno, 1921.
K l i m e n k o P.1 Die Urkunden Mindowes für den livländischen Orden. AF, H. 2, 1926, SS. 201—219.
K o c z y L.1 Misje polskie w Prusach i na Pomorzu za czasów Bolesławów. Annales Missiologicae, t. 6. Poznań, 1934, str. 52—186.
K o l a n k o w s k i L.1 Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów, t. I. Warszawa, 1930.
K o l a n k o w s k i L.2 Litwini a Prusacy. PVZHP, t. II. Lwów, 1931, str. 158—162.
K o l b e r g A.1 Die Heerfart der Lithauer gegen das Ermland im Jahre 1311 und das Heiligelinde. Zeitschrift für die Geschichte und Altertumskunde Ermlands. Braunsberg, 1870, Bd. V, H. 1, SS. 131—226.
K o l b e r g A.2 Der h. Bruno v. Querfurt, zweiter Apostel der Preussen. Zeitschrift für die Geschichte und Altertumskunde Ermlands, Bd. VIII. Braunsberg, 1886, SS. 1—108.
K o l b e r g A.3 Historische Bedeutung der Passio S. Adalberti. Zeitschrift für die Geschichte und Altertumskunde Ermlands, Bd. XII. Braunsberg, 1899, SS. 267—322.
K o r d u b a M.1 Rozwój i obecny stan badań nad latopisami staroruskiemi. Balticoslavica, t. II. Wilno, 1936, str. 160—203.
K r a k o w s k i S.1 Korjatowicze i sprawa podolska w XIV w. w oświetleniu najnowszej historjografji polskiej. AW, XIII, 1, 1938, str. 250—274.
K r a k o w s k i S.2 Polska w walce z najazdami tatarskimi w XIII wieku. Warszawa, 1956.

K r a s a u s k a i t ė. M. Die litauischen Adelsprivilegien bis zum Ende des XV Jahrhunderts. Leipzig, 1927.

K r a s z e w s k i J.₁ Litwa, t. II. Historya od początku XIII w. do r. 1386. Warszawa, 1850.

K r o l l m a n n Chr.₁ Lübecks Bedeutung für die Erroberung Preußens.— Festschrift A. Bezzenberger. Göttingen, 1921, SS. 97—102.

K r o l l m a n n Chr.₂ Das Religionswesen der alten Preussen. AF, 1927, IV, H. 2, SS. 5—19.

K r u m b h o l t z R.₁ Samaiten und der Deutsche Orden bis zum Frieden am Melno-See 1422. Berlin, 1890.

K r z y w i c k i L.₁ (см. также Крживицкий Л. О.). Żmudź starożytna. Warszawa, 1906.

K r z y w i c k i L.₂ O poszukiwaniu grodu Mendoga. PH, t. VIII, 1909, str. 20—48.

K r z y w i c k i L.₃ Pilkalnie na Litwie.— Studja staropolskie, Księga ku czci A. Brücknera. Kraków, 1928, str. 154—172.

K u c h a r s k i E.₁ Co oznacza nazwa «Selencia» w kronice Galla-Anonima. KH, XL, 2, 1926, str. 145—150.

K u č i n s k a s A.₁ Gedimino dinastijos kilmė [Происхождение династии Гедимина] — Mūsų Žinynas [Наши ведомости]. Kaunas, 1934, pp. 138—149, 194—204.

K u c z y ń s k i S.₁ Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy (Prace Ukraińskiego instytutu naukowego, t. XXXIII). Warszawa, 1936.

K u j o t S.₁ Dzieje Prus Królewskich, cz. I (do r. 1309).— Roczniki Tow-wa Naukowego w Toruniu, tt. XX, 1913, XXI, 1914; XXII, 1915; XXIII, 1916; XXIV — XXV, 1917—1918 (Indeks i Rejestr). Cz. II. Pomorze i ziemia Chełmińska (1309—1380), ibid., tt. XXIX—XXXI, 1922—1924.

K u l i k a u s k a s P.₁ Kurmaičiu (Kretingos rai) plokštinio kopinyno tyrinejimai [Исследование грунтового могильника в Курмайчяй]— Lietuvos Istoriijos Instituto darbai [Труды Института истории АН Литвы]. Vilnius, 1951, pp. 315—367.

K u l i k a u s k a s P.₂ Kai kurie archeologiniai duomenys apie seniausiai Lietuvos T. S. R. teritorijoje augintus javus [Некоторые археологические данные о древнейших злаках, выращиваемых на территории Литовской ССР]. Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai, serija A [Труды АН ЛССР], t. I. Vilnius, 1955, p. 75—85.

K u l i k a u s k a s P.₃ Raginėnų (Šeduvos raj.) archeologinių paminklų tyrinėjimai ir «Raginėnų kultūros» klausimas. (Исследование археологических памятников в местности Рагиненай и вопрос «Рагиненской культуры»). Ibid., t. 1 (4), 1958, pp. 65—89.

K u t r z e b a S.₁ Historja ustroju Polski w zarysie, t. II (Litwa). Lwów —Warszawa, 1921.

L a b u d a G.₁ Polska i krzyżacka misja w Prusach do połowy XIII w. Annales Missiologicae, t. 9. Poznań, 1937, 201—435.

L a b u d a G.₂ Stanowisko ziemi chełmińskiej w państwie krzyżackim w latach 1228—1454. PH, t. XLV, 2—3, 1954, str. 280—337.

L a b u d a G.₃ Stare i nowe tendencje w historiografii zachodnioniemieckiej. Przegląd Zachodni. Poznań, 1956, № 7—8, str. 224—252.

L a t k o w s k i J. Mendog. RAU, Serya II, t. III (Ogólnego zbioru, t. 28), 1892, str. 300—453.

L e l e w e l I. Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie, wyd. 2, Poznań, 1844.

L e w i c k i T.₁ Bałtyk w opisach autorów arabskich IX—X w. Przegląd Orientalistyczny, zesz. 1 (1948). Wrocław, 1949.

L e w i c k i T.₂ Ze studiów nad źródłami arabskiemi. Slavia Antiqua, t. III. Poznań, 1952.

Lietuvių bibliografija, ed. V. Biržiška, ч. 1 (XVI—XVIII вв.); ч. 2 (1800—1864); ч. 3 (1864—1904); ч. 4, т. 1 (1905—1909); т. 2 (1910—1914); ч. 5 (1915—1918). Kaunas, 1924—1939.

Limanowski M.₁ Najstarsze Wilno. Сб. Wilno i ziemia Wileńska, t. I. Wilno, 1930, str. 127—143.

Linder R.₁ Zur älteren Livländischen Reimchronik (Diss.). Leipzig, 1891.

Lohmeyer K.₁ Geschichte von Ost-und Westpreussen. Gotha, 1908.

Łowmiański H.₁ Przyczynki do kwestji najstarszych kształtów wsi litewskiej. AW, VI, 3—4, 1929, str. 293—336.

Łowmiański H.₂ Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, tt. 1—2. Wilno, 1931—1932.

Łowmiański H.₃ Zagadnienie feodalizmu w W. Księstwie Litewskiem. PVIZHP, t. I. Lwów, 1935, str. 209—219.

Łowmiański H.₄ Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unji jagiellońskiej.— Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania pierwszego statutu litewskiego. Wilno, 1935, str. 214—325.

Łowmiański H.₆ Prusy pogańskie, Toruń, 1935.

Łowmiański H.₇ Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. AW, XII, 1937, str. 36—145.

Łowmiański H.₈ Dotychczasowy stan badań dziejów dawnych prusów. Olsztyn, 1947.

Łowmiański H.₉ Polityka ludnościowa Zakonu niemieckiego w Prusach i na Pomorzu. Gdańsk, 1947.

Łowmiański H.₁₀ Z zagadnień spornych społeczeństwa litewskiego w wiekach średnich. PH, t. 40, 1950, str. 96—127.

Łowmiański H.₁₁ Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów. PH, t. 41, 1950, str. 152—179.

Łowmiański H.₁₂ Agresja zakonu kryżackiego na Litwe w wiekach XII—XV. PH, t. 45, zesz. 2—3, 1954, str. 338—371.

Łowmiański H.₁₃ O znaczeniu nazwy «Ruś» w wieku X—XIV. KH, LXIV, 1, 1957, str. 84—101.

Łowmiański H.₁₄ Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957.

Łowmiański H.₁₅ Uwagi o wpływach słowiańskich na litewską terminologię kościelną. Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, t. II. Warszawa, 1957, str. 366—372.

Maleczyński K.₁ Sprawa chrztu i apostazji Mendoga w świetle krytyki dokumentów. PVIZHP, t. I. Lwów, 1935, str. 559—561.

Maleczyński K.₂ W sprawie autentyczności dokumentów Mendoga z lat 1253—1261. AW, XI, 1936, str. 1—56.

Mannhardt W.₁ Letto-preussische Götterlehre. Riga, 1936.

Mansikka V. J.₁ Die Religion der Ostslaven, Bd. I (Quellen). Helsinki, 1922.

Manteuffel T.₁ Próba stworzenia cysterskiego państwa biskupiego w Prusach. Zapiski Tow-wa Naukowego w Toruniu, t. XVIII, zesz. 1—4 (153—156), Toruń, 1953, str. 157—173.

Manteuffel T.₂ Papiestwo i cystersi. Warszawa, 1955.

Martiny B.₁ Milch und Molkereiwesen bei den alten Preussen. AM, Bd. IX, 1872, SS. 336—346.

Maschke E.₁ Der Deutsche Orden und die Preußen. Bekehrung und Unterwerfung in der preußisch-baltischen Mission des 13. Jahrhunderts. Historische Studien, H. 176. Berlin, 1928.

Matlakówna M.₁ Średniowieczne szczątki roślinne ze żmudzi, oraz niektóre zagadnienia pochodzenia zbóż. (Z dodatkiem przez L. Krzy-

wickiego). Acta Societatis Botanicorum Poloniae, t. III, № 2. Warszawa, 1925, str. 196—241.

Matlakówna M.₂ Dalsze badania nad zbożem średniowiecznem z Litwy. Ibid., t. VI, 1929, str. 370—384.

Matulaitis S.₁ Lietuvių tautos istorija [История литовского народа]. Kaunas—Vilnius, 1923.

Meškauskas P.₁ Volksbräuche im litauischen Familienleben (Niederkunft, Taufe, Hochzeit und Begräbnis d. preuß. Litauer). Tilsit, 1936.

Meuvret J.₁ Histoire des Pays Baltiques. Lithuanie-Lettonie-Estonie-Finlande. Paris, 1934.

Mierzyński A.₁ Co znaczy Sicco. Studyum archeol.-liter. Lwów, 1891.

Mierzyński A.₂ O władzy Criwe'go nad wszystką Litwą i jej sąsiadami. Charitas, Księga zbiorowa. SPb., 1894, str. 235—243.

Mierzyński A.₃ Nuncius cum baculo. Wisła. Warszawa, 1895, t. IX, zesz. 2, str. 361—395.

Montelius O.₁ Schwedische Runensteine und das Ost-Baltikum. Балт. сборник исслед. по археологии и истории. Рига, 1914, стр. 140—146.

Montfort H. de.₁ La Prusse au temps des Prussiens. Paris, 1946.

Moora H.₁ Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II Theil. Tartu, 1938.

Mortensen H.₁ Landschaft und Besiedlung Litauens in frühgeschichtlicher Zeit. Baltische Lände, I. Leipzig, 1939, SS. 330—349.

Musset L.₁ Les peuples scandinaves au moyen âge. Paris, 1951.

Nagevičius V.₁ Mųsų pajųrio medžiaginė kultųra VIII—XIII amž. [Материальная культура нашего Поморья в VIII—XIII вв.] Senovė, t. I. Kaunas, 1935, pp. 3—124.

Narbutt T.₁ Dzieje starożytne narodu litewskiego, tt. I—IX. Wilno, 1835—1841.

Narbutt T.₂ Dzieje narodu litewskiego, w krótkości zebrane. Wilno, 1847.

Narbutt T.₃ Pomniejsze pisma historyczne. Wilno, 1856.

Nerman B.₁ Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jungeren Eisenzeit. Stockholm, 1920.

Neveravičius F.₁ Zarys rozwoju kultury i twórczości litewskiej. Сб. Alma Mater Vilensis, ed. Academic Community of the Wilno Stefan Batory University, zesz. 3. London, 1953, pp. 277—304.

Novotný V.₁ České dějiny. Dílu 1, část III. Praha, 1928; část IV. Praha, 1932.

Pakarklis P.₁ Mažoji Lietuva vokiečių mokslo šviesoje [Малая Литва в освещении немецкой науки]. Socialinių ir Politikių Mokslų Institutos, Leidinys № 4. Kaunas, 1935.

Pakarklis P.₂ Lietuvių vokietinimas Mažojoj Lietuvoj [Онемечение литовцев в Малой Литве]. Maskva, 1942.

Pakarklis P.₃ Lietuvių kova prieš kalavijuočius [Борьба литовцев против меченосцев]. Panevežys, 1945.

Pakarklis P.₄ Kryžiuočių valstybės santvarkos bruožai [Очерк государственного строя Тевтонского ордена]. Vilnius, 1948.

Pakarklis P.₅ Popiežiai — lietuvių tautos priešai [Папы — враги литовского народа]. Vilnius, 1948.

Papée F.₁ Początki Litwy. KH, roczn. XLI, 1927, str. 465—476.

Paszkiewicz H.₁ Ze studjów nad polityką polską, litewską i krzyżacką Bolesława-Jerzego, ostatniego księcia Rusi halicko-włodzimierskiej. AW, II, 5—6, 1924, str. 31—67.

Paszkiewicz H.₂ Polityka ruska Kazimierza Wielkiego (Roz-

prawy Historyczne Tow-wa Naukowego Warszawskiego, t. IV). Warszawa, 1925).

P a s z k i e w i c z H.3 U podstaw potęgi moskiewskiej (Studium z dziejów Rusi suzdalsko-włodzimierskiej XIII w.). AW, zesz. V, 14, 1928, str. 1—84.

P a s z k i e w i c z H.4 Z dziejów Podlasia w XIV wieku. KH, XLII, 1928, str. 227—245.

P a s z k i e w i c z H.5 Z zagadnień ustrojowych Litwy przedchrześcijańskiej. KH, XLIV, 1, 1930, str. 301—312.

P a s z k i e w i c z H.6 Litwa przed Mendogiem. PVZHP, t. I. Lwów, 1930, str. 246—258.

P a s z k i e w i c z H.7 Prusacy a Litwini w XIII w. Ibid., t. II. Lwów, 1931, str. 189—192.

P a s z k i e w i c z H8. Jagiellonowie a Moskwa, t. I (Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku). Warszawa, 1933.

P a s z k i e w i c z H.9 Z życia politycznego Mazowsza w XIII wieku. Księga ku czci O. Haleckiego. Warszawa, 1935, str. 203—228.

P a s z k i e w i c z H.10 O genezie i wartości Krewa. Warszawa, 1938.

P a s z k i e w i c z H.11 The Origin of Russia. London, 1954.

P e r f e c k i j E.1 Historia Polonica Jana Długosze a Ruské letopisectví. Práce Slovanského ústavu v Praze, Svazek VII, v Praze, 1932.

P e r f e c k i j E.2 Historia Polonica Jāna Długosza a Nemecké letopisectvo. Spisy Filozoficke Fakulty slovenskej Univerzity v Bratislavé, t. XXVIII, 1940.

P e r l b a c h M.1 Die ältesten preussischen Urkunden, kritisch untersucht. AM, Bd. X, 1873, SS. 609—649.

P e r l b a c h M.2 Königsberger Correspondenzen aus der Zeit Werners v. Orseln. AM, Bd. X, 1873, SS. 79—84.

P e r l b a c h M.3 Preussische Regesten bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhunderts. Königsberg, 1876, или AM, Bd. XI, 1874; Bd. XII, 1875.

P e r l b a c h M.4 Regesten der Stadt Königsberg (1256—1524). AM, Bd. XVIII, 1881, SS. 1—39.

P e r l b a c h M.5 Preussische Urkunden aus polnischen und englischen Archiven. AM, Bd. XVIII, 1881, SS. 225—244.

P e r l b a c h M.6 Urkunden des rigaschen Capitel-Archives in der Fürstlich-Czartoryskischen Bibliotek zu Krakau. Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, Bd. XIII. Riga, 1881, SS. 17—18.

P e r l b a c h M.7 Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters (Zur Kritik der ältesten preuss. Urkunden), H. I—II. Halle, 1886.

P e r l b a c h M.8 Die Geschichte des ältesten Grossgrundbesitzes im Deutschordenslande Preussen. AM, Bd. XXXIX, 1902, SS. 78—124.

P e r l b a c h M.9 Hermann von Salza und der deutsche Orden im jüngsten polnischen Gericht. Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins, H. 48. Danzig, 1905, SS. 193—228.

P l e h n H.1 Zur Geschichte der Agrarverfassung von Ost- und Westpreussen. Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte, Bd. 17. Leipzig, 1904, SS. 383—466; Bd. 18. Leipzig, 1905, SS. 61—122.

P l e z i a M. Kronika Galla na tle historiografii XII wieku. RAU, t. XLVI (71), № 3. Kraków, 1947.

P l ü m i c k e R.1 Zur ländlichen Verfassung des Samlandes unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Leipzig, 1912.

P o b ł o c k i L.1 Kritische Beiträge zur ältesten Geschichte Litauens, 1 Th. Königsberg, 1879. AM, Bd. XVII, 1880, SS. 33—75.

P o l k o w s k a - M a r k o w s k a W.1 Dzieje Zakonu Dobżyńskiego. Roczniki Historyczne, rocznik II, zesz. 2. Poznań, 1926, str. 145—210.

P r o c h a s k a A.₁ O prawdziwości listów Gedymina. RAU, 1895. Serya II, t. VII (Ogólnego zbioru, t. 32), str. 222—255.

P r o c h a s k a A.₂ Stosunki krzyżaków z Giedyminem i Łokietkiem. KH, roczn. X, zesz. 1, 1896, str. 1—66.

P r o c h a s k a A.₃ Czy istniał Krywe na Litwie. KH, roczn. XVIII, 1903, str. 481—486.

P r o c h a s k a A.₄ Dwie koronacye. PH, t. I, 1905, str. 184—208, 372—393.

P r o c h a s k a A.₅ Dwa objaśnienia do dziejów Litwy (O apostazyi Mendoga. O autentyczności darowizn Mendoga). KH, roczn. XX, 1906, str. 58—73.

P r o c h a s k a A.₆ Nowsze poglądy na ustrój wewnętrzny starej Litwy. PH, t. XV, 1912, str. 30—54.

P r o c h a s k a A.₇ Od Mendoga do Jagiełły. Miesięcznik Litwa i Ruś, t. I. Wilno, 1912, zesz. 1, str. 18—32; t. II, sesz. 1, str. 34—46.

P r u t z H.₁ Die Anfänge des Deutschen Ordens in Preussen und seine Beziehungen zum Heiligen Lande. AM, Bd. 15 (81), 1878, SS. 1—26.

P u z y n a J.₁ Korjat i Korjatowicze AW, VII, 3—4, 1930, str. 425—454.

P u z y n a J.₂ Kim był i jak się naprawdę nazywał Pukuwer, ojciec Gedymina. AW, X, 1935, str. 1—43.

P u z y n a J.₃ W sprawie pierwszych walk litwinów z tatarami o Ruś w latach 1238—1243. Przegląd Historyczno-Wojskowy, t. 9, 1937, str. 345—400.

P u z y n a J.₄ Sukcesorowie Trojdena. AW, XIII, 1, 1938, str. 1—31.

P u z i n a s J.₁ Vorgeschichtsforschung und Nationalbewusstsein in Litauen. Kaunas, 1935.

P u z i n a s J.₂ Stand der archäologischen Forschungen in Litauen. CPHB, pp. 62—69.

R e m e i k a J.₁ Der Handel auf der Memel vom Anfang des 14. Jahrhunderts bis 1430. Tž, V, 1928, pp. 386—438.

R i m k a A.₁ Lietuvos prekybos santykiai ligi unijos su lenkais [Торговые отношения Литвы до унии с поляками]. Lietuvos Universiteto Teisių Fakulteto Darbai, t. II, kn. III. Kaunas, 1925, pp. 23—86.

R h o d e G.₁ Die Ostgrenze Polens, Bd. I. Köln—Graz, 1957.

S a d a n L. Materiały osteologiczne z pilkalń żmudzkich. Wiadomości Archeologiczne, t. XIV. Warszawa, 1936, str. 176—188.

S a f a r e w i c z Y.₁ Rozmieszczenie nazw na-iszki na pograniczu słowiańsko-litewskiem. SAU, № 2, 1947, str. 45—46.

S a l y s A.₁ Die žemaitischen Mundarten, Teil I. Geschichte des žemaitischen Sprachgebiets. Tž, VI kn., Kaunas, 1930, pp. 173—314.

Š a p o k a A.₁ Lietuvos Istorija [История Литвы]. Kaunas, 1936.

Š a p o k a A.₂ Lietuva iki Vytauto [Литва до Витовта]. Сб. Vytautas Didysis [Великий Витовт], Red. P. Šležas. Kaunas, 1930, pp. XV — XXIV.

S c h a e d e r H.₁ Deutsch-litauische Bündnispolitik im Mittelalter. Jomsburg, 5, H. 3—4, 1941, SS. 368—384.

S c h l ö z e r A. L.₁ Geschichte von Litauen. Halle, 1785.

S c h m i t t l e i n R.₁ Etudes sur la nationalité des Aestii, t. I (Toponymie lituanienne). Baden-Baden, 1948.

S c h r o e d e r H.₁ Der Handel auf der Düna im Mittelalter.— Hansische Geschichtsblätter. München—Leipzig, 1917, Bd. XXIII, H. I, SS. 23—156.

S c h u l z e W.₁ Lit. smirdas. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Bd. 52. Göttingen, 1924, S. 153.

S c h w a r t z Ph.₁ Kurland im dreizehnten Jahrhundert bis zum Regierungsantritt Bischof Emund's von Werd. Leipzig, 1875.

Semkowicz W.₁ Krytyczny rozbiór Dziejów Polskich Długosza do r. 1384. Kraków, 1884.
Semkowicz W.₂ Braterstwo szlachty polskiej z bojarstwem litewskiem w unii horodelkskiej 1413 roku. В кн.: Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa, 1914, str. 395—446.
Semkowicz W.₃ W sprawie początków szlachty na Litwie i jej ustroju rodowego. KH, roczn. XXIX, 1—4, 1915, str. 224—256.
Seraphim A.₁ Das Zeugenverhör des Franciscus de Moliano (1312). Königsberg, 1912.
Šimkus S.₁ Mūsų dainos. Kaunas, 1921.
Skardžius P.₁ Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen, TŽ t. VII. Kaunas, 1931, pp. 3—252.
Skirmuntt K.₁ Dzieje Litwy. Kraków, 1886.
Skirmuntt K.₂ Z najstarszych czasów plemienia litewskiego. Kraków, 1892.
Skirmuntt K.₃ Mindog, król Litwy. Nad Niemnem i nad Bałtykiem, zesz. III. Warszawa, 1909.
Šležas P.₁ Mindaugas Lietuvos karalius [Миндаугас — король Литвы]. Mūsų Žinynas [Наши ведомости], 1934, t. XXVII, pp. 340—358, 530 — 544.
Šležas P.₂ Ar Gediminaičiai kilę iš Žemaičių? [Происходит ли династия Гедимина из Жемайтии]. Athenaeum, t. VI. Kaunas, 1935, p. 1—12.
Smolka S.₁ Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego. Pamiętnik Akademii Umiejętności, wydz. filol. i histor.-filozoficzny, t. VIII. Kraków, 1890, str. 1—50.
Spliet H.₁ Die Briefe Gedimins. Ein Beitrag zur Geschichte der Stadt Riga. Sinsheim, 1953.
Stakauskas J.₁ Lietuva ir vakarų Europa XIII-me amžiuje [Литва и Западная Европа в XIII в.]. Kaunas, 1934.
Staniewicz W₁. Rzut oka na rozwój dziejów agrarnych na ziemiach litewskich. AW, II, 5—6, 1924, str. 103—121.
Stender-Petersen₁. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. Relazioni, t. III. Roma, 1955.
Steponaitis A.₁ Mindaugas ir Vakarai. Vokiečių militarinių ordinų veikla ir Mindaugo santykiai su Roma [Миндовг и Запад. Деятельность немецких военных орденов и взаимоотношения Миндовга с Римом]. Kaunas, 1937.
Sužiedėlis S.₁ Kautynės ties Šiauliais 1236 m. [Битва при Шауляй в 1236 г.]. Athenaeum, t. VI. Kaunas, 1935, pp. 13—53.
Szcześniak B.₁ The Mission of Giovanni de Plano Carpini and Benedict the Pole of Vratislavia to Halicz. The Journal of Ecclesiastical History. London, 1956, v. VII, № 1.
Szukiewicz W.₁ Strefy archeologiczne na Litwie. Rocznik Tow-wa Przyjaciół Nauk w Wilnie, t. VI, 1915—1918, str. 5—16.
Tallgren Tuulio O. Y., A. M. Tallgren₁. Idrīsī. La Finlande et les autres pays baltiques orientaux. Societas orientalis fennica. Studia orientalia III. Helsingforsiae, 1930.
Tarasenka P.₁ Lietuvas archeologijos medžiaga [Материалы для литовской археологии]. Kaunas, 1928.
Tarasenka P.₂ Lietuvos Piliakalniai. Vilnius, 1956.
Taube M.₁ Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (12—13 Jahrh.). Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, NF, Bd. XI, H. III — IV. Breslau, 1935.
Tautavičius A.₁ Rytų lietuvos pilkapiai [Погребальные памятники Восточной Литвы]. Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai. Serija A, t. I. Vilnius, 1955, pp. 87—98.

Toeppen M.₁ Historisch-comparative Geographie von Preussen. Gotha, 1858.
Toeppen M.₂ Die Zinsverfassung Preussens unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Zeitschrift für preussische Geschichte und Landeskunde, 4. Jahrgang. Berlin, 1867, SS. 207—232, 345—367, 611—627, 742—761.
Toeppen M.₃ Geschichte der preussischen Geschichtsschreiber des XIV. und XV. Jahrhunderts. Leipzig, 1879.
Totoraitis J.₁ Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Freiburg, 1905. То же на лит. яз. Mindaugas Lietuvos karalius [Миндовг — король Литвы]. Mariampolė, 1932.
Tumler M.₁ Der deutsche Orden. Wien, 1954.
Tymieniecki K.₁ Misja polska w Prusiech i sprowadzenie krzyżaków. Toruń, 1935.
Tymieniecki K.₂ Wpływy feodalne w Polsce i na Litwie. Uwagi do dyskusji na VI ZHP. AW, roczn. XI, 1936, str. 98—116.
Tymieniecki K.₃ Przemiany w ustroju polskiej wsi wczesnofeudalnej i ich wpływ na wzrost sił wytwórczych. KH, LXII, 3, 1954, str. 3—35.
R. Varakauskas₁ (см. Р. Ю. Варакаускас). Vokiečių feodalų agresija į rytinį pabaltijį ir lietuvių kova su ja XIII a. i ketvirtyje [Агрессия немецких феодалов в Восточной Прибалтике и борьба литовцев против нее в первой четверти XIII века]. Вильнюсский Гос. пед. ин-т, Ученые записки, t. III (История и филология), Vilnius, 1957, pp. 5—33.
Vernadsky G.₁ On feodalism in Kiewan Russia. ASEER, v. 7, 1948, № 1, pp. 3—14.
Vîdûnas W. S.₁ Litauen in Vergangenheit und Gegenwart. Tilsit, 1916.
Vydûnas W. S.₂ Sieben Hundert Jahre deutsch-litauischer Beziehungen. Tilsit, 1932.
Vileišis V.₁ Tautiniai santykiai Mažoje Lietuvoje [Взаимоотношения национальностей в Малой Литве]. Kaunas, 1935.
Voigt H. G.₁ Adalbert von Prag. Ein Beitrag zur Geschichte der Kirche und des Mönchtums im zehnten Jahrhundert. Berlin, 1898.
Voigt H. G.₂ Der Missionsversuch Adalberts von Prag in Preussen. AM, Bd. XXXVIII, 1901, SS. 317—397.
Voigt H. G.₃ Brun von Querfurt. Stuttgart, 1907.
Voigt Y.₁ Geschichte Preussens, Bd. I—IX. Königsberg, 1827—1839.
Volkaitė-Kulikauskienė R.₁ Klasinės visuomenės susidarymas Lietuvoje [Образование классового общества в Литве (по данным археологических исследований»]. Istorijos-filologijos fakulteto Mokslo Darbai. Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko vardo Universitetas [Ученые записки историко-филологич. фак-та Вильнюсского гос. ун-та им. В. Капускаса], t. I. Vilnius, 1955, pp. 120—138.
Volter E. A.₁ Einfluß Westrusslands auf Litauen vor dem XII Jahrhundert. MLLG, 1886, II, 11, SS. 306—312.
Volter E. A.₂ Mythologische Skizzen. Lit. Götter in I. Malala's Chronograph russischer Redaction vom Jahre 1261. ASP, 1886, Bd. IX, H. 4, SS. 635—642.
Volter E. A.₃ Litauische Zauberformeln und Besprechungen. MLLG, 1886, II, 11, SS. 301—306.
Volter E. A.₄ Lituanismen der russisch-litauischen Rechtsprache. MLLG, 1894, IV, 15, SS. 49—61.
Volter E. A.₅ Die Litauer im Kreise Slonim (Zur lit. Dialektenkunde). MLLG, 1895, IV, 20, SS. 166—187.
Volter E. A.₆ Zur altlitauischen Topographie der russischen Städte Wilna und Troki. MLLG, 1896, IV, 21, SS. 293—296.
Volter E. A.₇ Perkunastempel und litauische Opfer oder Deivensteine. MLLG, 1897, IV, 22, SS. 393—395.

V o l t e r E. A.₈ Zum Feuerkultus der Litauer. Archiv für Religionswissenschaft, Bd. I, H. 4. Leipzig, 1898, S. 368.
V o l t e r E. A.₉ Die Erdengöttin der Tschuwaschen und Litauer. Archiv für Religionswissenschaft, Bd. II, H. 4. Leipzig, 1900.
V o l t e r E. A.₁₀ Litauische Archeologie. Memel Morgens-Stimme, 1926, VIII, 15, № 170.
V o l t e r i s E.₁₁ Kur reikėtų ieškoti Mindaugo sostinės? [Где следует искать столицу Миндовга?]. Židinys [Очаг]. Kaunas, 1935, t. 22, № 11, pp. 413—416.
V o l t e r i s E.₁₂ Wann und wie konnten litauisch-ostbaltisch sprechende Indogermanen in ihre prähistorisch bestimmbaren Wohnsitze eingerückt sein. CPHB, pp. 37—47.
V u g i n i c h A.₁ The First Russian State: An Appraisal of the Soviet Theory. Speculum, v. XXVIII, № 2, 1953, pp. 324—339.
W a c h t s m u t h F.₁ Über die Quellen und den Verfasser der ältern livländischen Reimchronik. Mitau, 1878.
W e r m k e E.₁ Bibliographie der Geschichte von Ost-und Westpreussen. Königsberg, 1936; дополнения в AF, 1937 ff.; Zeitschrift für Ostforschung, 3, 1954, SS. 641—656; 4, 1955, SS. 465—480; 5, 1956, SS. 145—160.
W e s t b e r g F.₁ Ibrâhîm's-ibn-Jâkûb's Reisebericht über die Slawenländer aus dem Jahre 965. Изв. импер. АН, VIII, т. III, № 4, 1898.
W i l k e E.₁ Die Ursachen des preussischen Bauern-und Bürgerunruhen 1525 mit Studien zur ostpreussischen Agrargeschichte der Ordenszeit. AF, 7 Jahrgang. Königsberg, 1930, H. 1, SS. 33—81; H. 2, SS. 181—222.
W i l k i e w i c z - W a w r z y ń c z y k o w a A.₁ Ze studiów nad polityką Polską na Rusi na przełomie XII i XIII w. AW, r. XII, 1937, str. 1—35.
W ł o d a r s k i B.₁ Polityka ruska Leszka Białego (Arch. Tow-wa Nauk. we Lwowie, Dział II, t. III, zesz. 3). Lwów, 1925.
W ł o d a r s k i B.₂ Polska i Czechy w drugiej połowie XIII i początkach XIV wieku (1250—1306) (Arch. Tow-wa Nauk. we Lwowie, Dział II, t. VII, zesz. 3). Lwów, 1931.
W ł o d a r s k i B.₃ Wołyń pod rządami Rurikowiczów i Bolesława Jerzego Trojdenowicza. Rocznik Wołyński, t. III. Równe, 1934, str. 105—148.
W ł o d a r s k i B.₄ Rola Konrada Mazowieckiego w stosunkach polsko-ruskich (Arch. Tow-wa Nauk we Lwowie, Dział II, t. XIX, zesz. 2). Lwów, 1936.
W ł o d a r s k i B.₅ Alians rusko-mazowiecki z drugiej poł. XIII wieku. Studii histor. ku czci St. Kutrzeby, t. II. Kraków, 1938, str. 611—629.
W ł o d a r s k i B.₆ Rywalizacja o ziemie pruskie w połowie XIII wieku. Roczniki Tow-wa Naukowego w Toruniu, 61, zesz. 1, 1958, str. 1—76.
W o l f f J.₁ Ród Gedymina. Kraków, 1886.
W ü l k e r R.₁ Grundriss zur Geschichte der angelsächsischen Literatur. Leipzig, 1885.
W y t a u t a s (A k i e l e w i c z).₁ Rzut oka na starożytność narodu litewskiego. Petersburg, 1885.
Z a j ą c z k o w s k i S.₁ Studya nad dziejami żmudzi wieku XIII (Arch. Tow-wa Naukowego we Lwowie. Dział II, t. III, zesz. 2). Lwów, 1925.
Z a j ą c z k o w s k i S.₂ Stan badań nad dziejami Litwy przed 1386 r. PIVZHP, t. I. Lwów, 1925.
Z a j ą c z k o w s k i S.₃ Przymierze polsko-litewskie 1325 r. KH, XL, 4, 1926, str. 567—617.
Z a j ą c z k o w s k i S.₄ Przyczynki do hipotezy o pochodzeniu dynastji Giedymina ze żmudzi. AW, IV, 13, 1927, str. 392—416.

Zajączkowski S.5 W sprawie zajęcia Podlasia przez Giedymina. AW, VI, 1—2, 1929, str. 1—7.
Zajączkowski S.6 Wilchelm de Machaut i jego wiadomości do dziejów Polski i Litwy w XIV w. KH, XLIII, 1, 1929, str. 217—228.
Zajączkowski S.7 Polska a Zakon krzyżacki w ostatnich latach Władysława Łokietka. Lwów, 1929.
Zajączkowski S.8 Żmudż w początkach unii polsko-litewskiej. PVZHP, t. I, str. 337—344.
Zajączkowski S., Dzieje Litwy pogańskiej do 1386 r.' Lwów 1930.
Zajączkowski S.10 Wołyń pod panowaniem Litwy. Rocznik Wołyński, t. II. Równe, 1931, str. 1—25.
Zajączkowski S.11 Рецензия на книгу: H. Łowmiański, Studia. KH, roczn. XLVI, t. I, 1932, str. 447—475.
Zajączkowski S.12 Przegląd badań nad dzejami Litwy do r. 1385. PVIZHP, t. I. Lwów, 1935, str. 3—22.
Zajączkowski S.13 Podbój Prus i ich kolonizacja przez krzyżaków. Toruń, 1935.
Zajączkowski S.14 Рецензия на статью: J. Puzyna2 KH. roczn. 50, zesz. 2, 1936, str. 304—316.
Zajączkowski S.15 Studja nad procesami Polski i Litwy z Zakonem krzyżackim w r. 1420—1423. AW, r. XII, 1937, sh. 282—403.
Zajączkowski S.16 Die Geschichte Litauens bis 1386 in der polnischen Geschichtsschreibung der letzten zwanzig Jahre. JGO, 4, H. 1—2, 1939, SS. 136—148.
Zajączkowski S.17 Kaip jotvingiai buvo vadinami viduriniais amžiais [Как назывались ятвяги в средние века]. Lietuvos Praeitis[Прошлое Литвы], t. I. Kaunas, 1940, pp. 57—76.
Zajączkowski S.18 Dzieje zakonu krzyżackiego. Lódź, 1946.
Zajączkowski S.19 O nazwach ludu Jadźwingów. Zapiski Tow-wa Nauk. w Toruniu, t. XVIII, zesz. 1—4 (153—156). Toruń, 1953, str. 175—195.
Zajączkowski S.20 Problem Jaćwieży w historiografii. Zapiski Tow-wa Nauk. w Toruniu, t. 19, zesz. 1—4, 1953, str. 7—56.
Ziesemer W.1 Die Literatur des Deutschen Ordens in Preussen. Breslau, 1928.
Ziesemer W.2 Nicolaus von Yeroschin und seine Quelle (Berliner Beiträge zur germanischen und romanischen Philologie, 31. Germanische Abteilung, N 18). Diss. Berlin, 1907.
Žiugžda J.1 Lietuvių ir rusų tautų draugystė istorijos raidoje [Дружба литовского и русского народов в историческом развитии]. Vilnius, 1947.
Žiugžda J.2 Vokiškųju agresorių veržimasis į lietuių žemes XIII a. [Наступление немецких агрессоров на литовские земли в XIII в.] — Tarybinė Mokykla [Советская школа]. Vilnius, 1947, № 3, pp 7—15.
Žiugžda J.3 Reakcinė katalikų dvasiškija — amžimas lietuvių tautos priešas [Реакционное католическое духовенство — вечный враг литовского народа]. Kaunas, 1948.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

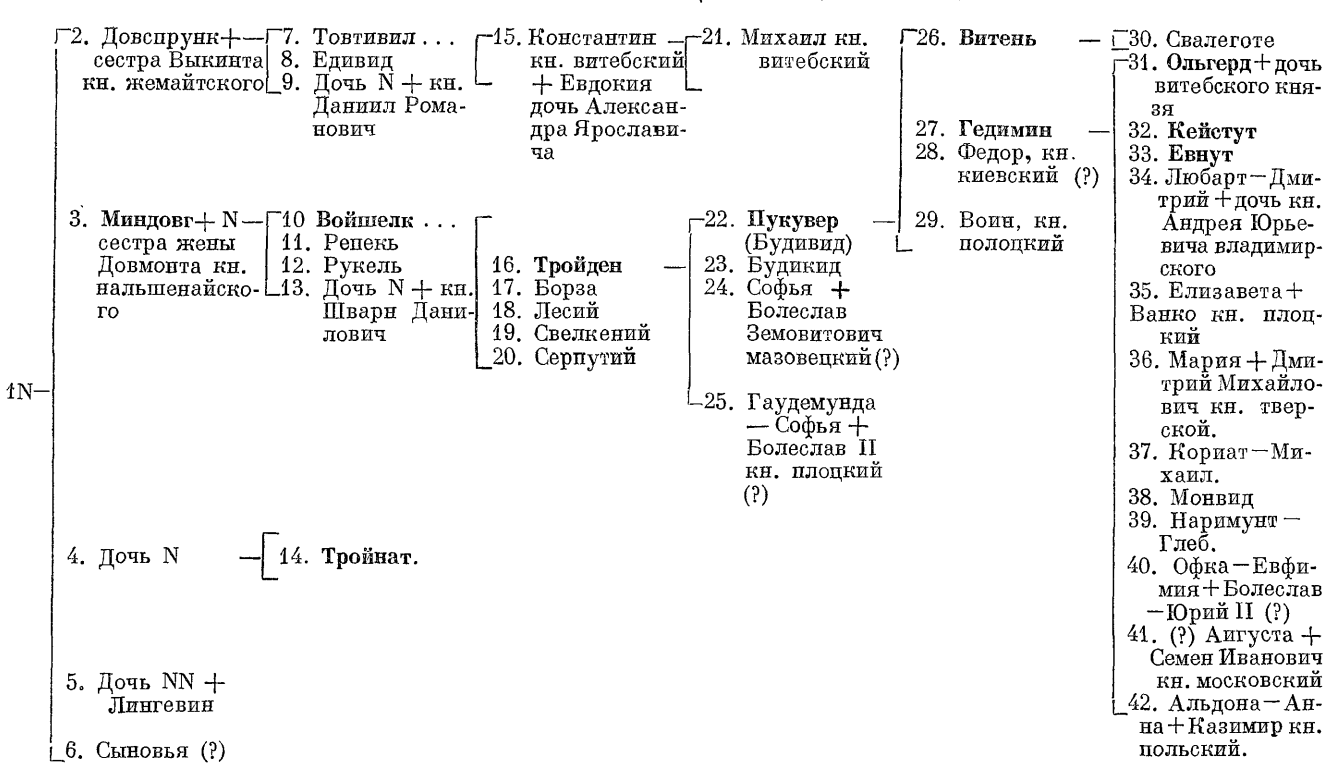
* Принятые сокращения: архиеп.— архиепископ; вел. кн.— великий князь; еп.— епископ; имп.— император; кн.— князь, княгиня; митр.— митрополит

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

* Сокращения: г.— город, г-к.— городок, дер.— деревня, креп.— крепость, н. п.— населенный пункт, оз.— озеро, о-в — остров, п-ов — полуостров, р.— река, с.— село.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЛИТОВСКИХ КНЯЗЕЙ.

1. Имя неизвестно, но немцы говорят Миндовгу: din vater was ein kunic grôß (LR, S. 146, v. 4383). **2** и **3.** Миндовг — брат Довспрунка (ПСРЛ, т. II, стб. 858). Жена Довспрунка — сестра Выкинта, коль скоро он дядя Товтивилу (там же, стб. 815, 817), но не брат Довспрунку. Жены Миндовга и Довмонта — родные сестры (там же, стб. 859). **4** и **14.** Тройнат — сестрич Миндовга (там же, стб. 860); ср. Troinita filius regis Lethowinorum (PD, p. 125; HW, p. 45); иначе — в Roczn. Krasińskich: Mendog — nepote suo (MPH, t. III, p. 133); т. е. он — сын либо брата, либо сестры Миндовга; он был двоюродным или троюродным братом Товтивила (ПСРЛ, т. II, стб. 860). **5.** Лингевин — сестрич или муж сестры Миндовга: Languinus sororius noster — документа Миндовга 1260 г., подделанного Орденом в XIV в.— PU, I_2, N 106, p. 93; ср. H. Łowmiański$_2$, t. I, str. 376 — сын сестры Миндовга. **6.** Миндовг избивал «братью» (ПСРЛ, т. II, стб. 858). **7** и **8.** Они — племянники Миндовга (там же, стб. 815); может быть, дети Довспрунка. **9.** ПСРЛ, т. II, стб. 815. **10.** ПСРЛ, т. II, стб. 830; LR, vv. 7133—7147; умер в 1267 г.— MPH, t. II, p. 840. **11** и **12.** ПСРЛ, т. II, стб. 860. **13.** Там же, стб. 830, 858. **14.** A. Seraphim$_1$, SS. 63, 78 (внук, дядя — короля), о браке — O. Balzer$_1$, str. 304—307. **15.** НПЛ, стр. 79, 83, 84, 86; HU, t. I, № 1093; А. В. Экземплярский$_1$, т. I, стр. 39—40. **16.** ПСРЛ, т. II, стб. 869; LR, SS. 178—182; HW, p. 47; последнее упоминание — LR, S. 211 (1281 г.). **17, 18, 19.** ПСРЛ, т. II, стб. 871, 869. **20.** Там же, стб. 869, 874. **21.** LU, t. VI, № 3059 (=РЛА, № 49). **22.** Pucuwerus — отец Витеня (PD, III, 248), ср. Putuwere (NE, v. 19738); Будивид—ПСРЛ, т. II, стб. 933; PU, I_2, № 568, p. 355—356 (terram regis Butegeyde). При нем, в 1282 г. Лев Данилович опасался мести за убийство Войшелка (ПСРЛ, т. II, стб. 897), т. е. династия в Литве не прервалась. Гедимин вспоминает своих предков князей (progenitores) (LU, t. II, № 687, p. 140; № 690, p. 144); Миндовг для него — praedecessor. **23.** ПСРЛ, т. II, стб.933. **24.** J. D l u g o s s i i, t. II, p. 453. **25.** MPH, t. III, p. 47 (1279 г.); O. Balzer$_1$, str. 423. **26.** Витень — король — 1296 г. (PD, III, 267); последнее упоминание — 1315 г. PD, p. 181. **27.** Гедимин — брат Витеня — LU, t. II, № 687, p. 140; LU, t. VI, № 3068, p. 466; дата смерти — НПЛ, стр. 353. **28.** М. Д. Приселков$_1$, стр. 58. **29.** НПЛ, стр. 98 (под 1326 г.). **30.** Annal. Rig. Cod. Leopol. K. Höhlbaum$_2$, S. 48. **31.** ПСРЛ, т. XVII, стб. 71; ср. «ни отец его, ни дед (Пукувер?) его тако прослыл»— Троицкая лет., стр. 402. **32.** ПСРЛ, т. XVII, стб. 71. **33.** ПСРЛ, т. XVII, стб. 71. **34.** ПСРЛ, т. XVII, стб. 71. **35.** LU, t. VI, № 3072 (1324 г.); O. Balzer$_1$, str. 445. **36.** ПСРЛ, т. XV, стб. 414. **37, 38, 39.** ПСРЛ, т. XVII, стб. 71. **40.** J. Dlugossii, t. III, p. 155; O. Balzer$_1$, str. 455—457. **41.** ПСРЛ, т. VII, стр. 204; ПСРЛ, т. X, стр. 206. **42.** MPH, t. II, p. 854.

Примечание: Кроме того, есть известие, что князь Андрей Мстиславич козельский, убитый в 1339 г. (ПСРЛ, т. XV, в. 1, стб. 52), имел женой дочь литовского князя «Гаманта» (Р. Зотов$_1$, стр. 292). О генеалогии см. Т. Сущицький$_2$, стр. 173—178, J. Wolff$_1$, str. 2—76, J. Puzyna$_2$, str. 43, H. Paszkiewicz$_3$, str. 58, а также работы О. Бальзера, Н. Баумгартена, Г. А. Власьева, М. Таубе и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ХРИСТБУРГСКИЙ (КИШПОРКСКИЙ) ДОГОВОР 1249 г.

Текст

Universis presentes litteras inspecturis, Jacobus [1], Leodiensis archidiaconus, domini pape capellanus ac eiusdem in Polonia, Pruscia et Pomerania [1] vices gerens, in actore salutis salutem.

Noverit universitas vestra, quod cum inter neophitos Pruscie ex parte una et rel[igiosus].[2]viros magistrum et fratres dom[us] Theuton. in Pruscia ex altera [2] graves discordie orte essent super hoc, quod dicti neophiti dicebant, quod, licet a fel[icis] rec[ordationis] Innocentio papa tercio, Honorio et Gregorio, Romanis pontificibus, predecessoribus sanctissimi patris nostri Innocentii pape quarti, qui nunc divina clementia providente preest ecclesie sancte dei, ipsis neophitis esset concessum, ut, cum vocati essent in libertatem filiorum dei, ex aqua et spiritu sancto renati, in libertate sua manentes, nulli alii essent quam soli Christo et obedientie ecclesie Romane subjecti, dicti [3] tamen fratres contra concessionem huiusmodi [3] venientes ipsos neophitos interim duris servitutibus opprimebant, quod vicini pagani, eorum gravamina audientes, tollere supra se suave jugum domini formidabant.

Et cum super hoc fuisset coram predicto sanctissimo patre nostro per procuratores partium predictarum diutius altercatum, et per ea, que pro utralibet partium fuere proposita coram ipso, plene scire non potuerit veritatem, ipse huiusmodi dissensionis extinguere fomitem et discordes ipsos optans ad concordie reducere unitatem: nos ad partes illas transmisit, dans nobis litteris apostolicis in mandatis, ut, partibus ad nostram presentiam convocatis, sollicite tractaremus de facienda concordia inter ipsos. Nos igitur ad partes Pruscie de mandato apostolico pro solo bono obedientie pape huc specialiter accedentes, partibus ad nostram presentiam convocatis, de dicta concordia tractavimus diligenter, et easdem partes, domino faciente, ad concordie unitatem reduximus sub hac forma.

[1–1] По варианту Б: fratres H. vicemagister, H. marschalcus, totus conventus in Balga ceterique fratres ordinis dom. b. Marie Theuton. in Prussia

[2–2] По варианту Б: et nos ex altera

[3–3] По варианту Б: nos tamen ut dicebant, contra concessionem

ХРИСТБУРГСКИЙ (КИШПОРКСКИЙ) ДОГОВОР 1249 г.

(Перевод С. П. Кондратьева)

Всем, кто будет смотреть эти письма, Яков[1], архиепископ из Люттиха, капеллан господина папы и несущий должность его заместителя в Польше, Пруссии и Померании, шлет привет[1] во имя творца спасения.

Все вы должны знать, что между новообращенными [в христианство] Пруссии, с одной стороны, и светлейшими[2] мужами, магистром и братьями Тевтонского ордена в Пруссии,— с другой [2], произошли жестокие разногласия относительно того, о чем говорили выше названные новообращенные, что [будто бы] покойным папой Иннокентием третьим, Гонорием [III] и Григорием [IX] римскими первосвященниками, предшественниками святейшего отца нашего папы Иннокентия IV, который теперь с мудрой божественной предусмотрительностью управляет святой церковью господней, было уступлено данным новообращенным, чтобы они, как призванные стать свободными сынами божьими, воскрешенные водой и духом святым, оставались в своей свободе и не были никому подвластны, кроме [как] одному Христу и повиновению римской церкви, [и что] однако выше названные [3] братья [Ордена], нарушая такого рода разрешение [пап][3], придя, данных новообращенных за это время притесняли тяжкими рабскими притеснениями так, что соседние язычники, слыша о их отягощениях, стали бояться возложить на себя приятное ярмо господа.

И так как по поводу этого в присутствии выше названного святейшего отца нашего был долгий словесный спор в лице представителей выше названных сторон и из того, что каждой из сторон было перед ним изложено, он не мог вполне узнать истины, он сам, желая затушить пламенеющее вещество этого разногласия и несогласных привести к единству согласия, отправил нас в эти места, дав нам апостольское послание в качестве мандата, чтобы мы, вызвав к себе стороны, со всем тщанием позаботились об устроении согласия между ними. И вот мы, согласно апостольскому мандату, специально прибывши в эти части Пруссии во имя единственно повиновения папе, созвав к себе стороны, старательно поработали о выше названном согласии и эти стороны, с божьей помощью, привели к единству согласия в такой форме.

1–1 По варианту Б: братья Н. заместитель магистра, Н. маршалк, все собрание в Балге и остальные братья ордена Тевтонского в Пруссии шлем

2–2 По варианту Б: нами с другой стороны

3–3 По варианту Б: мы, как они говорили, в нарушение этого разрешения

[I] In primis siquidem dicti fratres, ardenti desiderio affectantes, ut negotium fidei christiane libere in partibus illis currat et nomen domini Jhesu Christi in gentibus dilatetur, cum hoc precipue querant in illis partibus, sicut dicunt, neophitis supradictis iam ad fidem Christi conversis et baptizatis, necnon et paganis omnibus in eisdem et circumadiacentibus partibus convertendis et baptizandis, in nostra et ven[erabilis] patris H., Culmensis episcopi, ad hoc a nobis specialiter evocati, presentia, presentibus eciam pluribus aliis bonis viris, talem libertatem liberaliter concesserunt:

[1] ut videlicet licitum sit eisdem neophitis emere res quascumque, a quibuscunque voluerint aliisque iustis modis acquirere, prout voluerint et valuerint sibique viderint expedire;

[2] et quod, quicquid emerint vel acquisierint, sibi ipsis acquirant et heredibus suis legitimis; ita videlicet quod, quando aliquis ex eis recesserit ab hac vita, habens filium vel filiam, que numquam fuerit maritata, vel utrumque, isti succedant eidem; et si filium vel filiam non habuerit, et habeat adhuc patrem vel matrem, succedant isti suo filio morienti; si vero nec filium vel filiam, nec patrem vel matrem, habuerit, et adhuc filius sui filii sit superstes, succedat avo suo; porro si nullum habuerit superstitem de predictis et habuerit fratrem, succedat ei idem frater; et si ipse frater morte preventus reliquerit filium, idem filius fratris succedat patruo morienti.

Que predicti neophiti gratanter acceptaverunt, cum in paganismo non habuissent, ut dicebant, nisi solos filios successores.

[3] Et concesserunt idem neophiti coram nobis et aliis antedictis libera voluntate, ut, si quis ex eis vel successoribus suis obierit et nullum superstitem reliquerit de omnibus heredibus antedictis, omnia bona ipsorum immobilia ad... magistrum et fratres predictos et domum eorum et alios dominos, sub quibus idem neophiti manserint, libere devolvantur, et eciam mobilia, nisi ipsi neophiti in vita vel in morte de illis aliud duxerint ordinandum.

[4] Concesserunt eciam predicti fratres neophitis antedictis, ut libere possint expendere, dare, erogare, vendere et alia, quecumque voluerint, facere tam in vita quam in morte de mobilibus bonis suis;

[5] et insuper quod licitum sit eisdem, pro necessitate sua vel pro sua eciam utilitate, immobilia bona sua vendere paribus suis, vel Theutonicis sive Prutenis vel Pomeranis, dum tamen prius prefatis... magistro et fratribus sufficientem faciant cautionem ad valorem rei vendende, quod, postquam eam vendiderint, ad paganos non fugient vel ad hostes, quos manifeste ipsorum fratrum constiterit esse hostes.

[6] Concesserunt preterea prefati fratres neophitis supradictis, ut licitum sit eis condere testamentum de bonis suis mobilibus et eciam de immobilibus, ita tamen quod, si aliquis aliqua immobilia in testamento suo legaverit alicui ecclesie vel persone ecclesiastice, eadem ecclesia vel persona illa immobilia infra annum vendere teneatur heredibus defuncti vel aliis supradictis, et habeant sibi ille ecclesie vel presone pecuniam, quam ex vendicione receperint pro eisdem; alioquin elapso anno illa immobilia sic legata et per negligentiam non vendita infra annum ad dictos... magistrum et

[I] Во-первых, названные братья [Ордена], всегда испытывая горячее желание, чтобы дело веры христианской свободно распространялось в этих местах и имя господа Иисуса Христа становилось повсеместно известно в народе, так как об этом, как они говорят, они особенно стараются в этих странах как для выше названных, уже обращенных в веру христову и крещеных, так и для всех язычников, находящихся в тех же местах и в соседних, окружающих их землях, которые должны быть обращены и крещены, [так вот они] в присутствии нас и чтимого отца Г[ейденрейха] епископа Кульмского, специально нами вызванного с этой целью, в присутствии также многих других добрых [важных] мужей, предоставили щедро такую свободу:

[1] чтобы, само собой разумеется, было разрешено этим новообращенным покупать любые вещи у кого только они захотят и приобретать другими законными способами, как они захотят и за сколько они смогут, и открыто доставлять [их] к себе;

[2] и все, что бы они ни купили или приобрели, пусть они приобретают для себя лично и для своих законных наследников; таким образом, что если кто из них уйдет из этой жизни, имея сына или дочь, которая еще не вышла замуж, или обоих вместе, пусть они наследуют ему; если он не имеет сына или дочери, но еще до сих пор имеет отца или мать, пусть они наследуют своему умершему сыну; если же он не имеет ни сына ни дочери, ни отца ни матери, но до этого остался в живых сын его сына, пусть он наследует своему деду; далее если он не имеет никого из выше названных, но имеет брата, пусть ему наследует этот брат; и если брат предвосхищенный смертью оставил сына, пусть этот сын наследует своему умершему дяде.

Выше названные новообращенные приняли это с благодарностью, так как будучи язычниками, как они говорили, они не имели [этих обычаев], а [признавали] только сыновей в качестве своих наследников.

[3] И эти новообращенные в присутствии нас и других выше названных лиц по доброй воле согласились, что если кто из них и их выше названных наследников умрет и никого не останется в живых из выше названных наследников, то все их недвижимое имущество свободно перейдет к названным магистру и братьям и к их дому и к другим господам, под властью которых были эти новообращенные, а также и движимое, если только сами новообращенные при жизни или умирая не решили сделать относительно него какое-либо иное распоряжение.

[4] Также выше названные братья разрешили выше названным новообращенным, чтобы они могли свободно выплачивать [долги], давать [взаймы], тратить, продавать и делать все другое, что они хотят как при жизни, так и после смерти со своим движимым имуществом;

[5] а сверх того, чтобы им было разрешено из-за необходимости или также для своей пользы продавать свою недвижимость себе равным или тевтонам, или пруссам, или поморянам, но не раньше, чем они представят достаточное поручительство выше названным... магистру или братьям по отношению к стоимости подлежащей продаже вещи так, чтобы после ее продажи они не убежали к язычникам или к врагам, которые ясным заявлением самих братьев определяются как враги.

[6] Кроме того, выше названные братья уступили выше названным новообращенным, чтобы они имели право составлять завещания о своем имуществе движимом и также недвижимом, но так, что если кто завещает по завещанию какую-либо недвижимость какой-либо церкви или духовному лицу, эта церковь или лицо имеют право продать эту недвижимость в течение года наследникам умершего или другим выше названным и пусть эти церкви или лица оставляют за собой деньги, которые они получили от продажи за это [имущество]; иначе, с истечением года эта недвижимость, так завещанная и по небрежности не проданная в течение года, свободно

fratres libere devolvantur. Cum enim iidem... magister et fratres unam faciant ecclesiam et conventum, et totam terram, quam habent in Pruscia, a Romana ecclesia teneant, credunt, ut dicunt, quod licitum non sit eis, ut terram eandem in dominium alterius ecclesie vel persone ecclesiastice transferant absque summi pontificis consensu et licentia speciali.

Que omnia dicti neophiti gratanter receperunt et consenserunt coram nobis et aliis supradictis, quod in predictis omnibus vendicionibus faciendis, si prefati... magister et fratres de quacumque re vendenda tantum voluerint dare, quantum alius, ipsi fratres omnibus aliis preferantur; et iidem fratres fideliter promiserunt, quod ipsi non impedient vel procurabunt publice vel occulte, ut ab alio de re illa minus, quam valeat, offeratur.

[7] Item concesserunt fratres predicti neophitis supradictis, ut liceat eis libere contrahere matrimonium cum quibuscunque personis legitimis ad legitimum matrimonium contrahendum;

[8] et ut possint esse procuratores in omnibus causis et adversus quoscunque agere et iura sua repetere;

[9] et ut tamquam persone legitime ad omnes actus legitimos admittantur coram iudicibus quibuscunque tam in foro ecclesiastico, quam eciam seculari;

[10] et ut ipsi et filii eorum legitimi possint esse clerici et religionem intrare;

[11] et quod illi ex ipsis neophitis, qui sunt vel erunt ex nobili prosapia procreati, accingi possint cingulo militari;

[12] et ut omnia breviter comprehenderent iidem fratres, sepedictis neophitis concesserunt libertatem omnimodam personalem, quamdiu fidem catholicam observabunt et in subiectione et obediencia Romane ecclesie permanebunt et contra ipsos magistrum et fratres et domum ipsorum fideliter se habebunt. Et concesserunt iidem neophiti, ut, quecunque patria vel persona de cetero apostataverit, predictam perdat penitus libertatem.

[13] Postea dicti neophiti requisiti a nobis, quam legem mundanam vellent eligere, vel que vellent secularia iudicia observare, habito inter se consilio, pecierunt et elegerunt legem mundanam et secularia iudicia Polonorum vicinorum suorum. Et predicti fratres eis concesserunt benigne; et ad peticionem ipsorum ferri candentis iudicium, et ad mandatum nostrum omnia alia, si que sint in eadem lege contra deum vel Romanam ecclesiam sive contra libertatem ecclesiasticam, ab eadem lege penitus removerunt et concesserunt penitus non servari.

[14] Et promiserunt iidem fratres coram nobis et aliis antedictis, quod bona dictorum neophitorum indebite non accipient, nec eis auferent, nisi secundum racionabilia iudicia dicte legis.

[II] Porro neophiti sepedicti, specialiter autem illi de Pomezania, Warmia at Natania, a nobis instructi, quod pares sunt omnes homines, dum non peccant, et quod solum peccatum miseros facit homines et subiectos, et etiam quod quilibet, quantumcunque sit liber, si facit peccatum, servum constituit se peccati, nolentes supradictam perdere libertatem nec se de cetero subicere homini pro peccato, coram nobis et aliis supradictis deo et Romane ecclesie ac fratribus sepedictis voluntate spontanea firmiter et fideliter promiserunt.

переходит к названным магистру и братьям. Так как они... магистр и братья составляют одну церковь и одну общину и всю землю, которую они имеют в Пруссии, они держат от римской церкви, они верят, как говорят, что им не разрешено, чтобы эту землю они передавали во владение другой церкви или духовному лицу без согласия верховного первосвященника и специального разрешения.

Все это выше названные новообращенные с радостью приняли и согласились в присутствии нас и других выше названных лиц, что при всех выше названных продажах, если раньше упомянутые... магистр и братья при любой продаже захотят дать столько же, сколько другой, то сами братья должны быть предпочтены всем другим; а братья, дав слово, обещали, что сами не будут мешать и принимать публично или тайно меры, чтобы за вещь другими давалось меньше, чем она стоит.

[7] Также выше названные братья уступили выше названным новообращенным, чтобы им было позволено свободно заключать браки с какими угодно лицами, имеющими право для заключения законного брака;

[8] и чтобы они могли быть [полноправными] сторонами во всех [судебных] делах и выступать против кого угодно и отстаивать свои права;

[9] и чтобы они как лица, имеющие законное право, допускались ко всем законным действиям [актам] перед лицом каких угодно судий как перед церковным судом, так также и перед светским;

[10] и чтобы они сами и их законные сыновья могли быть клириками и вступать в исполнение религиозных обрядов;

[11] и чтобы те из новообращенных, которые происходят или в будущем будут происходить из знатного рода, могли бы быть опоясаны военным поясом;

[12] и чтобы вкратце выразить, [что дают] эти братья, то они согласились признать [за новообращенными] всяческую личную свободу до тех пор, пока они будут соблюдать католическую веру и будут оставаться в подчинении и повиновении римской церкви и в отношении их, [то-есть] магистра и братьев и их дома [Ордена], будут соблюдать верность. И те же новообращенные согласились, чтобы, если какая-либо община или отдельное лицо в чем-либо окажутся отступниками, они совершенно теряют выше указанную свободу.

[13] После этого названные новообращенные, спрошенные нами, какой они хотят выбрать всеобщий закон или какие хотят соблюдать светские судебные установления, посоветовавшись между собой, попросили и выбрали всеобщий закон и светские судебные установления соседних с ними поляков. И выше названные братья благосклонно согласились с ними; и по их просьбе судебное испытание каленым железом и по нашему мандату все остальное, если что есть в этом законе против бога или римской церкви или против церковной свободы, из этого закона они окончательно удалили и согласились совершенно не сохранять.

[14] И те же братья обещали в присутствии нас и других ранее названных, что имущество новообращенных, о которых идет речь, они не будут незаконно отбирать, кроме как по разумно установленному решению этого [названного всеобщего] закона.

[II] Далее много раз называемые новообращенные, главным образом из Помезании, Вармии и Натан[г]ии, выслушав от нас поучение, что люди все равны, пока они не согрешили, и что единственно прегрешение делает людей несчастными и подчиненными, и что любой, как бы он ни был свободен, если совершил прегрешение, становится рабом греха, не желая потерять выше названную свободу и в дальнейшем подчинить себя за грех человеку, в присутствии нас и других выше названных обещали богу и римской церкви и много раз названным братьям по свободному изъявлению воли крепко и надежно,

[1] что они или их наследники не будут сохранять [обычаев] сжига-

[1] quod ipsi vel heredes eorum in mortuis comburendis vel subterrandis cum equis sive hominibus vel cumarmis seu vestibus vel quibuscunque aliis preciosis, vel eciam in aliis quibuscunque ritus gentilium de cetero non servabunt, sed mortuos suos iuxta morem christianorum in cymiteriis sepelient et non extra.

[2] Ydolo, quod semel in anno, collectis frugibus, consueverunt confingere et pro deo colere, cui nomen Curche imposuerunt, vel aliis diis, qui non fecerunt celum et terram, quibuscunque nominibus appellentur, de cetero non libabunt;sed in fide domini Jhesu Christi et ecclesie catholice ac obedientia et subiectione Ro mane ecclesie firmi et stabiles permanebunt.

[3] Promiserunt eciam, quod inter se non habebunt de cetero Tulissones vel Ligaschones, homines videlicet mendacissimos histriones, qui quasi gentilium sacerdotes in exequiis defunctorum v[a]e tormentorum infernalium promerentur, dicentes malum bonum et laudantes mortuos de suis furtis et spoliis, immundiciis et rapinis ac aliis viciis et peccatis, que, dum viverent, perpetrarunt:ac erectis in celum luminibus exclamantes, mendaciter asserunts se videre presentem defunctum per medium celi volantem in equo, armis fulgentibus decoratum, nisum in manu ferentem et cum comitatu magno in aliud seculum procedentem; talibus et consimilibus mendaciis populum seducentes et ad ritus gentilium revocantes. Hos, inquam, promiserunt se nunquam de cetero habituros.

[4] Item promiserunt, quod duas uxores similiter vel plures de cetero non habebunt; sed una sola contenti cum ipsa contrahet unusquisque sub testimonio competenti et matrimonium illud in ecclesia statutis temporibus cum sollempnitate debita publicabit.

[5] Promiserunt eciam, quod nullus eorum de cetero filiam suam vendet alicui matrimonio copulandam, et quod nullus uxorem filio suo emet vel sibi; nam ex hoc talis inter ipsos consuetudo, sicut intelleximus, inolevit, qualis nec inter gentes, ut videlicet uxorem patris sui aliquis habeat. Cum enim aliquam uxorem de pecunia communi sibi et filio emerat sibi pater, hactenus servaverunt, ut, mortuo patre, uxor eius devolveretur ad filium, sicut alia hereditas de bonis communibus comparata. Et ne aliquis hac de causa novercam suam possit sibi vendicare ulterius in uxorem, uxores nec vendere nec emere promiserunt.

Si tamen a sponso patri vel matri sponse, vel e converso, vestes vel alia clenodia data fuerint vel promissa, vel si dos viro vel donacio propter nuptias uxori data fuerint vel promissa, secundum quod iura permittunt, hec nullatenus prohibemus.

Unde promiserunt dicti neophiti, quod nullus ex eis quacunque de causa novercam suam ducet de cetero in uxorem, vel uxorem fratris sui, vel eciam aliam sibi in primo, secundo, tercio vel quarto consanguinitatis vel affinitatis gradu attinentem, absque summi pontificis dispensatione et licencia speciali; et quod nullum utriusque sexus heredem legitimum reputabunt vel ad supradictam successionem hereditatis admittent, nisi solos illos, qui de legitimo matrimonio secundum statuta Romane ecclesie fuerint procreati

[6] et quod nullus filium suum vel filiam quacunque de causa per se vel per alium abiciet de cetero vel occidat, publice vel occulte, vel ab alio talia quoquomodo fieri consentiet vel permittet.

ния мертвых или захоронения [их вместе] с конями или людьми, или с оружием и платьем, или с какими-либо другими драгоценными вещами, или по каким-либо другим [обрядам], не будут сохранять родовых [племенных, простонародных] обычаев, но своих мертвых будут хоронить по христианскому обычаю на кладбищах, а не вне их.

[2] Идолу, которого один раз в году, собрав жатву, они обычно выдумывают и почитают за бога, имя которому они дали Курхе, и другим богам, которые не создали неба и земли, какими бы именами они ни назывались, они в дальнейшем не будут делать возлияний, но что они твердо и неизменно останутся веруя в господа Иисуса Христа и католическую церковь и [будут оказывать] послушание и повиновение римской церкви.

[3] Они также пообещали, что не будут иметь в своей среде в дальнейшем тулиссонов или лигашонов, людей, само собой разумеется, самых лживых лицедеев, которые как бы родовые жрецы [и потому] считают себя вправе присутствовать на похоронах умерших и заслуживают адских мучений за то, что зло называют добром и восхваляют мертвых за их воровство и грабежи, за грязь их жизни и хищения и остальные пороки и прегрешения, которые они совершили, пока были живы; и вот подняв к небу глаза они восклицают, ложно утверждая, что они видят предлежащего мертвеца, летящего среди неба на коне, украшенного блистающим оружием, несущего в руке сокола, с большой свитой направляющегося в другой мир; такими и подобными лживыми словами они отвращают народ и зовут обратно к обычаям язычников. Их они обещали, это я утверждаю, в дальнейшем никогда не иметь.

[4] Кроме того, они обещали, что равным образом не будут в дальнейшем иметь двух жен и более; но, довольствуясь только одной, каждый [будет] соединяться с нею при достаточном [важном] свидетельстве и этот брак объявит в церкви в указанное время с должным торжеством перед народом.

[5] Они также обещали, что никто из них в дальнейшем не будет продавать свою дочь кому-либо, [желающему] соединиться с ней браком и что никто не будет покупать жену ни сыну своему, ни себе; ибо из этого выросла между ними такая привычка, какой нет, насколько мы знаем, даже у [диких] племен, что кто-либо имеет жену своего отца. Ведь пока отец покупал какую-нибудь женщину на общие деньги себе и своему сыну, до тех пор они сохраняли [обычай, разрешавший], чтобы после смерти отца его жена переходила к сыну, как и всякая другая наследственная вещь, купленная на общие деньги. И вот, чтобы никто по этой причине не мог больше присваивать свою мачеху в качестве жены, они обещали жен не продавать, не покупать.

Однако если, когда они [новообращенные] собираются жениться, [и мужем] отцу или матери были даны или обещаны платья или другие домашние вещи [драгоценности] или, наоборот, если мужу дано или обещано приданое, а жене — подарки вследствие свадьбы, чего законы не запрещают, этому мы ни в какой мере не противимся.

Вследствие этого названные новообращенные дали обещание, что никто из них по какой бы то ни было причине не возьмет в дальнейшем в жены свою мачеху или жену брата, или какую-либо другую [женщину], находящуюся в первой или второй, или третьей или четвертой степени кровного родства или близости, без разрешения верховного первосвященника и без специального разрешения; и что они не будут признавать в качестве законных наследников обоего пола и не допустят до участия в выше названном наследстве никого, кроме как только тех, которые рождены от законного брака, [заключенного] согласно установлениям римской церкви;

[6] и что никто из них по какой бы то ни было причине в дальнейшем не отвергнет и не убьет своего сына или дочь, сам ли и через постороннее

[7] Promiserunt eciam, quod, quamcito puer alicuius natus fuerit vel ad minus infra octo dies, si tam diu potest absque mortis periculo reservari, ipsum baptizandum facient ad ecclesiam deportari et a presbitero baptizari; et mortis periculo imminente, ab aliquo christiano, baptizandi intentionem habente, quamcitius poterunt facient baptizari, immergendo puerum ter in aqua et dicendo: puer, ego baptizo te in nomine patris et filii et spiritus sancti.

[8] Et quia longo tempore presbiteris et ecclesiis caruerunt et idcirco multi non baptizati ad inferos descenderunt, et multi adhuc inter eos remanent baptizandi, tam pueri quam adulti, promiserunt firmiter et expresse, quod omnes nondum baptizatos infra mensem facient in forma ecclesie baptizari; alioquin consenserunt,ut bona parentum, qui natos suos infra dictum tempus ex contemptu non fecerint baptizari, et eciam bona illorum, qui adulti pertinaciter baptismum recipere noluerint requisiti,publicentur, ipsique extra christianorum fines nudi in tunica expellantur, ne boni aliorum mores ex eorum pravis colloquiis corrumpantur.

[9] Promiserunt etiam illi de Pomezania, quod infra proximum Pentecosten ecclesias edificabunt in locis inferius nominatis. Primam videlicet in villa, que vocatur Pozoloue, que alio nomine vocatur Rutiz. Secundam in villa, que vocatur Pastelina. Terciam in loco, qui vocatur Lingues. Quartam in loco, qui dicitur Lyopiez. Quintam in Chomor Sancti Adalberti. Sextam in Bobus. Septimam et octavam in Geria. Nonam in Prozile. Decimam in Resia. Undecimam circa antiquum Christiborc. Duodecimam in Raydez. Terciamdecimam in novo Christiborc.

Illi autem de Warmia promiserunt, quod infra terminum antedictum edificabunt ecclesias in locis inferius annotatis. Primam videlicet in villa, in qua sedet Jedun, vel prope locum illum. Secundam in Surimes. Terciam in Bandadis. Quartam in Slinia. Quintam in Wuntenowe. Sextam in Brusebergue.

Illi vero de Natania promiserunt, quod infra eundem terminum edificabunt ecclesias, unam in Labegow. Aliam in vicinia Tummonis. Terciam in Sutwiert.

Et quamlibet istarum ecclesiarum tenebuntur edificare et ornare ornamentis, calicibus et libris et aliis necessariis, prout decet, illi de villis, que sunt vel erunt ad quamlibet ecclesiam assignate, ut ad illam conveniant, et in ea vel ex ea ecclesiastica suscipiant sacramenta. Et promiserunt omnes predicti, quod dictas ecclesias edificabunt adeo honorabiles et decoras, quod plus videbuntur delectari in oracionibus ac oblacionibus factis in ecclesiis quam in silvis.

Si autem predictas ecclesias non edificaverint infra terminum supradictum, consenserunt, ut prefati... magister et fratres accipiant vel accipi faciant, eciam si opus fuerit violenter, ab unoquoque ipsorum secundum proprias facultates aliquam racionabilem portionem, et ex hiis edificare faciant ecclesias antedictas. Et promiserunt predicti fratres, quod, dictis ecclesiis edificatis, ipsi bona fide easdem presbiteris conferent infra annum eisque infradicta beneficia assignabunt. Et ipsi neophiti promiserunt, quod, edificatis dictis ecclesiis, ipsi singulis diebus dominicis et festivis ad minus suas parrochiales ecclesias frequentabunt.

лицо, открыто или тайно, и не будет сочувствовать и позволять, чтобы делалось [кем-либо] другим что-либо подобное каким-либо образом.

[7] Они также обещали, что как только у кого родится ребенок или в течение не более восьми дней, если так долго он может прожить без опасности смерти, они примут меры доставить его для крещения в церковь, чтобы священник крестил его; и если [ему] угрожает опасность смерти, то пусть он будет возможно скорее крещен каким-либо христианином, имеющим стремление совершить крещение, трижды окунув ребенка в воду со словами: «дитя, я крещу тебя во имя отца и сына и святого духа».

[8] И так как в течение долгого времени они были лишены священников и церквей, и поэтому многие умирали некрещеными, и многие до сих пор среди них остаются ожидающими крещения, как дети, так и взрослые, они обещали твердо и решительно, что всех еще не крещенных в течение месяца они заставят креститься по церковной форме, иначе же они заявили, что они, произведя розыск, конфискуют имущество родителей, которые в течение выше названного времени не совершат крещения своих детей из-за пренебрежения, а также имущество тех, которые, будучи взрослыми, упорно не желают принять крещение, а их самих изгонят из пределов христиан нагими в одной рубашке, чтобы добрые нравы других не портились их превратными разговорами.

[9] Обещали также те из Помезании, что до ближайшего тройцына дня они выстроят церкви в местах, ниже поименованных. Первую, конечно,— в городе [городском поселении?] Позолове, который иначе называется Рутиц. Вторую — в городе, называемом Пастелина. Третью — в месте, которое называется Лингвес. Четвертую — в месте, которое называется Лиопиц. Пятую — в Коморе святого Адальберта. Шестую — в Бобусе. Седьмую и восьмую — в Герии. Девятую — в Прозиле. Десятую — в Резии. Одиннадцатую — в Христбурге. Двенадцатую — в Райдеце. Тринадцатую — в Ново-Христбурге.

Те же из Вармии обещали, что в выше названный срок они воздвигнут церкви в местах, ниже названных. Первую,— конечно, в городе, где находится Йедун или около этого места. Вторую — в Суримесе. Третью — в Бандадисе. Четвертую — в Слинии. Пятую — в Винтенове. Шестую — в Брузебергве.

Люди из Натан[г]ии обещали, что в течение того же срока выстроят церкви—одну в Лабегове. Другую — по соседству Туммониса. Третью — в Сутвиерте.

И поскольку они связали себя обещанием построить каждую из этих церквей и украсить ее украшениями, чашами, книгами и всем другим необходимым, как следует, то жители тех селений, которые приписаны или будут приписаны к какой-либо церкви, пусть к ней собираются и в ней или от нее получают церковные таинства. И все выше названные обещали, что указанные церкви они выстроят настолько внушающие почтение и красивые, что они покажутся более привлекательными для совершения служения и принесения жертв в них, чем в лесах.

[В случае] если бы они не выстроили названных церквей в вышеназванный срок, [то] они согласились, чтобы выше названные ... магистр и братья [сами] приняли или сделали чтобы были приняты [меры, и] если нужно даже насильственно, [взята] от каждого из них, согласно с принадлежащим каждому состоянию какая-нибудь разумная часть, и на эти средства сделали бы, чтобы были выстроены вышеназванные церкви. И выше названные братья обещали, что после постройки этих церквей они добросовестно снабдят их священниками в течение года и предоставят им нижеупомянутые бенефиции, и сами новообращенные обещали, что, выстроив названные церкви, они по крайней мере в каждый воскресный день и в праздники будут посещать свою окружную епархиальную церковь.

Preterea prefati fratres cupientes, ut dicunt, ut in dictis ecclesiis perpetuis temporibus deo digne et laudabiliter serviatur, singulas ecclesias supradictas sic in nostra presencia dotaverunt ad presens, quod videlicet ad sustentacionem presbiteri uniuscuiuscunque ecclesie de predictis promiserunt et concesserunt octo mansos terre, quatuor videlicet in campis et quatuor in silvis, et decimam viginti unchorum, duos boves, unum equum et unam vaccam; et si decima presbiteri, quando advenerit, parata non fuerit, dabunt ei eciam bladum ad faciendum panem et cerevisiam pro se tercio et pro equo predicto et eciam pro seminandis agris sibi assignatis, quousque tempus advenerit percipiendi decimam sibi assignatam, et insuper oblaciones et legata et alia, que ei collata fuerint intuitu pietatis. Promiserunt insuper dicti fratres, quod, quando ad maiorem pacem et meliorem fortunam venerint, in duabus partibus terre, postquam eis fuerint assignate, ecclesias et numero et beneficiis ampliabunt.

[10] Preterea promiserunt neophiti sepedicti, quod omnes utriusque sexus, tam juvenes quam adulti, in Quadragesima a carnibus et lacticiniis abstinebunt, et in sexta feria a carnibus similiter abstinebunt, et prout poterunt, ieiunabunt, et dies dominicos et festivos ab omni servili opere observabunt; et confessiones suas ad minus semel in anno facient proprio sacerdoti, et in Pascha recipient sacratissimum corpus Christi, et alia facient et cavebunt, que debent boni cavere et facere christiani, prout a prelatis suis et aliis bonis viris catholicis fuerint eruditi.

[III] [1] Ceterum, ne neophiti sepedicti viderentur ingrati libertatis et gratie supradictis, que semper optaverant, ut dicebant, concesserunt coram nobis et aliis supradictis et firmiter promiserunt, quod, quia difficile nimis esset magistro et fratribus antedictis omnes villulas Pruscie circuire pro suis decimis triturandis et adducendis, ipsi neophiti et successores eorum decimam in horrea dictorum fratrum annuatim inferent trituratam.	[III] [1] Ceterum, ne neophiti sepedicti ingrati libertatis et gracie supradictis, que semper optaverant, viderentur, concesserunt coram predictis et firmiter promiserunt, quod quia nobis difficile nimis esset, omnes villulas Prussie circuire pro nostris decimis triturandis et adducendis, ipsi neophiti et successores eorum decimam in horrea nostra trituratam per se vel alios inferent annuatim.
[2] Et insuper promiserunt, quod predictorum magistri et fratrum omnium et singulorum vitam, membra, honorem et jura pro posse et bona fide servabunt nec consencient vel permittent, tacite vel expresse, publice vel occulte, quod aliqua fiat prodicio contra ipsos;	[2] Et insuper promiserunt, quod omnium et singulorum nostrorum vitam et membra, honorem et jura pro posse et bona fide servabunt, nec consentient vel permittent, tacite vel expresse, quod aliqua prodicio fiat circa nos;
[3] et quod, si ipsam noverint esse factam vel faciendam, eam pro posse inpedient, vel ita prudenter	[3] et si ipsam noverint esse factam vel faciendam, eam pro posse impedient vel ita prudenter

Кроме того, выше названные братья, желая, как они говорят, чтобы в названных церквах во все времена было служение богу достойно и похвально, наделили предварительно каждую в отдельности выше названную церковь в нашем присутствии так, что для содержания священника каждой из выше названных церквей ясно обещали и уступили восемь гуф земли, то есть четыре в полях, четыре в лесах, и десятую часть [с] двадцати сох, двух быков, одну лошадь и одну корову; и если десятина священника, когда он прибудет, не будет готова, [то] дадут ему еще зерна, чтобы сделать хлеб и пиво для него и двоих других и [также зерно] для коня, о котором сказано выше и еще для обсеменения назначенных священнику полей, пока не наступит время получения назначенной ему десятины, и сверх того, [будет он получать] приношения и завещания и все другое, что будет ему принесено во внимание к его святости. Кроме того, названные братья обещали, что, когда они придут к большему миру и к лучшему благосостоянию, в двух третях земли, как [они] им назначены, они увеличат и число церквей и благодеяния им.

[10] Кроме того, часто именуемые новообращенные обещали, что они все обоего пола, как юные, так и взрослые в сорокодневник [Великий пост] будут воздерживаться от мяса и молочной еды, и что по пятницам равным образом будут воздерживаться от мяса и насколько возможно поститься, а в воскресенье и праздничные дни не будут выполнять никаких рабских работ; и свою исповедь по крайней мере один раз в году будут приносить своему священнику, а в Пасху будут причащаться священнейшим телом Христа и будут делать другое и остерегаться всего, чего должны остерегаться и [делать то], что [должны] делать добрые христиане, как они будут обучены своими прелатами и другими добрыми мужами католиками.

[III] [1] Кроме того, чтобы не показать, что много раз названные новообращенные неблагодарны выше названным [братьям] за свободу и милости, которых они, как говорили, всегда желали, согласились перед нами и другими выше названными лицами и твердо обещали, что так как очень трудно магистру и выше поименованным братьям объезжать все поселки Пруссии для того, чтобы обмолотить и отвезти свои десятины, то сами новообращенные и их преемники будут привозить ежегодно эту десятину, обмолоченную в закрома названных братьев.

[2] И сверх того, обещали, что они по мере сил и добросовестно будут охранять жизнь, члены, честь и права выше названных магистра и братьев, не будут сочувствовать [тому] или допускать, молча или громко, тайно или открыто, чтобы против них была какая-нибудь измена;

[3] и если о ней узнают, что совершена или будет совершена, они по мере возможности ей поме-

[III] [1] Кроме того, чтобы много раз названные новообращенные не оказались неблагодарными за свободу и милость, которых они всегда желали, они согласились перед выше названными и твердо обещали, что, так как нам очень трудно объезжать все поселки Пруссии для молотьбы и доставки нашей десятины, то сами новообращенные и их наследники будут доставлять ежегодно эту десятину обмолоченной в наши житницы сами или через посредство других.

[2] И кроме того, они обещали, что они будут охранять жизнь и члены, честь и права всех и каждого из нас по их силе и возможности добросовестно, не будут сочувствовать и не позволят, молча или громко, чтобы какая-либо измена была вокруг нас;

[3] и если они узнают, что это сделано или должно быть сделано, они этому помешают по мере воз-

revelabunt, quod ipsi magister et fratres sibi poterunt precavere;

[4] et quod cum aliquo christiano vel pagano federa indebita sive colligationes vel conspirationes contra eosdem magistrum et fratres de cetero non facient vel habebunt;

[5] et quod ad omnes expediciones ipsorum ibunt decenter parati et armati iuxta proprias facultates.

Et dicti fratres coram nobis et aliis supradictis firmiter promiserunt, quod, si qui ex dictis neophitis in expedicionibus ipsorum fratrum a paganis vel hostibus fuerint captivati, ipsi fratres sine suo dando ad liberationem illorum fideliter laborabunt.

revelabunt, quod nos nobis poterimus precavere;

[4] et quod cum aliquo christiano vel pagano federa indebita sive colligaciones et conspiraciones circa nos de cetero non facient vel habebunt;

[5] et quod ad omnes expediciones nostras decenter parati et armati ibunt secundum proprias facultates.

Et nos eis promittimus, quod, si qui ex eis in nostris expedicionibus fuerint a paganis vel hostibus captivati, nos sine nostro dando ad liberacionem ipsorum laborabimus bona fide.

Et ut predicta omnia firmiter et inviolabiliter in perpetuum observentur, frater H., vicemagister dicte domus in Pruscia, pro se et universis fratribus dicte domus fidem dedit. Et predicti neophiti coram nobis corporaliter iuraverunt, quod omnia et singula supradicta, sicut promissa sunt et concessa, inviolabiliter in perpetuum observabunt. Et hec omnia facta sunt de consensu partium et concessa, salvis in omnibus apost. sedis auctoritate et obedientia, dominio et iure; et salvo iure prelatorum patria presencium et futurorum; et salva omni ecclesiastica libertate; et salvis in omnibus privilegiis et libertatibus dictorum magistri et fratrum. Denique in signum, quod prefati discordes reducti sunt ad vere pacis et concordie unitatem, omnes offensas preteritas, perpetratas hinc inde, prefati magister et fratres dictis neophitis de Pomezania penitus remiserunt, et illi eis similiter versa vice. Et se ad invicem coram nobis ad pacis osculum receperunt.

In quorum omnium memoriam et testimonium presentes litteras sigillo nostro et sigillo... episcopi supradicti, qui nobiscum in predictis omnibus presens fuit, et quia vir religiosus frater Th., magister dicte domus in Pruscia, presens non erat, sigillis prefati H. vicemagistri et conventus in Balga et H., marschalci dicte domus in Pruscia fecimus roborari. Actum anno dom[ini]. MCCXL. nono. Septimo Idus Februarii.

In quorum omnium memoriam et testimonium, quia vir rel [igiosus] fr [ater] Theodericus, magister noster, presens non erat in Pruscia presentes litteras sigillis nostris et sigillo... episcopi et archidiaconi predictorum ad petitionem predictorum neophitorum fecimus roborari. Actum in Christiborc anno dom. MCCXLVIIII. septimo idus Februarii.

шают, или так разумно ее разоблачат, что сами магистр и братья смогут себя предохранить;

[4] и что они не будут заключать с каким-либо христианином или язычником договоров, союзов и заговоров против магистра и братьев и не будут иметь [подобного договора] на будущее время;

[5] и что во все походы их пойдут [с ними] как следует готовые и вооруженные по мере своих возможностей.

И названные братья в присутствии нас и других названных выше лиц твердо обещали, что если кто из названных новообращенных в походах этих братьев будет взят в плен язычниками или врагами, то сами братья без того, чтобы они [что-либо] давали, будут стараться добросовестно об их освобождении.

можности или так разумно ее разоблачат, чтобы мы могли себя уберечь;

[4] и что не будут ни заключать, ни иметь с каким либо христианином или язычником недозволенные союзы или договоры, или заговоры вокруг нас на будущее время;

[5] и что во всех наших походах пойдут снабженные и вооруженные согласно своим возможностям.

И мы им обещаем, что если кто из них во время наших походов будет взят в плен язычниками или врагами, мы добросовестно будем стараться о их освобождении без того, чтобы нам [что-либо] давали.

И чтобы все выше сказанное твердо и нерушимо навсегда сохранялось, брат Г[енрих], вице-магистр названного ордена в Пруссии, за себя и за всех братьев данного дома дал слово верности. И выше названные новообращенные в присутствии нас лично поклялись, что они все и отдельно выше упомянутое как обещано и допущено, нерушимо навсегда будут соблюдать; и все это сделано в согласии сторон и с признанием полного авторитета апостольского престола, повиновения ему, его господству и праву; и признаны права в этой земле прелатов и настоящих и будущих; и признана полная свобода во всем церкви; и признаны все привилегии и свободы названных магистра и братьев.

Наконец, в знак того, что выше названные несогласные возвращены к истинному миру и единству согласия, все прошлые обиды, претерпленные с той и другой стороны, выше названные магистр и братья окончательно устранили от названных новообращенных Помезании, а те с них равным образом в свою очередь и взаимно, они в присутствии нас в знак мира обменялись поцелуем.

В память всего этого и как доказательство мы признали нужным скрепить настоящий документ нашей печатью и печатью выше названного епископа, который вместе с нами во всем, что было сказано выше, присутствовал и, так как преподобный брат Д[итрих фон Грюнинген] названного дома в Пруссии не присутствовал, то печатями выше названного Г[енриха фон Гонштейн] вице-магистра и конвента в Балге и Г[енриха Ботель], маршалка названного дома в Пруссии. Составлено в 1249 году [после] Р. Х. седьмого [дня] февральских ид.

В память всего этого и как доказательство, так как преподобный брат Д[итрих], наш магистр, не присутствовал в Пруссии, настоящий документ мы сочли нужным подтвердить нашими печатями и печатью выше названных... епископа и архидьякона как просили выше названные новообращенные. Составлено в Христбурге в 1249 году после Р. Х., в седьмой [день] февральских ид.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

О НОВОМ СПИСКЕ ПОМЕЗАНСКОЙ ПРАВДЫ

Среди источников по истории польского Поморья видное место принадлежит кодексу прусского раннефеодального права в немецкой редакции — Помезанской Правде.

К сожалению, рукописи этого источника, впервые изданного П. Лабандом в 1866 г., оставались нам неизвестны, так как манускрипты бывшего Кенигсбергского архива, использованные прежним издателем, пропали во время второй мировой войны и их поиски пока не увенчались успехом.

В этой связи значительный научный интерес представляет сборник старинного права, хранящийся в Рукописном отделе Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР [1], с которым меня познакомил литовский историк М. А. Ючас, обративший внимание на то, что в составе сборника на листах 114—123 находится, как сказано в оглавлении: «Das vorige alte preussische Recht, welches vor hin im Lande üblich vundt gebreuchlich ist gewesen».

Этот сборник, in folio, форматом бумаги 212 × 328 мм, в переплете из светлого пергамена (бывшего в употреблении и хранящего остатки текста), со следами ремешков-завязок. В сборнике 146 листов, из которых последние два — чистые (кроме того, чистый лист имеется между 131 и 132 листами). Сборник написан одним почерком, довольно разборчивым; тексту присущ обычный для практики той поры произвол в написании, в частности, постоянная мена таких букв, как «i», и «y», «ck» и «k», «c» и «k», «d» и «t», «v» и «u», «g» и «h», «e» и «eh», удвоение согласных (n, t) и т. п.

На первом листе вверху золотом проставлена дата «1590»; ниже видны выцветшие следы золотом написанного заглавия, а остальная часть страницы оставлена незаполненной. Датировка сборника, данная его составителем, подтверждается анализом водяных знаков; основной водяной знак сборника — это рыба в круге [2]. Кроме того, на одном листе (67),

[1] Рукописный отдел Центральной библиотеки АН Лит. ССР, 49. Mażosios Lietuvos Fondas XVI.

[2] По Н. П. Лихачеву можно обнаружить некоторое сходство с польским гербом Глаубич (Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I, СПб., 1899, стр. 386, ср. стр. 383; ч. III, табл. 437, № 3311 (1598 г.), 3313, 3315; ср. табл. 433, № 3286). По Брике (С. М. Briquet. Les Filigranes, t. IV. Leipzig, 1923, № 12429)— Кенигсберг, 1584.

с которого начинается текст четвертой книги хельминского права, можно разобрать филигрань: гербовый вычурный щит, рассеченный на четыре поля с разными геральдическими знаками [3].

Состав сборника также подтверждает датировку. Основное его содержание, насколько можно судить по оглавлению и беглому просмотру текста, составляет собрание кодексов хельминского (Dass Colmische Recht selbsten in 5. Büchern absolviret,— лл. 25—113), прусского (Das preusche recht wie hernach volgett so in dem lande preussen gehalten wirdt— лл. 114—123) и магдебургского (Eine Erklerung des Colmischen Rechten woher es ursprünglich genommen. Item dass Magdeburgische Recht,— лл. 123—130) прав, а также ряд примыкающих к ним источников, таких как разъяснения и уточнения к хельминскому праву (Eine Erkundigung der Königsbergischen Schöppen bey den Colmern über etliche Rechts und Sepichts Articule, geschehen 1543,— лл. 24—25), к магдебургскому праву (Der Magdeburgische Vertrag, darin etzliche Unrichtigkeiten Magdeburgischen Rechtens, erkläret und beygeleget werden, ertheilet... 1487,— лл. 142—144; Das Privilegium Marg. Albrechts über das Magdeburgische Recht, gegeben den letzten Octobrius Anno 1540,— лл. 133—141) и вообще к развитию городского права (Die Willkühre der Städte Königsbergk amptieret anno 1560, erstlich aber von den Marienbürgern zusammengetragen anno 1394, u[nd] welchen annectiret wird d[er] Schöppengehorsahmb,— лл. 3—16); в сборник включен один польско-немецкий договор (Der Vertrag Königes Sigismundi aus Pohlen mit Markgraff Albrechten, des Ordens Hoemeister, 1525,— лл. 17—23).

Наконец, в сборнике находятся документы, относящиеся к регламентации судебного процесса (Der vorhin gewöhnliche Advocaten Eydtt — лл. 131—131 об.) и к поземельным отношениям (Dietrichss von Bobenhausen und anderer arth des Landmessens. Item die vorige Artt der Maass aus dem Stadtbuch der Altenstadt Königsberg).

Судя по составу документов, сборник возник в Кенигсберге, с которым непосредственно связаны три из десяти составляющих его документов. Здесь (судя по актовому материалу) долгое время имело применение прусское, хельминское и магдебургское право; обогащенное юридической практикой и государственными актами 1487—1560 годов, оно находило применение в тогдашней жизни, о чем, быть может, свидетельствуют и некоторые пометки в тексте. Так, в тексте Помезанской Правды с левой стороны листов на полях, против статей 32, 33, 39, 64 и 83 находим знак NB, написанный теми же коричневыми чернилами, что и заголовки документов сборника. Не вдаваясь в оценку этого содержательного и, как мне кажется, интересного для польских историков права сборника, хочу отметить лишь некоторые черты нового списка права пруссов, который справедливо должен называться списком Y (Ю).

Анализ содержания Помезанской Правды, как она сохранилась в настоящем сборнике, обнаруживает, что перед нами список, отражающий ее раннюю редакцию (1340 — ранее 1433 г.). Эта редакция в издании П. Лабанда была представлена только одним списком 1539 г., т. н. списком S. Что новый список Y отражает именно раннюю редакцию памятника, видно из следующего. Здесь Правда так же, как и в списке S, состоит из не сгруппированных систематически 127 статей; они расположены в том же порядке, что и в списке S, с одним лишь отклонением: статья — Von Frewel (ст. 33^{b} списка S) здесь помещена (без номера) после статьи 34 и под этим заголовком соединена со статьей 35 — Vom Frevel списка S; тот же своеобразный вид, что и в списке S, имеют в списке Y статьи 7—9 (заго-

[3] По Н. П. Лихачеву (ч. I, стр. 299—300; ч. III, табл. 384) обнаруживается некоторое сходство со знаком № 2735 (1597 г.). По Брике (ibid., t. I, № 1105—1106)— Бромберг, 1588—1589 г.

ловок здесь опущен); наконец, список Y так же, как и список S, сохранил ошибочные чтения «hofredener» (вместо hulfferede) в статье 79 и «hilffrede» (вместо hausfrede) в статье 87. При всем том список Y не является копией списка S, так как он имеет целый ряд иных чтений, на которых есть смысл остановиться.

Поскольку список Y от списка S отделяет полстолетия, неизбежны различия в языке: вместо «antlitz» — «angesicht» (ст. 59), вместо «fromer leute» — «gutter leute» (ст. 60); «entwirt» — «ohne wirdt» (ст. 36); «entwerden» — «ohnne werden» (ст. 45); «so ferre» —«so fernne» (ст. 34; ср. ст. 110; «also ferre» — «also vehrne»); «pfendunge» — «pfandes dinge» (ст. 37) «thör» «thür» (ст. 44); «verbust» — «verleuret» (ст. 98); «bynnen» — «bey einem» (ст. 96) и т. п.

Палеографические наблюдения над списком Y убеждают в том, что в руках составителя сборника был текст, нелегкий для чтения, и он допустил многочисленные описки и ошибки, которые также обнаруживаются при сличении со списком S. Из них отмечу наиболее существенные. Явно не на месте в конце статьи 6 оказались слова: «dem kemerer vnd ander bider leuten», тогда как с них должна начинаться статья 7; ошибочно записаны слова в статье 14: «so sol im geben als einem» вместо «sal yn gelden als einen fremden»; в статье 16 переписчик не смог разобрать слово «ausnimpt»; в статье 22 слово «verarmet» он передал как «ver manet»; слова «vnd gesteht» в статье 24 он понял, как «vnd gepehelt»; в статье (без номера) 35 пропущены (как это делалось в поздней редакции списков RO) слова «oder ein pferdt»; искажен заголовок статьи 45: «von vbertretter» вместо «ubeltheter»; явная описка допущена и в заголовке статьи 51: «btluschuldigunge» вместо «beschuldigung»; пропущены (как и в поздней редакции по списку W) слова «vnd bekennet er eine luse» в статье 54 и слова: «oder ungeteilet» статьи 71, говорящей о братьях, живущих, разделившись или не разделившись. По недосмотру повторены слова «in dem ersten» в статье 78 вместо слов: «in dem andern». В ст. 105 вместо «wergeld» читаем «gelden», а вместо слова «sünegelt» — «seine golde»; пропущена строка в статье 124: «Hot aber der scheder wunden oder lemde von dem toden» и т. п. Мало понятно в ту пору стало и слово «помезане», которое передается то «pomezauen» (ст. 67), то «bumezehnnen» (ст. 79), то, наконец, «bomesamen» (ст. 98).

Следовательно, бесспорно, что перед нами список менее совершенный, чем более ранний список S, использованный П. Лабандом. Но достойно внимания то, что он, с одной стороны, хранит некоторые чтения, которые пополняют или корректируют список S, с другой — совпадающими чтениями подкрепляет авторитет последнего. В списке Y, например, сохранилось название статьи 105: «Von friede brechen» (оно совпадает с названием по списку, опубликованному в 1874 г. В. Пирсоном [4]); он удостоверяет вызвавшее спор чтение статьи 83 «О покупке наследства»: плату положено давать «am gereyten gelde vnd nicht an pfandt». В текст статьи 118 «О притязаниях» (правильный перевод которой был предложен В. Гейношем [5]) внесено дополнение, меняющее несколько смысл статьи: речь идет не о совершеннолетнем человеке («mündig man»), а о несовершеннолетнем («ab ein vnmundig man»); полнее сформулирована в списке Y и статья 70 («О нападении на дом»); если в списке S караются раны и убийство, совершенные при нападении на дом, то здесь — и при нападении в доме: «in einem hause oder (ode— незачеркнутая описка) in einer hausstürmunge». Список Y подкрепляет правильность чтения статьи 47 списка S «Об увечьях» (модифицированную в поздней редакции — в списках WROH),

---

[4] В. Т. Пашуто₄, стр. 112, прим. 1.

[5] См. W. Heinos. Указ. рецензия, str. 354.

согласно которой отрубленный палец судится как увечье, но может быть судим и как рана («die da ein finger schattzen fur eine wundenn»). Чтение статьи 35 «Об озорстве» (по списку S статья 33b) трактует значение крика пострадавшего в качестве доказательства аналогично поздней редакции кодекса (списки WRO), т. е. опускает его: «ists auch das es niht geschryi, es ist nicht». В статье 89, посвященной искажению присяги вместо слов «doch verkeret» читаем: «gantz verkehrt». Полнее читается статья 34 «О разделе», где после слова «vngemannett»добавлено:«hinder sich»; конец статьи содержит пояснение «mit yrem abbrüncke oder ambrackenn»; нечто подобное видим и в статье 105, где вместо слов: «ist das ienner den friede gebricht» сказано: «ist das iennem oder ienner den fride bricht». В заключение текста списка Y стоит слово «Finis». Зато сомнения вызывает следующая конъектура текста в статье 54, трактующей «О проломе»; по списку S считалось, что если кто «eyn Bein nympt aus dem Arme oder anders wo,das ist keine luse», в списке же Y читаем: «aus dem arme oder zwo, da ist» etc. Создается впечатление, что переписчик не разобрал текст и осмыслил его по своему. Столь же сомнительно и чтение статьи 107 («Выделившийся сын»), где в списке S дед становится опекуном внуков («so sol man yn»), а в списке Y не сказано, что именно дед будет опекуном («so soll man inen»).

Таковы некоторые характерные особенности нового списка Помезанской Правды. Его значение состоит в том, что, во-первых, это — реально существующий список XVI века; во-вторых, он хранит текст ранней редакции Правды; в-третьих, он подкрепляет авторитет издания П. Лабанда, внося в него некоторые дополнения, интересные для историка права.

ТЕКСТ ПОМЕЗАНСКОЙ ПРАВДЫ
РАННЕЙ РЕДАКЦИИ
DAS PREUSCHE RECHT WIE HERNACH VOLGETT
л. 144 SO IN DEM LANDE PREUSSEN GEHALTEN WIRDT

Von manes wunden. 1.

Ein man der da wirdt gewundt, soll seine wunden beweiszen dem kemerer, ob er in haben mag, oder dem underkemerer, darzu man andere bidere leutte nemen sol.

Von frauen wunden. 2.

Frauen die da wundt werden, sollen yre wunden dem kemererschen bewiesen und anderen biderfrauen soll man darzu nemen, ist das ein weib das ander beschuldiget vmb haussuchunge, die das gehaussucht wirdt, mag sie es nicht beweren, mitt geschrey, oder zeugen, die ander entgeht selbzwelffte mitt weibern.

Von wunden beweisung. 3.

Wunden beweisen dem kemerer ist gut vnd hatt wol macht des ersten ages, auch des anderen und auch des dritten tages, ist das sie des ersten taes dem starost beweysett worden.

Von wunden. 4.

Wirdt ein man todtwundt geslagen, hat er zeit und lebett so lange, er das seinen todt gegeben oder seine wunden woll beweissen mochte Biderleutten ob ehr des kemerers oder des untterkemerers nicht haben mag vnd beweisen, stirbet ehr dar nach, wen man vnb den todtslag beschuldigett, der wirdt sein ledig selbzwelfte uff den heiligen ob er thar.

Von wunden. 5.

Ein man beweiset uff den andern wunden, behalten sol er mitt seinem rechte, wirdt er fellig, er verleust der wunden besserung, und die herschaft verleuset das yre nicht.

Von eidenn. 6.

Schweret ein man mitt gezeugen und wirdt fellig, er ist der sachen bestanden, da man yn umbeschuldigete vnd mag sich nicht erholen, vnd iglicher zeuge verleuset eine halbe mark; wirdt ein zeuge fellig der schweren // soll, ehr erholett sich zu dem ersten malle mit einer halben mark, zu dem anderen mal mitt einer halben mark, zum dritten wirdt er fellig er mag sich

(margin: . 114 об.)

nicht erholen, sondern der die zeugen füret ist der sachen bestanden dar nach er gesworen haben[1] vnd iglich zeuge verbusset eine halbe marck, dem kemerer vnd ander bider leuten.

7.

Das artzlonn sol[2] man schatzen[2]: vund der artzt soll im daran genügen lassen.

8.

Hieraus ist genomen liesen an dem heupte dar von dem artze, ob er denn wundten man heilete, ein marck pfenige geweren soll.

9.

Ist aber das die lusen bricht vnd der nicht heilet, so soll im l fierdung und nicht mehr geweren zu lohn.

Von wunden auff den weg. 10.

Wirdt ein man gewundt auff dem wege, der wunden sein eine oder[3] mehr[3], da gibt igliche wunden iglichem mane schuldt, eine igliche wunde bringet yrenn weg zu richten.

Von pustinen. 11.

So die herrenschaft von einem todtschlage pustinen auffhebt da von solten dem cleger ein marck gebören.

Von clage. 12.

Were es den das einer dem andern schuldt gebe vmb eine sache, wolt in sein wider sachen zurück treiben, das soll er thun, ehe er seinen eidt thudt, darnach hat es keine macht.

Von todtschleger. 13.

Erschlagen sich zwene gleich tüchtige mener untereinander und ligen beide, sie schlagen auch an derer besserunge gleich gegen ein ander, doch sol herschafft von beiden todtschlegen ir gericht gebören.

Von todtschlage. 14.

Ist das ein bruder den andern todtschlecht so sol im gebenn als einem *л. 115*
fremden; erschlugen sich zwene untereinander die vngeleich // sindt, als das einer besser ist als der ander, ider sol nach seiner wirdigkeitt vnd tüchtigkeitt gerichtet werdenn.

Von zweiunge. 15.

Ist zweiunge oder krig vmb einen man ab er edel oder undel sey, oder ob er hoher oder nidder sey zu richten, welcher des merer oder besser gezeugnis bringet der vberwindet den andernn.

---

[1] Ошибочно добавлено еще раз: haben
[2–2] Вписано сверху строки.
[3–3] Вставлено той же рукой на полях.

Von teilunge. 16.

Ist das ein kindt gibt sein gutt oder farende habe zu dem gutt seines vatters vnd der kinder die mitt dem vater sindt vnd das gut nicht nemlich benennent oder zuise miyt[4], dasselbige gutt gehett zu gleicher theilunge mitt dem vater vnd mitt den kindern.

Van vorgezogenem rechte. 17.

Wer ein man frey vnd hatte kinder, vnd gebe sich in ein baur recht, wolten hernach die kinder das wider reden, es hilfft nicht sie müssen in gebauere recht gerichtett werden.

Von todtschlage. 18.

Ist das ein preusse einen ledigen teutsen todtschlecht, der da nicht hatt gartten noch erbe, man gylt ym mitt acht marken, hatt er einen garten, man gilt yn mitt 12 marken, hatt er aber erbe yn dorffern oder stedten, man giltet yn mit 30 marken.

Vom todtschlage. 19.

Umb einen heimlichenn todtschlag mag man dreyen nach ein andern schuldt gebenn.

Von clage uff ein gemein. 20.

Wer ein gemein beschuldiget mitt einer clage alsoviell der wirtte sindt, ein yiglicher entgehett mit seines eines handt; ist das der wirtter minder sindt dan 12, so sollen sie soviel andere nemen, das ir 12 werden vnd schweren; ist das ihr mehr sindt denn 12, also viel als yr ist, so sollen sie alle schweren mitt einer handt. //

. 115 об.

Von raub. 21.

Beschuldiget ein man einen anderen vmb hülfe eines raubes der da beschuldiget wirdt, mus sein ledig werden, ob er thar, uff den heiligen.

Von wunden vmb freyheit. 22.

Vmb hulffe einer wunden mag man beschuldigen nymander; ist das ein freier ver manet, das ehr gewinet gutt als ein gebaur, man richted yn als einen freyenn; es wer dan das er sich dar zu gebe mitt willenn, ab er es verdienete, das er seinen hals losete, als ein ander gebaur, so verleuset er seine freyheitt.

Von nodtzoge. 23.

Beschuldiget ein weibs nam einen man vmb das er sie wolt nodtzogen, vnd weiset nichts anderes den mitt blutt oder mitt blau, die behelt das blutt oder blau des sie beschuldigette, sondern des nodtzogenn wirdt ehr lepig mit seinem eide ob er thar.

Von bekumerunge. 24.

Hat ein man preusch recht vnd wundet einen anderen, gewinnet der darnach deutsch recht, vnd wirdt vmb der selbige sache beclagett im deutschen recht vnd gepehelt was sag ehr da ledig vnd los wirdt in dem rechte, da mág man in nicht mehr vmb bekummerun noch beclagen im preuschen rechte.

---

[4] Писец не разобрал слово ausnimpt.

Von wittwenn. 25.

Die pomesanen sprechen das da der von alden burgk meister was, gab den witwen nach yres mannes todes frey zu sein ohnne dinst drey jar.

Von deube. 26.

Ist das einem gestollen wirdt vnd volget dem spor nach zu ein dorff, das hatt keine macht; es wehre denne das der vollger dem verstolen ist claget vmb sas [sic] dorff seine dube so wirdt es ledig selbzwelffte ab es thar.// *л. 116*

Von rechte der deutschen. 27.

Ein iglicher deutscher bleibt vnd sol in gerichted werden zu seinem deutschen rechte.

Von wundenn. 28.

Werden die leute verwundet, die von oder zu irem herren erbeyten gehen, das soll man zweyfeltig richten.

Von starost. 29.

Ein starost soll nicht anders gericht werden als ander preuss.

Von clage. 30.

Klagt einer uff den anderen das ehr habe sein pferdt oder sein vihe ausgegeben oder verratten, das entgehett ehr mitt seines eygenn handt.

Von straffunge. 31.

Wehr da strafft seine herschafft an gerichte zu vnrechte, der verleurett 3 marck.

Von frewell. 32.

Ein iglich frewell ist eine ha[l]be marck zu richten, sondern wer einen frewell in eines andern manes hause begehett das sindt 3 marck.

Von frewell. 33.

Wehr eines mannes pferdt einen zagell abschnitte oder hiebe das ist ein frewel mit halbe marck zu richten und dem mann sein pferdt zu bessern oder zu gelden.

Von teilunge. 34.

Stirbt ein freier erblos vnd lesset schwestern vngemannett hinder sich, die sich nicht mogen begehen[5] mitt seinem weibe, so nemen sie das gutt halb, vnd lassen dem weibe halb so fernne ab sie das weib nicht mögen abweisen mitt yrem abbrüncke oder ambrackenn.

Von Frewel[6]. [35].

Antwort ein man dem andern ein pfande vom gericht wegen und nimpt das frewentich wider ists auch das es nicht geschryi, es ist nicht als ein frewel ein halbmarck zu richten.

---

[5] В тексте описка: begehunen.
[6] Номер статьи пропущен.

л. 116 об. Einem todtem man sein heupt abschneiden oder houen // ist ein frewell mitt einer halben marck zu richten.

Von vbeltheternn. 36.

Ist das ein vbellthetter fleucht in eines manes haus oder hoff vnd geweret wirdt dem kemerer das er vngefangen bleibt vnd also ohne wirdt, der da wirdt sole seinen hals losenn.

Von pfenndunge. 37.

Pfendunge uff eckern, oder uf rubenn, oder uff weide, oder uff anderenn dingenn demgleich ist nicht anders zu richten den als pfandes dinge im kornn.

Von pfandt weren. 38.

Wer dem kemerer oder dem unterkemerer weret pfandt zu nemen dreistund, der loset seinen hals.

Von einer gemein. 39.

Wo eine gemeine in einem dorffe beieinander sindt vnd ein gesprech haben, vmb hirtelohne oder vmb ander sachenn, weie das, das da einer den andren schlüge einen backenschlag oder wirfft ym einen wurff womit es were, wirdt er das vberwunden von der gemeine des dorffes, er gibt der gemeine 3 marck, vnd dem den ehr geschlagen hatt einen fierdung.

Von anfertigunge vnd hilfsrede. 40.

Wirdt ein man beschuldiget, das er den andern anfertiget in seinem hause, das mus er entgehen selb 12 uff den h[eiligen]ob er thar.

Von raube. 41.

Raubt ein man den andern uff dem wege, so sol man den raub richten vnd nicht denn wegk, sondern in der reise solle man den raub richten zweyach.

Von anfertigunge. 42.

Fertigett ein man den andern an mitt schilden oder mitt waffen, das ist zweyfeltig zu richten.

Von viehe schaden. 43.

л. 117 Thudt ein pferdt oder der rindt schadenn, vnd ist nicht uff // gebotten in dem dorffe, so soll man das pferdt vor den schaden gebenn; ist es aber uffgeboten, so sol man den schaden gelten.

Von haussuchunge. 44.

Wehr es, das einer beclagt würde vmb haussuchunge, man hett im seinen zaun oder thür zu hauen mit frewell, vnd sein nicht mit zettergeschrey beweiset seinen nachbaren, so entgehet yenner mit seines eigen handt, hatt ers aber beweiset mitt zettergeschrey so entgehet er selbzwelffte.

Von vbertretter. 45.

Antwortet der kemerer leutten einen vbeltheter zu bewarenn, ist das sie yn ohnne werden oder entlauffen lassenn, sie sollen den den vbellther [sic!]

geldenn, mit einander also theur als er werdt ist, will der wbeltheter der entlauffen war dar nach sich sühnen wider, so soll er seine thadt golden oder entgeldenn.

Vom diebe. [46.

Welch man seinen dieb findet oder greifft, wehr sich mitt dem berichtet, er mus seinen hals lösen oder der dieb soll ledig sein.

Von lemdenn. 47.

Wehre das einem ein finger, oder drey, oder vier mitt eynem schlage abgehauen wurden, so haben die pomesanyhen fundenn, das man einen finger richten sale vor eine lambden, die da ein finger schattzen für eine wundenn.

Von taubenn. 48.

Wirdt ein taube bey einem mane gefunden, und ehr spricht das ehr sie gekauft habe, allein das er des manes nicht gehaben mag, bekenet im des kaufs sein wirdt vnd ander leutte die den liekauf trunctenn, er wirdt ledig, sondern ehr verleuret die gekauffte tauben.

Von gestolen pferdenn. 49. // л. 117 об.

Finden leutte gestolen pferde vnd geben sie wider anne laube vnd ohne wissen yrer herren, einiglicher verleuret darumb ein 1/2 mark vnd ein firdung vor das pferd.

Von blut vnd wunden. 50.

Schuldt einer dem andern blutt oder wunden, vnd clagt der cleger einen vorsatz, so soll der schuldige seinen hals lossenn, wirdt ehr vberzeugt mit dem geschrey oder mitt den nachbaren, oder ehr mus entgehen selb zwelffte uff den heiligen.

Von blutschuldigunge.[7] 51.

Beschuldiget ein man den anderen vm findunge seines gutes oder seines dinges, vnd bekennet nichts in der beschuldigunge raub oder deube, der man wirdt sein ledig, dem man schuldt gibet, mitt seines selbes eyde ob er darvahn schweren thudt.

Von verloren dingenn. 52.

Werden zwey ding mitt ein ander verlorenn, als ein pferdt vnd ein sattell, also das sie nicht gestolen noch geraubet werden, bekennet das ein man das ehr den verlorenn dinge eines gefunden habe, vnd gibts wider daruon wirdt ehr ledig, beschuldiget man in vmb das ander, des entgehett ehr mitt seinem eide ob ehr thar.

Von teilunge. 53.

Bruder die vngetheilet sindt von yres vattere erbe, ist das der bruder einer oder zwey ander gutt verdienen, wollen sie theil nemen an ires vatters erbe, so sollen sie das verdinette in die teylunge bringen, wollen sienicht, so haben sie an des vatteren erbe kein theile.

Von lusenn. 54.

Schlecht ein man auf den andern ein luse, so sol er gelden ein lusen sey recht oder nicht; wo man ein bein nimpt aus dem arme, oder zwo da ist kein

[7] Так в оригинале.

л. 118 luse// sondern wirdt es eine lembde, so sol man gelden eine lembde fur ein wunden, sondern lusen ist allein in dem heupte.

Von zennen. 55.

Wirdt einem man ein zan oder mehr mitt einem schlage ausgeschlagenn, das sol man richten vor ein lembden.

Von wunden uff den weg. 56.

Beschuldiget ein man den andern vmb wunden die geschehenn sindt uff denn weck vnd bekennet er den wunden vnd leuckent des wecks, so mus er den wegk mit den wundenn gelten, er muge es dan beweisen das es auff dem wege niht geschehen sey.

Von grentzen. 57.

Wo die herschafft vnd die sachwalden machen eine grentze vnd setzenn, wehr die bricht oder verbrennet, der sal seinen hals losenn wirdt ehr vberwundenn.

Von wunden. 58.

Beweiset ein man seine wunden dem kemerer oder dem vnterkemerer vnd stribt [sic]von den wunden,so ist der cleger dem todtschlage neher zu behalten, den der andre ob er thar.

Von narbenn. 59.

Alle narbenn an dem angesicht die man nicht bedecken mag, die richt man zwey fag.

Von clage elenden leutte. 60.

Wen ein arm elender man kompt vor gerichte vnd uff yn geklagett wirdt eine sache der entgehen mus mitt gehülffe gutter leutte, vnd der leutte vnd gezeugen nicht gehaben kan, so sol er es entgehen mitt seines selbes handt, so als im getheilt wird vf den h[eiligen].

Von einem freien. 61.

Eyn freier wie er gelden sall es sein 30 mark minner oder mehr, das sol ehr beweisen mitt bider leuten, das vatter also viell gegolten hatt, oder
л. 118 об. mitt seinen briefen.//

Von frauen schweigenn. 62.

Eyne frau mag ir schweigen selb 6 mitt frauen vnd man vf den h[eiligen].

Von mein eide. 63.

Schwelt ein man einen mein eidt vor frewell oder vor andere sachenn, die an der hals gehen, so ist er ein halbe mark bestandenn, sondern, wenn ehr vorschuldt schweret, nicht.

Von gericht ladunge. 64.

Wirdt ein man fur gericht geladen vnd gestehet nicht zu dem ersten male, so ist er ein 1/2 mark bestanden, zum andren mall also viell zum dritten mall also viell, zum vierdenn mall sol ehr den hals losenn.

Von dieben. 65.

Wirdt ein man beschuldiget vmb eine deube die vnter ½ fierdung ist, die sol er entgehen selbsechste, wirdt er fellig so losett er sein ohr.

Von der lemde. 66.

Wirdt ein man gerichtet eine lemde in die handt wirdt der selbe aber wundett in den selben handt, so sol man im richten eine wunde vnd nicht eine lembde; niemandt mag den andern schuldt geben vmb eine luse den in dem heuptt.

Von vbel thetter. 67.

Die pomezauen haben funden wer da hauset einen wbelthetige man vnwissendt das steht im nicht zuvo[r].

Von falschen brifen. 68.

Wehr ym zu zeugt im pomesaneschenn recht mit falschen brifen wird er des vberkomen, er loset den hals.

Von der grennitze. 69.

Wo sich zwene zweien vmb ein grennitz wehr sie behalten hatt inn gewehr einer grentze die ehr beweiset, der ist neher zu behalten selb 12 mitt vnbesprochen manen, den im ienner sey zu vberwindenn.

Von hausstürmunge. 70.

Wo einer denn andern beschuldiget vmb wunden oder[8] vmb // eynen tod t schlag die geschehen seindt in einem hause oder[8] in einer hausstürmunge, bekennet ers vnd leukent des haussturmes, so mus ehr die wunden oder den todtschlag besern mit der hausstürmunge ob der cleger beweisen mag die hausstürmung. *л. 119*

Von bruder theilunge. 71.

Die pomesameschen haben funden wo zwey bruder bey ein ander sindt getheilt vnd ist das der eine stirbetvnd das weib mitt dem schwager vberein nicht betragen mag, so mag das weib mitt dem schwager die fahrende habe vnd das gut halb theilen also vnd alleine bleilen mitt ires mannes gutte in leben tage.

Von deube. 72.

Wirdt einer beclagt vmb deube die vnter ½ fierdung ist leuckent er dye dube so mus er sei entgen selb sechste, bekennet er aber, so ist die busse, 3 mark.

Von wegelage. 73.

Wirdt einer beclagt vmb wege lage vnd der cleger keyne beweisung hette, so entheget er mit seines eines handt.

Vom gertner. 74.

Ob ein gertner oder ein bauer verbrennet von eygenem feure, das soll ehr wieder bauen, da sol man im holtz zu gebenn.

---

[8] Далее описка: ode

Vom todtschlage. 75.

Wirdt ein man erschlagen vnd einem schuldt gibt, der bekennet sein vnd besert ihn vnd der ander bekenet sein auch, iderman sol den todt bessernn.

Vom lemden. 76.

Ist das ein man schuldt gibtt zwen ider man vmb ein lemde, ider man soll ein lemde bessernn, gibt ehr einnem schuldt der soll ein lemde beserenn vnd ein wunden.

Von dinstbottenn lohnn. 77.

Ein dinstbatt soll seinen lohn dem starost oder seinen nachbar // enn
л. 119 об. kundt thun, thudt ehr das nicht, so ist der herr neher zu schweren auf das lohnn, den der knecht.

Von wunden auffm wegk. 78.

Wirdt einer gewundt auf dem wegke vnd thud es dem kemerer kundt vnd fordert das in dem erstenn richt hofe darnach nicht, so busset er ein halbmark; in dem ersten [sic] richthoue fordert er es nicht, so verleuset er aber ein 1/2 mark vnd fordert ehrs nicht in dem dritten richthoue, so soll er selber bessernn den wegk vnd die wunden.

Von nemlichen tagenn. 79.

Wenn wir einen nemlichen tage legen vor die bumezehnnen zu komen vnd kompt ehr nicht vnd verbatt auch nicht seine hofredener, der ist der sachen bestanden.

Von zwilingenn. 80.

Wirdt ein zwilling zu tode geschlagen, man sol iglichen vor ein man bessern.

Von weibes wundenn. 81.

Schlecht einer oder wundt ein man ein weib er bessert sie zweyfach; schlecht oder wundt ein weib ein man sie bessert in einfag.

Von der sünne. 82.

Wirdt ein sünnung gemacht zwischen leuten vnd ein gibt oder gebitt von bider leuten dar auff gesatzt, wehr die sünnung bricht, der ist des geldes bestanden.

Vom erb kauff. 83.

Wehr ein erb kaufft vnd die gelde nicht gibtt auff die tage die im gesatzt sein am gereyten gelde vnd nicht an pfandt, so soll man den verkeuffer wider in das erbe weysenn.

Vom diebe. 84.

Wer einem diebe, morder oder vbelthetter weghylffet, der ist der selben sachen bestanden, die dieser dreyen einer verdienett hatt.

л. 120

Von pfendunge. 85.//

Einer der den andern pfendet vnd den schaden nicht lesset schetzen, vnd behelt das pfandt vnd verlesut 1/2 mark vnd gibt iennem sein pfandt wider.

Vom pfandt. 86.

Wehm der kemerer ein pfand antwortet vnd dem es geantwortet wirdt lesset ehr es im das pfandt darheim schatzen vnd füret es nicht zu marckte, der verleuset $^1/_2$ mark vnd gubt im sein pfandt wider.

Von hilff rede. 87.

Ihn was vier pfellen die helff rede gebrochen wirtt, dem geburet die helffte der hülff redenes.

Von der nassen. 88.

Welchem die nassen wirtt abgehauen, das richtet man zweyfach vor ein lemde.

Von schwerenn. 89.

Einer der da schwertt auff allerley ding vnd wortt gantz spricht vnd sie gantz verkehrt nach des tolcken vorsprechen, der vollfehrett nicht.

Von schweren. 90.

Wirdt einer fellig der da schwerett uff seine wundenn oder lemden vnd hatt gehabt einen artzt, ehr soll im geben das artzlohnn.

Von schwangernn weiben. 91.

Wirdt ein weib geschlagen das schwanger ist, so theilt man die frucht vor einen ha[l]ben man.

Von schtiffkindernn. 92.

Stirbet einem man sein weib vnd die lest kinder vnd der man nimp ein ander weib vnd die kinder mogen sich mitt der stiffmutter nicht begehenn vnd ziehen von ihrem vatter, der vater gibtt in anders nicht den das ehr will weill ehr lebett; nach des vatters tode nemen die kinder gleichen theill.

Von bollenn. 93.//

Hatt ein gemeine einen varren vnd thutt ehr einen schaden, wehr des varren nutz hatt, der soll auch den schadenn mittgelden den der vahr gethan hat. *л. 120 об.*

Vom ohre. 94.

Wirdt einem sein ohr abgehauen vnd ehr darvon tawb wirdt das ehr nicht horenn mag, das ist ein lemden.

Vom todtschlage. 95.

Ist ein man in seiner herren dinste vnd ym wirdtt vrlawb gegeben heim zu gehenn vnd er gehett zu eines krettzmen oder in eines andern manes hauss vnd seumett darinn essentt oder trinken[t] oder thudt ander ding darinen, das ist ein schlecht todtschlag wirdt ehr thodtgeschlagen vnd ist auch nicht der wegk.

Von deube. 96.

Clagett einer eine duebe vff einen man oder uff ein weib, vnd hat die selbe deube dem kemerer noch dem vnterkemerer bey einem iar und tage nicht kundt gethann, so bestehet er selber der deube, sie sey gross oder kleinn.

Von deube. 97.

Klagt ein man einer deube auff einen andern man, vnd der uff dem die deube geclagt wirdt beweysett mitt dem kemerer oder mitt ander bider leutenn das ehr das ding gekaufft habe, darumb ehr beclaget ist, ists vntter $^1/_2$ fierdung, der cleger busset der der herschafft 3 mark.

Von bomesamen recht. 98.

Stirbt ein man der pomesanisch recht hatt vnd lest zweine sohne, der elwste sohn behelt den briff, darmitte verleuret der iungste sohn seines rechten nicht.

Von duebe. 99.

Were es das einer dem andern schuld gebe in einer deube eines mordes vnd eines todes schlagens, der wehre sein neher selb siebent vberzeugen mitt
л. 121 denen die es gesehen hatten, wen en ienner selb 12 entgehen mochte.//

Vom todtschlage in der gewer. 100.

Wen die herschaft irem kamerer oder irem botten senden imandt zu verborgen oder zu fagen wehr es sache, das sich iehnne die man verburgen wolte oder fahen, zu wahr zu stellen vnd werente sich, wen man dn erschluge oder wundete, da volget kein gericht nach.

Der ein kemerer beschuldiget. 101.

Ob imands ein kemerer beschuldigete das ehr der herschafft oder ihr gerichte, oder ihr pustinnen hette verschwygenn, oder vmb ein sache die in an seinen hals oder an seinenn eheren ginge, von der herschaft wegen, so ist sey[n] der kemerer neher selb dritter zu entgehen, den ienner selb 12 vberzeugen moge, vnd der in hat beschuldiget muss seinen hals lossenn.

Von vnmundigen kinndernn. 102.

Eyn vnmundig kindt, es sey magt oder knecht, mag einen seynen freundt kissen zu einem vormundten allerley sachen zu fordernn vnd eide vor das zu nemenn vnd zu thun.

Von todtschlage. 103.

Wirdt ein man todt geschlagen der vast wunden gehabt hatt vnd wirdt der todtschlag gerichtett, vnd wirdt sein wehrgelt den freundenn gegeben vnd sein die wunden nicht beweisset dem kemerer oder ander bitter leutenn, der wunden soll man darnach nicht richtenn.

Von brudernn. 104.

Seindt brüder in einem brodt bey ein ander vnd leugnett einer, das er nicht sey mitt ihn ein brodt, der verbusset $^1/_2$ mark.

Von friede brechen. 105.

Ist das ein fride vntter leutten gemacht wirdt also wehr den fride bricht, der soll zweifag gelden geben; vnd einer dem andern seine gelde geben hatt, vnd ist das iennem oder ienner den fride bricht der die besunnunge genomen
л. 121 об. hatt, der das sune gelt nicht// wider gebenn sondernn das wehrgelt sol ehr gebenn als es gesatzt ist, sondern das ehr zweyfach wehrgelt gebe vor denn bruch.

Was die mutter vergibett. 106.

Wen die mutter vergibt ihrenn ahnnbruche vnd hatt sohnne nach, vndt die nicht mitt leben, das die mutter vergibet, hat keine macht.

Ein getheilter sahnn. 107.

Abs ein man sahn hatt vnd der sahn getheilt wehre von dem vatter vnd ehr denne sterbe vnd der todtte vohrt sohnne hette, so sindt die kinder neher zu erbenn den der eltervater, so soll man inen vormunder schicken den kindern vnd den frauen.

Von todt schlage. 108.

Ob sich zwenne zweien vnd vnter den einer wurde zutode geschlagenn oder aber einer gewundt wurde, das zwischen in einer sune wurde dar auff gelt gesatzt, wehm das gelt zugesagt wurde, dem herren oder der kirchen wehr vnter den gebricht der soll den das gelt gebenn.

Von dinst bottenn. 109.

Ob ein man ein knecht hette oder einen dinstbotten,sendete der man den dinstbottenn in sein geschefte, breche der dinstbotte vnter des seinen hals, da soll der her seine schuldt an habenn.

Von stame[r]ndenn. 110.

Schweret ein stamernnder ein eid vnd stamertt die weill ehr schwerett, es schadet im an seinem rechte nicht, also vehrne ehr von nathur stamerdt.

Von schweinen. 111.

Ob ein man bey nacht zeitt ein schwein in seinem schadenn fūnde vnd *л. 122*
ehr es todt schlüge, er darffes nicht zahlenn.//

Von gertner. 112.

Ist das einer ein gertner hatt vertreibet ehr in von im, der gertner darff im nicht pfluglohn geben.

Von schadenn auff dem felde. 113.

Ist das ein schade geschiht uff dem felde oder wo es sey, vnd die den schadenn thun wohnnenn sie in einem andern dorff, so sollen sie den schaden vffrichtenn als ehr geschatzt wirdt welche zeit ehr im iar der schaden geschiht.

Wo ein kindt erseufft. 114.

Ist das frau oder ein man claget das ein kindt von 9 iarenn ihr kind ertrunckett, vnd die frau oder der man niemandtes zum zeugen hatt wenn ihr eigenn kindt vonn 6 iarenn, sintemall das selbige kindt nicht mundig ist, so soll der vatter antworttenn vor das kindt vnd selb 12 entgehen mitt seynem rechte der sachenn.

Von diebe. 115.

Ist das ein man den andern beschuldiget einer deube alse eines pferdes vnd der beschuldiget ist entgehnt der sachen nach dem rechten selb 12; ist das das ehr beclagt gutt oder die deube findet bey einem andern vnd der

beschuldigete vnschuldig ist, so sol der cleger der sachenn bestandenn sein, sie sey gross oder klein der die vor gefordertt hatt an einem vnschuldigenn.

Von clage leugnenn. 116.

Ist das ein man vor gerichte stehett vnd beclaget wirdt [9] einer sachenn vnd ehr der sachen leuckent vnd wehn in sein recht zu getheilt wirdt vor dem gerichte vnd denne bekenett der sachen der der soll verbussen $1/2$ mark der herschafft.

Vom rechte. 117.

л. 122 об. Welch man preusch recht hatt vnd schlug einen kolmenen vnd // kome der preuss darvohn in sein preusch recht vnvorburgett den der bliebe bey seinem preuschen rechte.

Vom anspruchenn. 118.

Ist das ein man gutt besittzet iar vnd tag ohnne anspruch vnd ab ein vnmundig man im lande wohnnet vnd das gutt dar nach wolte ansprechen, der hatt kein recht darzu; vnd wehre es sache das ein man aus dem lande wahr, der mag woll anspruchunge haben 12 iar vnd darnach nicht mehr.

Von artzlohnn. 119.

Ob einer gewundt wurde vnd neme einen artzt vnd der man stürbe, so sol der todte dem lebendigen das artzlohn gebenn; vnd ob der todte den lebendigen wunde vnd der auch einen artzt neme,so bezalett der todte dem lebendigenn sein artztlohnn wider.

Vom viehe. 120.

Was viehe man vor den hirtten treibt, vnd das verlorne daruan ehr nicht weiss, das soll er bezahlenn, kan ehr das mitt zweue bidre leutten oder manen nicht bezeugen oder beweissenn.

Von clage. 121.

Ob ein man clagett vmb schuldt in ein gutt nach totter handt, wehr das gut besitzt, will ehr es nicht gebenn, so muss ers entgehenn mitt seines eines handt uff denn heiligen ob er thar; will ehr aber nicht schwerenn, so magk es der cleger mitt seines eines handt gewinnen uff denn heiligen ob er thar.

Von der lemde. 122.

Ob man einem schuldt gibett einer lemde vnd ienner leuckent vnd hatt
л. 123 es der cleger beweist dem // kemerer oder dem unterkemer, so soll der cleger mitt seines eigenes ha[n]tt sein zu behaltenn uff den heiligen ob er thar, den der schuldiger.

Vom frewel. 123.

Ob einer den andernn frewenllich mit vorsatze suchte bey dem pfluge auff dem felde vnd thudt im eine wunden oder blutt, als der schuldige leuckent, er soll im entgehen uff den heiligen selb 12 ob ehr thare.

---

[9] Далее ошибочно повторено wirdt.

Vom todtschlage. 124.

Ob einer wirdt todt geschlagen vnd mehr wunden hatt wenn eine die sich gezogen hatt zu dem tode, der scheder soll nicht mehr bessernn den dem tode entfangen, so soll der tode dem lebendigenn seine wunden bezahlen.

Von beschuldigunge. 125.

Beschuldiget ein man den andern vmb eine sache zwene oder mehr vnd iglich sache in eine sonderlich[e] sache setzett vnd ob der da beclaget wurde in iglicher sachenn nein spricht, so soll ehr iglicher sachenn sonderlichen entgehenn mit zwen fingernn uff den heiligenn ob er thar.

Von beschuldigunge. 126.

Beschuldiget einer ein man oder weib vmb gelt oder gutt ist das der man leuckent das gelt oder gutt, so soll ers entgehen mit zweien fingern uff den h[eiligen] ob er thar.

Von wundenn. 127.

Gibt einer den andern schuldt vmb wunden oder blutt vnd beweissett er die wunden vmd das blut dem kemerer oder dem vnterkemerer, so sol er selbern schweren uff seine schweren vmb die wunden vnd blutt.
Finis

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

[1324 г.] ПОСЛАНИЕ КОРОЛЯ ГЕДИМИНА ЕПИСКОПАМ ДЕРПТСКОМУ, ЭЗЕЛЬСКОМУ, ДАТСКОМУ НАМЕСТНИКУ ЗЕМЛИ РЕВЕЛЬСКОЙ И СОВЕТУ Г. РИГИ[1].

Godeminnus Lethowinorum Ruthenorumque Rex.

Reuerendis in Christo patribus et dominis Episcopis Tharbatensi [et] Osyliensi, et capitaneo terre Reualiensis, necnon consulibus ciuitatis rygensis, ceterisque omnibus, pacem nobiscum tenentibus amiciciam suam cumplenitudine omnis boni.

Notum facimus vobis omnibus et singulis, et cum dolore cordis nostri conquerimur, quod pax, quae inter nos et vos facta et litteris ex vtraque parte munita, et per dominum papam confirmata, nullis nostris demeritis nunc hostiliter est violata per fratres cruciferos de domo Theuthonica, qui, formam litterarum non seruantes in hoc, vt quum pacem seruare nollent, duobus mensibus eandem ante renunciare deberent, hiis omnibus obmissis, nec attendentes, quod iustum est nobis in terris, dominio nostro subiectis, dampna plurima intulerunt, tanquam homines immemores proprie salutis.

Et primo in hoc quia sinogthones VI. ceperunt, quos oportebat, vt se ab eis redimerent, et duos crudeliter occiderunt.

Item omnes vias tam in terra, quam in aquis suis custodiis munierunt, ita quod nullo a nobis ad vos vel a vobis ad nos valeat transmeare, cum hoc sit directe contra ordinacionem vtrarumque litterarum.

Item de Upiti vnum venatorem occiderunt et duos captos deduxerunt.

Item Woynatoni tres equos abstulerunt, qui ad fratrem, dictum vngnade, sunt deducti.

Item Medelo, castrum nostrum, fere ceperant, si non fuissemus premuniti, sed homines plurimos occiderunt, et alios secum deduxerunt.

Item terram Ploscensem hostiliter vastauerunt, homines et equos rapientes deduxerunt, de quibus partem reddiderunt, et adhuc XX. personas in animarum suarum non modicum detrimentum tenent violenter,

Item eandem terram modo in quadragesima transacta, denuo, tamquam lupi rapaces, octogenta homines ense crudeli confectam[2] necauerunt, quosdam secum deduxerunt, L. equos notabiles, vestes et res alias, quarum numerus sciri non potest.

---

[1] См. РЛА, № 69 = LU, t. VI, № 3074; хранится в Рижском городском государственном архиве — фонд № 2 («Внешний архив») Рижского городского магистрата (коллекция документов), ящик № 18, док. № 24; см. также выше, стр. 306, 393, 423.

[2] Если правильно прочитано в рукописи.

ПОСЛАНИЕ КОРОЛЯ ГЕДИМИНА

(Перевод И. В. Шталь)

Гедимин, король литовцев и русских.

Досточтимым во Христе отцам и господам епископам дерптскому, эзельскому и наместнику земли ревельской, а также ратманам города Риги и всем остальным, пребывающим с нами в мире, шлем свою дружбу и милость.

Мы извещаем вас, всех и каждого, и сетуем с болью в сердце, что мир, который был установлен между нами и скреплен с обеих сторон посланиями и утвержден господином папой, теперь без всякой вины нашей враждебно нарушен крестоносцами — братьями Тевтонского ордена, которые, не соблюдая условий договора и пренебрегая тем, что они должны были уведомить [нас], за два месяца до того, как пожелают нарушить мирный договор, и не задумываясь о справедливости, нанесли огромный ущерб подвластным нам землям, словно люди, забывшие о собственном спасении.

И [они нанесли ущерб] прежде всего тем, что захватили в плен шестерых синогтонов, [?] кого нашли нужным, дабы получить за них выкуп, и двоих безжалостно убили.

Также повсюду на дорогах — и на суше, и на воде — они расставили свою стражу, так что никто ни от вас к нам, ни от нас к вам не может пройти, хотя это противоречит предусмотренному в посланиях с обеих сторон.

Также убили они одного охотника из Упите, а двоих, захватив в плен, увели.

Также похитили они трех коней у Войната [и] отвели их к брату по имени Унгнаде.

Также они, пожалуй, захватили бы нашу крепость Медело, не будь она так сильно укреплена, однако множество людей они убили и многих увели с собой.

Также землю полоцкую они вражески разорили, людей и коней захватили [и] увели; часть из них они вернули, но, к немалому вреду для душ своих, все еще насильно задерживают двадцать человек.

Также ровно сорок дней спустя они снова, словно хищные волки, жестоко опустошили ту же землю, безжалостно убили восемьдесят человек, [а]некоторых увели с собой [вместе с] пятьюдесятью прекрасными конями, одеждой и другим добром, которого не счесть.

Также они приняли около трехсот холопов, подлежащих наказанию, которые бежали из наших владений, и ни одного из них не возвратили.

Таким образом, все [это] и многое другое, о чем рассказывать было бы долго, причинили нам после установления мира, т. е. во время [действия мирного договора] упомянутые братья-крестоносцы, которые ни

Item famulos obnoxios bene[3] ad CCC° qui...[4] dominio nostro fuerunt quos receperunt, nec vnum ex eis reddiderunt,

Ita omnia et plurima alia, que longum esset enarrare, infra ordinacionem et tempore dicte pacis, nobis sunt illata per dictos fratres cruciferos, qui deum non timent, nec homines verentur, tamquam homines qui in potentia sui brachii confidunt. Quo[5] autem pena sit posita hanc pacem violantibus, vobis omnibus patet. Nos igitur iusticiam ac permissum[6] nostrum coram vobis ostendentes eis in nullo aliquam iniuriam fecimus in hanc horam, quod sub specie pacis predicte dampna percepimus infinita, quid vero vltra sit faciendum, aut cum quibus pax sit tenenda, nos de hoc quantocius informetis.

Datum Wilno in die Sancte Trinitatis. In signum credencie sigillum nostrum duximus presentibus apponendum.

Item in hoc fidem violauerunt, quod nunciis nostris securitatem dederunt ad se veniendi, qui postquam venerunt, eos captiuauerunt, excepto L e s s o n e, quem, membris defectis, dimiserunt, reliquis in hodiernum diem nescimus, quid factum sit de eis, equos et omnes res eorum detinentes.

Item, postquam audiuimus ff.[7] dominum archiepiscopum de curia rediisse, nuncium nostrum ad eum misimus, de sanitate sua inquirentes, dictum nuncium suspenderunt.

Item in ordinacione fuit, quod duo castra reddere debebant, videlicet Duneborch et Medizota[8], quod non fecerunt.

Ista omnia predicta dampna percepimus infra tempus dicte pacis.

Insuper vbicunque possunt, hanc pacem nituntur destruere...[9], ad homines nostros pro posse eorum.

Ita quod pax inter nos diu durare non potest, nisi aliam viam ad hoc nueniatis.

---

[3] bene = circiter

[4] Текст стерт, вероятно, должно быть profugi.

[5] Должно быть: que

[6] Должно быть: promissum.

[7] Должно быть: Fridericum.

[8] Т. е. Межотне

[9] Вероятно, — pcio ac pce.

бога не боятся, ни людей не страшатся, как люди, уверенные в своей силе. Но вы все знаете, какая кара постигнет нарушающих этот мир.

Мы же, поступая по справедливости и выполняя данное вам обещание, им доныне ни в чём никакой обиды не нанесли. А так как они под личиной мира нанесли нам безграничный урон, то сообщите нам, как можно скорее, что надлежит после этого делать, или, точнее, с кем поддерживать мир.

Дано в Вильне в день святой Троицы. В знак верности мы почли нужным приложить к этому [посланию] нашу печать.

Также они [крестоносцы] нарушили верность [мирный договор], когда, обещав нашим послам безопасный доступ в свои владения, пришедших захватили в плен, исключая Лессе, которого они, изувечив, отпустили. Что сталось с остальными, мы не знаем по сей день. Лошадей [же] и имущество их удерживают [братья-крестоносцы] в плену.

Также мы после того как услыхали, что господин архиепископ [Фридрих] вернулся из курии, направили к нему, справляясь о его здоровье, нашего посла, [а] они этого посла повесили.

Также было условлено, что они должны вернуть две крепости, а именно Дюнабург и Межотне, чего они не сделали.

Все эти перечисленные убытки мы понесли после [заключения] вышеуказанного мирного договора.

Сверх того они, после установления мира, везде, где только могут, стараются по мере сил лишить наших людей [благ] этого мира.

Так что мир между нами долго сохраняться не сможет, если вы не найдете для этого иного пути.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карты (составил И. А. Голубцов)

Владимир Терентьевич Пашуто

Образование Литовского государства

Утверждено к печати
Институтом истории АН СССР

Редактор издательства *Л. В. Данилова*
Технический редактор *Н. Д. Новичкова*
Корректор *В. К. Гарди*

РИСО АН СССР № 86-18Р. Сдано в набор 10/XII 1958 г.
Подписано к печати 18/IV 1959 г.
Формат $60 \times 92^{1}/_{16}$. Печ. л. $33^{1}/_{4}$. Уч. издат. л. 35,9 вк. 1,3
Тираж 2500 экз.
Т-04813. Изд. № 3373. Тип. зак. № 1227
Цена 24 р. 25 к.

Издательство Академии Наук СССР
Москва Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ и ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
19	17 сн.	Генсьорский	Генсьиорский
86	1 сн.	$Yoigt_1$	$Voigt_1$
148	5 сн.	1325	1324
352	7 сн.	Ягайле	Ягайлом
361	4 св.	защиты	за щиты
416	9 св.	Въсздов	Ездов
418	5 сн.	Окуаи —	Оукаи —
450	10 св.	Brünnekc	Brünneck
510	1 сн.	Heinos	Heinosz
512		л. 144	л. 114

Зак. 1227